

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

в истории и памяти
народов Юга России:
события, участники, символы

Материалы
V Всероссийской научной конференции
с международным участием

г. Ростов-на-Дону
30–31 мая 2024 г.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ:
СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ**

**Материалы V Всероссийской научной конференции
с международным участием
(г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 г.)**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2024

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

В27

Редакционная коллегия:

академик РАН Г.Г. Матишов (отв. редактор),
д.г.н. С.В. Бердников, д.и.н. Е.Ф. Кринко,
к.филол.н. Н.А. Власкина, к.филол.н. Т.Е. Гревцова,
к.и.н. М.В. Медведев, Р.Г. Михалюк

**Великая Отечественная война в истории и памяти
В27 народов Юга России: события, участники, символы:**
материалы V Всероссийской научной конференции с между-
народным участием (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 г.) /
[отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издатель-
ство ЮНЦ РАН, 2024. – 496 с. – ISBN 978-5-4358-0259-7.

В сборнике публикуются научные статьи по материалам докладов, подготовленных для V Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы». В статьях освещаются новые подходы, оценки и источники в изучении событий 1941–1945 гг., боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния, исследуются военная экономика и культура, фронтовая повседневность, оккупационный режим, коллаборационизм и сопротивление противнику, память о войне.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

Редколлегия не несет ответственности за достоверность приводимой авторами информации. Ответственность за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц несут авторы либо лица, их представляющие.

ISBN 978-5-4358-0259-7

© ЮНЦ РАН, 2024

FEDERAL RESEARCH CENTRE
THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

**THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE HISTORY AND MEMORY
OF THE PEOPLES OF THE SOUTH OF RUSSIA:
EVENTS, PARTICIPANTS, AND SYMBOLS**

**Proceedings of the 5th All-Russian Scientific Conference
with an International Component
(Rostov-on-Don, 30–31 May 2024)**

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2024

Editorial Board:

Academician RAS G.G. *Matishov* (Managing Editor),
Dr (Geography) S.V. *Berdnikov*, Dr (History) E.F. *Krinko*,
PhD N.A. *Vlaskina*, PhD T.E. *Grevtsova*,
PhD M.V. *Medvedev*, and R.G. *Mikhalyuk*

M39 Matishov, G.G. (Ed.) (2024). The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols. Proceedings of the 5th All-Russian Scientific Conference with an International Component (Rostov-on-Don, 30–31 May 2024). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 496 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0259-7.

The proceedings volume contains scientific articles written on the basis of presentations given at the 5th All-Russian Scientific Conference with an International Component ‘The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols.’ The articles discuss new approaches to, assessments of, and sources for the study of the events of 1941–1945, hostilities on the southern flank of the Soviet-German confrontation, war economy and culture, frontline everyday life, occupation regime, collaborationism and resistance to the enemy, and the war commemoration.

The publication is intended for researchers, teachers, graduate and undergraduate students, as well as readers interested in the considered issues.

UDC 94(47)07/08(470.6)(063)

The Editorial Board is not liable for the possible inaccuracy of the information provided by the authors. The authors or/and their representatives are responsible for the violation of the third parties intellectual property rights.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2024 г. мы отмечаем 79-летие Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. 80 лет назад советские войска последним из всех регионов Юга России освободили Крым. Это стало важной вехой на пути к победному завершению Великой Отечественной войны, да и Второй мировой войны в целом. Изучение этих и других событий военной истории нашей страны, сохранение о них исторической памяти было и остается важнейшей задачей отечественной науки, а также образования и культуры.

В 300-летний юбилей Российской академии наук стоит также отметить и заслуги Академии наук СССР в деле Победы над нацизмом. Советские ученые – представители математики, физики, химии, медицины, биологии, геологии и многих других наук – помогли всем родам и видам войск в борьбе с врагом. Социальное и гуманитарное знание также оказалось востребовано: труды историков поднимали моральный дух бойцов, экономисты разрабатывали новые методы распределения ресурсов и определения материального ущерба, нанесенного нацистской оккупацией, а ученые-правоведы внесли большой вклад в развитие международного уголовного права. Материалы, собранные Комиссией по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР, по сей день являются важнейшим историческим источником в изучении данной проблематики.

К настоящему времени тема Великой Отечественной войны получила широкое отражение в значительном количестве трудов историков, писателей, журналистов, в художественной литературе и кинематографе, в мемориальной культуре и других формах репрезентации исторического знания. С получением доступа к архивным документам и материалам, ранее имевшим статус засекреченных, общественность узнала много нового не только о событиях самой войны, но и о ее участниках. В наши дни память о войне продолжает оставаться важнейшим элементом национального самосознания современного российского общества. Поэтому необходимо прикладывать все возможные усилия для увековечения подвига поколения победителей. Свою роль в этом призвана сыграть и данная конференция, уже ставшая традиционной.

В оргкомитет V Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории

и памяти народов Юга России: события, участники, символы» поступили заявки и доклады более чем от 100 исследователей. В числе участников – авторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодарского и Ставропольского краев, Архангельской, Брянской, Волгоградской, Новгородской, Псковской, Кемеровской, Курской, Ростовской и Свердловской областей, Донецкой Народной Республики, Кабардино-Балкарской Республики, Луганской Народной Республики, Республики Ингушетии, Республики Калмыкии, Республики Крым, Республики Татарстан, Республики Северной Осетии – Алании, Чеченской Республики, а также из Республики Абхазии, Республики Беларуси, Республики Таджикистан и Республики Сербии. Традиционно участие в конференции принимают представители не только исторической науки, но и других областей знания, академические ученые и преподаватели, аспиранты и студенты, музейные работники и руководители общественных организаций.

Предлагаемый Вашему вниманию сборник материалов конференции подготовлен на основе докладов, представленных в рамках пленарного и секционных заседаний, круглых столов. В них затронуты различные аспекты противостояния противоборствующих сторон на юге страны в 1941–1943 гг., фронтовой повседневности, а также исторической памяти о Великой Отечественной войне. Авторы докладов характеризуют формы помощи советского тыла фронту, вопросы нацистской оккупации, коллаборационизма и сопротивления нацистским захватчикам в годы суровых испытаний. Особенно стоит отметить проблемы материального ущерба и человеческих жертв на территории южных регионов. Во многих работах раскрываются ранее неизвестные факты нацистских злодеяний. Необходимо детально их исследовать и дать им соответствующую правовую оценку.

Организаторы конференции выражают свою признательность всем исследователям, принявшим участие в конференции. Надеюсь, что опубликованные доклады будут способствовать дальнейшей научной разработке проблем военной истории на Юге России.

*Заместитель президента РАН,
научный руководитель ЮНЦ РАН
академик Г.Г. Матишов*

Раздел 1. Новые подходы, оценки и источники в изучении Великой Отечественной войны

Е.Ф. Кринко

БОИ ЗА ДОН И ДОНБАСС В 1942–1943 гг.: ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ¹

В историографии немало внимания уделяется Великой Отечественной войне в целом и ее решающим сражениям, предопределившим общий итог советско-германского противостояния. Но некоторые боевые операции, а также действия на отдельных участках фронта все еще остаются недостаточно изученными. В первую очередь это события первого этапа войны, когда стратегическая инициатива принадлежала вермахту и его союзникам. Решающее значение на данном этапе имел переход советских войск в контрнаступление под Москвой. На юге страны за несколько дней до этого частям Красной армии удалось освободить Ростов-на-Дону, но затем они уперлись в немецкий оборонительный рубеж на р. Миус. Перехватив инициативу у врага, советское командование провело весной 1942 г. целый ряд наступательных операций. Однако многие из них оказались недостаточно подготовленными и привели к крупным потерям советских войск. Вследствие этого противник перешел летом 1942 г. в новое наступление на южном фланге. В ходе Донбасской оборонительной операции (7–24 июля 1942 г.) – составной части Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции (28 июня – 24 июля 1942 г.) – войска Южного и левого фланга Юго-Западного фронтов понесли тяжелые потери, оставив Донбасс и Нижний Дон, но сумели избежать полного уничтожения.

После перехода Красной армии в контрнаступление под Сталинградом и на Кавказе началось освобождение южных регионов

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01642, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

страны. В ходе Среднедонской операции (16–30 декабря 1942 г.) были освобождены северные районы Ростовской области, Ростовской наступательной операции (1 января –18 февраля 1943 г.) – южные районы и Ростов-на-Дону, Ворошиловградской наступательной операции (29 января –18 февраля 1943 г.) – Северный Донбасс и Ворошиловград (в настоящее время – Луганск). Однако преградой дальнейшему советскому наступлению вновь стал Миус-фронт. Осуществлявшиеся во время Курской битвы войсками Юго-Западного и Южного фронтов Изюм-Барвенковская (17–27 июля 1943 г.) и Миусская (17 июля – 2 августа 1943 г.) наступательные операции смогли оттянуть часть немецких танковых соединений, но освобождение западных районов Ростовской области и Донбасса произошло уже в ходе Донбасской стратегической наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.).

Первые исследования и публикации о рассматриваемых событиях появились еще в годы Великой Отечественной войны. Опыт подготовки и боевых действий Красной армии в оборонительных и наступательных операциях 1942–1943 гг. систематизировался и обобщался офицерами – сотрудниками отдела (позже – управления) Генерального штаба Красной армии, а также Главного политического управления, штабов родов и видов войск, отделений по использованию опыта войны в штабах фронтов и армий в целях его оперативного применения в действующей армии. Но выходявшие сборники материалов предназначались для служебного пользования и имели грифы секретности [39 и др.]. Наряду с ними издавались и популярные работы, пропагандировавшие успехи советских войск. Среди них очерки о прорыве Миус-фронта майора В. Величко, освобождении Донбасса полковника А. Карпова и другие публикации [12; 27 и др.].

По окончании войны к данным вопросам продолжали обращаться участники событий, писатели и журналисты [1; 5 и др.] в работах, как правило, публицистического характера. В то же время авторы первых диссертаций, защищенных на материалах отдельных регионов периода Великой Отечественной войны, практически не касались особенностей происходивших на их территории боевых операций и акцентировали внимание на роли партийных организаций в мобилизации усилий всех социальных слоев на борьбу с врагом. Чрезвычайно ограниченной оставалась и источниковая

база исследований: в архивах только шел процесс комплектования фондов.

Со второй половины 1950-х гг. у историков расширился доступ к материалам центральных и региональных архивов, что позволило создать ряд фундаментальных обобщающих трудов по истории войны, в которых оборонительные и наступательные операции на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг. рассматривались в общем контексте боевых действий на юге советско-германского фронта. Так, в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» данные вопросы представлены в параграфе «Оборонительные бои советских войск на воронежском направлении и в Донбассе» второго тома, в параграфах «Освобождение Северного Кавказа», «Разгром противника на Верхнем Дону», «Борьба за освобождение Украины», «Освобождение Донбасса» третьего тома [21; 22]; в «Истории второй мировой войны» – в ряде параграфов главы шестой «Оборона Сталинграда» и седьмой «Оборона Кавказа» пятого тома, главы третьей «Великая победа под Сталинградом» и четвертой «Начало массового изгнания немецко-фашистских захватчиков с советской земли» шестого тома, главы пятой «Общее стратегическое наступление Советской Армии. Завершение освобождения Кавказа» седьмого тома [23–25].

Вышел и ряд специальных трудов, посвященных боевым действиям на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг. Среди них военно-исторический очерк А.Г. Ершова об освобождении Донбасса в ходе зимней и летней кампаний 1943 г. [17], работа Н.А. Буцько и М.А. Мартышевского, в которой рассматриваются оборонительные бои за Донбасс [4], коллективная работа «Огненные рубежи» о боевых действиях на территории Ростовской области с октября 1941 по август 1943 г. [35], документальная повесть писателя А.Ф. Корольченко о прорыве Миус-фронта [29].

Значительно больше публикаций рассказывало об истории частей и соединений, воевавших на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг. Среди авторов было немало участников войны, в том числе занимавших командные должности, использовавших наряду с воспоминаниями значительное количество документальных сведений [2; 15; 20 и др.]. Многочисленную группу работ составили и описания судеб участников сражений на Дону и Донбассе, в первую очередь тех, кто был удостоен за совершенные в них подвиги звания Героя Советского Союза [3; 41 и др.].

О том, что Воронежско-Ворошиловградская и Донбасская операции 1942 г., Ворошиловградская, Среднедонская, Ростовская, Миусская и Донбасская операции 1943 г. сформировались в качестве исследовательских сюжетов в советской историографии Великой Отечественной войны, свидетельствуют соответствующие статьи в фундаментальном справочном труде [11: 177–180, 248–250, 450, 621–622]. Однако специальных исследований о них вышло крайне мало. Показательно, что, например, в качестве литературы к статье о Миусской операции 1943 г. указана упомянутая работа А.Г. Ершова [11: 450], к статье о самом Миус-фронте как оборонительном рубеже – изданный в Донецке путеводитель [11: 451], а в большинстве других статей – обобщающие труды и воспоминания ветеранов войны. К тому же работы советских военных историков создавались преимущественно на основе оперативных документов фронтов и армий без привлечения материалов о планах и составе войск противника и других источников, хранившихся в зарубежных архивах.

В современной российской историографии доступ исследователей к ранее засекреченным документам заметно расширился, авторы стали более свободны в своих оценках и выборе подходов и методов изучения. Бои за Дон и Донбасс представлены в новых обобщающих трудах по истории Великой Отечественной войны, первый из которых вышел в конце 1990-х гг. Оборонительные бои за Дон и Донбасс в 1942 г. рассматриваются в рамках разделов «Новые испытания» и «Оборона Сталинграда и Северного Кавказа» [7: 344–345, 349–352, 369–375] первой книги. Во второй книге в разделе, посвященном разгрому противника под Сталинградом, выделен подраздел «Операция “Малый Сатурн”», достаточно полно характеризующий Среднедонскую операцию [8: 83–94]. В разделе «Освобождение Северного Кавказа» выделен подраздел «Сражения за кубанский плацдарм, Ростов и Малую землю», но фактически освобождение Ростова-на-Дону упоминается в нем в двух строках [8: 127]. В то же время подраздел «Сражение за Донбасс» раздела «Сражения под Воронежем, Харьковом и в Донбассе» начинается с описания того, что «соединения Юго-Западного фронта к концу января вышли на нижнее течение р. Северский Донец, восточнее Ворошиловграда, и захватили плацдарм на его правом берегу, а войска Южного фронта достигли нижнего

течения Дона» [8: 171]. Далее рассматриваются события Ворошиловградской и Ростовской наступательных операций 1943 г. Наряду с их общей характеристикой, приводятся примеры героических действий отдельных соединений, частей и подразделений: 29 военнослужащих 112-й Башкирской кавалерийской дивизии во главе с лейтенантом А. Атаевым в бою под Белой Калитвой [8: 175], 3-го батальона 159-й стрелковой бригады старшего лейтенанта Г.К. Мадояна, державшего шестидневную оборону на ростовском вокзале [8: 176]. О Миусской операции 1943 г. упоминается в разделе «Огненная дуга», посвященном Курской битве [8: 269]. В разделе «Сокрушение Восточного вала» рассматриваются прорыв Миус-фронта и полное освобождение Донбасса [8: 292–294]. Таким образом, в описаниях рассматриваемых операций присутствует некоторая непоследовательность, что, впрочем, вполне объясняется самим жанром данного издания, который определен как военно-исторические очерки.

Наиболее крупная обобщающая работа в российской историографии, посвященная Великой Отечественной войне, вышла к 70-летию Победы. Сама структура издания предопределила то, что описания боевых действий на Дону и в Донбассе в нем занимают меньше места, чем в предыдущих обобщающих трудах. Совсем кратко они представлены в первом томе, посвященном основным событиям войны. Например, о прорыве Миус-фронта и освобождении Донбасса здесь говорится всего в шести строках [9: 436–437]. В третьем томе, названном «Битвы и сражения, изменившие ход войны», наиболее полно представлены операция «Малый Сатурн» [10: 403–410] и освобождение Донбасса [10: 583–585]. Миусская операция 1943 г. упоминается в связи с Курской битвой [10: 560], а о прорыве Миус-фронта рассказывается в двух строках [10: 341].

В то же время в последние годы появился целый ряд специальных исследований, позволяющих говорить о новом этапе и достигнутом уровне в изучении боевых действий на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг. В числе первых следует назвать очерк военного историка А.В. Исаева о боях по прорыву Миус-фронта летом 1943 г. [19] и книгу журналиста, краеведа и ветерана войны Г.К. Пужаева, впервые изданную в 1998 г. и затем дважды переизданную. Она стала первым подробным описанием всех боевых операций по прорыву Миус-фронта в декабре 1941 г., марте

1942 г., феврале, июле и августе 1943 г. [37] Напротив, монография М.А. Жирохова носит в значительной степени компилятивный характер [18].

Особого упоминания заслуживают военно-исторические труды, изданные под руководством академика Г.Г. Матишова [31; 32 и др.], отличающиеся новизной подходов не только в изучении проблемы, но и в представлении материалов исследований. В частности, в них впервые подсчитаны обобщающие данные о потерях советских войск и противника за 1941–1942 и 1943 гг., широко использованы историко-географические методы и методы картографирования, поставлены вопросы об увековечивании памяти об участниках прорыва Миус-фронта.

Представляет несомненный интерес комплексный труд по освобождению Донбасса летом 1943 г., подготовленный коллективом авторов под общей редакцией А.В. Драбкина на основе широкого круга советских и немецких документов, что позволило прийти к новым выводам. Миусская и Изюм-Барвенковская операции, считавшиеся ранее фронтовыми, рассматриваются авторами как первая Донбасская стратегическая операция Южного и Юго-Западного фронтов. Наряду с наземными действиями, немало внимания уделяется сражению в воздухе Донбасса. Кроме того, созданы новые карты, приведены биографические справки на командиров Красной армии и Героев Советского Союза, представленных к этому званию за бои на Донбассе [16].

О дальнейшей институционализации боевых операций на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг. свидетельствует постепенное превращение их в предмет диссертационных исследований. В данной связи можно отметить докторскую диссертацию Дж. Скотони и кандидатскую диссертацию М.В. Медведева, на основе которых были изданы монографии о разгроме 8-й итальянской армии [40] и освобождении Ростовской области в 1943 г. [33].

Новые сведения о боях на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг. вносят и работы по истории отдельных частей и соединений, принимавших в них участие [6; 28; 34; 36 и др.], а также публикации краеведов и поисковиков, сочетающие анализ документов с результатами поисковых исследований [30; 43 и др.]. Так, В.А. Градобоев собрал значительный материал о боевых действиях на территории Константиновского и соседних районов Ростовской области [14],

Д.Н. Санин охарактеризовал бои на Маныче [38], а В.В. Говоровский раскрыл роль Еланского плацдарма [13].

Боевые действия на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг. нашли отражение и в зарубежной, преимущественно немецкой, историографии. К ним обращались авторы обобщающих работ по истории боевых действий на южном фланге советско-германского противостояния [26; 42 и др.], а также историки частей и соединений вермахта, воевавших на данных участках фронта [46 и др.]. Указанные работы нередко отличает альтернативный взгляд «с другой стороны» на рассматриваемые события, широкое использование наряду с немецкими документами, воспоминаний солдат, офицеров и генералов вермахта. В то же время советские источники используются крайне редко.

Англоязычная историография реже обращается к боям на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг., хотя и в ней можно выделить ряд крупных исследований [45]. В то же время они представлены в историографии стран, воевавших в годы Второй мировой войны против СССР на стороне Третьего рейха. В первую очередь надо отметить развивавшуюся более последовательно итальянскую историографию [40; 44 и др.]. В то время как, например, в румынской историографии участие румынских войск в боях против Красной армии в прежние годы замалчивалось, а в последнее время, напротив, стало апологизироваться.

Обращает на себя внимание тесная связь осуществлявшихся на Дону и Донбассе в 1942–1943 гг. оборонительных и наступательных операций. Однако на протяжении длительного периода она не находила соответствующего отражения в историографии и данные события рассматривались обособленно. Оборонительные бои 1942 г. изучались военными историками, как правило, в рамках начальных этапов Сталинградской и Северо-Кавказской оборонительных операций. Причинам и обстоятельствам поражений Красной армии летом 1942 г. в советской историографии не уделялось необходимого внимания. Вплоть до конца 1990-х гг. практически не изучалась Таганрогская (Таганрогско-Покровская) операция Южного фронта (8 марта – 2 апреля 1942 г.). Освобождение Дона и Донбасса в 1943 г. рассматривалось в контексте различных стратегических операций: в рамках Сталинградской наступательной выделялась Среднедонская операция; о боях за Ростов-на-Дону

говорилось как о завершении Северо-Кавказской наступательной операции или преддверии освобождения Донбасса, Миусская операция упоминалась лишь в связи с Курской битвой, а освобождение Донбасса в 1943 г. – в связи с дальнейшим наступлением советских войск на Левобережной Украине. Всё это не позволяло создать полной картины рассматриваемых событий.

Существовал определенный разрыв и в развитии военной и гражданской историографии. Нередко историки из отдельных регионов описывали их в рамках существующих государственных и административных границ. Комплексные исследования появились только в последние годы. Однако немало сюжетов всё еще ждут своего изучения. К ним следует отнести формы и результаты взаимодействия Красной армии с населением Дона и Донбасса в оборонительных и наступательных операциях 1942–1943 гг., а также их отражение в исторической памяти.

Источники и литература

1. Андриасов М.А. Шесть дней. Ростов н/Д., 1947.
2. Антонов В.С. Путь к Берлину. М., 1975.
3. Бессмертные героев имена. Ростов н/Д., 1978.
4. Буцько Н.А., Мартышевский М.А. Подвиг Донбасса. Трудовой и боевой героизм трудящихся Донбасса в первый период Великой Отечественной войны. Киев, 1975.
5. В боях на Донбасс: сборник материалов. Сталино, 1949.
6. В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. 3-е испр. и доп. изд. Элиста, 2003.
7. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998.
8. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 2. Перелом. М., 1998.
9. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М., 2012.
10. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012.
11. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985.
12. Величко В.А. Сокрушение Миус-фронта. Ростов н/Д., 1943.
13. Говоровский В.В. Еланский плацдарм. Нулевой километр дороги на Берлин. Ростов н/Д., 2018.
14. Градобоев В.А. На донском рубеже: 1942 год. Ростов н/Д., 2017.
15. Губин Б.А., Киселев В.Д. Восьмая воздушная. М., 1980.

16. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России / А.В. Исаев, А.А. Полищук, В.С. Карасев, Д.В. Голубев, В.Ю. Носков, Н.А. Смирнов, И.М. Карякин, В.В. Сидоров, А.В. Пекарш, Д.А. Вязов, под общ. ред. А.В. Дробкина. М., 2023.
17. Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. М., 1973.
18. Жирохов М.А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М., 2011.
19. Исаев А.В. Прорыв «Миус-фронта». Июль – август 1943 года / Фронтовая иллюстрация. Периодическое иллюстрированное издание. 2006. № 3.
20. Испытание верности: очерки о героизме воинов, боевом пути 339-й Рост. Таман. Бранденбург. Краснознам. ордена Суворова II степени стрелковой дивизии. 2-е изд., перераб., доп. Ростов н/Д., 1982.
21. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М., 1961.
22. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М., 1961.
23. История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М., 1975.
24. История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 6. Коренной перелом в войне. М., 1976.
25. История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 7. Завершение коренного перелома в войне. М., 1976.
26. Карель П. Восточный фронт: в 2 кн. М., 2003.
27. Карпов А.Я. Освобождение Донбасса. М., 1943.
28. Копылов А.И. 18-я гвардейская танковая бригада в боях за Родину (1942–1945 гг.): люди, события, факты. М., 2021.
29. Корольченко А.Ф. Сокрушение Миус-фронта: документальная повесть. Ростов н/Д., 1978.
30. Кудряков А.Ю. Окопная правда донских степей. Записки поисковика. Ростов н/Д., 2018.
31. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне, 1941/1942 гг., 1943 г. Ростов н/Д., 2010.
32. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д., 2012.
33. Медведев М.В. На ростовском направлении. Южный фронт в боях на Миусе, январь – август 1943 г. М., 2022.
34. Мельников А.Н. Краснознаменная 28-я: о боевом пути 28-й армии в 1942–1945 гг.: документальный очерк. Астрахань, 2006.

35. Огненные рубежи: военно-исторический очерк. Ростов н/Д., 1976.
36. *Очиров У.Б., Заярный С.А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. 2. Элиста, 2018.
37. *Пужаев Г.К.* Кровь и слава Миуса. Таганрог, 2008.
38. *Санин Д.Н.* Боевые рубежи Маныча. Элиста, 2013.
39. Сборник материалов по изучению опыта войны № 7. Июнь – июль 1943 г. М., 1943.
40. *Скотони Дж.* Урок для Муссолини: история боев советских войск против 8-й итальянской армии, 1942–1943 гг. Воронеж, 2016.
41. Твои освободители, Донбасс! Очерки, воспоминания. 5-е изд., доп. Донецк, 1976.
42. *Хаунт В.* Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М., 2006.
43. *Щербанов В.К., Валухова Л.Н.* Ратная слава Дона. Ростов н/Д., 2018.
44. *Bertinaria P.L.* La tragedia italiana sul fronte russo (1941–1943). Rimini, 1997.
45. *Glantz D.* From the Don to the Dnepr: Soviet offensive operations, Decamber 1942 – August 1943. London, 1991.
46. *Rebentisch E.* The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. Mechanicsburg, 2012.

М.А. Стрельников

О ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на примере Сталинградской битвы)

История Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны в частности до сих пор остаются дискуссионными темами как в научных публикациях, так и в общественных обсуждениях. В последнее время названная тематика актуализируется в первую очередь в рамках кризиса системы международных отношений, возникновение которой связано как раз с периодом указанных конфликтов.

Однако эти вопросы вполне можно объединить в связи с наметившимися процессами в историографии [1–3]: устоявшаяся датировка начала и окончания Второй мировой войны с 2000-х гг. определяется как не соответствующая характеру германской внешней политики конца 1930-х гг. и милитаристским планам руководства

Третьего рейха. В то же время, на наш взгляд, необходимость пересмотра хронологии указанного военного конфликта нельзя ограничивать только крайними датами, следует обратить внимание и на рамки отдельных кампаний и сражений. В качестве примера в настоящей статье выступит Сталинградская битва, которая является ключевой в истории как всей Второй мировой войны, так и отдельно Великой Отечественной.

Традиционно Сталинградскую битву ограничивают периодом с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. [4: 421, 561, 569]. На наш взгляд, это не совсем верно, поскольку и до, и после указанных дат в контексте битвы за Сталинград велись боевые действия. Так, Сталинградский фронт (1-го формирования) был сформирован 12 июля 1942 г. [4: 561]. По боевой документации объединения и его частей можно проследить, что уже с этой даты шли боевые действия на дальних подступах к Сталинграду [6: 66; 10: 1–5]. Таким образом, стоит говорить о начале сражения не ранее последней даты.

Решение вопроса о завершении Сталинградской битвы вызывает определенные затруднения: после устоявшейся даты – 2 февраля 1943 г. – бои в городе продолжались более недели. По материалам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) нам удалось установить сопротивление противника как минимум до 10 февраля 1943 г. [7: 169, 171, 175; 8: 169, 176–176 об., 180; 9: 37; 11: 109–111; 12: 49; 13: 71, 75–75 об., 78; 14: 36; 15: 26 об.; 16: 41 об.; 17: 7].

В то же время в личных обсуждениях с исследователями темы автор статьи встречал весьма важное замечание: бои после 2 февраля 1943 г. – это одиночные стычки и (или) неорганизованное сопротивление. Такой комментарий затрагивает важный методологический момент: что считать организованным сопротивлением, а что нет? Например, как расценивать сопротивление тактического подразделения (взвода или отделения) вместе с командиром и личным составом? На этот вопрос автору никто не смог дать разъяснения.

В этой связи нами предлагается следующий подход: считать весь процесс ликвидации окруженной группировки противника в Сталинграде (вплоть до 10 февраля 1943 г., если не выявится более поздняя дата) завершающим эпизодом наступательного этапа Сталинградской битвы.

Если вернуться к вопросу о начале сражения, то окажется, что и его разрешение сопряжено с методологической проблемой: по нашему мнению, необходимо пересмотреть прежнюю советскую систему хронологического деления, поскольку она не учитывает точку зрения противника. Согласно плану «Блау», который определял наступление на Сталинград, днем начала наступления вермахта на юге советско-германского фронта является 28 июня 1942 г. [4: 74]. Именно эту дату можно выдвинуть в качестве начала Сталинградской битвы, поскольку методологически одна из сторон сражения начала боевые действия. В качестве возражения можно встретить точку зрения, что это еще не оборона Сталинграда. Однако никакой обороны города не было до 23 августа 1942 г. – были бои на дальних и ближних подступах.

Подводя итог, стоит сказать, что разрешение указанных вопросов вместе с другой, не менее сложной темой, затрагиваемой автором [5: 191], – о коренном переломе в Великой Отечественной войне – это очень долгий труд, который определит вектор изучения событий первой половины XX в. на ближайшее десятилетие и, возможно, ликвидирует методологические упущения советской историографии. Данное исследование нельзя назвать окончательным – автором оно рассматривается как начальное и скорее как приглашение к дискуссии.

Источники и литература

1. Гросул В.Я. Когда началась Вторая мировая война. Обзор отечественной литературы // Политическое просвещение. 2015. № 1 (84). URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=4122&journal=168> (дата обращения: 03.04.2024).

2. Иливский Н.В. Дискуссионные проблемы периодизации Второй мировой войны // 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке: материалы Международной научной конференции (Москва, 3 сентября 2020 г.). М.; СПб., 2020. С. 125–132.

3. Иливский Н.В. «Ab ovo» или когда же началась Вторая мировая война? // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 4 (25). С. 38.

4. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 гг.: энциклопедия / под ред. М.М. Загоруйко. 7-е изд., доп. Волгоград, 2017.

5. Стрельников М.А. Сталинградская битва: проблематика вопроса // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне (Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.): в 3 ч. Ч. 2. Волгоград, 2020. С. 189–193.

6. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 9.
7. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 112.
8. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 113.
9. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5510. Д. 83.
10. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 36.
11. ЦАМО РФ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 19.
12. ЦАМО РФ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 21.
13. ЦАМО РФ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 28.
14. ЦАМО РФ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 38.
15. ЦАМО РФ. Ф. 6679. Оп. 162372. Д. 1.
16. ЦАМО РФ. Ф. 6700. Оп. 130320. Д. 1.
17. ЦАМО РФ. Ф. 10966. Оп. 1. Д. 20.

В.Н. Якунин

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ (1980-е – начало 2000-х гг.)

Начало развития отечественной историографии нового этапа отношений между Русской православной церковью (далее – РПЦ) и Советским государством можно отнести к первым неделям войны, когда И.В. Сталин через своего секретаря А.Н. Поскрёбышева поручил руководителю Союза воинствующих безбожников Е.М. Ярославскому отметить патриотическую позицию верующих в печати. Сталин понимал необходимость подчеркнуть сплоченность всех советских людей в борьбе с общим врагом – фашизмом, показать единение народа без различия национальности и вероисповедания. Для Е.М. Ярославского это была задача, поставившая его в трудное положение, ведь до сих пор он публиковал лишь атеистические работы и сам был штатным атеистом. 2 сентября 1941 г. он подготовил для печати статью «Почему религиозные люди против Гитлера», подписав ее псевдонимом Каций Адамиани. Первоначально эту статью предполагалось распространить только среди зарубежных читателей. В ней Ярославский высоко оценивал новую патриотическую позицию церквей и религиозных организаций Советского Союза [14: 3–4].

Дальнейшие исследования о роли Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны имели свою специфику на каждом из этапов, которые автор настоящей статьи подробно характеризует в другой своей работе [23]. В данной же публикации внимание будет сконцентрировано на исследованиях, выходявших из печати с конца 1980-х до начала 2000-х гг.

Интересно сопоставить взгляды М.И. Одинцова на патриотическую деятельность Церкви в годы Великой Отечественной войны и изменение государственно-церковных отношений на примере двух его диссертаций: на соискание ученой степени кандидата философских наук и ученой степени доктора исторических наук [9; 10]. В первой работе автор признает, что в военные годы Церковь вела патриотическую деятельность и советское правительство ее высоко оценивало, и делает вывод, что в Великой Отечественной войне не Церковь, а Коммунистическая партия Советского Союза формулировала моральные условия победы [10: 102–110].

В докторской диссертации М.И. Одинцов утверждает, что, хотя в военные годы антирелигиозная пропаганда была ослаблена и государственно-церковные отношения постепенно нормализовались, всё же в высших эшелонах партии и государственной власти сохранялось определенное противостояние различных групп по отношению к сущности и направленности церковной политики государства. Диссертант указывает на то, что, несмотря на «религиозное возрождение» РПЦ, положительные изменения затронули далеко не все конфессии, нередко в союзных республиках новый курс центра проводился со значительными отступлениями. Автор делает вывод, что на протяжении XX в. в России шел, то нарастая, то приостанавливаясь и даже откатываясь далеко назад, процесс демократизации государственно-церковных отношений. Этот факт диссертант объясняет результатом борьбы в российском обществе демократических сил, которые передавали от поколения к поколению, как эстафету, идеи свободы совести и вероисповедания [9: 25–44].

М.М. Копаница патриотическую деятельность РПЦ в 1941–1945 гг. объяснял инстинктом самосохранения [5]. Среди исследователей были и те, кто считал, что религия и патриотизм вступали в непримиримое противоречие [16: 259]. И.В. Риффель делает вывод, что в военные годы в армии, как в стране в целом, приветствовали новую религиозную политику государства [13].

В ряде работ исследовательские рамки сужаются на основе географического или административного факторов. В докторской диссертации О.Ю. Васильевой [1] проанализированы особенности религиозной жизни и освещены основные направления нацистской церковной политики на оккупированной территории Советского Союза. При этом приоритет отдан работе Псковской православной миссии и деятельности экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского), освещается положение церковных дел в Белоруссии и на Украине.

В диссертации Т.А. Чумаченко основное внимание уделено организации и работе Совета по делам РПЦ и его уполномоченных в 1940-х – первой половине 1950-х гг. [20]. Автор отмечает, что с началом войны стала очевидной несостоятельность государственного курса в отношении религии и церкви, при котором последняя рассматривалась не столько как мировоззренческий, сколько как политический противник существующей власти.

К решению о необходимости формирования новой политики по отношению к РПЦ И.В. Сталина и его окружение привел комплекс внутри- и внешнеполитических причин. Благодаря государственной поддержке, РПЦ значительно укрепила свое положение. Т.А. Чумаченко высоко оценивает роль Совета по делам РПЦ в деле становления новых отношений между Советским государством и Церковью. Вместе с тем она пишет о неоднозначном восприятии новой политики правительства в отношении религиозных организаций партийно-государственным аппаратом на местах, практически повсеместно тормозившим процесс открытия новых православных храмов и молитвенных домов.

Автор исследует соотношение собственно государственной церковной политики с политикой партийной; степень самостоятельности позиции руководства Совета по делам РПЦ в вопросах взаимоотношения с Церковью и влияние его позиции на формирование и осуществление государственной церковной политики; место и роль Церкви (ее руководства, высшего и рядового духовенства, верующих) в двустороннем процессе становления и эволюции взаимоотношений с Советским государством [20].

Т.А. Чумаченко полагает, что положение РПЦ и характер ее отношений с государственной властью внутри страны всецело зависели от того, насколько успешной в смысле интересов советского

руководства была деятельность церкви на международной арене. За активную и откровенно просталинскую внешнеполитическую деятельность православная церковь внутри страны получала относительную свободу. Но свобода эта была относительной [19: 55].

В кандидатской диссертации А.В. Гущиной основное внимание уделено такой проблеме, как эволюция отношений государства и РПЦ в годы Великой Отечественной войны. Автор анализирует государственную политику национального единства, опирающуюся на возрождение национальных и патриотических ценностей, как основу компромисса власти и Церкви. Вместе с тем вызывает сомнение ее утверждение, что оккупационные власти будто бы были заинтересованы в поддержке Церкви. Скорее, они пытались использовать религиозные организации в своих целях. А.В. Гущина приводит факты, когда позиция местных руководителей по вопросам религии и Церкви не соответствовала общей линии власти. В то же время, как отмечается в диссертации, внутри самой РПЦ не было полного единства по ряду важных вопросов ее развития и взаимоотношений с государством [3].

Л.Г. Сахарова изучила региональные аспекты проблемы государственно-церковных отношений в 1941–1945 гг. на примере Горьковской и Кировской областей, исследовала систему контроля местных органов власти за деятельностью РПЦ и ее оппозиционных течений, обобщила вклад верующих в дело разгрома фашизма [15].

Характеризуя советскую историографию проблемы, И.Я. Шимон утверждает, будто бы исследователи при изучении отношений государства и Церкви в военный период не использовали системный подход, «исходя из классовых принципов» [21: 292–293]. Следует отметить, что уже в конце 1980-х гг. появились довольно серьезные, объективные исследования по проблеме, а в 1990 г. вышла первая диссертация. И, конечно же, ни о каком классовом подходе там речи не шло.

Л.В. Тюрина отмечает, что, реализуя решения Соборов 1943 и 1945 гг., руководство РПЦ не только вывело Московскую патриархию из того кризиса, в котором она находилась в 1920–1930-е гг., но и добилось определенной стабилизации церковной жизни на местах [17].

В книге М.В. Шкаровского подробно исследована проблема аргументации смены курса религиозной политики советского

правительства в 1940-е гг. Как и Т.А. Чумаченко, М.В. Шкаровский отмечает, что Московская патриархия расценивалась руководством СССР прежде всего как инструмент государственной внешней политики – в разные периоды более или менее важный. До 1948 г. Советский Союз не располагал ядерным оружием, и сталинское окружение для реализации своих далеко идущих планов вынуждено было использовать другие средства, в том числе небезуспешно церковные каналы [22: 9].

Нельзя не согласиться с выводом автора, что при всех колебаниях внешнеполитической активности РПЦ изменение ее роли на международной арене сразу же оказывало влияние на положение в своем Отечестве, большей частью определяя его. В сложившихся относительно благоприятных условиях РПЦ сумела заметно расширить свое влияние в стране [22: 331, 394].

М.В. Шкаровский уделяет внимание катакомбному и иосифлянскому движению в Церкви. В советской и российской историографии не было работ, специально посвященных этой теме. Специальным вопросом исследования М.В. Шкаровского были взаимоотношения Московской патриархии с Советским государством. Ее руководство в начале 1940-х гг. вынужденно пошло на частичное исполнение отведенной ему государством роли, преследуя цели возродить РПЦ из руин, сохранить ее целостность. Иерархи Церкви были заинтересованы в государственной поддержке борьбы с расколами, а государству, в свою очередь, нужна была подконтрольная организация, вписанная в жесткую структуру «национальной империи». Но, сблизившись с государством и согласившись на его помощь в преодолении внутренних расколов, РПЦ взяла на себя и ответственность за методы преодоления внутренних нестроений этим государством. Церковные иерархи не могли не знать о репрессивном характере таких методов.

М.В. Шкаровский считает, что и для зарубежных, и для современных российских историков в основном характерно выделение неоправданно продолжительных по времени этапов в периодизации государственной религиозной политики в СССР. М.В. Шкаровский выделяет два этапа, захватывающих период Великой Отечественной войны: 1939–1943 и 1943–1948 гг.

Ю.А. Перчиков объясняет причины появления 28 ноября 1943 г. постановления Совета народных комиссаров СССР «О порядке

открытия церквей» тремя факторами: внутренними, внешними и идеологическими. Ю.А. Перчиков полагает, что помощь армии, духовная сплоченность людей в тылу могла быть гораздо весомее, если бы отношение государства и его руководителей к церкви, священнослужителям и верующим было более внимательным и лояльным [12: 385].

Получила новое звучание тема положения и деятельности РПЦ на оккупированных фашистами территориях СССР. Н.И. Кондакова отмечает стремление противника расколоть население на оккупированной советской территории на враждующие группы по национальному, религиозному, политическому признакам. Фашистами делалось всё для того, чтобы искоренить историческую память народа, его духовную культуру, национальное самосознание [4: 47].

М.И. Одинцов утверждает, что немецкая оккупационная власть поддерживала тех православных иерархов в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, которые выступили против Московской патриархии, объявили о своем намерении образовать некие автокефальные церковные организации [9]. Отметим, что религиозная политика нацистов была достаточно гибкой. Если захватчики поддерживали создание Украинской автокефальной церкви, которая пользовалась успехом у части националистически настроенного населения, и добивались создания Белорусской автокефальной церкви, то в Прибалтике они не препятствовали митрополиту Сергию (Воскресенскому) пребывать в юрисдикции Московской патриархии. Более того, в Латвии, когда митрополит Августин вышел из подчинения экзарха Сергия и направил оккупационным властям просьбу разрешить восстановление автокефальной Латвийской православной церкви под юрисдикцией константинопольского патриарха, рейхскомиссар Остланда Лозе распорядился, чтобы он сдал все церковные дела назначенному экзархом Сергием епископу Александру (Витолу).

А.Н. Лещинский также считает, что действия митрополита Сергия (Воскресенского), оставшегося со своей паствой в оккупированной Риге, совпадали с тем направлением, родоначальником которого стал патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский), получившим название «сергианства» [7]. Автор подразделяет духовенство религиозных миссий на оккупированных территориях на пять категорий: миссионеров, прибывших

из Берлина, Рима, Бухареста и других городов Европы; белоэмигрантское духовенство; немецких агентов, действовавших на советской территории еще до ее оккупации; лиц из числа священнослужителей, завербованных в период войны на службу к оккупантам; священнослужителей, оставшихся в юрисдикции Московской патриархии, но временно действовавших автономно от нее. Представители первых четырех групп направлялись не только с целью возрождать религиозную жизнь на оккупированных землях, но и проводить политику гитлеризации религиозных объединений, а в Транснистрии – их румынизацию. При этом А.Н. Лещинский уточняет, что на Украине, в Прибалтике, Новгородской области обходились в основном сохранившимися кадрами местного духовенства. Наиболее активно миссии действовали, по его мнению, на территории Псковской области и Транснистрии [7].

Вызывает сомнение утверждение А.И. Перельгина, что оккупационные власти стремились полностью восстановить дореволюционную роль Церкви в жизни населения [11]. Фашисты просто воспользовались тем, что в 1920–1930-е гг. на Церковь и верующих в СССР велись гонения, и для завоевания симпатии местного населения не препятствовали открытию церквей. Автор попытался проанализировать деятельность православных общин Орловщины в условиях оккупации.

В 1990-е гг. стала популярна тема духовного потенциала победы. С.А. Мозговой указывает на то, что в войну советский народ вступил духовно целостным и неразобренным, сохранившим душу христианина и «одухотворенным созиданием социалистического строительства», что явилось одним из главных факторов нашей победы [8].

М.А. Вылцан считает, что стойкость и терпение, проявленные крестьянством в годы войны, не в последнюю очередь объясняются влиянием РПЦ и религии. По его мнению, несмотря на годы воинствующего атеизма, варварского разрушения церквей и храмов, преследования священнослужителей, корни глубокой религиозности русского и других народов, населявших нашу страну, не были уничтожены [2: 206].

Современные российские «антисергиане» – принципиальные противники компромиссного курса Патриархии, заложенного митрополитом Сергием (Страгородским), считают, что само

установление и развитие советского тоталитаризма было тесно связано с позицией патриаршей Церкви. Так, З.А. Крахмальникова полагает, что культ И.В. Сталина был бы ущербным без участия в нем священнослужителей. В результате якобы произошел неожиданный и, казалось бы, невозможный синтез двух религиозных систем: сталинизма как языческого обожествления тирана и сергианства [6]. Представители катакомбного движения еще более жестко оценивают Московскую патриархию как антихристову лжецерковь.

Е.Л. Храмова отмечает необходимость специальных документальных изданий о деятельности РПЦ и других религиозных конфессий в 1941–1945 гг. По ее мнению, восполнить существующие пробелы в отечественной историографии поможет дальнейшее расширение источниковой базы, особенно получение доступа к архивам Федеральной службы безопасности, прокуратуры и других ведомств [18].

Подытоживая, отметим, что 1980–1990-е гг. были временем активных исследований в области церковной истории. Авторы раскрывали темы взаимоотношений Советского государства и РПЦ в целом и религиозных организаций в частности, обращались к специфике этих отношений в разных регионах России, роли Церкви во внешней и внутренней политике СССР, деятельности Церкви на оккупированных территориях и ее вкладу в общее дело победы над фашизмом.

Источники и литература

1. *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
2. *Выльцан М.А.* Церковь и крестьянство в годы Великой Отечественной войны // Новые страницы истории Отечества (по материалам Северного Кавказа). Вып. 1. Ставрополь, 1996. С. 206–222.
3. *Гущина А.В.* Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
4. *Кондакова Н.И.* Церковь в условиях Великой Отечественной войны // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы «круглого стола», посвященного 50-летию Победы, 13 апреля 1995 г. М., 1995. С. 43–48.
5. *Копаница М.М.* Современные социальные концепции русского православия. Харьков, 1988.

6. Крахмальникова З.А. В поисках обещанного рая (очерки по истории Русской православной церкви XX века). М., 1993.

7. Лещинский А.Н. Религиозные объединения и миссии на оккупированной территории // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы «круглого стола», посвященного 50-летию Победы, 13 апреля 1995 г. М., 1995. С. 102–110.

8. Мозговой С.А. Религиозный фактор как один из источников победы советского народа в годы Великой Отечественной войны // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы «круглого стола», посвященные 50-летию Победы, 13 апреля 1995 г. М., 1995. С. 95–101.

9. Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996.

10. Одинцов М.И. Критика концепции «христианского патриотизма» Русской православной церкви: дис. ... канд. филос. наук. М., 1987.

11. Перелыгин А.И. Русская православная церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1995. № 4. С. 126–136.

12. Перчиков Ю.А. Из истории Русской православной церкви накануне и в годы Великой Отечественной войны // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: материалы международной научной конференции. Т. 1. Киров, 1996. С. 380–391.

13. Риффель И.В. Государственная религиозная политика в Вооруженных силах России в XX веке: дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 1999.

14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 92.

15. Сахарова Л.Г. Государственная политика по отношению к Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: по материалам Горьковской и Кировской областей: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2000.

16. Терещенко Ю. Идеи патриотизма в этической концепции церкви // Православие и современность. Киев, 1988. С. 249–261.

17. Тюрина Л.В. Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917–2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000.

18. Храмкова Е.Л. Деятельность Русской православной церкви периода Великой Отечественной войны в монографических и диссертационных исследованиях 80–90-х гг. // Иоанновские чтения. Самара, 1997. С. 28–33.

19. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.

20. Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская православная церковь: история взаимоотношений (40-е – первая половина 50-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
21. Шимон И.Я. Отношения Советского государства и Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.
22. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 1999.
23. Якунин В.Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография и источниковедение проблемы. Самара, 2002.

В.С. Христофоров

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ПОИСКА ДОКУМЕНТОВ

Несмотря на то что Великая Отечественная война закончилась почти 80 лет назад, изучение проблемы военного плена и установление судеб советских военнопленных сохраняет свою актуальность и имеет научную и практическую значимость. Особое значение при изучении истории военного плена имеет поиск и введение в научный оборот ранее неизвестных источников, в том числе документов советской контрразведки.

Цель нашей статьи – показать, как формировались документы по советским военнопленным периода Великой Отечественной войны, обозначить места их хранения в российских архивах, охарактеризовать особенности поиска и использования.

В числе российских авторов, занимающихся изучением вопросов военного плена, следует назвать В.Ю. Альбова, В.Н. Земскова, М.М. Паникар, П.М. Поляна и других [1; 7; 10; 12]. Историей советских военнопленных занимаются и иностранные исследователи Р. Келлер, Р. Отто, М.Н. Солейм, Д. Стратиевский, А. Шнеер, К. Штрайт [9; 14; 22–25]. Определенный вклад в изучение этой важной темы внес и автор статьи [15–18; 21]. Ценная информация о советских военнопленных содержится в опубликованных в сборниках документов из российских архивов, дневниках и воспоминаниях, написанных советскими гражданами, побывавшими в плену [2; 5; 11; 13].

Длительное идеологическое и военное противостояние Советского Союза со странами Запада оказало влияние на отношение в общества к бывшим советским военнопленным, бесосновательно обвиненным в сотрудничестве с противником. Специальные службы нацистской Германии, а также Финляндии проводили широкомасштабные мероприятия по массовой вербовке советских военнопленных, ускоренному их обучению основам взрывного дела, радиосвязи, и перебрасывали их в тыл действующей Красной армии для совершения диверсий и ведения разведки.

Советские военнослужащие находились в экстремальных условиях в лагерях для военнопленных: непосильная работа, плохое питание, отсутствие лекарственных препаратов и врачебной помощи – всё это сопровождалось высоким ростом количества заболевших и умерших. Жестокое обращение лагерной администрации также увеличивало уровень смертности [22: 299–308; 315–335]. Находясь в нечеловеческих условиях, некоторые советские военнопленные для того, чтобы выжить, стали сотрудничать с администрацией лагерей [5: 286, 400, 440–443; 18].

Всё это и послужило основанием для организации тотальной проверки всех советских военнослужащих, возвращавшихся из плена. Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 27 декабря 1941 г. предусматривалось создание системы проверки советских военнослужащих, возвращавшихся из плена или из окружения [3: 112–112 об.].

В конце войны круг лиц, подвергавшийся обязательной проверке, расширился. В него были включены все граждане, достигшие совершеннолетнего возраста, возвращавшиеся из плена, ранее угнанные на принудительные работы, находившиеся в окружении. Проверка проводилась в проверочно-фильтрационных лагерях, на проверочно-фильтрационных пунктах или на сборно-проверочных пунктах [17].

По подсчетам российских экспертов, за период Великой Отечественной войны 4,59 млн военнослужащих пропали без вести или попали в плен к противнику. Из плена в СССР возвратились 1 836 562 человек, не пожелали возвращаться и выехали в другие страны около 180 тысяч бывших советских военнопленных. После проведения проверки (фильтрации) 659 190 человек (42,82 %) направлены для службы в Красную армию; 344 448 человек (22,37 %) –

в рабочие батальоны; 281 780 (18,31 %) – к месту проживания; 27 930 (1,81 %) – на работы при воинских частях и учреждениях за границей; 226 127 (14,69 %) человек – в Народный комиссариат внутренних дел (далее – НКВД) для дальнейшей проверки [4: 50–52].

Столь масштабная проверка бывших военнопленных и тотальная подозрительность привели к тому, что необоснованно были обвинены более сотни тысяч ни в чем не виновных советских военнослужащих, ничем не запятнавших себя в плену. Прошло много лет, прежде чем они были признаны невиновными и реабилитированы.

Поиск документов, касающихся судеб советских военнопленных, и установление их судеб представляет собой непростую задачу по нескольким причинам, связанным с выявлением и классификацией мест хранения таких документов, организации доступа к архивным материалам.

В ходе проверки (филтрации) составлялись следующие документы: анкета на проверяемого, листы опроса (допроса) проверяемого и свидетелей, автобиография, протоколы опознаний, объяснительные записки, служебная переписка, заключение проверочной комиссии, трофейные карточки. Собранные материалы объединялись в проверочно-филтрационное дело. Филтрационные дела сдавались на хранение в спецотделы НКВД – Министерства государственной безопасности СССР. Отдельные материалы приобщались в дела переписки органов контрразведки «Смерш» или территориальных органов госбезопасности.

В случае необходимости проводилась дополнительная проверка и могло заводиться новое филтрационное дело. Практика работы с архивными материалами свидетельствует о том, что на отдельных военнопленных имеется по 3–4 филтрационных дела.

Особенности хранения материалов филтрационных дел и трофейных карточек. Многолетний опыт работы с архивными фондами органов безопасности свидетельствует о том, что поиск места хранения материалов филтрационных дел чрезвычайно затруднен. Связано это с несколькими причинами.

Во-первых, в процессе реорганизации советских спецслужб, которая в 1941–1946 гг. проводилась четыре раза, архивы подверглись объединению или разделению по ведомственному принципу. Это привело к тому, что документы органов безопасности

в современных условиях хранятся в разных государственных и ведомственных архивах [19; 20].

Во-вторых, в ноябре 1961 г. было принято решение о новом порядке хранения фильтрационных материалов, что привело к перемещению огромных по объему комплексов архивных дел и передаче их на постоянное хранение в территориальные органы госбезопасности. Фильтрационные дела направлялись в различные регионы страны, при этом архивистам было рекомендовано руководствоваться следующими принципами:

- направлять материалы проверки на бывших военнослужащих на хранение в органы безопасности по месту призыва на военную службу или по месту их рождения (если отсутствовали данные о месте призыва);

- направлять материалы проверки на гражданских лиц на хранение в органы безопасности по месту проживания на момент принудительного угона за границу.

Однако названные принципы направления фильтрационных дел на хранения в архивы не всегда соблюдались. Нередко материалы государственной проверки можно обнаружить в органах безопасности по месту жительства, избранному гражданами после освобождения из плена, или по месту отбытия уголовного наказания, если таковое к ним применялось.

Одним из многочисленных примеров поиска информации служит обращение в правительство Российской Федерации жителя Республики Карелия Я.Ю.А. с просьбой помочь в розыске архивных документов, подтверждающих пребывание его отца Я.А.К. на территории Норвегии в одном из лагерей военнопленных. Автор обращения более шести лет самостоятельно вел поиск этой информации. В материалах переписки, которую он вел с различными архивами (российскими, немецкими, финскими и норвежскими), содержалось около 50 листов документов. Материалы проверки отсутствовали как по месту рождения и призыва Я.А.К. в действующую армию, так и по месту прохождения фильтрации (в Республике Башкортостан). Не было документов и в Центральном архиве Министерства обороны РФ.

В ходе проведенной дополнительной проверки экспертами было установлено, что фильтрационное дело Я.А.К. находится на хранении в Республике Татарстан (в Центральном государственном архиве

историко-политической документации) – по месту прохождения им военной службы после проведения государственной проверки.

В 1991 г. распался Советский Союз и образовались 15 самостоятельных государств со своими национальными спецслужбами, каждая из которых по-разному определяла судьбу материалов государственной проверки.

В 1992 г., после выхода в свет указа президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, органы безопасности Российской Федерации начали передачу архивных материалов на государственное хранение. В результате более чем в 40 субъектах Федерации фонды фильтрационных дел и трофейные карточки были переданы на хранение в государственные архивы [6].

В государствах Балтии и на Украине документальные материалы по советским военнопленным практически полностью переданы на государственное хранение. С учетом современных реалий мы рекомендуем для получения информации о бывших советских военнопленных обращаться в архивы стран Балтии, Украины, Молдовы через Российское общество Красного Креста.

В Грузии в 1991–1992 гг. в результате пожаров практически полностью были уничтожены архивные материалы бывшего Комитета государственной безопасности Грузинской ССР, в том числе материалы фильтрации советских военнопленных, что делает невозможным поиск соответствующих документов.

В других государствах Содружества Независимых Государств фильтрационные материалы на бывших советских военнопленных хранятся в архивах национальных органов безопасности.

В России работа по установлению судеб советских военнопленных и пропавших без вести ведется бессистемно, в большей степени благодаря энтузиазму исследователей, она практически не координируется на государственном уровне. Созданные на разных уровнях комиссии, научные советы и общества в большей степени занимаются этими вопросами формально. Всё это привело к тому, что спустя почти 80 лет после окончания войны не установлены судьбы сотен тысяч советских военнослужащих.

Некоторые рекомендации по поиску информации о советских военнопленных в российских архивах. По нашему мнению, начинать поиск информации следует с обращения к обобщенному банку данных «Мемориал», созданному в 2007 г. по инициативе

Министерства обороны России для оказания помощи в поиске информации о погибших, умерших от ран или пропавших без вести, определения мест их захоронений [8].

Второй шаг – обращение в государственный или ведомственный архив. При обращении желательно сообщить максимально известную информацию о бывшем советском военнопленном: где был в плену, время и место проведения фильтрации, место работы или воинской службы после прохождения проверки.

Для ускорения процедуры поиска интересующих сведений, на наш взгляд, целесообразнее обращаться в органы безопасности по месту призыва военнослужащего в действующую армию и по месту жительства после возвращения на Родину. К сожалению, до сих пор не имеется полных списков военнослужащих, в которых были бы указаны места и сроки их содержания в плену или места прохождения фильтрации. Эта информация имеется лишь в отношении тех граждан, которые подозревались в совершении государственных преступлений, в пособничестве немецко-фашистским оккупантам. С учетом того, что через проверочно-фильтрационные лагеря за один-два месяца проходили десятки тысяч военнопленных, а отделы контрразведки «Смерш» в силу небольшой штатной численности работали в ускоренном режиме, вероятность получения полной и исчерпывающей информации из фильтрационных дел незначительна. Тем не менее сотрудники архивов внимательно рассматривают каждое обращение, дают максимально возможную информацию и в каждом конкретном случае оказывают помощь в организации дальнейшего поиска архивных материалов.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что документы и материалы о советских военнопленных рассредоточены в нескольких десятках государственных и ведомственных архивов России, в архивах Германии и бывших республик СССР. Выявление и введение в научный оборот новых источников информации является не только научной задачей российских исследователей, но и их гражданским долгом.

Источники и литература

1. *Альбов В.Ю.* Советские пленные второй мировой войны: по архивным материалам Нижегородской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004.

2. *Апель Ю.А.* Доходяга: воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945). М., 2009.
3. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 50. Д. 265.
4. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М., 2010.
5. Война глазами военнопленных: красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. (по рассекреченным документам советской контрразведки, хранящимся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области): сборник документов. 2-е изд., с изм. и доп. Пермь, 2008.
6. Документы о нахождении в плену и насильственном вывозе советских граждан в 1941–1945 гг. URL: <https://rusarchives.ru/socialno-pravovye-zaprosy/dokumenty-o-nahozhdenii-v-plenu-i-nasilstvennom-vyvoze-grazhdan> (дата обращения: 04.02.2024).
7. *Земсков В.Н.* Народ и война: Страницы истории советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 2014.
8. Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru> (дата обращения: 07.02.2024).
9. *Отто Р., Келлер Р.* Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / пер. с нем. Л.В. Ланника и Н.А. Власова. М., 2020.
10. *Паникар М.М.* Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008.
11. *Полян П.М.* «Если только буду жив...»: 12 дневников военных лет. СПб., 2021.
12. *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / предисл. Д. Гранина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
13. Советские пленные в Норвегии в годы Великой Отечественной войны: документы и исследования: сборник / сост. М.В. Батшев. М., 2021.
14. *Солейм М.Н.* Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 годах: численность, организация и репатриация. М., 2012.
15. *Христофоров В.С.* Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 11–16.
16. *Христофоров В.С.* Военнопленные Великой Отечественной войны: в «плени» исторической памяти // Вторая мировая и Великая Отечественная: к 75-летию окончания. Материалы международной научной конференции (Москва, 28–30 сентября 2020 г.). М., 2021. С. 191–198.
17. *Христофоров В.С.* Государственная проверка (фильтрация) советских военнопленных во время Великой Отечественной войны и в первые

послевоенные годы // Несломленный народ. От общей победы – к общей исторической памяти. М., 2021. С. 513–525.

18. *Христофоров В.С.* Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–72.

19. *Христофоров В.С.* Материалы Центрального архива ФСБ России периода Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2005. № 3 (87). С. 42–52.

20. *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. Документы архивов ФСБ России // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 34–52.

21. *Христофоров В.С.* Советские военнопленные периода Великой Отечественной войны (1941–1945): проблемы сохранения исторической памяти, поиска и оцифровки архивных документов // Труды Института российской истории РАН. Вып. 17. М., 2023. С. 162–189.

22. *Шнеер А.И.* Плен. Солдаты и офицеры Красной Армии в немецком плену. М., 2022.

23. *Штрайт К.* «Они нам не товарищи»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова. М., 2009.

24. *Keller R.* Sowjetischer Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42: Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen, 2011.

25. *Stratievski D.* Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland und ihre Rückkehr in die UdSSR. Berlin, 2008.

О.А. Шпрингер

**ПОСЛЕВОЕННЫЕ НАГРАДНЫЕ ЛИСТЫ
КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ПЛЕНЕ
(на примере бывших военнопленных Шталага 386 г. Шахты)**

Изучение судеб военнопленных, прошедших немецкие лагеря на оккупированной территории СССР, сопряжено с трудностями при поиске информации. Привлечение данных, представленных в послевоенных наградных листах, позволяет воссоздать фрагменты трагической и героической истории Великой Отечественной войны. Безусловно, отдельные сведения, в том числе записанные со слов награждаемого, могут быть неполными или частично недостоверными в силу разных причин, но это не умаляет значения данного источника.

Лагерь для советских военнопленных Шталаг 386 располагался в оккупированном немцами г. Шахты Ростовской области. Известны некоторые имена прошедших его воинов, как доживших до Победы, так и погибших в плену. Эти сведения зафиксированы в сохранившихся транзитных («зеленых») картах военнопленных [2], а также в советском конспект-переводе лазаретного журнала [1], принадлежность которого к Шталагу 386 доказана [15; 16; 20].

Знаковой фигурой в истории Шталага 386 является офицер Николай Васильевич Анфиногенов, 1922 г.р., чья судьба открывается по нескольким источникам, которые согласуются друг с другом при сравнительном анализе. В обобщенном банке данных (далее – ОБД) «Мемориал» есть его транзитная («зеленая») карта пленного Шталага 386, где он записан с небольшим искажением фамилии – как Афиногенов, младший лейтенант, плененный 30 августа 1942 г. под Сталинградом [3]. Этот воин упоминается также в лазаретном журнале: поступил в лазарет 6 сентября 1942 г., выписан в лагерь 18 сентября 1942 г. [1: 75]. Н.В. Анфиногенов пережил плен и после войны (приблизительно в 1965 г.) написал школьникам г. Шахты письмо, которое сейчас хранится в музее школы № 5 [13]. В частности, он поведал, что был тяжело ранен в боях под Сталинградом, пленен немцами и с сентября 1942 г. находился в лагере военнопленных г. Шахты – до освобождения в феврале 1943 г. Воин отметил: «Пишу левой, правую потерял у вас на западе...» [13]. Приказом от 6 ноября 1945 г. Н.В. Анфиногенов был награжден медалью «За боевые заслуги». Сведения из наградного листа полностью согласуются с письмом и немецкими документами пленного, но примечательна завуалированная формулировка, не упоминающая факт пленения: «29 августа 1942 г. тяжело ранен разрывной пулей в правую руку с повреждением локтевого нерва и ложного сустава лучевой кости. С 30 августа 1942 г. по 12 февраля 1943 г. находился в окружении в городе Шахты. Из окружения вышел с помощью наступающих частей Красной Армии» [8] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

В наградном листе красноармейца Игоря Андреевича Левковича (представление к медали «За боевые заслуги» датируется 9 июня 1945 г.) прямо упоминается его пребывание в плену: «Тов. Левкович имеет одно тяжелое осколочное ранение верхней трети правой руки с повреждением локтевого сустава, полученное

им 9 сентября 1942 года во время боев в районе станции Вороново (под Сталинградом)... В этот же день, будучи раненым попал в плен к немцам и 11 февраля 1943 года освобожден из плена частями Красной Армии и направлен в госпиталь на лечение... 23 февраля 1944 года после длительного нахождения в госпитале, как непригодный к строевой службе прибыл в 105 ОАТБ (отдельный автотранспортный батальон. – О. Ш.), где направлен в караульный взвод для несения караульной службы» [10]. В лазаретном журнале Шталага 386 этот боец записан как Игорь Левкович, 1921 г.р., поступивший 11 ноября 1942 г. и выписанный в лагерь 22 января 1943 г. [1: 172]. Лазарет располагался в школе № 10, а лагерь Шталаг 386 – в школе № 5, где немцы при отступлении оставили пленных инвалидов и планировали взорвать здание, но обреченных удалось спасти [7; 15: 108].

В 1957–1958 гг. в СССР производилось массовое награждение бывших военнопленных – преимущественно тех, кто был ранен в боях или совершил побег из плена.

Известно, что некоторым пленным удавалось бежать из лазарета военнопленных г. Шахты с помощью медперсонала и местных жителей [7]. Один из успешных побегов находит документальное подтверждение в нескольких независимых источниках. Согласно лазаретному журналу, пленный лейтенант Иван Черных, 1921 г.р., поступивший в лазарет 29 сентября 1942 г., сбежал 1 декабря 1942 г. [1: 125]. В наградном листе лейтенанта Ивана Фёдоровича Черных, 1921 г.р., указана дата побега несколькими днями ранее – 27 ноября 1942 г., но нет сомнений, что это именно он: «5 августа 1942 г. в бою за станцию Чиликово Сталинградской области был тяжело ранен в левую ногу и потерял способность к сопротивлению, в этот же день пленен немцами. В плену находился в лагерях: Ст. Цимлянская, а 20 сентября 1942 г. перевезен в г. Шахты. Ввиду ампутации левой ноги нигде не работал. 27 ноября 1942 г. из лагеря военнопленных сбежал в город Дивное, где скрывался у гражданского населения от преследования и 17 января 1943 г. освобожден советскими войсками... 16 июня 1947 году приказом командующего войсками Северо-Кавказского Военного Округа № 0525 тов. Черных восстановлен в воинском звании “Лейтенант” и этим же приказом уволен в запас... член КПСС... достоин награждения Правительственной наградой орденом “Отечественной войны

второй степени"... 20 мая 1957 г.» [12]. Примечательно, что именно эту награду воин в итоге и получил, хотя крайвоенком написал: «...достоин награждения медалью "За отвагу"», а заключение СКВО гласит: «Достоин награждения орденом Красной Звезды». 29 апреля 2014 г. праправнучка героя оставила такую запись на сайте «Бессмертный полк»: «Мой прапрадедушка Черных Иван Федорович родился 8 января 1921 г. в г. Лагань Калмыкии... Мой прадедушка был ранен в ногу... Раненых собирали местные жители. К моему прадедушке подошла старая женщина баба Маня и сказала: "Сынок, я сорву твои погоны и заберу твои документы: партийную книжку и документы старшего лейтенанта, и закопаю их. Командиров и офицеров сразу расстреливают". Она закопала их прямо на поле боя и на повозке отвезла Ивана в открытый лагерь для пленных... В плену у дедушки началась гангрена ноги, ее пришлось ампутировать. Удалось сбежать из плена совершенно случайно. Потеряв ногу, воевать дальше не смог. Работал в тылу» [14].

В документах встречаем подтверждение того факта, что немцы иногда отпускали из плена инвалидов работать по месту жительства на оккупированной территории. В лазаретном журнале есть запись о том, что Кондратов Николай, 1923 г.р., житель Красногвардейского района, поступил в лазарет 15 октября 1942 г., а 14 января 1943 г. выписан на работу в немецком хозяйстве [1: 150]. Немного иную датировку «освобождения» – 25 декабря 1942 г. – видим в наградном листе этого воина – старшего сержанта Николая Александровича Кондратова, но общая канва событий находит соответствия: «5.10.1942 г. под г. Сталинградом в составе 154 особой морской стр. бригады в должности командира пулеметного взвода был тяжело ранен в левую руку и бедро /левую руку оторвало пулеметной очередью/ потерял сознание и попал в плен к противнику. В плену находился в г. Шахты до 25.12.1942 г. где проходил лечение в лагере военнопленных. 25.12.1942 г. был освобожден /отпущен/ из плена и отправлен домой в Красногвардейский р-н, Краснодарского края. Спецпроверку проходил в г. Краснодар с августа по сентябрь 1943 г. 18 мая 1957 г. прошел гарнизонную ВВК (военно-врачебную комиссию. – О. Ш.) при Махачкалинском ГВК, ДАССР и установлено, что ампутация левой руки и рубцы на бедре могут быть следствием ранений, полученных в 1942 году. В настоящее время работает на участке защитных лесонасаждений

при Чирюртовской станции Орджоникидзеvской жел. дороги – начальником участка. По работе характеризуется положительно. Представление к награде тов. Кондратова Н. А. местными партийными и советскими органами согласовано. Вывод: за участие в Отечественной войне и полученные при этом тяжелые ранения достоин награждения орденом Отечественной войны 2 степени... 1 июня 1957 г.» [9].

Сравнительный анализ комплекса документов – послевоенного наградного листа, лазаретного журнала Шталага 386, персональных карт военнопленного и узника концлагеря – позволяет восстановить непростой и героический путь молодого лейтенанта Василия Георгиевича Просвинова. В лазаретном журнале он записан как лейтенант Василий Просвинов, 1923 г.р., житель деревни Даниловка Даниловского района Сталинградской области [1: 78]. Его наградной лист 1957 г. (лейтенант запаса награжден орденом Отечественной войны II степени, указан 1922 г.р.) раскрывает некоторые конкретные детали пребывания в плену: «в оборонительных боях за ст. Абганерово, Сталинградской области 20.8.1942 г. получил три ранения пулями и осколками в обе руки и плечо. Будучи раненым т. Просвинов В.Г. не оставил поля боя, а принял командование батареи... при попытке прорыва из окружения тяжело ранен в грудь и, будучи в бессознательном состоянии, попал в плен к немцам. /Боевой подвиг и действия за период пребывания в плену подтверждается очевидцем/. В плену находился в лагерях г. Шахты, Шепетовка, а затем в лагерях Германии. При побеге из лагеря был пойман немцами и заключен в карцер, затем содержался в концлагере Дохау под личным № 112414. В 12.1944 г. был отправлен в филиал концлагеря “Бухенвальд” Бадгандерсгайм, где содержался как политический заключенный под № 94280. 10.4.45 г. при эвакуации лагеря бежал и 23 апреля, перейдя фронт, попал к наступающим американским войскам... Спецпроверку прошел по I категории и восстановлен в звании “лейтенант”...» [11]. На сайтах «Архивы Арользена» и ОБД «Мемориал» среди документов концлагерей (персональные карты, упоминание в списках) есть сведения про узника с такими номерами – совпадают все личные данные, кроме фамилии – не Просвинов, а Буданов [4; 5; 18; 19]. По этой фамилии в ОБД «Мемориал» находятся «зеленые» (транзитные) карты военнопленного – за период перемещений в рейхе до отправки в концлагерь [6].

По совокупности документов можно восстановить следующий путь В.Г. Просвинова. Лейтенант тяжело ранен в боях за станцию Абганерово, пленен 18 или 20 августа 1942 г.; 25 августа 1942 г. помещен в лазарет Шталага 386 г. г. Шахты, выписан в лагерь 3 ноября 1942 г. Впоследствии перевезен в Шталаг 301 г. Шепетовки, откуда 10 августа 1943 г. прибыл в рейх – в Шталаг VIII F (318) г. Ламсдорфа (Ламбиновице), где получил регистрационный номер военнопленного 72359/318, уже под ложной фамилией Буданов. Указал гражданскую профессию шофера. Затем был перенаправлен на работы в Шталаг VIII В г. Тешен и далее переведен в Шталаг XVIII С (317) г. Маркт-Понгау (Австрия). 29 сентября 1944 г. через гестапо г. Зальцбурга заключен в концлагерь Дахау: это было наказание за побег из рабочей команды. Вскоре, 27 октября 1944 г., переведен в концлагерь Бухенвальд – в один из его внешних лагерей в немецком городе Бад-Гандерсхайм, где узники принудительно трудились на предприятии авиазавода «Хенкель» [17]. 10 апреля 1945 г., при эвакуации концлагеря, В.Г. Просвинов бежал и через две недели встретил американские войска, затем был репатриирован в СССР. После войны работал директором детской спортивной школы. В 1985 г. ветеран получил юбилейный орден Отечественной войны II степени.

Послевоенные наградные листы – это подлинная летопись мужества и источник ценных исторических сведений. В случае скудности информации о конкретном воине в ОБД «Мемориал» и на сайте «Память народа» иногда именно послевоенные наградные листы (в том числе юбилейное награждение 1985 г.) позволяют узнать, кто смог пережить плен и вернуться домой.

Источники и литература

1. Донесения о безвозвратных потерях // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73536042&p=1> (дата обращения: 12.05.2024).
2. Донесения о военнопленных // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/search.htm?camp=T~386&entity=000000000100000&entity=27> (дата обращения: 12.05.2024).
3. Информация о военнопленном: Афиногенов Н.В. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=915900143> (дата обращения: 12.05.2024).
4. Информация о военнопленном: Буданов В. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78865152> (дата обращения: 12.05.2024).

5. Информация о военнопленном: Буданов В. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1978039533> (дата обращения: 12.05.2024).

6. Информация о военнопленном: Буданов В.Г. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=915739121&p=1> (дата обращения: 12.05.2024).

7. Медведева В. Школа – госпиталь, школа – лагерь для военнопленных // Донской временник. Год 2002-й. Вып. 10. Ростов н/Д., 2001. С. 213–215. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m7/0/art.aspx?art_id=157 (дата обращения: 12.05.2024).

8. Наградной лист Анфиногенова Н.В. // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=49497056&tab=navDetailDocument>. С. 157 (дата обращения: 12.05.2024).

9. Наградной лист Кондратова Н.А. // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1561552005&tab=navDetailDocument>. С. 181 (дата обращения: 12.05.2024).

10. Наградной лист Левковича И.А. // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=25451418&tab=navDetailDocument>. С. 393 (дата обращения: 12.05.2024).

11. Наградной лист Просвинова В.Г. // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1561533761&tab=navDetailDocument>. С. 8724 (дата обращения: 12.05.2024).

12. Наградной лист Черных И.Ф. // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1561552005&tab=navDetailDocument>. С. 253 (дата обращения: 12.05.2024).

13. Письмо Н. Анфиногенова. Хранится в кабинете истории школы № 5 г. Шахты Ростовской области.

14. Черных Иван Федорович // Бессмертный полк. URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/chernyh-ivan-fedorovich> (дата обращения: 12.05.2024).

15. Шпрингер О.А. Шталаг 386: дислокация, источники информации // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы II Всероссийской научной конференции, приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (г. Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.). Ростов н/Д., 2021. Ч. 2. С. 104–112.

16. Шталаг 386 – судьбы военнопленных // Авиация СГВ. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/218-10495-1> (дата обращения: 12.05.2024).

17. Aussenlager Bad Gandersheim. URL: <https://plowwii.tripod.com/uk067.htm> (дата обращения: 12.05.2024).

18. Budanow Wasilij // Arolsen Archives. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/en/search/person/5628343?s=94280&t=1577143&p=0> (дата обращения: 12.05.2024).

19. Budanow Wassili // Arolsen Archives. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/en/search/person/130432463?s=112414&t=532954&p=0> (дата обращения: 12.05.2024).

20. Stalag 386 Schachty // Авиация СГВ. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/218-6431-1> (дата обращения: 12.05.2024).

И.Н. Рева

СОБЫТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА В ГАЗЕТЕ «СТАВРОПОЛЬСКАЯ ПРАВДА» 1943–1944 гг.

Одной из самых важных функций периодической печати во все времена было формирование общественного мнения. В 1920-х гг. у газеты возникают конкуренты, широко распространяются радио и кино. Однако вплоть до конца Великой Отечественной войны периодическая печать оставалась главным инструментом идеологического влияния.

После июня 1941 г. значение печати многократно возросло. Понимая всю серьезность положения, правительство создало новую информационно-пропагандистскую структуру – Советское информационное бюро (Совинформбюро), в компетенцию которого входило освещение по радио и в периодической печати международных событий, фронтовых боев и внутренней жизни страны [3]. Вместе с этим ужесточилась цензура. Как писала Т.М. Горяева, критерии запрета стали более четкими, любое сомнение решалось в пользу отрицания [4: 290]. События первого этапа войны привели к резкому сокращению численности тиража и периодичности выхода газет. В регионах дело с тыловой прессой обострялось еще сложнее: большинство работников печати были мобилизованы, бумаги было мало, к тому же первоочередной задачей было расширение сети военной периодики. Со всеми этими проблемами приходилось бороться местной администрации и в г. Ставрополе.

В современной отечественной историографии тема пропаганды поднимается часто. В основном работы посвящены методам и способам военной пропаганды, направленной на население и солдат вражеской стороны. Ярким примером является диссертация Н.В. Дорониной [5]. В работе рассмотрены цели и особенности нацистской пропаганды на значительной части Северного Кавказа летом 1942 г.; формы и методы работы местных

советских, партийных, правоохранительных органов и военных структур по противодействию нацистской пропаганде; отношение многонационального населения Ставрополя и Кубани к идеологии и политике оккупационного гитлеровского режима; причины неизбежного краха нацистской пропаганды и действенности советской идеологии, проявившей свои преимущества во время битвы за Кавказ в 1942–1943 гг.

Тыловой прессе в российской историографии уделяется меньше внимания. Однако работа в этом направлении также ведется. Серьезными исследованиями в данной области являются работы историков И.И. Широкоград [12] и А.В. Малышева [7]. Авторы раскрывают роль средств массовой информации в мобилизации духовных сил нации в интересах защиты Отечества. Еще одно исследование, заслуживающее внимания, – статья Т.В. Волокитиной [3]. Автор рассматривает проблему перестройки информационно-пропагандистской структуры СССР в условиях войны.

В настоящей статье автор также обращается к тыловой прессе – материалам газеты «Ставропольская правда» – и ставит своей целью проследить, какие сведения сообщались ставропольчанам о тяжелейших боях под Ленинградом, а также о состоянии самого города. Хронологические рамки работы охватывают период с января 1943 г., месяца освобождения Ставрополя, по январь 1944 г., когда полностью был освобожден от фашистской блокады Ленинград.

21 января 1943 г. частями 347-й стрелковой дивизии Ставрополь был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. За время немецкой оккупации инфраструктура города была почти полностью уничтожена, а хозяйство пришло в упадок. В таких условиях, уже через шесть дней после освобождения, был организован первый выпуск «Ставропольской правды» [6]. Параллельно на Ленинградском фронте советские войска достигли определенного успеха. Была проведена операция «Искра». 18 января в результате грамотных действий командования и героического самопожертвования воинов Красной армии Ленинград был частично деблокирован [1: 467]. Столь радостная новость не сразу дошла до Ставрополя. Лишь 25 февраля было опубликовано небольшое сообщение: «Войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали немецкую блокаду вокруг города Ленина» [8: 3]. В его контексте были приведены описания двух подвигов советских солдат при боях в городе.

В следующий раз бои за Ленинград (без упоминания самого города) описывались в выпуске от 2 марта. Приводилось сообщение от Информбюро, в котором шла речь о победоносных действиях Красной армии в районе Демянска (в рамках наступления советских войск на северо-западном направлении): «За 8 дней боев наши войска, неотступно преследуя противника, освободили 302 населенных пункта... захватили в плен 3000 немецких солдат <...> взяты следующие трофеи: самолетов – 78, танков – 97» [9: 1]. В дальнейшем в «Ставропольской правде» редко мелькали сообщения о боях за Ленинград. Также почти ничего не сообщалось о состоянии самого города. Такое положение дел продолжалось до января 1944 г.

В планах советского командования на начало 1944 г. было проведение наступления на протяжении всего фронта – от Чёрного моря до Ленинграда. Отдельное внимание уделялось удару на северо-западном направлении, где главной задачей было освобождение Ленинградской области, выход к границам Прибалтики. В январе началась Красносельско-Ропшинская операция, в ходе которой Красной армии удалось отодвинуть войска вермахта на 60–100 км от Ленинграда [2: 38–62].

Новость о полной деблокаде Ленинграда редактор «Ставропольской правды» решил опубликовать уже 21 января, приурочив ее к годовщине смерти В.И. Ленина [10]. Военные сводки данного выпуска были полностью посвящены северо-западному направлению, то есть боям вокруг северной столицы. Конечно, такой ход имел большое идеологическое значение. Также много внимания уделялось освобождению города Ленина в выпуске от 29 января 1944 г. [11]. Здесь приведено официальное обращение Военного совета города: «Приказ по войскам Ленинградского фронта возвестил сегодня о полном освобождении Ленинграда от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов» [11: 1]. На второй странице приведены высказывания об этой судьбоносной победе в английской и американской прессе. Тем самым редактор хотел показать, что новость о победе под Ленинградом очень важна для союзников как с военно-стратегической точки зрения, так и с моральной.

Подведем итог. За период с января 1943 г. по январь 1944 г. информации о боях за Ленинград в «Ставропольской правде» было не так много. Например, о гуманитарном состоянии города или

о внутренних процессах, происходящих в осажденном Ленинграде, ничего вообще не говорилось. Можно выделить несколько причин, которые, по нашему мнению, могли влиять на данную ситуацию. Во-первых, это тяжелая военно-стратегическая обстановка, в которую попал город. Ожесточенные бои шли с самых первых месяцев войны. Поэтому в советской прессе не хотели давать широкую огласку ситуации на данном фронте. Во-вторых, это мобилизационный характер деятельности тыловой прессы. Главной задачей советской газеты можно считать переориентацию общественного сознания с настроений мирного времени на необходимость дать отпор агрессору. Основное содержание всей массовой работы системы средств массового оповещения определял отныне лозунг: «Всё для фронта. Всё для победы!» После освобождения Ставрополя от фашистских захватчиков главной темой «Ставропольской правды» на протяжении всего 1943 г. было восстановление хозяйства региона, проведение сельхозкампании, то есть мобилизация всех сил народа для нужд фронта. В связи с этим редактор и корреспонденты газеты сообщали своим читателям главным образом информацию о победах Красной армии, о трудовых достижениях тыла и т.д. В-третьих, можно выделить такой фактор, как географическая отдаленность Ленинграда от Ставрополя. На протяжении всего 1943 г. бои шли на Кубани, в Ростовской области, Крыму и Украине. В таких условиях, как мы думаем, отдавалось предпочтение новостям о сражениях на Юге СССР.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М., 2012.
3. Волокитина Т.В. «Перо приравнено к штыку!». Советская печатная пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати: сборник статей по материалам научной конференции «Третьи Никитинские чтения», 3 декабря 2013 г., Москва. М., 2014. С. 328–360.
4. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2010.
5. Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

6. Конец А.В. Пресса Ставропольского края 1941–1945 гг. // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 102–103.

7. Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны: на материалах Дона, Кубани, Ставрополя: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2001. С. 190.

8. Ставропольская правда. 1943. № 45. 25 февраля. URL: <https://stavpravda.ru/19430225> (дата обращения 06.03.2024).

9. Ставропольская правда. 1943. № 49. 2 марта. С. 2. URL: <https://stavpravda.ru/19430302> (дата обращения 06.03.2024).

10. Ставропольская правда. 1944. № 14. 21 января. С. 2. URL: <https://stavpravda.ru/19440121> (дата обращения 07.03.2024).

11. Ставропольская правда. 1944. № 19. 29 января. С. 2. URL: <https://stavpravda.ru/19440129> (дата обращения 07.03.2024).

12. Широкопад И.И. Центральная периодическая печать СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.

А.В. Аверьянов

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В современной исторической науке всё более востребованным становится междисциплинарный историко-антропологический подход. С одной стороны, он позволяет вступать в активный диалог с другими науками и различными отраслями исторического знания, а с другой – обуславливает возможность изучать исторические процессы, различные виды социальных практик и повседневность с позиции их участников [2: 134].

Применение данного подхода продуктивно и при изучении Великой Отечественной войны, соответствует значительному научному и общественному интересу к этому событию, в частности, в региональном аспекте [1]. Историческая антропология войны имеет широкий источниковый потенциал, основу которого составляют источники личного происхождения, в том числе фронтовые письма.

Письма, с одной стороны, являются самым массовым историческим источником, с другой же – редко публикуемым. Антропологический поворот в исторической науке изменил представление об источниках личного происхождения. Они стали востребованы не только в публицистике, но в исследованиях профессиональных историков. Фронтовые письма передают человеческое измерение

Великой Отечественной войны, позволяют понять и прочувствовать эмоции ее непосредственных участников и очевидцев, что практически невозможно сделать, опираясь только на официальные документы. Они представляют собой важное средство общения, обмен информацией, отражающий взаимодействие между людьми и восприятие одних людей другими.

В письмах советского периода современные исследователи выделяют несколько видов: произведения газетного жанра; разновидность делопроизводственных документов, в том числе направленных в государственные и общественные учреждения; письма известным политическим деятелям, артистам, писателям и т.д.; произведения эпистолярного жанра, то есть частная переписка [6: 641]. Фронтовые письма в той или иной степени представлены во всех приведенных выше группах документов, что позволяет реконструировать на их основе социальные повседневные практики военных лет во всем их многообразии.

Теоретические аспекты феномена фронтовых писем начали изучаться уже в советское время [5; 8; 10; 16]. Их осмысление продолжается и в последние годы [4; 9; 12; 13; 17]. Несмотря на значительную историографию вопроса, теоретико-методологические аспекты анализа эпистолярного жанра военных лет до сих пор освещены недостаточно и ждут своего массового исследователя.

Далеко не исчерпан также потенциал заполнения документальной эмпирической лакуны в этой области. Первые сборники фронтовых писем появились еще в позднесоветский период [15]. Определенный интерес к этому жанру проявляется в ряде регионов России, где относительно недавно также были изданы документальные сборники, содержащие фронтовые письма. Например, в издании «Фронтовое письмо: письма жителей Иркутской области времен Великой Отечественной войны» [18] приводится подборка писем сибирских солдат и командиров с фронтов Великой Отечественной войны. В сборнике «Письма с войны: сборник документов из фондов КОГБУ «ГАСПИ КО»» [14] представлены документы Государственного архива социально-политической истории Кировской области, личных фондов участников войны и редакции газеты «Кировская правда».

В Ростовской области было издано значительное количество сборников документов о Великой Отечественной войне, поскольку

научный и общественный интерес к этому событию на Дону продолжает сохраняться и по прошествии почти 80 лет после ее завершения [3; 7]. И всё чаще исследователи обращаются к изучению этой темы через призму личного восприятия войны людьми, находившимися в момент написания письма на фронте, в тылу, в оккупации [19].

Важным этапом в деле введения в научный оборот писем военных лет является выход в свет в 2023 г. сборника документов, посвященного 80-летию полного освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков «Летопись Победы и хроника чувств. Письма дончан с фронтов Великой Отечественной войны» [11]. На подробном анализе этого издания мы остановимся далее. В сборнике, составленном коллективом Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО), представлена переписка военных лет. В сборник вошли подлинные документы, находящиеся на хранении в ЦДНИРО, Государственном архиве Ростовской области, Центре хранения архивных документов г. Шахты, 14 муниципальных архивах, пяти государственных и двух муниципальных музеях, школьных и семейных архивах. В сборнике представлен широкий спектр писем, в том числе труженников тыла – гражданского населения, в органы власти и на фронт, однако его основу составляют фронтовые письма. Тем более что писем в тыл по понятным причинам сохранилось гораздо больше, чем отправленных на фронт.

В сборнике представлены документы из личной переписки, а также являющиеся частью делопроизводства, то есть переписки официальной, где одним из адресатов является представитель государственных органов власти, партийных структур. Наряду с письмами в издании содержатся также телеграммы, открытки, личные фотографии, которые усиливают эффект передачи эмоций. Они содержат важную информацию об ушедшей эпохе, о повседневных формальных и неформальных социальных практиках, об особенностях взаимоотношений между людьми и социально-политическими институтами, формируют представления о нравах и ценностях изучаемого периода. В письмах, телеграммах и даже открытках могут содержаться важные сведения об адресате и отправителе, уровне их грамотности, социальном статусе, взглядах и убеждениях, что создает дополнительные исследовательские возможности для реконструкции отношений в тылу и на фронте,

для измерения среза общественных настроений в разные периоды Великой Отечественной войны. Обращает на себя внимание почерк, реквизиты, в том числе форма обращения к адресату, формула прощания в заключительной части письма, а также материальные носители и средства письма. Поэтому в сборнике содержатся фотокопии некоторых писем, которые позволяют сформировать у читателя визуальное представление о том, как выглядели письма военных лет. Их анализ позволяет реконструировать отдельные аспекты жизни красноармейцев – уроженцев и выходцев из Ростовской области, а также тружеников тыла, детей, которые по-своему воспринимали военное лихолетье.

Письма военных лет воссоздают свидетельства об ужасах нацистского геноцида в Ростовской области; особенности работы советских, партийных и комсомольских органов на Дону в рамках их социальных функций, в том числе применительно к военнотружущим, членам их семей. Категория «писем во власть» позволяет реконструировать специфику взаимоотношений советских граждан, в том числе бойцов Красной армии и флота, и представителей центрального и областного партийно-государственного аппарата на официальном и личном уровне. В сборнике «Летопись Победы и хроника чувств. Письма дончан с фронтов Великой Отечественной войны» представлен широкий спектр писем, разделенных по адресатам. В их числе письма высшему военно-политическому руководству Советского Союза в лице И.В. Сталина, первому секретарю Ростовского обкома Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП(б)) Б.А. Двинскому, первому секретарю Ростовского горкома ВКП(б) П.Н. Пастушенко [11: 17, 23, 33, 36–37, 54–55, 78 и др.].

Значительный интерес вызывает переписка воинских соединений и отдельных бойцов с партийными и государственными органами. В них описаны подвиги советских бойцов, масштабы и характер нацистского террора как способ мотивации красноармейцев в борьбе с гитлеровцами. Несмотря на некую формализованность этого источника, его анализ позволяет выявить формы и содержание идеологической и воспитательной работы с командным и рядовым составом Красной армии. Важной частью переписки фронтовиков с партийными и государственными структурами на личном уровне являются почти всегда упоминающиеся после

формальной части о готовности бороться с врагом просьбы отправления оказать помощь в выяснении судьбы и местоположения родных и близких, уровня их материального достатка: обеспечения жильем, продуктами, одеждой, деньгами, топливом. Данная часть писем свидетельствует о степени и характере взаимодействия военнослужащих с официальными структурами. Большую ценность имеют ответные письма, анализ которых позволяет проследить обратную связь между отправителем и адресатом, оценить характер и эффективность работы органов власти.

Отдельным жанром писем являются коллективные послания фронтовиков своим землякам в различные уголки Ростовской области, в которых описывались подвиги бойцов Красной армии, отличившихся и награжденных уроженцев Донского региона, что, в свою очередь, служило предметом особой гордости адресатов. В качестве примеров можно назвать письма личного состава танковой колонны «Донской казак» казакам, казачкам, рабочим и интеллигенции; бойцов и командиров 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса казакам и казачкам; казаков 43-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского полка [11: 145–146, 147, 150–151]. Подобные коллективные письма играли значительную общественную роль, мотивировали тружеников тыла на трудовые подвиги.

Внушительный комплекс документов в сборнике составляет переписка советских бойцов с родными и близкими. Они пронизаны личными мотивами: в них отражены особенности семейных отношений. Их отличает наибольшая эмоциональная окрашенность. Значительную ценность в таких письмах имеет запрос со стороны бойцов на отражение подробностей жизни в тылу, в том числе в эвакуации, а также описание военнослужащими обстановки на фронте, в госпиталях, в том числе специфики военного быта. Наиболее многочисленными являются письма, адресованные солдатами и командирами своим женам и детям, родителям, братьям и сестрам. В сборнике помещено письмо Э.С. Жмайлова своей матери [11: 127], письмо В.П. Текучева своей семье [11: 102–103]. К некоторым письмам приложены фотографии отправителей и получателей. Особую ценность представляет личная переписка, не исчерпываемая одним или двумя письмами, а представляющая серию писем с фронта в тыл

и обратно, охватывающих длительный промежуток времени – до нескольких лет. Примером может служить переписка семьи Шамаровых, где представлены письма И.В. Шамарова, его жены и детей [11: 97–98, 101, 105, 18–111 и др.]. Прошедший всю войну, несколько раз получивший ранения, Иван Викторович умер от ран весной 1945 г.

Подбор писем и других документов в указанном сборнике далеко не исчерпывает тот потенциал, который имеют эпистолярные материалы. Перспективным видится привлечение дополнительных материалов не только из региональных, но и центральных архивов. Важным источником пополнения личных свидетельств о Великой Отечественной войне являются также семейные архивы и личные коллекции.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война в истории Дона: актуальные проблемы изучения / А.В. Аверьянов, М.В. Братолобова, А.В. Венков и др.; под ред. М.А. Пономаревой. Ростов н/Д.; Таганрог, 2021.
2. *Далгат Ф.М.* Историко-антропологический подход в историческом исследовании // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 30. № 4. С. 133–140.
3. И помнит мир спасенный...: сборник документов архивов Ростовской области / отв. сост. Л.В. Левендорская; предс. ред. кол. С.Б. Бондарев. Ростов н/Д.; Белгород, 2020.
4. *Иванов А.Ю.* Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашиского университета. 2008. № 4. С. 37–41.
5. *Иванов К.И.* Письма с фронтов Великой Отечественной войны // Коммунар. 1967. 23 августа – 27 сентября.
6. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998.
7. Завещано помнить... Донские архивы – 70-летию Великой Победы: сборник документов и материалов. Ростов н/Д., 2015.
8. *Жучков Б.И., Кондратьев В.А.* Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4. С. 55–69.
9. *Кузнецов А.С.* Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 63–68.

10. Курносов А.А. Источники по истории народного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 гг. // История СССР. 1965. № 3. С. 35–45.
11. Летопись Победы и хроника чувств. Письма дончан с фронтов Великой Отечественной войны: сборник документов, посвященный 80-летию полного освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков / отв. сост. Е.А. Хошафян, отв. ред. Ю.А. Фролов. Ростов н/Д.; Таганрог, 2023.
12. Моисеева И.Ю. «Человек на войне» в солдатских письмах (по материалам фронтовых писем 1941–45 гг.) // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 14–15 мая 2002 г. Омск, 2002. С. 36–39.
13. Момотова Н.В. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2. С. 106–131.
14. Письма с войны: сборник документов из фондов КОГБУ «ГАСПИ КО» / сост. В.С. Жаравин, Л.Г. Попцова, П.А. Чемоданов; под ред. Е.Н. Чудиновских. Киров, 2018.
15. Письма с фронта: 1941–1945: сборник / сост. П.А. Колесников, В.М. Малков. Архангельск, 1979.
16. Соломатин П.С. Фронтовые письма и корреспонденции в газету «Правда». 1941–1945 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 243–255.
17. Сомов В.А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 131–135.
18. Фронтовое письмо: письма жителей Иркутской области времен Великой Отечественной войны / ред.-сост. И.И. Терновская. Иркутск, 2015.
19. Щербанов В.К., Валухова Л.Н. Ратная слава Дона. Документальное исследование. Ростов н/Д., 2018.

А.С. Бушуев

ВОИНСКИЕ МЕМОРИАЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОТ КОММЕМОРАЦИИ К СОВРЕМЕННОМУ ИЗУЧЕНИЮ

Советские воинские мемориальные комплексы, возникшие по итогам Великой Отечественной войны как на территории СССР, так и на территории освобожденных от нацистской оккупации стран Восточной Европы, представляют на сегодняшний день не только «места памяти», но и важный объект научного анализа.

Долгие годы подобные комплексы выполняли преимущественно функцию коммеморации: на них по определенным датам проводились мероприятия памятного характера, направленные на сохранение, воспроизводство и передачу памяти будущим поколениям о погибших в годы войны, вкладе Красной армии в освобождение оккупированных территорий и достижение Победы над нацистской Германией. При этом если мемориалы, расположенные на российской территории, наряду с задачей поддержания коллективной памяти, помогали сохранять память индивидуальную и внутрисемейную, то зарубежные кладбища, малодоступные или практически недоступные советским (российским) гражданам, преимущественно решали идеологические задачи, обозначая и закрепляя в исторической памяти европейских народов роль Красной армии в освобождении Европы от нацизма [9: 340]. Таким образом, воинские мемориалы все эти годы помогали инструментализации коллективной памяти о Великой Отечественной войне.

Объектами изучения они стали уже в более позднее время, в основном на волне произошедшего мемориального поворота в истории. Начало этому было положено многолетней работой по выявлению и каталогизации самих воинских кладбищ, проделанной как Министерством обороны РФ [5; 2], так и силами исследователей в разных странах [10; 22; 23].

Возможности дальнейшего изучения подобных военно-мемориальных объектов наиболее выпукло обозначились в трех направлениях:

- в направлении выявления истории появления военных кладбищ, описания историко-культурной и архитектурной составляющих мемориальных объектов (obelisks, надгробий, памятников и т.п.), расположенных на их территории [1; 3; 4; 8; 12: 272–314; 16; 19; 26];
- в направлении этнографического (антропологического) исследования инструментальных практик коммеморации, реализуемых на воинских мемориалах и подобных им «местах памяти» [6; 7; 15];
- в направлении выявления и фиксации имен захороненных на данных объектах солдат и офицеров Красной армии с целью сохранения памяти о героях войны и возможного изучения их биографий [20; 21; 24; 25].

Последнее направление особенно актуализировалось с конца 1980-х гг., когда стали рассекречиваться многие документы

военных лет, что облегчило поиск и установление судеб погибших и пропавших без вести в годы войны солдат. Началась подготовка общероссийской и региональных Книг Памяти. Дальнейшие шаги по мемориализации имен погибших и изучению мест их захоронений были сделаны во многом благодаря публикации Министерством обороны РФ в общедоступных банках данных «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа» сведений о погибших и пропавших без вести, их подвигах и награждениях [14; 17; 18].

Работа исследователей в этом ключе продолжается и сегодня. Современные методы анализа, в том числе с привлечением возможностей информационных технологий, позволяют решать новые задачи, ранее почти не поддававшиеся разрешению.

Автору хотелось представить собственный опыт подобного исследования, которое было проделано на одном из военномемориальных объектов в Польше, показав возможности и трудности такой работы. Речь идет о кладбище военнопленных и солдат Красной армии в польском городе Сувалки. На сегодняшний день это одно из крупнейших советских воинских захоронений не только среди 91 известного подобного объекта на территории Подляского воеводства, но и среди всех воинских захоронений в Польше. По имеющимся сведениям Министерства обороны РФ, здесь похоронены 51 136 человек [11: 17], что составляет около двух пятых от всех похороненных на территории Подляского воеводства советских солдат (подсчитано по [10: 76]).

Кладбище возникло в 1942 г. как место упокоения 46 тыс. погибших и замученных нацистами советских военнопленных, содержащихся в концентрационном лагере Stalag I-F в Сувалках в 1941–1944 гг. После окончания войны сюда были перезахоронены останки 5136 бойцов Красной армии, погибших при освобождении различных населенных пунктов Сувальщины. Из парка Конституции 3 мая в Сувалках были перенесены останки бойцов 173-й стрелковой дивизии, освободившей город 23 октября 1944 г.

В паспорте захоронения Министерства обороны РФ 2012 г. присутствует 1012 фамилий погибших. В ходе поименного разбора этого списка были выявлены и устранены многочисленные повторы и ошибки, вызванные искажениями в написании фамилий, имен и отчеств, возникшие из-за невозможности прочтения части надгробных надписей или их искажения ввиду двойного перевода

с русского языка на польский и обратно. Подобные ошибки и неточности, по наблюдениям исследователей, встречаются и на других военно-мемориальных объектах [13: 110–111] и бывают вызваны разными причинами.

Для повышения степени полноты исследования была проведена необходимая полевая работа с выездом на кладбище в мае 2018 г. В ходе натурного обследования автором был выявлен ряд могил, не числящихся в списках Министерства обороны РФ. Эти именные надгробия были установлены родственниками погибших после получения от польского Красного Креста документального подтверждения факта эксгумации и перезахоронения бойцов на данном кладбище. Проведенная работа позволила уточнить список захороненных на рассматриваемом военно-мемориальном объекте. В итоге в перечне осталась 951 фамилия.

Второй этап исследования был посвящен поиску дополнительных сведений о погибших и составлению полноценной базы данных, содержащей не только фамилию, имя и отчество, год рождения и дату гибели, но и другие сведения, почерпнутые в основном из выявленных полковых донесений о потерях в виде именного списка безвозвратных потерь личного состава полка по форме № 2/БП, принятой в войсках в соответствии с наставлением по учету личного состава Красной армии (в военное время), утвержденным приказом наркома обороны СССР от 14 февраля 1944 г. № 023.

В частности еще раз были перепроверены сведения о фамилиях, именах и отчествах бойцов, зафиксированы сведения об их воинских званиях, армейских должностях и военных специальностях. Места рождения и призыва первоначально фиксировались в соответствии с информацией из именных списков, вплоть до названия населенного пункта (где указано), а места призыва – до военкомата. Затем наименование мест рождения и их административная принадлежность в 1941–1945 гг. уточнялись по справочникам административно-территориального деления СССР, союзных и автономных республик. Это потребовало значительных усилий ввиду наличия многочисленных ошибок и неточностей в источниках, а также ввиду произошедших за военный и особенно послевоенный период бесчисленных реформ административно-территориального деления.

Сведения о местах гибели и первоначального захоронения также приходилось уточнять. В донесениях о потерях присутствуют

массовые ошибки в написании названий, а многие названия приводятся в соответствии с картами Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) 1944–1945 гг., в том числе немецкими наименованиями периода оккупации Польши. В ряде случаев принадлежность населенных пунктов к административно-территориальным единицам указана обобщенно (например, Сувалкская область, Сувалкская губерния, Восточная Пруссия). Поэтому в ходе работы пришлось устанавливать соответствие с современным административно-территориальным делением Польши, Литвы и России.

В результате математико-статистической обработки собранных таким образом сведений удалось охарактеризовать особенности возрастного и кадрового состава погибших с распределением по воинским соединениям, армейским званиям и должностям, установить регионы их рождения и мобилизации, доли мобилизованных по месту рождения в каждом отдельном регионе и по макро-регионам РСФСР.

Исследование национального состава погибших представляло определенную трудность, которую частично удалось преодолеть благодаря привлечению дополнительных источников (наградных листов военнослужащих). В них, как известно, в отличие от действовавших в годы войны форм персонального учета потерь, фиксировалась национальность бойца. В ряде случаев благодаря использованию поисковых возможностей сайта «Память народа» нам удалось установить наличие боевых наград у погибших. В общей сложности в ходе исследования были установлены факты награждения 183 захороненных в Сувалках красноармейцев, а это пятая часть идентифицированных захоронений.

Выявление фактов награждения позволило реконструировать еще один аспект боевой биографии солдат и офицеров, отдавших свои жизни за освобождение Сувальщины. Кроме количества и перечня боевых наград были установлены интенсивность и порядок награждений в разные месяцы боев на Сувальщине. Эта информация способствует более глубокому пониманию особенностей наградной политики РККА в военный период в целом и на завершающем этапе Великой Отечественной войны в частности.

В наиболее полном виде результаты исследования, дополненные биографическими сведениями о 951 погибшем и захороненном

в Сувалках бойце Красной армии, представлены в книге «На Сувалкском рубеже...», опубликованной в конце 2023 г. [11].

Проведенная работа показывает не только конкретно-исторические результаты исследования о качественном составе боевых потерь Красной армии в ходе выполнения освободительной миссии в Восточной Европе, но и широкие эвристические возможности и перспективы развития подобных исследований на других военномемориальных объектах. Безусловно, большой проблемой на сегодняшний день остается значительный дисбаланс между числом идентифицированных и безымянных захоронений на рассматриваемом и других военно-мемориальных объектах. Это вносит некоторые ограничения в работу исследователей, но вместе с тем не исключает достаточно широкие возможности подобного анализа.

Источники и литература

1. Азизян И.А., Иванова И.В. Памятники вечной славы: концепции и композиция. М., 1976.
2. Воинские захоронения // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/memorial/> (дата обращения: 27.02.2024).
3. Гаврилов Б.И. Памятники Великой Отечественной войны. М., 1989.
4. Змеул С.Г. Архитектура памятников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. архитектуры. М., 1950.
5. Каталог захоронений советских воинов, военнопленных и гражданских лиц, погибших в годы Второй мировой войны и погребенных на территории Республики Польша. Варшава; М., 2003.
6. Кёништайн Х. Советские памятники в Берлине. М., 2010.
7. Климович Н.Т. Памятники революционной и боевой славы и их использование в коммунистическом воспитании советского народа (1966–1976 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1978.
8. Малинина Т.Г. Тема памяти в архитектуре военных лет (по материалам конкурсов и выставок 1942–1945 гг.). М., 1991.
9. Малышева С.Ю. «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М., 2019.
10. Могилы и кладбища русских и советских солдат с XIX и XX века в Польше. Избранные примеры / ред. А. Сивек. Варшава, 2016.
11. На Сувалкском рубеже... Книга памяти красноармейцев, погибших в 1944–1945 гг. и захороненных в Сувалках (Польша) / сост., авт. предисл. и указ. А.С. Бушуев. Казань, 2023.
12. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов н/Д., 2022.

13. *Обернихин Е.А.* Проблемные аспекты поиска информации о воинских захоронениях мемориала Тиргатен // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 110–113.
14. Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru> (дата обращения: 27.02.2024).
15. Памятник и праздник. Этнография Дня Победы / под ред. М. Габовича. СПб., 2020.
16. Памятник советскому Воину-освободителю в Трептов-парке: прошлое и настоящее памятника-кладбища в Берлине / общ. ред. Х. Бюттнер, У. Матц. Берлин, 1981.
17. Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 27.02.2024).
18. Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru> (дата обращения: 27.02.2024).
19. Подвиг народа. Памятники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: альбом / под ред. В.А. Голикова. М., 1980.
20. *Пшимановский Я., Прокопчук Х., Мурани Р.* Память: в 2 ч. / пер. с польск. под ред. К. Козакевича и др. Варшава, 1987.
21. *Садовников С.И.* Чтоб не распалась связь времен...: опознаны по боевым наградам. М., 2005.
22. Советские военные мемориалы в Германии. URL: <https://sowjetische-memoriale.de> (дата обращения: 27.02.2024).
23. Советские воинские захоронения и мемориальные памятники погибшим воинам в Германии / Х. Кёпштайн, В. Диттинг и др. М., 2020.
24. *Akitet vissyavartak... Szovjet hosi halottak Heves megyeben* (Кого не дождалось... Советские солдаты, павшие смертью храбрых в области Хевеш). Eger-Эгер, 1985.
25. *Sowjetische Tote des Zweiten Weltkrieges in Österreich. Namens- und Grablagenverzeichnis* / Hg. P. Sixl. Graz; Wien; Moskau, 2015.
26. *Unberkannte Mahnmale in Unserer Nachbarschaft. Grabstätten sowjetischer kriegsopfer in Deutschland.* Berlin, 2016.

Е.Н. Седакова

**ВЕРИФИКАЦИЯ ДАННЫХ ПОХОРОНЕННЫХ ВОИНОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере воинского захоронения № 61-1100/2014
на Старом кладбище Таганрога)**

Несмотря на то что Великая Отечественная война – это не столь отдаленное по времени от нас событие, в изучении ее присутствует

множество белых пятен, которые требуют от исследователей пристального внимания. Особенно это касается уточнения данных погибших воинов, покоящихся в братских могилах.

В связи с возрастающим интересом исследователей к репрезентации исторических событий, изучение воинских захоронений Великой Отечественной войны приобретает особую актуальность. На Старом кладбище Таганрога располагается семь братских могил. Большая часть имен похороненных в них неизвестна.

Стоит отметить, что автор уже занимался исследованием воинских захоронений, однако цель работы была рассказать о наличии братских захоронений Великой Отечественной войны на Старом кладбище Таганрога. Также в предыдущей работе поднимался вопрос о целесообразности дальнейшего – более детального – изучения данных захоронений [29].

В настоящем исследовании внимание будет сосредоточено на воинском захоронении № 61-1100/2014. Данный памятник выполнен из листовой стали в виде канонического четырехгранника, увенчанного пятиконечной звездой, покрашенной красной краской. На мемориальной табличке, прибитой к памятнику, значится 23 имени, даты рождения написаны только у семи красноармейцев. Верхняя часть таблички почти стерта, первые четыре имени не читаются. Табличка требует замены и дополнения информации. Далее будут прокомментированы все найденные несоответствия по каждому из имен. В случае, когда данные в документах и табличке идентичны, комментарии отсутствуют. Воинская биография каждого красноармейца составлена по следующему плану: год рождения, место рождения, место призыва, звание, воинская часть, дата выбытия, причина выбытия, первичное место захоронения.

Журавель Даниил (Данил) Владимирович, 1900 г.р., уроженец с. Тимофеевка (в перечне существующих или исчезнувших населенных пунктов края отсутствует. – *Прим. ред.*) Краснодарского края, призван Тимашевским районным военным комиссариатом (далее – РВК) в Тимашевском районе Краснодарского края, красноармеец. Последнее место службы – 301-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 23 октября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор [2]. В скобках дано имя из учетной карточки 1992 г. [31], без скобок – в учетной карточке 2014 г. [30],

Книги Памяти Краснодарского края [27], донесении о безвозвратных потерях [2]. Все последующие сведения из донесения о безвозвратных потерях. На табличке памятника, как отмечалось выше, имя не читается. Дата рождения на табличке не совпадает с документальной.

Загоруйченко Петр Петрович, 1909 г.р., призван Успенским РВК в Сталинской области Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 53-я гвардейская стрелковая дивизия, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 19 октября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, кладбище [3]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Заика Иван Тимофеевич, 1924 г.р., призван Дзержинским РВК в Дзержинском районе Сталинской области Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 630-й стрелковый полк (690-й стрелковый полк). Дата выбытия – 25 октября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, могила № 88. В скобках данные по воинской части даются по медицинскому документу [21], без скобок – из донесения о безвозвратных потерях [4]. Все остальные данные этих документов идентичны друг другу. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Залевский Евгений Самсонович, 1915 г.р., уроженец сл. Кондратьевки Константиновского района Сталинской области, призван Константиновским РВК в Константиновском районе Сталинской области Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 5-я гвардейская мотострелковая бригада, 4-й Украинский фронт, дата выбытия – 10 ноября 1943 г., умер от менингита. Первичное место захоронения – г. Таганрог, кладбище, могила № 151 [5]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Заморуй Георгий Григорьевич, 1926 г.р., уроженец г. Сталино, призван Сталинским городским военным комиссариатом (далее – ГВК) в г. Сталино Украинской ССР, младший сержант. Последнее место службы – 476-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 26 октября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор [6]. В документах числится как «Заморуй», на табличке надгробия – «Заморай». На мемориальной табличке есть дата рождения, она совпадает с указанной в документах.

Кипер Иван Макарович, 1903 г.р, уроженец г. Калинина, призван Горловским РВК Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 1166-й стрелковый полк 345-й стрелковой дивизии. Дата выбытия – 17 октября 1943 г., умер от ран (столбняк). Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, могила № 68 (или № 57) [7; 8; 22]. В донесении о безвозвратных потерях помимо звания указана должность – стрелок. На мемориальной табличке есть дата рождения, она совпадает с указанной в документах.

Коваленко Александр Филиппович, «3/X 1941 года во время налета немецких бомбардировщиков на г. Таганрог, летчик-истребитель лейтенант ВВС Красной Армии тов. Коваленко Александр Филиппович рожд. 1919 г., сражаясь в воздушном бою с фашистскими бомбодировщиками, погиб смертью храбрых. Самолет его ЛАГ-3 был сбит и вместе с пилотом упал в море в районе Кривой Косы с. Димитриадовка Таганрогского района Ростовской области. Тов. Коваленко прибыл на завод № 31 НКАП (Народного комиссариата авиационной промышленности. – Е. С.) из действующей Армии и служил в летной части, перегонявшей самолеты с завода в г. Ростов-Дон. Похоронен тов. Коваленко А.Ф. в районе Кривой Косы с. Димитриадовка Таганрогского района. Справка выдана семье погибшего для получения пенсии» [1]. Последнее место службы – 85-й авиационный завод [26]. На мемориальной табличке есть дата рождения, она совпадает с указанной в документах.

Коваленко Григорий Николаевич, 1914 г.р., уроженец Гуляй-польского района Запорожской области, призван Гуляй-Польским РВК в Гуляй-Польском районе Запорожской области Украинской ССР, красноармеец, радист. Последнее место службы – 724-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 26 октября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор [9]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Ковбаса (Конбаса) Иван Иванович, 1907 г.р., уроженец с. Семеновка Пологовского района Запорожской области, призван Пологовским РВК, красноармеец. Последнее место службы – 5-й стрелковый полк 4-го Украинского фронта, стрелок. Дата выбытия – 4 ноября 1943 г., умер от ран (столбняк). Первичное место захоронения – г. Таганрог, кладбище, могила № 117. Это имя также

присутствовало в списке братской могилы № 61-1103 (мемориал с Вечным огнем), который был указан в старой учетной карточке от 1992 г. (фамилия «Конбаса», имя, отчество аналогичны) [32]. В новой учетной карточке данное имя уже отсутствует (в последующих совпадениях имен с этим захоронением указываются сведения из старой карточки). В рассматриваемой братской могиле числится под фамилией Ковбаса, в донесении о безвозвратных потерях – Конбаса [11]. Возможна ошибка при составлении мемориальной таблички, также на ней отсутствует дата рождения.

Кожемякин Петр Андреевич, рядовой. Числится на мемориальной табличке и в новой учетной карточке захоронения. В старой карточке от 1992 г. этого имени нет. Вместо него в ней записан Кожелкин Егор Романович, о котором будет сказано ниже. Также Кожемякин числился в старой учетной карточке мемориала с Вечным огнем. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Конарев Дмитрий Михайлович, рядовой. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Костин Николай Петрович, 1923 г.р., уроженец Марьинского района Сталинской области, призван Марьинским РВК в Марьинском районе Сталинской области Украинской ССР, красноармеец, стрелок. Последнее место службы – 108-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 24 ноября 1943 г., умер от ран (сепсис). Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор [12]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения. Совпадение имени со списком захоронения № 61-1103.

Косынько Василий Иванович, 1903 г.р., урож. с. Вербовка Пологовского района Запорожской области, призван Пологским РВК в Пологовском районе Запорожской области Украинской ССР, красноармеец, рядовой. Последнее место службы – 4-й батальон, 832-й полк, 400-я стрелковая дивизия, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 20 октября 1943 г., умер от ран (наружная кровопотеря). Первичное место захоронения – г. Таганрог, кладбище, могила № 80 [13]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения. Совпадение имени со списком захоронения № 61-1103.

Котелкин Егор Романович, 1903 г.р., уроженец г. Мариуполя, красноармеец. Последнее место службы – 147-й гвардейский стрелковый полк. Дата выбытия – 17 декабря 1943 г., умер от ран.

Первичное место захоронения – г. Таганрог, юго-западная часть города [23]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения. Кожелкин Егор Романович, 1903 г.р., уроженец г. Мариуполя, призван Мариупольским ГВК Сталинской области Украинской ССР, красноармеец, стрелок. Последнее место службы – 147-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 17 декабря 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор, могила № 204 [10]. Это же имя встречается в данных упоминавшейся ранее могилы № 61-1103 (старая карточка), а также дублируется в старой карточке рассматриваемого захоронения. Данные из медицинского документа аналогичны данным донесения о безвозвратных потерях на имя Кожелкина Егора Романовича. Таким образом, выявляется путаница не только со списками разных захоронений, но и в рамках одного захоронения. Разница лишь в одной букве фамилии.

Курдюмов Константин Антонович, 1911 г.р., уроженец г. Осипенко, призван Осипенковским РВК в Осипенковском районе Запорожской области Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 64-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 02 января 1944 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, могила № 258 [14]. На мемориальной табличке есть дата рождения, она совпадает с указанной в документах.

Ленко Карп Петрович, 1897 г.р., с. Железняк Дзержинского района Сталинской области, призван Дзержинским РВК в Дзержинском районе Сталинской области Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 1166-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 16 декабря 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор, могила № 207 [15]. Дата рождения на табличке указана неправильно (1906 г. вместо 1897 г. из донесения о безвозвратных потерях). Ниже этой фамилии на табличке значится Межуев Иван Захарович, данная дата рождения подходит по документам ему, а не Ленко. Совпадение имени со списком захоронения № 61-1103.

Майоров Петр Игнатьевич, 1898 г.р., уроженец Янисольского района Сталинской области, призван Больше-Янисольским РВК в Больше-Янисольском районе Сталинской области Украинской

ССР, красноармеец. Последнее место службы – 309-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 22 ноября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор [16]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Майоров Федор Леонтьевич, 1899 г.р., уроженец д. Лыса Горка Куйбышевского района Ростовской области, призван Куйбышевским РВК Куйбышевском районе Ростовской области. Последнее место службы – 296-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 14 ноября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, кладбище, могила № 149 [28]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Матвеев Михаил Григорьевич, 1912 г.р., уроженец г. Пологовска (с. Донской Раздол [24]) Запорожской области, призван Пологским РВК в Пологовском районе Запорожской области Украинской ССР. Последнее место службы – 1042-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт, красноармеец. Дата выбытия – 23 ноября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор [17]. Дата рождения есть на табличке, но она не соответствует действительности (1910 г. вместо 1912 г.).

Межуев Иван Захарович, 1906 г.р., уроженец Бердянского района Запорожской области, призван Бердянским РВК в Бердянском районе Запорожской области Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 1177-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 31 декабря 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор, могила № 252 [18]. Совпадение имени со списком захоронения № 61-1103. См. данные о дате рождения на фамилию Ленко.

Моргунов Василий Никифорович, 1925 г.р., призван Красноармейским РВК в Красноармейском районе Сталинской области Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 665-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 30 ноября 1943 г., умер от ран (сепсис). Первичное место захоронения – г. Таганрог, авиагородок [19]. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Орлов Никита Иванович, 1902 г.р., уроженец х. Еленовки Константиновского района Сталинской области (в компьютерном наборе на сайте опечатка: Сталинградская обл. – *Прим. авт.*),

призван Константиновским РВК в Константиновский р-н Сталинской (Сталинградской обл.) Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – 1003-й стрелковый полк, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 30 октября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор [25]. Совпадение имени со списком захоронения № 61-1103. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Передерий Семён Назарович, 1912 г.р., уроженец колхоза «Колос» Гуляйпольского района Запорожской области, призван Гуляй-Польским РВК Гуляйпольского района Запорожской области Украинской ССР, красноармеец. Последнее место службы – воинская часть 312, 4-й Украинский фронт. Дата выбытия – 22 октября 1943 г., умер от ран. Первичное место захоронения – г. Таганрог, городское кладбище, юго-восточный сектор [20]. Совпадение имени со списком захоронения № 61-1103. На мемориальной табличке отсутствует дата рождения.

Таким образом, при составлении сведений о захороненных в братской могиле № 61-1100/2014 были выявлены ряд несоответствий с биографическими данными, имеющимися в документах. Среди них: дублирование имен в карточке рассматриваемого захоронения и старой учетной карточке воинского захоронения № 61-1103; ошибки в написании фамилий в различных документах (например, разное написание фамилии в медицинском документе и донесении о безвозвратных потерях при сходстве всех последующих данных); несовпадение дат рождения, указанных в документах и на мемориальной табличке (например, дата рождения может стоять напротив не той фамилии, быть вообще неверной или вовсе отсутствовать).

Стоит отметить, что выявить, кто действительно покоится в той или иной могиле, не представляется возможным, поскольку в таком случае нужно проводить экспертизу, которую очень сложно инициировать. Для нее необходимо получать согласие родственников на эксгумацию, а также искать источник для оплаты всех сопутствующих расходов. Тем не менее работа по уточнению биографических данных воинов, чьи имена значатся на братских могилах, представляется необходимой, чтобы воздать дань памяти людей, положивших свою жизнь за Родину.

Источники и литература

1. Информация из документов, уточняющих потери. Коваленко Александр Филиппович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75369646> (дата обращения: 15.02.2024).
2. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Журавель Даниил Владимирович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464573> (дата обращения: 11.02.2024).
3. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Загоруйченко Петр Петрович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=4364811> (дата обращения: 11.02.2024).
4. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Заика Иван Тимофеевич. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=81602881> (дата обращения: 11.02.2024).
5. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Залевский Евгений Самсонович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3561510> (дата обращения: 11.02.2024).
6. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Заморуй Георгий Григорьевич. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464572> (дата обращения: 11.02.2024).
7. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Кипер Иван Макарович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=2576478> (дата обращения: 15.02.2024).
8. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Кипер Иван Макарович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=81602877> (дата обращения: 13.05.2024).
9. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Коваленко Григорий Николаевич. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464579> (дата обращения: 15.02.2024).
10. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Кожелкин Егор Романович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464663> (дата обращения: 15.02.2024).
11. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Конбаса Иван Иванович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3561480> (дата обращения: 15.02.2024).
12. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Костин Николай Петрович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464612> (дата обращения: 15.02.2024).
13. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Косынько Василий Иванович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=4364780> (дата обращения: 15.02.2024).

14. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Курдюмов Константин Антонович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=54058155> (дата обращения: 15.02.2024).

15. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Ленко Карп Петрович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464638> (дата обращения: 16.02.2024).

16. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Майоров Петр Игнатьевич. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464605> (дата обращения: 16.02.2024).

17. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Матвеев Михаил Григорьевич. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464608> (дата обращения: 16.02.2024).

18. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Межуев Иван Захарович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464677> (дата обращения: 16.02.2024).

19. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Моргунов Василий Никифорович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3561359> (дата обращения: 16.02.2024).

20. Информация из донесения о безвозвратных потерях. Передерий семен Назарович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5464562> (дата обращения: 16.02.2024).

21. Информация из медицинского документа. Заика Иван Тимофеевич. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=61964265> (дата обращения: 11.02.2024).

22. Информация из медицинского документа. Кипер Иван Макарович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=61964229> (дата обращения: 15.02.2024).

23. Информация из медицинского документа. Котелкин Егор Романович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=61964406> (дата обращения: 15.02.2024).

24. Информация из медицинского документа. Матвеев Михаил Григорьевич. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=61964355> (дата обращения: 13.05.2024).

25. Информация из медицинского документа. Орлов Никита Иванович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=61964258> (дата обращения: 15.02.2024).

26. Информация из приказа об исключении из списков. Коваленко Александр Филиппович. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74940301> (дата обращения: 15.02.2024).

27. Книга памяти. Краснодарский край. Т. 8. Краснодар, 1994.

28. Майоров Федор Леонтьевич. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_gospital33016909/ (дата обращения: 15.02.2024).

29. Седачова Е.Н. Воинские захоронения Великой Отечественной войны на территории исторического некрополя Таганрога // Русская старина. 2023. № 14 (2). С. 112–121.

30. Учетная карточка воинского захоронения. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=89363925> (дата обращения: 06.05.2024).

31. Учетная карточка воинского захоронения № 1. Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. URL: <https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial/261233032/> (дата обращения: 06.05.2024).

32. Учетная карточка воинского захоронения № 6. Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. URL: <https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial/261233213/> (дата обращения: 13.05.2024).

А.Н. Заблотский, Р.И. Ларинцев

БОИ ЗА ТАГАНРОГ В ОКТЯБРЕ 1941 г. В НЕМЕЦКИХ ТРОФЕЙНЫХ ДОКУМЕНТАХ ИЗ ФОНДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВОВ

На протяжении почти 30 лет российские исследователи, не имевшие возможности выезжать для работы с оригинальными архивными источниками за рубеж, были ограничены в использовании полного массива немецких трофейных документов, хранящихся в Национальном архиве США и Федеральном военном архиве Германии. Данное ограничение было связано прежде всего с финансовыми вопросами и частично с отсутствием полного перечня содержания фондов германского Бундесархива.

Архивная революция, начавшаяся, к чести отечественного Министерства обороны, именно в российском сегменте Интернета, наконец-то распространилась и на зарубежные архивные хранилища. Первыми стали открывать свои закрома немцы, затем к ним подключились и американцы. Правда, Бундесархив ведет работу по оцифровке фондов достаточно медленно и часть дел еще не выложена в открытый доступ. Национальный архив США в конце прошлого года выложил в Интернет значительное число материалов, среди которых оцифрованные фонды документов люфтваффе,

кригсмарине, групп армий, полевых армий, корпусов и дивизий, а также соединений СС. В текущем 2024 г. предполагается выложить в открытый доступ и документы танковых армий.

Сегодня у отечественных исследователей, даже с учетом некоторых ограничений, имеется возможность проработать почти весь комплекс документов, относящихся к конкретному эпизоду Второй мировой войны. Главной проблемой при этом является сохранность документов в принципе. Проиллюстрируем сказанное на примере немецких трофейных документов, находящихся в фондах зарубежных архивов и относящихся к событиям, происходившим в районе Таганрога в октябре 1941 г.

Как известно, непосредственно на город наступали подразделения моторизованной бригады СС «Лейб-штандарт Адольф Гитлер» (в отечественной литературе в отношении ее иногда используется аббревиатура ЛАГ, которой мы для краткости и будем пользоваться), входившей в состав 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии группы армий «Юг». Итак, рассмотрим, какие же немецкие документы за интересующий нас период сохранились в архивах.

Наибольший интерес для исследователей представляют документы тактического уровня (в данном случае ЛАГ). Именно в них содержатся подробности, значимые для российских исследователей, прежде всего, эпизоды боевых действий, не вошедшие в донесения, отправленные в вышестоящие штабы. В данном случае имеется возможность использовать дела фонда Т. 354 (войска СС) за номерами 610 и 611 Национального архива США [10; 11]. В них содержатся срочные донесения в адрес 3-го танкового корпуса, которые отправлялись штабом ЛАГ несколько раз в день. К сожалению, эти документы рукописные, что серьезно затрудняет ознакомление с ними. Не сохранилось в делах 610 и 611, увы, журнала боевых действий соединения, который, как правило, является очень полезным документом для первичного ознакомления с текущей ситуацией на данном участке фронта. В целом ведение отчетной документации штабом ЛАГ не находилось на таком же уровне подробности и аккуратности, как в других дивизиях вермахта. Информация о событиях октября 1941 г. содержится также в документах Бундесархива (дела Rs. 3-1/24 [2] и 29 [3], а также RS. 18/273 [4]), однако в значительной степени они дублируют содержание фондов американских архивов.

Следующий уровень иерархии – это документы 3-го танкового корпуса, наступавшего вдоль северного побережья Азовского моря. Интересующие нас эпизоды нашли отражение в делах с номерами 183 [7] (журнал боевых действий корпуса), 185 [8] (входящие и исходящие донесения) и 187 [9] (документы разведотдела) фонда Т. 314 Национального архива США (корпусные управления вермахта). Из всего перечня наиболее интересны документы разведывательного отдела (или отдела 1с согласно структуре штаба немецкого войскового соединения от дивизии и выше). Однако в целом корпусные документы дублируют сведения, содержащиеся в сводках ЛАГ. Правда, работать с ними значительно легче, так как доля машинописных документов значительно выше. Те донесения, которые сохранились в фондах ЛАГ только в рукописном виде, в делах 3-го танкового корпуса уже перепечатаны на пишущей машинке. Так, авторы смогли обнаружить донесение о контратаке сводного истребительного батальона, сформированного по большей части из личного состава таганрогской милиции, только в корпусных документах [9]. Этот эпизод, согласно немецким документам, произошел вечером 14 октября 1941 г.

Несколько обширнее информация, содержащаяся в делах 1-й танковой армии (Национальный архив США, фонд Т. 313). Это связано с тем, что на армейский уровень поступали донесения не только от частей, ведущих бой непосредственно в данном районе. Так, в армейских документах (дело 8) [6] имеется информация о состоянии промышленных предприятий Таганрога сразу после захвата города немецкими войсками.

Приятной неожиданностью стало обнаружение в фонде немецкой авиационной миссии в Румынии (Национальный архив США, фонд Т. 405) [12] информационного обзора 4-го воздушного флота люфтваффе от 28 октября 1941 г. В обзоре приведены не только данные о боях с участием бронепоездов 8-го отдельного дивизиона на подступах к Таганрогу, но и содержится весьма лестная оценка противником героического поведения в бою их команд.

Если же говорить о боевой деятельности люфтваффе в боях за Таганрог, то информацию об этом можно получить из трех источников. Первый – это ежедневные донесения 4-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота, сохранившиеся как в документах немецкой авиационной миссии в Румынии, так и в фонде 11-й армии

вермахта (Национальный архив США фонд Т. 312) [5], наступавшей на Крым. Второй – это информационные сообщения разведывательного управления люфтваффе, которые доступны как в Национальном архиве США, так и на сайте российско-германского проекта по оцифровке фонда документов № 500 Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации [1]. Сведения о потерях люфтваффе как в технике, так и в личном составе (в том числе наземных подразделений) содержатся в сводках 6-го отдела службы генерал-квартирмейстера люфтваффе, выложенных на сайте Бундесархива. В данном случае давать ссылку на конкретные дела не имеет смысла, так как потери авиации рассредоточены сразу по нескольким томам сводок.

В целом сохранившиеся немецкие документы, посвященные боям за Таганрог в октябре 1941 г., позволяют в общих чертах представить себе ход боевых действий и зачастую по-новому взглянуть на события, происходившие в это время в городе и его окрестностях. Кроме героического боя бронепоездов 8-го дивизиона и удачной контратаки батальона таганрогских милиционеров, документы противника сохранили сведения о сопротивлении, оказанном бойцами истребительного батальона [9] (в документе указано, что сопротивление оказывали гражданские лица) непосредственно во время боев в городе.

Источники и литература

1. Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации. URL: <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1-fond-500> (дата обращения: 16.04.2024).
2. Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA-MA). RS. 3-1/24.
3. BA-MA. Rs. 3-1/29.
4. BA-MA. Rs. 18/273.
5. National Archives and Records Administration (далее – NARA). T. 312. R. 362.
6. NARA. T. 313. R. 0008.
7. NARA. T. 314. R. 0183.
8. NARA. T. 314. R. 0185.
9. NARA. T. 314. R. 0187.
10. NARA. T. 354. R. 610.
11. NARA. T. 354. R. 611.
12. NARA. T. 405. R. 0054.

Раздел 2. Боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния

С.А. Хубулова

ГРУППЫ САМОЗАЩИТЫ В СИСТЕМЕ МЕСТНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ ВЛАДИКАВКАЗА В 1941–1942 гг.

На современном этапе развития международных отношений большую тревогу вызывает рост агрессивных тенденций в Европе в отношении России. Украинские националисты не оставляют намерений наносить по российским приграничным территориям военные удары, совершать авианалеты, запускать дроны и т.д. Данная ситуация требует активизации средств противовоздушной обороны (далее – ПВО), которые должны уже на подступах к российской территории уничтожать вражескую технику.

Защита населения от авиационных бомбардировок возлагается на местную противовоздушную оборону страны (далее – МПВО). Отметим, что история МПВО в отечественной науке долгое время изучалась преимущественно в общем контексте истории Великой Отечественной войны [1; 2; 10; 18]. Лишь в последние десятилетия внимание к проблеме стало усиливаться и вопросы деятельности МПВО попали в научное поле [13–15; 17; 20]. Интерес представляет изучение и первичной структуры МПВО – групп самозащиты населения [9; 12; 14; 16].

Данная страница истории Великой Отечественной войны на материалах Северной Осетии до настоящего времени не рассматривалась. Мы попытаемся остановиться на основных вопросах указанной темы.

Подразделений МПВО в Северной Осетии, в отличие от приграничных и крупных населенных пунктов, не было. Они стали формироваться лишь в первые дни войны. Первичной ячейкой МПВО стали группы самозащиты. Они формировались при каждом жилом доме, государственном заведении и предприятии. На основании

постановления Совета народных комиссаров СССР от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к ПВО» к соответствующей работе привлекались и мужчины, и женщины – жильцы или сотрудники организаций [21]. В постановлении бюро Орджоникидзевского городского комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП(б)) от 7 июля 1941 г. подготовке населения к ПВО и противовоздушной химической обороне (далее – ПВХО), направленной на укрепление обороноспособности населения, придавалось исключительное значение. Ставились следующие задачи: «а) наметить конкретные мероприятия по обеспечению охвата всего населения обучением ПВО и ПВХО; б) форсировать по районам строительство щелей для противоосколочных и фугасных авиабомб, мобилизовать для этого население районов» [26: 62]; «в) обязать горисполком до 1 августа с.г. (1941 г. – С. Х.) обеспечить восстановление по городу правил обязательного поведения населения при ПВО и ПВХО и материальное оснащение групп самозащиты специальным имуществом, согласно постановления СНК СССР от 2.07.41 г.» [7: 162].

В г. Орджоникидзе к решению проблемы приступили в конце июня 1941 г.: «Обязать райисполкомы в соответствии с преподанными директивами и распоряжением исполкома горсовета закончить не позже 10 августа организацию групп самозащиты в жилых домах (объединениях мелких домов), утверждение начальников групп, приступить к обучению групп и организовать дежурства населения у домов из числа членов группы самозащиты» [25: 59].

Группа самозащиты создавалась при жилых домах с численностью проживающих до 500 человек. В частном секторе формирование группы происходило поквартально. На предприятиях, в учреждениях с численностью работников от 100 до 350 человек создавалась группа, если же численность работников превышала указанную цифру, то дополнительно формировалась санитарная команда. Группы самозащиты состояли из нескольких звеньев: охраны порядка и наблюдения; противохимического; пожарного и медико-санитарного; аварийно-восстановительного.

Каждая группа имела типовое оснащение. Для сигналов имелись свистки, колокол; для оказания санитарной помощи – носилки, санитарные сумки, индивидуальные медицинские пакеты; для борьбы с пожаром – ломы, лопаты, клещи, которыми извлекали

зажигательные бомбы, ведра для подачи воды, лотки с песком; при опасности химической атаки – противогазы, комбинезоны [24: 6].

Обязательным было обучение по программам ПВХО: «а) разослать населению повестки установленного образца и потребовать в конкретные сроки представить справки по прохождению ПВХО; б) ликвидировать частые смены начальников групп самозащиты и командиров звеньев, неработоспособных начальников и командиров звеньев заменить на работоспособных, обратив внимание при этом на качество подбора лиц» [4: 182; 26: 62]. Программу подготовки составили в местном отделении Осоавиахима, она составила 40 ч и реализовывалась в течение 20 дней. Кроме этой подготовки медико-санитарные звенья получали дополнительные знания в отделениях Красного Креста. Организация классных помещений, проверка наличия наглядных пособий возлагались на начальников групп самозащиты. По окончании курса слушатели сдавали экзамен, на котором в качестве комиссии присутствовали представители Осоавиахима, МПВО и горисполкома. Засчитывались результаты, оцененные на отлично и хорошо, в противном случае приходилось готовиться к повторному курсу.

Бюро городского комитета ВКП(б), взявшее под контроль организацию групп самозащиты, особо отмечало, что организация групп самопомощи и проведение с ними занятий «проводится крайне неудовлетворительно. Из имеющихся по списку 274 групп самозащиты, занятия проводятся только в 51-й группе. Среди домохозяек в группах самозащиты занятия не проводятся. Занятия с начальниками групп самозащиты и командирами звеньев проходят с низкой посещаемостью. Со стороны райисполкомов имелись факты несерьезного подбора начальников групп самозащиты и командиров звеньев» [6: 223]. Укомплектование групп самозащиты по городу проходило с большими сложностями, так как многие были по мобилизации призваны на рытье окопов, на сельскохозяйственные работы и проч. Заменить ушедших не представлялось возможным.

Во главе образованной команды находились управдомы и/или председатели уличных комитетов (в жилых домах) и коменданты (в государственных заведениях). Они состояли в подчинении начальника местной противовоздушной обороны. Среди разнообразия обязанностей, которые возлагались на начальников групп самозащиты, были первостепенные – подготовка и обучение

граждан к выполнению противопожарных и профилактических мероприятий (светомаскировка, соблюдение норм содержания чердаков, подвалов, бомбоубежищ, установка ларей с песком, бочек с водой, огнетушителей, оснащение противогАЗами, оповещение о воздушной тревоге и др.). В случае команды «угрожаемое положение» начальник группы должен был контролировать обязательное нахождение дежурных на крыше дома. Группы самозащиты могли оказать помощь соседним домам в случае серьезных последствий воздушных налетов [9].

Круг задач, который стоял перед группами самозащиты, сводился к следующему: во-первых, осуществление контроля над противопожарным состоянием, светомаскировкой, предупреждением о налете, укрытии людей, находящихся в здании. В случае налета вражеской авиации члены группы самообороны должны были ликвидировать возникший пожар, разрушения, осуществлять поиск и доврачебную помощь гражданам, которые в этом нуждались [8: 9].

Проведенный в конце августа 1941 г. осмотр бомбоубежищ и щелей в Ленинском районе г. Орджоникидзе также дал неудовлетворительные результаты: «По району на 22.08.41 г. вырыто щелей 1097 м на 2194 человека, что составляет по району всего 4–5 %. Все остальные щели находятся без всякого присмотра, в результате чего большинство их оказалось непригодными, т. к. во время дождей их залило, и часть из них обвалилась; подвалы под бомбоубежища и газоубежища не освобождаются, а освобожденные в надлежащий порядок не приводятся. Вопрос как обеспечить население щелями и убежищами, райисполком и РК ВКП(б) упустили. Правила светомаскировки по району соблюдаются плохо» [5: 147].

Для устранения выявленных проблем следовало все имеющиеся щели привести в полную готовность к зиме (накрыть, сделать двери, отдушины, заготовить керосиновые лампы); обеспечить щелями, в первую очередь, всех детей и граждан престарелого возраста, приписав их к определенным щелям. В дальнейшем предполагалось рытье щелей продолжить, используя для этого свободные площадки, скверы, бульвары, в том числе и газоны проспекта. Для рытья щелей и подготовки их к зиме предполагалось использовать население города в порядке трудовой повинности; все имеющиеся в городе подвалы, предназначенные под

газо- и бомбоубежища, освободить, закрепив их за предприятиями, которые были обязаны оборудовать прикрепленные к ним подвалы под газо- и бомбоубежища [3: 223].

Дежурства у домов устанавливались с 21 ч до 5 ч утра. На весь период угрожаемого положения города распространялось требование о светомаскировке. К несению дежурств у домов привлекались «в порядке очереди граждане, обязанные состоять в группах самозащиты данного дома или группы домов, в возрасте: женщины от 18 до 55 лет, мужчины – от 16 до 60 лет, проживающие в домах; каждый вступающий дежурный на пост у дома должен знать основные обязанности: наблюдать за светомаскировкой в домах, дополнительно оповещать население домов о воздушной тревоге, поддерживать связь с ближайшими группами самозащиты и постами милиции, охранять оставленное имущество и проч.» [11: 106]. Проверкой, проведенной 29 сентября 1941 г. горисполкомом совместно с управлением рабоче-крестьянской милиции, было установлено, что дежурства у жилых домов в эти дни почти совсем прекратились [16: 419]. По таким улицам, как Ленина, М. Горького, Сталина, Маркса, Красноармейская, Августовских Событий, Льва Толстого, Будённого, Кесаева, Огородная, Интернациональная, дежурных совсем не оказалось [25: 25].

По решению Орджоникидзевого (Владикавказского) комитета обороны на граждан, которые по разным причинам уклонялись от участия в работе группы, накладывался штраф в размере 100 руб. или исправительные работы сроком до одного месяца. От участия в группах самозащиты и от несения дежурств у домов были освобождены больные на время, необходимое для восстановления здоровья; инвалиды труда и войны, беременные женщины за 35 дней до родов и женщины, имеющие детей до пятилетнего возраста.

7 августа 1942 г. на территории Северо-Осетинской АССР было объявлено военное положение. Стали обязательны светомаскировка, дежурство на крышах домов и т.д. На членов групп самообороны возлагалась обязанность контролировать, как жильцы выполняют предписания по соблюдению режима светомаскировки. Так, по сведениям МПВО, представленным в комитет обороны республики в сентябре 1941 г., было зафиксировано 179 актов, составленных за нарушение светомаскировки, и взысканы штрафы. При обследовании жилых объектов в городе были, например,

выявлены нарушения, которые следовало устранить в короткие сроки: «Предложить всем райжилуправлениям и управляющим домами закончить очистку чердаков и других захламленных мест от мусора, завести песок, установить бочки с водой, изготовить лестницы, провести остальные противопожарные мероприятия, закончив все работы до 17.08.41 г.; 2. Обязать директоров фабрик, заводов и руководителей учреждений, имеющих подведомственные им жилдома, обеспечить последние необходимым материалом и инвентарем для противопожарных целей; 3. Для осуществления противопожарных мероприятий в домах всем домоуправляющим широко привлекать домовую общественность (женщин-домохозяек, молодежь)» [19: 104].

Ситуация с налетами вражеских самолетов на город сложилась крайне тревожная. Начиная с 31 октября 1942 г. город подвергался бомбежке. Оповещение населения о приближении самолетов противника к г. Орджоникидзе до 2 ноября 1942 г. производилось через радиотрансляционную сеть и гудками заводов. Со 2 ноября сигнал «ВТ» и «СТ» не подавался вследствие выхода средств сигнализации из строя от бомбардировки (были выведены из строя электропроводка, связь и радиотрансляционная сеть).

В связи с тем что г. Орджоникидзе с 31 октября по 7 ноября 1942 г. неоднократно подвергался бомбардировкам и, как следствие разрушениям, командование городского штаба за дни небольшого затишья устраняло очаги поражения и в районах подразделения МПВО ремонтировали жилые здания, подъезды и т.д. [7: 1]. За период массовых налетов вражеской авиации на г. Орджоникидзе были и прямые попадания бомб в щели, в которых укрывались жители. Так, в Промышленном районе произошло прямое попадание авиабомбы в щель, в которой укрывались 15 жителей близко расположенных домов. Все жители, находившиеся в щели от разрыва бомбы, были убиты и погребены под землей 2 ноября 1942 г. Через три часа после попадания авиабомбы в щель аварийно-восстановительный взвод 1-го района прибыл к месту происшествия, извлек трупы из-под земли и направил их в морг. В Ленинском районе было отмечено прямое попадание авиабомбы в щель, в которой укрывалось восемь жителей, – все они были убиты. 2 ноября аварийно-восстановительный взвод 2-го района извлек трупы убитых и направил их в морг. От осколков и взрывной

волны разорвавшейся бомбы еще три человека получили тяжелые ранения и четыре человека – легкие ранения. Последним была оказана медицинская помощь, и все они направлены в городскую больницу [23: 97].

Группы самозащиты приступали к ликвидации поражений немедленно. В первую очередь, группы самозащиты оказывали помощь пострадавшему населению. По сигналу воздушной тревоги группы самозащиты обходили квартиры и дома, призывая жильцов пройти в бомбоубежище. Дежурные на крышах гасили зажигательные бомбы; часть бойцов наблюдала за светомаскировочной дисциплиной. Пожарная группа локализовала площадь пожара, проводила спасательные работы. Аварийно-восстановительная группа ликвидировала повреждения на водопроводе, в электроснабжении; санитарные звенья оказывали первую медицинскую помощь. С 21 по 25 ноября 1942 г. подразделения МПВО районов в основном занимались боевой подготовкой, кроме этого ежедневно 15–20 бойцов работали в очагах поражения городского водопровода [22: 183].

Ряд бойцов и командиров отделений формирований МПВО в тяжелые дни осады города проявили исключительную стойкость и самоотверженность, ликвидируя последствия налетов вражеской авиации. За проявленное мужество и самоотверженность в работе были награждены грамотами Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР командир медико-санитарного взвода Н.А. Бенина и командир взвода Управления связи Паченцов [11].

Таким образом, группы самозащиты сыграли исключительную роль в защите населения во время боев за г. Орджоникидзе.

Источники и литература

1. Бочин Н.Д. Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту ДОСААФ СССР. М., 1953.
2. Васютин Ю.С. Военно-патриотическое воспитание: теория, опыт. М., 1984.
3. Государственный архив новейшей истории РСО – Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 3. Оп. 1. Д. 16.
4. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35.
5. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73.
6. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 162.
7. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 164.
8. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 190.

9. Головина Ю.В. Группы самозащиты как начальное звено системы местной противовоздушной обороны Тулы и области в годы Великой Отечественной войны // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2014. № 1. С. 85–92.

10. Голушко И.М. Солдаты тыла. М., 1988.

11. Городские партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе – Владикавказ): документы и материалы: в 3 т. Т. 1. Июнь 1941 г. – июль 1942 г. / сост.: Е.В. Туфанов и др. Ставрополь, 2022.

12. Гражданская оборона – дело всенародное: историко-художественный публицистический сборник / под общ. ред. В.А. Пучкова. М., 2017.

13. Гусев А.В. Исторические предпосылки создания и развития системы местной ПВО СССР (1918–1961 гг.). Кострома, 2009.

14. Защита населения и территорий в чрезвычайных ситуациях. Калуга, 2001.

15. Исторические параллели. Роль МПВО в годы Великой Отечественной войны: сборник трудов научно-практической конференции. 3 мая 2023 года. Химки, 2023.

16. Кайтуков Г.Б. Система подготовки групп самозащиты населения г. Орджоникидзе/Владикавказа в годы Великой Отечественной войны // Наука и образование: тенденции, проблемы и перспективы развития: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых / под ред. И.В. Иванченко. Ставрополь, 2020. С. 419–422.

17. Крюкова Л.В. Из истории деятельности МПВО в 1930–1940-е годы на Ставрополье // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 10-2. С. 74–78.

18. Маин В.Н., Семенова Л.М. Оборонно-массовая работа учителей в годы войны // Деятельность КПСС по повышению общественно-политической активности комсомольских организаций в период строительства социализма (1925–1985). Иваново, 1988. С. 44–51.

19. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны / авт.-сост. С.А. Хубулова, Л.Ч. Хаблиева, А.Е. Батыров. Владикавказ, 2012.

20. От МПВО к гражданской защите (исторический очерк) / под ред. С.К. Шойгу. М., 1998.

21. Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР о всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне. 2 июля 1941 г. // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л., 1942. С. 81–85.

22. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 7.

23. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Л. 44.

24. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 146.

25. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 185.

26. Януш С.В., Хубулова С.А. Деятельность партийно-советских органов г. Орджоникидзе в условиях реалий Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 1 (52). С. 59–67.

М.Р. Лысенко

ТАГАНРОГСКО-ПОКРОВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ: ПЕРВЫЙ ШТУРМ МИУС-ФРОНТА¹

Ведение наступательных боевых действий является многоуровневым процессом со своими особенностями и условиями, непосредственно влияющими на результат. Это мы можем заметить, в том числе, в ходе главного военного конфликта в Восточной Европе с начала 2022 г. Для понимания основных причин сложности наступления важно иметь в виду опыт прошлых сражений, который дает представление о различных факторах, влияющих на результат боевых действий, и значении их последующего осмысления.

1942 г. был наполнен сражениями, отражавшими различные аспекты действий Красной армии, касающиеся как организации наступления, так и его реализации. Наиболее показательной в отношении проблем наступательных возможностей и планирования Рабоче-крестьянской Красной армии является Таганрогско-Покровская наступательная операция, проходившая на южном крыле советско-германского фронта в период с 8 марта по 1 апреля 1942 г., которая к тому же мало освещена в историографии [1–3].

В первую очередь важны причина и обстоятельства проведения Таганрогско-Покровской операции. На момент окончания маневренной фазы Барвенково-Лозовской наступательной операции (31 января 1942 г.) можно было констатировать, что войска Юго-Западного и Южного фронтов не достигли поставленных целей – уничтожения донбасско-таганрогской группировки немцев и освобождения Донбасса. В этой связи к концу февраля 1942 г. в штабе

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 24-28-01642, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

юго-западного направления начали составлять новые планы будущего наступления. Если до этого основной удар наносился с севера на юг, то в новой операции предпочли два смежных удара: с севера и с юга. Обосновывалось это в первую очередь ослаблением немецких сил перед левым флангом Южного фронта. Так, если плотность немецкой обороны в начале января составляла около 8,5 км на дивизию, то к концу февраля уже 12 км [18: 7252512, 7252569]. Намечались главные цели будущего наступления в оперативных директивах юго-западного направления №007/оп от 25 февраля и 0009/оп от 28 февраля 1942 г. – это соответственно уничтожение красноармейско-артемовской и славянско-краматорской немецких группировок; лишение противника таганрогского плацдарма и занятие войсками выгодного положения для развития наступления в обход донбасской группировки противника [10: 2–11].

То есть Таганрогско-Покровская наступательная операция была изначально спланирована как составная часть крупного наступления на оперативную глубину с перспективой развития. Общая задача операции была следующей: «56-я армия центром и левым крылом должна овладеть Таганрогским районом и прочно удерживать: Демидовка, Соколов, Ново-Петровский, устье р. Миус и южный берег Миусского Лимана» [10: 11]. Наступление планировалось на направлении главного удара на глубину 20–22 км фронтом в 28 км, правым флангом на глубину 5–10 км фронтом в 5 км с выставлением обороны на север и северо-запад. Продолжительность операции должна была составить 6–7 суток. Основными препятствиями географического характера считались р. Миус с ее низменной долиной без естественных укрытий и высоты с крутыми скатами на ее правом берегу.

Для решения поставленных директивой амбициозных задач следовало иметь крупные и подготовленные силы. Имелись ли они? Наступление планировалось войсками 56-й армии в составе 339-й, 30-й, 347-й стрелковых дивизий и 13-й стрелковой бригады; приданными частями усиления в виде 3-го гвардейского стрелкового корпуса, состоявшего из 2-й гвардейской стрелковой дивизии, 68-й, 81-й, 76-й морских стрелковых бригад. Также в виде резерва имелись 63-я танковая бригада и 102-я стрелковая бригада. В отношении артиллерии группировка усиливалась 689-м, 574-м и 17-м тяжелыми артполками и 526-м артполком большой

мощности. Суммарное количество тяжелой артиллерии в источниках разнится. Так, в документах, подготовленных оперативным отделом штаба Южного фронта, по итогам операции указывается 260 орудий [16: 33] (не считая минометов и легкой артиллерии). На основании анализа журнала боевых действий артиллерии 56-й армии, исходя из расчета декларируемой плотности тяжелой артиллерии в 11 орудий на 1 км, можно сделать вывод о работе 308 орудий [13: 41]. Однако и данная цифра не является однозначной, так как, вероятно, учитываются минометы 120 мм (которые в данном случае не учитываются из-за отсутствия боеприпасов) [8: 40], поэтому, произведя расчет по всей артиллерии, привлекавшейся к наступлению, получаем цифру в 175 орудий [6: 123; 7: 226; 9: 46] калибра 122 мм и выше. Особое внимание уделяется именно крупнокалиберной артиллерии, исходя из специфики немецкой обороны перед позициями 56-й армии.

С момента закрепления на Миусе в декабре 1941 г. немецкие войска подготовили на данном рубеже достаточно прочную и глубокую оборону. В полосе наступления 56-й армии располагались 125-я пехотная дивизия вермахта в полном составе, 73-я пехотная и 13-я танковая дивизии неполного состава. Плотность и эшелонирование боевых порядков противника были высокими: 10 км по фронту и 5 км в глубину на дивизию. Состав и оснащение немецких частей по всей линии обороны находились на уровне 70 %, но в худшую сторону выделялись 73-я пехотная и 13-я танковая дивизии, так как представляли собой по два полка пехоты и дивизион артиллерии, что в свою очередь компенсировали узким фронтом обороны по 12 км. Общее количество тяжелой артиллерии противника составляло около 177 орудий, из которых 49 приходилось на 125-ю пехотную дивизию [15: 232; 19: 162]. Подготовку основных участков немецкой обороны в фортификационном отношении можно рассмотреть на примере позиций 13-й танковой дивизии, где на каждый километр обороны первой линии приходилось две огневые точки с защитой от крупнокалиберных снарядов (дерево-земляные огневые точки (далее – ДЗОТ) с рельсовым перекрытием потолка и земляной насыпью), около 16 ДЗОТов, а также около 11 пулеметных гнезд и двух позиций для орудий [19: 192]. Располагались укрепления на господствующих высотах с крутыми склонами, с которых долина Миуса полностью

простреливалась, что еще сильнее осложняло их штурм. Преодоление таких позиций было возможно лишь при условии привлечения превосходящего количества крупнокалиберной гаубичной артиллерии и заранее вскрытых огневых точек.

Наступление, согласно первоначальному плану, должно было осуществляться по двум основным направлениям с общей целью – освободить Таганрог: вдоль западного берега – 3-м гвардейским стрелковым корпусом через с. Ряженое, высоты 101, 105.4 и далее вдоль Миуса до Дарьевки, запирая таганрогский плацдарм с находившимися там 73-й пехотной дивизией и 1-й бригадой «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Таранить немецкую оборону и брать высоты должны были 76-я, 68-я морские стрелковые бригады и 2-я гвардейская стрелковая дивизия. Развить наступление на данном направлении должны были 81-я морская стрелковая бригада и рота танков Т-60 из 86-й танковой бригады с автоматчиками. Всего данный ударный кулак представлял собой 26 200 человек [4: 97; 16: 127, 131, 134]. Поддерживали наступление 131 тяжелое орудие и миномет, в том числе орудия 203 мм (22 орудия на 1 км) [7: 226]. Бригады морской пехоты насчитывали в среднем чуть больше 4 тыс. человек без орудий крупного калибра, поэтому их наступательные возможности были невелики и кратковременны, в том числе из-за избыточной храбрости. Куда более многочисленным и боеспособным являлся костяк 3-го гвардейского корпуса – 2-я гвардейская стрелковая дивизия, имевшая 13 тыс. человек личного состава, однако из них больше половины прибыло пополнением в маршевых ротах, а вкупе с чрезвычайно сжатыми сроками слаживания дивизия в плане выучки оказалась слаба. Второй наступательный клин планировали задействовать вдоль восточного берега в общем направлении на села Покровское и Троицкое силами 30-й стрелковой дивизии с 13-й стрелковой бригадой через пос. Рясный с поддержкой с левого фланга 347-й стрелковой дивизией, которая имела наиболее выгодные исходные позиции для наступления по гребням высот. Подвижным резервом выступала 63-я танковая бригада без одного батальона. Всего вышеперечисленная ударная группировка представляла собой по верхней оценке 17 500 человек (около 7 тыс. личного состава на дивизию) при 66 тяжелых орудиях и минометах, и 36 танках (КВ – 10, Т-34 – 16) [7: 226; 16: 138].

На этапе анализа планирования операции и расчета привлекаемых сил и средств сразу необходимо обратить внимание на следующие факторы, предрекавшие малые шансы на успех. Войска и штаб 56-й армии не имели необходимого количества времени на подготовку к операции. Создание огневого и численного превосходства было достигнуто лишь на направлении удара 3-го гвардейского стрелкового корпуса, изобилующего естественными препятствиями, что делало ключевыми боевые действия именно на данном участке. В Таганрогско-Покровской операции наступавшим войскам предписывалось использовать новую тактику «артиллерийского наступления» [5: 75–81]. Как все эти факторы отразились на ходе наступления?

Из-за проблем с погодой и доставкой боеприпасов наступление неоднократно откладывалось и в итоге началось с раннего утра 8 марта 1942 г. Привлеченных сил 3-го гвардейского стрелкового корпуса хватило, чтобы вклиниться в немецкую оборону, занять высоту 101 и даже угрожать артиллерии 125-й пехотной дивизии. Однако, несмотря на первоначальные успехи, уже к полудню наступление застопорилось и начали вскрываться основные проблемы. Главная сила корпуса – 2-я гвардейская стрелковая дивизия – завязла в штурме с. Ряженого, а попытка обхода высот с юга через балку Паровую окончилась неудачей. Приданный танковый батальон не смог переправиться за Миус и оказать поддержку закрепившимся. Артиллерия 689-го артполка не вела огня из-за проблем со связью, что поставило наступавших в еще более тяжелое положение, причем это был далеко не последний неудачный эпизод использования артиллерии в данном сражении. В первый день морякам и гвардейцам удалось нанести чувствительные потери 125-й пехотной дивизии в 495 человек [17: 7247025] и создать кризис обороны противника, что в свою очередь заставило немцев запросить корпусной резерв – 12 танков – для контратаки, а также увеличить расход боеприпасов до 1 тыс. выстрелов в сутки [15: 208, 211]. Сильно прореженные части 3-го гвардейского стрелкового корпуса под шквалом огня немецкой артиллерии, авиации и танков дрогнули и местами беспорядочно отступили с занятых высот, в том числе из-за отсутствия противотанковых средств.

Такое развитие событий объясняется в первую очередь посредственным огневым обеспечением войск. Еще сырая тактика

артиллерийского наступления полностью меняла применение артиллерии. Вследствие того что противник был зарыт в неуязвимые для легкой артиллерии позиции на господствующих высотах, для его эффективного подавления задействовали тяжелые гаубицы, отвлекая последних от контрбатарейной борьбы в процессе боя. Ранее перед атакой велась артподготовка из всех орудий по позициям противника. С новой тактикой расчеты орудий в течение подготовительного периода уничтожали огневые позиции, а с началом наступления работали по запросам пехоты. Это привело к постоянным метаниям крупнокалиберной артиллерии между разными целями. Создавался беспорядочный неэффективный огонь, перерасход снарядов, а расчеты орудий существенно подставляли свои позиции под контрбатарейный огонь противника, который корректировался наблюдателями с удобных позиций. Немецкая артиллерия в данном сражении имела карт-бланш, что делало наступление такими силами малореальным.

После первого дня штурма стремительный рывок наступавших войск перерос в истощающий, безуспешный натиск. Потери 3-го гвардейского корпуса за два дня боев исчислялись более чем в 3800 убитых и раненых, 68-я морская стрелковая бригада и вовсе была сменена 81-й бригадой и выведена в резерв [13: 41]. Наступавшим не удалось закрепиться на позициях и взять злощастное Ряженое, вследствие чего командующим 56-й армии было принято решение использовать артиллерию большой мощности, чтобы снести населенный пункт и высоту 101. Было выпущено 514 снарядов 203 мм, однако даже это результата не дало, взять руины Ряженого всё еще было невозможно из-за наблюдателей на высотах [12: 77].

Вследствие бесперспективности дальнейшего штурма высот и Ряженого, масштабы наступления были сжаты до одного направления с куда меньшей целью – обеспечить выход к Миусу и Миусскому лиману. 3-й гвардейский стрелковый корпус без 76-й морской стрелковой бригады переводился на участок восточного берега Миуса, где ранее 30-я и 347-я стрелковые дивизии с 13-й стрелковой бригадой и танками не достигли какого-либо результата. Так называемый второй этап Таганрогско-Покровской операции с 14 по 16 марта 1942 г. также провалился. Смена направления и сужение фронта наступления уже не могли привести

к успеху. Начали проявляться тактические проблемы в виде отсутствия слаженности пехоты с танками, больших потерь и общего превосходства немцев в артиллерии на данном направлении. Третий этап наступления и вовсе имел мало смысла, после чего, как верно подмечено в работе «Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г.», «больше наступать было некому, да и незачем» [1: 84].

За время операции было потеряно 15 943 солдата и офицера, две трети из которых приходятся на первые три дня, что является антирекордом за март 1942 г. по всему Южному фронту [13: 41]. Немецкие потери оцениваются примерно в 1300 человек [17: 7247025–7247030]. Примечательно, что наносились эти потери в первую очередь вследствие огромного расхода боеприпасов 56-й армией в период операции: два боекомплекта на орудия 122 мм (все имевшиеся боеприпасы к этому калибру как в войсках, так и на складах); три боекомплекта 152 мм, или 185 выстрелов на орудие, что в два раза больше среднего расхода за март 1942 г. по всем фронтам; 5–6 боекомплектов на 203 мм орудия, что чрезвычайно много и в два раза больше установленного лимита 56-й армии [8: 40; 14: 40]. Можно сделать вывод, что, несмотря на изобилие боеприпасов, это не решило проблемы общей нехватки орудий, учета условий рельефа местности и технического превосходства немецкой артиллерии.

В данном сражении наиболее полно вырисовываются как общие, так и частные проблемы Красной армии в начале 1942 г. Одной из главных особенностей было «головокружение от успехов», возникшее после Барвенково-Лозовской операции, и, как следствие, стремление не упустить окно возможностей в момент предполагаемой слабости немецкой обороны и «дожать» группу армий «Юг» к Азовскому морю. Это обстоятельство и побудило главнокомандующего юго-западным направлением маршала С.К. Тимошенко и начальника опергруппы направления генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна утвердить уже готовый план наступления с масштабами, не соответствовавшими привлекавшимся силам и выделенным срокам [10: 11–13; 11: 14–20]. Получившееся неудачное и растянутое наступление дало обильную почву для расследования оперативным работникам Генерального штаба Красной армии. Более всего поднимался вопрос применения артиллерии, так как

изобилие боеприпасов крупного калибра не позволило компенсировать слабое управление огнем, что вынудило дополнять тактику «артиллерийского наступления». К планированию наступлений также стали подходить более комплексно, во-первых, отдавая инициативу планирования действий дивизий и бригад в руки командующих армиями и командиров корпусов, во-вторых, привлекая к операциям соответствующие силы. Таганрогско-Покровская операция – это темная страница как Великой Отечественной войны, так и истории отечественных Вооруженных сил, которая показывает, что неудачная операция считается неудачной лишь в той мере, в коей ее опыт не раскрывает причин неудачи и не ложится в основу будущих успехов.

Источники и литература

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д., 2011.

2. Роменский А.Ф. Пять попыток прорыва Миус-фронта // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2013. С. 38–44.

3. Пужаев Г.К. Кровь и слава Миуса: военно-исторический очерк. Таганрог, 1998.

4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 47. Оп. 1063. Д. 429.

5. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 103.

6. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 648. Д. 100.

7. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 841.

8. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1056.

9. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1067.

10. ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 159.

11. ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 269.

12. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 40.

13. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 53.

14. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10297. Д. 38.

15. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12477. Д. 625.

16. ЦАМО РФ. Ф. 832. Оп. 1. Д. 16.

17. National Archives and Records Administration (далее – NARA). Т. 313. R. 18.

18. NARA. T. 313. R. 23.

19. NARA. T. 315. R. 642.

В.И. Афанасенко

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ В ПОЛОСЕ ЮЖНОГО ФРОНТА 20–25 ИЮЛЯ 1942 г.¹

Одной из малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны является Ростовская фронтовая оборонительная операция, проходившая в июле 1942 г., в частности боевые действия советской и немецкой авиации в нижнем течении Дона в этот период. Настоящая статья ставит своей целью осветить деятельность данного рода войск в полосе Южного фронта при обороне Ростова-на-Дону 20–25 июля 1942 г.; на примере работы летчиков 4-й воздушной армии рассказать о жертвенном подвиге защитников донской столицы, который в течение восьми десятилетий замалчивался из-за негативной оценки в приказе № 227 «Ни шагу назад!» [6].

Основными историческими и историографическими источниками для написания статьи послужили документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) [7–12], исследование донского краеведа, командира поискового отряда «Донской» имени А. Калинина В.А. Градобоева «Авиация Дона: герои донского неба» [4], историческая справка о боевых действиях 4-й воздушной армии [1], а также мемуары Героя Советского Союза, главного маршала авиации К.А. Вершинина [3]. Начало серьезной исследовательской работы по данной теме автором и коллегами было положено в рамках подготовки коллективной монографии «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)» [2].

Весной 1942 г. в действующей армии началось формирование авиационных объединений. В соответствии с приказом народного комиссара обороны СССР № 0086 от 7 мая 1942 г. на базе Военно-воздушных сил Южного фронта к 22 мая 1942 г. была

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

сформирована 4-я воздушная армия. Ее командующим был назначен генерал-майор авиации К.А. Вершинин. Из исторической справки о деятельности 4-й воздушной армии узнаем, что в ее состав вошли шесть авиадивизий: 216, 217, 229-я истребительные; 230-я штурмовая; 219-я бомбардировочная и 218-я ночная бомбардировочная дивизии; один учебно-тренировочный и семь отдельных смешанных авиаполков, эскадрилья связи и эскадрилья дальней разведки. Армия располагала 208 исправными самолетами и 437 летными экипажами.

В начале июня 1942 г. 4-я воздушная армия пополнилась 588-м ночным легкомобильным полком, ставшим в Военно-воздушных силах СССР первой полностью женской авиационной частью [1]. В феврале 1943 г. полк был преобразован в 46-й гвардейский, а в октябре удостоен почетного наименования «Таманский». Двадцати трем летчицам-гвардейцам было присвоено звание Героя Советского Союза. В их числе майор Евдокия Андреевна Никулина, почетный гражданин г. Ростова-на-Дону, где она прожила 48 лет. Одна из улиц носит имя героини, совершившей 774 боевых вылета, на доме с адресом пер. Журавлева, 104 установлена мемориальная доска. В 2017 г. ее именем был назван музей боевой славы, открытый в Ростовском технологическом техникуме сервиса, а в 2020 г. – школа № 99 Ростова-на-Дону [5]. Немногие знают, что боевой путь прославленного авиаполка «ночных ведьм» начался в донском небе летом 1942 г.

В середине июля 1942 г. 4-я танковая армия генерала Г. Гота окружила 9, 38 и 24-ю советские армии под Миллерово, а 1-я танковая армия генерал-полковника Э. фон Клейста вышла передовыми частями в район Каменска-Шахтинского, что позволяло им при наступлении 17-й полевой армии генерала Р. Руоффа со стороны Таганрога окружить главные силы Южного фронта севернее Ростова-на-Дону и обеспечить оперативный простор для подвижных соединений вермахта, путь через «ворота Кавказа» для стремительного броска к нефтяным месторождениям Майкопа, Грозного, Баку и выхода к Персидскому заливу, куда через Северную Африку рвался со своей армией генерал Э. Роммель.

13 июля Гитлер приказал 1-й танковой армии ударом вдоль Дона на запад во взаимодействии с 17-й полевой армией, наступавшей от Таганрога, окружить и уничтожить севернее Ростова-на-Дону

главные силы шести советских армий Южного фронта. Для этой операции командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал В. Лист выделил 18 дивизий. Они имели на вооружении до 600 танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 4 тыс. орудий и минометов и около 200 тыс. солдат и офицеров. С воздуха наземные войска поддерживала часть сил 4-го воздушного флота генерала В. фон Рихтгофена, до 400 истребителей и бомбардировщиков [2: 128].

К 20 июля в составе 4-й воздушной армии Южного фронта было 359 самолетов, из которых, в связи с передислокацией 229-й истребительной авиадивизии (41 истребитель Як-1 и 19 штурмовиков Ил-2) на восток, на временные полевые аэродромы и из-за отсутствия горючего и боеприпасов в 230-й штурмовой авиадивизии (55 самолетов), для боевой работы оставалось 244 самолета [7: 261]. Ставка Верховного Главнокомандования приказала генерал-лейтенанту Р.Я. Малиновскому отвести армии вверенного ему Южного фронта на левый берег Дона от ст. Верхнекурмоярской до Старочеркасской и на рубеж Ростовского оборонительного района. Для авиаторов это означало передислокацию на полевые аэродромы, эвакуацию тыловых служб армии (а это десятки батальонов аэродромного обслуживания и ремонта, складов материально-технического, в первую очередь, горючего и боеприпасов) и нарушение связи в звене полк – дивизия – армия – фронт. В течение 20–21 июля штаб Южного фронта не имел связи со штабами подчиненных армий и данными о действиях войск за эти дни не располагал [11: 91].

Всего, по неполным данным сводки № 197 отдела противовоздушной обороны управления начальника артиллерии Южного фронта, 20 июля было отмечено 914 самолето-вылетов люфтваффе, в том числе 380 бомбардировщиков ХЕ-111, 193 бомбардировщиков Ю-88, 87 пикирующих бомбардировщиков Ю-87 «Штука», 160 истребителей (15 МЕ-110, 36 ФВ-187, 94 МЕ-109, 15 МЕ-115). В 13:00 20 июля 12 ХЕ-111 бомбили переправы через р. Дон в районах ст. Багаевской, Мелиховской, Раздорской, было сброшено до 60 бомб [8: 344].

Летчики 4-й воздушной армии в этот июльский день совершили 269 боевых вылетов, из них 100 вылетов на разведку и удары по аэродромам и станциям выгрузки противника, 69 – на бомбежку

переправ, 72 вылета истребителей на сопровождение своих бомбардировщиков и только 16 самолето-вылетов на перехват вражеских самолетов. Боевые потери 4-й воздушной армии за сутки составили 39 самолетов [7: 261]. Потери противника – семь истребителей и два бомбардировщика.

21 июля экипажи люфтваффе совершили около 1 тыс. боевых вылетов, нанося непрерывные удары по переправам через р. Дон, боевым порядкам и отступающим колоннам советских войск и мирного населения. Варварской бомбардировке подвергся Ростов. Бомбежка длилась сутки [4: 118]. Пилоты люфтваффе не прекращали активности и в ночное время, используя для целеуказания осветительные бомбы и многочисленные очаги пожаров. В 17:00 21 июля 14 бомбардировщиков Ю-87 тремя заходами сбросили на расположение штаба 76-й отдельной морской стрелковой бригады около сотни бомб. Погибли 32 военнослужащих, более 100 человек были ранены и контужены. Только в полосе обороны этой бригады с 4:00 до 16:00 было отмечено более 250 самолето-пролетов противника и всего пять совершили советские самолеты [2: 139]. В этот день экипажи 4-й воздушной армии совершили 282 боевых вылета, из них 138 по колоннам сухопутных войск вермахта и 29 – по аэродромам и железнодорожным станциям. В ночь с 21 на 22 июля «ночные ведьмы» на своих тихоходных У-2 вылетов не производили из-за отсутствия горючего.

22 июля 1942 г. в 6:00, после массовой артиллерийско-минометной подготовки, немецкие войска перешли в наступление на Ростов-на-Дону. Для поддержки наземных войск, штурмовавших Ростовский оборонительный район, пилоты люфтваффе совершили более тысячи боевых вылетов, буквально выбивая бомбоштурмовыми ударами все препятствия на пути танковых колонн. Только над переправами Ростова и у ст. Аксайской было отмечено до 540 самолето-вылетов бомбардировщиков ХЕ-111, Ю-88, Ю-87 и истребителей МЕ-109, сброшено по переправам до 800 бомб. В оперативно-разведывательной сводке № 199 от 24 июля отдела противовоздушной обороны (далее – ПВО) Управления начальника артиллерии Южного фронта сообщалось, что, по неполным данным, в полосе фронта было отмечено 928 самолето-вылетов противника (368 Ю-88, 203 ХЕ-111, 168 Ю-87, 69 МЕ-110, 120 МЕ-109). По неполным данным, было сбито три и подбито еще три самолета

противника [4: 139]. Сведения о воздушных налетах сохранили также документы авиаразведки: 22 июля в нападении на Ростов и Новочеркасск принимали участие 51-я эскадра пикирующих бомбардировщиков Ю-87 и 1-я штурмовая эскадра [9: 92, 94–95].

Активно выполняла боевую работу и немногочисленная авиация 4-й воздушной армии, совершившая 22 и 23 июля, соответственно, 196 и 186 самолето-вылетов, основные удары направляя на вражеские переправы. В ночь с 22 на 23 июля (с 22:09 по 00:09) 588-й ночной легкомобардировочный авиаполк последовательными ударами одиночных самолетов бомбил переправы через Дон в районе ст. Константиновской и по ее южной окраине. Было произведено 17 самолето-вылетов. По сообщению экипажей, Константиновская горела. Пожары наблюдались в течение всей ночи. Была отмечена ружейная и пулеметная стрельба с правого берега Дона. Экипаж Никулиной сообщал о работе двух прожекторов и двух зенитных пушек противника [12: 28–29]. Авиаразведкой 4-й воздушной армии в течение дня 23 июля было установлено, что переправа в ст. Мелиховской разведена, на берегу скопление до 100 автомашин. Раздорская, Кочетовская, Константиновская переправы разрушены. В 14:00–14:30 у ст. Николаевской переправа была восстановлена, обеспечено движение до 10 автомашин и танков.

Из-за отсутствия связи с 21:00 21 июля по 20:00 23 июля с главными постами воздушного наблюдения, оповещения и связи (далее – ВНОС) в 12, 18, 24, 37, 56-й армиях, с Ростовским дивизионным районом ПВО донесений о боевых действиях военно-воздушных сил противника и частей ПВО в передовой полосе армий и пунктов Ростова, Батайска, Аксайской, Новочеркаска не поступало. По неполным данным 46-го и 15-го отдельных батальонов ВНОС, частичным данным службы ВНОС 56-й армии, было зарегистрировано свыше 820 самолето-вылетов. Авиация противника по-прежнему направляла свои усилия на разрушение переправ через р. Дон, от ст. Старочеркасской до х. Хапры, бомбила железнодорожные станции и эшелоны на участках Шахты – Ростов – Сальск и Ростов – Тихорецкая, действуя по боевым порядкам войск, в том числе их отходящих колонн, вела интенсивную разведку по этим объектам, действуя на высотах 1,5–6 тыс. м группами до 14 бомбардировщиков ХЕ-111 под прикрытием

истребителей [8: 346]. По дополнительно полученным данным, к 20:00 25 июля было сбито 7 самолетов противника [8: 348].

24 и 25 июля летчики 4-й воздушной армии произвели, соответственно, 326 и 331 боевой вылет, из которых 119 и 159 самолето-вылетов на уничтожение войск противника и его переправ. Авиаразведкой 4-й воздушной армии в ночь с 24 на 25 июля установлено, что у ст. Николаевской бомбометанием разрушены две переправы. В 4 км южнее переправы у ст. Кочетовской до 30 автомашин противника уничтожены бомбежкой. В 4 км восточнее ст. Старочеркасской на левом берегу р. Дон было обнаружено до 30 мелких судов. Пожары регистрировались в Койсуге, Батайске, Нахичевани, на центральном ростовском аэродроме и вокзале Ростов Главный, на вокзале Новочеркасска. В 7:40 был полностью разрушен железнодорожный мост Ростов – Батайск, горели переправы через р. Дон у Ростова, железнодорожный мост и переправа у ст. Аксайской, а также ст. Ольгинская [9: 101].

По неполным данным управления ПВО, в полосе Южного фронта за 25 июля было отмечено 1200 пролетов самолетов противника, из них 236 – в армейский и фронтовой тыл [9: 103].

Боевая деятельность летного состава 4-й воздушной армии за шесть суток, с 20 по 25 июля 1942 г. обобщена автором в таблице.

*Боевая деятельность летного состава
4-й воздушной армии 20–25 июля 1942 г.*

Дата	Всего вылетов	По войскам и переправам противника	На разведку в тыл противника	На сопровождение и прикрытие бомбардировщиков	На перехват самолетов противника	По аэродромам и ж/д станциям
20 июля	269	69	58	88	12	42
21 июля	282	109	36	74	34	29
22 июля	196	83	36	41	35	1
23 июля	186	74	28	48	35	1
24 июля	326	119	48	114	31	14
25 июля	331	159	64	86	22	–
Итого:	1590	613	269	435	173	87

За шесть суток летчики 4-й воздушной армии совершили 1590 боевых вылетов, сбили в воздушных боях 41 самолет противника. Свои потери составили 174 самолета. В критический момент поддержку оказали летные экипажи морской авиации Черноморского флота и 5-й воздушной армии Северо-Кавказского фронта.

В ночь на 22 июля 22 бомбардировщика уничтожали самолеты противника на аэродроме Мариуполя, войска и технику противника в ст. Тацинской и Цимлянской. На аэродроме в Мариуполе в результате бомбежки возникло восемь очагов пожара. Еще четыре взрыва и разрывы бомб наблюдали у Тацинской и Цимлянской. В ночь на 23 июля 36 экипажей Военно-воздушных сил Черноморского флота в составе 14 дальних бомбардировщиков ДБ-3, шесть скоростных бомбардировщиков СБ, девять морских ближних разведчиков МБР-2 (одномоторная летающая лодка) бомбили войска и технику противника по дорогам в районе ст. Тацинской. Еще семь МБР-2 бомбили самолеты противника на аэродроме Мариуполя [10: 233].

В заключение считаю необходимым отметить ныне забытые имена летчиков-героев 4-й воздушной армии, не щадивших жизни в горящем донском небе и удостоенных звания Героев Советского Союза. Среди них Филипп Степанович Яровой (131-й истребительный авиаполк), майор Василий Борисович Москальчук (88-й истребительный авиаполк), гвардии капитан Илья Петрович Мосьпанов (7-й гвардейский штурмовой авиаполк) [3: 151].

Анализ документов позволил осветить боевую деятельность летного состава 4-й воздушной армии в период сражения за Ростов-на-Дону в июле 1942 г., лишь предельно кратко рассказать о сложнейших условиях работы летчиков в условиях непрерывного перемещения, при частых нарушениях связи, остром дефиците горючего, боеприпасов и предельном переутомлении летного состава и наземного персонала. Эта работа будет продолжена.

Источники и литература

1. 4 командование ВВС и ПВО. Историческая справка // Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России). URL: https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=10884@egOrganization (дата обращения: 20.04.2024).

2. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. Ростов н/Д., 2016.
3. *Вершинин К.А.* Четвертая воздушная. М., 1975.
4. *Градобоев В.А.* Авиация Дона: герои донского неба. Ростов н/Д., 2022.
5. Никулина Евдокия Андреевна // Донские страницы. URL: <http://pro-don.dspl.ru/memeventinfo/shkola-99-imeni-e-nikulinoj-v-rostove-na-donu> (дата обращения: 20.04.2024).
6. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. Т. 13 (2–2). С. 276–279.
7. ЦАМО РФ. Ф. 4ВА. Оп. 4798. Д. 44.
8. ЦАМО РФ. Ф. 4ВА. Оп. 4800. Д. 8.
9. ЦАМО РФ. Ф. 4ВА. Оп. 4800. Д. 13.
10. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 48.
11. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1044.
12. ЦАМО РФ. Ф. 588. Оп. 157925. Д. 2.

Т.Х. Матиев

**РОЛЬ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК СТОРОН
НА ОБОРОНИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ
(на примере Малгобекской оборонительной
операции 1942 г.)**

Вторая мировая война, хотя и отделенная от Первой мировой менее чем четвертью века, резко отличалась от последней, с первых своих дней став принципиально новым явлением в военной истории. Ее важнейшим отличием от предшествовавшей мировой схватки 1914–1918 гг., несомненно, был характер войны, ставший на порядки более динамичным и маневренным, нежели позиционная мясорубка Соммы и Вердена.

В значительной мере это было обусловлено непосредственными итогами Первой мировой войны в части военно-технических новшеств, которые появились и были опробованы на полях битв 1914–1918 гг., но не успели получить подлинного развития и внедрения в военное дело в те годы. Авиация и танки, заявившие о себе как роды вооруженных сил прежде всего на полях Первой мировой войны, не сыграли в ней тем не менее решающей роли. Но уже в следующей мировой схватке с первых же сентябрьских дней 1939 г., когда вермахт обрушился всей мощью своих дивизий

на Польшу, стало очевидно коренное изменение типа современной войны. Мощные и стремительные прорывы германских танковых и моторизованных соединений в Польше, на Западе, на Балканах в кампаниях 1939–1941 гг., затем повторенные в еще более впечатляющих масштабах на просторах Украины, Белоруссии и Европейской России в начальные месяцы операции «Барбаросса», показали прежде всего невероятно выросшую мощь и способность решать стратегические задачи такого молодого вида вооруженных сил, как бронетанковые войска.

В то же время большие потери, понесенные танковыми войсками вермахта в первые месяцы войны против СССР, превысившие 2750 машин [4: 835], показали, что танковые и моторизованные корпуса не являются сверхоружием, гарантирующим неизбежную победу, и им можно успешно противостоять при наличии соответствующей воли к сопротивлению, подготовки личного состава, технической базы и профессионализма командования.

К началу летне-осенней кампании 1942 г. приоритетный характер танково-моторизованных войск для обеих сторон при планировании и проведении оборонительных операций был уже несомненен.

Для проведения операции «Блау», согласно директиве Гитлера № 41, была привлечена крупная группировка танковых войск в составе двух танковых армий (1-й и 4-й), первоначально введенных в группу армий «А». Главной целью последней в ходе генерального летнего наступления войск Германии и ее союзников на южном крыле советско-германского фронта, как известно, являлся стремительный прорыв через Ростов на Северный Кавказ и установление контроля над нефтяными запасами СССР.

Однако уже в ходе наступления в начале августа 1942 г. Гитлером было принято решение о перенацеливании 4-й танковой армии с кавказского направления на сталинградское, что неизбежно сказалось на пробивной мощи кавказской группировки вермахта. Последняя к тому времени добилась существенных успехов, овладев Ростовом – воротами на Кавказ – и затем захватив Краснодар, Майкоп и развернув наступление на юг и юго-восток, к Новороссийску и Грозному.

При этом, согласно распоряжению Гитлера, дивизии группы армий «Юг» (позднее разделенной на две группы армий «А» и «Б»),

предназначенные для наступления на Сталинград и Кавказ, комплектовались боевой техникой на 100 %, тогда как танковые соединения двух других групп армий на Восточном фронте – «Север» и «Юг» – только на 50–75 % [5: 234].

К концу августа 1942 г. 1-я танковая армия своими передовыми частями вышла к Тереку и с ходу овладела Моздоком. Город был захвачен 3-й танковой дивизией 40-го танкового корпуса. Помимо этого соединения из числа подвижных сил в 1-й танковой армии действовали также 13-я и 23-я танковые дивизии [1: 101]. Все эти соединения были сосредоточены на узком фронте напротив Предмостного и призваны после форсирования Терека южнее Моздока развивать наступление на Малгобек и далее по Алханчуртской долине на Грозный. Именно Алханчуртская долина была наиболее коротким и удобным путем для прорыва танковых соединений к Грозному по холмистому и изрезанному оврагами, балками и хребтами рельефу этой части Северного Кавказа. Этим, очевидно, была обусловлена концентрация подвижных соединений на данном направлении.

Форсирование Терека началось ночью 2 сентября и осуществлялось пехотными частями 370-й и 111-й пехотных дивизий 52-го армейского корпуса. Но уже к утру 3 сентября на правый берег Терека перешли первые танковые подразделения из состава 13-й танковой дивизии генерала Т. Герра [9: 183].

В дальнейшем первые попытки наступления на Малгобек, развернутые с плацдарма у Предмостного через Вознесенскую, также возглавили танковые подразделения – на сей раз из состава 13-й ганноверской танковой дивизии 40-го танкового корпуса: один батальон 4-го танкового полка и артиллерийский дивизион 13-го артиллерийского полка [10: 1062]. Они составили костяк боевой группы Херфурта, созданной немцами для развития наступления в южном направлении. 6 сентября группа предприняла отчаянную попытку прорыва в южном направлении, но, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление советских частей 8-й гвардейской стрелковой и 62-й морской бригад, была отброшена.

В ближнем бою участвовала не только пехота обеих сторон – на некоторых танках, ползавших среди обваливающихся под их гусеницами окопов, раскрывались люки, и из них летели вниз ручные гранаты. Их швыряли немецкие танкисты, так они стремились

помочь товарищам, прижатым к земле автомато-пулеметным огнем, и заодно отогнать от своих машин набросившихся на них советских охотников за танками, вооруженных бутылками с горючей смесью, взрывчаткой и противотанковыми гранатами [7: 55].

Но уже 7 сентября и советская сторона ввела в бой свои танковые части на малгобекском направлении. Этот день стал датой боевого дебюта 52-й танковой бригады, сформированной в Тбилиси и прибывшей на фронт в августе 1942 г., имея в своем составе 46 танков: KB – 10, Т-34 – 20, Т-60 – 16, а также 117 колесных машин. Таким образом, ее штат был полностью укомплектован [3: 149].

При этом первый бой 52-й бригады оказался крайне неудачным. Соединение понесло серьезные потери в технике и людях. Лобовой штурм немецких позиций оказался столь же безуспешным для советских танкистов, как и попытка прорыва в лоб через Вознесенскую, предпринятая днем ранее боевой группой Херфурта и поддерживавшими ее силами 23-й танковой дивизии. Таким образом, обе стороны попробовали свои танковые силы в массированных атаках на подготовленную оборону, и в обоих случаях этот опыт трудно назвать успешным. В то же время противник находился в менее выгодном положении, так как вынужден был отбивать атаку 52-й бригады 7 сентября фактически с ходу, после провала его наступления 6 сентября на Вознесенскую, и не имел прочной эшелонированной обороны. Но даже полевая оборона немцев оказалась непреодолима для плохо подготовленной и не имевшей должного прикрытия артиллерией и авиацией танковой атаки. В бою, длившемся более 10 часов, 52-я танковая бригада потеряла 2 танка KB из 10, 14 танков Т-34 из 17; 120 человек – убитыми, ранеными и пропавшими без вести [6: 93]. Ответственным за неудачу сделали командира бригады полковника П. Чернова, которого сменил на посту майор В. Филиппов.

Более успешным стал контрудар 14 сентября. На его острие вновь шла 52-я танковая бригада В. Филиппова. Перед бригадой во взаимодействии с 176-й стрелковой дивизией стояла задача с утра 14 сентября перейти в контрнаступление в общем направлении отметки 178, овладеть узлом дорог в 5 км северо-восточнее Малгобека (Западного) и прочно закрепиться, не давая возможности противнику расширить плацдарм и ввести новые части к Малгобеку. К 13:00 бригада отбросила противника и вышла на

узел дорог в 5 км восточнее Малгобека (Западного), чем дала возможность 176-й дивизии закрепиться на новом рубеже восточнее Малгобека. Потери в танках составили семь танков (один сгоревший и шесть подбитых), причем все вышедшие из строя машины удалось эвакуировать [2]. В результате контрудара 14 сентября противник вынужден был оставить Верхний Курп, захваченный в ходе танковых же атак двумя днями ранее.

Надо отдать должное советской стороне – в последующем в ходе Малгобекской оборонительной операции советское командование избегало повторения массированных танковых лобовых атак. Немногочисленные танковые подразделения северной группы войск стали активно действовать из засад, нанося противнику немалый урон. Немцам же урок не пошел впрок. Массированные атаки на Малгобек (Западный), занятый немцами после упорных боев 12 сентября, в середине сентября продолжались регулярно и особый размах приобрели в конце сентября 1942 г., после переброски моторизованной дивизии СС «Викинг» с Северо-Западного Кавказа в полосу наступления 1-й танковой армии под Малгобеком.

Танковый батальон дивизии СС был совместно с самоходками 3-го дивизиона штурмовых орудий СС брошен в прорыв по Алханчуртской долине в районе Сагопшина в 10 км западнее Малгобека 28 сентября 1942 г., что привело, пожалуй, к самому крупному встречному танковому сражению в ходе Битвы за Кавказ и одному из крупнейших в летне-осенней кампании 1942 г. на советско-германском фронте. Успех советской стороны в этой схватке, в которой с обеих сторон в тот день приняли участие от 120 до 140 танков и штурмовых орудий, обуславливался хорошей подготовкой оборонительных рубежей, четким взаимодействием родов войск (пехоты, артиллерии и танков), а также не в последнюю очередь – верно выбранной комбригом 52-й танковой бригады Филипповым тактикой применения немногочисленных танковых сил. Несомненно, присутствовал в успехе действий советских войск в тот день и элемент везения – занявшие позицию уступом во фланг атакующему неприятелю танкисты Филиппова встретили во всеоружии вышедшие из утреннего тумана танки «Викинга» и подвергли их сразу же сильному и эффективному огневому удару, нанесшему противнику большой ущерб (только командир

танкового батальона «Викинг» штурмбаннфюрер Й. Мюленкамп трижды за тот день был вынужден покидать подбитые танки [9: 214]. Не меньший урон был нанесен врагу действиями артиллеристов 863-го истребительно-противотанкового дивизиона и пехотинцами 57-й стрелковой бригады. Последние, попав в гущу танкового боя и оправившись от первоначального шока, подползали к танкам противника, пользуясь складками местности и густыми посадками кукурузы, среди которых шло сражение. Бойцы не только поражали бронированные машины неприятеля гранатами и бутылками с горючей смесью, но и умудрялись даже подбрасывать под танки противотанковые мины, о чем свидетельствуют и немецкие источники [10: 662].

В этом смысле, безусловно, важную роль играло преодоление танкобоязни и наличие на важнейших участках обороны обстрелянных, уже сталкивавшихся с танками в бою частей. Для преодоления страха перед танками командование 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И.П. Рослого не раз проводило учебные занятия, приближенные к боевым, на которых опытные, побывавшие во многих боях ветераны корпуса обучали молодежь не бояться танков, успешно бороться с ними, в том числе и в ближнем бою, подпустив на расстояние эффективного действия оружия пехоты [7: 97].

Обращает на себя внимание тот факт, что в составе советских танковых частей на малгобекском направлении осенью 1942 г. был сравнительно высок процент бронетанковой техники, поставленной по ленд-лизу западными союзниками – в частях Северо-Кавказского фронта их доля доходила до 70 %. В эту категорию входили, например, британские средние (пехотные) танки Mk III «Валентайн» и американские легкие танки М3 «Стюарт». Насыщению ими танковых частей Северной группы войск, помимо прочего, способствовало и то обстоятельство, что южный – «персидский» – маршрут переброски грузов по ленд-лизу проходил в непосредственной близости от театра военных действий на Северном Кавказе. Хотя западные машины сильно уступали по тактико-техническим характеристикам советским Т-34 и КВ, но с учетом всё еще недостаточного насыщения боевых порядков последними английские и американские танки широко использовались советскими танкистами [8: 118].

Таким образом, в ходе Малгобекской операции танковые войска обеих сторон играли важнейшую роль в военных действиях. Они использовались как в качестве главного средства прорыва наступающей стороной, так и в роли важнейшего компонента оборонительных и контратакующих действий стороной обороняющейся. При этом большую роль играло не количество танков той или иной стороны, а умение командования и войск эффективно организовать тесное взаимодействие танков с другими родами и видами вооруженных сил, использовать особенности местности, разработать и применить действенную боевую тактику для танковых подразделений. При этом характер рельефа местности и особенности сложившейся в окрестностях Терского хребта военной ситуации осенью 1942 г. благоприятствовали именно большей эффективности использования танков в обороне и контратаках. Это в конечном счете и обусловило более успешное применение танковых сил советской стороной, хотя они и уступали по численности танковому кулаку, стянутому под Малгобек противником. Богатый опыт, приобретенный советскими войсками в боях под Малгобеком – от встречных танковых сражений до действий из засад – был затем творчески развит и использован в последующих битвах Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1969.
2. Действия 52-й танковой бригады 1–10 сентября 1942 г. // 52-й (34-й Гвардейской) Краснознаменной танковой бригаде посвящается. URL: http://52tbr.ucoz.ru/index/boevye_dejstvija_s_1_po_10_sentjabrja/0-13 (дата обращения: 18.04.2024).
3. Коломиец М.В., Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Июль – декабрь 1942 г. (Фронтовая иллюстрация. 2000. № 2). М., 2000.
4. Лопуховский Л.Н. 1941. Вяземская катастрофа. 2-е изд., перераб. и испр. М., 2008.
5. Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998.
6. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2010.
7. Рослый И.П. Последний привал – в Берлине. М., 1983.
8. Савельев В.П. Боевые будни штаба. М., 1986.
9. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943. М., 2005.
10. National Archives and Records Administration. T-314. R. 1290.

Т.У. Эльбуздукаева

ЗНАЧЕНИЕ ГУДЕРМЕСА В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СРАЖЕНИЯХ НА ПОДСТУПАХ К ГРОЗНОМУ: 1942 г.

Весной 1942 г. стратегическая инициатива перешла к вермахту. 5 апреля 1942 г. был утвержден план летней кампании «Блау», предусматривавшей главную операцию на южном участке с целью уничтожения противника западнее Дона, захвата нефтеносных районов на Кавказе и перехода через Кавказский хребет [4: 321]. Захват Кавказа втянул бы в войну Турцию, которая занимала выжидательную позицию. Наконец, овладение Кавказом позволяло Германии реализовать свои стратегические замыслы на Ближнем и Среднем Востоке.

23 июля 1942 г. Гитлер утвердил директиву № 45, содержавшую план наступления на Кавказ под названием «Эдельвейс», предполагавший окружение и уничтожение советских войск южнее и юго-восточнее Ростова и овладение Северным Кавказом. Эти задачи возлагались на группу армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала В. Листа, в которую первоначально входили 1-я и 4-я танковые, 17-я и 11-я полевые немецкие и 3-я румынская армии. Общая численность кавказской группировки вермахта составляла 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. самолетов [3: 52]. Группа армий «Б» под командованием генерала-полковника М. фон Вейхса наступала на Сталинград.

Под натиском противника соединения Юго-Западного и Южного фронтов, неся огромные потери, отступали к Волге и Дону. К 25 июля в пяти армиях Южного фронта, которым командовал генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский, из 522 500 человек осталось всего 96 388 [2: 150].

В июле 1942 г. фашистские войска форсировали Дон в районе Ростова и восточнее его. Под напором превосходящих сил советские войска, ведя тяжелые оборонительные бои, отступали вглубь Северного Кавказа. После оставления советскими войсками Моздока перед врагом открылся путь к Грозному и Махачкале по левому берегу р. Терек с выходом к станции Червлённая-Узловая. Этот прорыв угрожал перерезать «персидский коридор» поставок союзников по железной дороге Баку – Кизляр – Астрахань и по Каспийскому морю [7: 235].

20 августа 1942 г. вышел приказ по войскам Особого Грозненского оборонительного района, в котором говорилось, что авиация противника уделяет значительное внимание железнодорожной станции Гудермес, не исключена возможность высадки этом районе противником крупного десанта с целью захвата Гудермеса и железнодорожной магистрали Грозный – Махачкала [9: 1].

Почти все второе полугодие 1942 г. Грозненский и Гудермесский железнодорожные узлы были прифронтовыми. Отправляемые эшелоны с нефтепродуктами и боеприпасами часто подвергались нападению вражеской авиации.

Г.Г. Матишов в статье «Гвардейский удар под Гудермесом. Сентябрь 1942 года» пишет о серьезной ситуации в этом регионе: «В течение первой недели сентября командование Закавказского фронта не имело информации о реальной ситуации на фронте в направлении Червлённая – Кизляр – Гудермес» [7: 236].

Для обороны Гудермесского железнодорожного узла и уничтожения десантов противника в этом районе выдвигалась 19-я дивизия войск Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД). Командиру 19-й дивизии НКВД предписывалось вступить в должность начальника гарнизона, занять и прочно оборонять район Гудермеса, занять обвод и полевые укрепления, железнодорожную станцию; приспособить для обороны жилые помещения, устраивать баррикады, долговременные огневые точки, деревоземляные огневые точки и пр.; вести систематическую разведку в направлении станции Червлённой. Командир 66-го железнодорожного полка должен был войти в оперативное подчинение командиру 19-й дивизии НКВД полковнику Подоляко [9: 2].

Готовность оборонительных работ первой очереди предполагалось завершить в 20:00 24 августа 1942 г. Далее в приказе подробно расписывалось, какому подразделению что оборонять. Особое внимание уделялось удержанию района вокзала и железнодорожного депо, железнодорожного переезда, района, прилегающего к железнодорожной станции [9: 3].

Ударной группе 85-го батальона определялась задача действовать в пределах оборонительного района и быть готовой для борьбы с парашютными десантами. Необходимо было подготовить два противотанковых района. Первый был ограничен точками вокзал – электростанция – заготзерно. Второй был локализован в г. Гудермес.

В первом предписывалось расположить две роты с готовностью контратаковать в направлениях: вокзал – железнодорожная будка; железнодорожное депо – машинно-тракторная станция; водонапорная башня – железнодорожный переезд. Второе направление силами одной роты должно было контратаковать в направлениях Гудермес – Исти-Су; Гудермес – железнодорожный мост.

В задачу артиллерийского противотанкового полка входило: воспрепятствовать переправе противника через р. Терек; не допустить движение противника по дорогам Брагуны – Гудермес, Амираджи-Юрт – Гудермес; подготовить отражение танковых атак в направлениях дорог: Брагуны – Гудермес, Амираджи-Юрт – Гудермес; поддерживать контратаки в направлениях контратак ударной группы [9: 4].

Немецкое командование наметило планы, определив даты занятия важнейших промышленных центров юга СССР. В Грозном фашисты собирались быть 24 августа, в Баку – в первой половине сентября [8]. В ходе боев планы немецко-фашистского командования рушились. 26 августа 1942 г. вражеские войска достигли только района Моздока. Здесь они наткнулись на крепкую оборону Северной группы войск Закавказского фронта. Боевой приказ № 18 от 28 августа 1942 г. подтверждал, что противник вышел на рубеж р. Терек на участке Ищерская – Моздок – Екатериноградская и вел разведку переправ через р. Терек и одновременно подтягивал танки и мотопехоту к району Моздок – Майское. Советские войска ожидали попытку противника форсировать р. Терек на участке Ногурская – Моздок – Прохладный – Майское. Представлялась возможной высадка парашютных авиадесантных групп противника на подступах к г. Грозному и к Сыр-Корт (Комсомольскому). 19-я дивизия войск НКВД в этот день обороняла гору Суйр-Корт и восточные подступы к Грозному с задачей не допустить захвата противником Сыр-Корта. Дивизии предписывалось во взаимодействии с артиллерией противовоздушной обороны не допустить продвижения танков и пехоты противника по Ханкальскому проходу с южного направления и по долине с восточной стороны города. Особое внимание уделялось дороге Гудермес – Грозный [9: 6].

29 августа 1942 г. 84-я отдельная морская стрелковая бригада получила свой первый боевой приказ по обороне Гудермеса, а 2 сентября была создана особая оперативная группа «Червлённая», в нее вошли моряки, минометчики и железнодорожники

бронепоездов. Они должны были прикрывать железнодорожный участок от Терека до Червлённой и обеспечивать движение бронепоездов на Астрахань [7: 235].

В начале сентября был взорван железнодорожный мост через Терек южнее станции Червлённая-Узловая по приказу командования, опасавшегося его захвата противником. Между Гудермесом и Червлённой немецкие танки столкнулись с гвардейскими частями Красной армии. Об освобождении этого рубежа пишет Г.Г. Матишов: «В ходе ожесточенных боев 6 сентября была освобождена ст. Червлённая; 7-го – разъезд Тепловодный, поселки Солкушино, Обильный, Фрунзенское; 8-го – совхоз “Калининский”, 9 – станция Терек. Немецкое командование перебросило крупные танковые силы в район Наурской. У станицы Мекенской с 12 по 14 сентября вели бои части 10-го гвардейского стрелкового корпуса с 200 танками и мотопехотой... 6-я гвардейская стрелковая бригада при поддержке частей 389-й стрелковой дивизии, танков, артиллерии, установок залпового огня “Катюша” и авиации выбила немцев из станицы. Зенитчики уничтожили над Мекенской свыше 25 вражеских самолетов. К исходу 14 сентября 10-й гвардейский стрелковый корпус вышел к станице Ищерская. В течение 10 дней у станицы Ищерская шли кровопролитные бои с большими потерями с обеих сторон. Только 17 сентября у Ищерской, судя по донесениям, было подбито и уничтожено 96 из 150 наступавших немецких танков. Ценою больших потерь 23-й и 3-й танковым дивизиям удалось остановить советское наступление. Обескровленная 3-я танковая дивизия могла теперь только обороняться и не участвовала в наступлении на Малгобек, Эльхотово и Орджоникидзе» [7: 236].

Большую помощь 44-й армии в боях с противником на севере от р. Терек, в обороне терских станиц и ногайских аулов, в обеспечении безопасности Грозного с севера и северо-востока (в районе Червлённая – Гудермес) оказал 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус (бывший 17-й кавалерийский корпус) под командованием генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко. Корпус был переведен сюда Ставкой Верховного Главнокомандования с туапсинского направления и действовал на правом фланге 44-й армии. По железной дороге бойцы прибыли в район Гудермес – Шелковская 30 сентября. Командованием Северной группы войск в этот же день корпусу было дано задание сосредоточиться к исходу

2 октября в районе Старо-Щедринская – Парубочев – Щедринская и развернуть боевые действия в тылу ищерско-моздокской группировки противника в направлении Ново-Щедринская – Шерпутовский – Каясула – Степное – Соломенское, уничтожая резервы и разрушая коммуникации врага, чтобы ослабить его натиск на Грозный и Орджоникидзе (ныне – Владикавказ). В составе корпуса Н.Я. Кириченко был отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский дивизион под командованием гвардии майора Сакки Висайтова [5: 11].

Корреспонденты газеты «Красная звезда» в передовой статье «Значение боев на юге» 7 октября 1942 г. писали: «На защитниках Советского юга лежит сейчас величайшая ответственность за исход летней кампании 1942 года, за судьбу Советского государства. Их ответственность можно сравнить лишь с ответственностью защитников Москвы осенью 1941 года» [6].

Выиграв ряд кровопролитных сражений, Северная группа войск Закавказского фронта выполнила задачу, поставленную перед ней Ставкой Верховного Главнокомандования [1]. Немецко-фашистские захватчики к началу ноября 1942 г. были окончательно остановлены по всему фронту.

В приказе народного комиссара обороны № 345 от 7 ноября 1942 г. сказано: «Ценой огромных потерь немецко-фашистским войскам удалось продвинуться на юге и поставить под угрозу Сталинград, Черноморское побережье, Грозный, подступы к Закавказью» [10: 89]. Но оборона советских войск на Тереке оказалась непреодолимой для врага. Неся огромные потери в живой силе и технике, немецко-фашистские войска испытывали гнетущее чувство обреченности. «Стойкая оборона наших войск на Тереке, – писала газета “Правда”, – не только остановила наступление фашистско-немецких войск и причинила им тяжелые потери, но и подорвала дух солдат» [8].

В оперативной директиве штаба 44-й армии, подписанной гвардии генерал-майором К.С. Мельником, членом Военного совета армии бригадным комиссаром В.И. Урановым и начальником штаба полковником Ю.И. Соколовым 11 ноября 1942 г., когда положение на фронте Северной группы вполне стабилизировалось и боевые действия на большей части линии соприкосновения с противником стали носить позиционный характер, было

сказано: «1. Одиннадцатидневные атаки пр[отивни]ка с целью захвата Орджоникидзе успехом не увенчались. Контрдействиями наших войск пр[отивни]к остановлен, часть войск окружена и уничтожается в р[айо]не Гизель. Последнее время отмечается оживление пр[отивни]ка в р[айо]не Ищерская и севернее. Не исключена возможность попыток пр[отивни]ка прорвать фронт войск армии, с целью выхода в р[айо]н Червлённая-Узловая – Гудермес. Вероятные направления наступления пр[отивни]ка: Ищерская – Червлённая – Гудермес, Ищерская, Червлённая, Грозный, Ногай Мирза – Калаус – Грозный. 2. Войскам армии прочно оборонять занимаемые рубежи, предмостные укрепления и узлы сопротивления на северном берегу р. Терек, недопуская перехода пр[отивни]ка в наступление. Совершенствовать оборонительные сооружения в полосе обороны армии, активной разведкой своевременно вскрыть перегруппировку противника. <...> 320 С[трелковой] Д[ивизии] двумя С[трелковыми] П[олками] к исходу 13.11.1942 занять и прочно оборонять рубеж по южн[ому] берегу р. Терек на участке Новый Юрт – Кень-Юртов, одним батальоном запясть опорный пункт Калиновская, сменив там б[атальо]н 839 С[трелкового] П[олка]. Надежно прикрыть переправы через р. Терек в р[айо]не Червлённая. Не допустить форсирования р. Терек пр[отивни]ком в полосе обороны. Третий полк иметь в моем резерве Горячеисточненская, подготовив к обороне рубеж хр[ебта] Терский. Усовершенствование оборонительных сооружений закончить к исходу 14.11.42» [11: 7–8].

Разгром немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом самым благоприятным образом сказался на ходе боевых действий Красной армии на Северном Кавказе. 3 января 1943 г. советские войска изгнали оккупантов из Малгобека и остальных районов Чечено-Ингушской АССР, а затем продолжали преследование противника за пределами республики.

Источники и литература

1. Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973.
2. Афанасенко В.И. От «Блау» до «Урана»: операции РККА и вермахта в большой излучине Дона в июле – октябре 1942 г. // Военный сборник. 2014. Т. 5. № 3. С. 144–158.

3. Гречко А.А. Битва за Кавказ. 2-е изд., доп. М., 1973.
4. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945 гг. М., 1973.
5. Корольченко А.Ф. Терский рубеж: документальная повесть. Грозный, 1983.
6. Красная звезда. 1942. 7 октября.
7. Матишов Г.Г. Гвардейский удар под Гудермесом. Сентябрь 1942 года // Вклад народов Кавказа в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 25 декабря 2020 г., г. Грозный: материалы. Грозный, 2020. С. 234–238.
8. Правда. 1942. 2 ноября.
9. Российский государственный военный архив. Ф. Р-38678. Оп. 1. Д. 10.
10. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза: доклады, речи, выступления и приказы. 5-е изд. М., 1952.
11. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 1713. Оп. 1. Д. 10.

К.С. Инюшев

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В ХОДЕ РОСТОВСКОЙ И ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ЗИМОЙ 1943 г.¹

Ростовская и Ворошиловградская операции, реализованные зимой 1943 г., относятся к числу недостаточно изученных тем. Обозначенные страницы военной истории затронуты лишь в немногих обобщающих исследованиях, упускающих комплексное изучение причин и следствий изложенных событий. Среди наиболее важных в данной области можно отметить работы В.В. Абатурова [1] и М.А. Жирохова [3]. В указанных трудах хотя и дается подробное описание хода боевых действий Ворошиловградской операции, но не приводится анализ причин конечной неудачи наступления, она рассматривается в отрыве от Ростовской наступательной операции. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей боевых действий Юго-Западного

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01642, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

фронта в период Ростовской и Ворошиловградской операций 1943 г.

Основными источниками для исследования послужили журналы боевых действий, распоряжения и приказы штаба Юго-Западного фронта, изданные непосредственно в ходе боевых действий и хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), а также воспоминания тех, кто непосредственно руководил боевыми действиями с обеих сторон.

К 1 января 1943 г. сопротивление группы «Холидт» вермахта уперлось в чертковский и стрельцовский оборонительные узлы. В течение первой недели боев Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) удалось отрезать от коммуникаций группировки врага, отбивая его контратаки на участке 6-й армии и 1-й гвардейской армии [9: 24]. Противнику удалось потеснить части 6-й армии и заставить их на неделю перейти в вынужденную оборону [9: 19]. Попутно вермахт предпринимал атаки на левом крыле фронта, крупной группой пехоты при поддержке техники потеснил соединения 3-й гвардейской армии в районе г. Новочеркаска и х. Маслова [9: 27]. Таким образом, о форсированном продвижении не могло идти речи. Силам правого крыла Юго-Западного фронта для планового продвижения к Ворошиловграду было необходимо ликвидировать названные оборонительные узлы.

После ослабления темпов продвижения на правом фланге фронта, согласно директиве № 1501 штаба Юго-Западного фронта, от подвижных соединений 5-й танковой армии требовались решительные действия для уничтожения противника перед Северским Донцом [9: 48]. Части 3-й гвардейской армии за неделю боев освободили 25 населенных пунктов, но на левом фланге вермахт силами 315-й пехотной дивизии снова потеснил ее соединения [9: 81]. Проблемы возникли и на участке наступления группы С.И. Богданова. Тем временем к 20 января войска фронта должны были уже быть готовы к выполнению приказа № 00159-оп «о выходе к Донбасскому региону» [9: 85].

Наиболее примечательным в анализе данных событий является план наступления через Северский Донец, который был сформулирован командующим 5-й армии на основании директивы штаба фронта [9: 31]. В этом образцовом по содержанию документе был

описан ход наступления на данном направлении. В последующих операциях части Красной армии руководствовались именно положениями, выдвинутыми в этом документе.

Итак, основной удар сосредотачивался на 30-километровом фронте в районе ст. Усть-Белокалитвенской, соединения армии за четыре дня операции должны были прорвать фронт противника и выйти на оперативный простор с перспективами дальнейшего продвижения на Ворошиловград. В первый день операции вводилось в бой четыре стрелковые дивизии, в задачи которых входил прорыв обороны противника и разгром тактических резервов, пехота должна была действовать при массовой поддержке артиллерии и техники, но танковые корпуса, согласно плану, было принято вводить в эшелоне развития успеха. Последний вступал в бой во второй день, в его задачи входило продвижение в оперативную глубину и маневренная борьба с тактическими резервами противника. Третий этап включал непосредственный штурм узловых точек врага [9: 31–32].

18 января соединения фронта продолжили наступление. Противник оказывал упорное сопротивление силами свежих 617, 619, 382, 586 и 320-й пехотных дивизий, и бои снова приобрели переменный характер [9: 112]. Тем не менее части 1-й гвардейской армии освободили Стрельцовку и другие ключевые пункты обороны врага [9: 114]. Южнее части 3-й гвардейской армии начали форсирование Северского Донца [9: 124]. Особенно яростные бои развернулись в районе Каменска. В связи с этим руководство фронтом приняло решение о совершении маневра, суть которого состояла в перенесении основного удара на правый фланг из района Глубокого при сохранении ведения штурма города [9: 152].

На фоне начавшегося наступления советское военное руководство выработало план дальнейшей операции по ликвидации южной группировки войск противника. Для реализации задач директивы ставки № 0075 от 23 января 1943 г. [8: 163–164] в своей инструкции шифртелеграмм № 27 и № 28 от 27 января 1943 г. [9: 182] командующий фронтом акцентировал внимание, во-первых, на создании численного перевеса на участке прорыва не более 3 км фронта на дивизию, во-вторых, на тщательной организации артиллерийского наступления, в том числе, на обеспечении артиллерией танковых соединений до уровня бригады. Снова подчеркивалась

важность придания танковым корпусам стрелковых и механизированных подразделений, чей уровень подвижности не должен был допустить отставания.

После перегруппировки соединения РККА перешли в наступление по всему фронту, продвинувшись за день на отдельных направлениях до 15 км в глубину обороны противника [9: 203]. Но, как следовало из переговоров начальника штаба группы М.М. Попова и командующего фронтом, действия осложнялись тем, что даже опытные командиры продолжали атаковать оборонительные пункты противника во фронт, пренебрегая маневром [9: 204]. Далее в бой вступила группа М.М. Попова, но существенного успеха не имела, штаб фронта это объяснил тем, что техника применялась не массированно, а по частям, крупные соединения проявляли пассивность и нерешительность. Ударные силы 3-й гвардейской и 5-й танковой армии также перешли в наступление. Таким образом, соединения Юго-Западного фронта начали тяжелые бои за освобождение Донбасского региона.

В ходе январских боев, несмотря на все затруднения, силами Юго-Западного фронта была освобождена территория в 24 тыс. кв. км с 1016 населенными пунктами [9: 270]. Хотя успех Красной армии был очевиден, но бои приобрели затяжной характер, части Юго-Западного фронта не раз были вынуждены переходить в оборону, отражая контрудары противника. Первичные планы по форсированному выходу к северу Донбасса были развеяны упорным сопротивлением противника, который удерживался на позициях почти месяц, сорвав назревавшее окружение. Соединения врага к февралю вышли к Ростову-на-Дону и Миусу, оказав серьезное сопротивление в дальнейших боях.

Затем 3 февраля наступление на ключевом участке было остановлено по линии Славянск – Ворошиловград [10: 31]. В первую очередь было остановлено продвижение на фронте группы М.М. Попова, 1-й и 3-й гвардейской армии. Командующий фронтом обвинял командира группы и командующих корпусов в нерешительности, в топтании на месте и в безынициативности. Потребовал от офицеров всех уровней лично принимать управление боем, а не отсиживаться в штабах, действовать решительно, опираясь на маневр, и взять в течение ближайших дней Славянск и Краматорск [10: 32–37].

В ходе этих боев силы 1-й, 3-й армии и группы М.М. Попова встретили жесточайшее сопротивление. Только 10-й танковый корпус из группы под Золотаревкой безвозвратно потерял половину от своего состава, 18-й танковой корпус уперся в Пролетарск. Командующий фронтом критиковал действия командующих корпусами. Их нерешительность привела к тому, что их обогнала пехота и 14-я стрелковая дивизия попала в окружение [10: 39]. Н.Ф. Ватутин отмечал слабую координацию с пехотой в процессе выполнения задач. «Танки дерутся в лобовых боях преимущественно авангардными частями, это позволяло противнику бить их по частям» [10: 51]. Всё это привело к необходимости оперативной паузы. Прекращение атаки на Артемовск и другие пункты было обусловлено в том числе активностью вражеской авиации, которая в дни первого наступления совершала до 500 вылетов. Тем временем у Военно-воздушных сил Красной армии едва хватало топлива даже для ведения разведки [10: 101].

Ситуацию осложняли и активные действия противника. На проблемном участке вермахт сосредоточил шесть танковых дивизий (6, 7, 11, 19, 23 и 27-ю) [10: 106]. К 10 февраля сюда были переброшены дивизии СС «Великая Германия» и «Дас Райх», в бои за Красноармейск вступила дивизия «Викинг» [10: 118]. В начале второй декады февраля на фоне обострения положения штаб фронта снова требовал ускорения темпов наступления, руководствуясь необходимостью скорейшего окружения Донбасской группировки противника с целью дальнейшего захвата основных железнодорожных узлов перед Днепром [7: 193–194].

Но к концу второй декады продвижение войск фронта было остановлено на чистяковском и красноармейском направлении [2: 13–16]. И на момент перехода вермахта в контрнаступление советское военное руководство еще оставалось в иллюзии относительно намерений отхода противника за Днепр [10: 11]. Из этого штаб фронта, невзирая на реальный расклад дел, требовал от подчиненных частей форсированных темпов наступления, но в действительности положение было следующим. На наиболее тяжелом центральном участке фронта ситуацию характеризовало сообщение командующего подвижной группы. Во-первых, с места М.М. Попов обусловил неудачу в продвижении тем, что его действия по выполнению поставленных задач постоянно упирались

в сроки поступления танковых и лыжных бригад «россыпью» при значительно поредевшей пехоте и артиллерии. Таким образом, сформировать ударную группу в условиях постоянно ограниченных сроков и требований о «решительных и молниеносных действиях» не представлялось возможным. Во-вторых, части группы в условиях длительных боев в значительной мере потеряли наступательные возможности, в 3-м и 18-м танковых корпусах насчитывалось в общем счете 12 танков [10: 122–124]. Состав стрелковых рот был не более 60 штыков. У 1-й гвардейской армии положение было не лучше, на двухсоткилометровый фронт она имела восемь стрелковых дивизий среднего состава, который соответствовал по численности стрелковому полку, тактическая плотность на 1 км фронта измерялась в 0,15 батальона. Таким образом, в действительности после затяжных тяжелых боев со слабой ротацией сил соединения Юго-Западного фронта исчерпали наступательный потенциал, упершись в свежие силы вермахта, переброшенные с других стратегических направлений.

Рассматриваемые бои характеризуются комплексом проблем, затруднивших реализацию стремительного наступления. Безусловно, в описываемый период военных действий Красная армия обладала тактической инициативой, но уже с первых чисел января противник не только остановил продвижение РККА к Айдару и к Северскому Донцу, но и потеснил его на ряде участков. Приоритет подвижной обороны для врага был обусловлен его возможностями. Во-первых, соединения РККА не имели того значительного численного преимущества на направлениях, о котором вспоминал Э. Манштейн [5]. Численность ее группировки составляла в разные периоды от 150 до 170 тыс. человек в условиях напряженных наступательных боев. Группировка противника перед Юго-Западным фронтом в первой декаде января составляла около 134 тысяч [9: 8], в начале февраля – 90–100 тысяч [9: 7], к 20 февраля – уже 136 тысяч человек [10: 5]. Другой сильной стороной вермахта стало наличие крупных танковых соединений. В первой декаде января 1943 г. на фронте противник обладал танковой группировкой до 400 единиц техники, а 20 февраля численность танков врага уже составляла 460 единиц [10: 12]. Красная армия в наличии к этому времени имела 360 машин [10: 1]. Преимущества вермахта в танковых и моторизованных соединениях

отмечает и немецкий военный историк Курт Типпельскирх [6]. Нельзя упускать из виду и фактор действий авиации противника. Люфтваффе активно наносила удары на ключевых направлениях наступления [9: 1–2] в условиях нехватки зенитных соединений [9: 185] и ограниченного использования советских военно-воздушных сил, оторвавшихся от авиабаз [4].

Далее стоит выделить затруднения в организации боевых действий на разных оперативно-тактических уровнях. Наиболее распространенными были замечания штаба фронта, выделяющие нерешительность комсостава разного звена в исполнении стремительных маневренных действий. Это приводило к пассивности отдельных подразделений на направлении удара, растягиванию наступающих подразделений и фронтовому штурму укрепленных пунктов. Данные моменты стали одной из причин срывов сроков операций. Но, невзирая на все сложности и просчеты, из Ростовской и Ворошиловградской наступательной операции РККА вынесла успешный опыт ведения широкомасштабных наступательных операций.

Следует начать с порядка проведения наступательных боев, сочетавших как штурмовые действия с целью прорыва укрепленных узлов противника, так и глубокие маневры с целью развития успеха. С начала Ростовской операции штаб фронта требовал от частей избегать прямых боестолкновений с противником, делая упор на обход и окружение узлов его обороны [9: 22]. В процессе наступления делался упор на следующие аспекты: организация численного преимущества на узком участке фронта, на котором подразделения должны были вводиться массированно и без отставаний, использование техники только для развития успеха и после ликвидации противотанковой обороны противника при поддержке стрелковых частей, которым придавалась основная ударная роль. Борьба с вражеской техникой должна была отводиться подразделениям истребительно-противотанковой артиллерии [9: 175]. Особое значение отводилось налаженной связи и коммуникации механизированных подразделений с пешими частями и воздушными соединениями [9: 207]. И если реализация маневренных действий в ходе описываемых операций еще сохраняла недочеты, тем не менее операции, как отмечает Д.Д. Лелюшенко, показали достойный уровень органической связки между

танковыми соединениями и стрелковыми частями [4]. В том числе отдельными распоряжениями штаба фронта фиксировалось обязательное и повсеместное закрепление за подвижными соединениями инженерных подразделений [10: 71], и даже Э. Манштейн отмечал качественное техническое сопровождение наступательной операции [5].

Итак, анализ Ростовской и Ворошиловградской наступательных операций зимой 1943 г., несмотря на несоответствие их результатов стратегическим замыслам советского военного руководства, позволил выявить точки прогресса РККА в ведении наступательных действий. Хотя в опыте следующих боев проявился ряд оперативных недочетов, которые были учтены в дальнейших боевых операциях, в реализации боевых задач на направлении была продемонстрирована переосмысленная практика применения крупных подвижных механизированных соединений, раскрывающая их технический потенциал, а также был значительно повышен уровень организации ведения боевых действий на разных тактических уровнях.

Источники и литература

1. Абатуров В.В. Боевые действия Юго-Западного фронта в Донбассе // Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России). Ход войны. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12164822%40cmsArticle (дата обращения: 17.04.2024).
2. Бельдюгин В.А. Действия войск Юго-Западного фронта на Донбассе в феврале 1943 года // Культурный ландшафт регионов. 2023. Т. 5. № 2. С. 8–16.
3. Жирохов М.А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М., 2011.
4. Лелюшенко Д.Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. М., 1987. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/lelyushenko_dd/04.html (дата обращения 17.04.2024).
5. Манштейн Э. Утерянные победы. М.; СПб., 1999. URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/manstein/13.html> (дата обращения 17.04.2024).
6. Тинпельскирх К. История Второй мировой войны. М., СПб.; 1999. URL: <http://militera.lib.ru/h/tippelskirch/07.html> (дата обращения 17.04.2024).
7. ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 12.
8. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 139.
9. ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 291.
10. ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294.

И.Ю. Бережанская

КУРСКАЯ БИТВА В ДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ

Несмотря на то что к настоящему времени уходят участники и ветераны Великой Отечественной войны, стираются из памяти их рассказы, а молодожены прекращают возлагать цветы к памятникам и Вечному огню и в сети Интернет даже появляются обсуждения истоков появления такого свадебного ритуала, уроки Великой Отечественной не теряют остроты, актуальности и универсальности на протяжении вот уже почти 80 лет со дня ее окончания. Объективным напоминанием о военных событиях и достоверным источником сведений о ней остается значительный пласт опубликованных научных и научно-популярных изданий, мемуаров и сборников документов. В них можно почерпнуть информацию о военной экономике, демографических процессах, социальной политике, системе образования, религии и культуре в годы войны, получить данные о ходе и результатах боев, разработке и реализации операций, людских потерях, партизанском движении. Поистине велико историографическое наследие темы Великой Отечественной войны.

Однако историки продолжают обращаться к этой теме, о чем свидетельствуют проведение конференций, новые публикации, даже возникающие споры о тех или иных событиях, роли личности в военный период и оценках решений руководства страны.

Одним из вопросов, вызывающих интерес исследователей Великой Отечественной войны, остаются события Курской битвы, которая проходила с 5 июля по 23 августа 1943 г., а также участие в ней сотрудников военной контрразведки. Историография данной темы достаточно обширна: как независимые исследователи, так и историки отечественных спецслужб посвятили монографии и научные статьи исследованию различных аспектов, связанных с участием органов контрразведки «Смерша» в Курской битве [1–7; 10–11; 14].

Процесс рассекречивания и обнародования архивных документов, запущенный с распадом Советского Союза, привел к тому, что стали широко доступны материалы и сведения, находившиеся в закрытом хранении в течение долгого времени. Таким прорывом можно назвать создание баз данных рассекреченных документов

Центрального архива Министерства обороны, в которых содержится информация о погибших и награжденных красноармейцах, что стало по праву одним из общественно значимых событий последних десятилетий.

Наряду с этим не заканчивается и публикация документов. В течение последних 20 лет источниковая база как истории Великой Отечественной войны в целом, так и Курской битвы в частности постоянно дополняется. В научный оборот введены новые документы, опубликованы источники личного происхождения [8; 9; 13; 15].

Ряд изданных и введенных в научный оборот рассекреченных документов находится на хранении в Центральном архиве Федеральной службы безопасности (далее – ЦА ФСБ) России, архивах Управления Федеральной службы безопасности (далее – УФСБ) России по Курской и Орловской областям. К их числу относятся агентурные донесения, сообщения, спецсообщения, докладные записки, справки, служебные дневники.

Как известно, 24 апреля 1943 г. И.В. Сталиным была утверждена структура Главного управления контрразведки (далее – ГУКР) «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР. Помимо начальника, его заместителей и помощников, административно-хозяйственного отдела, секретариата и отдела кадров, в управлении было сформировано 10 отделов, каждый из которых вел определенное направление деятельности:

1 – работа с центральными органами Красной армии и управлениями Народного комиссариата обороны;

2 – работа среди военнопленных, фильтрация находившихся в плену или окружении;

3 – борьба с агентурой противника;

4 – контрразведывательная работа в тылу противника;

5 – руководство работой органов «Смерша» военных округов;

6 – следственная работа;

7 – учет, картотеки;

8 – шифросвязь;

9 – оперативно-техническая работа;

10 – служба наружной разведки, аресты, обыски.

Таким образом, подразделения военной контрразведки выполняли ряд функций с целью выявления шпионов, пресечения

фактов предательства Родины, получения информации и ведения дезинформационной работы. Многие из этих функций осуществлялись в период Курской битвы. Как отмечают составители книги-альбома «“Смерш”: исторические очерки и документы», «в Курской битве отечественные разведка и контрразведка сыграли чрезвычайно важную роль. Им удалось не только заблаговременно обнаружить подготовку немцами наступления на курском направлении, но и определить место и срок проведения операции... органы военной контрразведки активизировали работу по поиску и захвату вражеских агентов, передававших по заданиям своих разведцентров информацию о концентрациях советских войск и резервов, их численности, о местах расположения штабов, о характере оборонительных сооружений» [6: 80].

Кроме того, Курская битва продемонстрировала возросший профессионализм сотрудников военной разведки и контрразведки. Ошибки и промахи, нередко оборачивавшиеся трагедией, не просто учитывались в текущей деятельности, а строго прорабатывались. К этому добавлялся каждодневный тяжелый опыт – как неудачи, так и достижения. Бесспорно, первые месяцы войны выявили многие слабые стороны подготовки сотрудников отечественных органов безопасности. И потому особо ценно было учесть выказанную ими способность «выработать хорошо продуманную и действенную систему оперативных мер предупреждения и пресечения разведывательных акций противника» [6: 82]. Результатом такого труда стала большая курская радиоигра с широким использованием агентурных радиостанций врага, по сути, проведенная впервые [6: 81–82].

Рассекреченные и опубликованные документы ЦА ФСБ России, архивов УФСБ России по Курской и Орловской областям дают достаточно широкое представление о ходе Курской битвы, деятельности военных контрразведчиков, результатах агентурно-оперативной работы.

В них содержится информация о мерах секретности, принятых при разработке боевых операций, перлюстрации корреспонденции, причинах утечки секретных сведений, операциях, ходе боев, боевом состоянии частей, настроениях населения, реакции граждан на различные события в ходе боев, положении населения, о диверсиях противника, агентурно-оперативной работе, деятельности заградотрядов.

Так, 10 июня 1943 г. в управление контрразведки «Смерша» Центрального фронта было направлено агентурное донесение источника «Кудрявцева» о принятых мерах по соблюдению секретности при разработке боевых операций, в котором было сказано, что «планы наступательных операций известны ограниченному кругу лиц (командующий, начштаба, начальник оперотдела и военные советы армии)... по срокам никто из людей отдела ничего не знают» [4: 23].

Донесение было важно, поскольку в эти же дни заместителю народного комиссара обороны СССР В.С. Абакумову, представителю Ставки Верховного Главнокомандования А.М. Василевскому и председателю Государственного комитета обороны И.В. Сталину на стол ложились сообщения об утечке информации о предстоявших наступательных операциях на Брянском фронте и было необходимо принимать безотлагательные меры, чтобы предотвратить возможность дальнейшей утечки. В частности, одной из ее причин называлась «излишняя болтливость командного состава армий и соединений, входящих в состав армий, выполнявших отдельные поручения по подготовке и обеспечению наступательной операции» [4: 25].

Для борьбы со сдачей в плен советских военнослужащих была проведена операция под кодовым названием «Измена Родине». В тех частях, где отмечались случаи перехода к противнику, были инсценированы групповые сдачи в плен, в результате которых специально подготовленные военнослужащие приближались к расположению немецких войск, делали вид, что сдаются, и затем забрасывали гранатами противника. Таким образом, каждый последующий переход немцы расценивали как засаду, встречали огнем и уничтожали его участников, что останавливало красноармейцев от сдачи в плен [4: 25–28].

Кроме того, сотрудники «Смерша» докладывали о результатах перлюстрации, которая выявляла настроения бойцов на протяжении как Курской битвы, так и всей Великой Отечественной войны. Так, например, 8 июля 1943 г. было отправлено спецсообщение начальнику управления контрразведки «Смерш» Центрального фронта А.А. Вадису о том, что «отделением военной цензуры НКГБ 13-й армии за 5 и 6 июля процензурировано исходящей корреспонденции 55 336 писем, из них на национальных языках

народов СССР – 6914. Из общего числа проверенной корреспонденции обнаружено отрицательных высказываний 21, относящихся к жалобам на недостаток в питании и отсутствие табака. Вся остальная корреспонденция в количестве 55 315 писем – патриотического характера, отражающая преданность нашей Родине и любовь к Отечеству» [4: 31–32].

Особое место в числе документов органов военной контрразведки занимают сообщения о ходе боевых операций. Их отличает скрупулезность сведений, наличие статистических данных, четкость хронологии и внимание к деталям. Благодаря этим донесениям руководство страны имело практически полное представление о причинах отступлений, ошибках, морально-психологическом состоянии военнослужащих, потерях в технике и живой силе.

Наряду с настроением военнослужащих отслеживались и настроения мирного населения. В частности, заслуживает внимания докладная записка управления Народного комиссариата государственной безопасности по Орловской области от 29 июля 1943 г. о реакции населения области на приговор, вынесенный изменникам Родины в Краснодаре, в которой говорится, что «происходивший в г. Краснодаре с 15 по 17 июля с.г. процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников в период временной оккупации города вызвал живой интерес в среде всех слоев населения: рабочих, служащих, интеллигенции и колхозников. Вскрытая преступная деятельность обвиняемых вызвала глубокое возмущение, а приговор трибунала о смертной казни через повешение и сообщение о приведении его в исполнение вызвал одобрение» [4: 74]. Подтверждением тому стали высказывания граждан, собранные агентами и осведомителями, в которых люди подчас в резких выражениях проявляли ненависть к нацистам и всячески поддерживали справедливый суд над ними.

Часть спецсообщений была посвящена диверсиям противника. Так, 2 августа 1943 г. наркомун внутренних дел Л.П. Берии был направлен документ о заброске на территорию Курской области немецких парашютистов-диверсантов. В нем говорилось, что «в период с 14 по 30 июля с.г. в районе Москва – Донбасской железной дороги, станции Старый Оскол – Валуйки, противником выброшены три парашютные группы диверсантов общей численностью 18 человек, с заданием разрушения железнодорожного полотна,

искусственных сооружений и подрыва эшелонов с воинскими грузами <...> Задержанные и добровольно явившиеся диверсанты были одеты в форму военнослужащих красной армии, снабжены документами частей и госпиталей Воронежского фронта <...> У диверсантов обнаружены различные фотокарточки, на обороте которых сделаны условные записи с указанием объектов диверсионной работы» [4: 91–92].

На фоне сложной обстановки и постоянных диверсий велась агентурно-оперативная работа органов «Смерша». О ее результатах готовились докладные записки на имя начальника «Смерша» В.С. Абакумова. К примеру, 13 августа 1943 г. была составлена докладная за июль, в которой отмечалось, что «активность и работоспособность агентурного аппарата в июле месяце характеризуется также фактами массового проявления героизма в боях со стороны нашей агентуры, инициативными и смелыми действиями по предотвращению измены Родине, сдачи в плен, трусости, паникерства и бегства с поля боя» [4: 126].

Одним из щепетильных вопросов, вызывающих споры до настоящего времени, остается деятельность заградотрядов. Мнения исследователей о методах их работы разнятся. Тем не менее в одном из документов ЦА ФСБ России, посвященном результатам деятельности заградительных отрядов, приводятся следующие факты: «Необходимо отметить, что число задержанных военнослужащих, начиная с 15 июля, резко сократилось по сравнению с первыми днями работы заградотрядов. Если за 12 июля было задержано 2842 человека, а за 13 июля – 1841 человек, то за 16 июля было задержано 394 человека, а уже за 17 июля было задержано всего лишь 167 человек, и то вышедших из окружения войск противника. Начавшийся в пятом часу 12 июля 1943 г. массовый отход рядового, командно-начальствующего состава с поля боя организованными нами заградотрядами был в основном остановлен в 16 часов того же дня, а впоследствии совсем прекратился» [4: 61].

Таким образом, документы «Смерша» свидетельствуют о сложной и напряженной работе, которую вели сотрудники военной контрразведки. Несмотря на то что в целом их деятельность воспринимается не всеми историками однозначно, налицо факты того, что сотрудники сражались плечом к плечу с красноармейцами, претерпевали те же лишения и тяготы, старались стойко

выполнять должностные обязанности, цели и задачи, возложенные на них руководством страны. Благодаря процессу рассекречивания архивов отечественных специальных служб исследователи получают доступ к уникальным документам, призванным заполнить лакуны как событий Великой Отечественной войны в целом, так и Курской битвы в частности.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013.
2. Зданович А.А. Тайный удар по «Цитадели»: органы контрразведки «Смерш» в Курской битве. М., 2023.
3. Кузьева С.А. «Безобразие, а не наступление. Приказывают мне гнать пехоту на танки противника. Я уже потерял целый полк»: органы военной контрразведки о событиях на Курской дуге в июле – августе 1943 года // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 24–35.
4. «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. М., 2003.
5. Пашин В.П. Органы контрразведки «Смерш» в Курской битве // Научные ведомости Белгородского университета. Серия История. Политология. 2016. № 1 (222). Вып. 37. С. 133–136.
6. «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. Изд. 2-е испр. и доп. / авт. кол.: В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др., гл. ред. А.Г. Безверхний. М., 2005.
7. Страна в огне: в 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945: в 2 кн. Кн. 1. Очерки / ред.-сост. Д.В. Суржик. М., 2017.
8. Христофоров В.С. Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 11–16.
9. Христофоров В.С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–72.
10. Христофоров В.С. Документы советской разведки и контрразведки как оригинальный источник по истории Курской битвы // Крах наступательной стратегии германского вермахта: материалы военно-исторической конференции (Москва, 22 мая 2018 г.), посвященной 75-летию Курской битвы. М., 2018. С. 56–75.
11. Христофоров В.С. История Курской битвы: новые документы советской разведки и контрразведки, новые интерпретации // 1943 год. От Курска до Днепра / отв. ред. Ю.А. Никифоров. М.; СПб., 2018. С. 120–138.

12. Христофоров В.С. Курский выступ: зафронтовая разведка НКГБ информирует // Курская битва 1943 г. Историческое значение и поиски новых интерпретаций: материалы круглого стола, приуроченного к 70-летию Курской битвы 1943 г. Москва, 14 июня 2013 г. М., 2014. С. 57–83.

13. Христофоров В.С. Материалы Центрального архива ФСБ России периода Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2005. № 3. С. 42–52.

14. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. М., 2011.

15. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. Документы архивов ФСБ России // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 34–52.

М.В. Медведев

УЧАСТИЕ 87-й ГВАРДЕЙСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В МИУССКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ЮЖНОГО ФРОНТА (17 июля – 2 августа 1943 г.)¹

После сражений на Миусе зимой – весной 1943 г. боевые действия приняли позиционный характер. В начале лета 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования запланировала нанести новый удар в юго-западном направлении с целью полного освобождения Ростовской области и Донбасса. В рамках Миусской наступательной операции Южного фронта трем армиям предстояло прорвать оборону противника в полосе Дмитриевка – Куйбышево – Ново-Ясиновский и освободить Таганрог. Основу ударной группировки Южного фронта составляли 2-я гвардейская, 5-я ударная и 28-я армии [1: 126–127]. Боевые действия развернулись на стыке территорий трех современных южных регионов: Ростовской области, Донецкой и Луганской Народных Республик.

Существенная боевая нагрузка в предстоящем наступлении легла на гвардейские части и соединения Южного фронта, так как они уже зарекомендовали себя в предыдущих изнурительных боях зимой 1943 г. под Сталинградом, Ростовом-на-Дону и на Миусе, за что и были удостоены почетного звания гвардейских. Одной из них и была 87-я гвардейская (до 17 апреля 1943 г. – 300-я) стрелковая

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01642, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

дивизия, на примере которой в данной работе исследуются основные результаты успеха и неудачи Миусской наступательной операции Южного фронта, продлившейся с 17 июля по 2 августа 1943 г.

К моменту начала операции в основной боевой состав 87-й гвардейской стрелковой дивизии были включены 261-й, 262-й, 264-й гвардейские стрелковые и 192-й гвардейский артиллерийский полки, а также другие части. Командиром соединения был гвардии полковник К.Я. Тымчик. Дивизия находилась в оперативном подчинении 2-й гвардейской армии Южного фронта.

Утром 17 июля 1943 г. части 87-й гвардейской стрелковой дивизии были приведены в полную боевую готовность и сосредоточились западнее с. Дьяково Ворошиловградской области (в настоящее время – Луганской Народной Республики). Противник оказывал упорное сопротивление в направлениях советского прорыва силами 16-й и 52-й моторизованных, 96-й и 306-й пехотных дивизий и переходил в частые контратаки при поддержке танков и групп авиации численностью до 30 самолетов.

21 июля три батальона 261-го гвардейского стрелкового полка после продолжительной артподготовки перешли в наступление. Неся большие потери, гвардейцы достигли окраины х. Малопетровского Сталинской области (в настоящее время – Донецкой Народной Республики). Соседний 264-й гвардейский полк отставал в наступлении, при этом оголив флаг 1-го батальона 261-го полка. Ранение в бою получил командир последнего гвардии капитан Н.А. Ватолкин. Сражение за Малопетровский разгоралось, в момент следования на свой наблюдательный пункт на mine подорвался командир 261-го полка майор П.П. Рыбаков, ему оторвало ногу. В сложный момент временное командование полком на себя взял заместитель командира полка по санчасти гвардии капитан Н.Н. Ратников [10: 83 об.–84].

Отмечались заслуги солдат и командиров полка. В боях за Малопетровский бойцы батальона капитана Н.А. Ватолкина восемь раз ходили в атаку. Будучи раненым, Николай Андреевич не оставил поле боя, под его командованием было уничтожено два вражеских танка и убито до 280 вражеских солдат. За этот подвиг гвардии капитан Н.А. Ватолкин был награжден орденом Красного Знамени [5: 135].

21 июля подразделения 264-го гвардейского стрелкового полка, преодолевая сильное огневое сопротивление противника, к 13:00

вышли на высоты юго-восточнее с. Мариновка Сталинской области и закрепились на них. С этого рубежа они наступали в направлении х. Елизаветинского Куйбышевского района Ростовской области. Ломая отчаянное сопротивление врага, бойцы полка на исходе суток захватили Елизаветинский.

В этом бою ранение получил командир 2-го батальона 262-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитан Н.Н. Петкевич. 192-й гвардейский артиллерийский полк с огневых позиций в полосе высоты с отметкой 76,7 и южнее высоты 194,3 вел обстрел врага в х. Калиновка Сталинской области, по высоте 196,0 и стыку дорог северо-восточнее Елизаветинского. 192-й артиллерийский полк вместе с полковой артиллерией к исходу дня провел 1450 выстрелов из орудий 76 мм и 240 выстрелов из гаубиц 122 мм. В течение дня огнем орудий советской артиллерии, минометов и стрелкового вооружения было отражено пять контратак противника, поддержанных авиацией и танками, а также убито до 1 тыс. германских военнослужащих. Серьезные потери понесла и 87-я гвардейская стрелковая дивизия: убитыми – 300 человек, ранеными – 500 человек [9: 72 об.–73].

С утра 22 июля сражение разгоралось с новой силой. Бойцы 262-го гвардейского стрелкового полка при поддержке огня орудий 1-го дивизиона 192-го гвардейского артполка в 4:00 сломили сопротивление групп противника северо-восточнее Малопетровского, однако через час последовала контратака противника. Вражеский батальон пехоты при поддержке восьми танков, артиллерии и авиации нанес удар по боевым порядкам 262-го полка. Противник, усиливая контратаку, в 14:00 вновь занял Малопетровский. Бойцы 264-го полка в первой половине дня безуспешно пытались оттеснить противника, закрепившегося в Елизаветинском, но сами вынуждены были отступить [9: 73].

Для разрешения напряженной оперативной обстановки командир дивизии гвардии полковник К.Я. Тымчик распорядился возобновить наступление частей. Впереди по фронту со стороны противника располагались германские части из числа 16-й моторизованной и 111-й пехотной дивизий. Справа по фронту наступал 262-й, слева – 264-й, в центре дивизии – 261-й гвардейские стрелковые полки. Выдвинувшийся в бой стрелковый авангард поддерживался полковой и дивизионной артиллерией. Уже в 16:10

противник силами до двух рот пехоты при поддержке авиации и трех танков снова перешел в контрнаступление. Первый удар пришелся на участок 262-го полка, после чего тот отступил. Для восстановления положения справа в бой был введен резерв 261-го полка. Тогда враг перешел в атаку на левое крыло наступления гвардейцев. Не выдержав плотного огня орудий противника, подразделения 264-го полка также начали покидать свои позиции. В итоге отход соседних частей ослабил фланги 261-го полка, в связи с чем его наступление застопорилось [10: 84 об.].

Утром 23 июля части 87-й гвардейской дивизии продолжили наступать на вражеские позиции южнее Малопетровского, но существенных изменений на их фронте не произошло, а 24 июля в боевом распоряжении командира дивизии всем частям приказывалось перейти к прочной обороне на занятых участках и окопаться. Одновременно с этим по флангам 87-й гвардейской стрелковой дивизии к обороне перешли 86-я гвардейская и 347-я стрелковая дивизии. Первая неделя наступательной операции проходила с трудом для советских войск. Несмотря на героизм бойцов в частях и соединениях Южного фронта, общие потери превысили 43 тыс. человек. Был высок ущерб и в боевой технике [8: 95–99].

27 июля 1943 г. из района Курского выступа в Донбасс передислоцировался 2-й танковый корпус СС из числа моторизованных дивизий СС «Райх», СС «Мертвая голова» и 3-й танковой дивизии [4: 308–309]. До 29 июля активных боевых действий не было. 30 июля, после продолжительной артподготовки и бомбежки с воздуха, противник перешел в наступление на всем правом фланге Южного фронта. Положение 87-й гвардейской стрелковой дивизии осложнилось после отступления соседа слева – 347-й стрелковой дивизии 28-й армии. Отважно сражался 192-й гвардейский артиллерийский полк, в результате его действий было отражено три контратаки противника, уничтожено два танка и разбито шесть пулеметных точек [11: 72]. Серьезным препятствием для моторизованной дивизии СС «Мертвая голова» стали скрытые в полях советские противотанковые орудия, огнем из которых в этот день отважные красноармейцы уничтожили больше половины из 89 атаковавших вражеских танков [3: 424–425].

С рассветом 31 июля опасность не миновала, так как группа танков и мотопехоты противника со стороны х. Калиновка

и Репяховатого численностью до 30 единиц нанесла удар по позициям 86-й гвардейской и 347-й стрелковых дивизий. В 12:00 со стороны Калиновки на Малопетровский выдвинулось 13 вражеских танков в сопровождении одного батальона пехоты и 17 танков с двумя батальонами пехоты подошли к юго-восточной окраине Елизаветинского, создав угрозу окружения частей 87-й гвардейской стрелковой дивизии. Положение усугубилось после того, как слева – 347-я и справа – 86-я гвардейская стрелковые дивизии начали хаотичный отход, вновь оголив фланги 87-й дивизии.

В 16:00 сражение достигло пика напряженности, переходя местами в рукопашные схватки. Танки и пехота противника проникли в командные пункты полков и завязали бой на ближних дистанциях с командирами штабов и комендантских взводов 87-й гвардейской стрелковой дивизии. В рукопашной схватке погибли начальник штаба 261-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитан Д.Т. Билетов и его помощник гвардии лейтенант Л.Б. Дубинский, а также начальник штаба 264-го гвардейского полка гвардии капитан К.Я. Цуканов и все командиры данного подразделения. К исходу дня в полках насчитывалось уже не более 80–100 бойцов, которые, несмотря на все героические усилия, не смогли сдержать натиск многочисленной вражеской пехоты с танками. Остатки частей 87-й гвардейской стрелковой дивизии начали отход и закрепились на скатах высоты 155,9. В течение всей ночи продолжался обстрел позиций гвардейцев [9: 79].

Все дни Миусской наступательной операции героически сражался 192-й гвардейский артиллерийский полк под командованием гвардии подполковника К.В. Кульчицкого, который постоянно находился на наблюдательном пункте и лично руководил ведением огня из орудий своего полка. Умелой организацией взаимодействия с пехотой и танками артиллерийский полк всегда обеспечивал успешное продвижение частей дивизии и отражал многочисленные контратаки противника. В эти дни артиллеристами было уничтожено не менее одного батальона и рассеяно до полка пехоты врага. Кроме того, было подбито четыре танка, одна самоходная установка и шесть автомашин, уничтожено шесть пулеметов, разрушено три дзота и два наблюдательных пункта. Гвардейцы-артиллеристы нанесли врагу и другой ущерб. За проведенную боевую работу полка и личные

подвиги гвардии подполковник К.В. Кульчицкий был награжден орденом Красного Знамени [7: 48].

В тяжелых боях 30 и 31 июля также отличились красноармейцы и младшие командиры дивизии. Так, орудийный расчет 5-й батареи 192-го гвардейского артполка, подвергаясь бомбежке с воздуха, отважно сражался с танками и пехотой противника. В напряженный момент боя номер орудия красноармеец С.Р. Балагуров не прекращал руководить слаженной работой расчета – только его расчет прямой наводкой подбил два танка и уничтожил свыше 60 вражеских солдат. В том бою разведчик этой же батареи красноармеец К.М. Абдурахманов под обстрелом производил разведку переднего края позиций противника, при этом вынес с поля боя раненого командира батареи и доставил его в медсанбат. В одном из сражений у х. Елизаветинского средства тяги артиллеристов были обстреляны противником. Ездовой 4-й батареи гвардии красноармеец И.М. Переволодский получил ранение и, истекая кровью, вывел лошадей с сектора обстрела, при этом боец отказался эвакуироваться. Эти и другие гвардейцы за свои подвиги были отмечены медалью «За отвагу» [6: 143].

В итоге к 1 августа 1943 г. в частях 87-й гвардейской стрелковой дивизии насчитывалось не более 300 бойцов, которые с утра были атакованы 40 танками и тремя батальонами пехоты. Гвардейцы дважды бросались в контратаку, но успеха не последовало. Согласно приказу штаба корпуса, в этот день дивизия начала отход за р. Миус. За время сражения в Миусской наступательной операции, длившейся с 17 июля по 2 августа 1943 г., 87-я гвардейская стрелковая дивизия потеряла убитыми 1407 человек и ранеными – 3239 человек [9: 80].

Общее состояние бойцов можно оценить по воспоминаниям гвардии старшего техника лейтенанта 192-го гвардейского стрелкового полка 87-й гвардейской стрелковой дивизии В.Т. Непрокина: «Приказ на отвод войск поступает с опозданием, и командиры батальонов не в силах навести маломальский порядок... На левом берегу Миуса как у себя дома. Занимают ту же траншею, только теперь затопленную дождем... Все чувствуют себя виноватыми...» [2: 150–151].

Таким образом, в боях на Миусе в июле 1943 г. гвардейцы проявили массовый героизм. Ценой огромных потерь они смогли остановить на берегах Миуса серьезную угрозу в лице крупных танковых и моторизованных соединений противника. Данная ситуация

помогла развитию наступления на важном в тот момент белгородско-харьковском направлении. Ученный опыт в наступлении Южного фронта в июле 1943 г. заложил успех для предстоящего штурма, сокрушившего Миус-фронт в конце августа 1943 г., что позволило в скором времени окончательно освободить Ростовскую область и разгромить германскую группировку на Донбассе.

Источники и литература

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг., 1943 г. Ростов н/Д., 2010.
2. Непрокин В.Т. Полыхают зарницы. Киев, 1980.
3. Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. М., 2006.
4. Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М., 2006.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1066.
6. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1685.
7. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 52.
8. ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 172.
9. ЦАМО РФ. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 26.
10. ЦАМО РФ. Ф. 6752. Оп. 348490. Д. 1.
11. ЦАМО РФ. Ф. 11034. Оп. 1. Д. 3.

Р.С. Байрамов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРОНТОВ В ХОДЕ КУРСКОЙ БИТВЫ И ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА

Одним из малоизученных вопросов Великой Отечественной войны является взаимодействие фронтов на разных этапах ее истории. Несомненно, фронты взаимодействовали друг с другом и в начале войны, но этот процесс приобрел совершенно новые формы к лету 1943 г. Совместная работа фронтов и оперативная реакция на обстановку стали ключевыми чертами летне-осеннего наступления 1943 г. Красная армия создавала напряжение на одном из направлений, заставляя немецкое командование перебрасывать свои резервные силы туда и тем самым ослаблять другие зоны, а затем красноармейцы наносили атакующие удары на ослабленные участки.

Особенно яркими примерами тактики взаимодействия фронтов стали сражение на Курской дуге и битва за освобождение

Донбасса. Началом последней можно считать Изюм-Барвенковскую и Миусскую наступательные операции, которые проходили в июле 1943 г. Главной задачей этих операций было окружить и разгромить противников на Донбассе. Дивизии, переброшенные для ликвидации прорывов на других фронтах, ослабили наступательную силу группы армий «Юг» в направлении Курска, что позволило Воронежскому фронту сначала сдерживать натиск немецких сил, а затем нанести им мощный контрудар.

Изюм-Барвенковская наступательная операция осуществлялась с 17 по 27 июля 1943 г. войсками Юго-Западного фронта. Ее основная цель заключалась в остановке донбасской группировки противника и блокировке переброски немецких войск в направлении Курской дуги. Подвижные группировки Юго-Западного фронта должны были совершить прорыв и атаковать в направлении Сталино (ныне Донецка) совместно с войсками Южного фронта, чтобы окружить противника [4: 96]. Несмотря на переброски немецких резервов, Красная армия смогла успешно форсировать р. Северский Донец, захватить и удерживать плацдармы на правом берегу, что помогло оборонять южное направление Курской дуги.

Миусская наступательная операция началась одновременно с Изюм-Барвенковской, 17 июля 1943 г., но продолжалась немного дольше – до 2 августа 1943 г. Войска вермахта возвели оборонительную линию под названием Миус-фронт, его первая линия обороны простирались на глубину до 10 км, на каждый квадратный километр приходилось до 30 огневых точек. Более 800 населенных пунктов были превращены в опорные пункты, а ширина минных полей достигала 500 м [4: 97]. Благодаря своим укреплениям, Миус-фронт стал непреодолимым препятствием для советских войск в течение зимней кампании 1941–1942 гг.

Задачей Южного фронта было последовательно разгромить 6-ю армию вермахта и отвлечь на себя резервы противника с курского направления. Немецкое командование передислоцировало в район прорыва 16-ю моторизованную дивизию и части 23-й танковой дивизии, ранее отозванные с Харькова, а также срочно перебросило значительные силы авиации и пехотные дивизии с белгородско-харьковского направления в Донбасс [5: 127]. В связи с укрепившейся обороной противника и неудачными попытками прорваться в центр Донбасса, войска Южного фронта получили

приказ отойти на левый берег Миуса. Несмотря на это, они смогли помешать переброске донбасской группировки противника на Курскую дугу и заставить его отозвать с белгородско-харьковского направления пять танковых дивизий и значительные силы авиации для удержания своих позиций на Донбассе [2: 167].

Переброска немецких войск в обратном направлении началась уже в первой декаде августа 1943 г. [2: 170]. Несмотря на усилия вермахта по сдерживанию наступления советских войск на харьковском направлении путем переброски из Донбасса 15 дивизий, включая четыре танковые, эти маневры не принесли желаемых результатов, и армия противника остановилась на Курской дуге. Красная армия перешла в наступление, и вся восточная фронтовая линия оказалась в ее руках. Неэффективная передислокация немецких войск ослабила донецкую группировку противника, что способствовало возобновлению кампании по освобождению региона, начатой в июле 1943 г.

Благоприятный исход битвы под Курском позволил Верховному Главнокомандованию поставить перед армией задачу начать общее наступление на всем фронте. С особой важностью рассматривалось освобождение промышленных районов Украины, которые были захвачены немецкими войсками. У советского командования не было единого мнения о способе уничтожения противника: Г.К. Жуков предлагал окружить значительные группировки врага, в частности, отсечь южную группировку в Донбассе ударом из района Харькова и Изюма в общем направлении на Днепропетровск и Запорожье. Это мнение поддержал первый заместитель начальника Генерального штаба генерал А.И. Антонов, однако И.В. Сталин не разделял эту точку зрения. Он считал, что на реализацию такого плана потребуется много времени и противник успеет организовать оборону на пути к Днепру. В связи с этим Сталин приказывал, чтобы немецкие войска были отброшены с их рубежей как можно быстрее путем фронтальных ударов [3: 211].

Готовиться к предстоящему освобождению левобережной Украины требовалось в кратчайшие сроки, параллельно с завершающимся контрнаступлением под Курском. После полутора-месячных боев на Курском выступе советские войска отошли от своих тыловых частей и истратили большую часть накопленного материального обеспечения. Поскольку железнодорожная сеть

не была полностью восстановлена, всё необходимое приходилось доставлять автотранспортом, но его было недостаточно. К.К. Рокоссовский вспоминал: «На подготовку нам дали десять дней. Срок, конечно, явно недостаточный. Но откладывать наступление нельзя: всякое промедление враг использует для усиления своих войск и создания прочной обороны» [9: 221]. Тем не менее, несмотря на значительные трудности, командование сумело организовать и провести перегруппировку войск, подтянуть тылы, пополнить силы и обеспечить их вооружением и боеприпасами.

К разработке плана будущей операции был привлечен маршал А.М. Василевский. 8 августа 1943 г. план Донбасской операции был готов, а уже 10 августа одобрен Москвой [10: 188]. К концу первой декады августа 1943 г. все подготовительные мероприятия были завершены: в структуру ударных групп были внесены изменения с учетом опыта июльской кампании, а также усилены авиационная и артиллерийская составляющие фронтов. Реализация плана Донбасской наступательной операции была возложена на Юго-Западный фронт под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского и Южный фронт под командованием генерал-полковника Ф.И. Толбухина. Огневую поддержку с воздуха должны были осуществлять 8-я и 17-я воздушные армии под командованием генерал-лейтенанта Т.Т. Хрюкина и генерал-майора В.А. Судеца. С моря войска поддерживала Азовская флотилия контр-адмирала С.Г. Горшкова. Наступавшие в районе Донбасса советские войска пытались остановить немецкие дивизии группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Э.Ф. Манштейна [8].

В результате контрнаступления войска Юго-Западного и Южного фронтов освободили восточную часть Донбасса. К середине августа 1943 г. армии фронтов достигли линии Змиев, вдоль р. Северский Донец, северо-западнее Ворошиловграда (ныне Луганск), далее по Миусу и восточнее Таганрога. 13 августа 1943 г. армии Юго-Западного фронта перешли в наступление с плацдарма на р. Северский Донец [8]. Начальные успехи были затруднены хорошо укрепленной обороной 8-й армии, и наступление было прервано. Не улучшил ситуацию и ввод в бой резерва фронта 8-й гвардейской армии. Однако советским войскам удалось отвлечь значительные силы противника и это способствовало успешным действиям Южного фронта. Основной удар наносили 5-я ударная

армия и 51-я армия в направлении Сталино [6: 58]. На вспомогательном направлении прорвали мощный оборонительный рубеж 6-й немецкой армии на р. Миус войска 2-й гвардейской, 28-й и 44-й армий, и к 30 августа 1943 г. был освобожден Таганрог [6: 61; 8]. В сентябре 1943 г. армии Южного фронта продолжали наступление по всей левобережной Украине и на Донбассе. В северных районах Украины осуществили наступление войска Центрального фронта, начавшееся 26 августа 1943 г. Войска перебросили основной удар в направлении Севска – Новгорода-Северского и, преодолевая сопротивление 2-й немецкой армии, освободили Севск и Глухов. Затем армии Центрального фронта продолжили продвижение в северные районы Украины [7: 167].

К 31 августа 1943 г. прорыв был увеличен до 100 км по ширине фронта и до 60 км в глубину [11: 102]. Успешное наступление армий Центрального фронта создало угрозу окружения для немецких войск на Воронежском фронте. Германское командование, чтобы избежать окружения, начало отвод своих войск из данной области. Красная армия, воспользовавшись этой возможностью, организовала преследование отступающего противника и через два дня освободила г. Сумы, и вплотную подошла к Ромнам [11: 106–107]. В зоне действия Степного фронта до начала сентября 1943 г. бои проходили в районе Харькова, а затем советским войскам удалось прорвать оборону противника и организовать наступление в направлении Верхнеднепровска. Успешное продвижение советских армий в битве за Днепр привело к тому, что 15 сентября 1943 г. германское командование начало отвод всех войск группы армий «Юг» за линию «Восточного Вала», которая простиралась вдоль Днепра и далее до побережья Азовского моря [7: 168]. Таким образом, первый этап освобождения Украины был завершен.

Курская битва стала одним из определяющих сражений Великой Отечественной войны, в котором активное участие приняли войска Центрального и Воронежского фронтов. Следует отметить, что благодаря поддержке Южного и Юго-Западного фронтов, враг был вынужден перемещать свои войска, что позволяло советским войскам проводить успешные наступательные операции не только на Курской дуге, но и на Донбассе. Красная армия под Курском не только выдержала сильный удар немецких войск, но и успешно контратаковала, отбросив врага на юг и юго-запад на расстояние

140–150 км. Это создало предпосылки для общего наступления советских войск, освобождения Донбасса, Левобережной Украины и достижения Днепра [1: 319]. С начала летней кампании 1943 г. и до конца войны войска Красной армии удерживали стратегическую инициативу в своих руках.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011.
2. *Жирохов М.А.* Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М., 2011.
3. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 14-е изд.: в 2 т. Т. 2. М., 2005.
4. *Лавренов С.Я., Полянский М.С.* Освобождение Донбасса в 1943 году. К 80-летию со дня начала освобождения // Обозреватель. 2023. № 5 (400). С. 94–107.
5. *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д., 2010.
6. *Медведев М.В.* Южный фронт в прорыве немецких рубежей на Миус-фронте в августе 1943 года // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. №. 2. С. 57–63.
7. *Найденко Б.Н.* Основные стратегические операции советских войск в ходе битвы за Днепр (13.08–23.12.1943 г.) // 1943 год. От Курска до Днепра: сборник статей / отв. ред. Ю.А. Никифоров; сост. Е.П. Желамская, Ю.А. Никифоров, Д.В. Шполянский. СПб., 2018. С. 166–172.
8. Освобождение Донбасса // Календарь Победы. URL: <https://pobeda.elar.ru/issues/osvobozhdenie-donbassa/> (дата обращения: 08.04.2024).
9. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. 5-е изд. М., 1988.
10. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–3). Ставка ВГК, 1943 г.: документы и материалы / сост. А.М. Соколов и др. М., 1999.
11. Сообщения Советского информбюро: в 8 т. Т. 5: Июль – декабрь 1943 года. М., 1944.

И.В. Киселёв

МОРСКОЙ ДЕСАНТ В РАЙОНЕ ГОЛУБИЦКОЙ И ЧАЙКИНО 25 СЕНТЯБРЯ 1943 г.

Финалом боев за освобождение Кавказа стала Новороссийско-Таманская операция 10 сентября – 9 октября 1943 г. Ее начало было ознаменовано высадкой советского десанта в порту Новороссийска. Гораздо меньше внимания в научной и публицистической

литературе уделяется высадкам, проведенным в течение сентября 1943 г. на северном и южном берегах Таманского полуострова. Об одной из таких операций, осуществленных в районе Темрюка Азовской военной флотилией, пойдет речь в данной публикации.

Интерес к этому событию определялся значением опыта взаимодействия сухопутных войск, флота и авиации в ходе работы морских десантов. Вместе с тем появление в научном обороте оцифрованных советских и особенно немецких документов позволяет существенно дополнить и уточнить сложившееся представление о ходе боев на Тамани осенью 1943 г.

Азовская флотилия была передана в оперативное подчинение Северо-Кавказского фронта 19 сентября 1943 г. В тот же день командующий фронтом генерал-полковник И.Е. Петров отдал распоряжение о подготовке высадки облегченного полка в районе Темрюка в интересах 9-й армии. Эта задача уточнялась в директиве 21 сентября. Исходя из того что противник начал отвод 50-й и 370-й пехотных дивизий, командующему флотилией контр-адмиралу С.Г. Горшкову были даны указания «высадить десант в районе Чайкино, Пересыпь с задачей – захватить берег и, перехватив дорогу Темрюк – коса Чушка, не допустить отхода пр[отивни]ка из района Темрюк на запад» [3]. Тем самым советское командование рассчитывало перерезать единственный путь сухопутной коммуникации войск 49-го немецкого горного корпуса, прикрывавшего темрюкское направление.

В качестве основных сил десанта выступал отряд подполковника А.Е. Поповича численностью 1177 солдат и офицеров. Его основу составлял 545-й полк 389-й стрелковой дивизии. Существует информация об участии в операции и другого полка этой дивизии – 1277-го. Именно его управление было поставлено во главе десантного отряда. Из показаний попавших в немецкий плен участников десантной операции известно, что буквально за неделю до ее проведения 389-я дивизия понесла чувствительные потери в боях и была выведена в резерв. Для укомплектования отряда подполковника А.Е. Поповича пришлось собирать людей из всех трех полков дивизии и даже из прибывшего маршевого пополнения [11: 919, 921]. Основной десант имел в своем распоряжении шесть полковых и шесть противотанковых пушек, минометы и противотанковые ружья. На вспомогательном направлении

должен был высаживаться 369-й батальон морской пехоты майора Я.А. Рудя, насчитывавший 220 человек.

С выделенными для участия в операции войсками удалось провести две тренировки по посадке и выгрузке. Так как возможности Азовской флотилии не позволяли одновременно переправить более одного усиленного батальона, десантные отряды были разделены на два эшелона. В общей сложности к операции удалось привлечь два сторожевых и два артиллерийских катера, 10 бронекатеров, 10 катеров-тральщиков, шесть полуглиссеров и 15 сейнеров. Местом их сосредоточения стала ст. Приморско-Ахтарская. Командовать высадкой поручили начальнику отдела боевой подготовки флотилии капитану второго ранга Н.К. Кириллову, уже имевшему опыт проведения десантов на северном берегу Азовского моря в первой половине сентября 1943 г. Поддержка с воздуха возлагалась на 23-й штурмовой авиаполк Военно-воздушных сил Черноморского флота и 230-ю штурмовую авиадивизию 4-й воздушной армии.

Операция предварялась ударами советской штурмовой авиации по району высадки. В тот же день, 24 сентября, из штаба Северо-Кавказского фронта поступило распоряжение о начале операции, десантный отряд вышел в море, но вернулся в Приморско-Ахтарскую в связи с резким ухудшением погоды. Один из бронекатеров был выброшен на мель и в операции больше не участвовал, еще два получили повреждения.

Вечером 24 сентября катера Азовской военной флотилии повторно приняли на борт 859 человек и скрытно прибыли в район высадки. Оба сторожевых катера, все шесть катеров-тральщиков и четыре бронекатера направились к ст. Голубицкой, пять бронекатеров ушли в направлении пос. Чайкино (ныне не существует). Высадка в обоих пунктах началась практически одновременно, около 3 ч 30 мин 25 сентября 1943 г.

Немцы открыли по катерам огонь из артиллерии, минометов и пулеметов. В результате затонул катер-тральщик КАТЩ-183, часть десантников погибла или получила ранения. В их числе оказался командир отряда подполковник А.Е. Попович, который по некоторым данным погиб, но, вероятнее всего, был тяжело ранен в руку и вернулся в Приморско-Ахтарскую. Тем не менее за последующий час советские катера высадили 738 человек, то есть основную часть десанта.

Такое начало операции вселяло определенный оптимизм, что и отразилось в вечерней сводке Северо-Кавказского фронта: «Из состава 1277 с[трелкового] п[олка] 389 с[трелковой] д[ивизии], 369 б[атальона] морской пехоты был высажен десант в количестве 836 чел. в районе Чайкино, Голубицкая, в результате боя к 8.00 десантные отряды овладели северо-западной окр[аиной] Чайкино и вост[очной] окр[аиной] Голубицкая, в течение дня отряды, отражая неоднократные контратаки противника, закрепляются на достигнутых рубежах. Продолжается высадка вторых эшелонов десанта в район Чайкино» [4].

На берегу советские десантники столкнулись с подготовленной обороной и превосходящими силами противника. В самой Голубицкой находился 1-й батальон 38-го румынского пехотного полка и батальон саперов 370-й пехотной дивизии общей численностью 376 человек боевого состава. Остальные силы вермахта располагались западнее станицы. К 19 сентября в батальонах 666-го гренадерского полка насчитывалось 730 солдат и офицеров, из них 242 – в 1-м батальоне, занимавшем Чайкино. Направленный в район Голубицкой 667-й гренадерский полк насчитывал 772 активных штыка [10: 72]. На помощь им из резерва 49-го горного корпуса были направлены 1-й батальон 121-го гренадерского полка численностью 247 человек и четыре штурмовых орудия из 249-го дивизиона. Советскому десанту противостояло по меньшей мере 2 тыс. человек пехоты. Помимо них в окрестностях Голубицкой располагались батареи полевой и зенитной артиллерии, через станицу на запад отступали разнообразные тыловые подразделения.

Из оперативной сводки 49-го германского горного корпуса за 25 сентября известно, что сразу после высадки сводному отряду 389-й стрелковой дивизии удалось захватить три опорных пункта на берегу и перехватить шоссе между Голубицкой и Темрюком. С рассветом 370-й немецкий саперный батальон атаковал и отбросил десантников от шоссе, но те продолжали держать круговую оборону. В середине дня, с прибытием батальона 121-го гренадерского полка и штурмовых орудий, немецкие атаки возобновились. Численное превосходство, использование бронетехники и поддержка артиллерии позволили противнику сломить организованное сопротивление десантного отряда [10: 181–182].

Кто в эти часы командовал десантом, в точности не известно. Раненого подполковника А.Е. Поповича сменил начальник штаба полка капитан С.А. Ройтблат. Но в показаниях советских пленных фигурировали два майора, руководившие обороной на окраине Голубицкой, а затем пытавшиеся организовать прорыв. Вероятнее всего, ими могли быть заместители командира полка Д.Г. Мальцев и А.И. Смелянский. В оперативной сводке 9-й армии за сентябрь 1943 г., составленной по итогам боев, сообщалось: «Отдельные разрозненные группы были полностью окружены пр[отивни]ком и продолжали драться до последнего патрона. Понеся большие потери и не имея боеприпасов, остатки десантного отряда отходили в плавни в р[айо]н лим. Гнилой Кут» [6: 12].

Столь же драматично сложилась обстановка в районе пос. Чайкино, где работал вспомогательный десант. Уже во время высадки бронекатера попали под огонь немцев, им трижды приходилось подходить к берегу. Высадка состоялась, но практически весь 369-й батальон морской пехоты погиб в ходе боя с подразделениями 666-го гренадерского полка, державшими оборону в устье р. Кубани. В самом начале операции смертельную рану получил майор Я.А. Рудь, уже на берегу был убит начальник штаба батальона старший лейтенант А.Н. Тереженков. Оставшиеся в живых 17 человек, в том числе 11 раненых, пробились в плавни Курчанского лимана. Именной список безвозвратных потерь 369-го отдельного батальона морской пехоты содержит 180 фамилий с указанием одной и той же причины гибели: «24.9.43 г. при высадке мор[ского] дес[анта] в р[айо]не Темрюк убит» [2]. Вместе с морскими пехотинцами погибли два офицера – представители политотдела и контрразведки Азовской военной флотилии.

В оперативной сводке 49-го горного корпуса за 25 сентября сообщалось о захвате одной 45-мм пушки, 12 минометов, 9 противотанковых ружей, 11 ручных пулеметов, 11 винтовок и 22 автоматов. На поле боя было обнаружено 280 убитых советских солдат и офицеров. В плен к немцам попало 293 человека, от 80 до 100 считались утонувшими, а общая численность десанта оценивалась противником в 700 человек [10: 182]. Собственные потери в боях у Голубицкой и Чайкино 25 сентября немцы оценили в 18 убитых и 56 раненых, еще один человек числился пропавшим без вести [9: 440].

В течение двух-трех часов после высадки в районе проведения операции оставались бронекатера. Однако ни корабли, ни авиация не имели связи с десантниками, поэтому вели огонь и наносили удары только по выявленным целям, без всякой корректировки с земли. В первой половине дня 25 сентября на поддержку десанта совершили 138 вылетов летчики 230-й штурмовой авиадивизии. Еще 19 самолето-вылетов произвели штурмовики 23-го авиационного полка [6: 229]. Активность советской авиации в районе высадки была отмечена и в немецких документах, тогда как о действиях собственных военно-воздушных и военноморских сил в журнале боевых действий 49-го горного корпуса говорилось с неодобрением. Представители авиации медленно реагировали на заявки о поддержке с воздуха, а германские корабли вообще не пытались воспрепятствовать действиям Азовской флотилии [9: 438].

Несмотря на явную неудачу, советское командование предприняло 26 сентября попытки доставить десантникам подкрепление или средства связи. Но успеха это не принесло: ветер и волнение моря усилились до 4 баллов, в полной готовности оставалась германская береговая оборона. На подходе к Чайкино ею был потоплен один катер-тральщик КАТЩ-178. По советским данным, высадка людей прекращалась всякий раз, когда появлялись потери. В то же время немецкие документы сообщают, что около сотни советских военнослужащих были высажены восточнее Голубицкой ранним утром 26 сентября. Эта группа также была разгромлена силами 667-го гренадерского полка и 370-го саперного батальона. На берегу был уничтожен катер, 21 советский солдат погиб, еще 54 попали в плен [12: 519].

Для усиления десанта командующим 9-й армии генерал-лейтенантом А.А. Гречкиным 26 сентября в ст. Приморско-Ахтарскую на автомашинах был отправлен 570-й стрелковый полк 276-й стрелковой дивизии, но эта мера запоздала. В ночь на 27 сентября на плечах отступающего противника в Темрюк ворвались подразделения 304-й и 316-й стрелковых дивизий. Вечером того же дня в темрюкском порту с четырех сейнеров высадились 187 солдат и офицеров 389-й стрелковой дивизии. Только тогда с ними смогли соединиться немногие участники десанта, выходившие из окружения мелкими группами и поодиночке через плавни.

Парадоксальным является тот факт, что в сведениях о потерях и трофеях 9-й армии за период с 19 по 30 сентября 1943 г. сообщается об отсутствии таковых в 389-й стрелковой дивизии [8: 20]. При этом из справки об укомплектованности стрелковых рот армии на 1 октября видно, что из 27 рот дивизии в 15 числятся буквально единицы людей, а девять рот существуют исключительно на бумаге [8: 18]. Поражает вывод об итогах операции, который озвучил в своих воспоминаниях командующий Азовской военной флотилией контр-адмирал С.Г. Горшков: «Бойцы, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, уже 26 сентября овладели Голубицкой и портом Темрюк» [1: 179]. Ему вторил начальник штаба флотилии капитан первого ранга А.В. Свердлов: «Впрочем, задача была решена и без высадки второго эшелона. Используя успех десантников под Голубицкой и Чайкино, войска 9-й армии прорвали вражескую оборону и 27 сентября заняли Темрюк» [5: 70].

В отечественной историографии устоялась оценка, близкая к той, что была сформулирована в итоговой оперативной сводке Северо-Кавказского фронта: «Таким образом, десантный отряд выполнил, в основном, поставленную перед ним задачу – уничтожил значительные силы пр[отивни]ка и ускорил оставление им р[айо]на Темрюк, однако, в связи с своей разобщенностью с основными силами 9 А[рмии] и отсутствием связи, осуществить полное окружение войск пр[отивни]ка в р[айо]не Темрюк не смог» [7: 27].

Однако анализ немецких документов показал, что десанникам действительно удалось на короткое время отвлечь отдельные подразделения 49-го горного корпуса противника. Но вовсе не это стало причиной отхода немцев из-под Темрюка, происходившего в соответствии с планом по эвакуации с Кубани в Крым. Главным итогом операции стал фактический разгром основного и вспомогательного десанта, гибель или пленение большинства его участников. Такой исход во многом был предопределен, ведь тактический десант действовал в районе, где существовала подготовленная оборона и располагались многочисленные войска противника.

Источники и литература

1. Горшков С.Г. Во флотском строю. СПб., 2019.
2. Информация из донесения о безвозвратных потерях // Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77432076> (дата обращения 16.04.2024).

3. Оперативная директива № 0651/оп штаба Северо-Кавказского фронта от 21 сентября 1943 г. // Портал «Память народа». URL: https://cdnc.pamyat-naroda.ru/pamyat/Передача_005_КП097Р-С16_часть_1/051-0000932-0208/00000494.jpg (дата обращения 16.04.2024)/

4. Оперативная сводка № 0439/оп штаба Северо-Кавказского фронта от 25 сентября 1943 г. // Портал «Память народа». URL: https://cdnc.pamyat-naroda.ru/pamyat/Передача_018_КП097Р_С16_дела/051-0000932-0330/00000525.jpg (дата обращения 27.02.2024).

5. *Свердлов А.В.* Воплощение замысла. М., 1987.

6. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 5. М.; Л., 1950.

7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 51. Оп. 932. Д. 365.

8. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 383.

9. National Archives and Records Administration (далее – NARA). Т. 314. R. 1220.

10. NARA. Т. 314. R. 1222.

11. NARA. Т. 315. R. 953.

12. NARA. Т. 315. R. 2162.

Н.И. Медвенский

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ АБХАЗСКОЙ АССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

После начала Великой Отечественной войны постановлением Совета народных комиссаров СССР № 1738-746сс от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» были созданы истребительные батальоны [5: 55–56]. Это были добровольческие военизированные формирования советских граждан, состоявшие в первую очередь из партийных, хозяйственных, комсомольских и профсоюзных активистов, а также трудящихся, не подлежащих первоочередному призыву в Вооруженные силы СССР.

Истребительные батальоны формировались для борьбы с диверсантами, парашютистами, шпионами, дезертирами, бандитами, спекулянтами, мародерами и пособниками нацистов, то есть для поддержания государственного внутреннего и общественного порядка в тылу Красной армии и Военно-морского флота в период военного времени. Ареал создания истребительных батальонов

охватил территории Ленинградской, Мурманской, Калининской областей, Карело-Финской республики, Украинской ССР, Белорусской ССР, Эстонской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Крымской автономной республики, Ростовской области, Краснодарского края, западной части Грузинской ССР [5: 55], а по ходу продвижения фронта вглубь страны – и другие регионы. Общее руководство данными формированиями было возложено на заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР народного комиссара внутренних дел Л.П. Берию, Центральный штаб истребительных батальонов при Народном комиссариате внутренних дел (далее – НКВД) СССР и оперативные группы при местных управлениях НКВД.

Деятельность истребительных батальонов в Абхазской АССР изучалась такими авторами, как Э.Г. Минасян [3: 24–48; 2]; Ш.Г. Начкебия [4]; В.М. Пачулия [6]. Ряд документов, освещающих деятельность этих соединений в годы Великой Отечественной войны, был опубликован в сборнике «Абхазия в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.)» [1], объемный корпус документов хранился в уничтоженном в 1992 г. Центральном государственном архиве Абхазии, преимущественно в фондах 720 и 721. Автор настоящей статьи ставит своей целью обобщение имеющихся данных.

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР № 1738-746сс Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) (далее – КП(б)) Грузинской ССР, Совет народных комиссаров Грузинской ССР, Абхазский областной комитет КП(б) Грузинской ССР и Совет народных комиссаров Абхазской АССР приняли постановление о создании указанных батальонов во всех районах Абхазии и в Сухуми. Ответственность за их формирование была возложена на органы НКВД Абхазской АССР.

Районные и городские комитеты Абхазского областного комитета КП(б) Грузинской ССР приняли соответствующие решения, в которых детально определялся порядок организации истребительных батальонов, их вооружение и оснащение, материально-техническое обеспечение. Для руководства оперативной деятельностью этих батальонов при НКВД Абхазской АССР был создан штаб под начальством народного комиссара внутренних

дел Абхазской АССР капитана службы госбезопасности К.Г. Начкебия [3: 27]. Нижестоящие штабы были созданы в г. Сухуми и во всех районах республики: Гагрском, Гудаутском, Сухумском, Очамчирском и Гальском. Формированию истребительных батальонов предшествовала подготовительная работа. Требовалось в кратчайшие сроки укомплектовать шесть батальонов численностью 200 человек каждый и выше проверенными партийными и комсомольскими активистами, обладающими навыками обращения с оружием, не подлежащими первоочередному призыву в Красную армию и флот [1: 85]. Для этого в колхозы, совхозы, промышленные предприятия и учреждения партийные органы направляли работников, пользующихся особым авторитетом среди населения. Во всех районах республики проводились партийные и комсомольские собрания, общие собрания коллективов, посвященные созданию истребительных батальонов. Агитаторы и пропагандисты разъясняли значение и цели формирования данных соединений, подчеркивая необходимость борьбы с диверсантами, шпионами, провокаторами, распространителями пораженческих настроений и т.д.

Уже в первые недели войны число граждан, желавших вступить в истребительные батальоны, превысило требуемое количество, однако ввиду строгих критериев индивидуального отбора кандидатов многие отсеивались. Персоналии не только командиров и политработников, но и рядовых бойцов утверждались на заседаниях бюро горкомов и райкомов партии. Около половины личного состава истребительных батальонов Абхазской АССР составляли коммунисты и комсомольцы, что, по замыслу руководства, должно было predetermined морально-политическую стойкость бойцов в этих формированиях и способствовать успешному выполнению стоявших перед ними задач.

Формирование истребительных батальонов в Абхазской АССР было завершено в июле 1941 г. Всего было создано шесть батальонов общей численностью 3274 человек. Из них: членов и кандидатов в члены Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – 1315 человек, Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи – 284 человека, беспартийных – 1296 человек [3: 27; 4: 63].

Структурно каждый батальон делился на роты и взводы (как правило, по три). На должности командиров и начальников штабов

батальонов были направлены сотрудники НКВД преимущественно из войск внутренней службы. Политработниками назначались коммунисты, имевшие опыт партийно-политической работы. Каждый истребительный батальон имел на вооружении два ручных пулемета, винтовки, револьверы и гранаты. Ввиду дефицита штатного оружия истребительные батальоны вооружались всем, что могло быть использовано: винтовками старых образцов различных стран, шашками и кинжалами времен Первой Мировой, Гражданской и даже Кавказской войн, английскими пулеметами Lewis или чешскими ZB, бутылками с зажигательной смесью. Как и по всей стране, в Абхазской АССР истребительным батальонам предоставлялось право использования в необходимых случаях всех видов местного транспорта (грузовых и легковых автомашин, мотоциклов, велосипедов, лошадей, подвод) и связи. Каждый батальон имел опознавательное полотнище для связи с авиацией на случай высадки десанта противника.

После завершения формирования истребительных батальонов начался процесс боевой подготовки их личного состава, нацеленный на максимально эффективное использование всех сведений, приемов и навыков для несения службы в военное время. Обучение проводилось по программе, разработанной Центральным штабом истребительных батальонов при НКВД СССР и включавшей в себя как общевойсковую (строевую, физическую, тактическую, огневую, разведывательную, инженерную, химическую, военно-медицинскую, морально-психологическую), так и специальную (тактическую, техническую, топографическую, горную) подготовку. Особый акцент делался на индивидуальной подготовке бойцов и их действиях в составе небольших групп численностью до взвода. Отрабатывалось патрулирование и ведение наступательного и оборонительного боя в полевых условиях и в населенном пункте, тактика боя с парашютным десантом, преследование и организованный поиск отступающего противника, действия в тылу врага. Основным навыкам морской подготовки бойцов истребительных батальонов обучали члены добровольческого Общества спасения на водах, а азам горной подготовки – инструкторы военного альпинизма [3: 30]. Как видно, программа обучения была адаптирована к природно-географическим условиям Абхазии.

Для совершенствования полученных в процессе боевой подготовки приемов и навыков между ротами, взводами и отделениями истребительных батальонов Абхазской АССР периодически проводились социалистические соревнования. Кроме того, в г. Сухуме и различных районах республики организовывались учения по обнаружению, блокированию и уничтожению условного парашютного десанта противника [3: 30].

Так, например, в сентябре 1941 г. было проведено тактическое учение Сухумского районного истребительного батальона по обезвреживанию немецкого воздушного десанта, высадившегося на территории с. Мерхеули (Мярхяул). Одновременно в Гудаутском и Очамчирском истребительных батальонах была объявлена учебная тревога с целью проверки работоспособности систем оповещения, готовности и умения бойцов провести немедленный сбор в назначенных местах согласно боевому расчету. По результатам мероприятия было отмечено, что личный состав обоих батальонов в целом добился положительных результатов, однако в действиях бойцов не было достаточной слаженности, выявлялись случаи неправильного использования связи, слабая маскировка и другие недочеты. Командованию истребительных батальонов предписывалось незамедлительно принять меры по исправлению существующих недостатков [2].

Подобная ситуация обуславливалась целым рядом причин. Организовать боевую и политическую подготовку истребительных батальонов в Абхазской АССР изначально было непросто. Занятия велись в нерабочее время, в основном по выходным дням, а также после завершения рабочего дня в течение трех-четырех часов. Материально-техническое обеспечение батальонов далеко не всегда было достаточным. Так, например, один из бывших бойцов Гудаутского районного истребительного батальона, Я.Д. Гумба вспоминал, что гимнастерки и армейские пилотки бойцы носили одинаковые, а вот с брюками и обувью дело обстояло хуже – бойцам нередко приходилось приносить свои.

Значительные затруднения в организации работы батальонов существовали в период уборочной кампании табака, чая, ореха, цитрусовых и других сельскохозяйственных культур, распространенных на территории Абхазии, где была задействована основная часть личного состава. Командование осознавало, что

для бойцов-истребителей крестьянского происхождения сбор урожая, особенно в экстремальных условиях военного времени, был жизненной необходимостью, и поэтому вынуждено было отпускать бойцов на уборку, предварительно взяв обязательство вернуться по ее завершении.

Под охраной истребительных батальонов Абхазской АССР находились все предприятия государственной и кооперативной промышленности, обеспечивавшие фронт и тыл электроэнергией, продовольственными и промышленными товарами, а также сельскохозяйственные предприятия особого значения [3: 28]. Бойцы истребительных батальонов охраняли важнейшие транспортные коммуникации, при этом пристальное внимание уделяли железным дорогам. Был составлен план совместных действий частей Красной армии, пограничных отрядов войск НКВД и истребительных батальонов на случай нападения противника на объекты Закавказской железной дороги; установлен оперативный контакт с сотрудниками транспортного отдела НКВД для получения сведений и указаний по вопросам задержания подозрительных лиц и устранения угроз безопасности движения поездов по Закавказской железной дороге [3: 28].

Бойцы истребительных батальонов совместно с пограничниками и частями Красной армии, дислоцированными на территории Абхазии, вели наблюдение за воздушным и морским пространством, организовали дневное и ночное дежурство в населенных пунктах. На важнейших участках были сооружены наблюдательные вышки, оборудованы оперативные посты [3: 29]. В колхозах, совхозах, на отдельных промышленных предприятиях республики были созданы группы содействия истребительным батальонам, в которые вошли городской и сельский актив. В их обязанности входило информирование штабов истребительных батальонов о высадке вражеских парашютистов и о появлении в районах их действия подозрительных лиц. Кроме того, были созданы группы содействия, использовавшиеся в прочесывании лесных массивов, оврагов, урочищ в ночное время и в отдельных операциях, проводимых органами НКВД. В общей сложности в Абхазской АССР было создано свыше 120 таких групп, объединявших около 1 тыс. человек [3: 29].

Все вышеуказанные меры приводили к конкретным результатам. В феврале 1942 г. бойцами-истребителями были частично

задержаны, частично уничтожены члены экипажа немецкого самолета Ju-88, совершившего вынужденную посадку в с. Джирхва Гудаутского района [2: 28–29] (см. о разной датировке и локации этого события в [6: 100]). В мае того же года в селах Моква и Река Очамчирского района бойцы Очамчирского районного истребительного батальона задержали группы диверсантов, заброшенных в тыл советских войск для ведения разведывательно-диверсионной деятельности и антисоветской агитации среди местного населения [3: 31].

Функции истребительных батальонов не ограничивались борьбой с парашютистами, диверсантами и шпионами. Бойцы также противостояли дезертирам и преступникам. В середине 1942 г. в связи с приближением фронта в Абхазии повысилась активность организованных бандитских вооруженных групп и уголовников-одиночек, участились случаи грабежей, разбоев, убийств. Сложный горно-лесистый рельеф местности усложнял работу по их поиску и задержанию. Сложившаяся обстановка потребовала массового привлечения бойцов истребительных батальонов республики на проведение операций по поиску, аресту и/или ликвидации преступников. Бойцы истребительных батальонов нередко совершали длительные многокилометровые переходы по гористой, сильно пересеченной местности. Большинство бойцов истребительных батальонов сами являлись местными жителями и хорошо знали население, географию и социальные отношения в районах проведения оперативных мероприятий.

Из числа успешных операций истребительных батальонов Абхазской АССР можно выделить задержание группы вооруженных дезертиров в с. Гуп Очамчирского района (февраль 1942 г.), задержание и частичную ликвидацию в ходе боя группы уклоняющихся от исполнения воинского долга в с. Река Очамчирского района (апрель 1942 г.), задержание группы вооруженных дезертиров в с. Анастасьевка Очамчирского района (апрель 1942 г.), задержание и частичную ликвидацию в ходе боя вооруженной бандитской группы в селе Река Очамчирского района (май 1942 г.), а также задержание вооруженных бандитских групп в селах Ажара Гульрипшского района и Ахали Сопели Сухумского района (июнь 1942 г.) и др. [2].

В июле 1942 г., согласно приказу штаба истребительных батальонов НКВД Грузинской ССР, более тысячи бойцов истребительных

батальонов Абхазской АССР были переведены на полуказарменное положение. В городах и районах они круглосуточно выполняли функции заслонов, нацеленных на уничтожение потенциальных воздушных и морских десантов противника. Бойцы изучали дороги, тропы, подступы к местам возможных высадок вражеских войск, вели наблюдение за морем и воздухом, а в случае обнаружения противника принимали меры по его ликвидации. Командиры и политработники заслонов установили постоянную связь по паролю и пропускам с командирами Красной армии и войсками НКВД, расположенными в районах их действия [3: 35–36].

25 июля 1942 г. началась Битва за Кавказ. С полуказарменного на казарменное положение истребительные батальоны Абхазской АССР были переведены, и то частично, лишь 19 августа 1942 г. [1: 88], то есть спустя два дня после овладения передовыми подразделениями 1-й горной дивизии Вермахта перевалом Клухор. Количество бойцов, переведенных на казарменное положение, составило: по Гагрскому району – 150 человек, Гудаутскому – 150 человек, Сухумскому – 100 человек, Очамчирскому – 200 человек, Гальскому – 50 человек, по г. Сухуми – 300 человек (всего – 950 человек) [2]. В целях повышения их боевой готовности и укрепления воинской дисциплины на личный состав истребительных батальонов Абхазской АССР был распространен дисциплинарный устав Красной армии, предоставивший начальствующему составу особые дисциплинарные права по занимаемой должности. Специальным постановлением Совета народных комиссаров Абхазской АССР бойцы истребительных батальонов, находящиеся на казарменном положении, обеспечивались материальным и денежным довольствием, им прекращалась выплата денег по месту работы.

В период оборонительного этапа Битвы за Кавказ личный состав истребительных батальонов Абхазской АССР успешно продолжал несение службы и выполнение задач командования. С августа 1942 г. в различных оперативных мероприятиях по республике приняло участие 2424 бойца и командира всех истребительных батальонов, из которых 555 человек находились в районах боевых действий на клухорском, марухском и санчарском направлениях в составе оперативных отрядов, оказывавших содействие частям Красной армии и войскам НКВД в отражении наступления противника к побережью Чёрного моря.

Из упомянутых выше 555 человек в районе с. Псху, озера Рица и перевала Агепста действовали 170 человек из состава Гудаутского и Гагрского районных истребительных батальонов; в районе перевала Доу и с. Псху – 60 человек из состава Сухумского городского и районного истребительных батальонов; в с. Азанта, а затем в районе перевала Марух – 30 человек из состава Сухумского городского истребительного батальона; на Багадской скале и затем в с. Лата – 60 человек из состава Сухумского районного истребительного батальона; в с. Ажара по направлению к перевалу Нахар – 200 человек из состава Очамчирского и Гальского районных истребительных батальонов; в с. Окуми в направлении горы Ходжал и перевала Клухор – 35 человек из состава Очамчирского и Гальского районных истребительных батальонов [2].

Значимым эпизодом участия бойцов истребительных батальонов Абхазской АССР в Битве за Кавказ стал рейд группы разведчиков Гагрского районного истребительного батальона по маршруту г. Гагра – пос. Красная Поляна – перевал Аишха – р. Малая Лаба – урочище Умпырь, начавшийся 18 января 1943 г. [2]. В условиях общего отхода немцев с перевалов Главного Кавказского хребта разведчики выполняли задание по установлению направления движения войск противника на означенном участке фронта, определению их численности и состава, разминированию ряда троп и горных проходов, а также оценке объема разрушений объектов народного хозяйства, производимых врагом при отступлении. Было установлено, что немецкие войска минируют дороги и тропы, взрывают мосты, уничтожают жилые и хозяйственные строения, угоняют гражданское население и скот, занимаются грабежом и мародерством, а также целенаправленно сжигают населенные пункты (Кировск, Кушан, Вирута и др.). На зафиксированные разведчиками военные преступления войск противника были составлены соответствующие акты. После окончания разведки группа тем же маршрутом вернулась в Гагру. Следует отметить, что успешное прохождение разведгруппы через Главный Кавказский хребет осуществлялось в неблагоприятных метеорологических условиях высокогорной зимы, глубокого снежного покрова и низких температур, местами достигавших -30°C . При выполнении столь сложного задания разведчики Гагрского районного истребительного батальона отличились высоким профессионализмом, проявив мужество и отвагу [2].

После завершения оборонительного этапа Битвы за Кавказ истребительные батальоны Абхазской АССР продолжили деятельность по очистке тыла от дезертиров и преступников, выявлению граждан, уклоняющихся от призыва и трудовой повинности, охране важнейших промышленных предприятий, железных и шоссейных дорог, мостов, узлов связи. Бойцы-истребители вели наблюдение за воздушным и морским пространством, организовывали дневные и ночные дежурства в населенных пунктах, а также участвовали в сборе денежных средств и теплых вещей для нужд армии и флота, принимали активное участие в подписке на государственные займы и т.д. Вплоть до весны 1944 г. численность истребительных батальонов Абхазской АССР продолжала оставаться неизменной, однако в связи с удалением линии фронта и стабилизацией обстановки в республике в марте того же года началось частичное сокращение их личного состава. В ноябре 1944 г. все шесть батальонов были расформированы и окончательно прекратили свое существование [4: 70].

Источники и литература

1. Абхазия в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): сборник документов. Сухуми, 1978.
2. Минасян Э.Г. Истребительные батальоны Абхазии в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухуми, 1980.
3. Минасян Э.Г. Патриотическое движение трудящихся Абхазии в помощь фронту в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984.
4. Начкебия Ш.С. Краткие сведения об истребительных батальонах Абхазии // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1959. С. 63–71.
5. НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сборник документов. М., 2008.
6. Пачулия В.М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум, 2015.

Раздел 3. Власть и общество в 1941–1945 гг. Военная экономика и культура

И.З. Хатуев

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ЖИТЕЛЕЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Чеченцы и ингуши – труженики тыла – внесли весомый вклад в победу над войсками оккупантов. Несмотря на все тяготы, которые принесло военное время, рабочие и крестьяне, мужчины, женщины, дети героическим трудом приближали победу над врагом.

5 июля 1941 г. в г. Грозном состоялось собрание партийного актива областной организации Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). На мероприятии было подчеркнуто, что «объявленная правительством мобилизация проходит в республике на высоком уровне». Партийное руководство констатировало тот факт, что жители республики «демонстрируют свою преданность Родине» [1: 38].

Важнейшим лозунгом рабочих машиностроительного комплекса республики стали слова: «Работай за себя и за товарища, который ушел на фронт!» Промышленные предприятия республики получали военные заказы, и коллективы предприятий непременно старались перевыполнить установленные государством нормы. В первые месяцы войны рабочие машиностроительного завода «Красный молот» проявили инициативу и увеличили объем выпускаемой продукции почти в полтора раза. Соответственно и средний показатель производительности труда возрос в период с июня по сентябрь 1941 г. на 36 % [7: 152]. Рабочие старались каждый день выполнять норму на 200 %. Для перепрофилирования выпускаемой заводом продукции понадобился всего один месяц. Уже к концу июля 1941 г. красномолотовцы перешли на производство исключительно военной продукции. В перечень наименований для фронта входили снаряды, огнеметы, мины, гранаты, минометы и другая военная продукция [6: 16].

В 1942 г. коллективу «Красного молота» за образцовый труд было вручено Красное знамя Президиума Верховного Совета республики [19: 26].

Лозунги «Работать по-фронтовому», «Трудиться лучше до полной победы» стали ориентиром и для рабочих нефтяного сектора Чечено-Ингушской АССР. Понимая, что военное время диктует совершенно новые требования к сфере нефтяной промышленности, нефтяники Чечено-Ингушетии с самого начала войны стали работать так, как будто считали себя мобилизованными. Работники «Грознефтекомбината» делали всё, чтобы поставлять необходимое фронту горючее. Это вызвало заметный подъем в работе нефтяной сферы республики.

Перестраивать нефтепромыслы, как и другие объекты нефтекомплекса автономной республики, приходилось на ходу. Результаты, которых добились рабочие заводов, говорили сами за себя. Так, работники «Малгобекнефти» сумели завершить годовой план по бурению за 8 месяцев. А некоторые из бурильщиков этого треста выполнили в 1941 г. месячный план почти на 150 %. Отдельные мастера сами себе устанавливали круглосуточный режим работы. Более полутора сотен рабочих «Грознефtestроя» доводили результаты выполнения своего плана до 200 % [21: 67–68]. Это был воистину героический труд. В критический период конца 1941 г., когда враг рвался к столице страны, Чечено-Ингушетия оказалась, благодаря героическому труду рабочих, главным поставщиком нефтепродуктов для нужд фронта.

За образцовое выполнение заданий правительства по увеличению добычи нефти, производству оборонных нефтепродуктов и боеприпасов были отмечены высокими наградами СССР работники нефтяной промышленности Чечено-Ингушской АССР. В том числе орденом В.И. Ленина: В. Бинмухамедов; орденом Трудового Красного Знамени: С. Моллаев, Э. Тагиев, С. Ахмадов, Д. Мамиров, А. Хабиев, А. Шомаев и др.; медалью «За трудовую доблесть»: А. Арсангириев, О. Истамулов, Амарбек и Ахмасолта Магомадовы, А. Сулейманов, А. Утбанова, А. Алиев; медалью «За трудовое отличие»: У. Акбиев, А. Албогачиев, К. Вазиев, С. Вахаев, А-Х. Кавкаев, Р. Магомадов, А. Саидов, Т. Шадалов, М. Шихаев, Х. Экаев; орденом «Знак почета»: Б.-Г. Дарсигов, М. Магомизоев, А. Мациев, А. Цомаев и многие другие [13].

О трудовых подвигах нефтяников Чечено-Ингушетии писала и главная газета страны «Правда», отмечая их самоотверженность и высокий вклад в дело обороноспособности страны: «Сплоченные духом интернационализма, азербайджанец Оруджев, русский Кувыкин, чеченец Цомаев, казах Доспаев и много других, – писал корреспондент, – делают все, чтобы дать стране больше нефти и повысить ее военную мощь» [18].

В советской прессе военных лет отмечалась работа Чечено-Ингушского обкома партии и правительства республики по оказанию помощи нефтяникам. Отдельно отмечался труд работников второго промысла грозненского треста «Малгобекнефть», награжденной орденом В.И. Ленина за самоотверженный труд и высокие показатели в нефтедобыче [10]. «В нефтяном деле, – писала советская печать, – так же, как на войне, нельзя успешно действовать без хорошо поставленной разведки. Возрождение Грозного было обеспечено разведкой новых площадей» [15: 370].

В октябре 1942 г. в результате бомбардировки Грозного немецкой авиацией в городе произошли пожары, был нанесен значительный ущерб предприятиям и инфраструктуре. В музее Министерства внутренних дел Российской Федерации хранятся документы, рассказывающие о событиях того времени. В результате налета вражеской авиации 10 и 12 октября 1942 г. на нефтяные предприятия г. Грозного возникло «исключительно большое количество пожаров». Только в результате удара фугасными и осколочными, а также зажигательными бомбами 12 октября 1942 г. в городе было повреждено 34 нефтерезервуара, 2 мазутных амбара, первый нефтеперерабатывающий завод и другие объекты нефтяной инфраструктуры города [4: 67]. Грозненцы, жертвуя жизнями, спасали город. В приложении № 1 к § 15 протокола № 41 заседания Грозненского городского комитета обороны от 22 октября 1942 г., был зафиксирован список, включавший 50 фамилий пожарных, проявивших мужество при тушении огромных пожаров в городе и представленных к государственным наградам [3: 60–61].

Многие рабочие и сотрудники инженерно-технические работники нефтепредприятий отправились на фронт. Поэтому сложные мужские профессии в этом секторе приходилось осваивать женщинам. В течение двух лет после начала полномасштабной войны только на предприятия треста «Грознефть» пришли работать

более двух с половиной тысяч женщин республики. Многие из них являлись женами ушедших на фронт рабочих. В 1943 г. прирост женщин-работниц составил 2919 человек. В 1944 г. женщины на предприятиях нефтяной промышленности составляли уже почти половину из всего числа работающих [21: 15].

Обратимся к сельскохозяйственной сфере. Чеченские и ингушские крестьяне прилагали большие усилия для обеспечения необходимых поставок продовольствия воюющей Красной армии. Хозяйства аграрного сектора республики непрерывно сдавали хлеб, картофель, мясо и другие продукты в фонд обороны страны. Фонд обороны постоянно пополнялся из крестьянских хозяйств Сунженского, Гудермесского, Урус-Мартановского, Ачалукского, Старо-Юртовского и других районов Чечено-Ингушской АССР. За несколько месяцев войны крестьяне Чечено-Ингушетии добились удвоения показателей поставок продовольствия государству, по сравнению с предыдущим годом.

Примечательно, что работники сельскохозяйственного сектора республики смогли, несмотря на то что враг приближался к границам автономии и наносил бомбовые удары авиацией, по итогам 1942 г. полностью собрать урожай и выполнить все поставленные госпланы заготовок хлеба. По результатам ударного труда чеченских и ингушских крестьян, высокогорные селения не уступали равнинным. Например, хозяйства Шатоевского района, как и Галанчожского, начиная с 1942 г. постоянно перевыполняли план заготовок мяса для фонда обороны страны [21: 21]. В некоторых хозяйствах план полевых работ стабильно перевыполнялся.

В разных районах Чечено-Ингушетии в 1942 г., в условиях приближения линии фронта к республике, крестьяне вовремя завершили сев. Более того, в селениях Старо-Юртовского, Сунженского и Пседахского районов в хозяйствах засеяли сверх плана сотни гектаров, объявив, что значительная их часть пойдет непосредственно в фонд обороны Родины. Многие аграрии из этих районов за достойный труд неоднократно награждались почетными грамотами Верховного Совета Чечено-Ингушетии (М. Джабраилова, А. Мукаев, У. Хабилова, И. Улаев и многие другие) [11].

Одной из ярких форм участия населения Чечено-Ингушетии в общем деле обороны края от немецко-фашистских захватчиков была массовая работа по сооружению оборонительных рубежей

на направлениях возможного наступления врага. В ней было задействовано огромное число чеченцев и ингушей, включая женщин, детей, пожилых людей, которые ежедневно выходили на строительные работы. Уже к середине августа 1941 г. генерал И.И. Масленников, командовавший тогда Северной группой войск, принимал доклад о завершении работ по оборудованию 50 пулеметных огневых позиций и сооружении мощного противотанкового рва длиной в несколько километров [5: 19]. Строя оборонительные сооружения по периметру административных границ республики, жители Чечено-Ингушетии прекрасно понимали, что это необходимо, чтобы защитить республику, весь Северный Кавказ от оккупации немецко-фашистских агрессоров.

Работы начались еще тогда, когда противник находился на расстоянии более чем 700 км от Чечено-Ингушетии. На этом этапе, который продлился с октября 1941 г. по февраль 1942 г. [17], трудящимися республики совместно с трудармейцами и жителями соседних республик удалось выстроить серьезные оборонительные сооружения по Северному Кавказу. На втором этапе, когда бои уже развернулись на подступах к Грозному, а фронт вплотную приблизился к республике, десятки тысяч жителей Чечено-Ингушетии вышли на работы по укреплению оборонительных рубежей. Рвы, траншеи, долговременные огневые точки и иные сооружения, призванные остановить наступающего врага, опоясали всю территорию по периметру границ республики. Второй этап этих работ продлился с августа по октябрь 1942 г. Рядом с солдатами 10-й саперной армии самоотверженно трудились, возводя оборонительную линию сооружений по северокавказскому региону, рабочие заводов, крестьяне, представители интеллигенции, студенты и даже школьники [17].

В ноябре 1941 г. командование обратилось к жителям республики: «Плечом к плечу с родной Красной Армией миллионы рабочих, колхозников, служащих, домохозяек, советской интеллигенции показывают образцы самоотверженной и трудовой доблести в выполнении важнейших оборонных работ, помогающих доблестной Красной Армии разгромить гитлеровских разбойников. Ни холод, ни стужа, ни дождь и снег... ничто не останавливает советских патриотов... Чечено-Ингушетии... создающих оборонные рубежи, выполнять и перевыполнять задания командования на 200–500 и более процентов» [20: 47].

Были среди жителей Чечено-Ингушетии и те, кто выполнял норму даже выше этих показателей, о них в благодарности говорил командующий 10-й саперной армией майор государственной безопасности М. Мальцев. Например, Х. Видамов, Л. Бецалаев, И. Ждашаев и А. Бальзаров добились результата в 300 % в день. Было немало и тех, кто стабильно выполнял дневную норму земельных работ на 200 и более процентов (Н. Межидов, А. Шахтемиров, А. Дебиров, Р. Касимов и многие другие) [16: 119–120].

Граждане, активно помогавшие саперам возводить укрепрайоны, также поставляли технику для строительства оборонительных сооружений: бетономешалки, экскаваторы, тракторы, бульдозеры, ручной строительный инструмент и многое другое [19: 20].

Признанием героического труда жителей республики по налаживанию мощной оборонительной линии, их самоотверженной работы на предприятиях стало награждение в июне 1942 г. более 150 человек почетными грамотами Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР [21: 62]. В грамотах было сказано, что граждане награждаются за образцовое выполнение заданий.

Летом 1942 г., когда враг был совсем близко, вузы республики были эвакуированы вглубь страны, на восток. Оставшиеся здания этих учебных заведений были переданы в ведение военных. В части вузов и средних школ Грозного были размещены военные госпитали для лечения раненых красноармейцев. Как было указано выше, школьники республики, встав рядом со взрослыми, трудились в разных сферах хозяйства региона. В непосредственной трудовой деятельности было занято не менее 15 тыс. учеников средних школ. Все они трудились добровольно [8].

Помимо того что в фонд обороны страны от предприятий и совхозов республики целенаправленно шли потоки продукции, граждане жертвовали личные сбережения и вещи. Среди жителей Чечено-Ингушской АССР стало традицией каждый месяц перечислять в фонд обороны однодневный заработок. Только за один из месяцев первого года войны учащаяся молодежь региона собрала почти четверть миллиона рублей для постройки звена боевых самолетов имени чечено-ингушского комсомола [2: 160].

Такой почин молодых земляков не мог не радовать воинов из Чечено-Ингушетии, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной. Лейтенант Красной армии С. Межидов писал с фронта:

«Дорогие земляки! Ваш почин построить поезд им. А. Шерипова стал известен всему нашему фронту. Мы, фронтовики, ведущие... бои против гитлеровской армии, вооружены первоклассной техникой, которую дает нам советский народ. Я, сын чеченского народа, очень хочу, чтобы среди этой замечательной техники, как горный орел, мчался на врага бронепоезд "Асланбек Шерипов", наводя ужас на гитлеровских бандитов» [12].

Проявляя заботу о воинах сражающейся с врагом Красной армии, жители Чечено-Ингушетии обеспечивали их теплыми вещами, а также отправляли в их адрес подарочные посылки. Уже в 1941 г. этот благородный почин подхватили тысячи жителей республики. На собраниях и сходах граждан люди заявляли о своем желании отправить как можно больше подарков и теплой одежды бойцам родной армии. Выступая перед участниками одного из таких собраний в Шатое одна из жительниц этого горного села призвала еще активнее подключаться к благородному делу оказания помощи Красной армии. «Два моих сына сражаются в рядах Красной Армии, – сказала в своем выступлении колхозница М. Булаева. – Я дала своим детям материнский наказ: биться с врагами до последней капли крови. Для бойцов я готовлю теплую одежду. Сдаю овчину и ватную телогрейку» [9]. В течение только девяти месяцев 1943 г. республика от имени своих жителей пять раз отправляла целые эшелоны с подарками и теплыми вещами бойцам Красной армии [14: 87].

В настоящей статье был дан краткий очерк работы разных отраслей хозяйства Чечено-Ингушетии в военные годы. Его целью было показать, что к какой бы стороне жизни республики мы ни обратились, будь то добыча и переработка нефти, аграрный сектор, оборонительное строительство или сельское хозяйство, везде мы увидим образцы подвижнического труда. На различных предприятиях, включая транспортные, на полях жители Чечено-Ингушетии системно перевыполняли поставленные государством планы и военные заказы, добровольно повышали производительность труда, стараясь обеспечить бесперебойное снабжение Красной армии всем необходимым для скорейшей победы над врагом. Крестьяне, рабочие, деятели творческого труда, ученые – все в едином порыве встали на защиту страны. Их объединял лозунг, общий для всех народов нашей огромной страны: «Всё для фронта, всё для победы!»

Источники и литература

1. Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973.
2. Айдамиров А.А. Хронология чеченской истории / Айдамиров А.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Грозный, 2005.
3. Архив Центрального музея Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ф. 267. Оп. 1. Д. 101. Л. 60–61.
4. Архив Центрального музея Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ф. 9237. Оп. 7. Д. 11.
5. Баданин Б.В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. М., 1962.
6. Государственный архив Чеченской Республики (далее – ГА ЧР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 85.
7. ГА ЧР. Ф. 16. Оп. 13. Д. 125.
8. Грозненский рабочий. 1941. 20 августа.
9. Грозненский рабочий. 1941. 16 сентября.
10. Грозненский рабочий. 1942. 9 февраля.
11. Грозненский рабочий. 1942. 6 мая.
12. Грозненский рабочий. 1942. 27 декабря.
13. Грозненский рабочий. 1944. 1 февраля.
14. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Подвиг во имя Родины: вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Грозный, 2015.
15. Мурдалов М.М. Битва за Грозный. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. М., 2022.
16. Осмаев М.К. Вклад тружеников тыла Чечено-Ингушской АССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Грозный, 2021.
17. Осмаев М.К. Об организации строительства оборонительных рубежей в Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. Вып. 3 (224). С. 51–57.
18. Правда. 1942. 8 февраля.
19. Симарзин В.С. Героический Грозный. Грозный, 1968.
20. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005.
21. Филькин В.И. Чечено-ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.

Л.В. Печалова

ВКЛАД КООПЕРАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИЮ ГОСПИТАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на довольно обширную историографию российской кооперации, количество научных публикаций, в которых рассматривается участие объединений промкооперации и кооперации инвалидов Северного Кавказа и Дона в решении проблем организации военно-медицинской службы в годы Великой Отечественной войны, невелико. Актуальным является исследование процесса формирования и функционирования госпитальной базы на юге страны, ее значения для восстановления здоровья раненых и больных воинов. Необходима объективная оценка деятельности центральных и местных органов власти по организации эвакуации тысяч госпиталей из прифронтовых районов в тыловые, по созданию на их местах новых и обеспечению их работы. Интерес представляет исторический опыт привлечения кооперации как дополнительного источника для решения проблем медицинского обеспечения Красной армии.

Значение деятельности медицинских учреждений в годы Великой Отечественной войны, вопросы организации госпитальной базы, системы реабилитации инвалидов войны на юге страны отражены в трудах Н.Д. Судацова [11], Б.Т. Ованесова [10], С.И. Линца [8], С.С. Цуцулаевой, Г.Н. Каменевой, Е.Н. Стрекаловой [14] и др.

В условиях начавшейся Великой Отечественной войны советское правительство приняло меры по развертыванию военно-медицинской службы. Ситуация осложнялась тем, что многие из имеющихся госпиталей и медицинских складов были разрушены или захвачены противником. Кооперация Северного Кавказа и Дона внесла свой вклад в решение проблем организации деятельности военно-медицинской службы, в оказание помощи раненым.

Важное место в реализации принятого в июле 1941 г. постановления Совета народных комиссаров (далее – СНК) СССР о развертывании по всей стране госпиталей [13: 153–154] отводилось Северному Кавказу, так как здесь уже имелась лечебно-курортная база, было значительное количество опытных врачей, медсестер и обслуживающего персонала. Существенную роль в излечении

раненых мог сыграть природный фактор – лечебный климат Кисловодска, Пятигорска, Ессентуков и Железноводска [10: 193].

С началом Великой Отечественной войны на Ставрополье было развернуто более 100 госпиталей для лечения раненых воинов.

В Краснодарском крае к осени 1941 г. также была организована сеть военно-лечебных учреждений, в том числе 86 госпиталей: в г. Сочи – более 40, Краснодаре – 8, Армавире – 7 и т.д. [9: 64]. В них не хватало оборудования, перевязочных материалов, гипса.

В первый год войны госпитали нуждались более чем в 100 т гипса [1: 15]. Одним из первых кооперативных предприятий, организовавших выпуск гипса, была артель г. Пятигорска. Снабжением госпиталей другой необходимой продукцией занимались артели не только промысловой кооперации, но и инвалидов. Так, артель инвалидов «1-е Мая» г. Пятигорска изготавливала топчаны, мебель, матрасы и другую продукцию, необходимую для раненых солдат и офицеров Красной армии. Артель имени Ильича г. Пятигорска выпускала ткань для портянок, теплые носки, трикотажное белье, а также ремонтировала и стирала одежду раненых солдат, находившихся на излечении в пятигорских госпиталях [5: 80].

В 1941 г. кавминводская госпитальная база, став самой крупной на Северном Кавказе, начала принимать раненых. В ее организацию вклад внесли и кооперативные союзы. По мнению исследователя С.И. Линца, «самоотверженная деятельность медиков этой госпитальной базы позволила уже в первый год войны добиться наибольших показателей. Благодаря медицинскому персоналу эвакуогоспиталей Кисловодска, Пятигорска, Ессентуков и Железноводска, возвращались в боевой строй до 80 % всех лежавших солдат и офицеров» [8: 62].

Предприятия промысловой кооперации и кооперации инвалидов осуществляли шефскую помощь раненым солдатам и офицерам, проходившим лечение в госпиталях на территории Ставрополья. Работники артелей помогали в уходе за ранеными солдатами и офицерами, а также в культурно-массовой работе. Например, артель «Зернохлеб» вместе с несколькими государственными предприятиями осуществляла шефство над госпиталями № 3799 и № 2171 [2: 65].

Большая работа по развертыванию тыловых эвакуогоспиталей была проведена в г. Сочи. Реализации поставленной СНК

СССР задачи создания в кратчайшие сроки госпитальной базы на 20 360 коек на основе санаторно-курортных учреждений способствовали работники государственных и кооперативных предприятий города, местные жители. Городскими артелями были изготовлены кровати, тумбочки, шкафы и др. Организован пошив комплектов постельного белья, матрасов, одеял, подушек и т.д.

Благодаря слаженной работе одним из первых о готовности к приему раненых отрапортовал госпиталь № 2135 (ранее являвшийся санаторием имени М. Тореца) [6: 423]. В ходе войны госпиталь стал единым сортировочным для всей госпитальной базы. Уже к 1 августа в г. Сочи заработало 24 госпиталя на 11 980 койко-мест. Буквально через несколько дней, 5 августа 1941 г., в город поступили первые раненые. К ноябрю 1941 г. лечение раненых осуществлял уже 51 госпиталь на 19 620 коек. Кооперативные предприятия поставляли перевязочные материалы, продукты питания, оказывали помощь в стирке и ремонте вещей и обуви раненых. В срочном порядке кооператоры организовали дополнительные прачечные и специализированные мастерские для чистки и ремонта обмундирования в Кабардино-Балкарии. В 14 эвакуогоспиталях на излечении находились тысячи солдат и офицеров Красной армии. После выздоровления они снова уходили на фронт [6: 423].

В деятельность эвакуогоспиталей внесли вклад кооператоры Ростовской области. Выполняя решение исполкома областного совета депутатов трудящихся и областного комитета ВКП(б) «О подготовке и оборудовании помещений под эвакуогоспитали», принятое 24 апреля 1942 г., работники артелей провели ремонтные работы. В течение нескольких недель были отремонтированы помещения госпиталей Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Шахт. Под руководством уполномоченного промкооперации А. Борисова труженики кооперативных предприятий области изготовили для госпиталей региона сотни медицинских носилок, комплектов постельного белья, халатов и т. д. [3: 104]. Аналогичную продукцию, а также кровати, шкафы и тумбочки, протезы изготавливали в артелях Пятигорска, Минеральных Вод, Ставрополя, Железноводска [1: 15; 5: 39].

В августе 1942 г. из-за быстро разворачивавшихся на фронтах войны событий возникла необходимость вывоза раненых за пределы Ставрополя на территорию Кабардино-Балкарии и Северо-Осетинской АССР.

Жители Чечено-Ингушской АССР проявили заботу о больных и раненых солдатах и офицерах Красной армии. Госпитали для военных были размещены в г. Грозном, на курорте Серноводске, в доме отдыха с. Чишки. Над ними шефствовали 16 колхозов и 10 промышленных предприятий, среди которых были и кооперативные [13: 92].

Госпиталям оказывали систематическую помощь не только в обеспечении продовольствием, но и в организации досуга больных и раненых. В госпиталях кооператоры устраивали выступления коллективов художественной самодеятельности: читали стихи, пели песни, играли на музыкальных инструментах и т.д.

Другой проблемой, в решение которой внесли свой вклад кооператоры (а именно работники артелей городов Кавмингруппы), были сложности в организации стирки и ремонта обмундирования бойцов Красной армии, поступивших на лечение в госпитали региона. В специально открытых для этого мастерских артельщики чистили, стирали и ремонтировали обмундирование. Анализ отчетов кооперативных союзов показал, что объемы выполненных работ были значительными. Например, весной 1942 г. в кооперативных мастерских были постираны и отремонтированы вещи для 12 тыс. человек: куртки, рубахи, теплые шаровары, телогрейки, кальсоны и т.д. [2: 109]. Большое поступление раненых в госпитали потребовало увеличения объемов работ. Этому мешала нехватка моющих средств. Поэтому кооператорам пришлось сначала организовать дополнительные артели и увеличить объемы производства мыла, специальных химрастворов и дезинфицирующих средств, которые применялись для чистки обмундирования.

С первых дней после освобождения Ставропольского края, несмотря на значительные разрушения, нанесенные немецко-фашистскими оккупантами материально-технической базе курортов Кавминвод и оцениваемые в 454 млн руб., довольно быстро стала восстанавливаться работа госпиталей [9: 64]. Уже в сентябре 1943 г. госпитали региона приняли 49 военно-санитарных поездов, которые доставили 21 897 раненых. К октябрю этого же года в госпиталях находилось более 40 тыс. человек [11: 51].

Лечебные учреждения нуждались в большом количестве медикаментов, перевязочных средств, медицинского оборудования. Так как централизованное снабжение не могло полностью удовлетворять их потребности, на помощь приходили кооперативные

предприятия. Для того чтобы лучше обеспечивать госпитали гипсом, артели «Прогресс» г. Кисловодска и «1-е Мая» г. Пятигорска в кратчайшие сроки восстановили, а затем и расширили его производство, что позволило увеличить выпуск продукции до 2 т в месяц. Задание было сложным, но коллектив, понимая значение медицинского материала для лечения раненых, сделал всё, чтобы его выполнить [4: 14]. Ряд артелей освоил производство абрикосового масла для приготовления мазей и растирок.

Немаловажным фактором выздоровления защитников Отечества было снабжение раненых витаминами. Поэтому кооперативные предприятия организовали выпуск витаминизированных напитков и сиропов. Артели «Пищевкус», «Расфасовщик», «Зернохлеб» г. Пятигорска специально для госпиталей вырабатывали различные изделия, содержащие витамин С: витаминизированные напитки, сиропы, виноградный сок и т.д.

Исследование показало, что на протяжении всех военных лет артели и союзы промысловой кооперации и кооперации инвалидов Северного Кавказа и Дона принимали активное участие в решении проблем организации военно-медицинской службы и ее деятельности. Кооператоры изготавливали продукцию для госпиталей: хлеб, макаронные и кондитерские изделия, перевязочный материал, гипс, мази, настойки, мебель и т.д. Прошедших лечение воинов-инвалидов, кооператоры приглашали работать на свои предприятия. Работники артелей промысловой кооперации и кооперации инвалидов самоотверженно трудились и внесли свой вклад в создание дополнительной сети госпиталей на юге страны, обеспечение их необходимым инвентарем, решение проблем стирки, чистки, дезинфекции, а также ремонта вещей и обуви воинов Красной армии. Кооператоры содействовали восстановлению здоровья защитников Отечества, возвращению их в строй.

Источники и литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 218.
2. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 239.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3737. Оп. 5. Д. 43.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1.

5. ГАСК. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 8.
6. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / сост. Д.В. Шабаев и др. Нальчик, 1975.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны: в 2 кн. Кн. 1 / А.М. Беляев и др. Краснодар, 2000.
8. *Линец С.И.* Формирование госпитальной базы в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод в первый год Великой Отечественной войны // Былые годы. 2009. № 3 (13). С. 54–63.
9. Мы победили! (Пятигорск и пятигорчане в годы Великой Отечественной войны). Пятигорск, 2005.
10. *Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д.* Здравоохранение Ставрополя (1918–2005 гг.). Ставрополь, 2007.
11. *Печалова Л.В., Судавцов Н.Д.* Кооперативная промышленность Ставрополя и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2010.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 166. Д. 660.
13. *Филькин В.И.* Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный, 1989.
14. *Sudavtsov N.D., Tsutsulaeva S.S., Strekalova E.N., Pechalova L.V., Kameneva G.N.* Hospital base of the Northern Caucasus during Great Patriotic War (1941–1945) // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 3rd International Scientific Conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism” Dedicated to the 80th Anniversary of Turkeyev Hassan Vakhitovich. Grozny, 2020. P. 3394–3400.

С.Г. Сидоров

**РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
КРАСНОАРМЕЙСКОГО РАЙОНА СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1941–1943 гг.**

Настоящая статья продолжает цикл работ автора о сельском хозяйстве в Красноармейском (с 1960 г. – Светлоярском) районе Сталинградской области, примыкающем к юго-восточной окраине Сталинграда [18–20]. Источником данного исследования послужили материалы Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО) и Центра документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО), а также публикации в газете «Коммуна», посвященные сельскому хозяйству.

Временные рамки охватывают три военных года: с 1941 по 1943 г.

В 1941 г. Красноармейский район занимал территорию в 271 503 га [4: 2 об.]. Основным землепользователем являлся колхозный сектор, занимавший 188 835 га. Около трети земель (59 637 га) относилось к пахотным, из которых в севообороте в 1941 г. находились рекордные 36 548 га. Остальные земли распределялись следующим образом: сенокосные – 14 310 га, выгонно-пастбищные – 104 338 га, огородные – 1015 га, садовые – 618 га, болота – 349 га [1: 2].

Почти четверть всей земли (61 695 га) находилась в ведении овцесовхоза № 8 «Приволжский». Большая часть земель совхоза (45 435 га) относилась к разряду выгонно-пастбищной. Обрабатываемая мягкая пашня составляла 13 184 га. Луга занимали 1909 га, огороды – 244 га, сады, ягодники и виноградники – 57 га, леса и кустарники – 78 га, усадьбы – 381 га и прочие угодья – 2404 га, под водой – 368 га. Единоличных хозяйств в районе к началу войны осталось только 47, которые владели 3 га земли. Из остальных площадей 7118 га принадлежали Гослесфонду, 757 га составляли земли промышленности, транспорта и специального назначения, 1832 га – приусадебные земли жителей района [4: 2 об.].

В 1939 г. в районе проживало 19 912 жителей разных национальностей, 85,3 % из которых составляли русские, 8,4 % – татары, 4,1 % – калмыки и 2,2 % – прочие [20: 399].

Основным направлением развития сельского хозяйства являлось зерновое производство. В 1941 г. колхозы района выращивали озимые рожь и пшеницу, яровые пшеницу, ячмень, просо, сорго. Наряду с зерновыми производились технические (горчица), кормовые (многолетние травы на сено, могар на семена, сено заливное и суходольное, люцерна на семена, житняк на семена, однолетние травы на сено), овощные и бахчевые (капуста, томаты, огурцы, свекла, морковь, лук, картофель, столовые и кормовые арбузы, дыни), плодово-ягодные (яблоки, слива и вишня, ягоды, виноград) культуры [6].

Животноводство было представлено разведением крупного рогатого скота, лошадей, овец и коз, свиней, кроликов и кур.

В районе накануне войны находилось 15 сельскохозяйственных артелей, две машинно-тракторные станции (далее – МТС) и один совхоз (см. таблицу).

Колхозы, МТС и совхоз Красноармейского района в 1941–1943 гг.

№	Наименование	Место расположения, сельсовет
1.	«12 лет Октябрьской революции»	с. Цаца, Цацинский
2.	«20 лет Октябрьской революции»	с. Цаца, Цацинский
3.	«Заря коммуны»	с. Райгород, Райгородский
4.	Имени XVII партсъезда	с. Большие Чапурники, Большечапурниковский
5.	Имени XVIII партконференции	с. Светлый Яр, Светлоярский
6.	Имени Будённого	х. Солянка, Большечапур- никовский
7.	Имени Ворошилова	пос. Старая Отрада, Ивановский
8.	Имени Кирова	Центральная усадьба колхоза имени Кирова, Малочапурниковский
9.	Имени Мичурина	с. Дубовый Овраг, Дубовоовражный
10.	Имени Сталина	пос. Красноармейск Кировского района г. Сталинграда, Малочапурниковский
11.	«Путь Ленина»	с. Червлёное, Червлёновский
12.	«Светлоярский»*	с. Светлый Яр, Светлоярский
13.	«Трудолюбие»	х. Трудолюбие, Трудолюбовский
14.	«Ударный»	с. Ивановка, Ивановский
15.	«Хрият»	с. Малые Чапурники, Малочапурниковский
16.	Сталинградская МТС	пос. Красноармейск Кировского района г. Сталинграда, Большечапурниковский
17.	Светлоярская МТС	с. Светлый Яр, Светлоярский
18.	Совхоз № 8 «Приволжский»	Центральная усадьба совхоза, поселковый совет

* До сентября 1941 г. носил название «15 лет АССР немцев Поволжья».

После нападения гитлеровской Германии на СССР условия хозяйственного развития района резко изменились. 3218 жителей района трудоспособного возраста ушли на фронт. В действующую армию передали 30 автомашин, 13 лучших гусеничных тракторов, 269 лошадей, 179 повозок и 38 саней [20: 400].

Несмотря на значительное сокращение трудовых и материальных ресурсов, оставшиеся жители района делали всё возможное

для обеспечения фронта и тыла необходимыми сельскохозяйственными продуктами. В уборке обильного урожая участвовали женщины, старики и школьники, в том числе и учащиеся Сталинграда [7]. Темпы хлебозаготовок по сравнению с предыдущим годом выросли в два раза [18: 365].

К концу 1941 г. район выполнил план поставки хлеба государству на 94 %, в том числе совхоз № 8 – на 150 %, колхозы «Заря коммуны» – на 100 %, имени Кирова – на 99 %, «Путь Ленина» и имени XVII партсъезда – на 98 %. Поставки мяса составили 114 %, сена – 100 %, молока – 99 %, овощей – 91 %. Колхозы полностью рассчитались с государством по ссудам и кредитам [11].

Поставка обязательной продукции государству продолжалась и в январе 1942 г. В итоге колхозы района сумели своевременно и без потерь убрать урожай, полностью рассчитаться с государством, обеспечили себя семенным материалом. Артель имени Ворошилова на площади 20 га получила по 120 пудов ржи с каждого гектара. Колхоз «Хрият» с такой же площади добился урожая яровой пшеницы по 96 пудов с гектара. Комбайнеры обеих МТС перевыполнили план косовицы хлебов. По итогам года колхозники получили в среднем до 3 кг зерна на один трудодень [12].

Однако сил на проведение всех видов сельскохозяйственных работ не хватило. К 5 октября план озимого сева в районе выполнили только на 61 %. Лишь три колхоза («Путь Ленина», «Трудолюбие» и имени Кирова) к этому времени справились с заданием [8]. Еще хуже обстояли дела с подъемом зяби. На 15 октября в колхозах, обслуживаемых сталинградской МТС, под зябь вспахали лишь 11 % плановой площади [10].

Несомненных успехов в трудных условиях войны добились животноводы района. План развития животноводства по всем видам выполнили колхозы имени Сталина, имени Кирова, «Трудолюбие», «20 лет Октябрьской революции» и имени XVII партсъезда. В целом на 1 октября 1941 г. план развития животноводства район выполнил по овцам на 127 %, крупному рогатому скоту – на 98 %, маточному поголовью коров – на 93 %, свиноматкам – на 80 %, овцематкам – на 95 % [9].

Весенний сев в 1942 г. проходил в очень тяжелых условиях. На 30 апреля колхозы района выполнили лишь около 20 % плана посева зерновых культур. Отставание весеннего сева было связано

с частыми поломками тракторов, которые выпускались из ремонта с большими дефектами, слабым техническим обслуживанием тракторных отрядов, плохим использованием рабочего скота в ряде колхозов [13]. Сев затянулся. На 25 мая колхозы, обслуживаемые сталинградской МТС, план сева выполнили на 62,3 %, светловской МТС – на 57,7 %. При этом план сева пшеницы, горчицы и ячменя перевыполнили в восьми колхозах, а вот проса засеяли только 26 %, бахчевых культур – 27 %, овощей – 23 %, картофеля посадили 15 % [14]. Посевные работы продолжались и в июне.

1 июля в колхозах приступили к уборке ржи. До пуска комбайнов решили убрать не менее 50 % ржи простыми машинами и ручными косами [15].

Во второй половине июля ожесточенные боевые действия развернулись уже на территории Сталинградской области. Битва за урожай разгорелась с новой силой. Первым в районе закончил уборку ржи колхоз имени XVIII партконференции, который 23 июля приступил к уборке ячменя. К этому времени артель сдала государству уже более 50 % плана поставок ржи. К уборке ячменя и пшеницы также приступили колхозы «12 лет Октябрьской революции», «Хрият», «Трудолюбие» и другие [16]. К 25 июля в районе комбайнами и лобогрейками убрали свыше 85 % ржи [17].

В августе фронт проходил уже по территории района. 9 августа 1942 г. пос. Красноармейск, где располагались постройки колхоза имени Сталина, подвергся воздушной бомбардировке, в ходе которой было убито и ранено несколько колхозников. В результате следующих бомбардировок и артиллерийских обстрелов здания и сооружения колхоза были почти полностью уничтожены [5: 5 об.].

В августе в районе прошла первая волна эвакуации. Она коснулась колхозного скота и имущества колхозов, районного и сельского актива, коммунистов и комсомольцев тех населенных пунктов, которым угрожала оккупация, а также эвакуированных ранее в район с западных областей страны. Со второй половины месяца ожесточенные боевые действия охватили территорию, на которой находились совхоз № 8 «Приволжский», колхозы «12 лет Октябрьской революции» и «20 лет Октябрьской революции», имени Мичурина. Вражеские войска оккупировали с. Цаца, Дубовый Овраг, центральную усадьбу совхоза № 8 [20: 403]. Вскоре бои развернулись на территории колхозов имени Будённого,

имени XVII партсъезда, «Хрият», имени Кирова, «Путь Ленина», «Ударный» и имени Ворошилова.

На остальной территории района (в колхозах имени Сталина, «Светлоярский», имени XVIII партконференции, «Трудолюбие», «Заря коммуны»), несмотря на смертельную опасность, уборку урожая продолжали. В сельхозартели «Заря коммуны» в результате бомбежки места молотбы погибло четыре колхозника, четверо были ранены [20: 404].

На 15 сентября колхозы Красноармейского района из плановых 20 540 га колосовых скошили 12 432 га (60,5 %), из которых 6236 га комбайнами и 6196 га вручную; заскирдовали скошенное лобогрейками и вывезли для обмолота с площади 4015 га (66,2 %); обмолотили, включая убранное комбайнами, 6236 га (50,1 %) [24: 3 об.].

Несмотря на серьезную опасность, уборка урожая во второй половине сентября в колхозах, расположенных в восточной части района, продолжалась. Сводка № 13 о ходе уборки колосовых и сеve озимых по колхозам Сталинградской области по состоянию на 25 сентября содержала последние сведения о ходе уборки в Красноармейском районе. На тот день в районе скошили 16 732 га (81,5 % плана), в том числе лобогрейками и вручную – 10 496 га, комбайнами – 6236 га [24: 42]. Вся собранная в районе сельскохозяйственная продукция сдавалась фронтным частям 57-й и 64-й армий.

Наряду с уборкой урожая колхозы проводили осенний сев и подъем ячи, которые пришлось прекратить после двукратного обстрела работавших колхозников с самолета [24: 3 об.]. Осенью 1942 г. шесть колхозов засеяли 917 га озимых культур («Светлоярский» – 200 га, имени XVIII партконференции – 310 га, «Заря коммуны» – 114 га, «12 лет Октябрьской революции» – 190 га, «20 лет Октябрьской революции» – 73 га, рыболовецкая артель «Рыбак, вперед» – 30 га) [2: 1].

Стойкая оборона войск Красной армии на территории района остановила продвижение врага к Сталинграду на этом направлении. В начале ноября части 57-й армии прочно занимали оборону на рубеже Ивановка – Червленое – 1 км южнее станции Тундутово – балка Торновaя – Большие Чапурники, Дубовый Овраг (село освободили 1 октября), восточный берег оз. Сарпа, участки между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак [19: 141].

В конце октября 1942 г. в ходе подготовки советских войск к контрнаступлению в районе прошла вторая волна эвакуации,

коснувшаяся уже жителей района, большинство из которых переместилось во Владимирский район области. Однако около 14 % жителей по состоянию на 12 ноября (1766 человек из 12 749 подлежащих эвакуации), в основном из населенных пунктов Дубовый Овраг, Большие Чапурники, Цаца (село освободили 29 сентября), Трудолюбие, продолжали оставаться в местах жительства.

В ходе контрнаступления войск Красной армии по мере удаления линии фронта районный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП(б)) и исполком райсовета депутатов трудящихся, переместившиеся в августе из с. Большие Чапурники в с. Светлый Яр, приступили к восстановлению района. Обследование населенных пунктов, проведенное в начале декабря, показало, что в населенных пунктах Червленовского и Ивановского сельсоветов жилых домов не осталось, других сельсоветов – от 20 до 70 % [20: 406]. Из населения к этому времени вернулось 3748 жителей. Требовалось разминировать около 10 700 га территории. Ущерб, нанесенный общественному хозяйству района, составил 91,4 млн руб., жителям района – около 156,5 млн руб. [20: 407].

На территории района начинается возрождение колхозов, возвращение населения и сельскохозяйственной техники из эвакуации, производится сбор и ремонт сельскохозяйственного инвентаря, разминирование полей и населенных пунктов.

27 марта 1943 г. бюро обкома ВКП(б) утвердило планы весеннего сева по колхозам Сталинградской области. Для Красноармейского района план по сравнению с 1942 г. был существенно уменьшен и составил 11 тыс. га яровых, в том числе 7290 га зерновых, 2050 га овощебахчевых и 1660 га технических и кормовых культур [25: 270].

Учитывая значительный ущерб, нанесенный в период Сталинградской битвы, Красноармейский район в числе 26 районов области был освобожден на 1943 г. от обязательных поставок зерновых культур государству и недоимок прошлых лет. Для пострадавших районов на 1943 г. также были снижены на 25 % нормы сдачи зерновых культур в хлебный фонд Красной армии [26: 31].

Однако и пониженные плановые задания оказались непосильными для района. Весной удалось посеять лишь 6587 га, а летом убрать только 4496 га. На площади 3028 га урожай погиб. Осенью 1943 г. из запланированных 5 тыс. га озимые посеяли на площади 3648 га. Еще большее отставание наблюдалось с подъемом зяби:

вспахали 4646 га вместо запланированных 12 300 га. Причин столь низких результатов работы было множество, в том числе разорение хозяйств района во фронтовых условиях и двукратная эвакуация. Проблемы с зяблевой обработкой почвы в 1942 г. вынудили частично использовать неиспользуемые пары. Также следует отметить нехватку семян, позднее получение семян пшеницы и проса, нехватку рабочего скота в колхозах и плохое обеспечение работ в поле общественным питанием из-за низкого материального положения в колхозах. Состояние собранных и отремонтированных тракторов было неудовлетворительным. Годовой план тракторных работ светлоярская МТС выполнила лишь на 47 %, сталинградская МТС – на 42 %.

Низкие показатели работы МТС также имели объективные причины. Трактора сталинградской МТС, выполнявшие в 1942 г. работы по строительству оборонительных рубежей, были сильно изношены. К посевной способные выполнять работу машины собрали из остатков других. В МТС не было монтажно-тягловых механизмов, оборудования, инструментов. Из 40 тракторов, поступивших из Молотовского района Сталинградской области, годными к работе оказались только шесть. Не хватало механизаторов. На краткосрочных курсах было подготовлено лишь 75 % трактористов. Тракторные отряды из-за отсутствия автомастерских и разъездных механиков в поле не обслуживались [22: 42].

На выполнении планов сказалось и отсутствие колхозного рабочего скота и коров, находившихся в эвакуации. Для проведения уборочных работ в районе руководство области запланировало привлечь 200 коров колхозников [26: 52].

План по овощным культурам также оказался не выполненным. И здесь объективных причин было множество: недостаток семян, особенно качественных, отсутствие рам и стекла для покрытия парников (из 22 теплиц смогли подготовить только 3), недостаток воды в колхозах имени Мичурина, Кирова, Сталина, «Заря коммуны».

В результате названных и других причин, неблагоприятных погодных условий урожай по зерну и овощам получили низкий. Колхозы с трудом смогли рассчитаться с обязательными поставками продукции государству и в фонд Красной армии [22: 43], на оплату труда колхозникам и механизаторам практически ничего

не осталось. Материальное положение колхозников было очень тяжелым. Были отмечены смертельные случаи от недоедания. В том году хлеб на трудодни получили только колхозники артели имени Сталина, а в колхозе имени Ворошилова выдали лишь по 200 г проса на трудодень [22: 52].

Огромные потери в ходе эвакуации понесло животноводство. Недостаток кормов и животноводческих помещений в 1943 г. привел к падежу 179 голов крупного рогатого скота, 550 овец и коз, 122 лошадей [23: 24]. По сравнению с 1939 г. на 1 января 1944 г. в районе количество крупного рогатого скота в колхозах, у колхозников и единоличников составляло лишь 38,6 %, волов – 21,7 %, овец и коз – 29,3 %, свиней – 1,6 % [21: 560, 640].

Последствия Сталинградской битвы еще долго оказывали влияние на развитие хозяйства. В конце 1943 г. в районе насчитывалось всего 11 тыс. жителей [21: 215]. В результате предпринятых усилий в 1944 г. площадь обрабатываемой пашни в колхозах выросла до 17 546 га, в 1945 г. – до 18 748 га. Это было почти в два раза меньше, чем в 1941 г. В последний военный год по сравнению с 1941 г. площадь под колхозными садами сократилась в четыре раза и составила 156 га, под лесополосами – более чем в 16 раз и занимала всего 4 га [3: 21].

Проведенный анализ документов и газетных публикаций о сельскохозяйственных работах в Красноармейском районе в 1941–1943 гг. позволил предметно показать, с какими проблемами сталкивались колхозники в военный период, какой ущерб нанесли Сталинградской области боевые действия и как стойчески преодолевали возникшие трудности советские крестьяне.

Источники и литература

1. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 63.
2. ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 77.
3. ГАВО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 88.
4. ГАВО. Ф. Р-5788. Оп. 3. Д. 6.
5. ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 556.
6. Коммуна. 1941. 4 апреля.
7. Коммуна. 1941. 13 июля.
8. Коммуна. 1941. 8 октября.
9. Коммуна. 1941. 15 октября.

10. Коммуна. 1941. 17 октября.
11. Коммуна. 1942. 4 января.
12. Коммуна. 1942. 1 февраля.
13. Коммуна. 1942. 10 мая.
14. Коммуна. 1942. 28 мая.
15. Коммуна. 1942. 5 июля.
16. Коммуна. 1942. 26 июля.
17. Коммуна. 1942. 30 июля.
18. *Сидоров С.Г.* Влияние заготовительной политики СССР на производство зерна и доходы колхозников в Светлоярском районе Волгоградской области в 1940–1945 годы // Актуальные вопросы развития современной науки и технологий. Петрозаводск, 2023. С. 363–376.
19. *Сидоров С.Г.* Восстановление Красноармейского района Сталинградской области в 1943 году // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: сборник материалов XVI Международной научной конференции, 16 февраля 2023 г. Саратов, 2023. С. 140–149.
20. *Сидоров С.Г.* Светлоярский район Волгоградской области в период Сталинградской битвы // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: в 3 ч. Ч. 1. Волгоград, 2020. С. 399–409.
21. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты: информационно-статистический справочник / отв. ред. М.М. Загоруйко. Волгоград, 2023.
22. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 12.
23. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 38.
24. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 118.
25. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 4.
26. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 7.

Ш.В. Исуфов

ОТРАСЛЬ ХЛОПКОВОДСТВА КУЛЯБСКОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

За годы Великой Отечественной войны сектор народного хозяйства, в том числе сфера хлопководства, по объективным причинам оказался в критической ситуации. В тяжелое военное время трудящиеся дехканских хозяйств области не только увеличивали

производство хлеба и продуктов животного происхождения, но и добывались высокого урожая хлопка [1; 9].

В настоящей статье речь пойдет о выращивании хлопка в Кулябской области Таджикской СССР в 1941–1945 гг. К началу войны в область входили следующие районы: Бальджуванский, Дангаринский, Дашти-Джумский, Кангуртский, Кзыл-Мазарский, Колхозабадский, Кулябский, Муминабадский, Фархорский, Сари-Хосорский, Ховалингский и Шуроабадский.

В 1941 г. Кулябский район получил в среднем 18,9 ц хлопка с гектара [8: 1], план передачи хлопка государству был выполнен на 126,5 % [3: 95]. Хлопководы данного района, передав государству более 1281,7 т хлопка, получили денежную премию в размере 2 187 431 сум за перевыполнение установленного плана [8: 1]. В целом в 1941 г. Кулябская область, в которую входил одноименный административный район, выполнила план передачи хлопка государству на 106,2 %, из которых 68,7 % составил хлопок отличного типа. На всех хлопковых площадях области качественное окучивание было проведено пять раз, культивация трактором – восемь раз, осуществлялась чеканка хлопка [4: 4].

В 1942 г. план по хлопку был принят без учета суровых условий военных лет. Однако, несмотря на препятствия, колхозы Кулябской области постоянно увеличивали площадь хлопчатника [15]. В газетных публикациях и отчетной документации сохранилась детальная информация о процессе посева, уборки и переработки хлопка в сложное военное время. Приведем далее несколько показательных примеров. Корреспонденты областной газеты «Кулябская правда» сообщали о том, что до 15 апреля 1942 г., хлопковые колхозы Фархорского района выполнили план по посеву хлопчатника на 71,6 %, Шуроабадского района – на 100 %, а общий план по посеву хлопка в области к этому сроку был выполнен на 53,5 % [11: 2]. В результате упорного труда колхозников области сев хлопка в 1942 г. был осуществлен на 100 % [20: 2]. До 20 мая 1942 г. в области первое окучивание между рядами хлопчатника было выполнено на 59,6 %, второе – на 8 %, первое прореживание – на 69 %, а второе – на 5,8 % [5: 1].

Согласно архивным документам, в 1942 г. план посева хлопка в Кулябской области составил 11 тыс. га. Большая часть посевов в этом году приходилась на Фархор (3700 га), Колхозабад (2750 га)

и Куляб (3380 га), а оставшаяся площадь хлопчатника – на другие районы [6: 117]. Сев хлопка на выделенных землях был полностью завершен до 10 мая 1942 г. – на пять дней раньше, чем в 1941 г.

Первая переработка хлопка в 1942 г. проводилась со 2 по 25 июня, вторая – до 20 июля, а третья – до 10 августа. Первый полив осуществлялся до 10 июня, второй – до 5 августа, а третий – до 20 августа [6: 118]. В архивных документах сохранилась информация и о проблемах в этой отрасли хозяйства: в период выращивания хлопковых саженцев в области 9581 га растений заразился различными заболеваниями, из них колхозники смогли спасти 9511 га хлопка [6: 118].

6 ноября 1942 г. Совет народных комиссаров Таджикской ССР принял постановление «О ситуации со сбором хлопка в республике». Урожайность хлопка в этом году снизилась в среднем на 11,1 ц с гектара. Поэтому отдельные бригады, колхозы и даже районы не смогли выполнить план сдачи хлопка. Общий сбор хлопка в 1942 г. составил 121,7 тыс. т, или 70 % от плана. В постановлении было указано, что в некоторых районах республики не проводились мероприятия по полному привлечению трудящихся и трудоспособного населения к сбору хлопка. Однако в Кулябской области работы осуществлялись на должном уровне, в результате план передачи хлопка государству в 1942 г. был выполнен на 94 % (1132 т). Низкими показателями характеризовались районы Фархор, Колхозабад, Кызилмазор и Муминабад [13: 181].

Как указывалось выше, начиная с 1942 г., в связи с особенностями военного времени, колхозники республики не могли в полной мере выполнять государственные планы сдачи хлопка, потому что на полях работали только женщины, старики и подростки.

Эта же половозрастная диспропорция в составе колхозников сохранялась и в следующем году – в 1943 г. в Кулябской области большая часть работы ложилась на плечи женщин, которые трудились на полях вместо воюющих мужчин. Женщины добросовестно собирали урожай, занимались переработкой сельхозкультур и орошением хлопка. Например, в колхозе «Первое мая» Кулябского района Вахильен Абдуллоева, Давлатби Солехова, Одинагул Асоева, Мохгул Ибрагимова проработали на хлопковых площадях от 102 до 162 дней. В Муминабадском районе – А. Назарова, Тобон Ибодова, Сайлон Кулматова (колхоз «Социализм»), Никифорова,

Гульби Рашидова (колхоз имени Андреева), Марифат Одинаева (колхоз «Коммунист Таджикистана»), в Ховалингском районе – Турагул Алиева и Ойса Гаюрова (колхоз имени И.В. Сталина) смогли показать хорошие примеры трудовой деятельности в сельском хозяйстве [12: 2].

29 августа 1943 г. было опубликовано постановление Совета народных комиссаров Таджикской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии (большевиков) Таджикистана «О подготовке к проведению сбора урожая хлопка 1943 года» [10: 2]. Всем партийным, комсомольским, советским организациям, колхозам, фабрикам и пунктам по приему хлопка было поручено подготовиться к сбору хлопка и обеспечить место для приема нового хлопкового урожая.

Однако принятие данного постановления и определение задач должностным лицам не дали результата. Многие колхозы и пункты приема хлопка в Кулябской области не были готовы к сбору нового хлопкового урожая. Например, колхозы «МТС», «Коминтерн» (Кулябский район), колхоз имени «Фрунзе», «Димитров» и имени «Жданов» (Колхозабадский район) не начали собирать хлопок вовремя [14: 1]. В связи с этим план передачи хлопка государству в 1943 г. не был полностью реализован. Например, до 12 декабря 1943 г. хлопководы Кулябского района осуществили план сдачи хлопка на 40,5 %, Колхозабад – на 41,4 %, Кызилмазор – на 43,3 %, Муминабад – на 12,4 % [16: 2]. Кулябская область к 25 декабря 1943 г. выполнила план сдачи хлопка на 49,3 % [18: 2]. В целом в республике в этом году план сдачи хлопка не был полностью реализован: было произведено 58,3 тыс. т, то есть план по хлопку был выполнен на 51 % [19: 228].

В борьбе за высокий урожай хлопка особое место занимало соблюдение агротехнических правил. Это было отмечено в постановлениях Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) «О развитии сельского хозяйства в 1944 году» [13: 182]. В этом постановлении, в частности, поручалось провести обязательную двукратную вспашку, качественное прореживание и культивацию между рядами хлопка.

В результате организации мероприятий по посеву и выращиванию хлопка в 1944 г. труженики Кулябской области реализовали

план по посеву и сбору хлопка. В частности, колхоз имени К.Е. Ворошилова (Колхозабадский район) выполнил план сдачи хлопка на 121 %, а колхоз имени Л.М. Кагановича (Кулябский район) – на 117 %. В общей сложности в области до 11 октября 1944 г. план сдачи хлопка был реализован на 37,6 % [18: 1], а к 21 октября 1944 г. – на 46,9 %, в том числе в районах Колхозабад – на 61,4 %, Муминабад – на 54 %, Куляб – на 58,2 %, Фархор – на 33,7 % и Кизилмазор 22,9 % [7: 1].

В выполнении республиканского плана по хлопку в 1945 г. также был замечен вклад хлопководов Кулябской области. Например, до 11 октября 1945 г. показатели районов области были следующими: Кангуртский – 100 %, Фархорский – 37,1 %, Колхозабадский – 37,6 %, Кулябский – 27,72 %, Кизилмазорский – 42,7 %, Шуроабадский – 23,1 %. В целом же область выполнила плана передачи хлопка государству на 37,1 % [2: 2].

Таким образом, при изучении сферы хлопководства Кулябской области в период Великой Отечественной войны выяснилось, что война принесла хлопководам серьезные испытания, но несмотря на это колхозники усердно трудились для производства хлопка и обеспечения качества сырья. Хлопководство сыграло важную роль в экономике военного времени, поскольку хлопок широко использовался для изготовления перевязочного материала, одежды, военной экипировки и пороха.

После окончания войны сельскохозяйственные работники столкнулись с трудностями из-за нехватки техники, семян, удобрений и рабочей силы. Однако советские хлопководы направляли свои усилия на разработку инновационных методов выращивания хлопка, повышение производительности труда, благодаря чему росла и урожайность этой культуры. В наше время необходимо знать историю сельского хозяйства периода Великой Отечественной войны и воздавать должное благородному труду советских людей в тяжелых условиях.

Источники и литература

1. Абдуллоев Р. Тоҷикистон ба фронт. Душанбе, 2001.
2. Аз таҷрибаи беҳтаринҳо омӯзем // Ҳақиқати Кӯлоб. 1945. 12 октябр. № 41 (889).
3. Алимов Д. Боевые и трудовые подвиги хатлонцев в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Душанбе, 2014.

4. Ба ҳамаи колхозчиёни райони Кӯлоб-Мурочиатномаи слёти колхозчиён-стахановчиёни райони Кӯлоб // Ҳақиқати Кӯлоб. 1942. 9 феврал. № 12 (606).

5. Барои ҳосилоти баланди ҳарбӣ мубориза барем // Ҳақиқати Кӯлоб. 1942. 27 май. № 55 (649).

6. Бойгонии давлатии таърихи навтарини Ҷумҳурии Тоҷикистон. Ҷ. 3. Р. 126. П. 185.

7. Дар пахтачини меҳнатро намунавор ташкил карда, суръатро боз ҳам тезонем! // Ҳақиқати Кӯлоб. 1944. 22 октябр. № 50 (851).

8. Даромади колхозҳо туғр тақсим карда шавад // Ҳақиқати Кӯлоб. 1942. 9 феврал. № 12 (606).

9. Исуфов Ш.В. Ҳаёт ва фаёлияти меҳнаткашонӣ вилояти Кӯлоб дар солҳои Ҷанги Бузургӣ Ватани // Гузоришҳои Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. 2019. № 4 (008). С. 27.

10. Қарори ШКХ ҶШС Тоҷикистон ва КМ ҲК(6) Тоҷикистон «Дар бораи омодагии ба гузаронидаи ғунучин ва тайёр кардани ҳосили пахтаи соли 1943» аз 29 августи соли 1943 // Ҳақиқати Кӯлоб. 1943. 8 сентябр. № 61 (776).

11. Кишти пахтаро большевикона иҷро кунем // Ҳақиқати Кӯлоб. 1942. 21 апрел. № 38 (632).

12. Қурбонова О. Ба қувваи занҳо диққати махсус дода шавад // Ҳақиқати Кӯлоб. 1943. 24 август. № 65 (770).

13. Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917–1965 гг.) / под ред. К.П. Марсакова. Душанбе, 1968.

14. Пахтаи боқимондари зудтар чида ба давлат супорем! // Ҳақиқати Кӯлоб. 1943. 18 декабр. № 82 (797).

15. Сафҳои садсентнерчиёно вусъат диҳем! // Ҳақиқати Кӯлоб. 1942. 10 март. № 22 (616).

16. Соҳибов. Пахтаҳо аз зарари ҳайвонот муҳофизат карда шавад // Ҳақиқати Кӯлоб. 1943. 21 ноябр. № 76 (791).

17. Соҳибов. Пленуми XII-уми обкоми партияи Кӯлоб // Ҳақиқати Кӯлоб. 1944. 10 январ. № 1 (802).

18. Суръати ҷидан ва ба давлат супурдани пахтаро тезонем // Ҳақиқати Кӯлоб. 1944. 12 октябр. № 49 (850).

19. Хотамов Н.Б. Сельское хозяйство Таджикистана в годы Великой Отечественной войны // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны: сборник научных статей / редкол.: Н.А. Антипин, И.В. Сибиряков. Челябинск, 2021. С. 226–232.

20. Чолбобоев М. Корҳои сахрогии колхозиро боз ҳам нағзтар ба роҳ монем // Ҳақиқати Кӯлоб. 1942. 6 июл. № 70 (664).

21. Чолбобоев М. Корҳои хочаги политикии органҳои советҳои маҳалли дар рӯзҳои Чанги Ватани // Ҳақиқати Кӯлоб. 1942. 11 июн. № 61 (655).

И.А. Лысенко

ЗНАЧЕНИЕ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматривая общие тенденции и особенности формирования мобилизационной экономики в годы Великой Отечественной войны, необходимо уделить внимание потребительской кооперации – крупнейшей многоотраслевой системе, обслуживавшей значительную часть населения и охватывавшей всю территорию страны. На начало 1941 г. в потребкооперации СССР состояло более 44 млн членов-пайщиков, в том числе по РСФСР – более 24 млн. В СССР функционировали 3613 райпотребсоюзов, 32 224 общества потребителей, насчитывалось более миллиона работников [4: 8–9].

Военное время, потребовавшее мобилизации всех ресурсов, способствовало изменению отраслей деятельности, применению ранее не использовавшихся направлений, форм и методов работы. Расширилась социальная ориентация потребительской кооперации. Как показывает исторический опыт, население обращалось к потребительской кооперации в сложные периоды, на нее возлагали надежды и государственные органы власти, и результаты, как правило, себя оправдывали.

Изучение и анализ хозяйственной и социальной деятельности потребительской кооперации в 1941–1945 гг. позволяет определить ее значение в кризисной военной экономике, а также использовать при необходимости имеющийся опыт. Особенного внимания заслуживает изучение вклада потребительской кооперации в организацию формирования и эффективного использования системы государственного снабжения, решение проблемы обеспечения социально не защищенных категорий населения (контингента детских домов, инвалидов войны, эвакуированных жителей) при помощи организации заготовок и переработки сельхозпродукции, расширения сети предприятий общественного питания, создания подсобных хозяйств.

В условиях мобилизационной экономики на потребительскую кооперацию были возложены важные задачи. Как часть народно-хозяйственного комплекса страны кооперативная система вносила свой вклад в формирование системы жизнеобеспечения населения, обеспечивала выполнение плановых показателей и развивала инициативу на уровне регионов.

Великая Отечественная война потребовала подчинения всего народнохозяйственного комплекса страны интересам победы над врагом. В самом начале войны фашистская армия оккупировала территорию, на которой производилось 33 % всей промышленной продукции, было 47 % посевных площадей [3: 330]. Экономическая жизнь страны была перестроена, что повлияло на деятельность кооперативного сектора. Для увеличения количества продовольственных товаров в системе потребительской кооперации создавались собственные подсобные хозяйства, которые сыграли существенную роль в использовании местных продовольственных ресурсов. Развитие получила организация небольших хозяйств при сельпо, рабочих кооперативах, райпотребсоюзах, отдельных столовых, чайных и даже учебных заведениях. Обработка земли, уход за посевами, сбор урожая осуществлялись силами работников этих организаций и предприятий. Посевы системы потребительской кооперации в 1941 г. составили 22 300 га. Для страны это немного, необходимо было расширять посевные площади, что и происходило в годы войны.

Недостаток важнейших продуктов питания в первые годы войны потребовал поиска путей получения сельскохозяйственной продукции. Целью принимавшихся правительством решений «О развитии рыбных промыслов» от 6 января 1942 г., «О выделении земель для подсобных хозяйств» от 7 апреля 1942 г. было развитие собственной продовольственной базы, создание подсобных сельских хозяйств организаций. На основании постановления Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – СНК СССР и ЦК ВКП(б)) от 7 апреля 1942 г. пустующие земельные участки в городах и поселках, а также свободные земли госфонда, расположенные вокруг городов и населенных пунктов, были переданы предприятиям и учреждениям для организации подсобного сельского хозяйства, сначала растениеводства, а потом

и животноводства. Эта мера позволила дополнительно получить значительные ресурсы продовольствия.

Уже осенью 1941 г., предполагая будущий дефицит продуктов питания в военных условиях, руководители Центросоюза СССР и РСФСР говорили о необходимости организации откорма скота, сельского подсобного хозяйства. «Свинооткорм, телята, коровы, овцы, посевы – надо готовиться сейчас к этому делу. Развивать рыболовецкое дело, а это дело сейчас заброшено. В то время как сейчас наоборот надо еще больше ловить рыбу, а поезжайте в районы, там ничего нет» [9: 21]. Поголовье скота и птицы в хозяйствах потребкооперации СССР 1942–1943 гг. характеризовалось следующими данными: крупный рогатый скот на 1 января 1942 г. – 7960 голов, на 1 января 1943 г. – 15 603 (196 %), свиньи – 53 825 и 56 468 голов соответственно (105 %), овцы и козы – 27 867 и 44 147 (158 %). Несмотря на сложные военные годы, увеличивалось поголовье скота. Одновременно видим сокращение количества лошадей, которые использовались в качестве гужевого транспорта, с 51 376 на начало 1942 г. до 43 317 голов на начало 1943 г. (84 %). Сократилась численность домашней птицы с 49 174 в 1942 г. до 44 883 в 1943 г. (91 %) [5: 44].

Среди особенностей хозяйственной жизни потребительской кооперации военного времени следует отметить, что с начала войны (в 1941 г.) система потребительской кооперации стала осуществлять в значительной степени функции промысловой кооперации – изготовление металлоизделий, пошив одежды, бытовое обслуживание и др. Также организовывался вылов рыбы. Эта деятельность регламентировалась соответствующими постановлениями Центросоюза [1: 35].

После освобождения части территорий от захватчиков подсобные хозяйства стали развиваться более быстрыми темпами. Засев полей начинался сразу же по мере освобождения временно оккупированных территорий. С 1943 по 1945 гг. производство продуктов в хозяйствах системы потребительской кооперации возросло: картофеля – в 3,5, овощей – в 4,8 раза. Увеличилось также производство мяса, хотя и менее существенно (на 23 %) [2: 462].

Подсобное хозяйство было выгодно потребителем обществам еще и потому, что при правильной и умелой организации дела можно было в сравнительно короткий срок и без больших

затрат заметно увеличить количество мяса и жиров. Практика показала, что вовсе не обязательно было создавать крупные, дорогостоящие хозяйства. Вполне оправдывали себя и небольшие откормочные пункты. В отчете по животноводству потребительской кооперации за 1943 г. приведены такие данные: крупный рогатый скот – 22 729 голов, свиньи – 39 475, овцы и козы – 57 549, домашняя птица – 34 943 шт. В том числе молодняка, родившегося в 1943 г. (по свиньям – поросят до 4 месяцев) – крупного рогатого скота – 4272, свиней – 12 068, овец и коз – 9529, домашней птицы – 3661. В том же году было получено мяса от забоя: коров – 1901,8 ц, свиней – 13 029 ц, коз – 2683,8 ц, птицы – 237,1 ц. За тот же 1943 г. в кооперативных подсобных хозяйствах было надоено молока коровьего 59 719,08 ц, получено яиц 684 790 шт., накачено меда 1107,61 ц, настрижено шерсти 606,53 ц. По обязательным поставкам сдано мяса в переводе на живой вес – 3174,56 ц. На предприятия общественного питания и в торговую сеть передано: молока и молочных продуктов – 49 004,3 ц, мяса и живого скота в переводе на живой вес – 21 528,1 ц, яиц – 596,8 тыс. шт., птицы – 452,7 ц, меда – 404,9 ц [6: 66].

Развитие подсобного хозяйства в 1944 г. продолжалось довольно быстрыми темпами. Было надоено молока коровьего 88 420 ц, овечьего и козьего – 826 ц, получено яиц за 1944 г. от собственного поголовья птицы – 719 тыс. шт., меда – 1275 ц, настриг шерсти составил – 866 ц. В том же году сдано на предприятия общественного питания и в торговую сеть молока и молочных продуктов – 74 962 ц, живого скота и мяса в переводе на живой вес – 24 530 ц, живой и битой птицы в переводе на живой вес – 591 ц, яиц – 639 тыс. шт., меда – 494 ц [7: 68]. В 1944 г. в подсобном хозяйстве кооперации РСФСР насчитывалось 24 034 головы крупного рогатого скота, 40 908 свиней, 58 068 овец и коз, 40 064 шт. домашней птицы и 11 173 оленя и 9809 пчелосемей. Как видим, динамика положительная, хотя имеющегося скота и птицы явно не хватало для нужд населения – в системе потребительской кооперации стало развиваться пчеловодство, оленеводство. Кроме того, если ранее использовалось для надоев только коровье молоко, то в дальнейшем – также овечье и козье.

На основании решений вышестоящих органов разрабатывались соответствующие постановления облпотребсоюза и райпотребсоюзов. К началу 1945 г. в стране работало 12 916 подсобных

кооперативных хозяйств. В их распоряжении было 151 395 га земельного фонда, в том числе 81 794 га пашни, 59 561 га лугов, 10 040 га выгонов [7: 74]. В сводном отчете по растениеводству за 1944 г. приведены данные по основным видам сельскохозяйственных культур: зерновые, крупяные и бобовые – собрано 320 807 ц, в том числе передано на общественное питание и в торговые сети 35 815 ц; картофель – собрано продукции 892 738 ц, из них 282 093 ц передано для нужд общепита; овощи и бахчевые из собранных за год 439 710 ц продукции 262 533 ц направлено на предприятия общественного питания [7: 74].

Животноводство системы потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны было одним из основных направлений по обеспечению продуктами питания столовых, обслуживающих спецконтингент, то есть детские дома, эвакуированных жителей, рабочих тыла. Источниками комплектования поголовья крупного рогатого скота были поставки по контрактации молодняка телят от рабочих и служащих и за счет приобретения у колхозов и колхозников. Поголовье свиней и овец комплектовалось в основном за счет собственного воспроизводства стада. План свинооткорма в связи с отсутствием достаточной кормовой базы не всегда выполнялся.

1 января 1945 г. было принято постановление Центросоюза «О развитии кролиководства, о подсобных хозяйствах потребительской кооперации». В соответствии с ним райпотребсоюзам определялись планы, на основании которых была проведена закупка у колхозов и населения кроликоматок с целью дальнейшего развития кролиководства.

Продукция собственных подсобных хозяйств торгующих организаций имела большое значение в качестве источника дополнительного снабжения населения. Это можно увидеть из того, что в 1945 г. она составляла в сравнении с централизованным рыночным фондом: мяса – примерно 1/3, рыбы – около 1/4. Картофель, полученный от подсобных хозяйств, составил в 1945 г. примерно 1/3 от всего заготовленного, а количество овощей даже превысило государственные заготовки и закупки. Не столь значительное место в общем балансе соответствующих продуктов занимало молоко, полученное из подсобных хозяйств (10 % всего заготовленного количества), и яйца (1 %) [2: 462].

Подсобное хозяйство было одним из незначительно освоенных ранее видов деятельности для потребительской кооперации. Кооперативные союзы и сельские общества в созданных хозяйствах выращивали картофель, овощи, скот и птицу, кроликов, вели лов рыбы, содержали молочные фермы. На развитие животноводства Государственный банк выделял значительные средства. Всего в 1945 г. в кооперативных организациях СССР было более 15 тыс. преимущественно небольших подсобных хозяйств, которые использовали около 164 тыс. га земли. В подсобных хозяйствах кооперации насчитывалось 56 тыс. крупного рогатого скота, примерно 78 тыс. овец и коз, около 40 тыс. свиней и 100 тыс. шт. домашней птицы. Всё вместе это было значительным подспорьем для работы других отраслей деятельности – организации общественного питания и обеспечения бесперебойного функционирования перерабатывающей промышленности.

Качественные показатели по животноводству в годы войны были невысокими. Надой молока на одну фуражную корову составляли 730 л вместо 1200 л по плану. Деловой выход составлял 6–7 поросят на одну свиноматку. Несмотря на общее невыполнение плана по поголовью, некоторые потребсоюзы обеспечивали сохранность молодняка и даже повышали продуктивность скота.

Работа на посевных площадях также были сложной. Низкая урожайность объяснялась объективными и субъективными причинами: с одной стороны, на нее влияли неблагоприятные погодные условия, с другой – многие райпотребсоюзы не имели поливных агрегатов и не производили полив плантаций, располагали недостаточным количеством и качеством агротехники, зачастую отсутствовали семена для посева. Трудности были еще и в том, что земельные участки для потребсоюзов и сельпо выделялись органами местного самоуправления на короткий срок (на год). В 1945 г. в связи с введением в колхозах севооборотов потребительская кооперация иногда лишалась своих участков, предоставляемые же новые участки отводились на наименее удобных местах, и их выделение происходило в марте – апреле, то есть с большим опозданием.

Среди мероприятий по повышению урожайности были заготовка и доставка удобрений, проведение сева в сжатые сроки (7–8 дней), приобретение или изготовление поливных установок (так называемых чигирей).

Следует отметить, что в апреле 1945 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) направил Центросоюзу письмо «Об участии подсобных хозяйств потребительской кооперации в организуемых выставках откормленного скота и птицы» [8: 76], которые должны были приступить к работе в Москве, Краснодаре, Полтаве, Новосибирске. Это говорит о значимости данной деятельности.

Таким образом, подсобное хозяйство, внимание на которое в кооперативной системе было обращено в предвоенные годы, в условиях острой нехватки продовольствия и при необходимости решения задачи по обслуживанию значительного объема населения получило свое развитие. Откорм скота, разведение домашней птицы, огородничество способствовали в определенной степени решению продовольственной проблемы в период Великой Отечественной войны. Продукция подсобных хозяйств являлась сырьем для предприятий кооперации – торговых, заготовительных, общественного питания, а также пищевой промышленности.

Система потребительской кооперации в условиях военной экономики осуществляла торговую деятельность, нормированное распределение продуктов питания, имела собственное сельскохозяйственное производство, транспорт, организовала переработку продукции, с 1943 г. самостоятельно восстанавливала значительную часть кооперативных предприятий, подготавливала необходимые кадры. Потребительская кооперация проявляла себя в военные годы как комплексный хозяйственный механизм, нацеленный на организацию общественного производства, согласование экономических интересов, достижение значимых народнохозяйственных результатов.

Источники и литература

1. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 4179. Оп. 4. Д. 11.
2. История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1976.
3. Кистанов Я.А. Потребительская кооперация СССР: исторический очерк. М., 1951.
4. Потребительская кооперация СССР за 1940 год. Годовой отчет. М., 1941.
5. Потребительская кооперация СССР за 1942 год. Годовой отчет. М., 1943.

6. Потребительская кооперация СССР за 1943 год. Годовой статистический отчет. М., 1945.

7. Потребительская кооперация СССР за 1944 год. Годовой статистический отчет. М., 1946.

8. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 484. Оп. 1. Д. 4578.

9. РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 7075.

А.А. Боголюбов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЯТИГОРСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В начале 1940-х гг. Пятигорск был одним из наиболее значимых курортов России, таким он остается и сегодня. Мягкий климат, многочисленные минеральные источники, целебные грязи и другие факторы делают это место поистине уникальным.

На 1 января 1940 г. в городе проживало около 62 тыс. жителей [10: 54]. Ежегодно здесь поправляли здоровье около 20 тыс. человек [4: 7]. В городе действовало 66 предприятий [10: 55] и 412 учреждений [2: 4], что делало Пятигорск весьма привлекательным также и в плане трудоустройства. Крупнейшим из городских предприятий был тогда мотороремонтный завод [4: 8].

С началом Великой Отечественной войны город стал, благодаря вышеперечисленным факторам, не только одной из крупнейших госпитальных баз страны, но и местом производства оборонной продукции. Например, мотороремонтный завод с июня 1941 г. стал производить минометы калибра 82 и 50 мм, а также корпуса к гранатам Ф-1 [2: 4].

На основании постановления Государственного комитета обороны от 22 октября 1941 г. в Пятигорске «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка» был создан Пятигорский городской комитет обороны, имевший полномочия также в Железноводске, Ессентуках и Горячеводском районе [4: 13]. Комитет занимался решением важнейших проблем на этих территориях.

Ввиду усложнившейся обстановки на фронтах Пятигорск стал также и местом размещения эвакуированных советских граждан. Всего с июня 1941 г. по январь 1942 г. город принял

14 886 эвакуированных из разных регионов страны. В дальнейшем к ним прибавилось еще 4 тыс. ленинградцев-блокадников [4: 19], в том числе 500 детей, потерявших родителей. Их разместили в квартирах пятигорчан в порядке уплотнения [2: 4], а также в зданиях образовательных учреждений, например, в помещении средней школы № 9 (ныне – Ставропольское краевое училище дизайна на углу улиц Комарова и Козлова) [5].

Еще осенью 1941 г. жители города и коллективы предприятий участвовали в строительстве оборонительных линий, прежде всего противотанковых рвов, в районе Кавказских Минеральных Вод. К началу 1942 г. строительство было закончено. К сожалению, эти сооружения так и не были заняты нашими войсками и оставлены при отступлении неиспользованными [4: 15].

Войска вермахта подошли к городу в начале августа 1942 г. К началу боев за город, 6 августа, в городе находилось 3 тыс. солдат и офицеров Красной армии, а также курсантов Полтавского тракторного училища. При этом только 1100 из них были вооружены винтовками, остальные – безоружны [9: 27].

Эвакуация мирного населения была проведена незадолго до того, как город был занят фашистами. И хотя она была организована не лучшим образом, линейки руководителей Пятигорского горкома ВКП(б) и горисполкома, по свидетельству В.Л. Колодяжной, уходили из города одними из последних [2: 12]. Торжественно открытый 1 мая 1939 г. Пятигорский хладокомбинат [4: 9] оказался среди объектов города, горевших при отступлении советских войск. Жители окрестных домов, несмотря на риск погибнуть, запасались продуктами оттуда, что в дальнейшем помогло им пережить оккупацию [7].

Ввиду того что предприятия Пятигорска достались захватчикам в полной сохранности, а их работники в основном остались в городе [2: 61], оккупантам, стремившимся привлечь жителей города на свою сторону, удалось к 20 сентября 1942 г., наладить работу большинства организаций [3: 64–65]. Этому же, по мнению оккупационных властей должна была способствовать и распродажа жителям города по низким ценам продуктов – рыбы и колбасы, оставшихся на хладокомбинате после отступления советских войск [2: 65] и уцелевших в огне пожара. Таких продуктов набралось 1 300 т [4: 23].

Полицейские и административные структуры города были укомплектованы полностью. Всего в административном аппарате, включая уборщиц, насчитывалось 142 человека [2: 155–157]. В сентябре 1942 г. решено было 25 предприятий оставить в ведении городской управы, а остальные передать в частные руки [2: 64–65].

Однако оккупанты оставались оккупантами, в какие бы маски они ни рядились: так, 25 ноября 1942 г. сельскохозяйственный комендант города Пятигорска издал предписание старосте колхоза № 6 об организации заготовки и доставки гусей для германской армии к рождественским праздникам [11: 115]. Надо ли говорить, что такого рода «заготовка и доставка» на деле являлись ни чем иным как конфискацией продуктов у полуголодного населения Пятигорска и его окрестностей.

Одним из преступлений, совершенных оккупантами, является отправка русских врачей на работу в Германию, носившая, как сказали бы сейчас, добровольно-принудительный характер. О ней говорится в документах чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов в Пятигорске. Вначале врачам предлагали выехать в Германию на более комфортных условиях, а затем объясняли, что в случае отказа их отправят принудительно на более тяжелые работы [1: 125]. Всего в Германию было угнано из города 800 человек [10: 12].

Спустя пять месяцев после начала оккупации советские солдаты сумели освободить город. В воспоминаниях очевидцев сохранились не только факты, но и настроение людей в то время. Так, З.А. Боголюбова отмечала уныние и разочарование, предчувствие своей гибели у тех солдат и офицеров немецко-фашистских войск, с которыми ей удавалось завязать откровенный разговор [5].

Возможно, желанием в какой-то мере искупить свою вину перед жителями Пятигорска было продиктовано поведение саперов оккупационных войск. Уходя из города, немцы подожгли и взорвали ряд объектов промышленности и культурного наследия, но предупреждали об этом население: просили накануне жителей домов, расположенных поблизости от взрываемых объектов, открыть свои окна. Это, по мнению саперов, могло предотвратить выбивание стекол и тем самым избавить жителей от немалых по тем временам расходов на ремонт [6]. Среди пылавших

промышленных объектов был и Пятигорский ликероводочный завод. Пожар был столь сильным, что жители соседних домов из опасения, что пламя перекинется к ним, выскакивали из своих жилищ и выносили из них домашний скарб [7].

Последствия немецко-фашистской оккупации были горькими: в первую очередь это выразилось в убыли населения. На 1 февраля 1943 г. в Пятигорска находилось 42 426 человек [10: 54]. В составленном 23 апреля 1943 г. жителями Пятигорска акте говорится о многочисленных злодеяниях оккупантов – арестах, расстрелах, принудительном вывозе на работу в Германию [11: 132–135].

Однако, несмотря на все потери, город быстро начал восстанавливаться. После освобождения Пятигорска от оккупантов, как отмечалось на собрании городского партийного актива, уже в первом квартале 1943 г. были запущены жизненно важные для города объекты: хлебозавод, маслозавод, мельница, мясокомбинат, электростанция, телефонная станция и др. [2: 169]. В качестве примера восстановления промышленных предприятий города можно привести хладокомбинат, в котором в декабре 1943 г. заработал охлаждаемый склад [4: 58], а уже в мае 1945 г. – фабрика мороженого [4: 61].

После освобождения Пятигорска от немецко-фашистской оккупации ценой огромных усилий жителей города и прежде всего медицинских работников удалось довольно быстро восстановить лечебную базу курорта прежде всего как госпитальную базу Красной армии. Уже к 20 августа 1943 г. в семи госпиталях города проходило лечение одновременно 3 070 бойцов и командиров [12: 573]. Е.И. Киракозова, в годы войны начальник медотделений эвакогоспиталей г. Пятигорска, называет еще более внушительную цифру, говоря о работе 17 эвакогоспиталей на 8 тыс. коек [10: 34]. Часть средств для этой госпитальной базы поступала в качестве гуманитарной помощи, в том числе из Великобритании. В целях инспекции распределения этой помощи Пятигорск в конце апреля 1945 г. посетила Клементина Черчилль – супруга Уинстона Черчилля, бывшего тогда британским премьер-министром. На пятигорском вокзале ее встречала огромная толпа народу. В то же время людские ресурсы были к концу войны настолько истощены, что на работу в органы внутренних дел принимали даже инвалидов, вернувшихся с фронта с одной рукой. Стоявшие тогда в оцеплении

милиционеры-инвалиды вынуждены были сдерживать напор толпы с помощью метелок [8].

К сожалению, рамки одной небольшой статьи не позволяют более подробно осветить жизнь Пятигорска в годы Великой Отечественной войны. Нынешнее описание является в значительной степени фрагментарным. Тем не менее автор надеется, что даже приведенные им скудные сведения об этом непростом, трагическом периоде жизни нашей страны помогут глубже понять величие подвига народа, разгромившего мировое зло – фашизм, а также пробудят интерес к подобного рода исследованиям у молодых ученых.

Источники и литература

1. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах: сборник документов / отв. сост. В.В. Белоконь. Ставрополь, 2011.
2. *Линец С.И.* Город во мгле... Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации. Август 1942 г. – январь 1943 г. Пятигорск, 2005.
3. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июнь 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003.
4. Мы победили! Пятигорск и пятигорчане в годы Великой Отечественной войны. Пятигорск, 2005.
5. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант (далее – инф.) З.А. Боголюбова, 1891 г.р., записана в г. Пятигорске в 1973 г.
6. ПМА. Информант О.М. Александрова, 1922 г.р., записана в г. Пятигорске в 1984 г.
7. ПМА. Инф. Р.А. Боголюбова, 1923 г.р., записана в г. Пятигорске в 1979 г.
8. ПМА. Инф. Ю.П. Гаевой, 1931 г.р., записан в г. Пятигорске в 1990 г.
9. Помним! Гордимся! Пятигорск, 2020.
10. Пятигорск и пятигорчане в Великой Отечественной войне: сборник / гл. ред. А.Е. Шляпак. Пятигорск, 1995.
11. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В.В. Белоконь и др. Ставрополь, 2005.
12. *Судацов Н.Д.* Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В.В. Белоконь и др. Ставрополь, 2005. С. 573–587.

Е.А. Головин**О ПРОБЛЕМАХ СНАБЖЕНИЯ РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНЫХ
ДОРОГ ЮЖНОГО НАПРАВЛЕНИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

На завершающем этапе Великой Отечественной войны работники железных дорог наращивали темпы воинских и народно-хозяйственных перевозок. Заключительные операции по уничтожению сил и средств противника требовали ускоренной транспортировки военной техники и боеприпасов. Уже в 1944 г. объем доставленных грузов вдвое превышал показатели первого года войны. Всего за 1941–1945 гг. советские железнодорожники перевезли 19 млн воинских грузов, включая 1,5 млн вагонов с боеприпасами [3: 152].

Если на протяжении всей Великой Отечественной войны средняя дальность железнодорожных перевозок непрерывно увеличивалась, что было связано с перенаправлением основного потока грузов с западного и южного направлений на отдаленное восточное, то в 1945 г. дальность перевозок стала снижаться. Интенсивное восстановление угледобывающей и металлургической промышленности на юге страны способствовало перераспределению потоков транспортировки угля, руды, металла на более короткие расстояния в европейскую часть СССР [4: 63]. Указанное обстоятельство накладывало дополнительную нагрузку на работников железнодорожного транспорта.

Среднесуточная погрузка в 1945 г. составила 61 801 вагон, включая 15 785 вагонов каменного угля, 1870 вагонов руды, 1826 вагонов черных металлов, 157 вагонов цемента, 2296 вагонов зерна, 439 вагонов муки, 423 вагона соли, значительное количество других грузов. Абсолютно по всем позициям фиксировалось превышение показателей предыдущего 1944 г. [5: 44].

Кроме военных и гражданских грузов по железным дорогам активно перемещалось население. В течение 1945 г. только по Московско-Донбасской железной дороге было перевезено 27 382 тыс. пассажиров, по Южной – 34 620 человек, по Юго-Восточной – 17 164 человека [6: 132, 144, 160]. Их обслуживание обеспечивали тысячи работников железнодорожного транспорта.

Труд железнодорожников всегда был сопряжен с повышенными физическими и моральными нагрузками. Компенсировать их была призвана отраслевая система социальных гарантий, обеспечиваемых ведомственными учреждениями здравоохранения и отдыха, торговли и общественного питания, бытового обслуживания, культуры и образования. Остановимся на проблемах функционирования системы рабочего снабжения, действовавшей на железнодорожном транспорте с 1930-х гг. Данная тема недостаточно разработана в отечественной историографии в силу ограниченности источниковой базы.

В Государственном архиве новейшей истории Белгородской области сохранились протоколы общих собраний партийной организации отдела рабочего снабжения (далее – ОРС) Белгородского отделения Южной железной дороги [2]. В определенной степени они раскрывают характер производственных отношений, связанных с обеспечением железнодорожников продуктами питания и бытовыми услугами. Так, 1 февраля 1945 г. на собрании парторганизации обсуждались итоги XV Пленума Курского обкома партии и постановление общего партийного собрания г. Белгорода от 16 января 1945 г.

Кроме вопроса повышения политической грамотности коммунистов, была поднята и проблема соблюдения производственной дисциплины работниками ОРСа. Присутствовавшая на собрании представитель Белгородского горкома Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП(б)) Медведева отметила, что повышать уровень дисциплинированности коммунисты должны начинать с себя. Ведь даже партсобрание началось на полчаса позже запланированного времени из-за того, что не все члены парторганизации смогли собраться вовремя. Объясняя причины упущений в политическом просвещении подчиненных, некоторые участники собрания признавали собственную малограмотность. Заведующий овощной базой Д.И. Косяченко указывал на непростой контингент сотрудников, многие из которых были направлены с других участков работы в качестве провинившихся.

Представлявший на собрании районный совет профсоюза железнодорожников (далее – райпрофсоюз) Гламазда подчеркнул, что выполнение производственных показателей во многом зависит от состояния трудовой и государственной дисциплины, а для

парторганизации ОРСа наиболее остро стоит вопрос партийной дисциплины. Каждый коммунист должен быть вожаком на рабочем месте и чувствовать ответственность за выполнение производственных заданий. Констатировалось, что это чувство в парторганизации ОРСа было потеряно. Она ни разу не заслушала отчет руководителя о работе ОРСа. Существовавшие нарушения коммунистами игнорировались, что порождало еще более безответственное отношение отдельных работников к делу.

В подтверждение озвученного вывода кандидат в члены ВКП(б) А.Д. Мякинкина заявила, что неоднократно докладывала начальнику ОРСа Л.С. Школьнику о нарушениях на торговой базе, но реакции руководителя не последовало, пока в дело не вмешались следственные органы. По мнению члена ВКП(б) З.А. Сухотериной, для повышения производительности труда на предприятиях ОРСа коммунисты должны были обращать внимание на то, в каких условиях работают люди. В связи с приближением периода весенних полевых работ парторганизации, по ее мнению, было необходимо приложить максимум усилий для их организации, чтобы не допустить повторения печальных результатов предыдущего года.

В постановлении собрания отмечалось, что, даже выполнив в целом производственный план за 1944 г., руководству и парторганизации следовало обратить серьезное внимание на восстановление хозяйства ОРСа, включая ремонт оборудования торговой сети, столовых, подсобных предприятий для улучшения условий и культуры обслуживания железнодорожников. Так, партсобрание обязало руководство ОРСа к 15 февраля завершить ремонт столовой № 1. До 1 марта предписывалось приступить к подготовке подсобного хозяйства: ремонту и приобретению сельхозинвентаря, проверке на всхожесть и дополнительной закупке недостающих семян [2: 4–5 об.].

15 и 21 февраля 1945 г. на собраниях парторганизации ОРСа обсуждалась заметка «О расхитителях и их покровителях», опубликованная 3 февраля в газете «Сигнал» Южной железной дороги. В публикации шла речь о грубом отношении к покупателям, обвешивании и хищениях в магазине № 3, нарушениях санитарных норм в столовой и краже готовой продукции в хлебопекарне. Выступивший на собрании начальник ОРСа Л.С. Школьник отдельные факты подтвердил, некоторые из них попытался

опровергнуть в связи с отсутствием подтверждающей их документации. Например, за отказ допустить ревизию к проверке и грубость заместитель заведующего магазином Литвинова получила строгий выговор. Уволенная ранее заведующая отделом магазина № 1 Чернышева, чья вина оказалась недоказуема, по требованию прокуратуры была восстановлена на работе, хотя, по мнению некоторых участников собрания, ей помогло покровительство супруга. Задержанные за кражу хлебобулочных изделий работники пекарни были преданы суду.

А.Д. Мякинина отметила, что заведующая магазином № 3 даже на профсоюзном собрании вела себя грубо и из-за прозвучавшей в ее адрес критики обещала обратиться за защитой к своему мужу – сотруднику Народного комиссариата внутренних дел. Не меньшей беспринципностью отличалось поведение руководителей базы ОРСа, выделявших товары торговым предприятиям по собственному усмотрению, вынуждая с дефицитной продукцией брать под реализацию и неходовую.

Факты, изложенные в заметке, подтверждались и другими участниками собрания. При проверке пекарни неоднократно выявлялся припрятанный под прилавком хлеб, совершенно не фиксировались брак и нарушение санитарных норм в работе, несмотря на обнаружение при проверке 500 кг испорченной муки и червей в ящиках. В канун ноябрьских (1944 г.) праздников ревизор Б.Г. Казаровицкий обнаружил в котельной пекарни похищенные хлеб, соль и тесто. Его обращения к руководству по этому поводу не возымели действия, но письмо от расхитителей с угрозой быть брошенным под поезд он вскоре получил. Обратило на себя внимание еще одно обстоятельство: имена 100 % работников пекарни были занесены на доску почета в качестве стахановцев.

Не менее критически высказался о сложившемся положении представитель райпрофсожа Гламазда. По его убеждению, руководство ОРСа устранилось от решения проблем на предприятиях. Дело дошло до того, что в столовой станции Ржава в пище железнодорожников оказалось стекло. Ощущение безнаказанности позволило работникам магазина № 3 даже во время четырехдневной ревизии, когда торговая точка была официально закрыта, вынести через черный ход 11 кг мяса без карточек. Составленный по этому факту акт был проигнорирован руководством ОРСа. Всё это

происходило по той причине, что торговые начальники состояли в приятельских отношениях и часто употребляли алкоголь в компании с мужьями продавцов-нарушителей, работавшими в правоохранительных органах.

Решением общего партсобрания материал в газете «Сигнал» был признан подтвержденным, критика в адрес отдельных руководителей и работников – обоснованной. О состоянии трудовой дисциплины и кадрового потенциала в белгородском ОРСе в последний год войны свидетельствовал и факт исключения из партии начальника производственно-бытовых предприятий Ф.К. Пилецкого за распитие алкоголя с подчиненными и недостойное поведение на рабочем месте в январе 1945 г. [2: 16–17 об.].

Необходимо было искоренить выявленные нарушения из повседневной практики производственной деятельности предприятий ОРСа. С этой целью предлагалось усилить работу органов рабочего контроля, обратив внимание на принципиальность и гражданскую ответственность его представителей [2: 7, 11–14].

1 марта 1945 г. заведующий овощной базой Д.И. Косяченко докладывал, что подвалы для хранения картофеля оборудованы недостаточно. Для сохранности овощей пришлось организовать дополнительное утепление. В подвалах под зданием педагогического техникума хранилось 70 т картофеля. Еще 35 т находилось в подвалах на ул. Попова при критически низкой температуре, овощам требовалась сортировка, которая осуществлялась недопустимо медленно. Соленые огурцы предполагалось срочно реализовать через торговую сеть. Хорошо сохранились 10 т соленых помидоров и 80 т квашеной капусты, а 24 т свежей нуждались в незамедлительной переработке. Из остававшихся на хранении 5 т технического картофеля планировалось выработать крахмал. В процессе обсуждения проблемы длительного хранения овощей выяснилось, что заведующие магазинами старались не связываться с их продажей [2: 19–23].

6 апреля 1945 г. на закрытом партийном собрании белгородского ОРСа был рассмотрен вопрос о подготовке к весенней посевной кампании. Из доклада начальника ОРСа Л.С. Школьника следовало, что семенной фонд большей частью удалось сохранить и подготовить к севу. Тягловой силы явно не хватало, поскольку переданный дорожным управлением рабочего снабжения трактор

находился в совхозе в неисправном состоянии, а имевшихся в распоряжении ОРСа двух лошадей явно не хватало для проведения весенних полевых работ. Признавалось и отсутствие необходимого сельхозинвентаря, восполнить недостаток которого предполагалось через заказы в железнодорожные мастерские. Еще одной серьезной проблемой оказалось отсутствие жилья в подсобном хозяйстве. В случае направления туда работников предприятий ОРСа их просто негде было размещать. Поднимался вопрос об обеспечении питанием привлекаемых к сельхозработам сотрудников, организация которого зависела от своевременной транспортировки продуктов. В ходе обсуждения озвучивались вполне актуальные проблемы, но постановлением собрания решение их возлагалось только на начальника ОРСа [2: 24–25 об.].

В целом изученные материалы партийных собраний белгородского ОРСа свидетельствуют и о низкой исполнительской дисциплине в отношении принятых решений. Любое обсуждение выполнения постановлений предыдущих собраний констатировало отсутствие конкретных положительных результатов. Подобное отношение к исполнению взятых на себя обязательств не способствовало повышению качества обслуживания железнодорожников.

В государственном архиве Воронежской области хранится распорядительная документация управления рабочего снабжения Юго-Восточной железной дороги (далее – Дорурс ЮВЖД). Приказы по основной деятельности дают яркое представление о проблемах специализированного снабжения работников транспорта в победном 1945 г.

Так, в приказе № 9 от 25 января 1945 г. по Дорурс ЮВЖД нашли отражение результаты проверки работы столовой № 1 ртищевского ОРСа отделения движения. Контролерами было установлено, что в столовой не хватало посадочных мест, отсутствовала буфетная продукция. При столовой не был организован подсобный откорм птицы и свиней. На кухне столовой грубо нарушались санитарные требования. Обязательный ассортимент блюд, установленный приказом № 801/ц Народного комиссариата путей сообщения, не соблюдался. Не контролировался выпуск готовой продукции, а качество готовых блюд оценивалось неудовлетворительно [1: 9].

Питанием низкого качества обеспечивались учащиеся подведомственного ремесленного училища № 3 и школы фабрично-

заводского обучения № 27 при столовой № 1 ртищевского ОРСа. Ассортимент блюд для будущих железнодорожников ограничивался однообразными щами, винегретом, селедкой. Обеденный зал, отведенный для учащихся, к работе в зимних условиях не был приспособлен (низкая температура из-за отсутствия вторых рам приводила к быстрому остыванию пищи и потере ею своих качеств). Для посетителей требовалось 200–250 мисок, а в наличии имелось только 30. Стаканов требовалось 150 штук, но в наличии не было ни одного, поэтому чай подавался в мисках. В связи с отсутствием в столовой № 1 ртищевского ОРСа достаточного количества посуды учащиеся задерживались в столовой на 30–40 минут и опаздывали на работу. Ответственность за выявленные нарушения понес заведующий столовой Шилович, освобожденный от занимаемой должности по итогам проверки [1: 9].

Серьезной проблемой в организации рабочего снабжения железнодорожников являлось невозможность обеспечить сохранность материальных ценностей. Например, в приказе № 65 от 8 мая 1945 г. по Дорурс ЮВЖД отмечалось, что росошанский ОРС всегда отличался тем, что охрана предприятий в нем была поставлена крайне неудовлетворительно. Ряд предприятий не имел сторожей, или они оказывались ненадежными. Проверки охраны не проводилось. Вследствие этого в ОРСе наблюдались систематические кражи. 12 марта 1945 г. был обворован магазин, в котором злоумышленники похитили продуктов на 2,3 тыс. рублей. Причем первая попытка обокрасть этот магазин была предпринята 8 марта, но сторожа туда так и не назначили. По состоянию на 8 мая 1945 г. отсутствовала охрана в магазине № 5, в конторе ОРСа, а в магазине № 3 оставались ненадежными двери с запорами [1: 89]. Начальник ОРСа Бобылева не смогла извлечь уроков из наложенного на нее по тем же причинам предыдущего взыскания. Она безответственно относилась и к назначению материально-ответственных лиц, что приводило к растратам и хищениям [1: 89].

Качество питания железнодорожников всегда оставалось в центре внимания руководства Дорурса. В приказе № 68 от 16 мая 1945 г. констатировалось, что столовые ОРСов неоднократно допускали применение заменителей основных продуктов (лискинский и ртищевский ОРС). Меню в столовых отличалось однообразием, а качество пищи оставляло желать лучшего (Грязи, Воронеж,

Ртищеву). Для учащихся, нуждавшихся по состоянию здоровья в диетпитании, оно не было организовано (поворинский, грязинский, воронежский ОРСы и др.) [1: 92].

Продукты собственной продовольственной базы ОРСов и децентрализованных заготовок для организации дополнительного питания выделялись ОРСами в незначительном количестве, что влияло на стоимость дневного рациона (грязинский ОРС – 2 руб. 60 коп., воронежский ОРС – 3 руб. 25 коп., ртищевский ОРС – 3 руб. 12 коп.).

ОРСы не предъявляли руководителям хозяйственных предприятий требований по снабжению столовых необходимым кухонным инвентарем и оборудованием для ремонта помещений, что влекло за собой дефицит кухонных приборов и посуды, а также антисанитарное состояние некоторых помещений столовых (Грязи, Воронеж).

К сожалению, большая часть причин выявляемых в системе рабочего снабжения нарушений носила субъективный характер. Объяснять недостатки в работе железнодорожной торговли и общественного питания трудностями военного времени, на наш взгляд, некорректно. Анализ ситуации в отрасли, сложившейся в послевоенный период, позволяет утверждать, что перечисленные проблемы носили системный характер. Они во многом стали порождением пренебрежительного отношения работников и номенклатурных руководителей к общественной собственности и средствам производства и административно-командной модели управления экономикой.

Источники и литература

1. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-1978. Оп. 29. Д. 22.
2. Государственный архив новейшей истории Белгородской области. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3.
3. Манжосов А.Н. Железнодорожники Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Курск, 2002.
4. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 41. Д. 948.
5. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 41. Д. 949.
6. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 61. Д. 527.

В.Н. Кальниченко**СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА В СЕМИКАРАКОРСКОМ РАЙОНЕ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 г.****(по материалам Семикаракорского муниципального архива)**

Одной из актуальных проблем в отечественной историографии периода Великой Отечественной войны является выяснение размеров ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками во время оккупации регионам СССР и государству в целом. Цель данной статьи заключается в анализе социальной и экономической политики государства после оккупации и описании восстановительных мероприятий в Семикаракорском районе Ростовской области в 1943 г.

В первые же дни после снятия оккупации Семикаракорского района местная администрация провела заседание районного исполкома депутатов трудящихся. Повестка дня состояла из девяти вопросов, по каждому из которых было вынесено соответствующее решение. В контексте нашего исследования важны решения «об убытках, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами», о противоэпидемиологических мероприятиях (прививках против сыпного тифа), о проведении военного налога и налога на холостяков, бездетных и одиноких граждан СССР [1: 1]. По вопросу нанесенного ущерба решили: «приступить к составлению актов о убытках нанесенных оккупантами», в которых необходимо отразить убытки «в зерне, угнанном и зарезанном скоте, птице с/х. инвентаре, постройках, сооружениях и личном имуществе, по существующим рыночным ценам» [1: 2]. Для предотвращения распространения сыпного тифа создавалась чрезвычайная тройка. Ответственным за ее создание был председатель райсовета К.П. Мелехов. В чрезвычайную тройку входили председатель заведующего районным отделом здравоохранения Карпов, начальник районной милиции Черкасский и районный военком Гарматин [1: 2 об.].

Далее предполагалось обязать медперсонал проводить противоэпидемиологические мероприятия, в колхозах «приспособить к бани, дезкамеры», за невыполнение данного плана виновных могли привлечь к ответственности по законам военного времени [1: 2 об.].

Относительно военного налога решение было следующим: провести его сбор среди трудового колхозного населения. Трудоспособные граждане, достигшие 18 лет и старше, а также домохозяйки рабочих и служащих облагались налогом в размере ставки в 255 руб. Рабочие и служащие уплачивали данный налог ежемесячно при получении заработной платы. Мужчины-колхозники «возраст коих подлежит мобилизации в РККА, но не призваны по каким либо причинам» уплачивали военный налог с надбавкой 50 % [1: 3]. Мужчины-холостяки 20–50 лет, одинокие и бездетные женщины в возрасте 20–45 лет облагались налогом, но по сниженной ставке в 125 руб. в год. Женщины, мужья которых находились в рядах Красной армии, налогом не облагались. Рабочие и служащие «уплачивают налог с полученной зарплаты 25 руб.: до 150 р. – уплачивая 5 руб. с выше 150 руб. – уплачивают 2 %» [1: 3 об.].

В обязательном постановлении решений райисполкома озвучивалась интересная деталь о государственном имуществе. Во время немецко-фашистской оккупации района «оставленное имущество государственными, общественными, кооперативными и военными организациями, было разобрано населением». Прежде всего сообщалось о масличных культурах, зерне, скоте, птице, мебели «и другом гражданском и военном имуществе» [1: 4 об.]. Для его возвращения райисполком принимает следующее решение: в трехдневный срок «отнести и сдать имеющееся имущество», принадлежащее государству, военным и сельским советам; зерно, масличные культуры, скот и птицу сдать в колхоз; обязать сельские советы обойти и объехать «подворно» и произвести изъятие трофейного, «отечественного оружия», боеприпасов и иного военного имущества. Уточнялось, что за сокрытие вышеперечисленного имущества виновные наказывались по законам военного времени [1: 4 об.].

15 марта 1943 г. прошло очередное заседание районного исполкома, на котором были приняты меры по мобилизации населения. Необходимо было создать два рабочих батальона в ст. Семикаракорской и х. Сусате. Для этого нужно было организовать трудоспособное население (мужчин в возрасте от 16 до 55 лет, женщин от 16 до 50 лет). От трудовой мобилизации были освобождены инвалиды, беременные женщины (на поздних сроках), кормящие женщины и те, у кого дети не достигли 8 лет. При этом оговаривалось,

что освобождаются они в случае отсутствия других членов семьи, способных ухаживать за малыми детьми. Мобилизованные в трудовые батальоны должны были иметь при себе железную лопату, топор (на 10 человек), поперечную пилу, продуктовый запас на 10 дней. Период привлечения на работы определялся в 30 дней. Те, кто не имели продуктов питания, получали их из колхозного фонда. Данные мероприятия проводились с целью строительства оборонительных сооружений.

В начале апреля 1943 г. на имя председателя Семикаракорского райисполкома поступили обращения граждан данного района о пересмотре изъятого тройкой имущества, трудоустройстве и предоставлении «живности» для существования. В этих письмах встречаем несколько любопытных сюжетов. Одна из жительниц сообщает, что ее дочь «Июлия Терентьевна Козленко вышла замуж в 1942 г. за Алексея Ивановича Баева прожила с ним один год, у меня на квартире до 1943 года. В 1943 году его забрали с собой немцы» [3: 32]. Далее гражданка утверждала, что комиссия (тройка) в ходе выполнения решения райисполкома неправомерно описала ее имущество, так как оно принадлежало «специально» ей.

Ряд документов дела представляют собой заявления граждан, проживавшие в Семикаракорском районе, о принятии их на работу. Характеризуются мотивы трудоустройства, а также обстоятельства появления новых жителей в районе. Например, Черниховская Александра Максимовна закончила «педрабфак и поступила в юридическую школу», которую закончила в 1940 г. В 1942 г. была эвакуирована в Семикаракорский район «с 2-мя детьми, свекровью и золовкой. <...> Работала немного в колхозе, но после прихода немцев свекруха и золовка ушли, т.к. они евреи и их бы все равно забрали» [3: 31]. Она осталась одна с детьми и стала «менять все что было». Далее А.М. Черниховская просит устроить ее инструктором районного исполнительного комитета [3: 31 об.].

Жительница ст. Семикаракорской Клавдия Савина до войны работала комсомольским организатором, потом на почте. После освобождения станицы устроилась в госпиталь ухаживать за ранеными бойцами, но после отъезда госпиталя осталась без работы и просила помочь «устроиться» [3: 40 об.]. Мария Филипповна Чулкова, проживавшая в х. Маломечетном, в заявлении отмечала

нанесенный ущерб «во время бомбежки немецкими войсками нашего хутора». По ее словам, пострадал ее дом, который полностью был разрушен, «кроме этого, убило корову и свинью» [3: 47]. М.Ф. Чулкова просила райисполком предоставить ей корову и помочь в постройке «жилого помещения». Представители Большемечетновского райсовета незамедлительно ответили заявителю о невозможности возмещения коровы из колхозной молочно-товарной фермы «или же другой какой организации» [3: 49]. Но заверили, что райисполком может предоставить скидку и льготы на восстановление жилища.

Пелагея Васильевна Пономарёва из х. Большемечетного в заявлении писала, что ее мужа Алексея Архиповича Пономарёва немецко-фашистские захватчики арестовали за партизанскую деятельность, и больше никаких сведений о нем она не получала. Во время бомбежки она уехала из своего дома, и все вещи были разграблены. Не имея средств существования, она просила райсовет оказать «материальную помощь, как пострадавшей от немецких оккупантов» [3: 107].

В ряде заявлений встречается обоснование наличия у жителей Семикаракорского района имущества, которое было выдано им в оккупационный период. Так, Марии Логвиновне Милюковой, проживавшей в х. Сусате, немецкие солдаты выдали из колхоза «телку рождения 1942 года» взамен изъятой ими же двухлетней телки. Напомним, что по решению райисполкома подобное имущество подлежало сдаче в государственный фонд. Остальное ее имущество состояло из «3-х кур и жилой хаты», которую занимали еще трое детей и мать [4: 1].

В сведениях о других населенных пунктах мы встречаем обстоятельство изъятия имущества у граждан. Правлением колхоза «12-я годовщина Октября» Новозолотовского сельского поселения у А.И. Иванова был изъят «хлеб 4 мешка». По сообщению заявителя, этот хлебный запас он получил от жителей хутора: «Я людям плел плетни, подчинял валенки, а бабка пряла шерсть, вязала людям и все за хлеб за продукты» [4: 3]. Он также упоминал о своем возрасте и возрасте супруги: «мне 83 года и бабке 73 года». У Пелагеи Алексеевны Черновой, проживавшей в ст. Семикаракорской, изъяли «2 мешка зерна, 15 кусков сала <...> в виду того что мой сын работал в по (фрагмент текста утерян – В.К.) при немцах [4: 4].

Решения по заявлениям на возвращение изъятого имущества зачастую были отрицательными. Но нельзя не сказать и о положительном результате: решением Семикаракорского исполкома Е.Н. Тарелкиной, проживавшей в х. Большемечетном, ввиду действительной утраты жилища, коровы и уничтожения иного имущества, предписывалось вернуть корову из колхоза (молочно-товарной фермы) [4: 56].

В сводной ведомости о причиненном ущербе гражданам Семикаракорского района описана стоимость отобранного, похищенного и уничтоженного имущества, а также прочие виды ущерба. Общая сумма составила 20 833 677 руб. Из них: отобранное, похищенное, уничтоженное, включая затраты по ремонту поврежденного имущества, – 16 427 116 руб. Стоимость погибшего имущества – 1 511 216 руб. [4: 67]. Например, х. Дурновскому – колхозу имени Молотова – воздушными бомбардировками и силами артиллерии был нанесен ущерб на сумму 648 250 руб. [4: 113]. За период оккупации (16 июля 1942 г. – 20 января 1943 г.) полностью было разрушено 66 жилых дома, частичное повреждение получили 26 домов [4: 66]. В отношении жителей Большемечетновского сельсовета встречаются следующие суммы ущерба: Раиса Александровна Ефремова – 11 537 руб., Захар Иванович Чулков – 43 540 руб., Просковья Ивановна Шабанова – 100 руб. [4: 70], Мария Павловна Давыдова – 36 000 руб. [4: 71].

В том же 1943 г. Семикаракорский исполком райсовета занимался возобновлением работы клубов, изб-читален, красных уголков и библиотек, руководствуясь следующим планом. Во-первых, предполагалось привлекать к данной работе исключительно «проверенных и идейно-выдержанных товарищей». Во-вторых, предписывалось предоставить здания для культурно-просветительских учреждений, даже если в этих зданиях в это время находились колхозы. В-третьих, нужно было произвести ремонтные работы, «вывесить портреты, лозунги, диаграммы». Отмечалось, что важно показать героическое прошлое народа, используя музейный принцип работы [4: 17]. Наряду с данными мерами, необходимо было привлекать молодежь в кружки художественной самодеятельности, ансамбли, оркестры, развивать периодическую печать, проводить агитационную деятельность, отражающую вклад тыла в победу над врагом. В период весенних работ

политико-просветительскую деятельность предлагалось перенести в колхозные бригады, полевые станы и т.д. [4: 17 об.].

Не последнее место в социальной политике региона занимал вопрос о боеспособности тыла. Так, в апреле 1943 г. Ростовский областной исполнительный комитет оповещал местный исполком о том, что восстановительные работы ведутся очень медленно, физическое воспитание граждан Семикаракорского района оставляет желать лучшего и необходимо предпринять меры [3: 61]. Председатель областного комитета по делам физической культуры и спорта Фетисов представил план подготовки по военно-прикладным видам спорта в данном районе на 1943 г. Этот план предполагал занятия по рукопашному бою и маршевой подготовке (10 человек), обучение плаванию и водным переправам (30 человек) [3: 60]. Прилагался приказ, предписывавший повышение «качества работы физкультурников, организаций в деле физической подготовки резервов Красной Армии». Говорилось о необходимости своевременного ремонта инвентаря и спортивных баз; проведении воспитательных мероприятий в соревновательном духе, но с премированием лучших команд. Приказ был обязательным для учета во всех городах и районах области [3: 62].

К середине 1943 г. в Семикаракорском районе наблюдался приток населения за счет эвакуированных. К 1 июля численность эвакуированных в Большемететновское сельское поселение составила 50 человек [2: 10 об.]. В Топилинский сельсовет поступило 75 человек [2: 15], а в Кочетовский – 28 человек [2: 20].

Таким образом, уже в первые дни после освобождения Семикаракорского района от немецко-фашистских захватчиков проводились заседания райисполкома по учету и устранению ущерба, нанесенного врагом. Осуществлялись противоэпидемиологические мероприятия, собирались налоги, население привлекалось к строительству укреплений. В рамках социальной и экономической политики в Семикаракорском районе предполагалось восстановить колхозы путем не только активного участия населения в данном процессе, но и возврата имущества, которое принадлежало государству (по мнению местной администрации). Об этом свидетельствовали письменные заявления жителей станиц и хуторов в Семикаракорский райисполком и сельсоветы.

В данных документах есть несколько примечательных сюжетов. Во-первых, в них фиксировались обстоятельства наличия у заявителя имущества (как правило, речь шла о коровах) или его получения. Во-вторых, по всей видимости, данные документы составлялись по определенной форме, по которой жители описывали обстоятельства возврата имущества и необходимости государственной поддержки в рассматриваемом районе. В-третьих, по данным заявлениям можно проследить характер взаимоотношений жителей с немецкой администрацией и установить обстоятельства деятельности оккупационной власти в сельской местности. В большинстве случаев поданные заявления сельского населения на возмещение коров и иного имущества не имели положительного исхода.

Количественные показатели, приведенные в районных документах, показывают, что ущерб, нанесенный оккупантами как государственному имуществу, так и частным лицам, был серьезным. Одним из средств поддержки эвакуированного населения в Семикаракорский район было трудоустройство. Иные постоккупационные мероприятия включали возобновление работы клубов, читален и библиотек, а также повышение боеспособности тыла.

Источники и литература

1. Муниципальный архив Семикаракорского района (далее – МАСР). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2.
2. МАСР. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 5.
3. МАСР. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 6.
4. МАСР. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 7.

Е.А. Головина

РАБОТА СТАЛИНГРАДСКОГО САНИТАРНО- БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сталинградская область в годы Великой Отечественной войны столкнулась со сложнейшими вызовами в сфере санитарии и эпидемиологии. Огромные потоки эвакуированного населения с запада СССР на восток, организация и прием большого количества раненых с фронта в первый период войны сменились боевыми

действиями на территории региона с лета 1942 г. по февраль 1943 г., что привело к разрушению большинства инфраструктурных объектов регионального центра и многих районов области. Всё это создавало благоприятную среду для возникновения вспышек и эпидемий опасных инфекционных заболеваний. Чтобы предупредить массовые заболевания и не допустить дальнейшего распространения появившихся инфекций, в области проводилась широкая противоэпидемическая работа. В ней принимали участие различные ведомства и организации, как существовавшие в довоенное время (сталинградская противочумная станция, государственная санитарная инспекция), так и созданные уже в период войны (областная полномочная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия). Боролись с эпидемиями сотрудники и студенты Сталинградского и Астраханского медицинских институтов.

Судьба части учреждений в военное время освещена в исторической литературе. Это деятельность сталинградской санитарной службы [10], Сталинградской противочумной станции [8], работа Сталинградского медицинского института [9] по всем направлениям, включая противоэпидемическое. Кроме того, усилия санитарных служб области упоминаются во многих статьях, посвященных санитарно-эпидемическому состоянию Сталинградской области в годы войны. К примеру, в работах И.А. Лысенко [7], О.А. Куницыной [6], И.В. Чернышевой [12], А.Е. Епифанова и Е.Е. Красноженовой [4]. Однако противостояние опасным инфекциям в Сталинградском санитарно-бактериологическом институте в военное время нигде не было отражено. Работе этого учреждения в военное время и посвящена данная статья.

Сталинградский санитарно-бактериологический институт (далее – санбакинститут) был создан в 1930 г., после реорганизации санитарно-бактериологической лаборатории города [5: 96]. Он стал ведущим научным санитарно-противоэпидемическим центром региона.

Военное время привнесло изменения в характер и объем работы санбакинститута. Можно выделить два периода работы учреждения: с 1941 г. по 24 августа 1942 г., когда институт был уничтожен налетом вражеской авиации на Сталинград, и с 15 мая 1943 г. по 1945 г.

К началу Великой Отечественной войны сталинградский санбакинститут имел хорошую материальную базу. Он занимал два

двухэтажных кирпичных здания в центре города. Общая площадь помещений составляла 600 кв. м. Имелись и надворные постройки площадью около 300 кв. м (виварий, гараж, конюшни), оборудованные подвалы для хранения стекла и биопрепаратов [2: 31]. Институт был обеспечен всем необходимым оборудованием и материалами для работы. Была собрана хорошая библиотека, насчитывавшая до 15 тыс. книг [2: 32]. Возглавляла учреждение доктор Е.С. Донченко, коллектив насчитывал 86 человек. Консультантом института был профессор И.А. Сутин – заведующий кафедрой микробиологии Сталинградского медицинского института, видный специалист по паратифозным инфекциям [11: 71]. Среди наиболее именитых сотрудников учреждения можно отметить замдиректора и заведующего санитарно-гигиеническим отделом Н.Н. Литвинова. Он совмещал научную работу с преподаванием – работал в Сталинградском медицинском институте на кафедре общей гигиены (с 1943 г. – заведующим кафедрой) – и с практической деятельностью – с 1933 г. возглавлял государственную санитарную инспекцию Сталинграда [3].

Деятельность санбакинститута строилась по трем направлениям, каждому из которых соответствовал свой отдел. В эпидемиологическом отделе изучали кишечные и детские инфекции, работала серологическая лаборатория. Производственный отдел имел пять отделений (фаговое, коревое, антирабическое, производство сред, антигенное). Санитарно-гигиенический отдел имел три отделения: коммунальной гигиены, пищевой гигиены (при котором были бактериологическая и химическая лаборатории) и отделение промышленной гигиены и санитарии [2: 31]. Такая структура закрывала основные потребности динамично развивавшегося промышленного центра, которым являлся Сталинград начала 1940-х гг.

Изменения военного времени вначале коснулись кадрового состава. В первые месяцы войны в действующую армию были призваны шесть врачей, затем выбыл заведующий отделением пищевой гигиены доктор А.Д. Мерш, а в декабре – заведующий эпидемиологическим отделом кандидат медицинских наук К.Д. Пяткин. Была мобилизована и часть среднего медицинского персонала [2: 32].

С осени – зимы 1941 г. санбакинститут стал работать в урезанном составе. Вместе с тем нагрузка, особенно на производственный отдел,кратно возросла в связи с осложнением санитарно-

эпидемической обстановки в городе (с началом эвакуации население Сталинграда к концу 1941 г. увеличилось в два раза, до 800 тыс. человек [1: 63]). Уже к концу 1941 г. стало ухудшаться и материальное обеспечение института, не хватало части средств и оборудования. Тем не менее свои задачи санбакинститут выполнял.

В 1941 г. было произведено 3 тыс. л поливалентного дизентерийного бактериофага, в 1942 г. (за 7 месяцев работы учреждения) – более 3 тыс. л; по 500 л коревой сыворотки в 1941 и 1942 гг. Эти объемы удовлетворили возросший спрос на данные препараты. Пастеровское отделение непрерывно изготавливало необходимые объемы антирабической вакцины. С августа 1941 г. по спецзаданию Народного комиссариата здравоохранения РСФСР для Красной армии были изготовлены тифозные, дизентерийные сыворотки, диагностикумы тифозно-паратифозной группы, больше 3 тыс. л различных питательных сред. В 1942 г. дополнительно были приготовлены раневые фаги (стафилококковый, стрептококковый и протейный), проводились наблюдения за их применением в госпиталях Сталинграда. Отделение питательных сред под руководством М.А. Беликовой выполнило большую работу по замене остродефицитных материалов. К примеру, были внедрены в практику кукурузные среды для работы фагового отделения [2: 33].

Сотрудниками санбакинститута проводилась и научная работа, связанная в основном с эпидемиологией города и области. Среди тем сотрудников были: эпидемиологическое наблюдение над заболеваемостью скарлатиной и дифтерией в Сталинградской области (К.Д. Пяткин), причины диареи у детей в Сталинграде (М.А. Беликова и З. Варламова), заболеваемость корью в Сталинградской области (Е.С. Донченко), обследование рыночного молока Сталинграда на бруцеллез (С.В. Макарова), изучение динамики дизентерии в Сталинграде (В.И. Спицкая), получение витаминных экстрактов из хвои (Елагина) и др. [2: 34]. Были и незавершенные в связи с мобилизацией врачей-исследователей работы. Даже в военной обстановке в институте проводились регулярные научные конференции, а сотрудники участвовали в работе научных обществ.

Институт занимался и обследованиями. Так, ввиду появления случаев менингита, были обследованы на менингококки сталинградские школьники; обследованы на бруцеллез восемь районов,

примыкающих к Сталинграду; два района – на туляремию. Велось изучение типажа дифтерийных палочек в городе. Большая работа в 1942 г. была проведена по обследованию на холеру. Для этого с 16 июля 1942 г. при институте была развернута бактериологическая лаборатория (начальник К.В. Филатова) с круглосуточным дежурством. За короткое время лабораторией было выполнено более 5 тыс. исследований.

Санбакинститут занимался и подготовкой кадров. Перед войной, в июне 1941 г., произвели очередной выпуск 35 лаборантов в двухгодичной школе. В августе провели второй набор уже по сокращенной программе. В том же месяце 1942 г. этот набор численностью 36 человек выпустили. Многие из выпускников были мобилизованы на фронт в качестве среднего медперсонала. Кадры готовились непосредственно предоставлением рабочих мест в институте и его лабораториях, на специальных курсах [2: 35].

После массированных бомбардировок Сталинграда 24 августа 1942 г. институт временно прекратил свое существование: его здание было разрушено, всё имущество погибло. Возрождение работы учреждения произошло уже в 1943 г. По решению исполкома сталинградского областного совета от 11 апреля 1943 г. с 15 мая этого года началось восстановление санбакинститута [2: 31], которым руководил теперь И.А. Сутин [2: 36].

Учреждение располагалось в маленьком помещении при 9-й больнице в Бекетовке Кировского района Сталинграда. Небольшое количество материалов (посуды, реактивов) предоставил Саратовский институт микробиологии. Работа была начата в качестве серологической лаборатории. К 1 июля 1943 г. там работали один врач (А.А. Стрельцова) и 5 человек обслуживающего персонала.

В сентябре стали возвращаться врачи: В.И. Спицкая, Е.С. Донченко, К.В. Филатова. Сам институт переехал в две комнаты в помещении Сталинградского мединститута. К концу 1943 г. в штате учреждения было 18 человек, проходили стажировку три лаборанта и один врач.

Постепенно работа основных отделений (бактериологического, коревого, антирабического, санитарно-гигиенического) восстанавливалась. Для коревого отделения выделили небольшое помещение при областной станции переливания крови. С 15 ноября санбакинститут начал давать готовую продукцию. Несмотря

на крайне скудную материальную базу (не было столов, шкафов, своего оборудования), в 1943 г. было проведено 4715 разных анализов, изготовлено 1500 куб. см диагностикума и 20 л коревой сыворотки.

Сотрудники института выезжали с эпидобследованиями в Калининский и Мачешанский районы (А.А. Стрельцова), а профессор И.А. Сутин вылетал по спецзаданиям облздрави в Ленинск, Арчеду и Иловлю. В Иловле он помог в ликвидации вспышки брюшного тифа [2: 36]. Институт провел цикл занятий по холере для медиков города и районов области.

В 1944 г. продолжилось восстановление санбакинститута, но достичь показателей 1941 г. не удалось из-за отсутствия собственного помещения и нехватки квалифицированных кадров. Исполком облсовета 6 октября 1944 г. принял решение о переводе всего института в помещение станции переливания крови, но это не было реализовано даже в 1945 г.

В том году к четырем работавшим отделениям добавилось эпидемиологическое, которое должно было стать ведущим, но этого не произошло из-за отсутствия специалиста-эпидемиолога. Возглавлявшая его врач А.А. Стрельцова имела другую специализацию. Полностью укомплектованными были только коревое и антирабическое производственные отделения. Отмечалась хорошая работа бактериологического отделения. Не обеспеченным работниками оставалось санитарно-гигиеническое отделение. Таким образом, работа санбакинститута в 1944 г. состояла из трех направлений: организационного (обследования, аналитическая работа, подготовка кадров), производственного и научного [2: 37–38].

Институт оказал методическую и материальную помощь 11 районным лабораториям, восстановил пять антирабических пунктов и открыл новый в Николаевском районе, обследовал коревой пункт г. Камышина. Активно проходил сбор необходимой аппаратуры и материалов для работы всех отделений.

Специалистами института были обследованы 2797 работников пищевой промышленности на бациллоносительство, столовые крупнейших предприятий Сталинграда (Сталинградского тракторного завода, заводов «Баррикады», «Красный Октябрь», № 221).

Ввиду отсутствия других работавших бактериологических лабораторий в городе и районах области, все анализы выполнялись

в санбакинституте. Так, за 1944 г. им было сделано 10 075 анализов: серологических, бактериологических и санитарно-гигиенических. Проводились исследования на выявление брюшного тифа. Антирабическое отделение оказало амбулаторную помощь 73 укушенным, сделало прививки 586 людям [2: 38–39].

При институте прошли месячную стажировку четыре врача и шесть лаборантов водздравотдела, железной дороги, городской и районных лабораторий. С 1 ноября были запущены четырехмесячные курсы медицинских лаборантов на 25 человек.

Сотрудники института совершили 13 выездов в районы области по брюшному тифу, кори, септической ангине, для обследования пищевых блоков. Они также выезжали в Саратов на конференцию по особо опасным инфекциям, в Москву и Астрахань – за оборудованием.

В том году в институте произвели 311,2 л коревой сыворотки, 29,5 л диагностикумов, 2258 куб. см антирабических вакцин. План по коревой сыворотке и антирабической вакцине по Филипсу перевыполнили, а вот производство вакцины по Ферми и диагностикумов значительно отставало от плановых показателей.

Основным вопросом научных работ был анализ собранного материала по инфекциям в Сталинградской области: вспышкам септической ангины, острым пищевым токсикоинфекциям, брюшному тифу. За год было проведено четыре научные конференции с выступлениями ведущих специалистов санбакинститута [2: 40–41].

В 1945 г. улучшилось материальное снабжение института, но недостаток в помещениях существенно ограничивал возможности роста объемов работы. Сотрудники учреждения посетили различные курсы по повышению квалификации в Москве. В результате институт смог приступить к выработке пенициллина и подготовиться к получению сухого дизентерийного фага.

В 1945 г. директором санбакинститута вновь стала Е.С. Донченко. К концу года появилось два новых врача. Работа строилась по тем же направлениям, что и в 1944 г., но в деятельности санитарно-гигиенического и эпидемического отделов наметилось улучшение.

В этом году было проведено 8107 различных анализов, привито от бешенства 150 человек. Изготовлено 300 л противокоревой сыворотки, 40 л диагностикумов и антирабические вакцины. Кроме

того, произведено 9500 куб. см нативного пенициллина и получены опытные образцы сухого дизентерийного фага. Из-за отсутствия помещения производство сухого фага признали невозможным и освоили методику производства жидкого [2: 43–44].

Летом специалисты выезжали в Клетский, Солодчинский, Среднеахтубинский районы. В Клетском районе впервые диагностировали бруцеллез, была развернута работа по ликвидации вспышки и выявлению зараженных. В Руднянский район сотрудники санбакинститута выезжали по сыпному тифу, в Красноармейский – по вопросу пищевого отравления [2: 45].

Продолжалась научная работа по инфекциям на материалах Сталинградской области. При изучении одной из вспышек пищевых отравлений была доказана ее химическая природа – отравление окисью цинка. Результаты исследования институт передал в государственную санитарную инспекцию. За 1945 г. было проведено шесть конференций, одна из которых совместно с мединститутом, и 12 производственных совещаний [2: 46].

В марте 1945 г. институт выпустил 30 лаборантов, окончивших четырехмесячные курсы. Выпускники начали работу в институте и районных лабораториях области. Новый набор был открыт с сентября [2: 47].

Таким образом, сталинградский санбакинститут оставался практически весь военный период на переднем крае в борьбе с инфекциями. Испытывая огромные сложности с организацией работы, врачи и лаборанты института продолжали свой нелегкий труд, оказывая необходимую помощь жителям и учреждениям Сталинграда и области. Их деятельность внесла существенный вклад в профилактику и ликвидацию заразных болезней, обеспечив приемлемый уровень санитарного состояния региона, на территории которого развернулись масштабные военные действия. Тем самым были сохранены здоровье и работоспособность жителей и защитников Сталинграда, что также отразилось на исходе военных действий и последующего восстановления города-героя.

Источники и литература

1. Булюлина Е.В., Головина Е.Л., Лысенко И.А. Санитарно-эпидемическое состояние Сталинградской области и работа органов здравоохранения в 1941–1945 гг. // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 2. С. 62–78.

2. Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-6069. Оп. 1. Д. 1.
3. Замылина С.В. К 130-летию Николая Николаевича Литвинова // Безформата. Волгоград. URL: <https://volgograd.bezformata.com/listnews/letiyu-nikolaya-nikolaevicha-litvinova/122568785/> (дата обращения: 24.04.2024).
4. Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е. Организация и проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий в Сталинграде и отдельных районах Сталинградской области (1942–1943 гг.) // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 1. С. 162–174.
5. Комиссарова Е.В., Петрова И.А., Кибасова Г.П. Волгоградский государственный медицинский университет: у истоков традиций // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2012. Вып. 1 (41). С. 95–99.
6. Куницына О.А. Эпидемическая обстановка в Сталинграде и области в 1942–1943 гг. Борьба с инфекционными заболеваниями // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной к 75-летию окончания Второй мировой войны. Волгоград, 2020. С. 186–189.
7. Лысенко И.А. Эпидемическая обстановка в Сталинграде и области в 1941–1942 гг. // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Вып. 17: материалы XXXII Волгоградских областных краеведческих чтений (с международным участием), посвященных 800-летию со дня рождения князя Александра Невского. Волгоград, 2021. С. 168–171.
8. Сталинградская ПЧС [противочумная станция] в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <http://vnipchi.rosпотреbnadzor.ru/about/Victory/PCHS/?ysclid=ltbaffc8w6283140370> (дата обращения: 24.04.2024).
9. Сталинградский государственный медицинский институт в Сталинградской битве / О.С. Киценко, Р.Н. Киценко, Е.В. Комиссарова, И.А. Петрова. Волгоград, 2018.
10. Сукачева О.А. Санитарный кордон: страницы истории санитарно-противоэпидемической службы Царицына – Сталинграда – Волгограда. Волгоград, 2009.
11. Хайтович А.Б. Профессора кафедры: заведующий кафедрой микробиологии в период Великой Отечественной войны Сутин Илья Аронович // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины. 2022. Т. 12. № 1. С. 69–77.
12. Чернышева И.В. Санитарно-эпидемическая обстановка в Сталинграде в 1941–1943 гг. // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2015. № 1. С. 3–7.

А.С. Линченко**РОЛЬ ОТДЕЛОВ РАБОЧЕГО СНАБЖЕНИЯ И ПОДСОБНЫХ
ХОЗЯЙСТВ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
СТАЛИНГРАДА В РЕШЕНИИ ВОПРОСА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАВОДСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В 1941–1953 гг.**

В комплексной характеристике жизни советского общества в период Великой Отечественной войны и первое десятилетие после ее окончания важное место занимает вопрос обеспечения населения продовольствием. В настоящей статье на материалах Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО) раскрываются особенности продовольственного снабжения заводских коллективов Сталинграда в названный период.

Еще накануне битвы на Волге, согласно решению исполкома Сталинградского областного совета депутатов трудящихся от 23 мая 1942 г., на базе продовольственной торгово-складской сети, транспортных и подсобных хозяйств Краснооктябрьского торгова, на металлургическом заводе «Красный Октябрь» предполагалось организовать отдел рабочего снабжения (далее – ОРС) [4: 259–259 об.]. Магазины № 2–48 размещались в следующих местах: старый базар; новый базар; ул. Карусельная; Новый городок; Северный городок; «Лазурь», а ларьки № 3–5 – в районе поселков Тир, Разгуляевка и Новостройка. После окончания Сталинградской битвы продолжала существовать карточная система питания. Особенно было тяжело первым поселенцам из заводского поселка и многосемейным. Снабжение еще не было налажено. Продукты питания доставлялись из-за Волги или из Бекетовки. С наступлением весенней распутицы снабжение очень осложнилось. Временами голодали, ходили за проросшим зерном на затонувшие осенью 1942 г. у берега баржи с зерном. Из него готовили себе пищу. Но с каждым днем обслуживание на предприятии улучшалось. В мае в цехе ширпотреба была восстановлена печь для выпечки хлеба. Затем стали выпекать хлеб в разрушенных хлебозаводах № 2 и № 4, открывались столовые, где кормили супом и кашей. В подвальных помещениях размещались хлебно-продуктовые ларьки [4: 259–259 об.; 6: 127].

Аналогичным образом складывалась ситуация в сфере снабжения на главном источнике энергообеспечения предприятий

города – Сталинградской государственной районной электростанции (далее – ГРЭС). Так, решение исполкома Сталинградского областного совета депутатов трудящихся 21 июня 1942 г. содержит следующую информацию об организации ОРСа на предприятии Сталинградской ГРЭС и сети:

1. Согласно основанию постановления Совета народных комиссаров СССР (далее – СНК СССР) № 818-424с от 30 мая 1942 г. надлежало произвести передачу Сталинградской ГРЭС продовольственной торгово-складской сети, столовые, наличные товары, инвентарь, транспорт и подсобно-производственные предприятия, огороды и свинарники, а также молочные, рыбные и прочие предприятия Кировского торгового наряда с городским трестом столовых, которые обслуживали непосредственно контингент указанного предприятия.

2. Сталинградский горсовет в лице Д.И. Пигалева и управляющего Сталинградским энергокомбинатом А.Н. Землянского был обязан произвести прием и передачу названной сети в декадный срок и полном соответствии с постановлением Совнаркома СССР № 254 от 15 февраля 1936 г. и инструкции народного комиссара финансов, народного комиссара юстиции и Государственного арбитража при СНК СССР от 26 мая 1940 г. – безвозмездно по балансу на 1 мая 1942 г. с активом и пассивом.

3. Существующую систему снабжения ненормированными продовольственными товарами торговой сети и столовых ОРСа Сталинградской ГРЭС предписывалось сохранить через базы государственных (совхозов) и кооперативных (колхозов) организаций.

4. Сталинградский горсовет в лице Д.И. Пигалева и областной земельный отдел, возглавляемый товарищем Зайцевым был обязан отвести земельный участок в непосредственной близости от данного предприятия. Кроме того, было необходимо выделить кормовые угодья (сенокосы, пастбища) за счет свободных земель государственного земельного и лесного фондов.

5. Вся продукция подсобных хозяйств ОРСа Сталинградской ГРЭС, кроме части, подлежащей сдаче государству, поступала в распоряжение ОРСа предприятия, с целью улучшения питания, путем применения поощрительной системы для стахановцев и ударников.

6. Этим же указом из Кировского торгога передавались магазины № 38 и № 50 с подсобными помещениями, овощной ларек при промышленной базе, а также склад промтоваров с надворными постройками. Кроме того, в собственность предприятия передавалась третья часть овощехранилища, один ледник со льдом и две засолочные ямы [5: 46–46 об.].

В условиях перемещения центра военных действий на юго-восток европейской части РСФСР весной – летом 1942 г. у советского руководства возникли серьезные опасения насчет возможной оккупации вермахтом и дальнейших утрат территорий плодородных почв, главным образом расположенных в предгорьях Кавказа, на Северном Кавказе и Закавказье. Одним из ведущих направлений данного региона в разведении сельскохозяйственных культур являлось выращивание чая, а также кофе и табака. Таким образом, следовало не допустить, чтобы возник дефицит в снабжении данной продукцией продовольственных баз и торговых точек, находящихся в собственности отечественных предприятий. Для этой цели СНК РСФСР поставил следующие задачи: организовать заготовку сырья для производства заготовителей натурального чая и кофе в течение 1942 г., о чем свидетельствует постановление № 117 от 22 июня 1942 г. [5: 121].

Этим же решением предписывалось обязать местные торговые организации в сезон 1942 г. в отведенных им для заготовок плодовых овощей районах области развернуть заготовку листьев клубники, земляники, малины, ежевики, яблони и вишни в следующем объеме:

а) отдел рабочего снабжения Сталинградского тракторного завода (далее – СТЗ) – 1,0 % со сдачей Ерманскому торгу;

б) отдел рабочего снабжения завода № 221 «Баррикады» – 1,0 % со сдачей Ерманскому торгу;

в) отдел рабочего снабжения завода котельного оборудования (далее – ЗКО) – 1,0 % со сдачей Ерманскому торгу. Итого 3 т.

Кроме того, начальник Облпищепрома Бирюков брал на себя обязательство обеспечить выработку в течение года на предприятиях плодотреста 6 т чайных напитков из отходов плодово-ягодного сырья, выжимки плодов и ягод, в том числе плодозаводам: Среднеахтубинскому (3 т), Акуловскому (1 т), Бурлукскому (0,5 т), Поповскому, Сарычевскому и Бурацкому плодопунктам (0,5 т) [5: 121].

В ходе заготовительного процесса между представителями предприятий нередко возникали дискуссии на предмет сроков предупреждения о вероятной невозможности предоставления вагонов на обменный пункт. Так, в решении исполкома Сталинградского областного совета № 36/65 от 27 июня 1942 г. содержится информация о поступивших с завода «Красный Октябрь» жалобах на решение Госарбитража от 28 марта того же года относительно преддоговорного спора между СТЗ и ЗКО. Согласно данному решению, руководство Сталинградского тракторного завода обязывалось предупредить представителей завода «Красный Октябрь» в случае неподачи подвижного состава. Согласно § 2 в первом абзаце дополнения текста документа, за данный недочет предусматривалась выплата не более 100 руб. Третий абзац того же параграфа после дополнения принимался в следующей редакции: «При предоставлении вагонов с опозданием против времени, установленного вторым параграфом договора... обусловленный договором срок возврата вагонов соответственно удлиняется». Таким образом, решение Госарбитража оставалось в силе [5: 165].

ОРС на Сталинградском тракторном заводе начал свою деятельность 6 ноября 1941 г. После окончания боев за город и победы в Сталинградской битве встали новые вопросы и задачи по дальнейшему продовольственному снабжению областного центра и промышленных предприятий. Согласно годовому отчету ОРСа СТЗ за 1943 г., помещения отдела были полностью разрушены в ходе неприятельских бомбардировок и обстрелов, как и здания фабрики-кухни, цеховых столовых, магазинов, а также овощехранилища с инвентарем, которые были превращены в руины. Наряду с этим отсутствовала необходимая тара [1: 199–213].

Свою деятельность ОРС начал с того, что организовал бригаду по восстановлению полуподвальных помещений и других помещений для столовых, расположенных на цокольном этаже. Бригада строителей в составе 50 человек за короткий срок подготовила для питания работников предприятия столовую в полуподвале тракторного цеха и столовую в развалинах фабрики-кухни. Одновременно с этим выделялось значительное количество трофейных кухонных принадлежностей: армейской немецкой посуды, бачков и другого столового инвентаря. Так в тяжелых условиях военного времени началась работа отдела рабочего снабжения

СТЗ в непригодных помещениях. Всего за отчетный период предприятием было восстановлено и приспособлено под данные помещения шесть объектов на заводской территории: пункт общественного питания, торговли, промпредприятия (швейная, сапожная и часовая мастерская, парикмахерская), а также хлебопекарня, рыбхоз и подсобное хозяйство (совхоз). На 1 января 1944 г. было открыто 13 столовых с кухнями, производственная мощность которых составляла 55 тыс. блюд, а средняя производительность равнялась 49 тыс. блюд в сутки [1: 199–213].

Кроме того, руководством завода при общепите были организованы лудильно-механическая мастерская, прачечная и цех по обработке рыбы. В торгово-заготовительном секторе открылось пять магазинов и два ларька (с 20 рабочими местами), организовано и построено четыре склада (на 200 т) с овощехранилищем (30 засолочных ям на 700 т), а также два заготовочных пункта. Силами рабочих совхоза было восстановлено два коровника на 130 голов и один свиноводник на 300 голов. Отремонтировано 12 домов на 12 квартир, введены в строй оросительные сети на 45 га и восстановлена плотина на 20 га поливной площади. Готовилась к введению в эксплуатацию плотина, поливная площадь которой составляла 300 га [1: 199–213].

Помимо основных мероприятий в организации торговли, было организована швейная мастерская, ее штат составлял 60 мастеров (как специалистов швейного дела, так и сапожников, парикмахеров, часовщиков и пр.). Открылась хлебопекарня производительностью 10 т хлеба в сутки. На самостоятельном балансе находилось только два совхоза, а остальные предприятия были на централизованном учете. Розничный товарооборот и отоваривание продовольственных карточек при равномерном завозе в течение второго и третьего квартала проходили бесперебойно и своевременно [1: 199–213].

Для обеспечения улучшенного питания работников предприятия основное внимание было уделено своевременному посеву сельскохозяйственных культур, однако значительная часть площадей, отведенных заводу под посевы, имела в почве не разоравшиеся боеприпасы. Постепенно саперы их обезвреживали, а особо опасные участки изолировали. Все основные средства (движимые и недвижимые) в двух приданных совхозах ОРСа были полностью разрушены и уничтожены немецко-фашистскими оккупантами,

поэтому коллективу пришлось заново строить подсобные хозяйства. В январе 1944 г. у завода имелось четыре таких хозяйства:

а) совхоз «Коммунист», переданный в ведение ОРСа из спецтреста 14 февраля 1942 г. Основным направлением совхоза являлось животноводство (свиноводство), и он был государственным животноводческим предприятием (хозяйством). Значимый вес в хозяйстве предприятия занимали овцеводство, птицеводство, пчеловодство и крупный рогатый скот. Располагался совхоз в Медведицком районе Сталинградской области на расстоянии 350 км от города;

б) совхоз «Паньшино» до начала боев за Сталинград имел в качестве основного направления овощеводство. Он находился в Иловлинском районе в 75 км от областного центра;

в) совхоз «Тракторный» был заново организован после освобождения от немецко-фашистской оккупации. Его главным направлением были овощеводство и бахчеводство. Предприятие входило в черту Тракторозаводского района Сталинграда;

г) совхоз «Дударинский» был организован в октябре 1943 г. Ведущим направлением являлись растениеводство и овощеводство на орошаемом участке площадью 550 га. Территория совхоза располагалась во Фроловском районе в 180 км от волжской твердыни.

Общая площадь всех четырех совхозов составляла 5031 га, из них площадь пашни – 3577 га и поливочно-орошаемой системы – 665 га [1: 199–213].

Основной проблемой в условиях разрухи военного и послевоенного периода явилось отсутствие тягловой рабочей силы и острая нехватка горючего. Так, например, в совхозе «Коммунист» было полностью разрушено теплично-парниковое хозяйство. Собрать первый урожай работникам предприятия удалось лишь осенью 1943 г. после строительства новых теплиц. Отрицательно сказывалась на уборке урожая зерновых культур растянутость процесса сбора. Вследствие нехватки топлива комбайнеры на полях работали с перебоями. Отрицательную роль сыграл и климатический фактор: отсутствие осадков, засушливая весна и жаркое лето третьего года войны не дали ожидаемых всходов от посевов по весенней вспашке. Значительная часть семян погибла от недостатка необходимой влаги [1: 199–213].

Немногим лучше обстояли дела у коллектива отдела рабочего снабжения завода № 91. Согласно протоколу № 1 от 15 ноября

1943 г. заседания инвентаризационной комиссии в подсобном хозяйстве предприятия, были рассмотрены инвентаризованные материалы 1 октября текущего года. Их сравнение с книжными записями позволило весь материал инвентаризации ценностей признать вполне правильным. Бухгалтерии были предоставлены замечания о расхождениях [2: 210–211].

Первые послевоенные годы в истории завода были периодом наиболее трудных испытаний. Как и вся страна, завод возродился из руин. Голод 1946–1947 гг. явился следствием целого комплекса факторов (климатического, социально-экономического и оборонного). Важнейшим стал вопрос скорейшего подъема сельского хозяйства. В то же время намеченные планом агротехники в совхозе при заводе «Судоверфь» на будущий год мероприятия в виде снегозадержания, вывозки органических удобрений (в том числе 1800 т навоза), а также зяблевой вспашки в количестве 350 га были выполнены в очень слабой степени. Одной из главных причин невыполнения явился климатический фактор, а именно бесснежная зима 1946/1947 гг. Для сравнения следует привести такой пример: фактическая себестоимость центнера урожая ржи 1945 г. составляла 66 руб. 85 коп. (в сезоне 1946/1947 гг. – 127 %), а фактическая себестоимость центнера ячменя равнялась 212 руб. 16 коп. (в сезоне 1946/1947 гг. – 400 %). Среди наиболее дорогих продуктов питания в послевоенное время выделялись горчица и горчичное масло. К примеру, ее фактическая стоимость в весе одного центнера равнялась 578 руб. 57 коп. (в сезоне 1946/1947 гг. – 700 %).

Объясняя причины столь резкого подорожания, можно смело сказать, что основными факторами были, во-первых, общий недород практически всех выращиваемых сельскохозяйственных культур в тот период времени, сопровождавшийся в отдельных случаях полной или частичной гибелью посевов, а во-вторых, плохой уход за урожаем как один из угрожающих факторов, имевших прямое отношение к повышению себестоимости продукции растениеводства [3: 26].

В целом перспектива совхоза завода №264 в финансовом отношении на первый квартал 1947 г. была весьма неблагоприятной. На приобретение запчастей для ремонта тракторов и комбайнов, а также горючего к ним были необходимы средства. Требовалось

закупать недостающие семена, и, конечно же, выдавать заработную плату работникам предприятия [3: 33а – 34].

Тяжелое финансовое положение совхоза объяснялось засухой и неурожаем в прошедшем 1946 г.. Вместо 240 тыс. руб. прибыли по плану совхоз получил убыток в размере 852 тыс. руб. Отсутствие дождей и засуха не позволили рабочим в полной мере вырастить намеченный по плану урожай, в результате чего высокая себестоимость продукции растениеводства предприятия отразилась на себестоимости животноводства, так как полученные животноводческими хозяйствами корма по плановым ценам оказались дороже на 35 тыс. руб. Следующими причинами явились перерасходы по общепроизводственным расходам совхоза, а главным фактором послужила финансовая несамостоятельность предприятия, вызванная в свою очередь постоянным недостатком оборотных средств, который способствовал развитию у руководства совхоза иждивенческих настроений. Для преодоления создавшейся ситуации требовалось наделить его руководство собственными оборотными средствами, а затем потребовать от директора предприятия не только выполнения планов, но и рентабельности хозяйства [3: 33а – 34].

Подводя общий итог исследованию, следует отметить, что шаги по преодолению послевоенной разрухи, предпринятые советским руководством (денежная реформа А.Г. Зверева 1947 г. и проведенная отмена карточной системы в продовольственной сфере), вели к стабилизации обстановки в развитии сельского хозяйства, отечественной торговли, оборонной промышленности и позволили достичь к 1952–1953 гг. значимых результатов, способствовавших скорейшему выходу СССР на передовые позиции с рекордно высокими показателями плановой экономики, сохранявшимися вплоть до крушения Союза в декабре 1991 г.

Источники и литература

1. ГАВО. Ф. 686. Оп. 22. Д. 61.
2. ГАВО. Ф. 686. Оп. 22. Д. 63.
3. ГАВО. Ф. 686. Оп. 22. Д. 86.
4. ГАВО. Ф. 2115. Оп. 1. Д. 403.
5. ГАВО. Ф. 2115. Оп. 1. Д. 405.
6. Жизнь в огне: сборник. 2-е изд., доп. Волгоград, 1978.

А.А. Попова**БИБЛИОТЕКИ РОСТОВА-НА-ДОНУ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Наше поколение зачитывалось книгами «Молодая гвардия» А.А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, «Сын полка» В.П. Катаева, «А зори здесь тихие» Б.Л. Васильева, «Кортик», «Бронзовая птица» А.Н. Рыбакова, «Кто вы, доктор Зорге?» Г. Мейснера. Это было частью патриотического воспитания. А недавно моя мама предложила книгу Ганса Мейснера о советском разведчике Рихарде Зорге моему племяннику. Он ответил: «Я про врачей не люблю...»

Большая работа по гражданско-патриотическому воспитанию всегда ложилась на плечи библиотекарей. Ведь во все времена библиотека была идеологическим рупором власти. Если мы говорим о патриотизме, о том, что должны доносить до молодежи работники библиотек, это не только героические подвиги наших дедов и прадедов на фронтах Великой Отечественной войны, но и самоотверженный труд в тылу у станков, на колхозных полях и, конечно же, в учреждениях образования и культуры, в том числе библиотеках.

К середине 1941 г. в Ростове-на-Дону из 177 массовых библиотек различной ведомственной принадлежности 22 библиотеки находились в подчинении городского отдела народного образования. Библиотеки в те годы были оснащены культинвентарем (оборудованием для проведения досуговых и развлекательных мероприятий), имели оптимально укомплектованный книжный фонд. В них проводились встречи с писателями, не только ростовчанами, но и гостями из других городов и республик. Частыми гостями в нашем городе до войны были адыгский писатель и просветитель Тембот Керашев, поэты Михаил Светлов, Вано Дарасели. Но размеренную жизнь горожан нарушила война.

И.Г. Иванеев писал: «С первых дней Великой Отечественной войны вся работа ростовских библиотек, как и других учреждений, была перестроена так, чтобы полностью удовлетворять запросы военного времени, служить великой цели разгрома врага. Библиотечные работники умело использовали книжные фонды для разъяснения значения Великой Отечественной войны с фашистской

Германией, для нужд обороны страны и распространения знаний, необходимых населению в военное время» [5: 60].

Невзирая на трудности и смертельную опасность, нависшую над городом, библиотеки Ростова не прекращали свою работу. По воспоминаниям сотрудников, в библиотеке имени А.С. Пушкина проводились беседы, громкие чтения в госпиталях, которые были размещены в школах № 12, 13, слушания сводок Советского информбюро. Оформлялись книжные выставки в кинотеатре «Спартак», в красных уголках предприятий.

Первая оккупация города началась 21 ноября 1941 г. и продолжалась всего восемь дней. 29 ноября Ростов был освобожден. Разгром немецко-фашистских войск под Ростовом имел исключительное значение – это была первая крупная победа Красной армии в Великой Отечественной войне, предвестница разгрома фашистских полчищ под Москвой. Однако самые тяжелые испытания были у горожан впереди. Летом 1942 г. гитлеровская армия начала новое наступление. Фашистские войска рвались на Кавказ. 24 июля 1942 г. Ростов снова был взят. На этот раз оккупация продолжалась более полугода. К принудительному труду в городе привлекались не только взрослые, но и дети. Оккупанты угнали в Германию на принудительные работы более 53 тыс. ростовчан [1: 68]. Тысячи жителей города были уничтожены.

С первых дней оккупации немецкое командование сделало упор на работу библиотек. С августа 1942 г. в городе стала выходить фашистская газета на русском языке «Голос Ростова». 21 октября 1942 г. под рубрикой «Местная хроника» в ней была опубликована заметка «В библиотеках города»: «С первых дней своей работы отдел просвещения занялся выявлением сохранившегося библиотечного инвентаря. По городу взято на учет около 50-ти библиотек. Значительно расширилась Центральная Городская библиотека (Думский проезд, № 5), которая получила от 8 влившихся в нее библиотек 72 тысячи книг и приобрела ценные издания (около 15 тысяч книг), изъятые из квартир бежавших из города коммунистов и евреев. Значительно пополнились библиотека им. Толстого, а также книгохранилище (ул. Казанская, № 15/7). Во всех этих библиотеках ведется подготовительная работа к открытию, классифицируется книжный фонд. Приводятся в порядок помещения» [2].

По сохранившимся архивным документам можно судить о работе библиотек во время оккупации. Конечно же, никакой работы в прямом значении этого слова не было. Не могли библиотекари, призывавшие к свержению фашизма, к упорному труду на благо победы, в одночасье переметнуться к врагу. Да, люди ходили на работу, но только чтобы выжить, не быть угнанными в Германию и сохранить фонды библиотек. Во время оккупации сотрудники библиотек имени В.И. Ленина, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого числились на своих рабочих местах.

Библиотека имени М. Горького во время войны продолжала работать. Хотя в период оккупации погибла значительная часть ценного книжного фонда и архив библиотеки, всё же некоторое количество книг усилиями работников удалось спасти. Уже в феврале 1943 г., через несколько дней после изгнания немцев из города, библиотека приступила к работе. Это мы видим из отчета библиотеки за 20 февраля – 1 июля 1943 г. Из докладной записки директора библиотеки имени М. Горького Бориса Петровича Сальникова мы узнаем, что до войны в городе было 22 библиотеки городского отдела народного образования, к началу 1943 г. их осталось 17 [4].

В течение рабочего дня, уже после освобождения города, работникам библиотеки по нескольку раз приходилось спускаться в бомбоубежище, выходить на строительство оборонных сооружений. И только после освобождения г. Таганрога, когда немцев прогнали на значительное расстояние от Ростова, сотрудники смогли посвятить себя заботам о библиотеке.

Анализируя документы, в частности, сохранившиеся инвентарные книги, мы можем судить об ущербе, нанесенном фашистами библиотекам города. Например, библиотека имени Н.А. Некрасова была попросту разграблена. И не столько фашистами, сколько самими жителями города. И мы не вправе их осуждать. Вспомним блокадный Ленинград. Ведь произведениями искусства, книгами, антикварной мебелью топили печурки, чтобы выжить, согреться, вскипятить чай. То же было и в Ростове.

Но наряду с этим, анализируя другие документы – инвентарные книги, отчеты библиотек имени М. Горького, Н.К. Крупской, А.С. Пушкина, – мы видим, что жители города пополнили фонды библиотек после оккупации литературой, сохраненной во время бомбежек и пожаров. К сожалению, не вся она годилась

для дальнейшего использования читателями. Многие книги, впрочем, как и люди, не смогли пережить бомбежки, пожары, мороз. Анализируя инвентарную книгу библиотеки имени А.С. Пушкина, можно увидеть, что возвращенные читателями книги через неделю были списаны по ветхости.

В дни оккупации библиотека имени А.С. Пушкина прекратила свою деятельность. Здание уцелело, но фасад был частично разрушен. Фонд был выброшен фашистами на улицу, многие книги погибли в пожаре, но некоторые из них были спасены жителями близлежащих домов. Позднее литература была возвращена в библиотеку.

Процитируем отчет директора библиотеки имени М. Горького Б.П. Сальникова: «Погибли от немецких бомб книжный фонд, помещение и инвентарь библиотек им. Ленинских внучат, им. Сталина, Декабрьского восстания, Плеханова, Ленина (детская), им. Кирова, им. Островского (п. В-Гниловской). Расхищены книги и библиотечный инвентарь в библиотеках им. Достоевского, Островского, Октябрьской революции, Луначарского, Ульяновой. Частично пострадал книжный фонд остальных 10-ти библиотек. В период немецкой оккупации помещения, которые ранее занимали библиотеки, за исключением библиотеки им. Горького, Величкиной и Чкалова, были заняты частными жильцами и отдельными учреждениями. Библиотека им. Островского частично пострадала от немецких бомб. В период немецкой оккупации использовалась как конюшня. В настоящий момент не все помещения еще приведены в порядок. Библиотека им. Островского находится в особенно тяжелом положении, но в одной из уцелевших комнат можно начать работу, если произвести ремонт. Библиотека им. Ульянова в данный момент развернула работу в квартире библиотекаря, т.к. библиотечное помещение разрушено. Помещение библиотеки им. Ворошилова до сих пор занято частными жильцами. Библиотека им. Октябрьской революции работает в уголке, имея один стол, т.к. помещение занято милицией и частными лицами. Библиотека им. Луначарского работает в уголке, т.к. помещение занято санчастью. Из помещения библиотеки им. Толстого до сих пор не вывезено школьное имущество» [4].

Виды и формы работы с читателями были разнообразны. В феврале – марте 1943 г. все библиотеки занимались восстановлением помещений и сбором книг и библиотечного инвентаря.

Одновременно шла работа по обслуживанию читателей, выдаче книг госпиталям, военным частям и политико-воспитательная работа среди населения [6].

Отдельные библиотеки с первого дня восстановили работу всех отделов (открыли абонемент и читальню библиотеки имени М. Горького, В.М. Величкиной, В.П. Чкалова). Другие переключились на обслуживание лазаретов, госпиталей, военных частей (библиотеки имени А.С. Пушкина, В.И. Ленина). Третьи проводили читки в домоуправлениях, развернули книгоношество (библиотеки имени Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова).

Библиотека имени А.С. Пушкина возобновила свою работу в апреле 1943 г. в здании по адресу пл. Свободы, 14. Книжный фонд тщательно восстанавливался и формировался: некоторые книги находились на хранении у библиотекарей и у жителей района, много книг было подарено.

Библиотеки работали в тесной связке с партийными и общественными организациями города и выполняли ряд заданий: организовывали книжные выставки: библиотека имени В.И. Ленина проводила книжные выставки в фабрично-заводском комитете завода «Красный Аксай», в кинотеатре «Спартак», библиотека имени М. Горького – во Дворце пионеров, библиотека имени А.С. Пушкина организовала концерты, доклады в госпитале и литературный вечер с привлечением эстрады ко дню рождения М. Горького, ко Дню Парижской коммуны.

Библиотека имени М. Горького вела библиографическую и консультационную работу, обслуживая агитаторов, военных работников, преподавателей и учащихся. Библиотека имени Л.Н. Толстого привлекала к чтению домохозяек. В детской библиотеке имени В.М. Величкиной систематически проводились агитационно-разъяснительные беседы с родителями. Так была организована встреча с участниками боев за Ленинград, на которой присутствовали более 100 человек.

В архивах библиотеки имени М. Горького сохранился план работы учреждения на декабрь 1943 г. в госпитале № 5358, который располагался по ул. Пушкинской, 116. Устраивались громкие читки повести С.И. Семёнова «Взятие Берлина в 1760 г.», Н.С. Тихонова «Героическая защита Ленинграда»; лекции «Творчество И.С. Тургенева», «Творчество Н. Островского». Библиотечные работники

систематически знакомили читателей с важнейшими решениями партии и правительства, сообщениями Совинформбюро, составляли рекомендательные списки книг по военной тематике [7].

9 февраля 1943 г. Центральным комитетом Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) было принято постановление о создании книжного фонда (4 млн книг) для восстановления библиотек, разрушенных в период оккупации, а 18 февраля 1943 г. подписан приказ народного комиссара просвещения РСФСР о создании при Наркомпросе РСФСР Государственного фонда литературы для восстановления разрушенных фашистами библиотек.

Б.П. Сальников в своем отчете сообщал: «После оккупации приступили к работе 17 библиотек (из них две – техническая и музыкальная в марте 1943 года отошли к своим ведомствам). 7 библиотек сгорели или погибли во время бомбёжек и ещё не восстановлены. Из оставшихся 15-ти библиотек работают в настоящее время с читателями 13, из них самостоятельных детских библиотек – 3» [4].

Примечателен факт, что в годы войны создавались новые библиотеки. Так, в 1944 г. была открыта Александровская сельская библиотека, располагавшаяся в ст. Александровской Аксайского района Ростовской области (ныне в черте г. Ростова-на-Дону). Она находилась в маленькой комнате клуба «Красный штурм» на улице Солидарности. Сейчас это библиотека имени А.М. Листопадова Ростовской-на-Дону городской центральной библиотечной системы, и в этом году она отмечает свой юбилей.

1 ноября 1945 г. советское правительство приняло решение о мероприятиях по восстановлению 15 крупных городов РСФСР, наиболее пострадавших от фашистской оккупации. В число этих городов был включен и Ростов-на-Дону [3]. Ростовчане с энтузиазмом взялась за восстановление разрушенного города. «Мы возродим тебя, родной Ростов!» – этот лозунг можно было прочесть на стенах многих зданий, в цехах заводов. На митингах и демонстрациях. И на библиотечных плакатах.

Источники и литература

1. *Афанасенко В.И.* Практики мемориализации военной истории Дона периода Великой Отечественной войны и послевоенных конфликтов: тенденции и формы // *Русская старина*. 2017. Т. 8 (1). С. 68–78.
2. *Голос Ростова*. 1942. № 31. 21 октября.

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 165.

4. Докладная записка директора ЦГБ им. М. Горького Б.П. Сальникова зав. ГОРОНО // Архив организационно-методического отдела Центральной городской библиотеки имени М. Горького (далее – Архив ЦГБ). Сшив «Гороно. Центральная городская библиотека им. М. Горького и сеть библиотек. Отчеты, планы работы за 1943 г.». Документ № 9.

5. *Иванеев И.Г.* История библиотечного дела на Дону. Ростов н/Д., 1977.

6. Отчет о работе библиотек города с 19.02.43 по 1.04.43 // Архив ЦГБ. Сшив «Гороно. Центральная городская библиотека им. М. Горького и сеть библиотек. Отчеты, планы работы за 1943 г.». Документ № 13.

7. План массовых мероприятий на декабрь 1943 г. Госпиталь № 5358. Пушкинская, 116 // Архив ЦГБ. Сшив «Гороно. Центральная городская библиотека им. М. Горького и сеть библиотек. Отчеты, планы работы за 1943 г.». Документ № 1.

Д.А. Вычеров

ДЕТСКИЕ ИГРЫ ВО ДВОРЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на материале Тюмени)

Великая Отечественная война, начавшаяся в июне 1941 г., является одним из важнейших событий (если не самым важным) в истории России XX в. Она повлияла на судьбы всех граждан Советского Союза, изменив их привычный уклад жизни. Безусловно, вторглась война и в мир детей, превратив их не только в очевидцев, но и в участников событий. Сильнее всего изменилась повседневность тех несовершеннолетних, кто непосредственно столкнулся с войной: воочию увидел боевые действия, покинул свою малую родину, остался на оккупированной территории, узнал все ужасы блокады. Но в тыловых регионах дети и подростки тоже ощутили на себе дыхание войны. Изменения произошли во многих аспектах повседневности тылового детства: в материально-бытовых условиях, учебно-воспитательном процессе, институте семьи. Новые элементы появились и в досуговых практиках несовершеннолетних. Их условно можно разделить на регламентированные и нерегламентированные. Первые конструировались взрослыми (учителями, работниками пионерской организации,

культурно-просветительских учреждений и спортивных секций), а вторые – детьми и подростками.

Важное место в нерегламентированном досуге занимали игры. Как отмечал тюменский писатель В.П. Крапивин, современник событий, двор представлял собой «локус свободы», неподконтрольный взрослым [5]. Хотя стоит сказать, что не везде игровые практики сохранились. В частности, в оккупированных Краснодарском и Орджоникидзевском (с 1943 г. – Ставропольском) краях игры, по воспоминаниям респондентов, снова появились только в послевоенное время [6: 246]. В данной статье автор проанализировал дворовые игры, которые были популярны у тюменских школьников в годы Великой Отечественной войны.

В своих играх дети использовали образы, заложенные родителями, работниками школы, культурно-просветительских учреждений. Стоит отметить, что в течение первых десятилетий существования Советского Союза власть смогла сформировать у подрастающего поколения представления о престижности военной службы и неизбежности предстоящей войны. Эти образы нашли широкий отклик у мальчиков, которые мечтали о том, чтобы стать красноармейцами и защищать свою Родину. Этим и объясняется популярность военных игр, игр в красных и белых (на основе противостояния времен Гражданской войны), танкового боя и других разновидностей «войнушек». Образ врага менялся в зависимости от внешнеполитической ситуации. Так, после начала «зимней войны» антагонистами стали финны, а с началом Великой Отечественной – немцы и их союзники. Все советские дети мечтали выступать только на стороне «красноармейцев», никто не желал быть «врагом» [2: 177].

Советская власть всячески старалась популяризировать военные игры, поскольку с их помощью дети и подростки получали знания и навыки по военному делу, которые могли бы пригодиться им для защиты Родины (см., например, публикации в газете «Пионерская правда» [1; 3]). В ходе «войнушек» противоборствующие стороны делились на «своих» (красноармейцев) и чужих («финнов, немцев, фашистов»). Сценарий «войнушек» был схож: игроки имитировали ситуации, которые происходили в реальности на полях сражений. Так, перед «битвой» нужно было разработать тактику, распределить роли, а во время «сражения» игрокам приходилось

перевязывать раненых, проводить разведку, штурмовать позиции и лагерь противника. При этом роли распределялись нередко по гендерному признаку: мальчики примеряли на себя роль солдат Красной армии, а девочки становились медсестрами.

Для игр дети самостоятельно мастерили инвентарь из подручных материалов: веток, палок, газет, веревок, обрезков ткани. Популярностью у юных тюменцев пользовались пистолеты-поджиги. Они заряжались чем угодно, но чаще – горохом или ягодами. Некоторые подростки могли использовать в качестве «пуль» мелкие камешки [5]. У кого-то же были игрушечные ружья, которые им купили родители еще в довоенное время. Игрушку же купить в Тюмени было невозможно, поскольку подобные товары в годы Великой Отечественной войны во всей стране почти не выпускались, но даже то, что производилось, в Тюмени не поступало в обычные магазины.

В.П. Крапивин воспроизвел правила «мальчишечьей» жизни в своем дворе: «Игра – это игра; а если драка, то голыми руками и один на один. И главное – не без причины, а если уж очень накалилось. Здесь могли отобрать или даже стащить самодельный пистолет или рогатку, но никому бы в голову не пришло отнимать копейку или купленную игрушку. Здесь твердо знали, что нельзя нападать сзади, бить лежащего, жадничать, хвастаться обновками и бросать человека в трудную минуту» [5].

Проведенные интервью показали, что у тюменских детей и подростков популярны были и игры, в которых отсутствовала военная тематика. Так, девочки играли в дочки-матери, в классики, в баночку, прыжки со скакалкой или на доске, положенной на бревно. Один из респондентов, Л.Г. Дрозд, вспоминала, что на доске «прыгали вдвоем, а то и втроем, когда третья сменяла то одну, то другую, не останавливаясь: “Какое удовольствие было взлетать и с силой опускаться на доску, чтобы как можно выше взлетела твоя напарница! Мальчики на доске не прыгали, это уже была привилегия девчонок”» [4: 50].

Мальчики и девочки часто вместе играли в лапту, ручеек, городки, запускали кораблики. В некоторых дворах играли в футбол, хотя многие респонденты вспоминали, что у них не было такой возможности, поскольку ни у кого не было футбольного мяча. Зимой же устраивались снежные баталии, катались со склонов

на самодельных ледянках, лепили снеговиков, играли в салки на коньках.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в повседневной жизни тюменских детей и подростков сохранились игры во дворе. Однако война всё же повлияла на сценарий некоторых игр. Это касалось, прежде всего, «войнушек», где теперь «красноармейцы» должны были разгромить «фашистов», «немцев». Стоит сказать, что подобные игры были весьма популярны среди юных жителей Тюмени. В то же время во многих играх отсутствовала военная тематика. При этом необходимо отметить, что, хотя существовали мальчишеские и девичьи игры, большую часть времени во дворе дети играли вместе. Это было следствием проводимой советской властью политики в области воспитания подрастающего поколения.

Источники и литература

1. Боевые игры. За «языком» // Пионерская правда. 1941. 18 сентября. № 111 (2623). С. 4.
2. Вычеров Д.А. Повседневная жизнь советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023.
3. Игры разведчика. Окружение противника // Пионерская правда. 1942. 3 января. № 2 (2656). С. 3.
4. Когда бабушка была маленькой: воспоминания 70–80-летних жителей Тюмени о своем детстве / сост. Н.Л. Антуфьева. Тюмень, 2012.
5. Крапивин В.П. Славка с улицы Герцена. URL: <https://e-knigi.com/detskaya-literatura/detskie-priklucheniya/215537-vladislav-krapivin-slavka-s-ulicy-gercena.html> (дата обращения: 03.04.2024).
6. Реброва И.В. В кругу «своих», «чужих» и «других»: анализ устных воспоминаний детей о войне 1941–1945 гг. // «Гуляй там, где все»: история советского детства: опыт и перспективы исследования: сборник статей. Т. 4 / сост. В.Г. Безрогов, М.В. Тендрякова. М., 2013. С. 237–258.

Раздел 4. Человек на войне. Фронтная повседневность

В.А. Бондарев

О ФАКТОРАХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДОНУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Нападение гитлеровской Германии на СССР привело к возникновению массового добровольческого движения. Сотни тысяч добровольцев выстраивались в очереди у военкоматов, чтобы подать заявление о вступлении в Красную армию. Множество патриотов записывались в добровольческие формирования – истребительные батальоны, полки и дивизии народного ополчения, казачьи кавалерийские дивизии и т.д. Уже к осени 1941 г. в составе народного ополчения РСФСР насчитывалось не менее 4 млн человек [7: 11]. В том числе в Ростовской области к осени 1941 г. в рядах народного ополчения числилось 100 тыс. человек [7: 35].

Среди движущих причин массового патриотизма и добровольческого движения в СССР в годы Великой Отечественной войны советские исследователи, как правило, выделяли сам факт вероломной агрессии гитлеровской Германии, очевидные достоинства социалистического устройства (которое советские люди готовы были защищать, понимая, что нацисты стремятся к реставрации капитализма), выдающуюся роль коммунистической партии как организатора всенародного сопротивления врагу. Будучи в полной мере обоснованы и подтверждены совокупностью множества источников, перечисленные причины добровольчества не подвергаются сомнению и в постсоветской историографии.

Вместе с тем немаловажным фактором добровольческого движения в годы Великой Отечественной войны следует считать широкий комплекс мероприятий по военно-патриотической подготовке и воспитанию граждан СССР. Такие мероприятия

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01265.

разрабатывались, осуществлялись и контролировались партийно-советскими структурами при поддержке общественных организаций в 1920–1930-х гг. Исследователи не сомневаются в стимулирующем воздействии на добровольческое движение, развернувшееся в связи с агрессией гитлеровцев, оборонных мероприятий, осуществлявшихся в Советском Союзе в предвоенные годы. Можно назвать обширный список изданных в советский и постсоветский периоды работ, посвященных военно-патриотическому воспитанию в СССР на протяжении двух мирных десятилетий [4; 8; 11; 13; 17]. В этих исследованиях взаимосвязь между военно-патриотическим воспитанием и добровольчеством во время Великой Отечественной войны признается очевидной. Однако в историографии недостаточно выявлена эта взаимосвязь, недостаточно четко установлено, как и в какой мере идеи и знания, полученные советскими людьми в процессе военно-патриотического воспитания и подготовки, проявились во время войны и, в частности, повлияли на развертывание добровольчества и эффективность боевой деятельности добровольческих формирований. Эти вопросы не получили полного отражения и в региональной донской историографии, что и обусловило актуальность данной статьи.

Не без оснований воспринимая Советский Союз как «крепость социализма», находящуюся во враждебном капиталистическом окружении, большевики уже в 1920-х гг. прилагали усилия для налаживания в стране оборонно-массовой работы, важнейшими задачами которой являлись морально-идеологическое воспитание, а также физическая и военная подготовка населения, в первую очередь молодежи. Проводилась такая работа под контролем партийно-советских органов. При предприятиях, учреждениях и при деревенских избах-читальнях создавались оборонно-спортивные клубы и кружки. Только при избах-читальнях РСФСР, без учета городских учреждений, предприятий и организаций, к 1 апреля 1928 г. насчитывалось 6700 оборонно-спортивных кружков [9: 148]. В январе 1927 г. в СССР появилась самая массовая оборонно-спортивная организация – знаменитый Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР). К 1929 г. в Осоавиахиме числилось не менее 4 млн человек [9: 152–153].

В 1930-х гг., ввиду обострения международной обстановки, оборонно-массовая работа в СССР активизировалась, масштабы

и эффективность ее возросли. Усилилось внимание партийно-советских органов к вопросам военного обучения. Осоавиахим пользовался поддержкой партийных структур, а в местных советах создавались постоянные оборонные секции и оборонные комиссии, курировавшие деятельность разнообразных военных кружков и клубов. Наряду с кружками военных знаний (стрелковыми, химическими и пр.) массово создавались военно-учебные пункты по разным родам войск, отличавшиеся более серьезным и глубоким обучением той или иной воинской специальности. К сентябрю 1935 г. в СССР работали 3759 военно-учебных пунктов с количеством обучающихся военному делу 170 500 человек [9: 156]. Создавались авиаклубы и парашютные школы. В 1936 г. в СССР насчитывалось 170 аэроклубов и 120 парашютных школ и станций [9: 161]. Развернулось создание клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов», которые, в частности, получили широкое распространение в казачьих районах Юга России в связи с начатой в СССР в 1936 г. политической кампанией «за советское казачество» [15; 16].

На протяжении 1930-х гг. численность советской молодежи, охваченной военным обучением в структурах Осоавиахима, выросла в несколько раз. В конце 1940 г. в Осоавиахиме состояли 13 млн человек [9: 158], что более чем в три раза превышало уровень 1929 г.

Одновременно усилилось внимание властей к тому, насколько эффективно проводится военное обучение молодежи; с этой целью была разработана общегосударственная практика итоговых испытаний молодых людей, прошедших физическую подготовку или допризывное военное обучение. В 1931 г. был введен известный комплекс ГТО («Готов к труду и обороне»), в 1932 г. появилось звание «Ворошиловский стрелок», с 1934 г. предусматривалась сдача комсомольцами обязательного военно-технического экзамена, включавшего в себя нормы 1-й ступени ГТО и «Ворошиловского стрелка» [9: 156, 157]. В 1932 г. нормы ГТО выполнили 465 тыс. человек, в 1935 г. – уже 3 млн 660 тыс. [9: 151]. В конце 1934 – начале 1935 г. прошел обязательный военно-технический экзамен, по итогам которого значки «Ворошиловского стрелка» и ГТО получили, соответственно, 900 тыс. и 1 млн 200 тыс. человек [9: 157]. Только в Азово-Черноморском крае, в границах которого объединялись

в то время Дон и Кубань, в 1935 г. было подготовлено 6,8 тыс. «ворошиловских стрелков» и 23,7 тыс. стрелков третьей категории [1: 204, 205].

По мере обострения международной обстановки Осоавиахим перестраивал свою деятельность с учетом потребностей армии. С марта 1940 г. усилия были сосредоточены на комплексной подготовке будущих бойцов. К началу 1941 г. по новым программам было подготовлено около 400 тыс. летчиков, связистов и других специалистов [5: 26].

Безусловно, широкое развертывание в предвоенном СССР военно-патриотической подготовки, наиболее известным и важным инструментом которой выступал Осоавиахим, оказывало положительное воздействие на состояние вооруженных сил. Красная армия получала патриотично настроенных, мотивированных призывников, уже владеющих навыками обращения с оружием и техникой, знающих тактические приемы ведения боя, хорошо представляющих себе принципы и особенности современной войны. В отдельных родах войск (Воздушно-десантные войска, Военно-воздушные силы) доля прошедших допризывную военную подготовку в Осоавиахиме приближалась к 100 %, что существенно повышало качественные характеристики этих войск. Во время Великой Отечественной войны до 85 % действующей армии составляли молодые люди [14: 43], поэтому допризывная военно-патриотическая подготовка приобретала особое значение.

Одновременно военно-патриотические мероприятия в СССР на протяжении предвоенных лет оказали существенное воздействие и на добровольческое движение, в том числе на Дону. Следует выделить несколько направлений такого воздействия. Во-первых, отметим морально-психологические аспекты добровольчества. В начале Великой Отечественной войны среди лиц непризывного возраста, из которых создавались добровольческие формирования, наибольшую активность проявляли участники Гражданской войны и молодежь. Это, в частности, было заметно в процессе организации Донской казачьей добровольческой дивизии, создание которой инициировалось постановлением Ростовского обкома Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) от 15 июля 1941 г. В постановлении предусматривалось, что командиров взводов (составлявших наиболее многочисленную группу командного состава)

следовало подбирать из бывших «красных партизан», участников Гражданской войны [10: 66]. По итогам же формирования оказалось, что около половины казаков-добровольцев были участниками Гражданской войны и ранее служили в Первой и Второй конных армиях [2: 137]. Причем, как известно, немало казаков старшего возраста вступали в дивизию вместе с сыновьями, в силу молодости еще не подлежавшими призыву в действующую армию [3: 16].

Для донских добровольцев – участников Гражданской войны – борьба против гитлеровцев являлась новым этапом отстаивания завоеваний Октября. Что же касается добровольцев из числа молодежи, то они были воспитаны в духе советского патриотизма, ориентировавшего их на защиту социалистической Родины и советской власти. Советский патриотизм толкал молодежь идти на войну добровольцами, чтобы защитить страну от врага. А в патриотическом воспитании советской молодежи огромную роль играли не только школа или комсомол, но и Осоавиахим, в котором военная подготовка теснейшим образом была сопряжена с работой по внедрению в сознание подрастающих поколений идеалов социализма.

Во-вторых, военно-патриотическое воспитание выступало стимулом добровольческого движения в годы Великой Отечественной войны еще и в том смысле, что наделяло советскую молодежь уверенностью в своих силах. Молодые люди, обученные стрельбе из винтовки или пулемета, обращению с парашютом, езде на лошади и кавалерийским приемам, чувствовали себя достаточно сильными и уверенными для борьбы с врагом. Это воспитанное в клубах и кружках Осоавиахима чувство, которое Г.Н. Каменева правомерно определяет как «осознание собственной полезности» [6: 6], не позволяло молодым гражданам СССР оставаться в стороне в тяжелое для Родины время и влекло их на защиту своей страны.

В-третьих, отметим военно-патриотическую подготовку советской молодежи как фактор повышения боевой эффективности добровольческих формирований в годы Великой Отечественной войны. Пройдя обучение в тех или иных военных кружках, получив соответствующие знания и навыки, молодые добровольцы оказывались более полезными в бою в сравнении со сверстниками, не имевшими такой же подготовки. В частности, бойцы, служившие в добровольческих казачьих кавалерийских формированиях,

отмечали, насколько полезной для них оказалась допризывная подготовка в клубах и кружках «ворошиловских кавалеристов», благодаря которой они не только отлично держались в седле и управляли лошадей, но и умело действовали шашкой (иной раз члены одного и того же клуба воевали вместе, в рядах одного подразделения, что укрепляло боевое товарищество и взаимовыручку в бою [12: 29]). Подобно своим старшим братьям и товарищам, мобилизованным в Красную армию после обучения в структурах Осоавиахима, молодые добровольцы имели все основания благодарить своих инструкторов-наставников за подготовку к войне: «Вы даже представить себе не можете, как пригодились мне те знания, которые я получил в осоавиахимовском коллективе», – писал один из фронтовиков [9: 159].

Констатируем, что стратегия охвата широких слоев населения (и в первую очередь молодежи) военной подготовкой, разработанная партийно-советским руководством и последовательно реализовывавшаяся в СССР на протяжении 1920–1930-х гг., продемонстрировала свою высокую эффективность во время Великой Отечественной войны. Оборонно-массовое движение в предвоенном Советском Союзе, вершиной развития которого стал Осоавиахим, самым существенным образом способствовало не только укреплению обороноспособности нашей страны в 1930-х гг., но и созданию условий для отражения гитлеровской агрессии. Благодаря бесперебойной работе многочисленных военных кружков, клубов, военно-учебных пунктов, домов обороны и т.п., советская молодежь массово училась владению оружием и тактике боя, а Красная армия получала подготовленные кадры. Воспитанные в системе Осоавиахима молодые граждане СССР, будучи мобилизованы в действующую армию, демонстрировали высокие моральные и боевые качества и вносили важный вклад в борьбу с гитлеровской Германией.

Одновременно осуществлявшиеся в 1920–1930-х гг. комплексные мероприятия по военно-патриотической подготовке выступили мощным стимулом добровольческого движения в СССР в период Великой Отечественной войны. Воспитанные в духе советского патриотизма (в чем была немалая заслуга того же Осоавиахима), молодые граждане СССР допризывного возраста стремились защитить Родину от врага и вступали в добровольческие

формирования. Отличаясь высокой мотивацией и обладая военными знаниями и навыками, полученными в системе Осоавиахима, советские добровольцы массово демонстрировали стойкость, отвагу и умение в боях с гитлеровцами. В том числе высокие боевые качества демонстрировали и воины добровольческих формирований Ростовской области, будь то истребительные батальоны, Ростовский полк народного ополчения или казачьи кавалерийские дивизии. Основы их отваги и героизма были заложены еще в 1920–1930-х гг.

Источники и литература

1. Азово-Черноморский исполнительный комитет Советов: отчет о работе. 1931–1934 гг. Ростов н/Д., 1935.
2. Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм: Исторические очерки. Ростов н/Д., 1986.
3. Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской гвардейский: очерк о героическом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Ростов н/Д., 1985.
4. Демин А.Ф. К вопросу о военно-патриотическом воспитании. М., 1971.
5. ДОСААФ – Родине / пред. ред. комиссии Г.М. Егоров. М., 1987.
6. Каменева Г.Н. Феномен женского воинского добровольчества (1941–1945) // KANT. 2015. № 3 (16). С. 4–8.
7. Колесник А.Д. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.
8. Кохликян О.О. Деятельность партии по военно-патриотическому воспитанию молодежи накануне Великой Отечественной войны (1937 – июнь 1941 гг.). М., 1976.
9. Мельников В.В. Культурная революция и комсомол. Ростов н/Д., 1973.
10. На защите Родины. Партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов. Ростов н/Д., 1980.
11. Панков Н.П. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи в 1929 – июнь 1941 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
12. Пятый Донской: воспоминания ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса / сост. В.Н. Перелыгина, В.Н. Федоров. Ростов н/Д., 1979.
13. Родионова И.В. Механизмы формирования патриотического сознания населения в 1930-е гг. (на материалах РСФСР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

14. *Серебрянников В.В.* Советский солдат в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3. С. 42–67.
15. *Скорик А.П.* Ворошиловские всадники на юге России в 1935–1940 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 29–34.
16. *Скорик А.П.* Оборонно-массовое движение «ворошиловских кавалеристов» в казачьих районах Юга России во второй половине 1930-х гг. // Вестник Военного университета. 2009. № 1. С. 137–143.
17. *Степаков В.И.* Морально-политическая подготовка советских людей накануне Отечественной войны // Коммунист. 1970. № 8. С. 96–106.

О.В. Мамедова

РОЛЬ ЖЕНЩИН АБХАЗИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Великая Отечественная война – героическая и трагическая страница истории Советского Союза. Война явилась жесточайшим испытанием для народов СССР: не только его военной и экономической мощи, но и морального духа людей. Наравне с ратным подвигом вошел в историю подвиг героев тыла, в котором решающую роль сыграли советские женщины. Как отмечает Н.В. Панина, в годы войны они были ведущей силой в решении ключевых задач производства, составив две трети от общего числа рабочих и служащих и три четверти тружеников сельского хозяйства и социальной сферы страны. Они освоили практически все мужские профессии. Полмиллиона женщин успешно работали в качестве руководителей в различных областях деятельности, многие выступали инициаторами знаковых производственных и общественных движений. Около миллиона женщин находилось в рядах советских Вооруженных сил [8: 3–5].

Тема вклада женщин Абхазской АССР в Победу в Великой Отечественной войне еще ждет своего исследователя. В настоящей статье автор ставит перед собой задачу привести наиболее яркие примеры боевого и трудового подвига абхазских женщин в 1941–1945 гг.

В годы войны из Абхазии в ряды Красной армии и Военно-морского флота было призвано и ушло на фронт добровольно 55,5 тыс. человек, в том числе 800 девушек (свыше 28 % от общей численности народа). 23 воина стали Героями Советского

Союза, на фронтах войны погибли 17,5 тыс. человек из Абхазии [6: 368; 5].

После начала Великой Отечественной войны вся экономика Абхазии перестроилась на военный лад. В июле 1941 г. развернулось движение женщин под лозунгом «Заменить на производстве мужей, отцов и братьев, ушедших на фронт». Женщины шли работать на заводы, шахты, железнодорожный транспорт [7]. Так, в «Ткварчелугле» работало до 900 женщин [4: 364]. Домохозяйки Филинкова и Андрющенко, проводив мужей на фронт, пришли работать в шахту. Приведем цитату из работы А.А. Абшилавы: «Мы знали, что стране нужен уголь, – заявили они, – готовы отдать все силы, чтобы выданный наш уголь помог приобрести больше танков, пушек, самолетов, необходимых для разгрома врага». Они стали машинистами. Анастасия Шелванова работала откатчицей на пятом участке. Мария Кошенинова – выборщицей на четвертом участке. Т. Ляжова – работница рудоремонтных мастерских. М. Гаврилюк – работница в отделе капитального строительства. Зинаида Мужичкая, Тамара Зиневич, Дерюгина и Нина Куньякова – бывшие домохозяйки – стали лучшими в профессии шахтера. В первый день работы на шахте Ольга Прынь и Фрося Принь показали высокую производительность труда и выдавали по 20 т угля» [3: 107].

Героически трудились женщины и в сельском хозяйстве – в основном на чайном производстве, в табаководстве, пчеловодстве. О выдающихся работницах мы узнаем благодаря исследованию А.А. Абшилавы о жизни Очамчирского района в военный период [3]. Известные чаеводы Уша Ахуба, Цаца Кардава, Мария Адлейба, Татулиа Бобуа являлись организаторами стахановского движения, перевыполняя нормы труда в несколько раз. Например, депутат Верховного Совета СССР Уша Ахуба из с. Члоу в 1943 г. собрала 5741 кг чайного листа, обучила 51 сборщицу чайного листа стахановскому методу сбора. Среди них были Нуца и Дуся Джопуа, Туля Кишмария, Надя Акирмантия и другие, которые в день собирали 100–150 кг чая. Известная сборщица чайного листа Цаца Кардава в военное время перевыполняла норму сбора в 6–10 раз. В 1941 г. она собрала 7,5 т чая, в 1944 г. – до 11 т. Ц. Кардава ездила и в другие районы Абхазии и делилась опытом сбора чая. Мария Адлейба, награжденная орденом Трудового Красного Знамени,

во время войны перевыполняла норму сбора чая в несколько раз. Так, например, в 1941 г. она собрала 9,5 т, в 1942 г. – 9 т, в 1944 г. – 12,12 т. Мария Адлейба обучала своему методу сбора чайного листа также женщин Гулико Шоуа, Катя Куткая, которые собирали по 100–150 кг чая в день [3: 95].

Абхазские женщины трудились на полях и выполняли плотничьи работы: колхозницы из сел Ткварчели (Ткуарчал) Б. Пачулия, Ш. Акаба, Ц. Гурцкая, А. Ходжава, П. Кирия в пахоте выполняли двойную норму. Жительницы с. Гуп Таня Пилия, Люля Агрба и Тхуху Цвижба выполняли работу на 120–125 %. В тяжелых пахотных работах были задействованы женщины таких сел, как Бедиа, Моква, Адзюбжа. В с. Река женщины Нармания Дадма, Абшилава Бубли, Кортава Катя делали изгороди, то есть занимались работой, которая раньше считалась сугубо мужской [3: 100].

Большую работу учителя-женщины проводили в госпиталях, которых было много в республике, посылали письма и подарки на фронт военнослужащим. Учителя и ученики абхазских школ направляли на фронт около 150 тыс. руб., большое количество теплой одежды [3: 107].

В числе ушедших на фронт женщин Абхазии были летчицы, разведчицы, медсестры, своими подвигами они приближали Победу. Во время обороны Кавказа в Абхазии создавались прожекторские батальоны, в которых женщины служили наравне с мужчинами. Так, девушки из с. Лыхны – Ольга Арнаут, Шура Акусба, Елена Мелашвили, Вера Бения, Таня Багателия, Женя Гарцкая, Нара Герия, Шура Дзидзария, Нара Инал-ипа – несли службу в разнотехнике, разноразведке, прожектористками, многие из них просились добровольцами на фронт, а после освобождения Абхазии вернулись домой и трудились в колхозах [4: 60].

В сентябре 1941 г. 16-летняя девушка из Гагры Евдокия Мухина (Мельникова) пошла добровольцем на фронт. Получила специальность радиста, работала в тылу врага, помогала разведчикам, подпольщикам, партизанам, обеспечивала их связью. Сама научилась наносить на карту военные объекты немцев, корректировала удары советской артиллерии и бомбардировщиков. Под Нальчиком Мухина обнаружила вражеские батареи и сообщила о них штабу Закавказского военного округа. Решила ближе подойти к городу, но наткнулась на проволочные заграждения, пролежала весь день

на мокрой земле и наблюдала. Вечером передала данные о расположении горно-стрелковой дивизии противника [1].

В г. Энгельсе была сформирована авиачасть из женщин-летчиц. Ее комплектованием занималась известная летчица Герой Советского Союза Марина Раскова. Мери Хафизовна Авидзба была записана в эту штурмовую группу. В декабре 1942 г. часть Мери перебазировалась на Кавказ. Мери со своими подругами делала всё возможное, чтобы не допускать немцев к Черноморскому побережью [2]. Много боевых вылетов совершила М.Х. Авидзба в районе Севастополя, Балаклавы, Байдарских ворот, Сануи Горы, мыса Херсон. За время военных действий первая летчица-абхазка Мери Авидзба из женского авиаполка в качестве штурмана звена совершила 477 боевых вылетов, сбросила 64 т груза, 954 раза пересекала линию фронта. М.Х. Авидзба награждена орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Ольгу Еснатовну Конджария начало войны застало студенткой второго курса медицинского института. Первый Белорусский фронт, Латвия, Польша, Германия – вот путь Ольги Еснатовны. Боевой путь старшего лейтенанта медицинской службы О.Е. Конджария отмечен медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Евгения Павловна Лакоба – боевой медицинский офицер. Ее фронтовой путь увенчали орден Красной Звезды и медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Александра Константиновна Назадзе – политрук 3-й пулеметной роты 1151-го стрелкового полка 343-й стрелковой дивизии 56-й армии. 21 ноября 1941 г. в ходе Ростовской стратегической наступательной операции передовой отряд дивизии захватил плацдарм в ст. Нижнегниловской (ныне в черте Железнодорожного района Ростова-на-Дону). Когда командир был убит, а она сама – ранена, А.К. Назадзе не покинула поле боя и вела бойцов в атаку. Погибла в ходе штурма станицы.

Софья Матвеевна Цомае получила образование в Сухумском медицинском техникуме, спасла многих бойцов.

Татьяну Владимировну Гогуга-Косинскую война застала на учебе в Ленинграде. Оставшись в Кронштадте, вчерашняя студентка стала начальником медико-санитарной службы штаба местной

противовоздушной обороны. Она организовывала санитарные дружины, занималась оборудованием обмывочных пунктов, временных лазаретов [9: 20–25].

В статье мы рассказали о судьбе нескольких абхазских женщин, их боевом и трудовом подвиге во время Великой Отечественной войны. Женские батальоны и полки стали символом силы и решимости. Многие женщины стали героинями войны, получив высокие награды и признание. После войны они продолжили свою активную деятельность в различных сферах общества, внося свой вклад в развитие страны.

Источники и литература

1. *Абишилава А.А.* В боях за Родину: очерки о Героях Советского Союза и полных кавалерах орденов Славы из Абхазии. Сухуми, 1980.
2. *Абишилава А.А.* Сыны Абхазии – Герои Советского Союза Сухуми. Сухуми, 1961.
3. *Абишилава А.А.* Трудящиеся Очамчирского района Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сухуми, 1960.
4. *Барганджия Н.* Кровь на цветах. Сухуми, 1975.
5. *Бгажба О.Х., Лакоба С.З.* История Абхазии. Сухум, 2015.
6. История Абхазии: курс лекций / гл ред. А.М. Хашба. Сухум, 2021.
7. *Каменева Г.Н.* Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. Ставрополь, 2004.
8. *Панина Н.В.* Исторический вклад советских женщин в обеспечение стабильности тыла и организацию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (по материалам Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
9. *Черкезия Г.Т.* Трудящиеся Абхазии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сухуми, 1962.

А.П. Смирнов

ДУХОБОРЫ И МОЛОКАНЕ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Христианско-протестантское движение в России изначально противостояло властям и церкви. В XVIII в. оно распространилось среди крестьян южных и центральных губерний России. Святейший Синод и царское правительство пытались подавить это религиозное течение. При Екатерине II молокан вместе с духоборами

массово высылали на южные окраины империи. В дальнейшем властями также принимались меры по нейтрализации угрозы общественным и религиозным устоям. Новый этап гонениям положило вышедшее в 1841 г. высочайшее повеление Николая I, которое предписывало «принадлежащих к пагубной секте духоборцев переселить в Закавказье рядом с Турцией на Мокрые горы», «в Ахалкалакский уезд Тифлисской губернии» [3].

Переселение духоборов и молокан из районов Центральной России на окраины империи сопровождалось насилием. Отмечая допускавшуюся по отношению к ним несправедливость со стороны правительства, писатель Л.Н. Толстой указывал, что в ряде европейских стран при возникающих сходных обстоятельствах наказаниям подвергают «самых отказывающихся», но не заставляют «страдать отцов, матерей, детей» [7: 419]. В отношении сектантов, помимо переселения, применялись и иные карательные санкции: «духоборы были в разных местах неоднократно жестоко истязуемы... большое число их засажено в тюрьмы и... более 450 семей совершенно разорены и выгнаны из своих жилищ» [8: 325].

Жительница с. Ольшанка Целинского района Ростовской области Л.В. Савостина рассказывала о своих предках: «Наш молоканский род начинается с Исая Александровича Бабышева, около 1806 г.р. Около 1840 года Исая Александрович со своей семьей, а также множеством семей других молокан, изгнанных за вероисповедание, переселяется предположительно из Саратовской губернии Балашовского уезда в Закавказье, Елизаветпольскую губернию, Казахский уезд, где обосновывается в селе Михайловка». В 1882 г. было принято решение переселиться на новые земли, недавно отвоеванные у Турции, – в Карсскую область [4].

В начале XX в. количество переселенцев – русских молокан в Карсской области составляло более 18 тыс. человек. Они проживали в селах со знакомыми сегодняшним жителям Целинского района названиями – Ольшанка, Селим, Михайловка, Петровка. Согласно Карсскому мирному договору 1921 г., заключенному РСФСР и Турцией, г. Карс и прилегающие территории отошли к последней. Русские войска отсюда ушли, и население, в том числе армяне, пережившие недавнюю массовую резню, остались беззащитными.

Многие сектанты, видевшие на своем веку многочисленные гонения за веру, покинули Россию. Значительное их количество,

около 8 тыс. человек, выехало в конце XIX в. в Канаду. Часть молокан переехали в период с конца 1870-х до 1920-х гг. в Австралию, Бразилию, Мексику, США. Однако большинство представителей русской общины, оказавшись за пределами Отечества, выбрали иной путь.

5 октября 1921 г. вышло воззвание Народного комиссариата земледелия РСФСР «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», в котором советская власть призывала «сектантские общины, как то: духоборцы, молокане всех толков» – вернуться в Россию [5]. Многие молоканские семьи приняли это приглашение. Начиная с февраля 1922 г. семьи духоборов, молокан и баптистов из Карсской области стали прибывать в отдаленный район Сальского округа. В 1921–1925 гг. на территорию будущего Целинского района переселилось более 4 тыс. духоборов и свыше 10 тыс. молокан, выходцев из Карсской области и других местностей Закавказья. По рассказам старожилов, места проживания определяли жребием. Территория нынешней Ольшанки досталась молоканам, в Хлеборобное поехали духоборы, баптистам выпало поселиться в Журавлёвке.

Первыми в Ольшанку прибыли семьи Галкиных – Василия, Фёдора, Петра, Тимофея – и Портновых. Вырыли землянки, в них и дозимовали 1922 г., потом стали делать саманные мазанки. Позже приехали семьи Бабышевых, Смирновых, Алексановых и др. Распахали землю, развели скот. Семьи держали по 6–8 коров, для переработки молока построили молокозаводы. На продажу в Воронежскую и Саратовскую области, откуда были их предки, молокане повезли масло, сыр, скот. В 1929 г. появились союзы по обработке земли, так как купить в одиночку технику и инвентарь было сложно. К 1933 г. было организовано 13 колхозов. В 1935 г. в селах появилось электричество, открылись школы. Была создана Ольшанская машинно-тракторная станция.

В данной статье будет освещена судьба духоборов и молокан с. Ольшанка Целинского района Ростовской области – участников Великой Отечественной войны. Основным источником для работы стали опубликованные воспоминания и материалы семейных архивов их родственников.

Великая Отечественная война не обошла Ольшанку и другие поселения сектантов стороной. Выходцы из семей духоборов

и молокан, несмотря на выпавшие на их долю испытания, гонения со стороны властей, как один выступили на защиту Отечества. История с. Ольшанка знает множество примеров героизма и отваги своих сыновей и дочерей. Фронт через село проходил дважды: при занятии гитлеровцами в августе 1942 г. Ростова-на-Дону и при освобождении столицы Дона в феврале 1943 г. Ни один из жителей Ольшанского сельского совета, призванных на войну, не предал свою Отчизну, не дезертировал, не перешел на сторону врага. Все они честно и самоотверженно сражались, защищая свою Родину. Из Ольшанского округа было призвано более 800 человек. 234 семьи потеряли своих братьев, отцов или дедов. 6456 бойцов, ушедших на фронт из Целинского района, не вернулись с поля боя [1]. Некоторые пропали без вести, и места их захоронений неизвестны.

Большую работу по увековечению подвигов земляков в годы Великой Отечественной войны проделали педагоги и ученики ольшанской средней школы. Значительный массив ценной информации о ветеранах собран в архиве ольшанской сельской библиотеки.

Судьба М.И. Савельевой была схожей с судьбами многих односельчан, переживших войну. Ее автобиографией, написанной в 1948 г. и хранящейся в семейном архиве, поделилась А.С. Козачинская, жительница г. Одинцово Московской области. Матрёна Ивановна Савельева родилась в 1920 г. в Турции, в селе Ольшанка Зарушадского участка Карсской области в крестьянской семье. Родители Иван Васильевич и Анна Сергеевна в Турции занимались земледелием и скотоводством. В 1923 г., когда Матрёне было три года, семья в числе многих других русских семей по разрешению советского правительства переехала в с. Ольшанка Западно-Коне заводского района Северо-Кавказского края (ныне – Целинский район Ростовской области). В 1928 г. девочка поступила в ольшанскую начальную школу. В июне 1935 г. окончила 7-й класс ольшанской неполной средней школы. 4 марта 1942 г. была призвана Целинским райвоенкоматом в ряды Красной армии. М.И. Савельева служила в 16-м зенитно-артиллерийском полку, участвовала в обороне Каменска, Грозного, Плоешти (Румыния), Кошицы (Чехословакия). В 1945 г. была демобилизована. Брат Матрёны Ивановны, 1912 г.р., был призван в армию в 1939 г.

Переписка с ним продолжалась до июня 1941 г. Он пропал без вести на фронтах Великой Отечественной войны. Его жена умерла в 1946 г. Двое сирот воспитывались у родителей М.И. Савельевой. В Турции остались две сестры отца. Одна сестра матери проживала в Сан-Франциско (США). Переписки с ними родители не имели [2].

С 2020 г. в ольшанской сельской библиотеке и Межпоселенческой центральной библиотеке Целинского района проводится сбор информации о военных подвигах более 50 выходцев из общины молокан (с. Ольшанка) и общины духоборов (с. Хлеборобное). Собраны сведения о Василии Михайловиче Антонове, Николае Васильевиче Богданове, Гавриле Фёдоровиче Желткове, Ефиме Ивановиче Мандрыкине, Василии Ивановиче Таликове, Михаиле Тимофеевиче Тимошенко, Сергее Васильевиче Яковлеве.

Николай Тимофеевич Смирнов, уроженец Целинского района, служил командиром транспортного отделения 513-й отдельной роты связи, заботился о транспортном хозяйстве роты. Николай Тимофеевич принимал участие в освобождении сел малой родины – Ольшанского и Журавлёвских сельских советов. Воспоминания Николая Тимофеевича записала Светлана Николаевна Мельникова, заведующая структурным подразделением «Библиотека села Ольшанка» Межпоселенческой центральной библиотеки Целинского района: «Наша армия вела наступательные бои и гнала гитлеровцев из-под самого Сталинграда. Впервые мы вошли в освобожденные от немцев хутора родной земли: Журавлёвка, Калиновка, Богдановка, Ольшанка. Как же было тревожно на душе идти по родной земле, ничего не зная о своих близких. Живы ли? Как только вошли в Ольшанку, женщины, дети, старики бежали навстречу, обнимали, целовали, плакали от радости. И все спрашивали: “Не встречал ли где моего мужа, брата...” Как же я радовался, когда мне разрешили переночевать в родном доме. Обнял жену, поцеловал двоих деток, родителей, сестер своих и снова в строй, на запад: Конезавод имени Первой конной Армии, Мечётка, Миусский фронт, Крым. Победу встретил в Берлине» [6]. Н.Т. Смирнов награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Шиндановин Николай Епифанович на фронтах Великой Отечественной войны с октября 1941 г. Боевой путь начинал на Западном

фронте. Был неоднократно ранен, но возвращался на фронт. Будучи командиром отделения 7-й стрелковой роты 30-го гвардейского стрелкового полка, Николай Шиндановин в ходе Калининской наступательной операции во главе с пятью бойцами получил задание разведать местность и установить связь с 19-м полком. При осуществлении поставленной задачи Шиндановин был тяжело ранен, но поручение командования выполнил. Приказом 8-й гвардейской ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии от 30 апреля 1944 г. за образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом доблесть и мужество гвардии сержант Николай Епифанович Шиндановин награжден орденом Славы III степени.

После лечения в госпитале Шиндановин оказался в другом подразделении и снова проявил героизм в разведывательной операции на территории Псковской области. Разведчикам было дано задание добыть «языка». С наступлением сумерек группа направилась на засеченную пулеметную точку врага. Разведчик-автоматчик Шиндановин решительным броском заскочил в траншею, а когда группа захватила пленного, остался для прикрытия отхода. Показания немецкого капитана и планшет с важными документами оказались очень ценными для советского командования. В наградном листе командир роты сообщает, что Шиндановин не награждался и ходатайствует о поощрении орденом Славы III степени. Хотя гвардии сержант Шиндановин уже был награжден орденом Славы III степени, из-за того что он был после ранения переведен в другой полк и дивизию, информация о первом награждении орденом Славы III степени затерялась. Приказом 52-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии от 5 июля 1944 г. Николай Шиндановин повторно был награжден орденом Славы III степени.

В июле 1944 г. разведчик-автоматчик 56-й гвардейской отдельной разведывательной роты Николай Шиндановин, возглавляя группу разведчиков, при выполнении боевых заданий показал себя смелым и решительным командиром. Группа под его руководством пять раз успешно ходила на выполнение боевых заданий. Неоднократными налетами разведчики захватили четыре машины, уничтожили до 70 гитлеровцев, разрушили дзот и две землянки противника, но главное – доставляли достоверные и своевременные сведения о противнике. Приказом войскам

1-й Ударной армии от 1 августа 1944 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество гвардии сержант Шиндановин награжден орденом Славы II степени. Николай Епифанович прошел всю войну, участвовал в штурме Берлина. В 1947 г. демобилизован, вернулся в Ольшанку, работал скотником в колхозе «Победа». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1969 г. (уже после трагической гибели Николая Епифановича) посмертно перенагражден орденом Славы I степени. 18 ноября 2011 г. в с. Ольшанка Целинского района на могиле полного кавалера ордена Славы Николая Епифановича Шиндановина состоялась церемония открытия памятника [9].

Потомки переселенцев из числа духоборов и молокан принимали участие в военном конфликте на территории Демократической Республики Афганистан в 1979–1989 гг., контртеррористической операции на Северном Кавказе в 1999–2009 гг. Их дело служения Отечеству и подвиги на полях сражений продолжают внуки и правнуки.

Уроженец с. Ольшанского Максим Сергеевич Абрамов, окончивший ольшанскую среднюю школу в 2012 г., с детства мечтал быть военным. Был призван на срочную службу в 2014 г. Продолжил службу по контракту в 22-й отдельной бригаде специального назначения Главного управления Генштаба Вооруженных сил России (пос. Степной Аксайского района Ростовской области). Участвовал в военной операции в Сирии. С февраля 2022 г. участвовал в специальной военной операции на Украине. Был два раза ранен, несколько раз контужен, но всегда возвращался в строй. Максим Сергеевич награжден орденом Мужества, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени с мечами, «За воинскую доблесть» I и II степени, медалями Суворова и Жукова. 19 сентября 2023 г. Максим Сергеевич Абрамов погиб в г. Мелитополе в результате взрыва ракеты противника. Он похоронен с воинскими почестями на ростовском кладбище. В г. Батайске у М.А. Абрамова остались жена и двухлетняя дочь.

Необходимо также отметить гражданскую составляющую служения целинцев России. Волонтеры с. Ольшанка организовали изготовление окопных свечей, перевязочных материалов, маскировочных (защитных) сеток для нужд участников специальной

военной операции на Украине. Все эти изделия направляются в зону боевых действий.

Таким образом, опасения официальной церкви и правительства Российской империи по поводу духоборов и молокан и потенциальной угрозы общественным и религиозным устоям со стороны сектантов, как свидетельствует история, оказались не состоятельными. Преданность Отчизне оказалась выше политических интриг и личных амбиций. Духоборы и молокане России и их потомки, воспитанные на традициях иного направления православия, не отказались от своих принципов, но при этом сохранили верность русскому миру, внесли и продолжают вносить свой вклад в дело защиты Отечества.

Источники и литература

1. 23 января – день освобождения Целинского района от фашистского ига. URL: <https://deltacelina.ru/23-yanvary-a-den-osvobozhdeniya-celinskogo-rajona-ot-fashistskogo-iga/> (дата обращения: 24.02.2024).

2. История одной семьи // Официальный сайт Межпоселенческой центральной библиотеки Целинского района. URL: <http://bib-celina.ru/index.php/dukhovnye-khristiane/molokane/1998-istoriya-odnoj-sem-i.html> (дата обращения: 24.02.2024).

3. Кучин В.В. По белу свету... // Донской временник. Год 2001-й. Ростов н/Д., 2000. Вып. 9. С. 11–113. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m8/1/art.aspx?art_id=166 (дата обращения: 24.02.2024).

4. «Молоканские корни» с. Ольшанка // Официальный сайт Межпоселенческой центральной библиотеки Целинского района. URL: <http://bib-celina.ru/index.php/dukhovnye-khristiane/molokane/2042-molokanskije-korni-s-ol-shanka.html> (дата обращения: 24.02.2024).

5. Обращение Наркомзема РСФСР «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». 5 октября 1921 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74321> (дата обращения: 24.02.2024).

6. Смирнов Николай Тимофеевич // Межпоселенческая центральная библиотека Целинского района. URL: <http://bib-celina.ru/index.php/litsa-pobedy/395-smirnov-nikolaj-timofeevich.html> (дата обращения: 24.02.2024).

7. Толстой Л.Н. № 332. В иностранные газеты. 1898 г. Марта 19. Москва // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 19. М., 1984. С. 418–423.

8. Толстой Л.Н. № 265. Редактору английской газеты. 1895 г. Сентября 10. Ясная Поляна // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 19. М., 1984. С. 324–325.

9. Шиндановин Николай Епифанович // Герои Дона: биобиблиографический справочник / Донская государственная публичная библиотека; сост. Н.Н. Зайцева. Ростов н/Д., 2017. URL: <http://donvrem.dspl.ru/archPersonaliiArtText.aspx?pid=32&id=1251> (дата обращения: 24.02.2024).

И.Ю. Васильев

ЛЕНИНГРАДСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЗАРИСОВКА ЭПОХИ

Как и другие регионы России, Ленинградский район Краснодарского края в полной мере испытал все тяготы войны. Разнообразную информацию об этом периоде содержат несколько типов источников. Статистические данные о периоде Великой Отечественной войны, сведения о демографических и экономических потерях можно найти в обобщающих справочных работах по истории войны на Кубани, таких как «Книга памяти» [5: 10; 15: 257–260]. Также важны работы местных краеведов и обобщающие справки, составленные на их основе [16: 152; 2]. Культура периода Великой Отечественной нашла отражение в прессе, в качестве примера можно привести одну из ранних статей выдающегося кубанского этнографа Н.И. Бондаря «Летят годы, льются песни» [1: 4].

Документальные источники, посвященные жизни Ленинградского района в 1941–1945 гг., отложились в фонде Ленинградского райкома Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП(б)) – Коммунистической партии Советского Союза [17–19].

В настоящем исследовании основным источником выступают записи бесед со старожилами района, выполненные в ходе работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции в Ленинградском районе Краснодарского края [6–14]. Воспоминания респондентов позволяют судить о тех аспектах повседневности жителей региона, которые редко отражаются в других типах источников.

С началом войны многие экономические процессы в Ленинградском районе претерпели серьезные изменения. Остановилось развитие местного хозяйства, наиболее сильные и квалифицированные работники были оторваны от мирного труда. На плечи женщин, подростков и детей легли непосильные тяготы: надо

было трудиться вместо фронтовиков. Станичники, чье детство и юность пришлось на военное время, сохранили об этом времени немало воспоминаний: «Мама осталась одна, нас было шестеро. Мы только знали, что работать в поле за кусочек хлеба. Война. А нас шестеро было, самой меньшей было восемь месяцев. Так мы не знали, куда податься. <...> Папу ранило под Ростовом, и в Тбилиси он умер. Мама с нами шестерыми осталась. Так там Вася 27-го года [рождения] бегал туды, на вокзал. Там макуха была, жмых семечек. Уворует, под полу – нас кормил. И колосочки. Повыминаем [разомнем], намочим, на мясорубку и с этой макухой напечем. Такие рады! Куда там – нас шестеро, а она одна. Так и выжили все. Стали работать. Я в поле пошла. Сестра тоже на ферму учетчиком, бросила школу. Вася пошел на трактор – на него наложили бронь, он остался дома. Так и жили: один коров пас, другие мал мала друг друга нянчили» [7].

Начавшаяся в августе 1942 г. оккупация еще более усугубила положение. Станичников притесняли не только гитлеровцы, но и полицаи: «Однажды пошел [полицай] в стадо и забрал овцу. А я пошла стригти ее. “Белочка! Белочка! Белочка! Белочка!” Не отзывается. Я до пастуха. “То он забрал за мясо, ты ж не выполнила!” Иду я в станицу. Плачу. Кто поможет? Немцы стоят! Прихожу в станицу. Там пункт был. Вот так – вот так. “Нужно выполнять!” Овцу забрали. <...> Овцу забрали, а овца же котится. Будет ягненок! А его забрали, и уже его не будет. <...> А мне дядька один и кажет: “Ты иди вот туды вот! Там немецкий заготовитель”. Я детям говорю: “Деточки, прощайте! Иду до немцев, буду доказывать, рассказывать. Меня зарубают там!” Прихожу: “Здравствуйте!” А их четыре, высокие дядьки немцы. И женщина за столом сидит. Я говорю: “Я чи сюды попала, чи не сюды! Я буду рассказывать, а вы решайте”. Я начала рассказывать. “Га-га-га!” – як засмеялись все! Один указывает на девушку цю. По-немецки: “Пиши!” Написала, рассказала мне. “Оце вам бумажка, что пойдете вы в “Заготскот” и свою овцу заберете”. Не шла, летела! Думала, хоть бы не зарезали. А тот... что брал овцу там. Дивится на меня» [13].

Помимо организации вспомогательной полиции, гитлеровцы способствовали созданию прогерманских казачьих формирований. Казаки-коллаборационисты агитировали местных жителей присоединяться к ним [11].

Но сопротивление оккупантам не прекращалось – в Ленинградском районе действовали партизаны И.Ф. Куц, Е.А. Быкова, А.М. Кузьменко и др., комиссаром отряда был А.Ф. Ступников. Главной задачей было распространение сводок Советского информационного бюро, газет, листовок. К удачным акциям партизан можно отнести ликвидацию старосты, уничтожение расстрельных списков, спасение колхозного скота, спасение советских военнопленных у ст. Крыловской (часть из них влилась в отряд), в х. Андрющенко – захват немецкого обоза с оружием. Информацию о деятельности партизан находим в книге Е.В. Тёр: «Одна из участниц партизанского отряда – Буйволова Акилина Васильевна (1905 года рождения) была замучена в застенках фашистского гестапо 22 января 1943 года. Она была учительницей начальной школы № 4, вела кружок рукоделия. Акилина Васильевна любила детей. В начале войны погибла ее родственница, остались сиротами трое детей. Детей на воспитание Акилина Васильевна взяла к себе. В период оккупации у нее в доме проживали немцы. Вселившись в дом, фашисты завели свои порядки. Тяжелые дни с четырьмя детьми переживала Акилина Васильевна. Она работала в пошивочной мастерской и была связной в партизанском отряде. Пыталась найти связь и с другими активистами станицы. Время от времени, сложив в сумку вещи, уходила в сторону колхоза Кирова. Приспешники-полицейские указывали на активистов. Об Акилине Васильевне знали, что до войны она участвовала в создании первого детского сада... была общественницей». Приведенный фрагмент – яркий пример того, что репрессии оккупантов основывались прежде всего на сведениях о предыдущей деятельности пострадавших [16: 152; 2].

Оккупация привела к страшным последствиям. В ст. Ленинградской было убито 47 человек. Из них 20 – жители ст. Ленинградской и Ленинградского района, двое – жители других районов [15: 257–260]. Откуда родом еще 25 погибших, пока не установлено. Местные жители были разорены: «Всё поотдавали, як немцы зашли... Мы сюда переехали, ни кола ни двора, ни хлеба, ни воды... Разорили, угнали!» [14]. Было разрушено и повреждено построек на 415 800 руб., сельскохозяйственного инвентаря на 904 013 руб., 29 га садов, продуктов, запасов, семян на 3 209 167 руб., сожгли и угнали в Германию 3658 голов крупного рогатого скота,

1242 овцы, 19 793 свиньи, 1650 лошадей, 20 тыс. шт. разной птицы, увезли колхозно-совхозного зерна более 500 тыс. пудов; общий ущерб школам и педучилищу составил 700 тыс. руб. [17: 10]. Поэтому, например, после освобождения района в феврале 1943 г. организовывать государственные поставки зерна по Ленинградскому району было весьма непросто.

Школы продолжали работать лишь благодаря колоссальным усилиям учителей: «Немцы пришли – школу бросили [перестали снабжать]. На газетах писали. А где возьмешь те газеты! А то грифель был. Грифель, тряпочка, мел. Там пишешь, примеры решаешь. Учитель занимается нами. Это начальные классы были. А грифель как обложка с книжки. Проверили – тряпочкой стерли – решаем следующий пример. Следов никаких... Книги были старые. Мы в них между строчками писали» [11].

Но помощь фронту возобновилась в кратчайшие сроки. Например, по заданию Ленинградского райкома ВКП(б) для Краснодарской пластунской дивизии к 10 сентября 1944 г. должны были изготовить 40 пар теплых носков, 40 пар перчаток-варежек, 20 шапок-кубанок, 10 телогреек [3: 38].

Известно, что на фронтах погибло 3369 человек, мобилизованных на территории района, пропало без вести 3898. Трое из семей ленинградцев, ставших Героями Советского Союза в годы Великой Отечественной, были удостоены награды посмертно [5: 10]. Сохранились воспоминания фронтовиков. Например: «Здесь пулеметчиком я был. В первый день я в военкомат не явился, явился на второй день. Старший лейтенант мне и говорит: “Где ты вчера был?! Я тебя искал! В хорошее место тебя направить. В Кутаис на аэродром, зенитчиком, пулеметчиком. А теперь я тебя направлю в тяжелую артиллерию”. <...> Из Кутаиса нас перебросили охранять побережье – Поты, Сухум. И там мы были, покуда немец не подошел под Туапсе. Нас перебросили под Туапсе. Там мы оборону держали. <...> Первый бой был на станции Индюк. Мы как по немцам дали! Сожгли Индюк, всё снесли. А потом через перевал перебрались. <...> А потом в Крым, с Крыма – на Украину, оттуда в Польшу, в Чехословакию» [12].

Военное лихолетье тяжело сказалось на возможности молодежи создавать семьи: «Я с детства пошла работать – всё время одна, одна, одна! Замуж – нет, мужей – нет! Война: всё для фронта, всё

для войны! Все туда торопились и всё делали. А потом, когда это так получилось, когда нам уже [выходить замуж, строиться]» [6].

Военное лихолетье, нищета подрывали местные традиции, особенно праздничные. Например, свадьбы тогда «мало гуляли» [10]. При этом стали исполняться новые авторские песни на военную тему, такие как: «Карандаш по карте пробегает, / По лесному трудному пути. / Офицер шоферу объясняет, / Как ему машину провезти»; «На опушке леса / Старый дуб стоит. / А под этим дубом / Партизан лежит». Были песни, отразившие массовую гибель мужчин на фронте, одиночество женщин и девушек-невест. «Богато хлопцев поверталось, / Богато, где кого нема. / Богато девчат вышло замуж. / А ты чего сидишь одна?» С событиями Великой Отечественной могли связывать такую песню времен Первой мировой войны, как «Милосердная сестра» [9]. Песня помогала пережить тяготы военного времени: «Яка [женщина] получит похоронку – сядем все гуртом и плачем. А расходимся – еще и песню заспеваем» [1: 4].

Несмотря на тяжелые условия жизни, в годы войны продолжали выступления коллективы местной самодеятельности. Они исполняли немало народных песен. Так, хор колхоза имени С.М. Будённого в количестве 18 человек под руководством комсомолки Середы исполнял в 1944 г. песни «Ночь темна», «Плывет челн», «Ой, на горе-то и жницы жнут», «У середу родилась», «Ой, у поле криниченьки», «Ой, по горе, по горе».

Военное время серьезно влияло на специфику официальных культурных мероприятий. Например, в 1944 г. в ходе празднования 3-й годовщины Всеобуча был проведен митинг и строевой смотр призывников, родившихся в 1927 г., марш-бросок быстрым шагом на 10 км, соревнования по бегу, прыжкам и метанию гранат [4: 71, 73, 75–76, 78, 80, 87, 98–99; 18: 1–5].

Таким образом, экономические тяготы, демографические потери военного времени, террор и мародерство оккупантов тяжело сказались на жителях Ленинградского района. Однако в период оккупации борьбу с гитлеровцами вели партизаны. До и после освобождения население района активно помогало фронту, обеспечивало работу социально значимых объектов, несмотря на тотальную нищету. Немало жителей района сражалось на фронте. Продолжала развиваться культура, был замечен интерес

к песенному творчеству, на которое военное время наложило свой отпечаток. Появилось больше песен военной тематики, вырос интерес к кубанскому фольклору. В культуре акцент делался на военной составляющей.

Историко-культурная специфика периода Великой Отечественной войны в Ленинградском районе Краснодарского края в целом характерна и для других сельских территорий степного Прикубанья, которые были оккупированы гитлеровцами летом 1942 г. и освобождены зимой 1943 г. С одной стороны, они в отличие от приморских районов были оккупированы полностью, а не частично. С другой стороны, они были освобождены значительно быстрее западных территорий края, там быстрее началось восстановление разрушенной инфраструктуры и работа на нужды фронта.

Источники и литература

1. Бондарь Н.И. Летят годы, льются песни // Советская Кубань. 1982. №105. 8 мая.
2. Историческая справка. Ленинградский район в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL.: <https://лен-ветеран.рф/item/1426058> (дата обращения: 19.04.2024).
3. Краснодарская пластунская. Краснодар, 1990.
4. Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1967.
5. Подвиг во имя победы. Краснодарский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Краснодар, 2000.
6. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ). Аудиокассета (далее – а/к) 330. Информант (далее – Инф.) А.В. Пентюх, 1909 г.р., записана (далее – зап.) в ст. Крыловской Ленинградского района Краснодарского края (далее – КК) в 1993 г. Собиратели (далее – Соб.) Е.В. Зуб, А.Г. Макаров.
7. ПМ КФЭЭ. А/к. 388. Инф. В.П. Данилова, 1928 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградского района КК в 1993 г. Соб. Т.Н. Гордовская, Л.В. Коваленко.
8. ПМ КФЭЭ. А/к 389. Инф. В.П. Данилова, 1928 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградского района КК в 1993 г. Соб. О.Н. Фоменко, М.Г. Гаврилова.
9. ПМ КФЭЭ. А/к 392. Инф. В.П. Данилова, 1928 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградского района КК в 1993 г. Соб. Т.Н. Гордовская, Л.В. Коваленко.

10. ПМ КФЭЭ. А/к 395. Инф. Е.И. Пручай, 1918 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградской района КК в 1992 г. Соб. Н.И. Бондарь, А.А. Буланкин, В.В. Бабицкий.

11. ПМ КФЭЭ. А/к 409. Инф. В.И. Панасенко, 1929 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградской района КК в 1993 г. Соб. Е.В. Зуб.

12. ПМ КФЭЭ. А/к 413. Инф. М.С. Колесник, 1906 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградской района КК в 1993 г. Соб. Е.В. Зуб, А.Н. Деркач, А.Г. Макаров.

13. ПМ КФЭЭ. А/к 414. Фольклорный коллектив «Казачьи напевы», зап. в ст. Ленинградской Ленинградской района КК в 1993 г. Соб. Е.В. Зуб, А.Н. Деркач, А.Г. Макаров.

14. ПМ КФЭЭ. А/к 433. Инф. Т.П. Сыч, 1930 г.р.; Н.И. Конник, 1900 г.р., зап. в ст. Крыловской Ленинградской района КК в 1993 г. Соб. Е.А. Бутко, В.В. Бабицкий.

15. Россия, Краснодарский край. Книга памяти. Т. 21 (обзорный). Краснодар, 1999.

16. Тёр Е.В. В краю рек и курганов. Ленинградская, 2015.

17. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1629. Оп. 1. Д. 38.

18. ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 66.

19. ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 151.

М.П. Мерзляков

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В РАЗДОРСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам устно-исторических исследований)**

Коренное изменение всех сторон жизни советского общества в целом и всех его членов в частности, причиной которого была Великая Отечественная война 1941–1945 гг., привело к формированию широкого спектра новых поведенческих практик и стратегий выживания. Значительным потенциалом для их исторического анализа обладают устные нарративы.

Историческое интервью дает возможность изучить повседневный мир человека спустя многие годы, позволяет увидеть в событиях военных лет не столько трагедию, сколько жизненные испытания. Вместе с тем в России метод устной истории начинает активно включаться в методологическое поле исследований Великой Отечественной войны только в 1990-е гг. Как указывает Е.Ф. Кринко, это

было обусловлено, во-первых, общими изменениями в подходах и методологии исследований военной темы, во-вторых, отменой цензурных ограничений и публикацией на русском языке работ иностранных авторов по устной истории, в-третьих, быстрым совершенствованием записывающих устройств, ставших компактными и доступными исследователям [4: 200].

В Ростовской области материалы по военной теме в течение многих лет собирались Т.Ю. Власкиной в ходе диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (затем – Южного федерального университета) и Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук. Результаты указанных исследований нашли отражение в ряде ее публикаций [1; 2]. Отражению событий Великой Отечественной войны в памяти донских казаков посвящена и работа М.А. Рыбловой [10]. Известный российский историк Е.Ф. Кринко в своих трудах не только дает методологические рекомендации по использованию инструментария устной истории, но и использует интервью как исторический источник [4; 5]. В одной из статей он констатирует: «Сопоставление рассказов, относящихся к различным вооруженным конфликтам, записанных в рамках одного исследовательского проекта, создает возможности для выявления общих и специфических черт в переживании разных военных событий» [4: 200].

В ряде статей исследователи представляли материал, записанный непосредственно в Усть-Донецком районе Ростовской области (в 1935–1963 гг. это был Раздорский район). Т.Б. Дианова опубликовала автобиографические тексты жительницы ст. Раздорской А.А. Давыдыч: ее воспоминания о начале войны и проходах отца на фронт, о первых бомбежках станицы и немецкой оккупации [3]. А.Ф. Лицарева на материале экспедиционных записей Московского государственного университета из той же станицы анализирует типичные и локально специфичные тематические блоки воспоминаний о войне, относя к первым рассказы о начале, конце войны, бомбежках, отношению немцев к жителям, а ко вторым, в частности, рассказы о бомбардировках переправ через Дон [6].

В 2000-х гг. особую роль в сохранении исторической памяти и событиях 1941–1945 гг. на территории ст. Раздорской Усть-Донецкого района сыграл Раздорский этнографический музей-

заповедник. С 2018 по 2024 г. руководство музея реализовало полевое исследование, в ходе которого было интервьюировано 27 местных жителей. С каждым годом реализовывать проект было всё сложнее, так как участники и очевидцы событий военного лихолетья уходили из жизни в силу своего возраста. Опросник для интервью включал 37 вопросов, отражающие следующие события: перестройка мирной жизни станичников на военный лад, проводы на войну, эвакуация колхозов, военные действия по захвату станицы немецко-фашистскими оккупантами, бои на донских переправах летом 1942 г. трагедия оккупации, практики выживания в условиях «нового порядка», террор против мирного населения, действия партизан, освобождение населенных пунктов Раздорского района от врага и др. Следует отметить, что вопросный ряд обладал региональной спецификой, связанной с компактным проживанием казачьего населения.

Проанализировав интервью жителей ст. Раздорской, мы подтверждаем гипотезу, высказанную А.Ф. Лицаревой [6], о том, что наиболее ярким воспоминанием станичников из относящихся к военным событиям было воспоминание о боях за донские переправы в июле 1942 г.

Анна Романовна Басова рассказывала: «Напротив станицы Мелиховской была переправа понтонная, где старый паром, переправлялись, когда наши уже отступали, на этой переправе, прямо здесь она была, напротив, на понтонах. А чтобы подойти к понтонам, надо было сделать помост, чтоб подойти с берега, надо, чтобы перешли танки, орудия. Так этот клуб сломали, из него, из всех досок этого материала, сделали подъезд для техники, для переправы. А дальше по Дону были понтоны, вот так переправлялись. Вот здесь очень много погибло наших бойцов. Очень много бомбили. Сама наблюдала три “мессершмитта”. Сначала пролетает рама, она делает разведку, потом летят “мессершмитты” – бомбить. У разведывательных истребителей хвост сделан рамой, а “мессершмитт” – он быстрее, и хвост у него длиннее. Запомнилось, когда бомбили нас страшно. Столько было солдат, столько было беженцев! 22 июля жара была, стояла машина грузовая, полуторка. На этой машине раненые лежали, страшно было смотреть. Мы смотрели, и вскоре немцы заняли станицу. Они вначале бомбили, потом на мотоциклах с колясками ездили» [7].

Об этом же событии детально повествует рассказ И.Е. Ефремова: «Одна переправа, где старый паром, второй мост – на Аксае, глубина огромная, а после войны по щиколотку. Мы косили там камыш крыши крыть, а третья переправа, где... старый паром, разводной мост. Мелиховку бомбили, только переправы. Страшная была. Скотину за Дон перегоняли за Дон, мелиховский скот за Дон переправили. Самолеты бомбили три переправы. Я только слышал. Они в стороне. Переправа – дня три. Немцы много летали. Понтоны делали, где сельхозтехника. Ящики по четырем [сторонам] солдаты смолой заделывали, лес привозили» [8].

Как о самых ожесточенных боях за раздорскую переправу вспоминала и местная жительница А.А. Давыдыч [3].

Травматичные воспоминания станичников связаны с немецко-фашистским оккупационным режимом. С июля 1942 г. в Раздорском районе стал устанавливаться «новый порядок». Из рассказа А.Р. Басовой: «Боялись, что могут что-то не так, могут расстрелять. В доме шарили, что нашли, то забрали. Потом увидели окоп, мы начали выходить. Сестра была старшая, мы боялись за нее, что они станут к ней приставать. Она лицо глиной намазала, чтобы страшно было. Немцы сразу стали кур гонять по двору. “Яйки, яйки”, – говорили. Корова была выгнана, она так и не пришла. Они ее забрали. Потом они остановились здесь у нас. Мы были в подвале. Они в этом разбитом здании наверху, у Жулидовых, дом большой был, у них штаб был» [7].

Сохранились в воспоминаниях сюжеты и об аморальных поступках односельчан: «Комаров Павел Иванович жил, пожилой мужик, бригадир. И вот ранили солдата, и он как-то пошел, глянул – солдат кровью истекает. Он думает: надо забрать и полечить втихую. Он его притянул к себе домой, в подвал затащил, а у него там бочки, рыба соленая. За бочки замостил, вообще положил. А через двор соседский немцы были, стоял штаб. “Слушай, кум, солдат кровью истекает, я, – говорит, – заматал его тряпками”. Ну поговорили эти кумовья. И он говорит: “Вон там штаб, а при штабе есть санинструктор. Лекарства, йод, чтобы рану промыть, спирт – рану смазывать”. – “Ладно, – говорит, – попробую”. Примерно через час приходит. Опосля его, этого Романа, бабка моей матери рассказывала. Она думала, что моя мать предала. Она тоже ни с кумой, ни с кумом не ладила. Он посылал к нам, чтобы

немец картошку выкопал. Ни мать, ни отца не любили. Отца моего загнали – и с концами. Вытянули солдата на край, где рядом дом стоял, и колодец, и калитка. Бух – и убили, и даже не дали хоронить. Но потом кто-то из людей похоронил» [9].

По-разному жители станицы вспоминают об освобождении, так как за одни населенные пункты шли ожесточенные бои, а из других оккупанты просто отступили. Из интервью с Иваном Еремеевичем Ефремовым: «В 14 квартале, во дворе Люцикова Николая Романовича, стояли немецкие пушки и стреляли зимой 1943 г. фугасными снарядами по нашим. Когда фронт шел, видел кубанских казаков, у них были башлыки красные, осенью были. На верблюдах казахи – они освобождали Мелиховскую. У нас во дворе стояли верблюды» [8]. Иначе выглядит уход врага в рассказе А.Р. Басовой: «Когда немцы уходили, это было утро, было так спокойно, я жила на улице Розы Люксембург. Выстроили в ряд лошадей, русские были, власовцы, они вместе с немцами пришли и уходили вместе. Когда они начали наступать, их отправляли в разведку. И вот власовцы приходили к нам, холодно было, у нас были одни валенки на всех, они забрали у нас их. Мы тогда так обижались, что наши русские у нас забрали, чтобы одеться. Они пришли вместе с немцами и уходили с ними. Формы не было на них, обычная русская одежда. Мы их увидели, когда они уходили. Это событие зимы [сорок] третьего года. Из наших никого не помню» [7].

В заключение следует отметить, что рассказы респондентов включали ответы на вопросы о повседневной жизни и практиках выживания в суровых условиях немецко-фашистской оккупации: об обустройстве быта, организации питания, отношениях внутри семьи и с соседями, чувственном мире, стратегиях поведения. Выход исследователя на микроисторический уровень позволяет определить, какую роль сыграла оккупация в судьбе конкретного человека, прийти к пониманию сущности процессов, происходивших на оккупированной территории, через анализ отдельных судеб.

В целом период оккупации занимает в официальной памяти о войне незначительное место, поскольку в нем было место не только для героики. Нарратив дробит традиционные архетипы и символы героического сопротивления захватчикам на множество

коллективных и личных переживаний, ждущих трансляции в социальную память о войне.

Источники и литература

1. Власкина Т.Ю. Война в устных нарративах из архива кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., С. 198–203.

2. Власкина Т.Ю. Война как часть жизни: события 1941–1943 гг. на Дону в меморатах женщин-казачек (обзор материала) // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. XVII Адлерские чтения: материалы международной научно-практической конференции к 65-летию победы в Великой Отечественной войне. Краснодар, 2010. С. 102–105.

3. Дианова Т.Б. Рассказы о Великой Отечественной войне Анны Александровны Давыдыч (станция Раздорская Усть-Донецкого района) // Живая старина. 2014. № 3 (83). С. 36–37.

4. Кринко Е.Ф. Устная история Великой Отечественной войны: институционализация и результаты исследований на юге России // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 196–215.

5. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6. № 3. С. 115–116.

6. Лицарева А.Ф. Устные рассказы о войне в станице Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области: общее и локальное (по материалам экспедиции лета 2010 г.) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 104–118.

7. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант (далее – Инф.) А.Р. Басова, 1926 г.р., записана (далее – зап.) в ст. Мелиховской Усть-Донецкого района Ростовской области в апреле 2017 г. Собиратель (далее – Соб.) М.П. Мерзляков.

8. ПМА. Инф. И.Е. Ефремов, 1934 г.р., зап. в ст. Мелиховской Усть-Донецкого района Ростовской области в мае 2018 г. Соб. М.П. Мерзляков.

9. ПМА. Инф. Н.И. Аванесов, 1934 г.р., зап. в ст. Мелиховской Усть-Донецкого района Ростовской области в июле 2018 г. Соб. М.П. Мерзляков.

10. Рыблова М.А. Великая Отечественная война в народной памяти донских казаков // Россияне и немцы в эпоху катастроф: память о войне и преодоление прошлого: материалы конференции российских и немецких историков, Волгоград, 7–10 сентября 2010 г. / сост. И. Хелльбек, А. Ватлин, Л.П. Шмидт. М.: 2012. С. 135–145.

А.Ф. Лицарева

**ВЫЖИВАНИЕ В ОККУПИРОВАННЫХ ДЕРЕВНЯХ
СМОЛЕНСКОЙ И КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТЕЙ****(на материале устных нарративов
о Великой Отечественной войне)**

В данной работе анализируются тексты воспоминаний о Великой Отечественной войне, которые Любовь Фёдоровна Миронихина (фольклорист, один из редакторов сборника «Из первых уст» [1]), записала в разные годы от очевидцев и объединила в рукопись «Рассказы о прошлом, о жизни, о войне жителей оккупированных районов Калужской и Смоленской областей». В них речь идет о войне в памяти русских крестьян (именно такое первоначальное название рукописи). Как мы узнаем из вступительной статьи составителя, эти воспоминания записаны от женщин и детей, в годы войны переживших оккупацию, угнанных немцами в Рославльский концлагерь (Смоленская область), Белоруссию или Германию. В рукопись отобраны 24 глубинных интервью, многие записи велись на протяжении более десяти лет во время бесед с одним и тем же информантом. 25 респондентов, из них двое мужчин, в годы войны были подростками или молодыми людьми примерно одного возраста, в их числе – молодые, рано выданные замуж женщины, бездетные на тот момент. Все рассказчики, чьи воспоминания мы приводим в этой публикации, пережили оккупацию и лагеря.

Далее в тексте статьи мы постараемся осветить основные тематические блоки, которые были представлены в этих рассказах. Также в рукописи содержатся сведения о детстве информантов, раскулачивании, голоде, тяжелом труде, когда работа была связана с выживанием, а в целом люди не могли жить без труда, не умели работать плохо. Так, Любовь Фёдоровна Миронихина в личной беседе с автором этой статьи на вопрос о стратегиях выживания ответила: «Что касается стратегии выживания, я не представляю, что это такое: люди просто жили, сажали огороды, прятали своих коров... Многие голодали» [13].

Одной из наиболее значимых тем в воспоминаниях о периоде оккупации стало сохранение здоровья и жизни, спасение от голода. Люди добывали еду всеми возможными способами (выживание в голод в оккупированной деревне – отдельная тема

для рассмотрения): собирали кору деревьев, корни, травы, замерзшие гнилые корнеплоды, перетирали их и готовили баланду. Например, в рассказе респондента, которая была угнана на работы, есть упоминание о том, что летом людей, рывших окопы, «кормил лес»: «Потом два месяца мы, молодежь, работали под Кировом, окопы рыли. Там нас хоть кормили, а чем мать с братьями перебивались, не знаю... Ну, правда, лета дождались, летом от леса и жили. В Кирове мы проходили комиссию врачебную, нас чуть в Германию не угнали. Всё уже – готовились, что угонят. Отпустили нас на время домой, а на наше место направили девчонок комиссовать, с двадцать пятого года. Думали, еще неделя-другая – и всех нас увезут» [4].

Значительная часть воспоминаний касается стратегий выживания во время оккупации, того, как удавалось спасать от смерти и издевательств гитлеровцев себя и своих близких. Девушки и молодые женщины, опасаясь сексуальных домогательств, прятались от немцев, переодевались старухами: «Вот вдруг говорят: немцы! Немцы едут. А мы жали рожь. Нас бабы сейчас: “Девки, скорей одевайтесь, скорей как-нибудь...” Нас намазали, волосы распустили, так завернули... Смотритя, они ж девок ловят, смотритя – не глядитя на них, жнитя. Боялись, оберегали женщины нас. Пришли немцы прямо в поле: “А-а-а, матки-матки, панёнки, а-а-а, хорошо-хорошо, хлеб-хлеб...” Ну так они лопочут, что понятно, что непонятно: “А-а-а, куры-куры, яйки, морковь-морковь” (смеется). Ха-ха-ха. Ну, что, а мы жнем, не разгибаемся. Нас было четыре девочки, ну молодки. Ну, я считалась девочка молодая» [10].

Часто спастись удавалось только благодаря чудесному стечению обстоятельств, воле случая. Одной из рассказчиц, которой не удалось уехать вовремя, помогла уцелеть близость леса: «Ну мы в лес забежали, завалилися. Бежит со своей ватагой Фёкла, такая женщина, у ней пять девочек. Вот с ними» [10]. Девушкам удалось сбежать, когда жителей угоняли в концлагерь: «Все уже чувствуют, ночами уезжают в лес жители. Жители в лес уходят. Кто не ушел, не успел, они собирают всех, в одну шеренгу, и нас уже с ними, и гонют нас, собираются гнать в Германию как бы. Мы с подружкой стоим: как бы нам уйти. Говорим, нам надо в туалет. Ну мы, значит, с ней в туалет, отпустил нас. А тут леса-то близко все кругом. Мы за двор вышли, и по картошке бегом и пошли. Тут нас схватились –

и по нас палить! Начали стрелять. Вот стреляли-стреляли и мне попали в ногу. Ну я завалилася... Но мы далеко отошли, до лесу вот как до Дониhi не добежали. Ну и эта, прилегла моя подружка. Вроде мы лежим-лежим, не шевелимся. Ну, а они считают, прикончили нас, всё» [10].

Прятали детей, если те были похожи на евреев из-за вьющихся или темных волос, и младенцев, чтобы оккупанты не убили их, сочтя детьми партизан: «Да! Немец даже, дочь, нас жмал... И муж мой был в партизанах. Я с окопины не вылаживала. Тока вот свекра ходила, корову доила. Да. Вот как-то она по-немецки это еще могла. Она сама из Хохлатчины была, свекра моя. А я не выходила: у меня ж ребенок маленький был, эта, Ленка. В мае я родила, на четвертый день мая, а у осень пришли немцы: “Куда? Откудова ребенок?” Я не вылаживала из окопины, свету не видала... Мне свекра все и носила туда, и пелёночки, и всё тама. Я не видала про свету. Что они делали тут?» [12].

Женщины старались приспособить место для ребенка, если роды происходили в полях и требовалось продолжить работу: «Брали с собою три палки и люльку, и в плену так (когда угоняли немцы в сорок третьем году). И повесим, там, где работали. Во как. А давали ж по первости дольки, чтоб обрабатывать кукурузу, свеклу. Уже в колхозе. Надо ж работать. Что ж, не глядят, что у тебя... И никаких декретов не было, что ты!» [9].

Люди сами лечили друг друга в этих тяжелых условиях: «Война когда началась, объявили войну, и сразу полетели самолеты. Вот. От бомбы можно убечь. У нас одну женщину ранило. Бомба. Рвались эти бомбы, осколки отпали и снова рвались, и снова, и снова, пока во на такие-то щепочки. Одну женщину у нас – на этот бок восемнадцать осколков. Мама моя вытащила все осколки, и она живая, только вот нога чуть прихрамывает. Вытащила сама все-все восемнадцать осколков, и бабка живая осталась, и они уехали на север» [6].

Угроза жизни на территориях, попавших в оккупацию, сохранялась и после ухода гитлеровцев. Возвращавшиеся в родные деревни люди старались не сворачивать с дороги, так как большие территории были заминированы отступавшим неприятелем: «Все ворачиваются домой. Надо себе идить... Пошли к себе. А было дорогой страшно идить! Они ж как отступали, минировали дороги.

Наши. Свернешь с дороги, глядишь – на мину... А цыгане ехали после нас, мы вперед отступали, они после нас... И как мы шли домой, сколько было побито этих цыганей – страшное дело! На мины наступали. Они ж на лошадях ездили всегда. Ихнее добро всегда с собой было. И мы как приехали, у нас один парень был, такой чудной был. Да, нашел гранату, стал разряжать эту гранату, и ему вот так-то вот руку оторвало» [3].

Условия быта были тяжелыми. Жили в траншеях, землянках: «И мы зиму-зимскую в этой траншее, была выкопана, вот в этой траншее зимовали. Ой, это страшное дело! У Наташи как разболелась голова! Во такими-то струпьями. Ой, там и вши были, это страшно! Ну а на весну мы вырыли землянку. Брата сразу забрали. Мы, нас пять осталось, одни эти бабы. Мы вырыли землянку. А мама говорить: “Да пусть они в хатах живут, а в нас землянка хороша”. В нас даже на квартире учителя стояли у этой землянке. Да! Землянка хороша: там же были окошки, а тут печку нам сделали, и печка хороша. Мы приехали в сорок третьем году, да? В сорок седьмом мы хату построили. В сорок седьмом, четыре года. Долго. Построили землянку. О-о-ой, землянку! Мы нашли в лесу точно такую же землянку, обложена была бревнами. Мы эти бревна перетаскали, бревнами заложили землянку. Верх немножко сделали, но... дождь иногда шел. Хоронились под печку. Печку сложили. Печка высокая была, стояла на столбах. Нам дед один сложил. А под столбами мы хоронились, чтобы дождь [не намочил]» [6]. В домах ютились по несколько семей в антисанитарных условиях: «Заступили другие. А другие у нас жили два года, не выходя. У нас в хату не заселились. К нам, в эти каменные хаты – семьи. У нас семь семей жило у нашей хате. Милая! И клопы, и воши, и всего. Спали на полах, где попало спали, да» [5].

При отсутствии хороших вещей одежду приходилось изготавливать из подручных средств: детям перешивали вещи взрослых, женщины шили шуршащие юбки из найденных в лесу парашютов. Зачастую дети из-за нехватки обуви и одежды в холода как в военное, так и в послевоенное время выходили из дома по очереди: «Тут уже слышим, что к концу идет: “Вступили на территорию врага”. Тут радуемся. Некоторые мужчины шлют посылки, которые воевали там. Тому-то прислали такую-то тряпку, тому-то наряд такой. Тогда проще народ был, всё расскажут. Носить было

нечего... После войны трудно было с одеждой. Все выменивали, возили в Белоруссию. Носили всё по очереди: сегодня ты в юбке, завтра – я. И кофты так носили, и обувь. Вот, плащпалатки наши бросали; женщины себе юбки шили, платья шили. Вот идем на сенокос или там соскребать – всё шумит, плащпалатка эта! И посмеемся, и поплачем» [8]; «Мать тоже покойница, идет за мной... Ой, юбка у нее с палатки: вот так – шур-шур-шур» [11].

Часть воспоминаний касается спасения личного имущества как от оккупантов, так и от недобросовестных односельчан: «Мы конину эту уже стали варить. Однажды только сварили целый котел и на стол поставили, там жили мы, – прибежал немец, схватил этот котел с кониной, потому что сами голодные тоже были. Мама кричит: “Отдай хоть котел!” Потому что варить не в чем. Он так полу шинели подставил, она высыпала ему эту конину – и ушел» [3]; «Мы позакопали всё, считай, всё позакопали... Вот только тряпки кое-какие, и бабку посадили. Бабушка у нас уже старая была. Мама наша сердечница была, тоже не очень добрая (здоровая). К Десне подъехали – ночевать. Конечно, если б кто-то у нас был из мужчин, мы б могли куда-то по рву, ров был, по рву мы б могли куда-то скрыться. У нас некоторые поскрылисы. Они рано приехали, и пооткопали все наши ямки и свои поткопали, и нажились. А мы приехали – и всё уже... Какие приехали пораньше, те откапывали ямки. Машинку, перины, подушки, хламье – это всё позакопали, эти сундуки закапывали. Ну, приехали – ничёго нет, ничёго абсолютно. Это уже русские их застали, и они вернулись домой, а мы в этом в концлагере пробыли, три месяца мы были. Да, да, в Рослове (в Рославле). Вот рословский лагерь, вот в этом концлагере мы пробыли три месяца» [6].

Нередко попытки сохранить вещи, домашнюю утварь, продукты были сопряжены с угрозой для жизни. Например, пожилые женщины, рискуя собой, спасли от сжигания родную деревню: «Всех погнали, кто там был, они уехали. В нашу Малиновку пришли они... Пустыньки они сразу запалили, все пылает-горит. Малиновку... Все уехали заранее, остались три старушки. Они спасли нашу деревню. Немцы оставляют немца три с машиною, вот они поджигают, обливают и спичку – и горит. Вот они обливают, а бабки за ноги их хватают, за руки: “Деточки, не надо, миленькие, не надо!” Они их копыльнут ногой, бабка эта отлетела, а она снова

ползет, другая ползет – не надо! Вот они бабок этих и не застрелили, не убили, и главное – осталась наша деревня: им некогда – тут русские вот они» [10].

Порой сохраненное ценой больших усилий добро сгорало или отсыревало: «Я позакопала в сундуку, где в мешках, где как. И с собою брала мешок. Еще в какой-то поселок тама, за Рогнединым, не знаю, как его зовут, таперь забыла, ходила во на такую-то мельницу, смолола хлебушка дитям. А Валя вот была большая, восьми годочков, тая с котялочком ходила, какой-то баланды там нам нальют, и принесет этой, постербаем-постербаем... И всё. Это еще до Рослава мы, на дороге. Нас на дороге перехватили. Там какой-то туннель был. Там все, там много нас было. И когда русские нас захватили, и мы вернулись домой. У мене коня отобрали, корову отобрали – всё, ничёго, отстались одни дети. Шли, Афоньку на дороге тото ж с нами, встрел этот, военный и говорит: “С нами теперь пойдем”. А он говорит: “Детей, говорит, хотца до двора...” – “А там, говорит, нету ничёго, всё погорело, на Глухове”» [9].

Пытались отстоять свое имущество и дети, и подростки: «А утром стали собираться уезжать и забрали у нас все – и ведры, и топоры, и всё. Ну как же жить-то? А я немецкий язык немного знала, пошла к ним объяснять, мол, не берите всё-то! Они было меня затоптали лошадьми. Они запрягают лошадей, я бегаю вокруг них: мол, отдайте что-нибудь! (смеется) Как же быть без ведра? И по-немецки. Ну! Запрягают, лошади эти здоровые. Так и всё – ничего не отдали. Слава Богу, больше немцы у нас не стояли, но из Юхнова наезжали» [7].

Несмотря на тяжесть оккупации, женщины, старики и даже дети старались помогать стране и фронту: «Общественная работа от нас не уходила. По-прежнему на фронт посылали письма, подарки, теплые вещи, кисеты, платки. Помню такую на кисете вышивку: “После боя – закури!” Дома-то всё делали и навоз возили. И всё делали с такими словами: “Лишний удар по врагу”. Побольше что-то сделать – это лишний удар по врагу» [8]; «Налог был – военный, сельскохозяйственный, танковая колонна, заим. Заим провели в первых числах апреля, подписку. Помню, одиннадцатого апреля я уже собранные деньги несла в Юхнов. Еще тогда снежок только начал таять. И вот я их в мешке на спине носила. <...> Ну у нас коровы-то остались, молочко-то сдавали государству бесплатно,

а как же, норма была. И мясо. И мясозаготовка бесплатная. И триста литров молока надо было сдать. И сколько-то яиц, забыла. Вот. На танковую колонну подписывали, заим подписывали, военный налог, сельскохозяйственный налог» [7].

Все тяготы военного времени на себе вынесло поколение людей, которые много работали, причем работа была физически тяжелой: «Нам в сорок втором, сорок третьем была норма – пять соток вспахать лопатой на человека. На себе даже пахали. В сорок седьмом карточки отменили. Помню, в Москву поехала, увидела очередь, удивилась. Свободно стояла за сахаром! Свободно стояла! Работали отчаянно. Женщины выкашивали гектар, а сейчас десять соток замариваются. Наша женщина-председатель выдала по двести грамм на трудодень зерна в войну, так ее посадили на десять лет. Строго было: всё для фронта. Колоски собирали. Саша, сестра младшая, с детьми колоски собирали и сдавали в колхоз. Она с двенадцати лет уже пахала. После войны ездили копать картошку. Те, кто помоложе, себе наберут, а мы даже ведро переворачивали – ничего нет. Не брали!» [7].

Таким образом, в массиве воспоминаний о жизни на оккупированной территории Смоленской и Калужской областей выделяется ряд сквозных тем: спасение от гитлеровцев себя и близких, в первую очередь детей и молодых женщин, голод, тяжелые условия быта, сохранение имущества, помощь фронту и др. Рассказы о стратегиях выживания важны для публикации, особенно для поколения, не видевшего войны. Современной молодежи непонятно, как можно считать преступлением (то есть приравнивать к грабежу или нападению на человека) попытку уйти с завода или подобрать с земли колосок, особенно если дома ждут умирающие от голода маленькие дети. В различных исследованиях и при проведении мероприятий «следует привлекать записи нарративов потомков переживших войну людей, что интересно не только в историческом плане, но и в стилистическом аспекте» [2: 277].

Источники и литература

1. Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / сост. А.В. Кулагина, Л.Ф. Миронихина, Г.А. Шепелев. М., 2010.
2. Лицарева А.Ф. Восприятие врага жителями оккупированных деревень Калужской и Смоленской областей (на материале устных нарративов

о Великой Отечественной войне) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–27 октября 2023 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева. М., 2023. С. 270–279.

3. Личный архив Л.Ф. Миронихиной (далее – ЛАМ). Информант (далее – Инф.) А.М. Иванюшкина, 1928 г.р., уроженка (далее – ур.) д. Крапивна Смоленской губернии.

4. ЛАМ. А.М. Трофимова, 1924 г.р., ур. д. Семичастные Хутора Жиздринского уезда Калужской губернии.

5. ЛАМ. Инф. В.Д. Сазонова, 1937 г.р., ур. в д. Кабачи (в те годы Жиздринского района Западной области).

6. ЛАМ. Инф. В.Е. Карпизенкова, 1933 г.р., ур. д. Суборово Смоленской области.

7. ЛАМ. Инф. Е.М. Пупырева, 1923 г.р., ур. д. Бекасово Юхновского уезда Калужской губернии.

8. ЛАМ. Инф. М.А. Зыченкова, 1925 г.р., ур. д. Большая Крутица Мосальского уезда Калужской губернии, в 1950-е гг. переехала в г. Юхнов; работала учительницей, была общественным деятелем.

9. ЛАМ. Инф. Н.А. Лагно, 1916 г.р., ур. д. Глуховка Жиздринского уезда Калужской губернии, неграмотная.

10. ЛАМ. Инф. П.И. Савельева, 1920 г.р., ур. д. Малиновка Рославльского уезда Смоленской губернии; работа с ней продолжалась с 1999 до 2005 г. в г. Рославле Смоленской области.

11. ЛАМ. Инф. Т.К. Косенкова, 1925 г.р., ур. д. Поповка Рославльского уезда Смоленской губернии; в 1942 г. была угнана в Германию.

12. ЛАМ. Инф. Т.М. Власова, 1911 г.р., ур. с. Бутчино Жиздринского уезда Калужской губернии.

13. Полевые материалы автора. Инф. Л.Ф. Миронихина, 1952 г.р., член Союза писателей России, работала на кафедре фольклора филологического факультета Московского государственного университета, в Государственном республиканском центре русского фольклора, записана в г. Москве в 2023 г., собиратель А.Ф. Лицарева.

М.Ю. Сорокина

КРАСНОЕ ПОКОЛЕНИЕ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ: ИЛЬЯ ЖЕРЕБКОВ (1919–2011)

Начало Второй мировой войны оказало огромное влияние на различные сегменты русской белой эмиграции, представители

которой проживали в Европе. Эмиграция, никогда не являвшаяся единой, стремилась сохранять не только традиционные дореволюционные культурные ценности, но и память о Первой мировой войне, включавшую недоверие и презрение к недавним врагам – немцам. Эти чувства с новой силой возродились с началом Великой Отечественной войны и вторжением немецкой армии на территорию СССР. В то же время разочарование в идеологии и практиках белого движения, недовольство многими институтами самой эмиграции и ее политическими лидерами породили и стимулировали появление новых социальных и профессиональных сообществ белой эмиграции, в том числе возвращенческих, антифашистских и оккупационных.

Часть соотечественников, оказавшихся за рубежом, приняла активное участие в антифашистской борьбе движения Сопротивления в Югославии, Франции, Бельгии, Италии и других странах. Однако роль и практики участников этого движения из представителей российской эмиграции до сих пор недостаточно представлены в российской историографии Второй мировой войны. Достаточно отметить, что первая в СССР и России и остающаяся единственной международной научная конференция, посвященная русским участникам европейского движения Сопротивления, состоялась только в 2015 г. [14], хотя количество круглых столов по этой теме в последнее десятилетие заметно возрастает [20]. Между тем национальные исторические нарративы разных стран мира давно вобрали в себя виктимизацию и глорификацию их граждан и/или подданных, проявивших себя в борьбе против нацизма и фашизма в годы Второй мировой войны, а в некоторых странах, переживших национальное унижение сдачей столиц и оккупацией, пантеон «своих» героев стал актуальным символическим капиталом и частью общенациональной послевоенной идеи.

В бывшей Югославии, где была сосредоточена одна из самых больших русских диаспор межвоенной Европы, русские эмигранты, по разным причинам с симпатиями относившиеся к СССР, внесли значительный вклад в борьбу с оккупантами и были награждены югославскими боевыми орденами самого высокого достоинства [10]. Однако в российской историографии исторический опыт и послевоенная судьба красных русских, в том числе членов Союза советских патриотов (далее – ССП) в Белграде,

первой подобного рода организации, созданной в Европе, остается почти неизвестной. Между тем с начала 1960-х гг. усилиями прежде всего ветеранов войны в советской историографии была заложена традиция изучения борьбы «народов славянских стран» против фашистских оккупантов. Так, еще в 1961 г. вышла монография В.И. Клокова [12], а в 1963 г., уже после возвращения в СССР, известный филолог и член ССП И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969) опубликовал ряд статей-воспоминаний, в которых затронул деятельность Союза советских патриотов в Белграде, акцентируя внимание на той роли, которую сыграли представители «молодого» поколения русской эмиграции в приближение победы над фашизмом [5–7]. В последующие годы в СССР постоянно издавались сборники документов об участии как советских граждан, так и зарубежных соотечественников, в европейском Сопротивлении, а также монографические исследования по этой теме [11; 16; 17]. Так, в 1975 г. В.Н. Казак подробно рассмотрел различные формы участия советских военнопленных и перемещенных лиц в движении Сопротивления на Балканах, а в главе о Югославии коснулся и деятельности Союза советских патриотов [11].

К сожалению, дальнейшего развития на балканском материале эта линия научного исследования в советской историографии не получила, хотя на уровне художественных практик продолжала существовать и развиваться [21; 22]. По-видимому, недоступность полноценных архивных источников была существенной причиной скромного интереса профессионального исторического сообщества к этой проблематике, но одновременно низкая востребованность в СССР эмигрантского дискурса в целом не способствовала дальнейшим исследованиям. На всем протяжении 1960–1980-х гг. общая политическая линия советской партийно-государственной элиты на развитие отношений с зарубежными соотечественниками испытывала значительные колебания в зависимости от международной обстановки, что сказывалось на социальном заказе и выборе тематики, связанной с историей русского зарубежья. В югославской историографии, которая в свою очередь испытывала существенное воздействие государственной политики памяти, акцент также делался на «своих» героях Второй мировой войны [8].

В последние годы и в Сербии, и в России появились исследовательские проекты, на новых архивных материалах рассматривающие

идеологию и разнообразные практики просоветски настроенной части русской эмиграции в межвоенной Югославии [4; 18; 19]. Особое место в этом перечне занимают работы А.Ю. Тимофеева, который на основе рассекреченных в Архиве Сербии документов Управления государственной безопасности, прежде всего показаний некоторых членов ССП, представил новую информацию о Союзе и его деятельности [15; 23].

Российские архивы также содержат немало документов, существенно восполняющих лакуны в истории Союза советских патриотов в Белграде. Так, в фонде «Российская миссия в Белграде» Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – АВПРИ МИД РФ) сохранились многие важные документы русской эмиграции межвоенного периода и, в частности, несколько дел по истории ССП, в том числе протоколы его заседаний и общих собраний после освобождения Белграда Красной армией в октябре 1944 г., а также заявления русских эмигрантов – кандидатов на вступление в ССП [1–3]. Происхождение этих документов связано с деятельностью Делегации, ведавшей интересами русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия, далее – КСХС), во главе с В.Н. Штрандтманом. Офис Делегации располагался в Русском доме в Белграде. После освобождения города сохранившиеся здесь документы были вывезены в СССР.

Значение эмигрантских материалов АВПРИ МИД РФ тем более велико, что они позволяют значительно более детально, чем это было известно ранее, представить персональный состав ССП и уточнить вывод А.Ю. Тимофеева о том, что «основной средой формирования русских отрядов Сопротивления были... левые молодежные кружки в русских школьных организациях, в кадетских корпусах (О. Толстой, П. Кутепов) и в русских колониях по всей Югославии» [24: 165]. Этот важный вывод существенно подкрепляет и известный сербский историк М. Живанович, изучавшая конкретные практики «красного поколения белой эмиграции» в 1-м Русском кадетском корпусе великого князя Константина Константиновича в Белой Церкви [9].

В рамках настоящей статьи на основе документов АВПРИ МИД РФ мы впервые вводим в научный оборот некоторые сведения об удивительной и даже загадочной судьбе бывшего

кадета, антифашиста и члена ССП, одного из русских героев югославского Сопротивления – Ильи Владимировича Жеребкова (1919–2011). Одна из граней его биографии ярко отражает пока еще недостаточно исследованную проблему «отцов и детей» русской эмиграции в годы Второй мировой войны.

До самого недавнего времени считалось, что единственным русским эмигрантом в Югославии, награжденным советским боевым орденом, был Алексей Петрович Дураков (1898–1944) [18]. Однако спустя 30 лет после его награждения, в апреле 1995 г., ордена Отечественной войны II степени был удостоен и Илья Владимирович Жеребков, с середины 1950-х гг. живший в Ростове-на-Дону и, в отличие от своего более известного двоюродного брата, коллаборациониста Юрия Жеребкова (1908–1980), являвшийся активным антифашистом и деятелем Союза советских патриотов в Белграде.

Илья Жеребков, родившийся в Тифлисе, принадлежал потомственной дворянской военной семье. Его дед Алексей Герасимович Жеребков (1837–1922), донской дворянин, генерал от кавалерии и флигель-адъютант императора Александра II, георгиевский кавалер, со своим полком участвовал еще в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в штурме и блокаде Плевны и в переходе через Шипкинский перевал. В марте 1920 г. он был эвакуирован из Новороссийска в Салоники и затем попал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Карьера его сына и отца Ильи – Владимира Алексеевича Жеребкова (1866–1930) – также начиналась блестяще: он окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус по первому разряду и служил в Казачьем лейб-гвардии Его Величества полку, а с 1892 г. учился в Николаевской академии Генерального штаба. Однако в 1893 г. за убийство на дуэли сослуживца Владимир Жеребков был исключен из списков полка, лишен чинов, всех прав состояния, исключен из службы и приговорен к 12 годам каторжных работ, но вскоре оказался рядовым Потийского резервного пехотного полка. Медленно, но верно Владимир Алексеевич восстанавливал свою карьеру, в том числе на полях сражений. Так, за отличие в Русско-японской войне он был награжден несколькими орденами. С началом Первой мировой войны В.А. Жеребков вновь поступил на военную службу, в 1920 г. уже в звании полковника был эвакуирован из Крыма и также осел в КСХС, в Сараево.

Вместе с В.А. Жеребковым эмигрировала и его семья. Мать Ильи Екатерина Ильинична (1882–1948) была грузинкой, урожденной княжной Дадиани, и принадлежала к древнему роду правителей Мингрелии. Она и ее дочь Марина (1915–1935), студентка Белградского университета, похоронены на Новом кладбище в Белграде.

Судьба единственного сына Ильи оказалась весьма необычной для его круга. Продолжая традиции семьи, он окончил Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус в Белой Церкви в 1937 г. и был выпущен вице-унтер-офицером, но из-за своих политических убеждений и жизненных обстоятельств, как писал сам Илья, выпал из общей обоймы своих кадет-однокашников [3: 24]. Во время учебы на юридическом факультете Белградского университета Илья сблизился с сербскими студентами-антифашистами, а русское студенческое общежитие на Сеньяке, где он жил, стало одним из очагов коммунистической пропаганды среди студентов-эмигрантов, здесь постоянно слушали и обсуждали новости из Лондона и Москвы. В январе 1942 г. Илья Жеребков был вызван на допрос в гестапо и затем уехал, а фактически бежал в небольшой сербский городок Неготин на границе с Болгарией и Румынией, известный тем, что в 1804 г. именно здесь вспыхнуло Первое сербское восстание против Османской империи. В Неготине Илья оставался до 1943 г.

Вернувшись в Белград, Жеребков продолжил свою подпольную антифашистскую деятельность, на этот раз – в женском общежитии, где курсистки и гимназистки также слушали радиопередачи из Москвы, а он сам агитировал за помощь приближающейся Красной армии. По свидетельству Ильи, работа облегчалась благодаря близкой знакомой его семьи Марии Алексеевне Неклюдовой (1866–1948), потомственной дворянке, бывшей начальнице эвакуированного Харьковского девичьего института имени Императрицы Марии Федоровны в Новом Бечее и в будущем – репатриантке в СССР. Очень скоро, 3 февраля 1944 г., Жеребков был вновь вызван в специальную полицию Белграда, и, чтобы спасти его, М.А. Неклюдова, которой в то время было уже под 80 лет, задним числом устроила Илью секретарем юридического отдела вполне лояльного к немецкому оккупационному режиму Русского дома [3: 24]. Эта история хорошо показывает, что белая русская эмиграция в Белграде не была гомогенной, а сословные и семейные

связи внутри нее в совокупности с патриотическими настроениями имели едва ли не большее значение, чем политические взгляды.

Летом 1944 г., когда оккупационные власти поставили вопрос о мобилизации в армию всех русских эмигрантов, Илья Жеребков решил уйти в партизаны, но не успел этого сделать. 22 сентября он был арестован, обвинен в пропаганде среди немецких войск, перевезен в тюрьму в Земуне и 24 сентября должен был быть расстрелян, но благодаря помощи товарищей (среди них был О. Кожин) бежал, работал переводчиком для Красной армии, а затем вступил в ряды Югославской народно-освободительной армии [3: 25 об.].

После демобилизации в феврале 1946 г. И.В. Жеребков продолжил работать переводчиком и литературным сотрудником на радио, в издательстве «Культура» и в представительстве Совинформбюро. В этот период он подавал заявление на советский паспорт, но, как и многие другие его соратники по Сопротивлению, не успел воспользоваться им... Осенью 1948 г., рассказывал Илья Владимирович, он имел глупость отвезти в Сараево, где жила его старшая сестра, опубликованную в Москве 8 сентября 1948 г. в газете «Правда» статью И.В. Сталина «Куда ведет национализм клики Тито» [13]. Вероятно, в условиях жесткой конфронтации между Югославией и СССР не обошлось без доноса, и 6 июля 1949 г. югославские власти арестовали Жеребкова. В декабре 1949 г. на показательном суде в Сараево над «бывшими белогвардейцами – советскими гражданами, завербованными советской разведкой», Илья Владимирович, которому в то время исполнилось 30 лет, был приговорен к шести годам лишения свободы.

После отбытия срока «от звонка до звонка» Жеребков в 1955 г. вернулся в Белград и вскоре – на родину. Всё оставшееся время до кончины он жил в Ростове-на-Дону, работал преподавателем сербского языка в университете и пединституте, а затем редактором технической литературы в областном издательстве [13]. Любопытно, что несмотря на просоветское прошлое, он имел связи с бывшими югославскими кадетами, и никто из них не предъявлял ему обвинений в измене кадетскому братству, более того благодаря Жеребкову эти связи упрочивались.

Остается неясным, был ли Илья Владимирович Жеребков частью советской разведывательной сети в Югославии и членом коммунистической партии, но в своей анкете 1944 г. он писал:

«Будучи сознательным коммунистом готов везде и всегда работать на пользу нашей Родины, ее Правительства и героической Красной Армии» [3: 25 об.]. Орден Отечественной войны говорит о том, что это были не пустые слова...

История Ильи Жеребкова поистине уникальна, а документы АВПРИ МИД РФ позволяют слегка приподнять завесу над новыми неизвестными страницами «русского Сопротивления» в Югославии, которые, несомненно, готовят много неожиданных открытий для историков.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – АВПРИ МИД РФ). Фонд «Российская миссия в Белграде (Делегация, ведавшая интересами русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии)». Оп. 508/3. Д. 249.

2. АВПРИ МИД РФ. Фонд «Российская миссия в Белграде (Делегация, ведавшая интересами русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии)». Оп. 508/3. Д. 250.

3. АВПРИ МИД РФ. Фонд «Российская миссия в Белграде (Делегация, ведавшая интересами русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии)». Оп. 508/3. Д. 251.

4. Боровняк Дж. Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 305–327.

5. Голенищев-Кутузов И.Н. Думы в канун Октября // Голос Родины (Берлин). 1963. № 63 (764). С. 6.

6. Голенищев-Кутузов И.Н. Подвиг Федора Высторопского // Голос Родины (Берлин). 1963. № 68 (769). С. 6.

7. Голенищев-Кутузов И.Н. Поэт, борец, партизан // Голос Родины (Берлин). 1963. № 64 (765). С. 6.

8. Живанович М. Влияние политики на судьбу и память о русских участниках движения Сопротивления в Югославии // Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2021. С. 26–43.

9. Живанович М. Истрага у Првом руском кадетском корпусу великог кнеза Константина Константиновича у Белој Цркви 1934. Године // Токови историје. 2022. № 1. С. 43–69.

10. Живанович М. Награждения представителей русского зарубежья орденами социалистической Югославии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. № 1 (33). С. 177–193.

11. Казак В.Н. Побратимы: Советские люди в антифашистской борьбе народов Балканских стран 1941–1945. М., 1975.
12. Клоков В.И. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей. (1939–1945 гг.). Киев, 1961.
13. [Некролог И.В. Жеребкову]. URL: <https://kkcby.narod.ru/novosti/mortirolog/gerebkov.html> (дата обращения 12.02.2024).
14. Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015.
15. Руски емигранти у Југославији – припадници покрета отпора током Другог светског рата / прир. проф. др А. Тимофејев. Београд, 2022.
16. Семиряга М.И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970.
17. Советские люди в освободительной борьбе югославского народа. (1941–1945 гг.: Воспоминания, документы и материалы) / сост. Т.С. Бушueva. М., 1973.
18. Сорокина М.Ю. Алексей Дураков: русский поэт – сербский партизан, 1898–1944. М., 2023.
19. Сорокина М.Ю. Из белых – в красные: Фёдор Высторопский и Союз советских патриотов в Югославии (1941–1944) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Материалы III Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2022. С. 83–91.
20. Сорокина М.Ю. Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны: международный круглый стол // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2020. М., 2021. С. 23–27.
21. Сорокина М.Ю. Русские эмигранты – герои европейского Сопротивления: конструирование образа в художественных практиках СССР постсталинского периода // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 150–159.
22. Сорокина М.Ю. «Русское Сопротивление» в годы Второй мировой войны: политики памяти и художественные практики в СССР / России // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М., 2023. С. 13–20.
23. Тимофеев А.Ю. Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 238–272.
24. Тимофејев А. Нестајање руске емиграције у Југославији. 1941–1954. Београд, 2022.

Вер.Ю. Мартыненко**ВОСПИТАННИКИ ШАХТИНСКОГО АЭРОКЛУБА –
УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В предвоенные годы в Советском Союзе наблюдался значительный рост производства авиационной техники. В этой связи в стране принимаются меры по расширению сети аэроклубов. В январе 1927 г. в Москве состоялся первый Всесоюзный съезд «Общества содействия обороне, авиации и химическому строительству» (Осоавиахим), первоочередными задачами которого являлись: развертывание оборонно-массовой работы среди населения в целях укрепления обороноспособности страны, содействие развитию авиационной и химической промышленности, воспитание граждан в духе советского патриотизма.

В сталинскую эпоху авиация вдохновляла многих. Не только молодежь, но и взрослые, и дети увлеклись авиацией, изучали самолеты, парили на планере, строили авиационные модели. Аэроклубное строительство, призванное помочь трудящимся овладеть высотами авиации, а также содействовать развитию самой авиации, захватывало все новые и новые слои трудящихся. В Шахтинском районе оно тоже имело громадные достижения. Как пример можно привести школу авиамотористов Шахтинского городского совета Осоавиахима. Школа начала работать в октябре 1931 г. и уже к ноябрю 1933 г. сделала 5 выпусков авиамотористов. Из 160 человек, окончивших школу авиамотористов, 90 ушли в авиастроительство, 70 – в части военно-воздушных сил [3]. Горняки, особенно молодежь, проявляли большой интерес к изучению авиации. Отрабатывав на шахте 6–7 часов, слушатели школы без опозданий и аккуратно приходили на занятия, показывая образец дисциплинированности. Окончившие школу авиамотористов получали прекрасные отзывы с мест последующего трудоустройства. Как правило, при призыве на военную службу курсанты школы попадали в авиачасть. Первые воспитанники школы уже работали авиатехниками на боевых машинах, и командование школы получило благодарственные отзывы за их хорошую подготовку [3].

Согласно решению 4-го пленума Центрального совета Осоавиахима с декабря 1933 г. в г. Шахты был организован аэроклуб [3]. Введена новая программа по подготовке авиационных

кадров. Прежде чем сесть на самолет, курсант проходил занятия на планере по четырехмесячной программе полетов. Первый самостоятельный полет обычно осуществлялся после 25–30 часов налета с инструктором, а затем 20 часов обучающийся летал самостоятельно, выполняя простые задания. Также во время учебы будущие летчики должны были совершить 1–2 прыжка с парашютом [3]. Вот как вспоминает об обучении летному делу В. Соляник, ученик 10 класса средней школы № 12, курсант Шахтинского аэроклуба: «Учеба увлекла меня. На зачетах по теоретическому курсу я получил по всем предметам оценку “отлично”. Моя заветная мечта – быть в рядах наших героических летчиков» [6]. Начальник аэроклуба Желтов в газете «Красной шахтер» писал: «Планеризм – увлекательный доступный вид технического спорта. Все прошедшие курс полетов на планере уже на 75 % становятся летчиками при переходе на боевую машину» [3].

«Быть таким, как Чкалов – сокровенная мечта каждого из нас, курсантов», – писал в своем сочинении выпускник Шахтинского аэроклуба М. Гриднев [1]. Именно пример и подвиги В. Чкалова мотивировали молодых курсантов советской авиации: каждый хотел стать выдающимся летчиком, и это была их самая заветная мечта, перед которой они не видели преград. Шахтинский аэроклуб на протяжении долгого времени славился своими успехами в области авиационного строительства и лучшими выпускниками.

Помимо молодых людей, авиацией увлеклись и девушки. Так, младшая дочь шахтера Никифора Алексеевича Фисунова, который отдал 41 год своей жизни работе в шахте, Меланья поступила в авиационную школу и стала летчицей. Через два года после окончания авиашколы Меланья Фисунова стала летчицей-инструктором. «Вот уже 8 лет дочь шахтера летает на самолете. В это время Меланье Фисуновой было 25 лет. В этом возрасте ее отцу, Никифору Алексеевичу, подрядчик доверял лишь каретку да лямки. А его дочери советская власть доверила такую сложнейшую машину, как самолет», – писал журналист К. Григорьев [2].

Аэроклуб развивался быстро, его популярность в городе росла. Совершенствовалась база, обновлялся парк машин. Этому способствовал Комитет содействия развитию гражданской авиации в г. Шахты. Его председатель Аваков прилагал большие усилия для

развития авиационного дела. За техническую оснащенность аэроклуба ответственность возлагалось на шахты [3].

В 1939 г. аэроклуб подготовил 121 пилота. Шахтинскому аэроклубу была присвоена 3 категория, так как площадь аэродрома была 600 на 800 м, бензотара на 100 т, имелся ангар на 12 самолетов и шесть учебных аудиторий. За образцовую работу по развитию аэроклубного строительства, за прекрасную подготовку авиационных кадров Центральный совет Осоавиахима премировал Шахтинский аэроклуб самолетом [3].

С 1935 г. в Шахтинском аэроклубе начались полеты на самолете У-2. Их в народе прозвали «уточками», а курсанты называли «летучая парта». Но в годы Великой Отечественной войны этот самолет стал легендарным: столько страха нагоняли на гитлеровцев эти небесные тихоходы.

Воспитание технических кадров, подготовка молодых специалистов всегда считались почетным делом: «Инструктор-летчик И.Т. Стасюк стоял перед строем курсантов аэроклуба. В его руках трепетало полотнище Красного знамени. Радость и гордость излучали его глаза. Переходящее Красное знамя, завоеванное в социалистическом соревновании – это результат напряженной учебы руководимой им группы курсантов» [6]. Во время учебных полетов ни один курсант его группы не имел плохих и даже удовлетворительных показателей, что говорило о качестве проделанной работы с курсантами во время обучения.

Воспитанник Шахтинского аэроклуба К. Белянин, обучавшийся летному делу с 1934 г. и ставший в 1937 г. инструктором, вспоминал: «Мне поручили обучать будущих пилотов. Прежде всего, я поближе познакомился с курсантами, постарался изучить каждого из них, добился полной организованности и дисциплинированности в своей группе. Перед полетом я подробно инструктировал каждого ученика, и только убедившись в том, что задание понято и усвоено, разрешал лететь. Если у молодого пилота что-либо не ладилось, я немедленно летел с ним и объяснял ему, что и как нужно делать. В результате такого обучения курсанты усваивали материал на “хорошо” и “отлично”. Многие из моих бывших воспитанников – отличники Скопов, Проценко, Новиков, Ершов, Тельбухов и др. сейчас служат в частях Военно-Воздушных сил РККА, учатся в военных школах. В этом году курсанты моей группы не имели ни одной

посредственной оценки» [6]. Среди обучающихся были и девушки – курсантки Карева, Урбанович. «Я счастлив быть воспитателем молодых летчиков – пламенных патриотов нашей любимой родины. Обещаю при выпуске следующей группы курсантов добиться еще более высоких показателей. Буду бороться, чтобы областное переходящее Красное знамя, завоеванное нашим аэроклубом в 1939 году, осталось в наших руках», – писал летчик-инструктор К. Белянин [6].

Преподаватель по авиационным предметам А. Белогуров докладывал: «В 1938 году мои курсанты сдали государственные экзамены со средним баллом 4,67; в прошлом году средний балл успеваемости моих учеников был равен 4,54, в этом году первая очередь курсантов при сдаче экзаменов получила средний балл 4,87» [6]. За хорошую подготовку курсантов Белогуров имел ряд премий, благодарностей от командования аэроклуба, а курсантский состав первой очереди преподнес ему в подарок часы.

Лучшие инструкторы – летчики аэроклуба А.К. Горовец и Д.В. Татаренко, Стасюк, Белянин, Молчан, Александров, Рубанов – передавали свои знания молодым курсантам. Приобретенные в аэроклубе навыки помогли им и их воспитанникам (А.Е. Мазуренко, Е.Г. Андреев, А.Н. Колесников, Н.И. Капустников, Н.М. Китаев, С.П. Кобзев, Б.И. Ковзан) в воздушных боях во время Великой Отечественной войны.

Немало сведений о летчиках-шахтинцах, получивших звание Героя Советского Союза, содержится в документах Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области [8: 56–87].

Одним из легендарных летчиков Шахтинского аэроклуба был А.К. Горовец, который обучался летному делу в Витебском аэроклубе. В 1932 г. Александра Константиновича призвали в армию и направили в Ульяновскую летную школу инструкторов Осоавиахима, которую он окончил в 1935 г. Затем А.К. Горовец был направлен на работу в аэроклуб им. Водопьянова г. Шахты, где работал летчиком-инструктором. С 1 декабря 1937 г. он был переведен на должность командира звена. В 1939 г. А.К. Горовец окончил курсы командиров звена в Кировограде. По возвращении в Шахты 8 октября 1939 г. он был назначен начальником летной части аэроклуба, где и работал до Великой Отечественной войны. В декабре 1939 г. был избран депутатом Шахтинского райсовета. В июне 1941 г. направлен командиром звена в 20-ю военную авиашколу.

На фронте – с июля 1942 г., воевал в составе Северо-Кавказского и Воронежского фронтов. Горовец с ведомым В. Рекуновым замыкали боевой порядок возвращавшихся на базу истребителей. 6 июля 1943 г., выполняя задание по прикрытию наземных войск, Горовец вступил в бой с 20 вражескими бомбардировщиками в районе деревни Зоринские Дворы Белгородской области. Стремительно атакуя врага, Горовец умело маневрировал, уворачиваясь от встречного огня «юнкерсов». Бил прицельно – берег боеприпасы. Уничтожил восемь самолетов, погнался за девятым, но орудия молчали – закончился боекомплект. Тогда советский ас нанес удар винтом «юнкерсу» по хвостовому оперению. Девятый вражеский бомбардировщик был сбит. Пилот взял курс на аэродром. И тут в небе появились три пары немецких истребителей FW-190. Уклониться от схватки было невозможно. Из последних сил раненый Горовец открыл кабину, дернул кольцо парашюта, но спастись не удалось. А.К. Горовец – единственный советский летчик, которому удалось в одном бою сбить девять вражеских самолетов. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Имя А.К. Горовца золотыми буквами вписано в историю Курской битвы и всей Великой Отечественной войны.

Доблестью и славой отмечен боевой путь морского летчика Дмитрия Митрофановича Татаренко, пытливого и любознательного воспитанника Шахтинского аэроклуба. В небе Балтики он стал грозой для фашистских стервятников. К началу мая 1944 г. Д.М. Татаренко сделал 559 боевых вылетов, провел 102 воздушных боя, сбил 16 самолетов лично и 8 – в группе. За беспримерные боевые подвиги Д.М. Татаренко было присвоено звание Героя Советского Союза. Президент США Ф. Рузвельт лично наградил его Военно-морским крестом за совместные боевые действия с союзными летчиками.

Одна из улиц г. Шахты носит имя еще одного воспитанника Шахтинского аэроклуба – Николая Васильевича Шапкина. Летчик-разведчик на своем самолете Як-9 атаковывал базы противника, сбил три вражеских самолета. Его называли лучшим воздушным разведчиком Балтики. За мужество и отвагу, проявленные при обороне Ленинграда, Н.В. Шапкину было присвоено звание Героя Советского Союза. В марте 1945 г., возвращаясь с очередного боевого задания, он погиб в неравном бою с самолетами противника: его самолет упал в море возле Гдыни.

На счету гвардейца, командира звена бомбардировщиков Юрия Хрисанфовича Косенко – 94 боевых вылета в тылы и на боевые позиции врага. За мужественный подвиг – уничтожение последнего немецкого опорного пункта блокады Ленинграда, которое ускорило соединение частей Ленинградского и Волховского фронтов, – он был представлен к званию Героя Советского Союза. 17 мая 1944 г. Ю.Х. Косенко погиб в воздушном бою.

Бережно хранит память о своих выпускниках – участниках Великой Отечественной войны средняя школа № 5 г. Шахты. Один из них – Николай Репин. С детских лет его манило небо, поэтому Николай поступил в Шахтинский аэроклуб, а затем поехал учиться в Ейское военное авиационное училище. Там и застала его война.

Шел суровый 1943 год. Сразу же после окончания училища Николай прибыл в авиационную эскадрилью 14-го гвардейского истребительного авиационного Краснознаменного полка 8-й минно-торпедной авиационной Гатчинской Краснознаменной дивизии Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота. «Невысокого роста, плечистый, младший лейтенант сразу пришелся по душе летчикам Краснознаменного истребительного авиаполка. Николай сразу же окунулся в боевые будни части. Здесь Н. Репин вырос до командира звена, здесь же его приняли в члены Коммунистической партии», – писал в газете «Ленинское знамя» А. Захаров [4].

За успешные боевые действия лейтенант Н. Репин был награжден двумя орденами Красного Знамени. Об одном воздушном бое напоминает сохранившаяся фотография. Его участники – старший лейтенант Шаров, лейтенант Кирилов, младший лейтенанты Ковалёв и Репин – сфотографированы у развернутого знамени Красногвардейского авиационного полка. На обороте снимка надпись: «14 сентября 1943 года четыре советских истребителя вели неравный воздушный бой с шестью вражескими стервятниками в районе Курголовского полуострова. В результате схватки “Фокке-Вульф-190” и “Мессершмитт-109” были сбиты» [4]. В январе 1944 г. полк принимал активное участие в снятии блокады Ленинграда, затем обеспечивал продвижение войск, освобождавших Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую области, Эстонию, Латвию, выполнял задание по блокированию и уничтожению фашистского флота. А осенью этого же года лет-

чики полка, обнажив головы, минутным молчанием почтили память своего боевого товарища.

В документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации написано о том, что 22 октября 1944 г. старший лейтенант Н.К. Репин не возвратился на базу с боевого задания в районе г. Лиепая [7]. Только через 25 лет были обнаружены останки летчика и его самолета в латвийской земле. 5 мая 1972 г. на перезахоронение останков Н. Репина в Лиепая приехали его мать Мария Кузьминична, шесть братьев и сестер. При расставании с ними следопыты вручили матери летчика самолетные часы, стрелки которых, остановившись на 12:00, обозначили время гибели отважного летчика [5].

Во время оккупации г. Шахты в годы Великой Отечественной войны аэроклуб был уничтожен, осталось только одно здание и взлетная полоса. На этой базе приказом № 147 председателя Центрального совета Осоавиахима от 3 июля 1947 г. были образованы ремонтные мастерские, а в 1968 г. создан Шахтинский авиаремонтный завод. В 2004 г. на базе завода создан Шахтинский авиационно-технический спортивный клуб Российской оборонной спортивно-технической организации, который занимается первоначальной авиационно-технической подготовкой молодежи, подготовкой спортсменов по авиационным видам спорта (парашютные прыжки, любительский пилотаж, военно-патриотическое воспитание через проведение авиационных шоу).

История Шахтинского аэроклуба наглядно демонстрирует отношение руководящих государственных органов и населения города к таким важным сферам жизнедеятельности государства, как развитие авиации, укрепление обороноспособности страны и т.д. Аэроклуб, являясь составной частью массовой оборонной организации трудящихся, объединял людей, любящих авиацию, независимо от социального положения, профессии, должности, пола и возраста. Задачи, которые выполняла авиационная организация, были широкими: пропаганда авиационных видов спорта, укрепление единства армии и народа, военно-патриотическое воспитание молодежи, подготовка кадров для военно-воздушных сил и народного хозяйства. Подобные организации не имели аналогов в истории XX в. Сегодня этот опыт особенно важен и актуален, поскольку воспитание молодежи в современном российском

обществе осуществляется в условиях экономического и политического реформирования, в ходе которого коренным образом изменяется социокультурная ситуация, а вместе с ней и жизнь подрастающего поколения.

Источники и литература

1. Гриднев М. Благородная цель // Красный шахтер. 1934. 31 мая. С. 119.
2. Григорьев К. Семья рядового шахтера // Красный шахтер. 1940. 7 ноября.
3. Желтов В. Построим мощный аэроклуб // Красный шахтер. 1940. 15 декабря. С. 287.
4. Захаров А. Он любил небо // Ленинское знамя. 1972. 9 мая. С. 95.
5. Кириллов Д. Любимец полка // Ленинское знамя. 1972. 19 августа. С. 164.
6. Лебедев А., Ковальчук А., Белянин К., Белогуров А. Горячий привет летчикам – гордым соколам нашей Родины! // Красный шахтер. 1940. 18 августа. С. 191.
7. Репин Николай Кузьмич. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_predstavlenie7810648/ (дата обращения: 01.11.2019).
8. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области. Справочно-информационный фонд. Д. 8/60.

М.В. Бадугинова

ВЕРНУВШИЕСЯ С ФРОНТА: О СУДЬБЕ БРАТЬЕВ ЗУНДУГИНОВЫХ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. унесла жизни миллионов советских воинов. Большой удачей было, если кто-то из ушедших на фронт смог вернуться домой, а ведь были семьи, где погибали все мужчины. В семье Зундугиновых многие стали защитниками Отечества, их предки в составе калмыцких полков воевали с Наполеоном, участвовали в Русско-шведской и русско-турецких войнах. Илюмджа Зундугинова после смерти мужа одна воспитывала троих сыновей и, когда пришла Великая Отечественная война, всех их проводила на фронт. Пройдя поля сражений, несмотря на ранения, смертельные болезни и годы депортации, они смогли остаться в живых и вернуться домой.

Старший из братьев – Зундугинов Санжа (Александр) Канторович – родился в 1914 г. в х. Болдырь Ивановского сельсовета

Дубовского района Ростовской области. В октябре 1936 г. был призван в ряды Красной армии и направлен в танковую школу г. Жмеринки, затем проходил службу в танковых войсках. В 1938 г. был демобилизован и после возвращения домой поступил в Азовскую школу механизации сельского хозяйства. После ее окончания работал старшим механиком на Калмыцкой машинно-тракторной станции (далее – МТС). С началом Советско-финской войны был призван в танковые войска, получил ранение в голову. Возвратившись, продолжил работу механиком на МТС Калмыцкого района Ростовской области. В июле 1941 г. пошел добровольцем на фронт, проходил службу в 92-м танковом батальоне. Прослужив год командиром танка, был откомиссован по состоянию здоровья, заболел малярией и ослеп на правый глаз – оказалось ранение в голову, полученное на Советско-финской войне. Пролечившись в военном госпитале в г. Тбилиси, вернулся домой в Ростовскую область, чудом смог пережить немецкую оккупацию. В декабре 1943 г. вместе с семьей был депортирован в Красноярский край. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [8].

Бембя (Борис) Зундугинов, средний брат, родился в 1916 г. в ст. Потаповской Дубовского района Ростовской области. До войны окончил курсы бухгалтеров в г. Ростове, работал главным бухгалтером Калмыцкой МТС, контролером-ревизором контрольно-ревизионного управления Калмыцкого районного финансового отдела [2: 1 об., 3]. Был мобилизован Зимовниковским районным военным комиссариатом в августе 1941 г. После краткосрочной военной подготовки в Краснодарском пехотном училище воевал на Брянском фронте в должности заместителя политрука – лейтенанта интендантской службы 333-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии в составе 13-й армии [10: 52].

Приведем отрывок из дневника воспоминаний Бемби Зундугинова¹: «В августе 1941 г. после прохождения 20-ти дневной подготовки в краснодарском военно-пехотном училище в числе политбойцов Ростовской области я прибыл на Брянский фронт в распоряжение политуправления 13-ой армии. Первое боевое

¹ Здесь и далее источники цитируются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

крещение мы приняли в хуторе Михайловское на Украине. Два дня мы вели наступательные бои против немцев. Наши атаки не увенчались успехом. На третий день был организован из числа политбойцов ударный противотанковый батальон. Наш батальон выполнял специальное задание Политуправления 13-ой армии. Группа наша отбивала танковое наступление немцев, идя в бой с бутылками горючей смеси и гранатами. На Брянском фронте 13-я армия задержала наступление противника, ежедневно срывая танковое наступление. Из числа отличившихся коммунистов политуправление направило на ответственные участки [бойцов] в качестве политруков роты, в том числе был направлен Шарпов В.М. (бывший министр просвещения [Калмыцкой АССР]) и я. 3 сентября 1941 г. из противотанкового батальона, где [я] был командиром взвода, был направлен в распоряжение 6-ой стрелковой дивизии, 333 стрелковый полк в качестве политрука роты. По прибытии 4 сентября мне дали задание формировать новую стрелковую роту из нового пополнения.

До конца сентября мы вели наступательные и оборонительные бои, не теряя занятые нами рубежи. В начале октября немецкие танки захватили город Суземка Сумской области. В этом городе мы вели бои 6 суток, город несколько раз переходил из рук в руки. 8 октября поступил приказ главного командования из Москвы, чтобы 13-я армия со всеми подразделениями, отражая атаки противника, осталась в глубоком тылу врага и прорвалась к своим действующим частям. В это время, когда наша часть вела бои в городе Суземка, немцы находились южнее нас под городом Харьков и севернее города Брянск, таким образом, наши части находились в глубоком тылу врага. В тылу врага, мы в течение 24 суток уничтожили подкрепление немцев – технику, живую силу.

Хочу отметить один из крупных боев в селе Хомутовка Курской области. Я тогда был назначен заместителем начальника штаба полка по разведке 333 стрелкового полка. Мне командир полка товарищ Петров и комиссар товарищ Федоров дали задание разведать село Хомутовка, мы имели сведения, что в Хомутовке находятся немецкие военные части. Я пошел с взводом разведки, дело было к вечеру, стоял густой туман. Нами было установлено, какие имеются соединения: у моста были установлены 4 пулемета и 2 орудия. После моего донесения командование решило

немедленно, к 24 часам идти в наступление. Командование решило, [что] головным в наступление идет [Бембя] Зундугинов с взводом разведки. Наш взвод разведки успел захватить крайние дома до обнаружения немцами нас. Основная наша часть была отражена немцами пулеметным огнем. Нас, 20 человек вели бой с немцами, отвлекая от основной силы. В конце концов, мы, в жестоком бою освободили село Хомутовка, захватили пулеметы и другие орудия, бой шел 3 часа. Когда заняли село, мы установили, что там находился штаб немецкого полка с 3-мя батальонами пехоты. В течение 24 дней мы захватили 3 колонны автомашин с оружием и продуктами. От города Суземка до деревни Марковка, где стояли наши передовые части, мы прошли более 400 километров. В трудных условиях под дождем, по колено в грязи, отдых проводили в окопах, вырытых нами во время привала. Следует отметить, что командир полка Петров и комиссар Федоров постоянно находились рядом и воодушевляли нас своим присутствием. До деревни Марковка оставалось около 20 километров, где были наши передовые части, нам предстояло прорвать последнее препятствие, прорвать передний край немцев и в этом бою был тяжело ранен наш командир полка Петров. Командир все время находился у нас в поле зрения, в какое-то время я не увидел его, оглянулся назад, его не видно, я пополз обратно и увидел его тяжело раненного, взвалив на себя, потащил его, когда мы уже минули поле боя, появились другие бойцы.

В дни празднования 7 ноября 1941 г. наша часть находилась на отдыхе, после 7 дневного отдыха мы снова пошли в бой. За спасение командира я был представлен к высокой награде, но так как я был по национальности калмык, представление моего командира было отклонено. Но потом через 2 года мне дали медаль “За отвагу”. 20 января 1942 г. при освобождении деревни Дубровка Орловской области я был тяжело ранен, после ранения я находился в госпитале Саратова. Потом меня перевели в Казахстан, медаль я получил 18 июня 1943 г. в Алма-Ате» [9].

За боевые заслуги командир 333-го стрелкового полка майор Петров, военком 333-го стрелкового полка командир батальона Федоров и начальник штаба 333-го стрелкового полка капитан Кудрявцев представили Бембю Зундугинова к высшей государственной награде СССР, но он так и не получил ее. В наградном листе

почему-то не отражено, что он спас командира, вынес его с поля боя. Написано, что Бембя Зундугинов был представлен к награждению орденом Ленина, также стоит резолюция наградить медалью «За отвагу» и дата 19 февраля 1942 г. В углу наградного листа есть пометка «Кр. Зн.», возможно, его хотели наградить орденом Красного Знамени [11: 364].

Из наградного листа: «Тов. Зундугинов Бембе Конторович¹ прибыл в нашу часть бойцом. В борьбе под ст. Суземка, село Хомотовка с германским фашизмом он проявил себя как смелый, мужественный, храбрый боец, за что командованием полка был выдвинут на должность замполитрука роты. Не раз он водил свою роту в бой, личным примером мужества и отваги увлекая их вперед. Тов. Зундугинов Бембе Конторович по заданию командования ходил в глубокий тыл противника, сеял панику в его рядах, приносил ценные сведения о противнике. Больше десятка фашистских бандитов легло от его метких пуль. Тов. Зундугинов Бембе Конторович командованием полка был выдвинут на должность политрука роты. В бою за дер. Дубровка, где противник сильно укрепился, поддерживаемый танками оказывал сильное сопротивление, рота тов. Зундугинова Бембе Конторовича ворвалась первой в деревню. Впереди шел политрук роты. Будучи ранен, он не оставлял поле боя, а продолжал руководить боем, и только при ранении вторично 4-мя пулями Зундугинов Бембе Конторович вышел из строя» [11: 364].

К сожалению, подобные отклонения заслуженных наград были не редкостью в период Великой Отечественной войны. В статье У.Б. Очирова «Жители Калмыкии – военнослужащие Красной армии, представленные, но не награжденные “Золотой Звездой”» описано много случаев, когда представление к званию Героя Советского Союза было реализовано менее значимыми наградами, в том числе и из-за национальности бойца [4].

После тяжелого ранения в феврале 1942 г. Бембю Зундугинова направили в эвакогоспиталь ЭГ 1107 в г. Саратов. Здесь он случайно встретил своего младшего брата Алексея, который вместе с частью курсантов расформированной 19-й военной авиашколы ехал в г. Пугачев Саратовской области. Так спустя год неизвестности братья смогли узнать о судьбе друг друга [7].

¹ Так написано в документе, правильно Канторович.

В госпитале из-за тяжелого ранения Бембя Зундугинов находился почти полгода, и только после долгого лечения его передали в резерв Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии, а затем уволили в запас в связи с тяжелым ранением. Домой он не смог вернуться, в это время Ростовская область была оккупирована немцами, и ему пришлось уехать в Казахстан. Здесь Бембя Зундугинов стал работать главным бухгалтером в исправительно-трудовой колонии (далее – ИТК) № 10 на ст. Илийской Алма-Атинской области. В декабре 1943 г. по вызову Ростовского обкома КПСС был направлен работать в Зверевскую ИТК Ростовской области. В связи с депортацией калмыцкого народа в марте 1944 г. он был вынужден уехать в г. Боготол Красноярского края, куда были высланы его мать, бабушка и старший брат Санжа с семьей. Бембя Зундугинов был награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [2: 1 об. – 3 об.].

Самые тяжелые испытания выпали на долю младшего из братьев – Алексея Зундугинова. «Я родился в 1921 г. в ст. Кутейниковская Зимовниковского района Ростовской на Дону области, в семье крестьянина-бедняка. Родители мои до и после Октябрьской социалистической революции занимались сельским хозяйством. Отец умер в 1923 г., после его смерти находился на иждивении матери», – пишет он о себе [3: 1–9]. По окончании Кутейниковской средней школы, осенью 1940 г., Алексей Зундугинов переехал в г. Элисту и поступил на третий курс политико-просветительской школы. «Летом 1941 г. он с успехом окончил эту школу, и группа учащихся была премирована поездкой в Москву. Выпускной отмечали 22 июня 1941 г., и в этот день, гуляя по городу, из уличного репродуктора они услышали голос Левитана, который зачитал объявление о том, что началась война. Конечно, о поездке в Москву уже не было речи» [7].

В своей автобиографии Алексей Зундугинов пишет: «В июне 1941 г. был призван в ряды Красной армии, и в июле месяце этого же года меня зачислили курсантом 19-й авиашколы в ст. Пролетарской Ростовской на Дону области» [3: 1–9]. Л.А. Зундугинова комментировала эту запись так: «Хотя в его автобиографии написано, что он был призван в Красную армию, отец почему-то всегда так писал, на самом деле он и еще несколько ребят сами

пошли в Элистинский военкомат и записались добровольцами. Из 10 человек по решению медкомиссии отобрали троих в авиашколу, находящуюся в ст. Пролетарской» [7]. В приказе 19-й военной авиационной школы № 59 от 30 июля 1941 г. записано «§ 3 Зачислить курсантами школы: 2-я эскадрилья, 1-й отряд <...> № 71. Зундугинов А.К.». В 1941–1942 гг. эта школа находилась в составе действующей армии, и только что поступившие молодые курсанты уже принимали участие в боях [12: 87].

После расформирования 19-й военной авиашколы в августе 1942 г. часть курсантов была передана в краснодарскую авиашколу, базировавшуюся в то время в г. Пугачеве Саратовской области. В начале 1943 г. курсанты 19-й авиашколы были переведены в 3-ю Ибресинскую военную авиационную школу, расположенную на ст. Ибреси Чувашской АССР [3: 1–9].

Весной 1944 г. начался второй этап депортации калмыцкого народа, который коснулся уже командиров, политработников, рядового и сержантского состава, призванных в армию как в довоенный период, так и во время Великой Отечественной войны. Основанием для отзыва с фронта и из тыловых частей послужили указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г., постановление Совнаркома СССР от 28 декабря 1943 г. о выселении калмыков и распоряжение начальника VIII Управления Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта И.В. Смородинова от 8 января 1944 г. о демобилизации военнообязанных калмыков из рядов Красной армии [14: 8–9]. Многие фронтовые командиры, не желавшие расставаться с опытными ветеранами, всеми правдами и неправдами старались сохранить калмыков в своих частях. В ряде случаев они добивались разрешения на оставление калмыков на фронте, иногда калмыкам в документах меняли национальность и место призыва. К началу 1945 г. в Красной армии продолжало служить 2205 калмыков [5: 332].

Командир эскадрильи, в которой был Алексей Зундугинов, не желая потерять одного из летчиков, не стал сообщать руководству, что у него служит калмык. «Мой командир был очень хорошим человеком, мы даже подружились немного, у меня фотография сохранилась, где мы вместе сфотографированы после полета. Видимо, кто-то решил донести, и начальство узнало, что я калмык. Меня отправили в военкомат, а командира сняли с командования

эскадрилей. Мы так больше и не встретились, я не знаю, посадили его в тюрьму, или расстреляли, или просто разжаловали, в то время могли что угодно сделать» [6].

В Широковский исправительно-трудовой лагерь Народного комиссариата внутренних дел СССР, куда конвоировали снятых с фронта воинов-калмыков, Алексей Зундугинов прибыл 22 июня 1944 г. [13: 108]. Здесь он работал на самых сложных участках, его направили в Вильвенский карьер на добычу камня. Когда узнали, что он окончил политико-просветительскую школу, то назначили руководителем комсомольской организацией в подкомандировке [6]. В производственной характеристике от начальника подкомандировки, выданной А.К. Зундугинову 4 июня 1945 г., отмечено: «Под умелым руководством комсорга подкомандировки тов. Зундугинова переменный состав подкомандировки добился хороших результатов в производственной работе с ежемесячным выполнением плана от 107 % до 120 % при производительности труда от 110 % до 135 %. Как комсорг подкомандировки, вел большую воспитательно-массовую работу среди личного состава и чутко относился к запросам комсомольцев. Поставленное фронтовое задание дирекции Вильвенского известнякового карьера, завода № 761 по добыче камня выполнялось и перевыполнялось ежемесячно» [14: 162].

В Широковском лагере, работая в нечеловеческих условиях, Алексей Зундугинов подорвал свое здоровье, заболев открытой формой туберкулеза. Человек, который совсем недавно был молодым и сильным летчиком, за короткое время был настолько истощен, что иногда не мог встать, чтобы сходить за едой. Пройдя через активирование, находясь при смерти, он был отправлен к депортированным родственникам в Красноярский край. Перед своей кончиной Илюмджа Зундугинова успела увидеть всех своих сыновей [7].

После возвращения из депортации в возрожденную Калмыцкую АССР братья Зундугиновы внесли большой вклад в развитие республики. Санжа и Бембя Зундугиновы проработали долгие годы на ответственных должностях в Министерстве здравоохранения Калмыцкой АССР, в строительной и экономической отраслях. Алексей Зундугинов был назначен первым директором Центрального государственного архива Калмыцкой АССР. Период деятельности А.К. Зундугинова ознаменован важными для ученых

и архивистов событиями – возвращением особо ценных фондов по истории Калмыцкого ханства, формированием и упорядочиванием исторической части фонда. Это известные в кругах историков не только России, но и зарубежных стран фонды: И-36 (1713–1771), в котором имеются письма хана Аюки (1714), документы времен наместников Дондук-Даши (1741) и Убаши (1762), материалы по уходу части калмыков в Джунгарию (1771); И-9 (1836–1917), где содержатся сведения об участии калмыков в Отечественной войне 1812 г., и другие фонды, в которых собраны важные документы XVIII–XIX вв. по истории калмыков.

А.К. Зундугинов совместно со старшим сотрудником архива А.И. Наберухиным совершали длительные командировки в Астраханский, Сталинградский областные государственные архивы по вопросам подготовки документов к перевозке в Элисту. Архивисты Калмыкии всегда с теплотой отзываются о первом директоре республиканского архива: «А.К. Зундугинов остался в памяти архивистов как умный и ответственный руководитель. Он был одним из активных организаторов архивной службы в Калмыкии, его вклад в развитие архивного дела огромен» [1].

Источники и литература

1. 100 лет с рождения Алексея Конторовича Зундугинова, замечательного человека и руководителя Центрального государственного архива Калмыцкой АССР // БУ РК «Национальный архив». URL: <https://kalmarhiv.ru/2021/12/28/100-лет-с-рождения-алексея-конторовича-3/> (дата обращения: 19.04.2024).
2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-9. Оп. 1л. Д. 836.
3. НАРК. Ф. Р-309. Оп. 1л. Д. 431.
4. *Очилов У.Б.* Жители Калмыкии – военнослужащие Красной армии, представленные, но не награжденные «Золотой Звездой» // *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2019. № 2. С. 174–188.
5. *Очилов У.Б., Воробьева В.Н.* Калмыки-военнослужащие Красной армии в Широклаге: статистическое исследование // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357.
6. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант А.К. Зундугинов, 1921 (1919) г.р., записан в г. Элисте в феврале 2005 г.
7. ПМА. Информант Л.А. Зундугинова, 1948 г.р., записана в г. Элисте в августе 2023 г.

8. ПМА. Информант Т.С. Ашилова, 1944 г.р., записана в г. Элисте в сентябре 2023 г.

9. Рукопись воспоминаний политрука 2-й стрелковой роты 333 стрелкового полка, 6 СД Зундугинова Бемби (Бориса) Канторовича (1916–1977) // Личный архив Зундугиновой Людмилы Алексеевны (род. в 1948 г.).

10. Солдаты Победы. Поименный список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцев Калмыцкого района Ростовской области. Т. I. Элиста, 2005.

11. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 391.

12. ЦАМО РФ. Ф. 60452. Оп. 36008. Д. 4.

13. Широлаг. Широкастрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Т. 3. Кн. 1. Элиста, 2000.

14. Широкастрой: Широлаг: сборник воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС. Элиста, 1994.

С.А. Приходько

**НОВОЗЫБКОВСКИЙ СТРАТЕГ
ВАСИЛИЙ АРХИПОВИЧ КОРОВИКОВ
(к 125-летию со дня рождения)**

Новозыбков – город, расположенный в юго-западной части Брянской области. В годы Великой Отечественной войны город относился к Орловской области. Новозыбковская земля богата талантами. В Новозыбкове родились: актриса З.Н. Зорич и артиллерист П.А. Абросимов, геолог Д.И. Щербаков и кинооператор А.П. Шило, писатель А.Л. Маневич и поэт Л.В. Куклин, разведчик М.И. Рогаткин и режиссер Ю.В. Конопкин, физик С.М. Райский и художник С.Г. Москвитин.

В 2024 г. исполняется 125 лет со дня рождения генерала В.А. Коровикова, еще одного уроженца Новозыбкова. Ряд работ описывает его военные заслуги [3; 6]. Данная статья посвящена жизненному пути В.А. Коровикова. Для исследования были использованы неперIODические издания и регулярные источники, а также архивные материалы. Изучение довоенных и послевоенных лет жизни стратега не проводилось, поэтому актуальность исследования не вызывает сомнений.

Василий Архипович Коровиков родился 28 февраля 1899 г. в г. Новозыбкове Черниговской губернии в многодетной семье. Жила семья бедно, поэтому получить среднее или высшее образование не представлялось возможным. За годовой курс в Новозыбковском реальном училище за каждого ученика родители должны были платить 30 рублей. Обучение продолжалось в течение шести лет, поэтому его стоимость приближалась к 200 рублям. После пятого класса учеба Василия закончилась. Юноша пошел на работу, но через пять лет прервал трудовую деятельность. 1 февраля 1916 г. он вступил в качестве вольноопределяющегося в императорскую армию.

Одним из союзников Российской империи в Первой мировой войне являлась Румыния, которая нуждалась в военной помощи: «Слабость румынской армии была известна давно», но румыны, как ни странно, «претендовали на какой-то отдельный, особенный статус среди союзников» [5: 41]. Снабжение армии шло из рук вон плохо. Подкрепления поступали с большими задержками или не приходили совсем. Железные дороги «захлебывались от перенапряжения» [5: 46].

В составе русского контингента Василий оказался на Балканском полуострове. В кратчайшие сроки Румыния была наголову разгромлена: почти всю ее территорию захватили вражеские части. 6 декабря 1916 г. войска Четверного союза вступили в Бухарест [5: 43]. Впоследствии Румыния заключила с Германией сепаратное мирное соглашение, нарушила его и вернула утраченные территории. Массовый героизм, проявленный русскими и сербскими солдатами, не позволил противнику уничтожить государственность Румынии. Потери царской армии составляли десятки тысяч человек, но ничего не добившаяся на фронте страна избежала капитуляции. В благодарность миллиону русских воинов, которые спасли Румынию от краха, всего через год румыны захватили Бессарабию, являвшуюся частью Российской империи, и контролировали ее в течение 22 лет, до 1940 г. В Румынской кампании победы сопутствовали исключительно центральным державам. В сентябре 1916 г. русско-румынская группировка потерпела поражение в операции в Добрудже. Ни отступление, ни эвакуацию румынские военачальники не сумели организовать, поэтому на театре военных действий царили паника и хаос.

Василий был контужен и в бессознательном состоянии взят в плен. После тщательной подготовки будущий генерал обманул болгарскую охрану, совершил побег, пересек линию фронта и вернулся в Новозыбков. Царская Россия проиграла Первую мировую войну. Крушение монархии и триумф большевиков Василий принял с восторгом.

Гражданскую войну ветеран встретил на малой родине. Воспользовавшись отсутствием вооруженных сил у молодой Республики Советов, белогвардейцы и интервенты перешли в наступление. Ленинское правительство приступило к формированию подразделений из военных специалистов, пролетариев и селян. В апреле 1918 г. западные окраины РСФСР были оккупированы немцами и их пособниками, но через восемь месяцев антибольшевистский режим пал под ударами стремительно набирающей мощь Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА).

Сразу после восстановления в Новозыбкове советской власти, в декабре 1918 г. В.А. Коровиков добровольно вступил в РККА. Документы участник империалистической войны оформил в Новозыбковском уездном военном комиссариате.

На всех фронтах Гражданской войны происходил коренной перелом. В апреле 1919 г. войска А.В. Колчака бежали из Поволжья в Сибирь, через полгода та же участь постигла армию А.И. Деникина, так называемого верховного правителя России, который эвакуировал ее на Юг из центральных губерний Страны Советов.

В октябре 1919 г. Коровикова приняли в партию большевиков. Белое движение терпело поражения повсеместно. В сентябре 1921 г. находившийся в должности заместителя командира полка В.А. Коровиков получил предписание оставить армию и приступить к обучению. Офицер был направлен в Высшую тактическо-стрелковую школу командного состава РККА имени III Интернационала «Выстрел». После ее окончания он командовал стрелковым полком. Получив диплом военной академии, В.А. Коровиков служил на различных командных должностях, работал начальником курса в Высшей советской школе штабной службы командного состава РККА и старшим преподавателем в Военной академии имени Михаила Васильевича Фрунзе.

В 1938 г. В.А. Коровиков был удостоен первой юбилейной награды в истории Советского Союза – серебряной медали «XX лет

Рабоче-Крестьянской Красной Армии», приуроченной к юбилеям наземных войск и Военно-морского флота. Она была учреждена 24 января 1938 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Всего медаль получили 37 504 человека.

С началом Великой Отечественной войны педагог стремился на фронт, но только 25 сентября 1942 г. ветерана двух войн отправили в расположение 4-го Украинского фронта.

В.А. Коровиков был назначен заместителем начальника штаба формировавшейся 1-й резервной армии, вскоре преобразованной во 2-ю гвардейскую армию. В ее состав входили: 1-й и 13-й гвардейский стрелковые корпуса, 377-й и 1095-й пушечные артиллерийские полки, 113-й гвардейский истребительно-противотанковый и 483-й минометный полки, 1530-й зенитно-артиллерийский полк, 3-й гвардейский и 355-й отдельные инженерные батальоны. В начале декабря 1942 г. В.А. Коровикова со всеми этими подразделениями перебросили на Донской фронт под Сталинград. Хотя операция «Уран» завершилась за две недели до его прибытия с блестящими результатами, обстановка на Волге была очень сложной. Немецкое командование вело наступление, чтобы разблокировать окруженную в городе и Сталинградской области группировку войск, но соединения 2-й гвардейской армии, которой командовал с ноября 1942 г. до февраля 1943 г. генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский, стали непреодолимой преградой для группы армий «Дон», которой руководил генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн. Гитлеровцы перешли в атаку 12 декабря. Сначала они были остановлены на р. Мышкова, затем советские войска отбросили неприятеля на 100–150 км. 24 декабря операция «Зимняя буря» завершилась победой РККА.

26 декабря под командованием генерал-майора Я.Г. Крейзера была создана группа войск в составе трех корпусов для разгрома Тормосинской группировки противника. Начальником штаба стал полковник В.А. Коровиков. Было принято решение нанести удар на хутор Тормосин, крупный опорный пункт гитлеровцев, с форсированием Дона без подготовленных мостовых переправ.

Казалось, что река покрыта толстым льдом, но переправить танки на противоположный берег не удалось. Командующий группой принял рискованное решение наступать без танков. Решение оказалось верным: время не было потрачено на строительство переправы, поэтому атака стала внезапной для врага. Оставив

103 танка на левом берегу, войска группы с мотопехотой и 73 легкими машинами Т-70 переправились на противоположный берег.

Риск полностью оправдался. Советские войска 31 декабря подошли к Тормосину с трех сторон и взяли штурмом населенный пункт. Поскольку важный узел шоссе дорог контролировался теперь Красной армией, Э. фон Манштейну неоткуда было нанести второй деблокирующий удар. Неприятель потратил на Среднем Дону сосредоточенные в районе Тормосина войска. Распылив группировку, гитлеровцы не сумели создать новый бронированный кулак для прорыва к «котлу». Вскоре после утраты этого шанса они потеряли оставшиеся аэродромы и лишились последней надежды на прорыв советского кольца. «Воздушный мост» также оказался для захватчиков несбыточной мечтой. Как и тысячи других советских воинов, после победы на Волге полковник В.А. Коровиков был удостоен медали «За оборону Сталинграда». Победа РККА, достигнутая в чрезвычайных условиях в сражении за город Сталина, имела геополитическое значение [2; 13].

В боевой характеристике В.А. Коровикова отмечалось, что он в процессе всей операции обеспечивал устойчивое управление войсковой группой и предвидел ход боевых действий, имел организаторские качества, умел грамотно и спокойно разбираться в масштабе армейской обстановки. За подготовку и проведение этой операции 24 февраля 1943 г. В.А. Коровикова наградили орденом Красного Знамени.

В наградном листе было отмечено, что полковник в весьма трудных условиях самоотверженно, исключительно упорно и настойчиво трудился на внешнем пункте управления армии, организовал работу Военного совета управления группой корпусов в процессе проведения Торотанской и Цимлянской операций. В условиях непрерывного авиационного воздействия В.А. Коровиков проявил личное мужество, сохранил управление группами корпусов и обеспечил своевременное доведение задач до исполнителей, их конкретизацию и выполнение.

Героизм полковника подтверждает также следующее уточнение из наградного листа: «Лично неоднократно подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбардировке» [9: 88]. Далеко не все распоряжения Ставки удавалось выполнить в срок и точно. К примеру, завершить борьбу за Цимлянскую предполагалось 2 января

1943 г. [12: 1], но освободить станицу удалось только на следующий день. Советские части заставили отступить 1-ю и 4-ю танковые, 17-ю полевую армии противника [1: 31].

Периодически в армейской среде происходили кадровые перестановки. Вскоре Р.Я. Малиновского назначили командующим Южным фронтом. 2-ю гвардейскую армию возглавил Я.Г. Крейзер. Полковник В.А. Коровиков стал начальником оперативного отдела и заместителем начальника штаба армии.

В январе – феврале 1943 г. 2-я гвардейская армия продолжала громить врага на ростовском направлении. В результате Ростовской наступательной операции советские войска освободили Матвеев Курган, Новочеркасск и Ростов-на-Дону. На р. Миус советские подразделения сковали крупные силы гитлеровцев, но не смогли преодолеть глубоко эшелонированную линию обороны. Только в июле 1943 г. фашистская оборона на Миусе была прорвана. Поскольку Красная армия связала крупные группировки на различных участках фронта, в том числе в Ленинградской области, противник не сумел в решающие недели перебросить подкрепления на Курскую дугу.

В августе – сентябре 1943 г. в ходе Донбасской наступательной операции фашисты потеряли Артёмовск, Донецк и Таганрог. Советские войска полностью освободили Донецкий бассейн и вышли на ближние подступы к Крымскому полуострову.

В середине октября 1943 г. В.А. Коровиков стал заместителем начальника штаба 4-го Украинского фронта. В процессе форсирования Днепра офицер также проявил талант полководца.

К весне 1944 г. советские войска очистили от врага всю Левобережную Украину. В мае жители Крыма вздохнули свободно. За участие в подготовке и проведении операций по освобождению Каховки, Кривого Рога, Никополя и других городов В.А. Коровиков был удостоен ордена Отечественной войны I степени. 18 сентября 1944 г. В.А. Коровиков, занимавший должность помощника начальника оперативного отдела оборонного сектора № 3, был удостоен медали «За оборону Москвы» [8: 1].

Можно уточнить, что в сектор № 3 входили провинции Бучеч и Олч. Румыния, на территории которой располагались указанные административно-территориальные единицы, стала основным театром действий по интернированию и мобилизации

трудоспособного немецкого населения в Юго-Восточной Европе, поскольку в стране сосредоточивались три четверти специального контингента и функционировал штаб операции. Шесть из десяти особых секторов функционировали как раз в границах Румынии. Сама операция проводилась в январе – феврале 1945 г.

В отличие от предыдущих награждений, процедура вручения медали была индивидуальной и прошла в соответствии со специальным актом, подписанным 18 сентября 1944 г. генерал-лейтенантом Ф.К. Корженевичем, начальником штаба 4-го Украинского фронта. В период битвы за Москву В.А. Коровиков служил в управлении городской комендатуры [8: 1].

В июне 1944 г. В.А. Коровикову было присвоено звание генерал-майора. 1-й и 4-й Украинские фронты провели в сентябре – октябре 1944 г. Восточно-Карпатскую наступательную операцию. Деятельность заместителя начальника штаба В.А. Коровикова высоко оценил командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии И.Е. Петров, который рекомендовал его на должность начальника штаба. В.А. Коровиков стал участником заключительной операции Великой Отечественной войны – Пражской.

В сентябре была налажена эвакуация словаков, раненных в ходе антифашистского восстания. В течение 50 дней гитлеровцам был нанесен значительный урон в живой силе и технике. Тем не менее сокрушить 60-километровую линию обороны противника в Карпатских горах не удалось. В октябре 1944 г., после поражения Словацкого национального восстания, асы 2-й и 8-й воздушных армий спасли его участников. Итогами боевых действий стали полное освобождение Украинской ССР и начало изгнания оккупантов из Чехословакии.

С 18 по 31 января 1945 г. войска 4-го Украинского фронта проводили операцию по преследованию организованно отходящего противника, двигавшиеся на лыжах арьергарды которого применяли минирование и противотанковые гранатометы. Советские войска, в условиях горно-лесистой местности преодолевая снежные заносы и обледенение дорог, использовали такие тактические приемы, как создание передовых подвижных групп, продвижение без сплошного фронта и с открытыми флангами, сброс пехотных десантов на самоходных артиллерийских установках. Нововведением стала тактика применения зенитных артиллерии

и пулеметов против вражеской пехоты. Результатами операции преследования стали поражение, нанесенное нескольким немецким и венгерским соединениям, продвижение войск 4-го Украинского фронта на 120–205 км и освобождение значительных территорий Польши и Чехословакии [4: 129, 132].

Подарком для полковника ко Дню Красной армии в 1945 г. стала высшая награда Страны Советов – орден Ленина. В апреле 1945 г. В.А. Коровиков выступил в качестве одного из организаторов операции по освобождению Северной Моравии [7: 196]. Сразу после получения сообщения о капитуляции фашистов было принято решение о самом массовом награждении в РККА – вручении медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Почти 15 млн советских воинов получили эту медаль. 21 мая героя нашла еще одна награда – орден Богдана Хмельницкого II степени. В наградном листе было указано: «Товарищ Коровиков, наряду с выполнением основной своей работы по должности заместителя начальника штаба по организационным вопросам, выполнял ряд заданий Военного Совета фронта по руководству боевыми действиями в Крыму.

Товарищ Коровиков непосредственно руководил постройкой переправ и переброской подразделений в Крым через Сиваш при постоянном воздействии авиации противника.

Благодаря четкой и самоотверженной работе, несмотря на частые налеты авиации противника, переправа войск и боеприпасов происходила бесперебойно.

Товарищ Коровиков в период наступления войск в Крыму находился в войсках и руководил боевыми действиями 63-го стрелкового корпуса и 51-й армии от Джанкоя до села Макензен» [10: 152].

За заслуги в подготовке Восточно-Карпатской и других операций 23 мая 1945 г. фронтовик был награжден орденом Кутузова I степени [10: 22 об.]. 30 июня 1945 г. В.А. Коровиков получил орден Суворова II степени [11: 13].

После Великой Победы В.А. Коровиков стал начальником оперативного отдела, заместителем начальника Главного штаба противовоздушной обороны СССР. Ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. В честь 30-летия службы Родине 20 июня 1949 г. герой снова был удостоен ордена Красного Знамени. В 1953 г. В.А. Коровиков по состоянию здоровья уволился в запас.

Одним из результатов 37-летней военной карьеры Василия Архиповича стало признание его заслуг другими государствами. Ветеран трех войн имел целый букет иностранных наград: орден «За воинскую доблесть» IV класса (Золотой крест), а также медали «За Одру, Нису и Балтику» и «Победы и Свободы» (Польша); орден Белого льва I степени, чехословацкий Военный крест и медаль «В память 20-летия Словацкого восстания 1944 г.» (Чехословакия).

Умер герой 5 ноября 1969 г.

Все героические эпизоды жизни Василия Архиповича Коровикова невозможно сосредоточить в одной статье. Он начал службу в годы Первой мировой войны, громил врага в период становления Советской власти, принимал живое участие в создании Рабоче-крестьянской Красной армии, значительно ускорял процесс перестройки вооруженных сил СССР в самые сложные моменты Великой Отечественной войны, лично разрабатывал ключевые наступательные операции и добивался сохранения боеспособности в процессе перевода Красной армии на мирные рельсы в после войны.

Стратегическим достижением В.А. Коровикова можно считать слаженность воздушных и наземных подразделений советских войск. Отсутствие координации между авиационными и танковыми формированиями нередко приводило в 1941–1942 гг. к ощутимым потерям, распылению сил и конечным неудачам. Благодаря бесстрашным и упорным советским командирам незавершенные операции стали редкими. Постоянно находясь на линии фронта, генерал проявлял лучшие человеческие качества, вникал в детали и добивался успеха даже в неблагоприятных боевых и природно-климатических условиях.

Источники и литература

1. Батыров У.А., Гребенюк С.В., Матвеев В.Г. Битва за Кавказ (1942–1943 гг.). М., Владикавказ, 2002.
2. Белов Д.А. Сталинград в оценке общественности Великобритании и США. 1942–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.
3. Дунаев О.П. В.А. Коровиков // Новозыбков: историко-краеведческий очерк. Брянск, 2001. С. 379–380.
4. Латыпов Т.Р. Боевые действия войск 4-го Украинского фронта по освобождению Польши и Чехословакии в январе 1945 г. // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 129–137.

5. *Оськин М.В.* Румынский поход 47-го корпуса осенью 1916 г.: «не-согласные» союзники по Антанте // Новые исторические перспективы. 2016. № 1. С. 40–49.

6. *Приходько С.А.* Генеральские звезды Новозыбкова (к 100-летию создания Красной Армии) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 2. С. 25–32.

7. *Сандалов Л.М.* После перелома. М., 1983.

8. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 44677. Д. 224.

9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 24.

10. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 156.

11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 183.

12. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143.

13. *Януш С.В.* Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций (1942–1943 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006.

Е.В. Камынин

**ИЗ ЖИЗНИ КРАСНОЙ АРМИИ В РУМЫНИИ В 1944–1945 гг.
(на примере дневниковых записей командира огневого
взвода Е.В. Бондарева)**

Великая Отечественная война по-прежнему остается самым значимым событием в исторической памяти жителей России. Одним из важнейших направлений изучения Великой Отечественной войны на современном этапе является военная повседневность. Эта тема рассматривается во многих научных работах, например в книге Е.С. Сеньявской, А.С. Сеньявского и Л.В. Жуковой, посвященной фронтовой повседневности в войнах России в XX в. [4], в работе Е.Ф. Кринко, Т.Г. Тажидиновой и Т.П. Хлыниной, в которой анализируется частная жизнь советских людей в период Великой Отечественной войны [1]. Важным источником для изучения как истории повседневности, так и событий войны в целом является дневник – источник личного происхождения. Особенностью дневника как источника является в какой-то степени большая достоверность зафиксированной в нем информации, ведь дневниковые записи предназначаются в первую очередь для личного использования и изначально не предполагают огласки. К тому же временной разрыв между описываемым событием и дневниковой записью обычно минимален: она создается или

в тот же день, когда происходит определенное событие, касающееся автора дневника, или же спустя относительно небольшой промежуток времени.

Данная статья посвящена повседневной жизни военнослужащих Красной армии в Румынии в 1944–1945 гг. Основным источником служит дневник командира огневого взвода Евгения Васильевича Бондарева, который в период с осени 1944 г. по апрель 1945 г. в составе 3-го Украинского фронта находился на территории освобожденной Красной армией Румынии. Данный дневник нигде ранее не публиковался, поскольку бережно хранился в семейном архиве, что делает содержащуюся в нем информацию уникальной. Отметим, что в цитируемых отрывках мы оставляем авторскую орфографию и пунктуацию.

Военная часть, где служил Е.В. Бондарев, располагалась близ румынского г. Плоешти – важного центра нефтедобычи [2]. Повседневная жизнь советского офицера в Румынии была достаточно однообразной. 12 ноября 1944 г. Е.В. Бондарев отмечает: «День прошел как обычно очень скучно и однородно», – да и в целом «дни проходят скучно и незаметно» (запись от 17 ноября 1944 г.), «незаметно и быстро» (запись в период 26 ноября – 6 декабря 1944 г.). Находясь в чужой стране, ведя однообразный образ жизни, офицер часто испытывал «гнетущее настроение» (запись от 21 ноября 1944 г.), «гнетущее состояние» (запись в период 3–15 января 1945 г.). Большую часть дня занимало проведение занятий, семинаров для военных: «...жизнь моя однообразная. Живешь по распорядку дня включая еще и личный план так что свободных минут очень мало» (запись в период 1–9 марта 1945 г.); «Дни шли как обычно методично и однообразно. Занимаешься, дежуришь, воспитываешь, веселишься и все это в узком кругу людей» (запись в период 28 марта – 14 апреля 1945 г.). Усталость от постоянного нахождения в одном месте усиливалась также тоской по Родине: «Очень уж надоело стоять в этой проклятой Румынии, хочется или поехать дальше или же к себе в родную Россию» (запись в период 15–24 апреля 1945 г.). Климатические условия также не пришлись по душе Е.В. Бондареву: «как то чувствую себя плохо на голове вскочил фурункул и мучает страшно. Уж очень здесь плохой климат, но несмотря на то что в декабре стоит солнечная погода и тепло» (запись в период 5–6 декабря 1945 г.).

Одним из самых простых способов отвлечься от повседневной рутины было употребление алкоголя, как в части, так и в городе: «Не так давно я был в городе на семинаре и на обратном пути зашли в ресторан. Посидели и выпели изрядно»; «Зашли в ресторан, пили пиво кто сколько выпьет»; «С. принес бутылок 40 пива, да из бочки вылили остатки вина и пошла гулянка» (записи в период 25 октября – 8 ноября 1944 г.); «Вот и сегодня осушив по 10 бутылок пива чувствуешь себя нормально» (запись от 17 ноября 1944 г.). Впрочем, такое времяпрепровождение нельзя назвать характерным для всего периода нахождения офицера в Румынии. 6 декабря 1944 г. он решает, что «своим “похождениям” сегодня кладу конец ибо они до хорошего не доведут не знаю как бывшее раньше не выльется ли в плохую сторону. Пить почти совсем перестал». С тех пор упоминания об употреблении алкоголя становятся редкими. Тем не менее они встречаются при описании каких-либо праздников, которые тоже были частью повседневной жизни, и отмечали их как могли. Стоит особо отметить первое празднование Дня артиллерии 19 ноября 1944 г., который был установлен чуть ранее Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября того же года [5]: «С утра чувствовалось праздничное настроение. В 13 00 закончили все работы. Зачитывали поздравительный приказ к[оманди]ра полка. После был обед причем к обеду бойцам довали по 200 гр вина. Мы со старшиной и Т. сели обедать сами выпили как следует и пошли организовывать танцы и песни. Главную программу дописали мы со старшиной. Пели и плясали до того что выбились из сил».

Однако праздновались и другие, более традиционные для советских граждан тех лет праздники: Новый год – «Все время идет подготовка к новому году. <...> 31 встретили новый год всей б[атаре]ей в нашем б-м клубе. Было очень весело» (запись в период 26 декабря 1944 г. – 2 января 1945 г.); Международный женский день – «Незаметно подошло и 8-е марта. Наши девчата были безконечно рады своему долгожданному празднику. Решили устроить им вечер. Привезли вина поготовили, и получился неплохой ужин. Многие из них крепко подвыпили, вообще свой праздник провели хорошо» (запись в период 1–9 марта 1945 г.). Проводилась также подготовка к 1 Мая: «Все это время проходит в лихорадочной подготовке к майским дням. Вот не так давно вызвал меня ночью

комбат и сказал чтобы я подготовил костер, примерно горел чтобы он часа два и я организовал это дело. Навалили огромную кучу дров, приготовили бочку бензина. Ждали не долго с дивизиона позвонили о том чтобы немедленно зажечь. Поджег сразу он так ахнул что старшина спал в землянке и испугавшись выскочил, думал что снаряды загорелись» (запись в период 25–30 апреля 1945 г.). Кроме того, Е.В. Бондареву удалось отметить свой день рождения: «Вечером я справил свои именины. Ведь как никак а стукнул 22-й год. Ну конечно посидели выпили закусили и разошлись» (запись в период 20–25 декабря 1944 г.).

Среди других развлечений упоминается в дневнике игра на музыкальных инструментах: «Вечером сидел в землянке у девочек после прозбы со стороны их я взял гитару сыграл и спел» (запись от 15 ноября 1944 г.), «Скуку разгоняю игрой на аккордионе» (запись в период 5–6 декабря 1944 г.). Впрочем, и это занятие могло наскучить: «На аккордионе понемногу начинаю играть но в нем я что то разочаровался потому что он мне кажется всего просто гармошкой» (запись в период 3–15 января 1945 г.). Отметим, что Е.В. Бондарев не был здесь исключением – еще до получения аккордеона, он писал: «Видел у одного аккордион, у меня даже сердце запрыгало, как я хочу иметь такую вещь и научиться играть». Занимались солдаты и художественной самодеятельностью – для занятий ею была даже построена ленинская комната: «Строим себе хорошею ленкомнату, большую светлую» (запись в период 13–15 декабря 1944 г.). И спустя неделю «открыли наш клуб получился очень хороший и как раз когда началась самодеятельность» (запись в период 20–25 декабря 1944 г.). Сам Е.В. Бондарев «готовился выступать на самодеятельности но не пришлось потому что танец наш вышел бледный» (запись в период 26 декабря 1944 г. – 2 января 1945 г.), что не мешало получать удовольствие от созерцания выступлений других: «Вечером у нас показывали самодеятельность 103 д. Очень мне понравилась их программа выступления и игра. Особенно хорошо получается у Лукашенко, тот замечательный комик» (запись в период 15–20 января 1945 г.). Видно, что самодеятельность вызвала какую-то эмоциональную отдачу, не была пустой формальностью. Впрочем, постепенно и она стала частью обыденной жизни: «Остальные дни до 30 числа идут обычным чередом. Занятия, потом самодеятельность» (запись в период 25–30 апреля 1945 г.).

Кроме того, иногда в часть привозили и показывали бойцам кинофильмы: «Сегодня к вечеру приехала наша полковая кинопередвижка и мы смотрели кинофильм “Яков Свердлов”» (запись в период 13–15 декабря 1944 г.); «Дня два тому назад ставили у нас картину “Зоя” из жизни партизанки “Тани” – московской девушки Зои Космодемьянской. Картина мне очень понравилась. Здесь сильно показали зверье немцев и героическую смерть Зои» (запись в период 21–26 января 1945 г.). Если «Яков Свердлов» был снят еще до войны, то «Зоя» была «новинкой» для солдат – фильм сняли в 1944 г. Любопытно, что Зоя Космодемьянская в записи также упомянута как «Таня» – именно этим именем журналист П. Лидов называет героиню в первом очерке «Таня», посвященном ей, который был опубликован в «Правде» 27 января 1942 г.

Отдельной интересной темой является восприятие советским офицером жизни за границей. Румыния была первой европейской страной, в которую вступила Красная армия и, как отмечает Е.С. Сениянская, эта не особо богатая страна выглядела в глазах советских людей как европейское захолустье, страна, где «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой» [3: 183]. Эта точка зрения отчасти подтверждается и данными дневника Е.В. Бондарева: никакого восторга и удивления в описаниях румынской действительности нет. Тем не менее офицер не упускал возможности купить какие-либо вещи в Плоешти: «Я пошел в город. Находившись изрядно и я купил кое что. Главное купил шелковый цветной платок. <...> Был в городе вторично и еще купил себе несколько мелочей (запись в период 25 октября – 8 ноября 1944 г.); «До 11 часов занимался а потом с девушками пошли в Город. Много мне пришлось до 3-х часов обходить магазинов. Чего мы только там не видели, но все оно не качественное. Купил для девчат двое часов ручных. Хорошенькие часики. Купил еще двое часов одни ручные другие карманные но эти похуже» (запись от 11 ноября 1944 г.); «ходил купил часы за 300 рублей» (запись в период 22–26 ноября 1944 г.). Благоприятствовал активным покупкам и выгодный для советских солдат обменный курс валюты: «Всего стоят хорошие часы 40 тысяч лей а на наши деньги перевести это 400 р.» (запись от 11 ноября 1944 г.), «тысяч 10–20 для меня это сущий пустяк а им это огромные деньги» (запись в период 22–26 ноября 1944 г.).

Взаимоотношения с местным румынским населением в городе можно в целом назвать если не доброжелательными, то по крайней мере бесконфликтными: «Уже на обратном пути зашли в ресторан, он был закрыт, но нам его все равно открыли» (запись от 14 ноября 1944 г.). Е.В. Бондарев даже упоминает случай совместного времяпрепровождения: «Возвращались домой в 11 часу вечера зашли в один ресторан нам он не понравился и мы зашли в другой. В другом мы сидели долго. Слушали как соседи по столу Румыны пели наши русские народные песни, но только на своем языке» (запись от 14 ноября 1944 г.). С одним румыном Е.В. Бондареву удалось совершить сделку и получить желанный аккордеон: «Сегодня то есть 26 ноября разговаривал с инженером соседней фабрики “Керамика” обещал достать мне окардион» (запись в период 22–26 ноября 1944 г.); «И вот я вижу он стоит у меня перед глазами на столе. Правда он небольшой, то есть не полный, но все же акардион и причем не плохой» (запись в период 26 ноября – 4 декабря 1944 г.). Однако случались и боевые столкновения, однако, как следует из описаний, с румынскими военными служащими, а не с гражданскими лицами: «Потом пришел П. собрали мл. ком. и вот он там что сказал. Что на одну из наших батарей вооруженое нападение со стороны румын и они сейчас отбиваются. Помощь к ним выслали и энкеведе и с нашего полка. Ранее как-то на днях были большие взрывы в р-не расположения 3-го р. на. Получилось это так. Румыны передовали нашим склад и передавши его после уже подъехов на легковой машине подорвали его в результате чего вышло из строя 37 человек наших бойцов» (запись от 14 ноября 1944 г.). Подобные случаи вызывали тревожное настроение: «А время сейчас смутное того и гляди румыны затеют катавасию» (запись в период 13–15 декабря 1944 г.).

Необычные, экстраординарные ситуации не всегда были связаны с боестолкновениями. Так, 9 ноября 1944 г. Е.В. Бондарев с сослуживцами вытащил упавшую в яму собаку: «Примерно так в час подошел ко мне боец и сказал что в яме уже пятые сутки сидит собака и ни как не вылезит, я приказал взять лопаты и пошли туда, яма очень глубокая. Это когда упала явно бомба и пробила грунт. Долго пришлось вытаскивать но все же вытащили. Подкормили ее немного а потом отпустили». 15 ноября 1944 г. выяснилось, что «вчера перед вечерней поверкой был перекушен

телефонный кабель на территории О.П.», впрочем, вскоре «неисправность устранили». 14 декабря Е.В. Бондареву было поручено поимка дезертира. Задание было выполнено: «этого же числа вызвал в час ночи к телефону Б и приказал идти на Бухарестский вокзал и если пойти то задержать дезертира. И я ночью по незнакомому городу со своим одъютантом пошли. Идти пришлось км 10 туда и обратно. <...> Шли по городу он весь был освещен пожаром с завода “Ксения” горела нефть в сточных канавах. Пожарные как сумасшедшие лители к месту происшествия. Пришли домой уже в 6 м часу но задание выполнили дезертира поймали и доставили в штаб».

Таким образом, информация из дневниковых записей командира огневого взвода Е.В. Бондарева позволяет выявить характерные темы дневниковых записей о военной повседневности солдат Красной армии, находившихся в Румынии в период после освобождения страны советскими войсками, но до окончания Великой Отечественной войны. Жизнь на чужбине была довольно однообразной, проходила в занятиях военной подготовкой и навевала тоску. Непривычным был и румынский климат. Частым, но не единственным способом отдохнуть от рутины и расслабиться было употребление алкогольных напитков. Кроме того, в свободное от службы время бойцы играли на музыкальных инструментах, иногда смотрели кинофильмы, занимались художественной самодеятельностью, причем с эмоциональной отдачей, с получением удовольствия от данного занятия. Отмечали и праздники – как общие, так и личные. Румынская повседневность не вызывала восторга в сравнении с советской – однако, пользуясь выгодным обменным курсом, солдаты не упускали случай приобрести какие-либо вещи, например, часы. Отношения с гражданским населением были в целом доброжелательными или нейтральными – случай столкновения с военными был единичным, хотя и вызвал тревожные настроения. Монотонные будни разбавляли различные необычные события или задания, такие как поимка дезертира. В целом можно отметить, что обстановка в части, где служил Е.В. Бондарев, не была абсолютно мрачной, а поведение советских солдат на чужой территории было вполне достойным.

Источники и литература

1. Кринко Е.Ф., Тажидинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д., 2013.
2. Плоешти // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/5198879> (дата обращения: 27.02.2024).
3. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
4. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М., 2017.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1944 г. «Об установлении ежегодного праздника “Дня артиллерии” Красной Армии». URL: <https://base.garant.ru/71872804/> (дата обращения: 26.02.2024).

Раздел 5. Оккупационный режим, коллаборационизм и сопротивление противнику

И.Е. Татаринов

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОСОБНИКОВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С середины XX в. нормативно-правовая квалификация массового уничтожения нацистами и их пособниками мирного населения Советского Союза во время Великой Отечественной войны находится в центре внимания ученых, общественности и политиков разных стран. Совершенные гитлеровцами чудовищные преступления нельзя просто оставить в прошлом и предать забвению. Донбасс и Ворошиловградская область (ныне – Луганская Народная Республика) в годы Великой Отечественной войны особенно пострадали действий от немецко-фашистских оккупантов и их пособников. Заметим, ни один промышленный регион СССР не пребывал столь длительное время в оккупации. Сегодня остается ряд недостаточно освещенных вопросов, которые требуют дополнительной актуализации и научного осмысления.

У историков, исследующих данную проблематику, возникает вопрос, следует ли квалифицировать действия немецко-фашистских захватчиков и их пособников во время оккупации Ворошиловградской области в 1941–1943 гг. как преступления, имеющие признаки геноцида. Документальная база и исторические источники предоставляют неопровержимые доказательства преступной деятельности немецко-фашистской оккупационной администрации, установившей на территории Ворошиловградской области в 1941–1943 гг. режим геноцида, истребления мирных жителей и тотального разграбления народного хозяйства.

К началу Великой Отечественной войны, согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., на территории Ворошиловградской

области проживало 1 841 585 человек. Большую часть из них составляло городское население – 1 209 392 человека, или 65,67 %; сельского населения было 632 193 человека, или 34,33 %. По национальности распределение было следующим: украинцами были записаны 1 166 504 человека, или 63,34 %, русских было 597 633 человека, или 32,45 %. Третьей по численности этнической группой были евреи – 19 949 человек, или 1,08 % [1: 24, 68].

Уже осенью 1941 г. в результате неудачно складывавшейся боевой обстановки и отступления советских войск на восток были оставлены обширные пространства УССР, которые были заняты немецко-фашистскими войсками. Некоторые местности Ворошиловградской области также были оккупированы. Так, Попаснянский район был занят врагом в ноябре 1941 г., как и сам райцентр (16 ноября). После поражения под Харьковом в мае 1942 г. началось отступление советских войск к Дону и Волге. 17 июля был оставлен Ворошиловград, а 22 июля, с занятием немцами Свердловска, вся территория области была оккупирована.

Немецко-фашистские захватчики уже в первые дни оккупации приступили к формированию разветвленной структуры органов власти и управления. Ее характерной особенностью было создание полевых и местных комендатур, подчиненных военной администрации, а также органов местного самоуправления, комплектовавшихся преимущественно из числа коллаборационистов. Оккупанты развернули на Донбассе сеть карательных органов – подразделений тайной полевой полиции, гестапо, службы безопасности (СД), айнзацгрупп, охранной полиции и полевой жандармерии. Главной целью оккупационной политики были учет и планомерное уничтожение местного населения, ограбление природных и материальных ресурсов Луганщины.

Одним из первых мероприятий оккупантов стала перепись населения Ворошиловградской области, в чем активно помогали городские, районные, сельские управы. В городах управы возглавляли председатели, а в районах и селах управы руководили старосты. Управленческие функции выполняли комендатуры. На оккупированной территории Донбасса и Ворошиловградской области они были двух типов: военная и сельскохозяйственная. Именно эти структуры формировали оккупационный режим в том или ином населенном пункте.

С началом оккупации в ряде городов и районов области местные управы составили списки населения по трем группам. В первую вошли те, кто был готов сотрудничать, во вторую – лица, не выражавшие открытого протеста против немецких властей. К третьей группе были отнесены люди, от которых исходила потенциальная угроза оккупантам: коммунисты, комсомольцы, активисты, граждане, родственники которых находились на фронте. Именно отнесенные к третьей группе подлежали уничтожению в первую очередь.

В предписании старосты Нижнедуванской районной управы старостам сельских управ от 2 сентября 1942 г. звучало требование представления списков на партийный, комсомольский и советский актив. В трехдневный срок приказывалось «представить в районное управление лично старшине или писарю следующие материалы: 1. Списки отдельно на коммунистов, комсомольцев и партизан. 2. Списки на лиц неблагонадежных в настоящее время. 3. Списки на лиц, которые прибыли на жительство в село с 22 июня 1941 г. и проживают на территории села по настоящее время, с указанием их национальности и отдельно список на лиц врем[енно] проживающих и не имеющих у себя никаких документов. 4. Списки на лиц, которые до 22.VI-41 г. были преследуемые Советской властью и считались для Соввласти неблагонадежными, и отдельно список на лиц, репрессированных Советской властью» [2: 50].

Как видим, в пункте 4 прямо предписывалось составить списки неблагонадежных элементов, среди которых, по мнению гитлеровцев, могли быть активные враги советской власти и которые в будущем могли изъявить желание служить немцам. Таких лиц планировали использовать в качестве агентов-доносчиков как в городе, так и в сельскохозяйственных комендатурах. Как показала практика, таковых оказалось меньшинство: не каждый кулак и выходец из кулацких семей, бывший белогвардеец, судимый или репрессированный советской властью, встал на путь предательства – добровольного сотрудничества с врагом.

Поголовному истреблению подлежало все еврейское население. Для этого также были составлены соответствующие списки, а все евреи поставлены на учет. Были утверждены особые знаки отличия для этой категории населения. Например, в объявлении старосты пос. Алмазного о ношении нарукавной повязки 12 августа

1942 г. всем евреям от 14 до 50 лет, проживавшим на территории Алмазного, говорилось, «что они обязаны носить на левую руку белую повязку с красной шестиконечной звездой, с постоянной ноской» [7: 3].

Поражение немецких войск под Сталинградом заложило основу для дальнейшего изгнания врага с советской территории. 18 декабря 1942 г. был освобожден первый населенный пункт Ворошиловградской области – с. Пивнёвка Меловского района, а 16 января 1943 г. – первый районный центр УССР – пос. Меловое. 14 февраля были освобождены областной центр – г. Ворошиловград, Краснодон и другие населенные пункты. Однако полному освобождению области помешали мощные оборонительные линии нацистов по р. Миус. Лишь в августе – сентябре 1943 г. в ходе Донбасской операции удалось прорвать Миус-фронт. 1 сентября немецкие войска начали отступать по всему фронту. В тот же день был освобожден Красный Луч, 2 сентября – Брянка, 3 сентября – Коммунарск (Алчевск), Попасная и Кадиевка (Стаханов). 4 сентября был очищен от оккупантов последний оккупированный город Ворошиловградской области – Рубежное, а линия фронта переместилась на запад, на территорию современной Донецкой Народной Республики.

Поиском военных преступников, коллаборантов и расследованием военных преступлений занимались советские органы контрразведки, госбезопасности, внутренних дел, военной и территориальной прокуратуры. На районы боевых действий и прифронтовую полосу, к которым в 1943 г. относилась Ворошиловградская область, распространялась компетенция военной прокуратуры и контрразведки. Уже за март – апрель 1943 г. военная прокуратура утвердила направление в военные трибуналы войск Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) 376 уголовных дел на 450 человек – немецких ставленников и пособников, а также агентов немецкой полиции и разведки [4: 3].

В кратчайшие сроки к уголовной ответственности были привлечены: руководящие работники организованных оккупантами городских и районных структур, фашистские старосты, заместители и помощники старост, управляющие имениями, бригадиры, инспекторы, руководящие работники полиции, начальники полиции, их заместители, старшие полицейские, полицейские, лица

проходившие по категории предателей, агенты немецкой полиции, шпионы / агенты разведки, добровольцы немецкой армии, корреспонденты фашистских газет, учителя, агрономы и другие специалисты, перешедшие на службу к немцам, а также писари, переводчики, машинистки и прочие мелкие служащие оккупационных учреждений. Подавляющее большинство изменников находилась у немцев на административных должностях старост и полицейских [3: 1–2].

Приведем ряд примеров. Расследуя злодеяния оккупантов и их пособников на территории области внимание следственных органов привлекла личность предателя И. Дуракова. Было установлено, что он «после раскулачивания и отбытия наказания по приговору народного суда (был судим за саботаж хлебопоставок) проживал в областном центре. Вслед за немцами прибыл в с. Белолуцк и был назначен старостой села. Как немецкий ставленник он развил активную деятельность в помощь немцам, предал более 10 человек коммунистов. Особо активную деятельность проявил в направлении восстановления в правах бывших кулаков, создав и возглавив так называемую тройку по оказанию помощи кулацким хозяйствам, возвращая им дома и имущество, находившееся в пользовании колхоза и колхозников». Как закономерный итог предательской деятельности, 1 апреля 1943 г. Военный трибунал войск НКВД Ворошиловградской области признал Дуракова виновным по статье 54-1 п. «а» Уголовного кодекса УССР и приговорил его к расстрелу [3: 7].

Другой представитель оккупационной администрации, негласный работник Старобельской сельхозкомендатуры С. Червяк также принял довольно деятельное участие в пособничестве врагу. Как и многие другие лица, на которых в первую очередь обращали внимание оккупанты для привлечения к коллаборационистской деятельности, С. Червяк был ранее приговорен советским судом к пяти годам лишения свободы по делу «Союза Освобождения Украины». С первых дней оккупации области он добровольно пошел на службу к врагу и был назначен старостой с. Подгоровка. В его деле сказано, что он грабил колхозников, работал на немцев, отправил на каторжные работы в Германию 80 человек: «Лично составил список всех коммунистов, комсомольцев и активных советских патриотов. Арестовал и доставил в Гестапо 102 человека» [3: 7]. Изначально С. Червяк был признан

виновным по статье 54-1 п. «а» Уголовного кодекса УССР и приговорен к десяти годам лишения свободы. Однако при вторичном рассмотрении его дела приговор Военного трибунала войск НКВД Ворошиловградской области по протесту военной прокуратуры за мягкостью был отменен, а сам предатель приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Аналогичную меру наказания получил полицай Д. Нагорский, «по социальному происхождению из кулаков. В село Александровка Лозно-Александровского района он прибыл уже в период немецкой оккупации и добровольно изъявил желание работать в полиции. Будучи полицейским, производил выселение красноармейских семейств из бывших кулацких домов, с оружием в руках выгонял колхозников на работы, задерживал и арестовывал граждан. По распоряжению немецкого коменданта отправил в тыл немцам стадо скота, отобранного у колхозников». Приговором Военного трибунала войск НКВД Ворошиловградской области по статье 54-1 «а» УК УССР «Измена Родине» он также был приговорен к расстрелу [3: 7–8].

Имелись случаи добровольного поступления на службу в полицию бывших красноармейцев. Приведем пример бывшего красноармейца 855-го стрелкового полка РККА Федора Савченко. Он добровольно сдался в плен немецким войскам, а после освобождения из плена (вероятно, в лагере был завербован и дал согласие служить немцам) вернулся в родной хутор Гаевка Верхне-Тепловского района и поступил на службу в местную полицию. Он работал полицейским с августа 1942 по январь 1943 г., участвовал в изъятии скота и продуктов питания у колхозников. Как сказано в его обвинительном заключении, «старательно выполнял обязанности полицейского. Арестовал по подозрению в принадлежности к партизанам граждан, лично доставлял их в районную управу, где задержанные в присутствии Савченко были расстреляны». 30 марта 1943 г. по статье 54-1 «а» УК УССР «Измена Родине» Савченко был приговорен к расстрелу [3: 44].

Примечательна личность старшего полицейского г. Старобельск Б. Селезнева, бывшего кандидата в члены ВКП(б). Начав службу в рядах Красной армии, он 17 июля 1942 г. перешел к врагу и сдался в плен. Изъявил желание служить немцам и бороться против советской власти. Немцы назначили его старшим полицейским

г. Старобельск и поручили командовать 25 полициями. Селезнев старательно исполнял обязанности начальника районной полиции, лично и по заданиям гестапо производил аресты коммунистов и активистов. Как установило следствие, этот предатель неоднократно участвовал в расстрелах советских патриотов, евреев и семей советских активистов, принимал участие в умерщвлении детей и евреев путем отравления ядами. 7 марта 1943 г. Военный трибунал войск НКВД Ворошиловградской области приговорил Селезнева к расстрелу [4: 19].

Зверствами и издевательствами был наполнен кровавый путь другого коллаборациониста – начальника полиции Петро-Донецкого поселка А. Золотарёва. На следствии было выяснено, что 5 января 1943 г. он добровольно поступил на службу в полицию г. Кадиевка на должность рядового полицейского. Позднее его назначили на должность начальника полиции соседнего Петро-Донецкого поселка, где он командовал отрядом полицейских числом 14 человек, которых он «инструктировал как нести службу по охране нацистского нового порядка». Золотарёв производил аресты коммунистов, комсомольцев и мирных граждан, издевался над ними, расстреливал их и участвовал в массовых грабежах населения [6: 4]. Областной военный трибунал войск НКВД приговорил его к расстрелу.

Вместе с Золотарёвым чудовищные преступления совершал другой коллаборационист – старший полицейский по г. Серго и уроженец этого города Константин Кобзарь. Ранее органами НКВД он был осужден за бандитизм, а в начале Великой Отечественной войны военным трибуналом был приговорен к десяти годам лишения свободы с отправкой на фронт за дезертирство. Как установило следствие, 25 августа 1942 г. Кобзарь «добровольно поступил в немецкие карательные органы на должность старшего полицейского Серговской полиции, где работал до изгнания немцев». Как и многие другие полицаи, он производил массовые аресты советских граждан, проводил повальные обыски, изъятие имущества советского населения, насиловал женщин, избивал мирных жителей, принимал участие в расстреле 11 советских граждан, тела которых после казни были сброшены в шурф шахты [6: 3–4]. За свои злодеяния военным трибуналом Кобзарь также был приговорен к расстрелу.

Накануне изгнания оккупантов с территории области многие помещения отделов полиции, в которых служили коллаборационисты, стали братской могилой для большого количества местных жителей. Так, в акте комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в с. Голубовке (ныне – г. Кировск, ЛНР), составленном в сентябре 1943 г., указано следующее. «Специальная комиссия по выявлению зверств, совершенных немецкими фашистами, 8 сентября 1943 г. извлекла и осмотрела 8 трупов из погребя, находящегося вблизи помещения, где была расположена полиция в селе Голубовке. Этой же комиссией 10 сентября 1943 г. было извлечено 137 трупов, из которых 61 человек был опознан родными и близкими, 11 трупов обнаружено в бомбоубежище возле сожженной немцами церкви, 8 трупов извлечено из рудника Голубовки, во дворе, где помещалась полиция. 16 сентября 1943 г. комиссия извлекла 24 трупа из левого конца рва, 22 трупа были извлечены из правого конца этого же рва. Большинство из обнаруженных жертв были убиты огнестрельным оружием на близком расстоянии, многие из них были замучены жестокими пытками и ударами холодного оружия» [5: 54–58].

В настоящее время остается дискуссионным вопрос о численности советских граждан, погибших на территории Луганской Народной Республики (Ворошиловградской области) в годы Великой Отечественной войны от преступных действий немецко-фашистских захватчиков и их пособников. В материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов на территории Ворошиловградской области от 3 мая 1944 г. приводятся следующие цифры: 15 490 расстрелянных, 366 замученных, 3517 погибших от бомбежек, 7784 подвергшихся пыткам и издевательствам, 41 045 девушек и 17 986 мужчин, угнанных на работы в Германию [9: 114].

В 25-м томе энциклопедического издания «История городов и сел Украинской ССР», в составлении которого в 1968 г. принимали участие лучшие советские историки, зафиксировано следующее: «За время оккупации области фашисты замучили, расстреляли, повесили и заживо сбросили в шахты около 100 тыс. человек, а более 70 тыс. человек насильственно вывезли на каторжные работы в Германию» [8: 42].

На основании изучения различных документов и материалов Прокуратура Луганской Народной Республики в сентябре 2023 г. также пришла к выводу о том, что в результате действий захватчиков и их пособников пострадали более 99 тыс. луганчан [10]. Очевидно, что данные цифры нельзя считать окончательными и они без сомнения, значительно выше.

В завершение заметим, что явление коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны носило комплексный характер, а деятельность различных карательных и полицейских структур свидетельствует о целенаправленной карательной политике по отношению к мирным гражданам. Имеющийся в наличии документальный комплекс позволяет специалистам считать политику немецко-фашистских властей в отношении мирного населения Ворошиловградской области в период оккупации региона с 16 ноября 1941 по 4 сентября 1943 г. геноцидом, а выявленные преступления оккупантов – военными преступлениями и преступлениями против человечности, не имеющими сроков давности.

Источники и литература

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992.
2. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – Госархив ЛНР). Ф. П-179. Оп. 3. Д. 39.
3. Госархив ЛНР. Ф. П-1790. Оп. 1. Д. 262-а.
4. Госархив ЛНР. Ф. П-1790. Оп. 1. Д. 265.
5. Госархив ЛНР. Ф. Р-702. Оп. 6. Д. 159.
6. Госархив ЛНР. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 4.
7. Госархив ЛНР. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 7.
8. Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Т. 25. Луганська область. Київ, 1968.
9. Луганщина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник материалов и документов / сост. А.М. Бурлаков и др. Донецк, 1969.
10. Прокуратура ЛНР призвала суд признать геноцидом действия нацистов во время войн // RT на русском. 2023. 4 сентября. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1198039-lnr-genocid-nacisty> (дата обращения: 02.03.2024).

А.А. Татаров

**К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ГОРСКО-ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ
ОККУПАЦИИ 1942–1943 гг.¹**

В рамках изучения истории горских евреев Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны выделяется направление исследований по отдельным локальным общинам, в том числе в Кабардино-Балкарии [3; 8; 9]. Цель статьи заключается в анализе горско-еврейского вопроса в условиях нацистской оккупации г. Нальчика (Кабардино-Балкария) и рассмотрении путей спасения общины от массового уничтожения.

К успехам советской национальной политики в Кабардино-Балкарии относится формирование консоциативных институтов, обеспечивавших равные возможности и добрососедские отношения различных этнических групп. К числу последних относились горские евреи, численность которых достигала по материалам переписи населения 1939 г. 3414 человек (3007 из них компактно проживали в Нальчике) [10]. В годы Великой Отечественной войны были мобилизованы более 800 горских евреев Кабардино-Балкарии, 420 из которых не вернулись с фронта [8: 262]. В общей сложности, по подсчетам И.Х. Михайловой, безвозвратные потери горских евреев СССР составили около 2700 человек [7: 7–181].

Гордостью общины Кабардино-Балкарии стал не только И.И. Иллазаров, Герой Советского Союза (посмертно, 1945 г.), но и многие другие ее представители, внесшие свой вклад в борьбу с нацизмом на фронте и в тылу. Горские евреи воевали на фронте, принимали участие в сборе средств для Красной армии, трудились на предприятиях и в колхозах. 8 сентября 1941 г. во дворе нальчикской школы № 10 собрались около 300 представителей общины, один из которых, заместитель председателя горсовета депутатов трудящихся А.А. Пинхасов, открыл вечерний митинг. После различных акций и заявлений о поддержке бойцов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-28-00106 «Западнокавказский культурный ареал горских евреев: история, идентичности, общинные структуры», реализуемого Южным федеральным университетом.

Красной армии была принята резолюция, в которой провозглашалась непримиримая борьба с нацизмом [6: 356–357].

В условиях сравнительно недолгой оккупации предгорной части Северного Кавказа (август 1942 – январь 1943 гг.) некоторые представители военно-политического руководства Германии пытались развернуть здесь новую экспериментальную политику. Среди этих акторов были те, кто знал специфику национального состава и истории Кавказа и в целом СССР. А. Розенберг, уроженец Российской империи и рейхсминистр восточных оккупированных территорий (1941–1945 гг.), считал практически ценным осуществление специальных политических мер, чтобы получить возможность стабильной эксплуатации экономических ресурсов Кавказа [4: 163–164]. В таком же духе размышлял Э. Кестринг, также родившийся в России. До войны он успел поработать военным атташе в СССР, а в сентябре 1942 г. получил символическую должность уполномоченного по вопросам Кавказа при группе армии «А». Стоит вспомнить и О. Бройтигама, уполномоченного А. Розенберга при группе армий «А», который накануне Великой Отечественной войны был главой немецкого консульства в Батуми (Грузия).

Усилиями этих и других чиновников и военных Третьего рейха были сформулированы инструкции по «осторожной» политике военных сил на занятых территориях Кавказа. К примеру, в войсках группы армий «А» была распространена «Памятка о поведении среди кавказских народов», в которой подчеркивалась важность учета местных традиций [17: 30–31]. Э. фон Клейст, который в ходе битвы за Кавказ прошел путь от командующего 1-й танковой армией до командующего группы армий «А», а также некоторые военные деятели из генштаба сухопутных войск формально поддерживали модель «осторожной» политики в тыловых зонах Северного Кавказа.

Однако реалии оказались далеко не схожими с теоретическими положениями. После оккупации Кабардино-Балкарии¹ новая администрация приступила к регистрации населения и выявлению

¹ Оккупация проходила в два этапа: в августе – сентябре 1942 г. войска противника заняли некоторые высокогорные позиции в Приэльбрусье, северные и северо-восточные районы, а с конца октября 1942 г. – район Нальчика и остальные территории республики.

«неблагонадежной» категории, к которой были отнесены партийные и советские работники, партизаны, чекисты и евреи [12: 1–2]. Вместе с представителями кабардинского, балкарского, русского народов массовые карательные действия, жертвами которых стали тысячи жителей, настигли и эвакуировавшихся сюда в прежние месяцы европейских евреев. Так, в декабре 1942 г. только в районе с. Зольского и Кызбырун были зверски убиты 105 человек [6: 233; 5: 44].

Репрессивная политика проводилась при активном участии полевых и местных комендантов и командующих воинских частей. С ухудшением положения сил вермахта под Сталинградом в декабре 1942 г. и подготовкой группы армий «А» к отступлению жестокость оккупационной политики росла с каждым днем. Видные представители зарубежной историографии, для которой в целом характерно оправдание «мягкой» политики немцев на Северном Кавказе, признают, что за недолгий период населению региона был нанесен ощутимый ущерб [2: 106], ответное партизанское движение вызывало частые карательные действия айнцагрупп [18: 58], а «представители военного командования не мешали действиям полиции безопасности» [20: 252].

Систему карательных служб на Северном Кавказе возглавил группенфюрер СС Г. Корземанн. Еще до конца 1942 г. его отправили в отставку по причине «слабого исполнения обязанностей» [14: 208]. Это, однако, не сказалось на активности сети органов массового уничтожения населения в Кабардино-Балкарии, включавшей отделения гестапо в городах и районах, отряды полевой жандармерии и группы СД. При группе армий «А» действовала айнцагруппа D во главе с бригадефюрером СС В. Биркампом. В Кабардино-Балкарии (сначала в Прохладном, затем в Нальчике) располагалась подведомственная айнцагруппе D айнцаккоманда 10b штурмбаннфюрера СС А. Перштерера. Она охватывала район Моздока Северной Осетии, где, по неполным данным, к концу сентября 1942 г. при участии немецких войск было уничтожено около 850 горских евреев [16: 105]. К этому времени число жертв массовых убийств в с. Богдановка Орджоникидзевского (Ставропольского) края составило около 470 человек [5: 46].

После оккупации Нальчика А. Перштерер поднял вопрос об уничтожении всей местной горско-еврейской общины. Некоторые

немецкие военные и гражданские деятели выразили сомнения в обоснованности этой акции. К их числу относился Э. Кестринг, который отнес горских евреев к «приемлемым» этническим группам, напомнив, что они несли военную службу в армии Российской империи в ранге офицеров, к которому евреи не имели доступа. Против плана А. Перштерера выступил даже командир батальона «Бергманн» Т. Оберлендер [13: 235], известный своими жестокими методами вербовки военнопленных. Э. Вагнер, генерал-квартирмейстер немецкого генштаба сухопутных войск, еще в сентябре 1942 г. призывал отложить еврейский вопрос до завершения кавказской кампании [21: 498].

Подобное «сочувствие» судьбе горско-еврейской общины Кабардино-Балкарии едва ли было случайным. В декабре 1942 г. здесь планировались две символически важные для оккупационных властей акции – организация мусульманского праздника Курбан-байрам и реформа по отмене колхозов. О. Бройтигам, приехавший в распоряжение группы армий «А» еще в ноябре 1942 г., предостерег В. Биркампа о возможных последствиях массового уничтожения горско-еврейской общины Нальчика и враждебной реакции всего населения [15: 535].

В период оккупации многие горские евреи нашли укрытие в кабардинских и балкарских семьях. На фоне сочувствия населения республики делегация общины во главе с М. Шабаевым обратилась за поддержкой к С. Шадову, члену коллаборационистского «Национального представительства интересов Кабардино-Балкарии» в Нальчике. Вскоре Шадов встретился с представителями немецкого командования в Кисловодске, Пятигорске и Нальчике и заверил их в том, что горские евреи являются татами и давними соседями кабардинцев и балкарцев [1: 425–426].

С. Шадов предложил направить комиссию из представителей СС и армии в еврейские семьи. С такой же идеей выступил Н. Поппе (советский тюрколог, сотрудничавший с немцами как «эксперт по кавказским народам» и проживавший в Нальчике в декабре 1942 г.), убежденный, в том, что горские евреи – это этнические иранцы, принявшие иудаизм [19: 166]. Члены комиссии вскоре ознакомились с образом жизни в общине, национальными танцами и блюдами и пришли к заключению, что горские евреи принципиально не отличаются своим бытом от остальных местных народов.

Однако дальнейшие события показали, что спасение общины стало возможным лишь благодаря изгнанию немецко-румынских войск из республики в начале января 1943 г. В следующие месяцы в Германии заметно укоренилось мнение о «неприемлемости» горских евреев. Среди ярких сторонников этого был глава расово-политического управления Национал-социалистической немецкой рабочей партии В. Гросс, в статье которого, опубликованной в газете «Газават», специализировавшейся на пропаганде в северо-кавказских частях вермахта в 1943–1944 гг., отмечалось, что германская политика не затрагивает расовую честь других народов, за исключением иудеев [11: 498]. В своих размышлениях о горских евреях он опирался на положения недавно вышедшей книги Г. Тайха и Х. Рюбеля, которые относили эту группу к еврейскому субэтносу. Несмотря на наличие альтернативных подходов некоторых немецких востоковедов, к декабрю 1943 г. в Министерстве иностранных дел Германии окончательно сложилась позиция о том, что горские евреи являются «истинными» евреями [7: 123–124].

Обстоятельства спасения горско-еврейской общины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны всё еще остается открытым исследовательским объектом. Объяснительный кластер данной статьи включает четыре элемента: позиция части немецкого военно-политического руководства; действия локальных акторов среди горских евреев и населения Кабардино-Балкарии; позиция и заключение представителей карательных органов власти; темпы бюрократических решений. Все эти факторы сорвали принятие окончательного решения оккупационной администрацией о проведении массового уничтожения общины Кабардино-Балкарии. Более всего очевидно, что освобождение Кабардино-Балкарии от оккупации в январе 1943 г. стало главным фактором спасения местной горско-еврейской общины.

Источники и литература

1. Арад И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). М., 2007.
2. Боффа Дж. История Советского Союза: в 2 т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. М., 1994.
3. Горские евреи в Кабардино-Балкарии / сост. С.А. Данилова. Нальчик, 1997.

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 99.
5. Данилова С.А. Горские евреи в истории и в наши дни. Нью-Йорк, 2021.
6. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / отв. ред. М.Х. Шекихачев. Нальчик, 1975.
7. Михайлова И.Х. Горские евреи в Великой Отечественной войне. М., 2015.
8. Мурзаханов Ю.И. Горские евреи Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны // История и культура горских евреев / науч. ред. Е.М. Назарова, И.Г. Семенов. М., 2018. С. 262–269.
9. Мурзаханов Ю.И. Холокост и горско-еврейские общины // Кавказология. 2017. № 3. С. 120–127.
10. Население Кабардино-Балкарии. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (дата обращения: 17.05.2024).
11. Татаров А.А. Газета «Газават» и проблема Северного Кавказа в пропаганде нацистской Германии в 1943–1944 годах // Научный диалог. 2023. № 12 (8). С. 491–508.
12. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 2.
13. Bittenfeld H.H. von. Against Two Evils. New York, 1981.
14. Blood P.W. Hitler's Bandit Hunters: The SS and the Nazi Occupation of Europe. Washington, D.C., 2006.
15. Bräutigam O. So hat es sich zugetragen... Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg, 1968.
16. Feferman K. Nazi Germany and the Mountain Jews: Was There a Policy? // Holocaust and Genocide Studies. 2007. Vol. 21. No. 1. P. 96–114.
17. Jeloschek A., Richter F., Schütte E. Freiwillige vom Kaukasus: Georgier, Armenier, Aserbaidshaner, Tschetschenen u.a. auf deutscher Seite: der "Sonderverband Bergmann" und sein Gründer Theodor Oberländer. Graz; Stuttgart, 2004.
18. Pohl D. Deutsche Militärverwaltung die bessere Besatzung? Das Beispiel Kaukasus 1942/43 // Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen / Hrsg. H. Möller, A. Čubar-jan. Band 2. München, 2005. S. 52–61.
19. Poppe N. Reminiscences. Bellingham, 1982.
20. Reitlinger G. The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. New York, 1960.
21. Zeidler M. Das "Kaukasische Experiment". Gab es eine Weisung Hitlers zur deutschen Besatzungspolitik im Kaukasus? // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2005. Heft 3. S. 474–500.

В.В. Хилькевич

К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ СОТРУДНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ВОСПИТАННИКОВ-ЕВРЕЕВ НА КУБАНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1942–1943)

В современной историографии представлены немногочисленные исследования о судьбах воспитанников-евреев, находившихся в детских домах в годы Великой Отечественной войны. Вместе с тем работы о судьбах сотрудников детских домов – евреев, среди которых были эвакуированные педагоги, воспитатели и обслуживающий персонал, – практически отсутствуют. Их истории в оккупационный период по-прежнему требуют более детального изучения и осмысления. Настоящая статья призвана внести вклад в разработку этой малоизученной темы.

Обращаясь к вопросу о судьбах сотрудников и воспитанников детских домов, находившихся на территории Краснодарского края к лету 1942 г., следует отметить, что решение приступить к немедленной эвакуации детских домов было принято достаточно поздно, только 31 июля 1942 г. 1 августа специально созданной для этой работы группе было поручено составить план эвакуации [11: 328]. Однако к этому времени и позднее многие детские дома всё также находились в Краснодарском крае и оказались на временно оккупированной территории Кубани. Характеризуя сложившуюся ситуацию, А.М. Ольшанникова, сотрудница детского дома № 58, эвакуированного из Ленинграда в ст. Удобную, отмечала: «Это было страшнее блокады, страшнее обстрелов и бомбежек – остаться в плену» [8: 10]. Тем не менее, оказавшись на оккупированной территории, сотрудники детских домов продолжали свою работу. Они налаживали жизнь в этих новых, подчас экстремальных условиях. Именно их усилия, а также помощь местных жителей способствовали тому, что многие дети смогли пережить оккупацию.

Вопросам повседневности и выживания в годы войны сотрудников и воспитанников детдомов посвящена работа Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлыниной и И.В. Юрчук. Авторы отмечали, что жизнь многих детей в оккупационный период трагически оборвалась из-за реализации нацистских идеологических принципов, массовому истреблению подвергались и неизлечимо больные дети. В этих

условиях спасение детей в детдомах во многом зависело «от обстоятельств субъективного порядка, желания и возможностей их администрации наладить отношения с оккупационными властями» [10: 44]. В качестве проблемного аспекта темы авторы называли немногочисленность источников – документов 1941–1942 гг., частично утраченных вследствие эвакуации и оккупации. Также отмечалось, что за рамками исследования осталось «немало сюжетов, включая сам внутренний мир детских учреждений, для изучения которых требуется использование не только новых подходов, но и других источников, в основном, личного происхождения» [10: 36].

Отметим также статью М.Ю. Давыдовой и Д.А. Чибириковой, в которой авторы затронули вопросы о судьбах детдомовских детей-евреев, которых в период оккупации «опаснее всего было скрывать», так как «фашисты затребовали у директоров списки детей-евреев» [7: 34–35]. Дети еврейской национальности по приказу оккупационных властей подлежали уничтожению, и дальнейшая судьба воспитанников после выдачи таких списков складывалась драматично.

Проблемные аспекты, связанные с оккупационной политикой по отношению к воспитанникам-евреям в детских домах, выделялись И.А. Альтманом [1: 282–283]. Так, из детского дома в ст. Бескорбной по списку было отобрано 11 детей, которых вместе с бывшей заместителем директора эвакуированного Одесского детского дома № 6 З.Б. Ривкиной, ее семьей (братом и матерью), а также еще одним евреем вывезли в машине типа «душегубка» в сторону Армавира [2: 33]. Среди убитых в Армавире в период оккупации были 14 детей из детского дома, эвакуированного из Одессы. Сотрудникам детдома удалось вычеркнуть из списка данные еще 14 детей-евреев [9: 45].

Сохранились свидетельства, что работники детдомов уничтожали подобные списки, составляли новые, заменяя еврейские фамилии на русские.

Так, директор детского дома № 1 Смольнинского района г. Ленинграда, эвакуированного в апреле 1942 г. в ст. Передовую, Ю.И. Белоруссова (1898–1964) была награждена высшей наградой – орденом Ленина за спасение жизни детей в годы войны. В возглавляемом ею детдоме было 128 детей. Среди них – 12 детей-евреев,

которых удавалось скрывать от оккупантов. Когда запросили списки еврейских детей, она ответила: «Нет еврейских» [12: 87].

Определяли сотрудники детских домов детей-евреев и в семьи местных жителей, которые порой придумывали нестандартные пути решения для спасения принятых в семьи детей. Известна история трехлетнего воспитанника из эвакуированного ленинградского детдома Я. Ревзина, которого взяла в свою семью жительница ст. Удобной Н. Дзюбанова, воспитывавшая восьмилетнюю дочь Римму (в замужестве Бойко). В период оккупации, скрывая еврейское происхождение мальчика, Яшу остригли наголо, надели платок и девичье платье [3]. Благодаря этому мальчика удалось спасти, и он пережил оккупацию. 26 ноября 2003 г. Яд Вашем удостоил Н. Дзюбанову почетного звания Праведника народов мира. Еще одна история спасения связана с именем пятилетнего Г. Горфункеля из Ленинграда, который оказался в детском доме ст. Новощербиновской, а затем попал к одинокой В.М. Бурячок, проживавшей в х. Незаймановском. Для спасения еврейского мальчика она «составила ему “легенду” и заставляла ее заучить». Позднее он рассказывал: «Главное воспоминание – о том, как учили меня правильно отвечать, если чужие люди будут спрашивать. Она мне говорила: “Если спросят: «Где твой батька?», говори: «Батьки нету», а спросят: «Кто твоя мамка?», говори: «Моя мамка Вера», а спросят: «Как твоя фамилия?» – говори: «Бурячок», а про мамку в Ленинграде молчи, и про Ленинград молчи, а то дядька заберет”. Помню, что уроки были не зря: я действительно отвечал какому-то мужчине, что батьки нет, а мамку зовут Вера. Но всё-таки на меня не надеялись и уводили к соседям, когда надо было спрятать от посторонних глаз. Я помню, что ночевал в других хатах, спал на лавке или на печи» [5: 24–25].

Эти примеры свидетельствуют, что, оказавшись в экстремальной ситуации оккупационного режима, дети зачастую были вынуждены совершать поступки, от которых зависела их дальнейшая жизнь, а также психологически адаптироваться к новым реалиям, в которых им приходилось выживать, в новых семьях и порой под другими именами.

Среди спасенных детей был воспитанник ленинградского детского дома № 60, размещенного в ст. Передовой М.Г. Бугаков. Позднее он вспоминал [20], что в период оккупации «шестилетний

ребенок узнал, что он еврей». Из детского дома «переправили в станицу Удобную, в концлагерь для евреев». На улице к нему «подбежала воспитательница из детского дома и выхватила из колонны». Рискую собственной жизнью, она привела его в детский дом, спрятав в комнате, заваленной топчанами. Здесь он прятался до освобождения станицы. От всего пережитого он потерял дар речи и «до 15 лет был немым, затем постепенно речь возобновилась» [20].

С ленинградским детским домом № 60 были эвакуированы на Кубань семилетняя Татьяна и четырехлетний Михаил Берковичи, которые также пережили оккупацию. Из воспоминаний Т.М. Межеричкой (Беркович): «Местные жители стали разбирать детей из детского дома на воспитание. Мишу забрала одна одинокая женщина, и мы не виделись с ним до 1948 года» [13]. Т.М. Беркович была реэвакуирована в 1945 г. в Ленинград и передана тете Т.Г. Липшиц [17: 7].

Большую работу по сбору материалов о судьбах эвакуированных на Кубань ленинградских детей в 1942–1943 гг. проводил С.К. Филиппов (1945–2020), работавший многие годы главным редактором отрадненской районной газеты «Сельская жизнь». В основу его документальной повести «Прошедшие через ад» [15] легли воспоминания сотрудников и воспитанников ленинградских детдомов о жизни в оккупации. Среди них были и воспоминания воспитанников-евреев, переживших оккупацию. Одна из историй была рассказана автору воспитанницей детдома И.Л. Вилькович (Больших), которую возили на расстрел, и ей чудом удалось спастись. Она пережила оккупацию в детском доме [4] и в 1945 г. была реэвакуирована из Удобненского района в Ленинград для трудоустройства (школа ФЗУ № 8) [17: 1].

С.К. Филиппов также записал воспоминания бывшей воспитанницы ленинградского детдома № 40 Э.И. Гринберг [15: 213–214] о жизни ее мамы Евгении Соломоновны (Залмановны) Певзнер (Гринберг) в период оккупации ст. Удобной, работавшей в этом же детдоме воспитателем младшей группы: «Наша мама с Розой Григорьевной жили в одной из двух прихожих здания. Однажды поздно вечером к нам постучали немцы. Ихпустили в детдом с одного входа, а мама с Розой Григорьевной вышли через другой. Потом я узнала: они должны были явиться на какой-то сборный пункт.

Еще раз я видела маму 11 октября... Помню, что под накинутым на плечи шерстяным платком я увидела у нее на рукаве желтую звезду. Разве я могла знать тогда, что вижу маму в последний раз». Свое пребывание в детдоме с двухлетним братом Мишей после гибели матери она описывает так: «Меня на улицу не выпускали, даже не разрешали ходить в школу». Детей сотрудника детдома никто не выдал, и оба пережили оккупацию. В конце войны они отправили из детдома в ст. Передовой совместную фотографию дяде с надписью на обороте: «На память дорогому дяде Яше от племянников Эммы и Миши. 1/III-45г.». В 1945 г. детей передали дяде Якову Соломоновичу Певзнер [17: 2а]. Прочитируем письмо его сына Г.Я. Певзнер из г. Санкт-Петербурга (июль 2023 г.), присланное автору статьи: «С детства я слышал в нашей семье, что тётя Женя убита фашистами. Весной 1942 года тётя Женя вместе со своими детьми и детским садом, где она работала, эвакуировалась в Краснодарский край. После оккупации Кавказа немцами директор детского дома... выдала Евгению Гринберг немцам, как еврейку. Через несколько дней она приходила проводить детей. И больше её не видели».

Сведения об упоминаемой в воспоминаниях Э.И. Гринберг воспитательнице Розе Григорьевне могут быть уточнены по данным списка обслуживающего персонала детдома № 40 эвакуированного в ст. Удобную, где указана Роза Эфремовна Амчеславская по национальности еврейка, работавшая до эвакуации библиотекарем. Сохранились фотография и сведения о послужном списке ленинградского библиотекаря Розы Григорьевны (Ефремовны) Амчиславской [16]. Сведения Э.Г. Гринберг позволяют предположить, что ее судьба в период оккупации ст. Удобной наиболее вероятно сложилась трагично.

В своих воспоминаниях Э.И. Гринберг упоминает еще одного воспитателя детдома – «еврейку Блюму Петровну». В 2022 г. на хранение в Центральный государственный архив Санкт-Петербурга были переданы письма ленинградского педагога Блюмы Петровны (Пейсаховны) Вязьменской, отправленные ею в период с апреля по июль 1942 г. из ст. Удобной [18]. Весной 1942 г. она с дочерью Лидой была эвакуирована в эту станицу из блокадного Ленинграда вместе с детдомом № 40. В письмах родственникам Блюма Петровна сообщает о переживаниях, связанных с трудностями

эвакуации и тяжелейшими условиями выживания ленинградского детдома № 40, формировавшегося «в день отъезда». Она вспоминает о пережитом блокадном прошлом и сообщает о своих первых впечатлениях на новом месте в эвакуации: «Здесь чудесно, мы живем у подножия гор, вокруг нас цветут персики, яблони, вишни... Я никогда не была еще такой полной! Посмотрели бы вы каковы мы были в Ленинграде, особенно в декабре-феврале. От одного воспоминания пробегает мороз по телу... Адрес: Краснодарский край, Удобненский район, станица Удобная, 40 детдом» [18].

Интерес в этой переписке представляют не только некоторые бытовые сюжеты из жизни ленинградского детского дома № 40 в ст. Удобной, где она была трудоустроена, но и описание цен на доступные здесь населению продукты питания летом 1942 г. Сотрудники детдома получали заработную плату и паек, что позволяло им не только питаться на работе, но и покупать дополнительно продукты питания у местного населения, а иногда приходилось обменивать на продукты и свои немногочисленные вещи. В письме от 23 июня 1942 г. она сообщает родственникам о нормах хлебного пайка на взрослого (600 г) и ребенка (400 г) и отмечает отсутствие в этот период в ст. Удобной продуктовых карточек на питание, обязательную необходимость иметь пропуск для въезда в Краснодарский край.

Эмоциональной составляющей письма от 23 июня 1942 г. является ее обращение к родственникам, с которыми она давно не виделась, вера в скорейшую встречу с ними: «Знайте, что мы с Лидой теперь счастливы, как никогда в жизни, и мы мечтаем только о тесной встрече со всеми своими родными и близкими, и больше ни в чем не нуждаемся» [18].

Последнее письмо Б.П. Вязьменской было отправлено из ст. Удобной 9 июля 1942 г. В этом письме она описывает условия проживания воспитанников и персонала в этот период: «Сейчас мы с нею [дочерью Лидой] обе в чесотке (у нас 100 % детей и 50 % служащих покрыто этой благородной сыпью). Веду с нею ожесточенную борьбу, мажу себя и детей всякими мазями – уже она значительно изменилась, но конец еще не так скор. Наш детский дом в основном дошкольный. В нем около 100 человек детей и 25 служащих. Это дети матери которых умерли, а отцы либо в армии, либо погибли. Ехали эшелонами, состоящим сплошь из таких детей.

Картина была жуткая. Многие погибли (ни раз, в нашем детдоме почти не было смертей)» [18].

Из воспоминаний от 24 декабря 2022 г. дочери Блюмы Петровны Л.М. Вязьменской об этом периоде жизни известно, что в конце лета 1942 г. «в Удобную пришли немцы. Начали выявлять в станице евреев». Из рассказов взрослых позднее она узнала о судьбе своей мамы: «Однажды маму вызвала к себе директор детского дома и сказала: “Люба, немцы везде ищут евреев. Я вынуждена тебя выдать, иначе меня расстреляют”. О непростом, но столь важном для спасения своего единственного ребенка решении матери, ее дочь Лидия Михайловна пишет в своих воспоминаниях: “Помню, как мама бежит по дорожке со мной на руках. Подбегает к калитке, вбегает во двор, бросается в дом. Этот дом был мне знаком. Быстро переговаривается с хозяйкой (Черновой Натальей Григорьевной). Говорит мне: “Запомни-это твоя мама. А я – только воспитательница в детском доме». Немцы стояли в нашем доме. Наталья Григорьевна выдавала меня за свою дочь (у нее был еще родной сын Гена, года на три старше меня)”» [19: 3–4].

Ленинградский педагог Б.П. Вязьменская была казнена в ст. Удобной вместе с еврейским населением в октябре 1942 г. О ее трагичной судьбе родственникам стало известно из письма Н.Г. Черновой, отправленного отцу Вязьменской в 1943 г. из ст. Удобной. В справке начальника паспортного стола Удобненского районного отдела Народного комиссариата внутренних дел сообщалось, что Б.П. Вязьменская была расстреляна, а ее дочь была спасена жительницей ст. Удобной, проживавшей по ул. Крестьянской, 12 (сотрудницей детдома № 40) Натальей Григорьевной Черновой. Несомненно, что в период оккупации ст. Удобной Чернова рисковала не только своей жизнью, но и жизнью своего маленького сына. Ведь в небольшой станице местные жители друг друга хорошо знают. Однако в критической ситуации она приняла решение о спасении дочери своей коллеги по работе, взяв ее в свою семью. Никто из соседей и односельчан девочку не выдал и на Чернову не донес.

Публикация в 2021 г. книги И.А. Назаренко [14] обращает нас к вопросу о судьбах сотрудников еще двух эвакуированных ленинградских детдомов, размещенных в ст. Лабинской весной 1942 г. В опубликованных списках руководящего, воспитательского

и обслуживающего персонала (по данным Архива документов по личному составу Краснодарского края) в детдоме № 84 значились семь сотрудников, из которых: воспитатель Рахиль Борисовна Аквилонова, 1907 г.р., «выехала из Лабинской 6 августа 1942г., за день до оккупации станицы немцами», а 38-летний завхоз Георгий Николаевич Фрейдсон и 35-летняя кастелянша София Николаевна Фрейдсон были расстреляны 14 сентября 1942 г. В списке детского дома № 32 из 13 сотрудников два воспитателя погибли «в Лабинской в период немецкой оккупации»: Фаина Гегелевна Тартаковская, 1916 г.р. и Фаина Марковна Лифшиц, 1916 г.р. В списке обслуживающего персонала детдома № 84, эвакуированного из Ленинграда в ст. Лабинскую в 1942 г., указаны сестра и брат Фрейдсон, а также его супруга Из письма Стеры (Стерны) Фрейдсон, отправленного родственнице из ст. Лабинской, известно следующее: «...это был последний эшalon и мы ехали с детдомом... Живем пока в школе» [14: 318–319].

По списку эвакуированных граждан, прибывших с детдомом № 32 и размещенных в Лабинском районе, упоминаемая Ф.М. Лифшиц указана прибывшей одна, по национальности еврейка. Ф.Г. Тартаковская была эвакуирована с двумя детьми: И.Г. Лейбович и Р.Г. Сегаль [6].

Отметим, что обращение к источникам личного происхождения, с целью изучения условий проживания в детских домах в годы войны, представляет собой перспективное направление, а вводимые в научный оборот архивные документы и эго-источники значительно расширяют возможности для дальнейшего исследования личных историй воспитанников и сотрудников детских домов в этот период. В данной статье мы не смогли охватить все подобные истории. Однако следует подчеркнуть, что судьбы воспитанников и сотрудников детских домов – евреев по национальности – в оккупационный период (1942–1943 гг.) для многих сложились трагично. Некоторые из них были уничтожены по национальному признаку. Известны также истории спасения детей-евреев не только сотрудниками детских домов, но и местными жителями. Многие имена погибших остались неизвестными, а места захоронения так и не были установлены. Вместе с тем выявление их судеб может стать основой для последующего увековечения.

Источники и литература

1. Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002.
2. Архивный отдел администрации Новокубанского района. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 2.
3. Бойко Римма // Жди меня. URL: <https://poisk.vid.ru/?p=10&id=1863610> (дата обращения: 22.02.2024).
4. Больших (Вилькович) И. От имени детдомовцев // Сельская жизнь. 1991. № 74. 22 июня.
5. Горфункель Л. Война, любовь и психология: книга о моем отце. М., 2012.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А327. Оп. 2. Д. 159.
7. Давыдова М.Ю., Чибирикова Д.А. Ленинградские детские дома на Кубани в 1942–1943 годах // Манускрипт. 2019. № 1. С. 32–36.
8. Ибрагимова З.М. Ленинградки // Литературная газета. 1984. № 48. 28 ноября.
9. Кринко Е.Ф., Хилькевич В.В. Нацистский террор в оккупированном Армавире (1942–1943 гг.): формы и последствия // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1. С. 43–50.
10. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 35–59.
11. Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000.
12. Малых Э.Я. 20 лет и 3 недели // Юность. 1963. № 12. С. 80–88.
13. Межеричкая (Беркович) Татьяна Мордуховна // Блокаде. Нет. URL: <http://blokade.net/book/50> (дата обращения: 16.05.2024).
14. Назаренко И.А. Дети войны: Лабинский детский дом № 84 (1942–1959). Краснодар, 2021.
15. Филиппов С.К. Не померкнет никогда: повести и рассказы. Краснодар, 2004.
16. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-16. Оп. 2. Д. 6.
17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.). Ф. 5039. Оп. 13. Д. 218.
18. ЦГА СПб. Ф. Р-9631. Оп. 1. Д. 35.
19. ЦГА СПб. Ф. Р-9631. Оп. 1. Д. 38.
20. Я помню всё, как будто бы вчера. Из воспоминаний Бугакова Михаила Герсоновича, уроженца г. Ленинграда // Государственный архив Краснодарского края. URL: <https://kubgosarhiv.ru/activity/Vistavki/2012-06-04/index.php> (дата обращения: 16.05.2024).

И.В. Грибков**ПОД ФЛАГОМ РУМЫНИИ: АНТИСОВЕТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
В СОСТАВЕ РУМЫНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ**

Участие граждан СССР в составе иностранных формирований в боевых действиях против своей страны до сих пор является не до конца изученной темой в истории. Современными исследователями общее число военных коллаборационистов в составе вооруженных сил нацистской Германии оценивается в динамике до 1,3 млн бойцов [2: 553]. Этой части военных коллаборационистов посвящено множество книг, статей и даже документальных фильмов. Значительно меньше разработана тема участия граждан СССР в войне на стороне союзников Германии, среди которых только коллаборационисты в составе вооруженных сил Финляндии представлены на уровне отдельных публикаций. В данной статье впервые в отечественной историографии рассматривается ситуация с советскими гражданами в составе румынской армии.

Сразу оговоримся, что мы рассматриваем военных коллаборационистов именно в румынской армии. Поэтому в этой статье не будут рассмотрены этнические немцы, которые привлекались к службе в немецких вооруженных силах, а также местные формирования охранно-полицейского характера из фольксдойче [7: 159–175]. Эти формирования неоднократно привлекались румынскими властями к акциям по уничтожению еврейского населения в румынской зоне оккупации, в том числе в лагере в д. Богдановке [16: 93–94].

Одним из ключевых факторов развития военного коллаборационизма было место оккупированных Румынией территорий в системе ее военной экономики. Территории Бессарабии, Буковины и Транснистрии рассматривались прежде всего как источник продовольствия и сельскохозяйственных ресурсов, для производства которых были необходимы рабочие руки [5: 302]. Поэтому румыны не практиковали широко даже такую форму эксплуатации, как массовый вывоз рабочей силы с оккупированных территорий. Людской ресурс, который нельзя было считать, по мнению румынского военно-политического руководства, полностью политически надежным, было выгоднее использовать в местном сельском хозяйстве.

Отметим, что на данный момент сам факт службы значительного числа граждан СССР в составе румынской армии, например, в Республике Молдове признан, хоть и не бесконфликтно, уже на политическом, правовом и коммеморативном уровнях. В частности, в 2004 г. бывшие военнослужащие румынской армии получили статус ветеранов Второй мировой войны [12: 241] и были приравнены юридически к ветеранам Великой Отечественной войны.

Прежде всего необходимо обратиться к данным о численности и составе военнопленных. Из общего количества пленных румын (181 967 человек) подавляющее число, за вычетом умерших (50 959 человек), было репатриировано (106 243 человек) или передано на формирование национальных частей (20 374 человек). Лишь очень небольшое число румын находится в категории переданных в лагеря системы ГУЛАГ (355 человек) и «освобожденных граждан СССР по месту жительства» (166 человек). Также из состава румынских вооруженных сил в эти категории попали цыгане (2 и 137 соответственно) и евреи (22 и 51 соответственно) [3: 458–461]. По-видимому, во втором случае речь идет именно о насильно призванных жителях Бессарабии, а в первом – о случаях добровольного сотрудничества с врагом.

Совершенно иное соотношение по категории военнопленных молдаван. Из общего количества военнопленных (14 216 человек), за вычетом умерших (3553 человек), было всего 172 репатриированных и 7 переданных в национальные части. Освобожденных граждан СССР насчитывалось 3664 человека, а отправленных в ГУЛАГ – 6775 человек. Такие же показатели у плененных «бессарабов» (75 человек): 38 осужденных, двое освобожденных по месту жительства [1: 331–333].

Также к мобилизованным жителям Бессарабии, скорее всего, можно отнести часть военнопленных болгар (77 переданных в ГУЛАГ и 31 освобожденного) [3: 458–459].

Послевоенные документы достаточно часто содержат упоминания о бывших солдатах румынской армии в связи с разнообразными оппозиционными или противоправными проявлениями. Важно отметить, что, с одной стороны, это не было единичным явлением, а с другой стороны – часто не воспринималось местным населением как негативная девиация. Так, в 1948 г. в Теленештском

районе населением в колхозе имени Сталина бригадиром был выбран Трофим Матешка, арестованный позже «за побег из советского лагеря военнопленных, где он находился как солдат румынской армии». После отбытия срока он снова был выбран бригадиром. В этом же колхозе местный суд оправдал колхозника инвалида II группы Ивана Пантелеевича Еня, который «на самом деле он получил инвалидность, воюя на стороне румынской армии, о чем суду сообщал председатель колхоза тов. Кизема». Стоит обратить внимание, что во втором случае служивший в румынской армии колхозник не подвергался репрессиям. В соседнем Скулянском районе в колхозе имени Ленина секретарем сельсовета был Г.В. Лунгу, два брата которого, офицер и военный священник, бежали в Румынию [9: 103, 106].

Учитывая, что подобных примеров гораздо больше, мы можем отметить, что население оккупированной Бессарабии достаточно активно призывалось именно в боевые части и участвовало в боях. Некоторые из таких призывников успели даже поучаствовать в боях против немцев, когда Румыния перешла в состав антигитлеровской коалиции. На наш взгляд, именно такой парадоксальный статус румынских вооруженных сил во многом не позволял массово преследовать коллаборационистов.

Консервативные историки, иногда признавая факт службы граждан СССР в румынской армии, как правило, заявляют о насильственной мобилизации, массовом нежелании солдат-молдаван/бессарабцев участвовать в боевых действиях, массовом уклонении от мобилизации и стремлении сдаться в плен [4: 186]. Такие случаи, действительно, были, но документы свидетельствуют и об обратных примерах.

Даже в конце войны среди повторно призванных фиксировались факты сознательных последовательных антисоветских действий у жителей Бессарабии. Об одном из таких случаев в докладе № 403 от 19 августа 1944 г. маршалу Й. Антонеску доносил начальник Румынского представительства при Верховном командовании сухопутных сил Германии генерал Т. Гарбья. Генерал Гарбья беседовал в августе 1944 г. с 92 перебежчиками в полосе 212-й немецкой пехотной дивизии, уроженцами различных уездов Бессарабии и Буковины, 29 из которых до 1940 г. имели опыт службы в румынской армии, а 63 были молодыми людьми, не имевшими военного

опыта и призванными после освобождения этих территорий советскими войсками. При коллективной беседе все перебежчики высказали желание вновь воевать в составе румынской армии, но при индивидуальной беседе таковых оказалась примерно половина [6: 185–186]. Гарбя упоминал о том, что незадолго до этого фронт перешло еще около сотни перебежчиков-«румын», которые были направлены в лагеря военнопленных в привилегированном статусе. Впоследствии, по-видимому, именно эти перебежчики были использованы для пополнения немногочисленных румынских частей СС.

О похожих случаях известно и из советских документов. В январе 1947 г. Центрального комитета Ленинского коммунистического союза молодежи (далее – ЦК ЛКСМ) Молдавии рассматривал дело, присланное из Кишиневского уездного комитета ЛКСМ. Выяснилось, что арестованный в то время органами Министерства внутренних дел комсомолец Николай Сергеевич Морар «с 1942 по 1944 служил в румынской армии в чине сержанта, участвовал в боях против Красной Армии в Крыму и под Сталинградом. После освобождения Молдавии призван в РККА. Дезертировал» [10: 76–77]. В этот же день рассматривалось дело комсомолки, бывшей в оккупации учительницей, которая «устраивала походы школьников на могилы погибших румынских солдат» [10: 78]. Поводом для таких походов стало то, что среди погибших румынских солдат были односельчане. Оба, само собой, были из комсомольской организации исключены.

С другой стороны, когда весной 1943 г. был сформирован Военный совет Транснистрии, включавший представителей интеллигенции, имевших военный опыт, из состава «заднестровских румын» (так румыны именовали румын, арумын и молдаван, вывезенных в Транснистрию из оккупированных территорий Украины и Северного Кавказа), который попробовал набрать добровольцев из румынских беженцев, эта затея окончилась неудачей [4: 185–186]. Итогом стали несколько десятков добровольцев, которые не были востребованы военным командованием. Хотя несколько человек из них инициативно присоединились к румынским частям и приняли участие в боях.

К подобным «общественным» начинаниям можно отнести инициативное создание в Одессе «Группы воинских чинов бывших

Императорской и белых армий» (руководитель – Н.Л. Пустовойтов, начальник штаба – К.М. Батюшков) [14]. Сами участники группы в силу возраста не могли активно участвовать в военных действиях, но данная группа играла серьезную пропагандистскую роль, аккумулируя желающих служить в Русском охранном корпусе, сформированном в немецкими оккупационными властями в Сербии. Общее число набранных этим способом добровольцев оценивается более чем в 5 тыс. человек [2: 87].

Существует ряд упоминаний о попытках создания отдельных коллаборационистских формирований в составе румынской армии, например, о так называемом Черноморском легионе [11], о наборе в который писала одесская печать, но точных сведений о нем на данный момент нет. Такие же отрывочные сведения существуют о казачьих и кавказских вспомогательных формированиях при румынских кавалерийских частях.

Некоторое количество местных коллаборационистов привлекалось к службе во вспомогательных вооруженных формированиях. Например, в 1944 г. в период эвакуации румынских оккупационных учреждений, армейских тылов, многочисленного вывозимого имущества, возврата в Румынию выживших евреев потребовалось большое количество подразделений охраны колонн. Охрана колонн должна была формироваться из местного населения, в том числе допризывников [15: 215].

Местное население привлекалось в ряды создаваемой оккупантами местной полиции. Например, в Одессе сотрудников в полицию «для охраны городского имущества и поддержания порядка на базарах, при раздаче продуктов питания» стали набирать через два месяца после начала оккупации [8]. Однако местная полиция применялась не только для охранных или правоохранительных функций, практически сразу ее сотрудники стали использоваться для уничтожения евреев [16: 93]. Важно отметить, что сельская полиция набиралась не добровольно, за отказ от службы в ней следовала смертная казнь [13].

Таким образом, можно говорить о том, что в период румынской оккупации советских территорий немалое количество представителей местного населения служило в составе румынских вооруженных сил. Безусловно, значительная их часть была призвана или иным насильственным способом завербована, но нужно

также объективно признавать наличие определенного количества идейных коллаборационистов, сознательно взявших в руки оружие и присягнувших «Великой Румынии». Речь идет не только об этнических румынах или молдаванах, но и о представителях других национальностей. Это говорит о том, что идеи румынизма (вне зависимости от их ценностных констант) имели определенную привлекательность среди местного населения, что говорит о важности этой темы и необходимости ее дальнейшего изучения.

Источники и литература

1. Военнопленные в СССР: документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. Т. 1: 1939–1956. М., 2000.
2. Дробязко С.И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. Подольск, 2020.
3. Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда, 2016.
4. Левит И.Э. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19.XI.1942 – 23.VIII.1944). Кишинев, 1983.
5. Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX.1939 – 19.XI.1942). Кишинев, 1981.
6. Переписка Антонеску, Гитлера и других представителей Румынии и Германии. Т. 3. М., 1945.
7. Пономаренко Р. «Советские немцы» и другие фольксдойче в войсках СС. М., 2014
8. Постановление Одесского Муниципалитета №11 // Одесская газета. 1941. 12 декабря.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 573. Оп. 1. Д. 31.
10. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 15. Д. 275.
11. Русский Черноморский Легион // Одесская газета. 1943. 19 октября.
12. Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб., 2021.
13. Сельская полиция // Одесская газета. 1942. 7 февраля.
14. Собрание офицеров бывшей русской армии // Одесская газета. 1942. 23 декабря.
15. Советский Придунайский край (1940 – 1945 гг.): документы и материалы. Одесса, 1968.
16. Холокост на территории СССР: энциклопедия / гл. ред. И.А. Альтман. М., 2009.

Е.А. Макарова**ПОЛТАВСКАЯ РАЗВЕДШКОЛА АБВЕРА: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В настоящее время отсутствуют какие-либо научные исследования деятельности разведорганов абвера, дислоцировавшихся с 1941 г. в г. Полтаве. Информация о них основывается исключительно на справочнике Министерства государственной безопасности, частично опубликованном С.Г. Чувевым [8]. В основном это общие сведения, не раскрывающие полноту, сложность и значение деятельности этого органа разведки. Основной материал о подготовке агентов абвера в г. Полтаве содержится в архивных уголовных делах бывших слушателей Полтавской разведшколы абвера. В документах противника такое наименование отсутствует, это были курсы при номерной абверкоманде и абвергруппе. Поэтому определение «Полтавская разведшкола» – производное название от топонима по месту дислокации, присвоенное советской спецслужбой. От этого в некоторых случаях происходила ошибочная идентификация курсов по подготовке диверсантов, также дислоцировавшихся в Полтаве, с полтавскими курсами по подготовке радистов и разведчиков. Именно последние в большинстве доступных нам документов именуются как «Полтавская разведшкола абвера».

Не проработан в историографии и хронологический аспект деятельности курсов абвера в Полтаве. В середине октября 1942 г. они передислоцировались в Харьков, практически одновременно с курсами по подготовке диверсантов. Следовательно, название таковых как «Полтавская разведшкола» уже утрачивало актуальность. Поэтому мы акцентируем внимание на деятельности разведкурсов противника в Полтаве только в период с ноября 1941 г. по 2 ноября 1942 г. Однако в данной работе будем использовать их определение в соответствии с тем, как оно применяется в архивных уголовных делах разоблаченных и осужденных курсантов, – Полтавская разведшкола абвера.

Функционировавшая в указанный период разведшкола готовила «ходовков» – разведчиков и радистов для разведки в прифронтовой зоне и тылу советских войск в дни боев за г. Харьков и Сталинградской битвы. В директиве Народного комиссариата

внутренних дел (далее – НКВД) СССР от 22 сентября 1942 г. № 409 «О мерах по розыску и аресту агентов германской военной разведки, обучавшихся в Варшавской и Полтавской разведшколах» отмечалась активизация разведки противника, сообщалась информация о задержании курсантов разведшколы и организационных мероприятиях по нейтрализации немецких разведчиков [2: 280].

Ранее автор уже рассматривала такой аспект деятельности Полтавской разведшколы абвера, как качество переменного состава и источники ее комплектования [1]. Целью данной работы является освещение деятельности школы по подготовке разведчиков и радистов.

Первое документальное упоминание о разведшколе абвера в Полтаве в исследованных нами источниках датируется сентябрем 1941 г. Организована она была при абверкоманде-102, а окончившие ее курсанты переправлялись за линию фронта через Мельдекопф № 2 абвергруппы-104, дислоцировавшейся летом 1942 г. в х. Кисляковка и Кульпинском Сталинградской области [3: 78–79]. Абверкоманда с сентября 1941 г. располагалась в Полтаве в здании, где до войны находилась трикотажная фабрика [3: 76–77]. Курсы по подготовке разведчиков в городе были созданы в это же время, и первыми их слушателями стали курсанты, впоследствии образовавшие киевскую резидентуру А. Майера.

Руководил школой уроженец Познани Карл Адольфович Петхольц, в 1942 г. капитан (позднее – майор). По характеристике курсантов, был он 50–55 лет, высокого роста, худощавый. Арестованному органами НКВД радисту В. «Белову» заполнился седым, носившим усы и тем, что «награжден железным крестом, ходит в военной форме». Арестованный несколько ранее радиста курсант С. Слободянюк дополнил, что «начальник школы хорошо говорит по-русски. Обслуживает его русская женщина, примерно 30 лет, жительница г. Полтавы». Проживал Карл Петхольц не на территории школы, а «напротив школы в каменном двухэтажном особняке, крытом красным железом». Помощник начальника разведшколы, обер-лейтенант Франц Францевич Линдермут, практически ровесник К. Петхольца, был ниже среднего роста, лысым и хорошо говорил по-украински [4: 152].

Делопроизводство школы вел зондерфюрер Александр Петрович Альтхаузен, «немец, лет 28–30, высокого роста, худощавый

штен» с длинным носом, который зачесывал волосы на бок. Курсанты отмечали, что он хорошо знал русский язык. Он сопровождал завербованных для школы из Киева до Полтавы, вел «подбор и вербовку разведчиков-радивистов с последующей переброской на территорию Советского Союза». Ходил в обмундировании согласно своему званию. Проживал зондер-фюрер непосредственно в здании школы на втором этаже. Рядом с А. Альтхаузенем на этаже проживал, по показаниям «Белова», еще один немец в военной форме лет 30, выдававший курсантам денежное довольствие. Как думал курсант, этот человек не знал русского языка,. Это «ст.л-т, фамилии и имени не знаю, высокого роста, толстый, штен, видна лысина, лицо большое, нос широкий. Его роль мне не известна» [7: 15].

На первом этаже школьного здания проживал преподаватель. «Белов» сообщал, что фамилии его не знает, но что он «полковник, зовут его Петр Сергеевич, лет 45, русский, высокого роста, лысый. Хорошо владеет немецким языком. Преподает в школе разведчиков и оформляет и выдает всем разведчикам и радистам документы, по которым они перебрасываются на советскую территорию. Ходит в военной форме комсостава РККА». В Полтаву он прибыл как преподаватель в конце июня 1942 г. За внутренний распорядок отвечал старшина школы Виктор «Беляев», уроженец Черниговской области, выпускник варшавской разведшколы абвера, «лет 27, среднего роста, упитанный». Немецкого языка он не знал. «Беляев» производил ежедневную поверку, выполнял различные хозяйственные поручения. «Белов» рассказывал, что старшина школы в ней не оставался на ночь, а уходил в город, так как там «где-то проживает его жена, куда он ходит ночевать» [7: 16].

Школу разведчиков обслуживали два повара, портной и сапожник. Проживали они все вместе в отдельном домике, находившемся во дворе. Фамилий руководящего состава большинство курсантов не знали, после ареста советскими спецслужбами называли в основном звание, должность и запомнившиеся внешние приметы. Или вообще коротко: «Начальником школы являлся офицер в чине капитана, по национальности немец, фамилии его не знаю» [5: 67].

В целях конспирации Полтавская разведшкола называлась официально школой по подготовке железнодорожников [4: 95 об.].

Она использовалась и как транзитный пункт для переброски за линию фронта агентов, подготовленных в других школах.

Выпускники Варшавской разведшколы в Полтаве когда оставались на несколько часов, когда задерживались на несколько дней. Агент Федоров рассказывал, что они находились отдельно от полтавских курсантов, «пользовались привилегиями, их пускали в город, они располагали средствами. Все они, по их рассказам побывали в Берлине, других городах Германии, которые им специально показывали» [4: 288].

Отдельно от курсантов-«ходовков», на втором этаже обучались радисты. Из допроса курсанта Н. «Мотренко» известно, что в исследуемый период количественный состав школы постоянным не был. В среднем там обучалось одновременно около 40–45 курсантов [6: 37].

Летом 1942 г. участились случаи отчисления курсантов из разведшколы практически сразу после зачисления по причине наличия у них венерических заболеваний. Так, в июне из 16 завербованных киевлян после медосмотра в разведшколе школе оставили только 8 человек, а остальные по упомянутой причине были отбракованы и отправлены обратно [4: 152 об.].

На второй день после приезда в Полтаву каждого прибывшего в школу фотографировали. Затем снова было собеседование с зондерфюрером [4: 294]. А. Альтхаузен теперь уже распределял кандидатов в группу разведчиков или в группу радистов. Еще раз разъяснял правила и распорядок в школе, предупреждал о соблюдении конспирации [5: 68].

Разведшкола размещалась «в красноватом двухэтажном кирпичном здании семилетней школы, первый дом с угла, считая от футбольного поля», на углу Фабрикантской и Театральной улиц. Арестованный курсант «Мотренко» на одном из допросов уточнил ее адрес: ул. Фабрикантская, д. 3. Бывший радист «Белов» сообщил, что «в нем имеется 8 комнат, на первом этаже занимаются разведчики-ходыки, на втором – радисты». Охраны никакой особо не было, в проходных воротах дежурил только один часовой [7: 40].

Режим школы регламентировался, как распорядок дня в обычных военных учебных центрах. Агент М. Федоров на допросе в особом отделе НКВД сообщал, что подъем был в 7 ч утра, после

чего 20 мин физическая зарядка, затем завтрак. С 9 ч до полудня – классные теоретические и практические занятия; с 12 ч до 1 ч обед, с 13 ч до 16 ч – личное время. С 16 до 17 ч снова занятия, после чего отдых, ужин. В 21 ч поверка и в 22 ч отход ко сну [4: 173].

В исследуемый период в разведшколе абвера готовили агента-туру как для заброски в тыл Красной армии, так и для разведки в прифронтовой полосе. Подготовка курсантов была бессистемной. Арестованный агент Л. Кременецкий показывал, что «программы занятий, как таковой, я не видел и мне о ней никто не говорил». Обучение в школе носило лекционный характер. Периодически курсантов вывозили в поле и в зависимости от подготовки давали им персональные практические задачи [6: 42 об.]. Для заметок и упражнений слушателям на время занятий выдавали чистую тетрадь, которая хранилась у начальника разведывательной группы. Курсантам-разведчикам «преподавали разведывательное дело, как практически каждый агент германской разведки должен был собирать сведения разведывательного характера в тылу частей Красной Армии. Изучали распознавательные знаки советских войск, танковых частей» [5: 69]. Радисты учились способу шифровки радиogramм и работе на ключе на слух. Радист «Белов» показывал: «...весь период пребывания в школе я обучался радиodelу. В основном нас обучали приему и передаче на Морзе. Кроме этого, мы изучали радиоаппаратуру. <...> За все время только один раз в июле 1942 г. капитан немец прочел нам лекцию на политическую тему, обрабатывая обучавшихся радистов в антисоветском духе» [7: 39].

Такая совокупность минимальных даже не дисциплин, а сведений сказывалась на уровне подготовки агентов и их квалификации. Об уровне получаемых знаний говорил и срок подготовки курсантов в разведшколе. Если весной 1942 г. «ходоки» обучались почти месяц, то с начала лета срок их обучения сократился до двух недель. Задержанный агент Н. Нестерук показывал, что у его группы «занятия начались примерно 28–29 июня, окончились 13 июля», и до момента своей заброски за линию фронта, до 3 августа, он находился при школе в ожидании получения задания [4: 201 об.]. Вновь прибывших курсантов сразу предупреждали о запрете называть сокурсников по настоящим фамилиям. Предписывалось обращаться только по псевдонимам, под которыми они числились в школе. Всем интересующимся и родственникам рекомендовали

представляться студентами железнодорожной школы [4: 298]. Курсанты жили на казарменном положении. Свободный выход в город запрещался, из здания школы они никуда не отлучались. Увольнения были редкостью и большей частью для курсантов, жителей города Полтавы, по специальному на то разрешению начальника школы [4: 202]. Выход из здания школы разрешался лишь по специальным пропускам. Если выход планировался коллективный, то выходили строем. Относительной свободой пользовались лишь курсанты, окончившие разведшколу в Варшаве [4: 153].

Ученики находились на полном школьном обеспечении. Свободное от занятий время и время, отведенное на самоподготовку, вплоть до вечерней поверки, курсанты проводили за игрой в карты. Иногда, по показаниям курсанта «Мотренко», он развлекал сокурсников игрой на баяне, забытым в школе М. «Суматохой» еще в конце 1941 г. [6: 59 об.]. Раз в неделю, по субботам, старшина школы «Беляев» строем водил всех в баню. За две недели обучения курсанта «Федорова» их только один раз водили в кино, в баню и на речку купаться [4: 173].

После того как курс был прослушан, выпускников переводили на жительство в сарай во дворе, и несколько дней они жили там, ожидая получения задания. В это время все содержались под надзором, никуда не выходили [4: 97].

С момента организации школы преподавали в ней ее же руководитель Карл Петхольц и его помощник Франц Линдермут. Не успевавший в обучении курсант С. Слободянюк, оставленный в июне на повторный курс, показывал, что «во время обучения первой партии преподавание вели капитаны и обер-лейтенант, а ко второй партии приехали из Варшавы полковник Быков и капитан Гриценко. Оба они преподавали организацию и вооружение Красной армии по следующим разделам: организационное построение Красной армии, ориентация на месте по карте, по компасу и местности, приемы джиу-джитцу» [4: 152]. Примечательно то, что в описаниях арестованных агентов преподаватель Быков не имел ни устойчивых внешних признаков, ни имени отчества. Если одни описывали его как полковника, которого «зовут Петр Сергеевич, лет 45, русский, высокого роста, лысый», то другие утверждали, что он «Дмитрий Николаевич (или Васильевич), выше среднего роста, брюнет с редкими волосами, служил в Красной Армии, имел

звание подполковника». Впоследствии агент Н. Шумский показывал, что «однажды на конспекте полковника мне удалось заметить его настоящую фамилию, которая начиналась как «Грин» [4: 135].

Информация о тех, кто преподавал у курсантов-радистов, даже более лаконичная, нежели в «Справочнике». «Белов» рассказывал, что радиодело им преподавали немцы. Фриц, лет 30, среднего роста, худощавый, блондин, хорошо владеющий русским языком. И Эрик, лет 30, блондин низкого роста, средней упитанности. В отличие от Фрица, Эрик русским языком владел неважно [7: 41].

После окончания школы агенты группами или парами получали разведывательное задание и перебрасывались через линию фронта. Группа выпускников разведшколы из 12 человек в начале августа была вывезена к фронту через Харьков – Купянск – Старобельск – Усть-Грязновский – Кисляки. Агент Коротич с напарником получи задание «перейти линию фронта, разведать, сколько и какие войска находятся в селах Качалинская, Кузнецово и Иловлинская; есть ли танки и сколько их; наличие оборонительных сооружений и где они; есть ли мосты и состояние, Обо всем этом я должен был донести в первый попавшийся немецкий штаб при возвращении обратно». На выполнение задания отводилось трое суток.

Согласно легенде и предполагавшемуся заданию, агенты снабжались поддельными документами или же документами, изъятыми у военнопленных. В зависимости от предполагаемого времени нахождения в тылу Красной армии и выполняемого задания агентам выдавалась некая сумма денег. Одежда агентов и их оснащение также находились в зависимости от легенды. Из группы в 12 человек, в которой находился агент Федоров, четверо высказали желание идти через линию фронта в военной форме. Поэтому им выдали форму со знаками различия лейтенантов Красной армии, револьверы системы «Наган» [4: 171 об.].

Судьбы у агентов, окончивших Полтавскую разведшколу абвера, оказались разными, но практически все они в то или иное время были арестованы и приговорены в высшей мере наказания. Агенты Н. Феоктистов и М. «Алафузов» были перевербованы и советской стороной вновь отправлены за линию фронта. Первый пережил оккупацию, некоторое время находился под следствием, а после войны был сотрудником Министерства государственной

безопасности. Второй расстрелян немцами в Киеве в 1943 г. якобы за мздоимство, когда работал в городской полиции [4: 331]. В авиакатастрофе в 1944 г. погиб бывший зондерфюрер разведшколы А. Альтхаузен. Самолет, в котором он сопровождал агентов для выброски к линии фронта, разбился в Хибинах. Мизин, Коротич, Арчубасов, Ухмылов приговорены к высшей мере наказания, приговор в отношении их и многих других агентов абвера приведен в исполнение [2: 281].

Бывший радист «Белов» был осужден на пять лет исправительно-трудового лагеря, отбыл срок наказания полностью. Однако в 1948 г. был арестован повторно и выслан за Урал. В 2001 г. полностью реабилитирован [7: 65]. Его напарник, агент «Мотренко», был перевербован, использовался спецслужбами как опознаватель. После войны продолжил службу в Министерстве государственной безопасности.

Полтавская разведшкола абвера 2 ноября 1942 г. передислоцировалась в Харьков. С этого времени начался новый этап ее деятельности. Случаи, когда бывшие курсанты школы успешно выполняли полученное задание, были редкими. Таким образом, исходя из анализа содержания изученных архивных уголовных дел о разведшколе, представляется, что ее руководство практиковало использование плохо подготовленных агентов, заранее предполагая отрицательный результат. Захваченные в ходе боевых действий документы войсковых частей, показания военнопленных, авиаразведка и войсковая фронтовая разведка представляли разведорганам абвера более существенную информацию, чем те сведения, которые могли бы получить слушатели двухнедельных разведывательных курсов при абверкоманде 102 в г. Полтаве.

Источники и литература

1. Макарова Е.А. Полтавская разведшкола абвера: качество и источники комплектования агентурных кадров // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса (г. Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.). / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2023. С. 156–165.

2. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 г. / авт.-сост. В.П. Ямпольский. М., 2003.

3. Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1952.

4. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ). АУД № Р-16492.

5. ЦА ФСБ. АУД № Р-28749.

6. ЦА ФСБ. АУД № Р-48451.

7. ЦА ФСБ. АУД № Р-48506.

8. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: в 2 кн. СПб., 2003.

Ю.А. Яхутль

К ВОПРОСУ О КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Целью нападения Германии 22 июня 1941 г. на Советский Союз была не только ликвидация власти большевиков и их идеологии, но и уничтожение многонационального народа СССР, в первую очередь, русского как государствообразующего. Военно-политическое руководство Германии свое господство в Европе напрямую связывало с противостоянием СССР, и только победа в войне могла обеспечить им гегемонию на континенте. Методы и средства достижения этой цели были различными. Одним из таких средств было разобщение советского народа, формирование социальной базы поддержки оккупационного режима, что неминуемо вело к переходу части населения на сторону врага.

Еще в 1924 г. будущий лидер фашистской Германии написал свою книгу «Майн кампф», в которой изложил основные принципы нацистской идеологии. Ведущее место в ней занимал вопрос жизненного пространства немецкого народа и Германии как европейского государства, лишенного экономического, военного потенциала по итогам Первой мировой войны. Так формировалось содержание «восточной политики» будущей фашистской Германии. В последующем она приобрела конкретные черты в планах подготовки нападения на СССР. План «Барбаросса» (директива № 21 от 18 декабря 1940 г.) предусматривал колонизацию Прибалтики и Крыма

и образование на территории СССР нескольких подконтрольных национальных государств. Но успехи вермахта в военной кампании 1941–1942 гг. против частей Красной армии способствовали пересмотру будущего Советского Союза. Гитлер признал нецелесообразным создание национальных государств, которые в последующем могли представлять угрозу самой Германии. При этом в ходе войны Германия считала необходимым активно использовать фактор многонациональности СССР, который мог служить источником конфликта внутри страны и условием для формирования прогерманских националистических организаций на основе антисоветской идеологии. Данное направление нашло свое практическое применение на территории Украины, Прибалтики и других регионов СССР, а также при создании восточных батальонов из числа военнопленных.

Германия активно разрабатывала планы не только оккупации части территории СССР, но и их хозяйственного освоения и формирования военной и гражданской администрации. Составной частью этих мероприятий была политика привлечения к сотрудничеству советских граждан. Так, в результате боевых действий 1941–1942 гг. оккупированная территория европейской части СССР стала объективной социальной базой коллаборационизма, к декабрю 1941 г. здесь проживало 39,1 % всего населения, к марту 1942 г. – 36,5 %, к ноябрю 1942 г. – 41,9 %. Вермахт в 1942 г. контролировал территорию, где проживало около 80 млн советских граждан. Некоторые регионы страны (северо-западные области РСФСР) оставались под оккупацией более трех лет [10: 232].

В такой ситуации оккупационному режиму необходимо было обеспечить поддержку со стороны определенной части населения. Немецкой военной и гражданской администрации требовались переводчики, специалисты в области экономики и др. Это создавало предпосылки для формирования социальной базы коллаборационизма, в том числе военного и гражданского. Руководство Германии в ходе войны постоянно возвращалось к данному вопросу и рассматривало различные варианты сотрудничества с населением.

Например, на совещании, которое проводил А. Розенберг 18 декабря 1942 г., обсуждался вопрос временного смягчения оккупационного режима с целью создания более благоприятных условий

для привлечения советских граждан к сотрудничеству [11: 367–368]. К этому времени вермахт испытывал серьезные проблемы в тылу своих войск в связи с ростом партизанского движения, а также необходимостью восполнить тыловые, хозяйственные подразделения из числа местного населения или военнопленных. Но эти предложения не получили поддержки со стороны высшего военно-политического руководства Германии, в том числе Гитлера.

Причины, которые вынуждали советских граждан идти на осознанное или вынужденное сотрудничество с врагом, были обусловлены как объективными, так и субъективными фактами. В первую очередь, необходимо отметить жестокость оккупационного режима. Это одно из существенных отличий Второй мировой войны от Первой, участники которой вновь встретились на полях сражений. Значительное влияние оказала нацистская пропаганда и националистические настроения в ряде регионов Советского Союза. Были лица, которые шли на добровольное сотрудничество по идеологическим принципам. Российские исследователи считают, что: «...коллаборационизм коренится в характере социально-политических условий, господствующих в данной стране, а для солдат – и в той психологической среде, которая возникла во время боя и оказывала шоковое воздействие на воина», при этом коллаборационист – это изменник родины и в соответствии с международным правом совершает преступление [13: 9, 815].

Исследователи предлагают выделять формы коллаборационизма в зависимости от того, как осуществлялось сотрудничество с вермахтом, а именно: политическое, административное, хозяйственное и военное. При этом следует отметить, что в отечественной историографии не сформировалось единого определения форм и содержания сотрудничества данной категории советских граждан с Германией в годы Великой Отечественной войны.

Наиболее активными формами взаимодействия советских граждан с врагами был военный коллаборационизм и гражданское сотрудничество. Однако численность вооруженных коллаборационистских формирований не поддается учету. Исследователи оценивают их в количестве от 300 тыс. человек до 1,5 млн человек [9: 28].

Активными участниками коллаборации стали казаки Юга России. Германия надеялась на антисоветскую позицию казачества и проводила работу в том числе среди бывших участников белого

движения. Это был проект Германии в общей стратегии поиска союзников в СССР. Им удалось сформировать казачьи части на Дону, Кубани и Тереке под различными названиями: 1-я казачья дивизия, 2-й Донской казачий кавалерийский полк и др. К апрелю 1943 г. на стороне Германии воевали около 20 казачьих полковполков. К переходу казаков на сторону противника призывали известные известные представители казачьей эмиграции П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро. В годы войны антисоветские казачьи формирования действовали не только на территории Советского Союза, но и в странах Европы в борьбе против участников движения Сопротивления. Казачьи части участвовали в боевых действиях против партизан на Балканах, во Франции. Вряд ли эти действия можно оправдать желанием обеспечить поддержку Германии с целью создания независимого государства или же реванша за проигранную большевикам Гражданскую войну. В целом за период с октября 1941 г. по апрель 1945 г. на стороне вермахта воевали около 80 тыс. казаков [5]. Они были задействованы в сухопутных частях вермахта, вспомогательных подразделениях, полиции, охранных, территориальных формированиях и войсках СС.

С первых дней войны правительство СССР и Ставка Верховного Главнокомандования осуждала и негативно оценивала факт сотрудничества с врагом. 16 августа 1941 г. был издан один из таких приказов Ставки «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий», в котором предлагалось дезертиров расстреливать, а членов их семей – арестовывать [12].

В соответствии с требованиями приказа Народного комиссариата обороны № 0321 от 26 августа 1941 г. воинские подразделения обязаны были дважды в месяц предоставлять именные списки сдавшихся в плен в Управление по учету потерь [7: 148]. Кроме того, согласно статье 193 Уголовного кодекса РСФСР, сдача в плен или добровольный переход на сторону врага считались тяжкими преступлениями и карались высшей мерой наказания – расстрелом с конфискацией имущества [2: 57]. Предательство советских граждан в годы войны в пунктах «а» и «б» статьи 58-1/а Уголовного кодекса РСФСР квалифицировалось как тяжкое преступление. Согласно приказу прокурора СССР от 15 мая 1942 г. «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом»,

советские граждане, сотрудничавшие в экономической сфере, организации местных военно-гражданских администраций или добровольно перешедшие на службу к оккупантам несли ответственность по статье 58-1/а УК РСФСР [4: 12].

Эти решения отражали не только официальную позицию, но и реальное отношение к предателям со стороны советских граждан, воспитанные в предвоенные годы на новых идеологических принципах. Кроме того, правовая оценка коллаборационизма давалась в военное время, в период тяжелых боев с врагом, что требовало максимальной мобилизации сил и средств.

Правовая база оценки коллаборационизма получила свое продолжение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». По закону советские граждане, признанные судом пособниками и изменниками, приговаривались к высшей мере наказания, а в особых случаях были предусмотрены каторжные работы сроком от 15 до 20 лет [4: 12]. Реализацию основных положений указа возложили на военно-полевые суды. Приговоры приводили в исполнение публично и кассационному обжалованию не подлежали.

Уголовные дела в отношении данной категории граждан и военных появились в практике советских судебных органов уже в первые месяцы войны. В дальнейшем, по мере накопления материалов и судебной практики, эти процессы стали составной частью борьбы советского народа против фашистов и предателей, и получили продолжение в послевоенные годы.

На юге страны военно-полевые суды дивизий Северо-Кавказского фронта с середины мая 1943 г. приступили к рассмотрению дел предателей, пособников фашистов и карателей. Одним из первых публичных процессов стал суд над военными преступниками и изменниками Родины в г. Краснодаре в июле 1943 г. Трибунал приговорил восемь подсудимых к смертной казни, а троих отправил на каторжные работы [3].

Аналогичные процессы прошли в населенных пунктах Краснодарского края. Так, 25 июня в ст. Новопокровской в присутствии более полутора тысяч человек был повешен Е.Н. Хрускин, бывший

красноармеец, который добровольно в сентябре 1941 г. перешел на сторону врага. Хрускин был активным участником полицейских карательных акций против мирного населения Кубани. Совместно с полицейскими он проводил обыски, аресты местного населения и партизан [1: 502–503].

Кроме того, после освобождения Краснодарского края продолжали активное сопротивление бывшие сотрудники оккупационной администрации. Летом 1943 г. на территории края была выявлена банда, состоявшая из бывших предателей, которые убивали мирных жителей, советских и партийных работников. Называли они себя «казачьим партизанским отрядом». Они угрожали местным жителям, вывешивая плакаты следующего содержания: «Кто выйдет в поле – будет расстрелян». В донесениях местные органы власти отмечали, что эти «партизаны» занимаются грабежом, угоном скота, в том числе с личного подворья колхозников, уничтожают посевы, государственное и личное имущество советских граждан. В Апшеронском районе грабежи колхозов и колхозников приобрели систематический характер. Причем, «казачий партизанский отряд» вел активную пропагандистскую работу, распространяя среди населения слухи о скором приходе англичан на Кавказ [6: 355, 397, 398].

В советский период в отношении данной группы граждан менялись термины «предатель», «изменник родины», но в постсоветский период российские исследователи стали отходить от устоявшихся традиций под предлогом деидеологизации истории, активно используя термин «коллорабационизм». Данный термин применяется в европейских государствах в отношении лиц, сотрудничавших с нацистами в годы Второй мировой войны. Современная российская историография коллаборационизма приняла методiku разграничения понятий «коллорабационизм» в значении сознательное предательство и «сотрудничество» как вынужденное сотрудничество с режимом с целью выживания [8: 185].

Мы отмечаем, что отказ от идеологических принципов в оценке предателей в годы Великой Отечественной войны позволяет квалифицировать их действия только как уголовные преступления. Но в случае защиты Отечества руководствоваться только статьями Уголовного кодекса было бы недостаточно, что и было продемонстрировано советским народом как в годы Великой

Отечественной войны, так и после ее завершения. Каждый солдат, принявший присягу, гражданин, имеющий паспорт, добровольно сотрудничая с врагом, нарушают не только национальное законодательство, что влечет юридическую ответственность, но и нравственные и идеологические принципы общества.

Следует признать, что советский коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны является сложным историческим и социальным процессом, требующим нового осмысления и изучения. Также можно разграничить военный и гражданский коллаборационизм, но содержание поступков этих людей остается неизменным – сотрудничество с врагом, то есть предательство. Объяснение же коллаборационизма сложными жизненными обстоятельствами, идейными противоречиями или невозможностью оказать сопротивление врагу не может служить оправданием по отношению к судьбам тех граждан СССР, которые с оружием в руках при тех же обстоятельствах сражались с врагом и погибли.

Источники и литература

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Краснодарский край: сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. С.Г. Темиров; сост. Н.Г. Попова, С.Г. Темиров. М., 2020.

2. *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. Подольск, 2020.

3. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1943. № 169 (8162). 20 июля.

4. *Ковалев Б.Н.* Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 11–14.

5. *Кринко Е.Ф.* В составе вермахта и СС: коллаборационистские казачьи части // Исторические и политологические исследования. 2013. № 4 (54). С. 260–269.

6. Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: хроника событий. Кн. 2. Ч. 1 / под ред. А.М. Беляева, И.Ю. Бондарь. Краснодар, 2003.

7. *Лысенков С.Г.* Никто не забыт, ничто не забыто? (К вопросу об учете боевых потерь Красной Армии и отдании воинских почестей павшим на фронтах Великой Отечественной войны) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 144–157.

8. Макаров О.Ю. Коллаборационизм и сотрудничество в Великой Отечественной войне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 185–191.

9. Малышева Е.М. Феномен коллаборационизма на оккупированных нацистской Германией территориях СССР (1941–1944 гг.): точки зрения и оценки в историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24. Вып. 1. С. 24–33.

10. Осьмачко С.Г. Советский коллаборационизм (1941–1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 230–241.

11. Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. / пер. с нем. С. Визгиной, И. Петрова. М., 2015.

12. Приказ № 270 Ставки Верховного Главного командования Красной Армии «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий». 16 августа 1941 г. URL: <https://base.garant.ru/71016496/> (дата обращения: 16.05.2024).

13. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

С.А. Шпагин

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ

В период Великой Отечественной войны советские граждане, обвиненные в преступном сотрудничестве с оккупантами, классифицировались как изменники, предатели, пособники фашизма; Советский Союз первым провел показательные судебные процессы по подобным делам [3]. Термин «коллаборационисты» еще не использовался, соответственно, речь не шла о дифференцированном подходе к лицам, обвиненным в преступном сотрудничестве с оккупантами. Судебные процессы в отношении других категорий лиц, обвиненных в предательстве и сотрудничестве с руководством Германии за пределами СССР, проходили уже после Победы [1]. В некотором смысле это начало пусть и не научной, но классификации отечественных коллаборационистов. Попытки классификации коллаборационизма в Европе периода Второй мировой войны начинаются в последней трети XX в. [8] (отметим, что сам термин был введен в научный оборот в 1940-е гг. [7]).

В 1982 г. Вернер Рингс в монографии «Жизнь с врагом» выделяет категории коллаборационизма на основе мотивов: безоговорочный, условный, тактический [9].

Публикации российских историков первоначально касались политики нацистов на временно оккупированных территориях СССР с упоминанием факта сотрудничества советских граждан с оккупантами [3]. Попытки классификации коллаборационизма на основе разных критериев или без ссылок на них начинаются в 1990–2000-х гг.

В работе М.И. Семиряги дано достаточно мягкое обоснование мотива сотрудничества: «История войн подтверждает, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев... Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма» [5: 3]. Отметим, что упоминание сотрудничества с властями вряд ли подходит к советским реалиям. Автор типологизирует коллаборационизм в аспекте его проявлений в разных сферах общественной жизни: военно-политической, в области экономики и социальных проблем, культуры и науки и, наконец, быта [5: 3, 862].

В.А. Пережогин выделил военную, политическую, хозяйственную, административную формы сотрудничества, уточнив характер обстоятельств, толкнувших к нему: бытовые, психологические, мировоззренческие [4].

Собственно классификации коллаборационизма посвящено исследование Б.Н. Ковалёва [2]. Не вдаваясь в историографический анализ результатов его солидного исследования, обозначим свой подход к проблеме классификации коллаборационизма, взяв за основу анализа последовательность и формулировки, предложенные этим ученым.

Военный коллаборационизм. Под этим термином понимается использование советских граждан в военных и полицейских структурах Третьего рейха в самостоятельных или совместных акциях. Постановка такого рода сотрудничества на первый план во многих

исследованиях логична. Сразу оговоримся, что корректность формулировок – тема отдельного обсуждения. Отметим важное противоречие данной формы, осознанное руководством рейха. Речь всегда шла о недоверии к неарийским народам в плане их использования с оружием на Восточном фронте. Военный коллаборационизм присутствовал в сотрудничестве государства с государством, а это не относится к СССР. Реальная причина военного коллаборационизма – провал блицкрига, что отмечено Б.Н. Ковалёвым. Важное уточнение – формирование воинских соединений из состава русских носило ограниченный характер, а использование представителей других народов СССР преследовало скорее политические цели. В случае с казачеством важно уточнить, что речь идет о беженцах после Русского исхода. В казаки записывались и военнопленные для повышения своего статуса.

В случае успехов вермахта формирование значительных воинских частей из народов СССР вошло бы в противоречие с целями войны. При поражении – другая опасность, с которой немцы и столкнулись. В целом формирование боеспособных частей из народов оккупированного СССР было потенциально опасно для нацистов: многочисленное население, большую территорию было бы сложно контролировать. Главный фактор мотивации коллаборационизма – страх – со временем проходит. Мотив антибольшевизма не для всех привлекателен и также преходящ, ибо нацизм в долгосрочной перспективе не мог служить альтернативой большевизму и карьерным лифтом после сохранения жизни.

Существовал и обратный военный коллаборационизм немцев – служба советских немцев в Рабоче-крестьянской Красной армии, комитет «Свободная Германия».

Экономический коллаборационизм. Справедливо отмечен интерес немецких специалистов преимущественно к ресурсам СССР: сельскому хозяйству, добывающей промышленности и рабочей силе, использовавшейся в Германии и в подконтрольных ей странах Европы. В этом существенное отличие экономического коллаборационизма (по факту экономической политики грабежа) от реального экономического сотрудничества с рядом контролируемых стран Европы. Скорее речь идет об экономической деятельности оккупантов, а не о коллаборационизме, ибо она не давала возможности нормально существовать за счет такого

взаимодействия. Способы выживания на оккупированных территориях, особенно вне промышленных центров, были слабо связаны немецкой экономической деятельностью. К примеру, на юге население спасало наличие рыбы, огородов, мелочная торговля и обмен, в том числе и с немцами. Ограничивало интерес немцев к использованию советских граждан на оккупированных территориях и опасение саботажа. Так что по факту это ограбление, а не коллаборация или коллаборационизм. Вопреки иллюзиям, возврата национализированной собственности не произошло, условий для индивидуального предпринимательства не было создано. Одной из форм грабежа была деятельность немецких бирж по обмену червонцев на оккупационные марки.

Так что утверждение Б.Н. Ковалёва, что «на оккупированной территории России миллионы людей были вовлечены в экономический коллаборационизм», даже при уточнении, что «лишь небольшая часть из них активно помогала гитлеровцам в деле насаждения “нового порядка” в промышленности и сельском хозяйстве» [2: 119] нуждается в уточнении.

Административный коллаборационизм. Справедливо отмечено, что попытка создать правительство коллаборационистов по примеру Квислинга, провалилась в самом начале [2: 124]. Участие жителей СССР в работе местной гражданской администрации на закрепленных оккупированных территориях можно считать сотрудничеством, но не обязательно преступным. После освобождения территории те, кто не ушел с немцами, часто и несправедливо привлекались к ответственности. Так что перенос европейской категории на реалии СССР также требует уточнения.

Идеологический коллаборационизм. Важная составляющая нацистской идеологии – теория о расовом превосходстве. Ограниченную роль в ее продвижении на территории СССР могла играть пропагандистская деятельность антибольшевистской эмиграции в рядах оккупационных властей на местах. Но это пример реваншизма проигравших Гражданскую войну, а не идеологический коллаборационизм. Коллаборационизм был с сильным врагом, Германией, а не с его идеологией. Русский фашизм иммигрантов – это совсем другое.

Интеллектуальный коллаборационизм был характерен для западных интеллектуалов, имевших отношение к его формированию.

Как мы уже отметили выше, временная поддержка Германии, а не нацизма русской интеллигенцией была основана на иллюзии реванша и не внесла особого вклада в пропаганду, тем более в развитие идеологии нацизма. На оккупированных территориях советская интеллигенция просто продолжала свою работу.

Духовный коллаборационизм в реальности не состоялся. Он должен был опираться на использование Русской православной церкви. Реально с нацистами сотрудничала Униатская церковь в Галиции. Русская православная церковь и на оккупированных территориях, и в Третьем рейхе окормляла все категории населения, благо нацисты это не запрещали. Политика нацистов в отношении религии и церквей – это не коллаборационизм Русской православной церкви и верующих.

Национальный коллаборационизм, выделяемый Б.Н. Ковалёвым, представляется нам не совсем корректным термином. Основой национальной политики Третьего рейха было поощрение национализма с целью уничтожения многонационального СССР. Создание суверенных национальных государств едва ли входило в его планы. Примером сложности проблемы может служить отношение оккупантов к горским евреям и караимам.

Детский коллаборационизм. Использование детей в преступных целях – это не сотрудничество, а преступление нацистов.

Половой коллаборационизм. В зарубежной литературе используется термин «сексуальный» коллаборационизм, а применительно к проституции во Франции как сфере экономики – «горизонтальный коллаборационизм» [6]. Наряду с преступлениями оккупантов на сексуальной почве были и добровольные интимные отношения женщин с оккупантами как на индивидуальной основе, так и в солдатских клубах, публичных домах. Но это особая тема.

Степень исследованности проблемы и ее актуальность в новом контексте позволяют делать только предварительные выводы. Есть проблема критерия выделения форм сотрудничества, корректности их формулировок. Важный момент – точное определение места действий коллаборационистов. Третий рейх – больше чем Германия. Воинские подразделения, составленные из представителей разных национальностей и гражданства, действовали на территории разных стран, и их деятельность на оккупированной

части СССР или в боевых столкновениях с РККА – это одно, а деятельность против другого противника на других территориях – иное, она протекала в контексте Второй мировой войны, а не Отечественной.

При анализе проблемы коллаборационизма важен компаративный и междисциплинарный подход. Важно знать проблематику применительно к другим странам, а также выявлять особенности коллаборационизма на оккупированной территории СССР; не смешивать коллаборацию (сотрудничество), коллаборационизм (преступное сотрудничество), коллаборанта и военного преступника (из не граждан СССР).

Источники и литература

1. Журавлев Е.И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенное время // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 22 (165). С. 154–160.

2. Ковалёв Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

3. Никифоров С.А. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на территории Курской области в контексте историографии // Известия Регионального финансово-экономического института. 2015. № 1. URL: <https://science.rfei.ru/ru/2015/1/97.html> (дата обращения: 11.03.2024).

4. Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941–1945: в 2-х кн. Кн. 2 / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004. С. 293–305.

5. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

6. Broche F., Muracciole J.-F. Histoire de la Collaboration, 1940–1945. Paris, 2017.

7. Collaborateur, trice, subst. // Atilf: Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/dendien/scripts/tlfiv4/showps.exe?p=combi.htm;java=no> (дата обращения: 11.03.2024).

8. Hoffmann S. Collaborationism in France during World War II // The Journal of Modern History. 1968. Vol. 40(3). P. 375–395.

9. Rings W. Life With the Enemy: Collaboration and Resistance in Hitler's Europe, 1939–1945. N.Y., 1982.

В.А. Иванов, В.Р. Щербакова**БОРЬБА ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ФЕОДОСИИ В 1941–1943 гг.****(по воспоминаниям чекиста Эдуарда Яновича Сизаса)**

Роль органов Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) в организации движения сопротивления в период нацистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. продолжительное время не находила должного внимания у отечественных историографов. Главной причиной такого положения являлась закрытость партийных и ведомственных архивов. Несмотря на острую необходимость публикаций, проливающих свет на героическое прошлое нашего народа, их число относительно невелико. В частности, до сих пор остается много белых пятен в истории подполья восточного Крыма. В данной статье рассматривается деятельность уполномоченного группы НКВД Эдуарда Яновича Сизаса на основании впервые вводимых в научный оборот источников из Государственного архива Республики Крым.

До начала Великой Отечественной войны Э.Я. Сизас работал в НКВД Крымской АССР начальником 3-го отделения. В 1939 г. его перевели на пенсию. Проживал он в Керчи, вместе с супругой Татьяной Кирилловной и двумя сыновьями – Дмитрием и Аликом.

Во время Великой Отечественной войны сыновья Эдуарда Яновича сражались в рядах Красной армии. Его жена Татьяна Кирилловна (Балабанова) Сизас стала активным участником сопротивления, входила в состав подпольно-патриотической организации А.Г. Стрижевского [1: 250]. Летом 1942 г. ее арестовали, требуя, чтобы она сообщила место пребывания мужа и сыновей. Несмотря на пытки, женщина наотрез отказалась давать показания гитлеровцам. Ее отправили в концлагерь, размещенный на территории бывшего совхоза «Красный» Симферопольского района, где она была казнена оккупантами в 1943 г. [8: 3].

Сам Э.Я. Сизас был мобилизован в Красную армию и отправлен в Джанкой, где секретарь райкома партии предложил ему уйти вместе с формирующимся партизанским отрядом в лес. Э.Я. Сизас согласился и был прикомандирован к северному соединению партизан Крыма, имел свою агентуру в Феодосии, в Кировском, Старокрымском районах [1: 250].

Вплоть до 16 марта 1942 г. он был начальником штаба Джанко-йского партизанского отряда. Позже занимал должность уполномоченного и старшего уполномоченного отряда.

Отряд зимовал в 1941–1942 гг. в Старокрымских лесах [7: 92]. 10 декабря 1942 г. вернувшиеся разведчики доложили, что встретили в лесу двух советских военнопленных, которые искали встречи с партизанами. Было принято совместное решение о том, что если «...есть такие люди, которые ищут связь, нужно значит идти туда и проверить в чем там дело, и если возможно, вывести из Феодосийского лагеря как можно больше военнопленных» [7: 92]. Кроме того, Э.Я. Сизас получил задание наладить связь с антифашистами (в тексте «людьми») в Феодосии и искать пути для прохода в Севастополь [7: 92].

Для выполнения этого задания была сформирована группа разведчиков. В ее состав вошли Хавриненко из Карасубазарского района, уроженец д. Ново-Васильевка, член Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Крамаренко, бывший красноармеец, попавший в ряды партизан Крыма при отступлении, Бучевский, уроженец Одессы, беспартийный, накануне войны работавший в Судаче в уголовном розыске. Также в состав группы вошел, по словам Э.Я. Сизаса, и некто Святченко, боец 5-го партизанского отряда. Как отмечал Э.Я. Сизас, он «оказался не нашим человеком» [7: 92 об.]. Но тогда об этом никто не знал. Зато было известно, что Святченко был уроженцем Феодосии, до начала Великой Отечественной войны работал там на хлебозаводе. Его знакомые в городе могли помочь в организации подпольной работы [7: 92 об.].

21 декабря 1942 г. группа прибыла на место. С одного из холмов над Феодосией было установлено наблюдение. Святченко вечером был отправлен в город для установления связей. 28 декабря 1942 г. он должен был вернуться. Но в назначенное время его не было. Э.Я. Сизас понял, что задание находится на грани провала. Впоследствии он узнал, что Святченко дезертировал, остался в Феодосии, и даже устроился там на работу. Он оказался предателем, тесно связанным с гестапо, а его отец работал там же на линейке [7: 92 об.]. Э.Я. Сизас дал задание ликвидировать Святченко. Однако разведчики его не устранили по неизвестным причинам [7: 92 об.]. Налаживать связь с Феодосией пришлось заново. Связным

стал инвалид Даниил (в тексте «Данька»). Согласно воспоминаниям Э.Я. Сизаса, «Данька нигде не работал, без руки, живет в Феодосии» [7: 92 об.]. Также в состав разведгруппы Э.Я. Сизаса вошли двое советских военнопленных: Беляев и Емельяненко [7: 92 об. – 93]. Они сообщили Э.Я. Сизасу о том, что в Феодосии находилось много советских военнопленных, была установлена связь с гражданскими лицами, активно стремившимися помочь сопротивлению, были желающие уйти в партизанские отряды Крыма.

Тогда Э.Я. Сизас решил отправить Емельяненко для установления контактов с Ниной Михайловной Листовничей, руководительницей феодосийского подполья. Тот ушел 1 января 1943 г. и возвратился 6 января 1943 г. утром с четырьмя советскими военнопленными: Абрамом Коваленко, Зыбиным, Купиковым и Анинковым. Также он сообщил, что были еще желающие идти в партизаны и был отправлен в город повторно.

10 января 1943 г. Емельяненко вернулся из Феодосии и привел с собой двоих советских военнопленных – Кудрявцева и Няненко. Они сообщили, что в городе действует подпольная организация. Э.Я. Сизас решил снова отправить связного, поставив перед ним задачу договориться о личной встрече с представителями подпольной организации. Емельяненко вернулся 2 февраля 1943 г. вместе с женщиной по имени Мария. Она пригласила Э.Я. Сизаса в город, но тот, боясь провокации, не решился на встречу. В свой новый визит Мария уже принесла письмо, в котором было написано, что Э.Я. Сизаса очень ждут в городе для установления контактов. В письме давались подробные указания о том, что следовало делать после прибытия [7: 93]. Он принял решение рискнуть и явиться по указанному адресу в Феодосии [7: 93].

Э.Я. Сизасу прислали гражданскую одежду, и в ночь с 10 на 11 января 1943 г. он направился вместе с Марией в Феодосию. По большой дороге ходить было нельзя. В городе был комендантский час. Им удалось пройти в районе кирпичного завода. Утром 11 января 1943 г. они были уже в Феодосии, остановились в домике на краю города, где отдохнули, умылись, поели и отправились к Нине Михайловне Листовничей (в источнике Э.Я. Сизас называет ее «Листова»). Она проживала в Феодосии по адресу: ул. Лермонтова, 14. С собой Э.Я. Сизас принес речь Сталина от 7 ноября 1941 г., которую прочитали все желающие [7: 95 об.].

Важную роль в деятельности подпольной организации Н.М. Листовничей играла Александра Васильевна Богданова, врач-гинеколог, занимавшаяся частной практикой. Свои гонорары она передавала для антифашистской борьбы, а кроме этого имела контакт с человеком, работавшим в так называемом «хлебном отделе» комендатуры. Полученные А.В. Богдановой хлебные карточки попадали в руки феодосийских подпольщиков [9: 27–28; 11: 221, 219–225; 13].

Сам Феодосийский лагерь военнопленных функционировал с весны 1942 г. Он располагался неподалеку от базара. Я.И. Рудь утверждает, что в апреле 1942 г. Н.М. Листовничая установила связь с военнопленными из лагеря, где руководителем подпольной организации стал переводчик, бывший лейтенант Красной армии Ашот Айвазович Айрапетов. Он создал что-то наподобие антифашистского штаба [9: 34]. Туда вошли Иван Харитонович Гуркун, Петр Николаевич Ярыгин, техник-интендант I ранга Арташес Назарович Рафаилов и С. Мелькомов. [1: 159; 4: 77–78; 5: 66–67; 6: 77–78; 10: 92; 13]. Узники сообщали Э.Я. Сизасу, что хотели бежать из лагеря в степь, или на Украину, или к партизанам.

Благодаря связному Даниилу выяснилось, что у патриотов есть комендант города Петр (беспартийный), начальник особого отдела и начальник штаба Гулевич (в источнике Э.Я. Сизас его упоминает под фамилией Гулеев).

В организации работали техник Шаронин и инженер Даниил Васильевич Самарин. Последний занимал в городской управе должности уполномоченного Заготскота «ВИКО» и уполномоченного маслозавода. У Самарина были налажены связи и с деревенскими жителями. Это позволяло ему решать задачи по снабжению партизан продовольствием. Э.Я. Сизас отмечал: «Если бы они не оказали нам такую помощь, положение наше было бы нехорошее» [7: 95; 9: 27]. Так же в их обязанности входила связь с лагерем военнопленных. Эту часть работы Сизас считал недостаточной. Он отмечал: «Нужно организовать работу и вредить немцам» [7: 94 об.].

Всего в организации насчитывалось 40–45 человек. Данные о том, что в состав Феодосийской подпольной организации входило более 300 человек, Э.Я. Сизас объяснял тем, что туда входили объединенные Сарыгольская и Старокарантинская подпольные организации [7: 93 об.].

Подпольная организация занималась организацией побегов советских военнопленных из лагеря. Первое время в нем размещалось 1150 человек, однако к приходу Э.Я. Сизаса там оставалось не больше 600, остальным удалось сбежать. Причиной такого количества побегов был «не особо строгий» режим [7: 94]. В рядах феодосийских подпольщиков был врач, работавший в военном госпитале (фамилию Э.Я. Сизас не помнил). С его помощью удалось спасти десятки людей. «Именно через госпиталь мы пропускали военнопленных и списывали как умерших», – сообщал Э.Я. Сизас. Немецкую администрацию большая смертность не узников в госпитале не удивляла. Из-за тяжелых условий содержания на территории лагеря было «много смертных случаев» [7: 94].

Э.Я. Сизас ставил перед собой задачу расширения рядов феодосийского подполья. В частности, он отмечал, что в городе было много членов партии, которые «себя замаскировали и никакого участия не принимают» в борьбе против гитлеровцев [7: 95]. Так же было уделено много времени и сил для приобретения оружия и организации диверсий на таком важном транспортном узле, как Феодосия. Эта работа приносила свои плоды: всего только гранат было собрано 100 штук [7: 95].

Что касается явочных квартир, то встречался Э.Я. Сизас только с инженером Д. Самариным, у которого на кирпичном заводе имела квартира, подготовленная для работы радиостанции. Однако добиться связи не удалось [7: 95].

Подпольщики вели активную разведывательную деятельность. Об этом, в частности, свидетельствует следующий случай. Так, когда советская бомбардировочная авиация разбила в Багерово большой эшелон, двух раненых железнодорожников немцы перевозили в Феодосию. Подпольщикам удалось связаться с ними, и те рассказали, что советской авиации удалось разбомбить аэродром, сжечь склад с горючим, и в целом «бомбежка была очень удачной» [7: 96 об.].

Усложняла выполнение задач, поставленных командованием перед Э.Я. Сизасом, слабая конспирация феодосийских подпольщиков. Явка Н.М. Листовничей напоминала «просто проходной двор. Целый день в квартире базар. Я сказал, что это дело надо немедленно прекратить и, если можно, переменить квартиру. А военнопленных не пускать к себе, пусть они ходят

на определенные квартиры» [7: 94]. Другим негативным фактором было то, что феодосийские подпольщики не опирались на местное татарское население (так крымские татары подаются в источнике, поскольку термин «крымские татары» появился уже по окончании Второй мировой войны). Это очень вредило ведению подпольной борьбы. Э.Я. Сизас отмечал: «Как вы плохо не отзывайтесь, а связь держать с ними нужно, потому что среди татар есть прекрасные люди и, если есть у кого знакомые, обязательно свяжитесь с ними и поговорите» [7: 94].

Кроме установления контактов с татарским населением ставились задачи и по проникновению в органы немецкой администрации, полицию и гестапо. Подпольщикам удалось оформить некую женщину, фамилии которой Э.Я. Сизас не помнил, в Заготзерно. Это частично решало проблему продовольственного снабжения, но, к сожалению, не кардинально.

Из лагеря военнопленных в группу пришло 37 человек. Однако чекист Э.Я. Сизас заметил, что «народ, не испытывавший трудностей» [7: 94 об.] не будет надежным помощником в борьбе. Поэтому в феврале 1943 г. он прекратил набирать советских военнопленных из лагеря. Из военнопленных был впоследствии сформирован партизанский отряд.

Всего в городе Феодосия Э.Я. Сизас прожил 10 дней. Разумеется, этого было мало для того, чтобы полностью вникнуть во все детали местного сопротивления. Причина, по которой он вынужден был покинуть город, состояла в том, что гитлеровцы систематически проводили облавы [7: 95]. Но ему удалось передать крымским партизанам план Феодосии с нанесенными на него вражескими опорными пунктами.

Сокрушительным ударом для феодосийского подполья стало предательство. О провокаторах, выдавших Феодосийскую подпольную организацию нацистам [7: 95 об.], мы расскажем подробнее. Причиной провала группы стало то, что начальник ее штаба Гулевич (в источнике Гулеев.) якобы был агентом немецкой разведки.

В книге писателя Я.И. Рудя приводится настоящее имя Гулевича – Анатолий, однако фамилия скрыта из соображений безопасности под сокращением «Г.» [9: 40–41].

Феодосийский краевед А.В. Туров [12] провел весьма интересное расследование, выяснив, что изначально А. Гулевич не являлся

предателем. То есть он не был внедрен в подполье как платный осведомитель. Только после ареста в конце марта 1943 г. он, не выдержав пыток или оказываемого на него психологического воздействия, начал сотрудничать с нацистскими спецслужбами, выдав более 100 членов подпольной организации. За это ему сохранили жизнь, и именно тогда он стал агентом гитлеровцев. С отступлением нацистов из Крыма А. Гулевич бежал вместе с ними, и дальнейшие его следы затерялись.

К слову, даже уже после того, как Э.Я. Сизас покинул Крым, он по-прежнему не подозревал Гулевича в предательстве: «Пока я был там, он не провалился» [7: 94]; [10: 94].

По мнению Э.Я. Сизаса, также одним из предателей был некто Линчиков (в других источниках Блинчиков). Он был одним из бывших советских военнопленных, схваченных полицейскими-добровольцами (татарами в источнике) [7: 95 об.]. Аресты членов Феодосийской подпольной организации прошли с 19 марта 1943 г. В этот день арестовали Н.М. Листовничую, Дмитрия Самарина и еще 10 подпольщиков, инженера Шестсковского, Семенова, врачей Е.И. Шепелеву, Т.И. Пислегину, Л.И. Новикову, А.В. Богданову и многих других [11: 226–231].

Вскоре арестовали и Валентину Попушеву, одну из молодых участниц подполья (родилась 31 декабря 1917 г., ее выдали двое якобы бежавших из лагеря военнопленных, по-видимому, один из них и был Блинчиков) [3: 151–152; 4: 78–79; 5: 66–67; 6: 78–79; 9: 37, 42; 10: 93–94; 11: 229–230; 13].

Изначально Н.М. Листовничую держали в феодосийской тюрьме, а затем перевезли в концлагерь на территории бывшего совхоза «Красный», где расстреляли в начале лета 1943 г. [1: 160; 9: 42; 13]. Однако с арестом Н.М. Листовничей и ее товарищей феодосийские патриоты не сложили руки.

Уцелели от арестов хорошо законспирированные группы подпольщиков в Старокарантинном районе Феодосии, в которые входили рабочие рыбзавода, рыбтреста, а также водоканализационного хозяйства. Прораб этого хозяйства Илья Ильич Полищук (подпольная кличка «Чапаев») взял на себя руководство городским подпольем. Помощником И.И. Полищука стал Константин Филиппович Богданов [9: 43]. Подпольщики стали действовать теперь более осторожно, соблюдать конспирацию: они разделились

на мелкие группы, связь между которыми поддерживалась только через старшие группы. Старые пароли были заменены, посещения прежних конспиративных квартир запрещались [9: 43].

На вопрос секретаря Крымского обкома ВКП(б) В.С. Булатова, почему произошел провал Феодосийской подпольной организации, Э.Я. Сизас ответил, что причина провала была в отсутствии дисциплины внутри антифашистского объединения и в пренебрежении правилами конспирации [7: 95 об.]. Он добавил: «Я думаю, что никто ничего не выдаст, никто ничего не скажет об инженере и о других товарищах» [7: 95 об.]. На вопрос В.С. Булатова, как разрушен город Феодосия, Э.Я. Сизас отвечал, что в результате боевых действий была разбита только набережная. К началу советского наступления нацисты взрывали большие здания и полученный камень возили в качестве укреплений.

Таким образом, в настоящей статье показано, что Э.Я. Сизас установил тесный контакт с подпольной организацией Феодосии. Добывались ценные сведения о противнике, которые передавались на Большую землю. Однако авторы не могут согласиться с мнением историков С.Н. Ткаченко, С.А. Терехова и А.Ю. Бутовского о том, что «Сизас провел значительную работу по выявлению нужных связей для вербовок, пополнил учет враждебного элемента» [11: 127]. Физически это сделать с 11 по 21 января (11–21 февраля у С.Н. Ткаченко, С.А. Терехова и А.Ю. Бутовского) 1943 г. было попросту невозможно. Во-первых, незнакомый человек в городе сразу же попадал под подозрение оккупационных властей; во-вторых, из приведенного выше источника сразу же становится ясно, что многие задачи, поставленные командованием, выполнить в тех условиях не было возможности.

Тем не менее миссия Э.Я. Сизаса свидетельствует о том, что к началу 1943 г. на Крымском полуострове действовала разветвленная сеть сопротивления. В нее входили подпольно-диверсионные группы, сражавшиеся против нацистов в глубоком тылу врага. Несоблюдение конспирации, отсутствие опыта подпольной работы, активное противодействие немецких и румынских контрразведывательных структур в конечном итоге привело к трагической гибели многих подпольщиков. Аресты, пытки и казни не сломили духа их соратников. Они продолжили дело своих товарищей, помогая приближать освобождение Крыма.

Сам же Э.Я. Сизас в ноябре 1943 г. из-за болезни был эвакуирован на Большую землю. В конце войны его направили на оперативную работу в Эстонскую ССР, где он вскоре погиб от рук эстонских националистов [1: 251]. Его именем названа одна из улиц Симферополя.

Источники и литература

1. *Абрамян Г.С.* Мощное оружие советских войск в боях за Крым (1941–1942 гг.). Ереван, 1975.
2. *Абрамов В.* Керченская катастрофа 1942. М., 2006.
3. *Барсамов Н.* Феодосия: краеведческий очерк. Симферополь, 1953.
4. *Балахонов В.* Феодосия. Историко-краеведческий очерк. Симферополь, 1970.
5. *Балахонов В.* Феодосия. Историко-краеведческий очерк. Симферополь, 1975.
6. *Винник П.Я., Рудь Я.И., Андрущенко В.И.* Главный причал Крыма: Очерк. Симферополь, 1975.
7. Государственный архив Республики Крым. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 30.
8. Они из Прибалтики // Керченский рабочий. 1975. № 92 (14261). 7 мая. С. 3.
9. *Рудь Я.И.* Неукротимые: очерк. М., 1980.
10. Строки, обгащенные кровью / сост. П.Е. Гармаш и Н.Д. Луговой. Симферополь, 1968.
11. *Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю.* «По линии 4-го отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). М.; СПб., 2018.
12. *Туров А.* Организация Ашота Айрапетова // Крымское армянское общество. URL: <https://kaoluys.ru/2023/01/17/organizacija-ashota-ajrapetova/> (дата обращения: 15.02.2024).
13. *Широков В.* Во имя победы // Город двадцати пяти веков. Литературно-художественный и историко-краеведческий сборник о Феодосии / сост. П. Дегтярев. Симферополь, 1971. С. 216–220.

К.В. Сак

ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ (по материалам Комиссии И.И. Минца)

Женщины приняли массовое участие в Великой Отечественной войне. Около миллиона советских гражданок сражалось

и помогало бойцам на фронте, более 93 тыс. участвовало в партизанском движении [5: 97]. При этом подавляющее большинство женщин взаимодействовало с противником не на полях сражений, а на оккупированных территориях Советского Союза. «Новый порядок» и постоянное присутствие в окружении иностранных военных, многие из которых воспринимали гражданское население как «трофей», задавали новые рамки повседневной жизни и вынуждали искать приемлемые формы выживания, борьбы и сосуществования в иной социокультурной среде.

Особый интерес представляет опыт горожанок, участвовавших в подпольной работе, поскольку их повседневность, как правило, находилась на стыке двух жизненных миров, или гендерных сценариев. С одной стороны, многие из них проходили регистрацию на бирже труда и работали на оккупантов, вступали с ними в непосредственный контакт и иногда даже завязывали личные отношения. Несмотря на то что женщины в оккупации, как правило, выполняли тяжелые, «мужские», работы, оккупанты воспринимали их с позиции гендерного и полового доминирования. С другой стороны, «вторая жизнь» подпольщиц, связанная с сопротивлением, не вписывалась в традиционный гендерный порядок.

В Крыму с ноября 1941 г. по апрель 1944 г. действовали 202 подпольные группы общей численностью более 2500 человек [7: 5]. Женщины не только входили в эти группы, но и возглавляли некоторые из них. Тем не менее до сих пор написано мало специальных работ, посвященных их непосредственной роли в сопротивлении, а также исследований, рассматривающих женскую повседневность подпольщиц [7]. Эти аспекты будут раскрыты в данной статье на примере участия женщин в симферопольском подполье по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны И.И. Минца.

Раздел архива Комиссии, посвященный партизанскому движению в Крыму, включает в себя 56 единиц хранения. Из них только три интервью, взятые летом 1944 г., принадлежат подпольщицам. Все они были нерядовыми участницами сопротивления. Евгения Лазаревна Лазарева (Нина) [1; 3], состояла заместителем секретаря подпольного горкома ВКП(б) И.А. Козлова. Елизавета Карловна Пахомова [4] руководила одной из групп подпольной организации А.А. Волошиновой (Муся). Людмила Михайловна Ефремова-

Терентьева [2] была женой В.К. Ефремова (Хрена), руководителя другой группы этой же организации. В своих интервью они рассказывали и о других подпольщиках, с которыми сотрудничали в период оккупации.

Лазарева (1905 г.р.) и Пахомова (1899 г.р.) принадлежали к одному поколению. Они родились еще в царской России и являлись свидетелями Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Пахомова рассказывала, что происходила из семьи почтового служащего, окончила гимназию и стала народной учительницей. Ее первый муж участвовал на стороне большевиков в революции, во время которой пропал без вести. Второй муж работал в органах НКВД [4: 15]. В отличие от Пахомовой, Лазарева прошла более сложный путь социализации и профессионализации. В 1921 г. она окончила школу и поступила в Симферопольский университет. Однако, с ее слов, оттуда ее украл турок-контрабандист, который насильно взял ее седьмой женой. Муж был ревнивый и семь раз топил Лазареву в море, после чего у нее начался туберкулез легких. В 1925 г. она с мужем развелась. До 1930 г. работала учительницей, затем была направлена в педагогический институт в Симферополе, где на отлично окончила факультет татарского языка и литературы. О ее активной общественной и политической позиции свидетельствует тот факт, что с 1929 г. она трижды избиралась депутатом Городского совета. Накануне войны Лазарева работала начальником отдела кадров Наркомата просвещения Крыма, накануне войны вступила в партию [1: 2; 3: 9].

Будущие подпольщицы, таким образом, еще при «старом режиме» стремились выйти за рамки традиционного патриархального гендерного сценария, что им в целом удалось при советской власти. В отличие от них, комсомолка Людмила Михайловна Ефремова принадлежала к поколению 1920–1930-х гг. Она родилась в 1922 г., закончила 10-летнюю школу, а также аэрошколу и получила звание пилота запаса. Когда началась война, она отучилась на курсах медсестры и работала в госпитале. На момент проведения интервью Ефремова была членом партии [2: 1]. Хотя подпольщицы относились к двум разным поколениям, они были достаточно эмансипированными.

Путь женщин в подполье различался. Пахомова, как жена сотрудника НКВД, имела возможность эвакуироваться, но этим

не воспользовалась. Когда пришли немцы, она хотела уйти к партизанам, однако у нее не было с ними связи, поэтому она осталась в городе [4: 1]. Лазарева также приняла осознанное решение остаться: «Когда в начале войны уезжали все люди – я осуждала это – мне казалось, что я не имею права этого делать» [3: 9]. Сначала она эвакуировалась в Керчь, но потом по указанию наркома вернулась в Симферополь, «чтобы поднять дух учителей». Кроме того, у нее на руках была тяжело больная мать [1: 1]. Ефремова в качестве медсестры участвовала в обороне Севастополя, во время которой попала в плен, после этого находилась в лагере в Бахчисарае. Оттуда с группой моряков девушка бежала в Симферополь, где проживала ее мать. Там она устроилась на работу на железную дорогу, познакомилась со своим будущим мужем и в сентябре 1943 г. вступила в его диверсионную группу [3: 3].

Не последнюю роль в решении женщин присоединиться к сопротивлению сыграла жестокость оккупантов по отношению к военнопленным и мирному населению. На вопрос о том, как жилось при немцах, первым, о чем стала рассказывать Пахомова, было уничтожение евреев: «Библиотечный работник Ева Шик, старая женщина, шла при мне на казнь. Я плакала, но ничем не могла помочь» [4: 16]. Ее подруга комсомолка Сарра в начале ноября стала свидетелем уличной облавы, в результате которой значительное число горожан, в том числе детей, сутки провели в холодном и сыром кинотеатре. Из них 50 человек повесили «за грабеж», «за несвоевременную явку», хотя в действительности многие из них были в истребительном батальоне [4: 17]. Но особенно Пахомову поразили вид военнопленных из Севастополя, которых в течение 14 дней гнали через город. Со слов невестки она рассказывала: «Вели пленных моряков, должно быть, командиров <...> Они громко пели, ругались и некоторые выкрикивали в воздух свои имена. Город, конечно, не спал, мы слышали все и записывали адреса и имена, потом писали письма их родным <...> Сердце разрывалось от горя, отчаяния и жалости, но что мы могли сделать?» [4: 19]. Рассказала она и о большом количестве военнопленных женщин, около 200, которых либо казнили, либо угнали в Германию.

Новые реалии повседневной жизни в оккупации поставили вопрос, кто является «своим», а кто «чужим». Для будущих

подпольщиц «чужими» были не только немцы и румыны, расквартированные в городе, но и советские коллаборационисты, которых в интервью они называют предателями. Поскольку никто первое время не знал, кто на чьей стороне окажется, люди дистанцировались друг от друга. С.Л. Лазарева рассказывала: «Русские люди замкнулись в себе, перестали быть откровенными, боялись друг друга, боялись вслух высказывать свои взгляды, свое настроение» [3: 10]. Лазарева чувствовала страх по отношению даже к коммунистам, которые, по ее словам, «сейчас же пошли работать» на немцев [1: 1 об.]. Еще большую неприязнь она испытывала к беспартийным. В дальнейшем, как отмечала Лазарева, многие жители Симферополя были на стороне немцев и думали, что «русские никогда сюда не придут» [1: 3]. Тем не менее, потребность в сопротивлении вынуждала искать единомышленников. До войны райкомы не смогли организовать надежные базы, и это привело к тому, что только личные связи и знакомства были единственным способом уйти в подполье.

В этом контексте значимой фигурой для будущих подпольщиц выступила Александра Андреевна Волошинова. Ей был 41 год, когда началась Великая Отечественная война. К этому времени она получила высшее образование и работала учительницей. Александра Андреевна была замужем и имела сына Леонида, учившегося на третьем курсе исторического факультета Симферопольского университета и в июле 1941 г. ушедшего добровольно на фронт. За ее плечами был опыт подпольной борьбы времен Гражданской войны, которую она вела под руководством своего школьного учителя и будущего мужа И.М. Волошинова. Неизвестно, была ли она членом партии, однако Лазарева отмечала, что Муся была человеком чрезвычайно честным и преданным советской власти [1: 1 об.]. Именно через нее многие симферопольские подпольщики имели связь с партизанским движением.

Свою подпольную деятельность Волошинова начала с того, что без какого-либо партийного руководства собрала вокруг себя единомышленников. Среди них была и Пахомова, которая с именем Волошиновой связывала свой путь в подполье. Она отмечала не только высокие организаторские качества женщины, ее бесстрашие, но и абсолютную бескорыстность. «Она была безрассудно храброй, хотя вела себя внешне скромно, ей всегда казалось, что

она мало делает, что она не делает ничего героического», – рассказывала Пахомова [4: 24]. Лазарева хотя и не входила в организацию Муси, но находилась с ней в постоянном контакте: «Мне лично она помогала в моих действиях советами, несмотря на то что я была членом подпольного городского комитета, а она была простым организатором, она делала гораздо большую работу. У нее громадная группа была, много интеллигенции. Она сумела всех объединить» [1: 6 об.]. Ефремова была связной между группой своего мужа на железной дороге и Волошиновой: она получала от Муси литературу и оружие и передавала через нее партизанам обстановку на железной дороге [2: 5].

Как показывает опыт женщин, они искали выходы на подполье через своих приятельниц, вероятно, больше им доверяя и рассчитывая на их помощь. Действительно, руководители подпольных организаций и групп, в большинстве своем мужчины, относились к женщинам в сопротивлении неоднозначно. В частности, секретарь Симферопольского подпольного горкома партии И.В. Козлов считал, что женский характер не подходит для конспирации. Вместе с тем, лично Лазарева отвечала перед организацией за жизнь Козлова, который находился на ее квартире [1: 5]. Подпольщица рассказывала в интервью, что женщинам он не доверял и считал «болтушами» [1: 6 об.]. Продолжительное время он не воспринимал серьезно информацию, которую передавала ему Волошинова: «Он думал, что много разговоров, обещаний много, а делают мало» [1: 3]. Только после того, как она приняла клятву партизана, его отношение к ней изменилось.

В распределении обязанностей внутри подполья также отражались традиционные взгляды на роль женщин. Их привлекали к распространению литературы, сбору сведений, хранению и доставке разного рода оружия. Вместе с тем ни одна из подпольщиц, дававших интервью, не упоминает о том, что она сама или соратницы непосредственно участвовали в диверсионных акциях. Неспособными к агрессии считали женщин и оккупанты. Лазарева рассказывала: «Я была в меньшей опасности. У нас очень много руководителей было мужчин, их немцы обыскивали, а к женщинам они относились по-другому. Что может сделать женщина? Ну, снимут шапку, сапоги снимут, прощупают верхнюю часть тела» [1: 2 об.]. Подпольщицы, как правило, были маленькие и ху-

денькие, и, по мнению Лазаревой, именно это позволяло им проходить незамеченными. В связи с этим она называла немцев «очень неумными» [1: 4].

Свою женственность подпольщицы использовали для получения сведений о планах оккупантов. Особенно подробно оставилась на этой стороне работы Лазарева. Так, по заданию подпольного горкома она в неформальной обстановке общалась с коллаборационистом А. Карабашем, который являлся одним из главных пропагандистов Симферопольского мусульманского комитета [6: 258]. По ее словам, он сватал ее за «какого-то татарина, который приехал из эмиграции»: «Я некоторое время почти соглашалась, а мне нужно было выяснить, кто же работает в мусульманском комитете, нужно было получить списки добровольцев, и я их получила. С ними сидишь, говоришь, что плохо жили при советской власти, нигде не бывали. Только не соглашалась с ними в том, что я плохо одевалась» [1: 7]. Она же уверяла своего соседа, коллаборациониста Скибиду, следившего за ее квартирой, что средства к существованию она имеет не от подпольного комитета, а от любовника-немца. Видимо, она была убедительна, так как сосед, когда пришла Красная армия, донес, что она была «немецкой фрой» [1: 2 об.].

Выполнение подпольной работы неизбежно приводило к взаимодействию с военнослужащими вермахта. Подпольщицы воспринимали их по-разному. Пахомова относилась к оккупантам с выраженным неприятием. После обыска ее квартиры она долго не могла вернуться домой: «Мне казалось, что здесь все опоганено, все пропитано их вонью» [4: 27 об.]. В декабре 1942 г. немцы окончательно выселили ее из квартиры: «Осталась я без денег, без вещей, без крова. Но просить милости у врага не хотелось, кое-как перебивалась» [4: 16]. Несколько иное отношение было у Лазаревой, которой было интересно, как румыны и немцы реагируют на распространявшиеся подпольем листовки. За румынами она наблюдала не только на улице, но даже пошла на неоправданный риск, договорившись стирать в доме одной женщины, которая сожительствовала с румынским полковником. После чтения листовок «этот полковник совершенно открыто говорил, что русские люди победят, что Сталин сильнее Гитлера, что Гитлер – это урод, от него нечего ждать и румыны просто несчастные люди» [1: 3].

В то же время Лазарева отмечала, что среди немецких солдат распространять листовки было значительно сложнее, поскольку с ними было трудно наладить неформальные связи. В целом она характеризовала немцев как глуповатых и жадных до наживы: «Почему мы могли существовать и не погибнуть? Потому что немцы продажные души. За 50 рублей можно было купить карточку явки на биржу. Карточку получали, а штамп мы сами можем ставить. Паспорт можно было купить за 3 тысячи. Нужно ехать в Германию, можно было дать пару шелковых чулок и таким образом освободиться от поездки в Германию. Немцы такие взяточники» [1: 5 об. – 6].

Итак, подпольщицы довольно активно эксплуатировали традиционный гендерный сценарий для выполнения своей работы. Вместе с тем можно предположить, что свою идентичность они видели за рамками этого сценария. В интервью они акцентировали внимание на важности того, что сами хранили и передавали оружие. Подпольщицы регулярно переносили на себе под одеждой мины и бомбы. Лазарева рассказывала: «Я проносила по 15 мин на теле... сверху белье, платье и идешь спокойно, только иногда они начинают дрожать, особенно когда снег, скользко и можно упасть» [1: 2 об.]. Волошинова, судя по всему, считала самой ценной вещью револьвер, подаренный ей руководителем Крымского подпольного центра П.Р. Ямпольским. «Если со мной что случится, передайте это оружие моему сыну Лене и скажите ему, что его мать и отец умерли так, как подобает умереть русским людям», – просила Муся незадолго до своего ареста [4: 24].

Подпольщица Ефремова ближе всех стояла к диверсионной работе: она не только распространяла советскую литературу, но и носила мины для подрывов железнодорожных составов и путей непосредственно на станцию, где работала группа Хрена [4: 3]. 9 марта она вместе с другими членами группы была арестована румынской комендатурой и подверглась допросу. В это время женщина была на восьмом месяце беременности. Как она рассказывала в интервью, ее хотели расстрелять вместе с мужем, но отпустили «с тем условием, что расстреляют после родов» [2: 4]. 22 апреля, уже после освобождения Симферополя от оккупации, во рву в Дубках она нашла тело мужа, а через три дня родила сына, которого назвала в его честь Виктором.

Провал симферопольского подполья, который произошел в начале марта 1944 г., в интервью подпольщиц ассоциировался с трагической смертью Волошиновой. Вместе с мужем она была расстреляна. Повальные аресты подпольщики связывали с предательством связистов Муси Анатолия Досычева и Владимира Косько. По словам Лазаревой, их «испортил лес»: они получали для выполнения работы деньги и начали пить [1: 4]. В качестве провокатора подпольщицы также называли Людмилу Скрипниченко, которая находилась одно время в лесу у партизан. Она попала под прочес, вместе с семьей была арестована и помещена в Картофельный городок, где ей удалось откупиться. Подпольщицы предполагали, что условием ее освобождения стала также работа на оккупантов [1: 4–4 об.].

В середине марта подпольщицы вместе с членами семей эвакуировались в лес к партизанам, где были размещены в лагере для гражданского населения. Что характерно, партизанскую деятельность они не вели и вернулись в Симферополь, как только Красная армия 13 апреля 1944 г. освободила город.

«Новый порядок» в городах закреплял за женщинами подчиненную функцию. Они интересовали оккупационные власти прежде всего с точки зрения обеспечения потребностей вермахта. Женщины фактически находились в бесправном положении и в любой момент могли подвергнуться насилию – все это было реалиями их повседневной жизни в оккупации. При этом те, чья идентичность выходила за пределы бинарного гендерного сценария, в этих условиях искали возможность проявить себя в борьбе в движении сопротивления. В основе их стремления лежал и патриотизм русского человека, и приверженность большевистской партии. Для большинства женщин участие в подполье не имело никаких выгод и усложняло повседневную жизнь: оно не улучшило их экономическое положение, особенно на начальном этапе, не снизило риски для жизни, не стало «социальным лифтом». В подполье женщины были ограничены в своем выборе методов работы, но в интервью они не высказывали по этому поводу какой-либо неудовлетворенности. Симферопольские подпольщицы испытывали дискриминацию со стороны оккупационных властей и некоторое недоверие к себе подпольщиков. Однако они смогли реализовать характерный для периода Великой Отечественной войны

гендерный сценарий, который позволял женщинам раскрыть их потенциал на «мужской территории».

Источники и литература

1. Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Оп. Р02-10. Д. 21.
2. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. Р02-10. Д. 24.
3. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. Р02-10. Д. 25.
4. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. Р02-10. Д. 26.
5. *Петрова Н.К.* Советские женщины в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность: материалы международной научной конференции (Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г.). М., 2015. С. 95–105.
6. *Романько О.В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь, 2009.
7. *Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю.* «Создать невыносимые условия для оккупантов»: движение сопротивления в Крыму в годы Великой Отечественной войны. М., 2021.

С.М. Сивков

«ОВОД»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА СТ. СМОЛЕНСКОЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В 1942–1943 гг.

В условиях обострения международной обстановки, связанной с проведением специальной военной операции Российской Федерации на Украине, массовыми поставками разнообразных форм вооружения странами НАТО нашим соседям, остро стоит вопрос сохранения исторической памяти, прежде всего о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. За последние годы многие исследователи обращались к проблемам партизанского движения в годы войны на Северном Кавказе. Известно, что данное явление было характерно преимущественно в горных и предгорных местностях региона, в основном на территории Краснодарского и Ставропольского краев.

Важное место в историографии этой темы занимают исследования и публикации сотрудников Южного научного центра Российской академии наук в г. Ростове-на-Дону, в первую очередь

Е.Ф. Криנקо [6]. Значительный вклад в изучение данной проблематики внесли И.Г. Иванцов [3–5; 12], А.Г. Еременко [2], Я.А. Васильев [1], И.О. Тюменцев [8–10; 13] и многие другие.

Данная статья посвящена деятельности партизанского отряда «Овод» на территории Краснодарского края в 1942–1943 гг. Исследование вклада кубанских партизан в победу над оккупантами проходило с использованием архивных материалов Центра документации новейшей истории Краснодарского края (г. Краснодар), доступ к которым был полностью открыт только во второй половине 2010-х гг. [11].

Отступление Красной армии на территории края прошло в основном грамотно и без огромных потерь техники и личного состава. Однако захват гитлеровцами Харькова и Ростова-на-Дону стал полной неожиданностью для краевого партийного руководства, что не способствовало быстрому разворачиванию партизанских отрядов, так как многие схроны 1941 г. были уже ликвидированы [7]. Произошло это потому, что сталинградское направление для немецкого командования вплоть до ноября 1942 г. было вспомогательным относительно наступления на Кавказ. Советское командование придерживалось другого мнения.

В этот период начали активные действия партизанские отряды Кубани, хотя большинство из них было сформировано задолго до вражеского наступления, еще в 1941 г. Среди них отметим смоленский партизанский отряд «Овод», «входивший в состав Краснодарского куста Краснодарского края» [11: 1]. Отряд был сформирован из жителей ст. Смоленской Северского района Краснодарского края.

К сожалению, архивные материалы, имеющиеся в фондах Центра документации новейшей истории Краснодарского края, имеют фрагментарный характер и отличаются от данных по другим отрядам недостаточной полнотой. Других же источников о деятельности отряда «Овод» обнаружить пока не удалось.

В первую очередь отметим отрывочность сведений о командном составе отряда (таблица 1). В документах по другим отрядам обязательно указывается партийность, занимаемая ранее должность и год рождения. Эти данные отсутствуют в деле об отряде ст. Смоленской. Обязательным элементом отчета являлась информация о наличии заместителя командира отряда по разведке, но

и этих данных в отчете нет. Остаются неясными причины отсутствия в документе сведений о заместителе командира отряда: возможно, он погиб или пропал без вести.

Таблица 1. Командный состав партизанского отряда «Овод» [11: 1]

№ п/п	Фамилия	Должность в отряде
1.	Карабан	Командир отряда
2.	Уворун	Комиссар отряда
3.	Нет данных	Заместитель командира по разведке

Сведения о составе партизанского отряда «Овод» также крайне фрагментарны. В отчете не дается анализ национального состава, нет данных о поле и партийной принадлежности участников (табл. 2). К сожалению, сейчас уже невозможно восстановить эту информацию.

*Таблица 2. Состав партизанского отряда «Овод»
(по состоянию на 1 февраля 1943 г.) [11: 1]*

№ п/п	Показатель	Количество партизан	%
1.	Всего партизан	68	100
2.	Командный состав	2	2,9
3.	Рядовой состав	66	97,1

Сведения о боевой деятельности партизан указанного отряда тоже скупы. Они представлены в таблице 3.

*Таблица 3. Результаты безвозвратных потерь и пленения
противника в результате боевой деятельности
партизанского отряда «Овод» [11: 1]*

Категория	Убито (чел.)	Ранено (чел.)	Взято в плен (чел.)
Офицеров	6	нет	нет
Солдат	78	17	1
Полицейских	9	нет	нет
Предателей	7	нет	1
Шпионов	нет	нет	4
Дезертиров	нет	нет	7

Результаты боевой работы партизанского отряда «Овод» представлены в таблице 4. Необходимо отметить, что материальный ущерб, нанесенный противнику в результате боевой деятельности партизан отряда, весьма ощутим. Немногим кубанским партизанским отрядам удалось совершить диверсионные акты на объектах железной дороги. Хотя справедливости ради следует отметить, что этот ущерб не носил масштаба крупной диверсионной деятельности. Не впечатляют и объемы захваченного партизанами оружия и боеприпасов.

Таблица 4. Ущерб, нанесенный противнику партизанами отряда «Овод» [11: 1]

№ п/п	Уничтожено или захвачено	Количество
1.	Пущено под откос железнодорожных эшелонов	1 (23 вагона)
	в том числе:	
	вагонов (разбито)	4
	автомашин грузовых	
	автомашин штабных	1
	пулеметов станковых	1
2.	Взорвано деревянных мостов	8
3.	Сожжено:	
	сена	6 т
	подсолнечника	12 т
	зерна	5 т
4.	Перерезано телефонных линий	270 м
5.	Подорвано телеграфных столбов	3
6.	Захвачено:	
	автоматов	1
	патронов	1500 шт.
	пистолетов «парабеллум»	1
	гранат	21
	катушек с проводом	3
	телефонных проводов	1500 м

За период партизанской деятельности в отряде было два погибших и один раненый. Это достаточно оптимистичные результаты, однако они свидетельствуют о небольшой активности данного партизанского отряда. Тем не менее следует отметить вклад бойцов партизанского отряда «Овод» в борьбу с противником и в успешное завершение Битвы за Кавказ.

Источники и литература

1. *Васильев Я.А.* Боевой путь партизанского отряда Гиагинского района Адыгейской АО Краснодарского края (1942–1943) // Битва за Кавказ 1942–1943 годов: к 80-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 167–169.

2. *Еременко А.Г.* Из истории партизанского отряда № 2 Мостовского района Краснодарского края: 1942–1943 гг. // Герои Великой Отечественной войны на передовой и в тылу: к 85-летию со дня образования Краснодарского края. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (9 декабря 2022 г.) / ред. кол.: С.С. Зенгин, Н.А. Гангур, Н.Б. Акоева. Краснодар, 2023. С. 53–57.

3. *Иванцов И.Г.* Боевой путь Новотитаровского и Пластуновского партизанских отрядов Краснодарского партизанского куста. Август 1942 – февраль 1943 гг. // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2020. С. 250–254.

4. *Иванцов И.Г.* Партизанское движение на Кубани в период немецко-фашистской оккупации // Вехи истории: 75 лет Сталинградской битве и освобождению Юга России от немецко-фашистских захватчиков: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (8 февраля 2018 г.) / ред. С.С. Зенгин, Н.Г. Денисов, Р.З. Близняк и др. Краснодар, 2018. С. 73–77.

5. *Иванцов И.Г., Сивков С.М.* Партизанский отряд «Грозный» на Кубани (1942–1943 г.) // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2021. С. 224–228.

6. *Кринко Е.Ф.* Партизанское движение на Кубани и Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Научная мысль Кавказа. 2005. № 1. С. 27–35.

7. Партизаны Кубани: по материалам архивов УФСБ России по Краснодарскому краю и Центра документации новейшей истории Краснодарского края / Администрация Краснодарского края. Краснодар, 2012.

8. *Тюменцев И.О.* Нефтегорское соединение (куст) партизанских отрядов Кубани: личный состав и его трансформация // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию освобождения Дона

и Донбасса (г. Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2023. С. 356–366.

9. Тюменцев И.О. Нефтегорское соединение партизанских отрядов Кубани: Боевая деятельность в августе 1942 – январе 1943 гг. и ее итоги // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков. Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2023. С. 273–277.

10. Тюменцев И.О. Партизаны и коллаборанты в Апшеронском и Нефтегорском районах Краснодарского края в 1942–1943 гг.: по воспоминаниям Г.М. Гунько // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Материалы III Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2022. С. 261–269.

11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 2.

12. Ivantsov I.G. The New Documents About the Activity of the Krasnodar Guerrilla Groups. 1942–1943 // Russkii Arkhiv. 2018. No. 6 (2). P. 165–166.

13. Tumentsev I.O. Operational Records and Personal Documents of A.M. Gunko, the Deputy Commander for the Reconnaissance Party of the Neftegorsk Formation of Partisan Detachments of the Kuban // Russkii Arkhiv. 2022. No. 10 (2). P. 120–136.

Е.Н. Стрекалова

**ИСТОЧНИКОВАЯ ОСНОВА СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА
О ПРИЗНАНИИ ГЕНОЦИДОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГИТЛЕРОВЦЕВ
И ИХ ПОСОБНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬЯ
В 1942–1943 гг.**

20 января 2023 г. Ставропольский краевой суд вынес решение о признании геноцидом всех зверств, совершенных нацистами на территории Ставропольского края в период Великой Отечественной войны. Рассмотрение дела инициировала прокуратура Ставрополя [9; 21; 22]. В 2020–2023 гг. суды по рассмотрению нацистских преступлений прошли в ряде регионов, территория которых была оккупирована в период 1941–1944 гг.: в Ростовской,

Ленинградской, Орловской, Псковской, Брянской областях, в Крыму, Ленинграде и Калининграде. Все судебные процессы признали факты геноцида советского народа.

Возникает вопрос: почему именно сейчас, спустя 80 лет после оккупации, проходят процессы о признании фактов геноцида? Не менее важно и понимание глубины источниковой базы и в юридическом, и в исследовательском плане. Историки уверены, что даже сегодня о Великой Отечественной войне известно еще далеко не всё, и преступлениям фашистов надо дать всестороннюю объективную оценку. На советской территории в ходе войны погибло около 27 млн человек, более 14 млн из них были мирными гражданами, из них около 4 млн детей [16: 230–236]. Не менее важно то, что ранее нашему государству и обществу казалось, что решений Нюрнбергского процесса 1945–1946 гг. вполне достаточно для закрепления представлений о преступности деяний нацистов. Однако, к сожалению, в современном мире с годами тяжелая правда о зверствах захватчиков постепенно вымывается из общественного сознания, оттесняется на периферию национальной памяти. Более того, коллективный запад закрывает глаза на пересмотр представлений о преступлениях «против человечности» (формулировка Нюрнбергского трибунала) в угоду своего геополитического противостояния с Россией.

В ходе заседания прокурор Ставропольского края Юрий Немкин сказал: «Мы говорим о массовых убийствах, расстрелах, разбоях. Только в Ставрополе во время оккупации замучены, расстреляны и отравлены газом около 5,5 тыс. человек, а в Минеральных Водах расстреляны и отравлены удушающим газом 6,3 тыс. мирных жителей. Только перечисление фамилий жертв оккупантов заняло бы не одни сутки – свыше 28 тыс. мирных жителей» [21]. Ранее ни одним приговором, по словам Ю. Немкина, действия оккупационных войск на территории края не были признаны геноцидом [21].

Преступления гитлеровских войск и их пособников против мирного населения на оккупированных территориях края изучали историки Ставропольского края: А.А. Аникеев, З.В. Бочкарева, С.И. Линец, Е.В. Войтенко и др. [5; 6; 13; 15; 18–20]. Исследование памяти о войне актуально спустя десятки лет после ее завершения. Сравнение архивных документов с материалами устной истории

(интервью с очевидцами) дает возможность проследить, как оккупация сохранилась в коллективном сознании и стала общим «местом памяти» [15: 23].

Нацистская оккупация Ставропольского (на тот момент Орджоникидзевского) края совпала с периодом битвы за Кавказ. К лету 1942 г. военная обстановка на юге страны значительно усложнилась, и гитлеровские войска, прорвав оборону Красной армии на Дону, начали одновременное наступление на Сталинград и Северный Кавказ. После захвата вермахтом Ростова-на-Дону 24 июля 1942 г. дорога на Кавказ была открыта. Ставропольский край находился в оккупации около шести месяцев – с августа 1942 г. по январь 1943 г. [19: 32].

Воспоминания об оккупации (более 80 интервью 2007–2009 гг.) рисуют образ гитлеровского солдата как врага, грабителя, насильника, изверга, потерявшего человеческое лицо. Записаны свидетельства о зверствах нацистов, расстрелах мирных жителей, уничтожении людей в «душегубках». Люди фронтового поколения рассказывали об убийствах военнопленных, комсомольцев, коммунистов, еврейского населения, иногда со слов своих близких. А.С. Гончаров вспоминал: «У нас евреев много осталось, а когда зашли немцы в Петровское [сейчас – г. Светлоград] и оттуда разослали по всем селам о сборе евреев со всех сел в Светлоград. Потом в Светлограде, Бараничьа гора есть, и через два дня после оккупации села нацисты начали реализовывать свою расовую программу по отношению к еврейскому населению. Говорили, их много шло изученных на эту казнь» [10].

В записанных интервью с очевидцами оккупации много подобных воспоминаний [11; 12]. С приходом гитлеровцев в Ставрополь в первую очередь практически полностью были уничтожены военнопленные, коммунисты, комсомольцы, евреи, душевнобольные, что отвечало расовым теориям нацистской Германии. Сбором доказательств преступлений гитлеровцев на территории СССР занималась Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). Она начала действовать уже в марте 1943 г., после завершения Сталинградской

битвы и освобождения большей части Северного Кавказа. По итогам работы Ставропольской краевой комиссии ЧГК было установлено, что в крае были убиты и замучены 31 645 мирных граждан, 1986 человек угнано в немецкое рабство [19: 137].

Помнить и знать о трагедии и жертвах оккупации должны молодые граждане нашей страны. Многие документы рассекречены, опубликованы и доступны для изучения [1–3; 7; 24]. 3 сентября 2020 г. на сайте Федерального архивного агентства (Росархива) открылся проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», подготовленный Росархивом в соответствии с решениями Оргкомитета «Победа» совместно с Федеральной службой безопасности, Министерством обороны, Министерством иностранных дел и Министерством внутренних дел России. Проект призван засвидетельствовать факты геноцида мирных советских граждан, увековечить имена жертв нацистского террора, выявить ранее неизвестные факты зверств и преступников, избежавших наказания. В проект включены более 2600 архивных документов (более 9500 электронных образов), в том числе фотографий, фрагментов кинохроники и фонозаписей из федеральных и ведомственных архивов, а также архивных учреждений субъектов Российской Федерации [24].

Согласно документам ЧГК и свидетельским показаниям, в Ставрополе через день после захвата города 5 августа 1942 г. был вывешен приказ, в соответствии с которым все евреи были обязаны пройти перерегистрацию. 9 августа появилось обращение, гласившее, что все эвакуированные евреи должны явиться 12-го числа на ярмарочную площадь возле вокзала, взяв с собой все ценные вещи. Нарушившим приказ грозил расстрел. Люди не знали, что делать, не решались бежать, пошли на регистрацию. Многие не верили подозрениям о возможных убийствах. На площади немцы отобрали специалистов: врачей, профессоров, портных, слесарей, и отпустили их до особого распоряжения. Остальных вывозили в грузовиках в лес. Машины возвращались примерно через час. В каждый грузовик, обтянутый брезентом, загоняли по 40–60 человек. Перед расстрелом стариков, женщин, детей заставляли раздеваться до нижнего белья, забирая при этом все ценности, деньги, паспорта. Некоторым евреям приказывали перебирать вещи

и складывать одежду убитых. Узников заставили закапывать ямы с трупами [3; 4; 17].

Нацисты издевались над пленными советскими солдатами [1]. 18 августа 1942 г. в тюрьму были доставлены 10 раненых красноармейцев, которых продержали пять дней. Никакой медицинской помощи им оказано не было. Не обращая внимание на крики от боли, оккупанты избивали солдат. С определенной периодичностью во внутреннюю тюрьму приезжала машина, куда загружали евреев, красноармейцев и партизан, после чего грузовик выезжал со двора в сопровождении легковой машины с автоматчиками. По свидетельствам уцелевшего М.С. Коганера, крытая машина помещала 30–40 человек. Во время ее работы несколько минут были слышны стоны, крики, после чего все стихало [7].

По данным комиссии, созданной из представителей Ставропольского исполнительного комитета горсовета после освобождения города в январе 1943 г., 12 августа 1942 г. на привокзальной площади были собраны более 3500 евреев, включая женщин, стариков и детей, машинами по 30–40 человек их вывозили на территорию аэродрома, в северные части города и расстреливали. Трупы сбрасывали в большие ямы. Было обнаружено 10 таких ям. В них также закапывали раненых пленных красноармейцев [4].

13 августа 1942 г. в Ставрополе появилось второе обращение к местному еврейскому населению, в котором всем оставшимся в городе евреям предлагалось явиться на регистрацию и получить нарукавные повязки для устройства на работу. Всех прибывших на регистрацию, свыше 500 человек, загнали во двор дома № 110 на ул. Дзержинского и целый день держали под усиленной охраной, не давая ни пищи, ни воды. В 6 часов вечера 14 августа к арестованным явился офицер Венцель и заявил, что немецкая армия задержала этих людей, «чтобы выявить неблагонадежный элемент». На плач женщин, детей и на мольбу дать хоть немного воды нацисты отвечали избиением. В ночь с 14 на 15 августа все арестованные были раздеты до нижнего белья и вывезены на территорию психбольницы. Там их расстреляли из автоматов. Трупы были закопаны в трех больших ямах. Всех евреев, не явившихся на регистрацию, немецкие палачи хватали в квартирах, на улицах, бросали в специально оборудованные машины, вывозили за город и расстреливали. Из детских яслей № 11 немцами были взяты

и расстреляны на территории аэродрома три ребенка еврейского происхождения [1].

По рассказам очевидцев, нацистские оккупанты подвергали советских людей пыткам и издевательствам. Перед расстрелом на территории аэродрома пьяные офицеры и солдаты избивали женщин, детей, стариков, привлекательных девушек насиловали. Грудных детей отбирали у матерей и на их глазах закалывали штыками [1]. Немецкие палачи расстреляли 3500 человек на территории аэродрома и 500 человек на территории психбольницы [4].

По данным комиссии Ставропольского исполнительного комитета горсовета, в 300 м от психбольницы была обнаружена яма с 15 трупами. Трупные изменения были настолько велики, что опознать погибших было невозможно. Комиссией было установлено, что расстрел произведен в декабре 1942 г. Недалеко также расположена другая яма, наполненная трупами, в значительной степени разложившимися. На поверхности обнаружено тела мужчины преклонных лет и ребенка примерно 5 лет. Общее количество трупов в этой яме составило около 30 человек. Возле ямы – до 100 винтовочных патронов. В 10 м от этой ямы обнаружен колодец с более чем 150 трупами. Все они были расстреляны немецким гестапо также в декабре 1942 г. [2].

Все приведенные примеры, от которых и сейчас волосы встают дыбом, свидетельствуют о геноциде советского народа, и осуждение этих преступлений звучало сразу после войны. Уже в 1945 г. Л.Н. Смирнов, главный помощник главного обвинителя от СССР, в своем выступлении на Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками, проходившем с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., обратил внимание на уничтожение пациентов психиатрической больницы Ставрополя [14: 167]. В основу его выступления были положены материалы ЧГК. Основным методом уничтожения людей стало удушение угарным газом в машинах «газвагенах», или «душегубках», как их называли люди [3].

О геноциде еще в 1943 г. поведал советский писатель, член ЧГК на Северном Кавказе А.Н. Толстой. Практически ежедневно с февраля 1943 г. он по несколько часов общался со следователями, врачами, представителями НКВД, руководившими криминалистической экспертизой. Вместе с остальными членами группы он присутствовал при допросах, опросах, вскрытии могильников.

Много страшных сцен при эксгумации и опознании пришлось увидеть А.Н. Толстому [23].

Неведение многих граждан нашей страны о сути оккупационных действий нацистских войск и властей на захваченных территориях беспокоило писателя: «...еще не мало людей, живущих вдали от войны, с трудом и даже недоверием представляют себе противотанковые рвы, где под насыпанной землей – на полметра в глубину, на сто метров, протяжением – лежат почтенные граждане, старухи, профессора, красноармейцы вместе с костылями, школьники, молодые девушки, женщины, прижимающие истлевшими руками младенцев, у которых медицинская экспертиза обнаружила во рту землю, так как они были закопаны живыми» [23: 1]. Об этом должно знать подрастающее поколение нашей страны сегодня. Для молодежи, в основном получающей информацию из интернет-источников, трудно переоценить значение современных историко-документальных проектов, в частности архивного проекта «Без срока давности».

Экспертами на процессе, проходившем в Ставрополе в 2023 г., выступили и историки, много лет занимающиеся изучением событий войны и периода оккупации региона: профессор Н.Д. Судавцов, профессор И.В. Крючков, профессор А.В. Карташев [8; 9; 21]. И.В. Крючков, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), в интервью после процесса обратил внимание, что наше общество должно помнить о жертвах нацистов, «и не просто помнить, а напоминать. Человеческая память такова, что плохие события забываются, особенно когда не остается их свидетелей. Поэтому и появляются те, кто оправдывает Гитлера и его приспешников. Признание преступлений фашистов геноцидом станет некой преградой для этого, оправдание их поступков будет иметь уже более серьезные правовые последствия» [8].

Надеемся, что процессы о признании преступлений гитлеровских войск и их пособников во время Великой Отечественной войны геноцидом станут ограничителем для тех, кто попытается реабилитировать нацизм, «прививкой от нацизма», как и архивный проект «Без срока давности», помогут углубить знания о характере преступлений, позволят установить новые исторические

факты. Кроме того, они помогут сохранить память о жертвах нацизма у молодых граждан нашей страны. Координация образовательного, информационного, культурного пространства в этом вопросе необходима, поскольку знания о преступлениях гитлеровцев повышают ценность Победы 1945 г. в сознании молодежи.

Источники и литература

1. Акт комиссии о геноциде еврейского населения г. Ставрополя немецко-фашистскими оккупантами в августе 1942 г. 26 февраля 1943 г. // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/akt-komissii-o-genocide-evreyskogo-naseleniya-g-stavropolya-nemecko-fashistskimi-okkupantami-v> (дата обращения: 05.11.2023).

2. Акт комиссии об обнаружении в лесу места массового захоронения жителей г. Ставрополя, расстрелянных немецко-фашистскими оккупантами в декабре 1942 г. 20 февраля 1943 г. // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/akt-komissii-ob-obnaruzhenii-v-lesu-mesta-massovogo-zakhoroneniya-zhiteley-g-stavropolya> (дата обращения: 05.11.2023).

3 Акт комиссии Ставропольской психиатрической больницы об уничтожении пациентов больницы немецко-фашистскими оккупантами. 11 июля 1943 г. // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/akt-komissii-stavropolskoy-psikhiatricheskoy-bolnicy-ob-unichtozhenii-pacientov-bolnicy-nemecko> (дата обращения: 05.11.2023).

4. Акт Ставропольской краевой комиссии ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских войск в г. Ставрополе в период оккупации. 16 июля 1943 г. // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/akt-stavropolskoy-kraevoy-komissii-chgk-o-zlodeyaniyakh-nemecko-fashistskikh-voysk-v-g-stavropole-v> (дата обращения: 05.11.2023).

5. *Бочкарева З.В.* Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992.

6. *Войтенко Е.А.* Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны: 1941–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

7. Выписка из показаний свидетеля М.С. Коганера об уничтожении немецко-фашистскими оккупантами еврейского населения г. Ставрополя. 1943 г. // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/vypiska-iz-pokazaniy-svidetelya-ms-koganera-ob-unichtozhenii-nemecko-fashistskimi-okkupantami> (дата обращения: 05.09.2023).

8. «Душегубки» опробовали на Ставрополье. Фашистов осудили за геноцид 1940-х. URL: https://stav.aif.ru/society/dushegubki_oprobovali_na_stavropole_fashistov_osudili_zh_genocid_1940-h (дата обращения: 05.09.2023).

9. Егоренков А. Без срока давности: ставропольский суд признал геноцидом зверства в период ВОВ // Военное обозрение. 20.01.2023. URL: <https://topwar.ru/209165-bez-sroka-davnosti-stavropolskij-sud-priznal-genocidom-zverstva-nacistov-v-period-vov.html> (дата обращения: 05.11.2023).

10. Интервью с Гончаровым А.С. // Архив устной истории кафедры истории России СКФУ. Собиратель (далее – соб.) Е.Н. Стрекалова [Ф. 1. Оп. 3. № 0032].

11. Интервью со Жмырко С.Н. // Архив устной истории кафедры истории России СКФУ. Соб. Е.Н. Стрекалова [Ф. 1. Оп. 3. № 0035].

12. Интервью с Толстиковым А.П. // Архив устной истории кафедры истории России СКФУ. Соб. Е.Н. Стрекалова [Ф. 1. Оп. 3. № 0034].

13. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003.

14. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: в 8 т. Т. 7. М., 1997.

15. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: материалы и исследования / под ред. Е.Н. Стрекаловой. СПб., 2008.

16. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.

17. Справка УНКГБ по Ставропольскому краю «Фашистский кровавый разгул за период оккупации г. Ставрополя». Июнь 1943 г. // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/spravka-unkgb-po-stavropolskomu-krayu-fashistskiy-krovavyy-razgul-za-period-okkupacii-g-stavropolya> (дата обращения: 18.10.2023).

18. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / сост. В.В. Белоконь и др. Ставрополь, 2005.

19. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. С.И. Линца (отв. ред.), А.А. Аникеева, Г.И. Кольга. М., 2019.

20. *Стрекалова Е.Н.* Оккупация по данным устных источников (на материалах Ставрополья и Кубани) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2010. С. 413–416.

21. Суд признал геноцидом преступления фашистов на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://tass.ru/proisshествiya/16844711> (дата обращения: 18.10.2023).

22. *Тимченко М.* «Мазали детям губы ядом и хоронили живыми»: почему действия фашистов на Ставрополье признали геноцидом. URL: <https://pobeda26.ru/articles/obshhestvo/2023-01-20/mazali-detyam-guby-yadom-i-horonili-zhivymi-pochemu-deystviya-fashistov-na-stavropolie-priznali-genotsidom-247125> (дата обращения: 05.11.2023).

23. *Толстой А.Н.* Коричневый дурман. Молотов, 1943.

24. Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/> (дата обращения: 05.09.2023).

Раздел 6. Великая Отечественная война в пространстве памяти и культуры

В.В. Коровин

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «КУРСКАЯ БИТВА»¹

В день празднования 80-летия победы советских войск в Курской битве, 23 августа 2023 г., в присутствии президента РФ В.В. Путина был открыт мемориальный комплекс «Курская битва». Его созданию предшествовали десятилетия поиска оптимальных способов увековечения события, ознаменовавшего завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.

Уже осенью 1943 г. на северном фасе Курской дуги были открыты памятники Героям-артиллеристам и Героям-саперам, решение о сооружении которых принималось Военным советом Центрального фронта в конце июля 1943 г., когда его войска развивали успешное контрнаступление на позиции противника [2: 9–10].

В 1957 г., готовясь отметить 15-летие славной победы, органы власти Курской области обратились в Совет Министров РСФСР с предложением установить в областном центре главный монумент в честь разгрома немецко-фашистских войск под Курском. Эта идея была отвергнута Главным политическим управлением Министерства обороны СССР, предложившим установить памятники на местах непосредственных боев [4: 95–96].

В начале 1960-х гг. идея о строительстве мемориала в Курске была поддержана. По итогам творческого конкурса работы, связанные с его проектированием, поручались московским скульпторам братьям Артамоновым. Но местная художественная интеллигенция возмутилась игнорированием их видения будущего монумента. После направления в Министерство культуры РСФСР

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

писем с призывом привлечь курян к разработке проекта памятника такая возможность им была предоставлена, но сроки возведения будущего мемориала перенесли на неопределенное время [3: 96–98].

Одновременно к осмыслению темы выражения значения победы в Курской битве средствами монументального искусства приступил выдающийся отечественный скульптор Е.В. Вучетич. В 1966 г. подготовленный им проект был представлен общественности Курска, о чем свидетельствуют и кадры сохранившейся кинохроники, а затем прошел обсуждение на заседании художественно-экспертного совета Министерства культуры РСФСР. Автор посвятил коллег в суть своего замысла через художественное представление бескрайних просторов среднерусских степей, где столкнулись две глыбы, олицетворявшие военную мощь советских вооруженных сил и вермахта. В смертельной схватке одна из них надломила и разрушила другую. Так образно представлял историческое значение Курской битвы великий мастер, ветеран войны, стремясь донести его до каждого, кто увидит это 76-метровое монументальное сооружение [4: 107–109].

К сожалению, смерть скульптора в 1974 г. и привлечение к реализации проекта лиц, оказавшихся неспособными довести до логического завершения все задуманное Евгением Викторовичем, не позволили воплотить творческую идею мастера в жизнь. В 1979 г. проектирование главного монумента в честь победы в Курской битве поручается авторскому коллективу под руководством П.И. Бондаренко. Обсуждение и доработка его авторского решения затянулись на 10 лет. Но и проект П.И. Бондаренко не был реализован [3: 98–99].

С 1990-х гг. центр мемориализации победоносного завершения Курской битвы перемещается в Белгородскую область. В это время при поддержке федерального центра начинает активно возмещаться роль Прохоровского сражения в событиях лета 1943 г., что нашло отражение в создании государственного музея-заповедника «Прохоровское поле», начало которому было положено возведением памятника «Звонница» работы известного российского скульптора, курянина по рождению В.М. Клыкова [5: 220].

Своеобразным ответом на появление монументальных объектов в Прохоровке стало инициированное в конце 1990-х гг.

курским губернатором А.В. Рудским сооружение на северном въезде в областной центр мемориального комплекса «Курская дуга». Его смотровая площадка с образцами военой техники, храм-звонница во имя Святого Георгия и Триумфальная арка стали настоящими визитными карточками города [4: 260].

В 2000-е гг. продолжали устанавливаться новые памятники и на местах боев северного фаса Огненной дуги в Фатежском и Поньровском районах Курской области. По инициативе руководителя курского землячества в Москве, генерал-полковника милиции В.В. Пронина был создан мемориал «Поклонная высота 269» у с. Молотычи. На средства областного бюджета и пожертвования открылась вторая очередь мемориального комплекса «Героям северного фаса Курской дуги» в пос. Поньры и мемориал «Тепловские высоты» на высоте 274,5 у с. Ольховатка. Ряд памятных знаков установили студенты Юго-Западного государственного университета на основе результатов исследовательской работы в ЦАМО РФ [1].

22 июня 2019 г. по инициативе ветеранов органов военной контрразведки на станции Поньры была открыта мемориальная часовня. Ее возвели в память обо всех павших и пропавших без вести советских воинах, независимо от их места службы и национальности в рамках благотворительной программы «Молчаливое эхо войны». Именно тогда один из руководителей ветеранской организации контрразведчиков К.И. Яхиен высказал мысль о необходимости восстановления исторической справедливости в отношении событий, происходивших на северном фесе Курской дуги, через создание грандиозного мемориального комплекса, посвященного всем ее героям.

Губернатор Курской области Р.В. Старовойт принял решение о необходимости сооружения на поньровской земле величественного мемориала, посвященного победе в Курской битве. Идея его создания была поддержана Министром обороны РФ С.К. Шойгу, Парламентским Собранием Союзного государства Беларуси и России, депутатами Государственной Думы, Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, ФСБ России, ветеранскими организациями, участниками Великой Отечественной войны и жителями Курской области, а также общественными организациями других регионов.

Весной 2021 г. администрация Курской области провела региональный творческий конкурс по созданию идейно-художественной

концепции мемориального комплекса. Проектом заинтересовалось Российское военно-историческое общество (далее – РВИО). Оценив проделанную работу и значимость мемориала в деле сохранения исторической памяти, РВИО предложило организовать международный конкурс по разработке концепции мемориального комплекса.

30 сентября 2021 г. в московской штаб-квартире РВИО состоялось совещание, на котором обсуждались вопросы проектирования и сооружения мемориального комплекса «Курская битва». В рабочей встрече приняли участие помощник Президента РФ, председатель РВИО В.Р. Мединский, губернатор Курской области Р.В. Старовойт, заместитель министра обороны РФ, генерал армии Д.В. Булгаков, председатель попечительского совета межрегиональной общественной организации «Ветераны военной контрразведки» А.Г. Безверхний и другие. Участники совещания приняли решение о проведении Международного открытого творческого конкурса на лучшее архитектурно-художественное решение будущего мемориала.

12 января 2022 г. завершился прием конкурсной документации. Оргкомитет получил заявки на 17 авторских проектов, включая работы трех народных и двух заслуженных художников России. В распоряжение организаторов конкурса поступили и макеты предлагаемых скульптурных композиций. Необходимо отметить, что не все проекты отличались глубиной проработки и погружением в тему. Некоторые из них носили явно универсальный и конъюнктурный характер и, вероятно, неоднократно участвовали в подобных творческих испытаниях на военно-исторические темы.

В феврале 2022 г. состоялось очередное заседание организационного комитета по созданию мемориального комплекса «Курская битва». В ходе обсуждения представленных на конкурс материалов члены оргкомитета пришли к выводу, что проекты требуют доработки, поскольку они не в полной мере отражают масштаб сражения и память об этом важнейшем событии Великой Отечественной войны. В результате конкурс был продлен еще на месяц.

22 февраля 2022 г., в канун Дня защитника Отечества, у памятника воинам 2-й танковой армии на юго-восточной окраине пос. Поньры состоялось открытие закладного камня будущего мемориала. Торжественная церемония была проведена по соседству

с территорией будущего историко-культурного комплекса площадью почти 80 гектаров. В ней приняли участие губернатор Курской области Р.В. Старовойт, заместитель председателя РВИО Н.П. Овсиенко, представители общественных организаций и жители Поныровского района.

На второй этап конкурса было представлено 11 проектов. По итогам их рассмотрения в марте 2022 г. определились проекты-финалисты. К окончательному этапу отбора подошло два финальных проекта. 16 июня 2022 г. состоялось их обсуждение на Петербургском международном экономическом форуме. По итогам рассмотрения работ творческим советом РВИО авторам финальных проектов были даны рекомендации по доработке художественного облика произведений [5].

Финалистами Международного конкурса творческих проектов мемориального комплекса «Курская битва» стали предложение Студии военных художников имени М.Б. Грекова воплотить нереализованный проект Е.В. Вучетича, с учетом современных достижений монументального искусства, а также проект объединения художников – выпускников Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

«Глазуновцы» предложили изобразить подвиг советского воина-пехотинца в виде 10-метровой бронзовой фигуры, которая не дает сомкнуться двум надвигающимся на нее в стремительном наступлении клинью немецкой техники, стремившимся со стороны Орла и Белгорода прорваться к Курску.

Поскольку оргкомитет так и не смог окончательно определиться с победителем конкурса, было принято решение провести народное голосование в онлайн-формате. За первые дни свои голоса пронавившимся проектам отдали более 15 000 россиян. На протяжении двухмесячного опроса поддержка наиболее активными гражданами каждого варианта будущего мемориала была примерно равной. К моменту завершения голосования в нем приняли участие почти 48 тыс. человек. С незначительным перевесом большинство голосов было отдано проекту Студии военных художников.

По завершении голосования, 23 августа 2022 г., в день, когда отмечалась очередная годовщина разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве, были объявлены результаты общественного опроса и принято решение о реализации двух проектов в рамках

создания единого мемориального комплекса «Курская битва». Открытие его первой очереди было запланировано на 23 августа 2023 г. Таким образом, на воплощение творческой идеи выпускников Академии Ильи Глазунова, ставшем первым этапом возведения будущего мемориала, отводился один год.

Организацию и проведение всех строительных работ по подготовке выделенной площади к созданию мемориального комплекса взяла на себя Курская область. Практически в незасеянное черноземное поле требовалось провести водопровод и электричество, заново проложить линии связи и другие коммуникации, построить транспортную развязку с парковочными местами. За реализацию художественной части ответственность на себя взяло Российское военно-историческое общество. Предварительная инженерно-саперная обработка местности по разминированию территории, на которой летом 1943 г. велись активные боевые действия, осуществлялась силами Министерства обороны РФ.

Первая очередь мемориала была возведена в установленные сроки. По творческому замыслу авторов – скульптора Андрея Коробцова и архитектора Константина Фомина, она представляет собой архитектурно-художественную композицию, представляющую фигуру советского солдата, в мучительном усилии раздвигающего в стороны два металлических пилона из кортеновской стали с изображениями танковой техники вермахта. Это символ пехотных частей Красной армии, схлестнувшихся с фашистскими танковыми клиньями, – метафорическое изображение человеческого духа и нестигаемой воли, вступивших в смертельную схватку с бездушной машиной уничтожения. Стойкость и мужество советских пехотинцев не позволили врагу сомкнуть кольцо окружения. Рвавшиеся навстречу друг другу бронированные немецкие армады, были остановлены людьми, чье стремление защитить родную землю, и вера в правоту своего дела смогли одержать трудную, но очень важную победу, оказавшую огромное влияние на весь последующий ход войны.

К подножию фигуры советского воина ведет мощеная гранитными плитами дорожка, начинающаяся во входной группе мемориала. С обеих сторон она обрамлена металлическими пилонами, по форме напоминающими развернутые знамена, устремленные навстречу друг другу. Лицевой фасад пилонов представляет собой

стеклянную панель, на которую методом порошковой термопечати нанесены художественные изображения и информационные тексты, стилизованные под газеты и плакаты военных лет.

Скульптура солдата установлена на постаменте, возвышающемся на 2,5 м над земляной насыпью и представляющем собой устремленный к зрителю клин. Каждый из примыкающих к ней пилонов – художественная конструкция из кортеновской стали высотой 17 м, длиной более 30 м и глубиной 3 м. Высота каждого из 28 входных информационных пилонов составляет 2,8 м.

Торжественное открытие первой очереди мемориала «Курская битва» стало одним из самых ярких событий 2023 г. не только для курян, но и для гостей региона, принявших участие в праздничных мероприятиях. Прибывший на церемонию открытия мемориала президент России В.В. Путин поздравил россиян с 80-летием победы советских войск над немецко-фашистскими захватчиками в битве на Курской дуге и вручил государственные награды участникам специальной военной операции – экипажу танка Т-80 «Алеша», выстоявшему в одиночном бою с превосходящими силами бронетехники противника. В числе российских воинов, удостоенных звания Героя России за этот бой, был внук участника Курской битвы, ефрейтор Филипп Евсеев.

Для автора этих строк, принимавшего участие в церемонии открытия мемориала, самым трогательным ее моментом стала затянувшаяся в несколько раз минута молчания, в ходе которой 100-летний ветеран Великой Отечественной войны, военный летчик, курянин М.П. Жаков в сопровождении своей правнучки шел к подножию памятника для возложения букета полевых цветов.

На импровизированной сцене у основания памятника под аккомпанемент светового шоу в этот вечер выступили Всероссийский юношеский симфонический оркестр под управлением Юрия Башмета, актеры Константин Хабенский, Сергей Шакуров, Игорь Петренко, Михаил Пореченков. В память о героях великого сражения прозвучала музыка, написанная во время Великой Отечественной войны. Холодная и дождливая погода, установившаяся на поныровской земле, не смогла испортить общего праздничного настроения от восприятия произошедшего события.

С 24 августа 2023 г. мемориальный комплекс открыт для всех желающих. Только в течение первого месяца его посетили около

25 тыс. экскурсантов и более 100 тыс. человек самостоятельно. По инициативе региональных органов власти и при поддержке открытого акционерного общества «Российские железные дороги» в Поныри по выходным дням пущены специальные маршруты пригородных поездов. В перспективе – сооружение объектов туристского размещения.

Работа по возведению мемориального комплекса «Курская битва» продолжается. Открытие его второй очереди запланировано на 9 мая 2025 г., в день, когда наша страна будет отмечать 80-летие Великой Победы. К этому времени планируется соорудить воплощающий в себе творческую идею Е.В. Вучетича 30-метровый главный монумент. От скульптуры Солдата к нему будет вести стилизованное «Озеро слез». В авторских планах – строительство мемориальной часовни, нового музейного здания. Будут продолжены уже начавшиеся работы по озеленению территории, которая постепенно превратится в ландшафтно-парковую зону.

В целом создание мемориального комплекса «Курская битва» необходимо признать важным этапом работы по увековечению памяти ее событий и героев. Вместе с тем опыт разработки концепции мемориала и его художественного воплощения показал пренебрежительное отношение к использованию научного консультирования военных историков, специализирующихся на этой теме. Из 24 членов организационного комитета международного конкурса по созданию мемориального комплекса «Курская битва», кроме В.Р. Мединского, никто не был связан с исторической наукой. В результате даже в интерпретации сути происходивших событий авторами одного из проектов-победителей конкурса допускались серьезные противоречия.

Признавая значимость массового посещения мемориала курянами и гостями региона, приходится констатировать отсутствие единого концептуального подхода к проведению экскурсий, содержанию путевой информации, построению экскурсионного маршрута по северному фасу Курской дуги и перечню посещаемых объектов. Указанные обстоятельства снижают педагогический эффект от использования такого важного средства героико-патриотического воспитания, как военно-мемориальная и экскурсионная деятельность.

Решить указанные проблемы поможет объединение усилий органов власти и представителей научного сообщества в деле

не только сохранения памяти о героическом прошлом Отечества, но и предотвращения фальсификации его военной истории. Обвиняя в этом негативном явлении зарубежных пропагандистов, мы обязаны помнить, что обеспечивать объективное отражение собственной истории – это прежде всего наш святой долг.

Источники и литература

1. Головин Е.А., Коровин В.В. Участие современных студентов в мону-ментальной пропаганде подвигов защитников Отечества // Патриотическое воспитание в системе высшего образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой / отв. ред. И.В. Грибков, З.З. Мухина, Д.А. Хорват. М., 2022. С. 128–133.

2. Коровин В.В. Увековечение памяти героев и событий Курской битвы средствами монументальной пропаганды // Центр и периферия. 2023. № 2. С. 8–18.

3. Коровин В.В., Кизилова Е.В. Участие местной творческой интелли-генции в создании и обсуждении проектов монумента, посвященного победе в Курской битве (1957–1987 гг.) // Известия Воронежского госу-дарственного педагогического университета. 2019. № 3 (284). С. 96–100.

4. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Кизилова Е.В. «Теперь мы в граните и бронзе...»: Из опыта монументальной пропаганды событий и героев Курской битвы. Курск, 2020.

5. На ПМЭФ обсудили проекты Мемориального комплекса «Курская битва». URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/na-pmef-obsudili-proekty-memorialnogo-kompleksa-kurskaya-bitva?ysclid=lt1oxue83a750222775> (дата обращения: 15.03.2024).

А.Д. Попов, Е.А. Попова

«НЕОБХОДИМО ВОССТАНОВИТЬ КАК ДАНЬ УВАЖЕНИЯ К ВЕЛИКОМУ ПОДВИГУ...»: ПИСЬМА О ПОВЫШЕНИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО СТАТУСА ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ В ЛИЧНОМ АРХИВЕ С.С. СМЕРНОВА¹

Деятельность писателя, публициста, журналиста Сергея Сергее-вича Смирнова (1915–1976) важна для понимания мемориальных

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фон-да № 23-28-00812, <https://rscf.ru/project/23-28-00812/>.

процессов в советском обществе постсталинского периода. Он начал профессионально заниматься журналистикой еще в 1930-е гг., прошел путь фронтовика и фронтового корреспондента, а в первое послевоенное десятилетие являлся редактором «Воениздата» и заместителем главного редактора журнала «Новый мир». Но именно в период оттепели он приобрел общесоюзную известность и сформировал собственный узнаваемый медийный бренд благодаря серии книг, циклу популярных радио-, а затем и телепередач, посвященных «забытым героям» и «неудобным страницам» истории Великой Отечественной войны. Главным достижением его мемориальной активности принято считать признание на всех уровнях героического подвига защитников Брестской крепости. Также С.С. Смирнов был автором работ об обороне Лиепайи и Аджимушкайских каменоломен, о боях за Днепр и Будапешт – публицистических по стилю, но в содержательном плане основанных на документальных источниках, интервью, воспоминаниях очевидцев [3: 225–226]. Причем его трактовки военных событий 1941–1945 гг. могли существенно расходиться с официальной позицией, в формировании которой важную роль играло Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота (далее – ГлавПУР). Так, в первой половине 1960-х гг. начальник ГлавПУРа А.А. Епишев даже пытался воздействовать на Смирнова через ЦК КПСС, стремясь минимизировать и взять под контроль его публичную активность (см.: [4: 681–682]).

В конце 1940-х – первой половине 1960-х гг. праздник Победы (9 Мая) в СССР не был выходным праздничным днем, что являлось следствием позднесталинской, а затем хрущевской политики памяти (см.: [5]). Однако такое положение негативно воспринималось большинством населения, особенно – десятками миллионов бывших участников Великой Отечественной войны. Советские граждане придавали дате 9 мая особое значение и, как минимум, считали ее равнозначной главным политическим праздникам СССР – годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и Дню международной солидарности трудящихся. Аргументировалось это тем, что «не было бы этого дня, дня Победы, не было бы 1 мая и 7 ноября» [10: 69]. А поскольку указом Верховного Совета СССР от 24 декабря 1947 г. выходной день вместо 9 мая был фактически перенесен на 1 января, то отдельные граждане

и спустя почти 20 лет после принятия этого решения называли «позором» то, что «День Победы заменен новогодней выпивкой и танцулькой» [1: 23].

Особый резонанс тема повышения символического статуса праздника Победы получила в 1964 – начале 1965 г., вскоре после отстранения от власти Н.С. Хрущева. К тому времени Смирнов уже имел общесоюзную известность, связанную с освещением им темы Великой Отечественной войны, в том числе стал лауреатом Ленинской премии за книгу «Брестская крепость». При этом он вел активную переписку с очевидцами исторических событий, участниками войны и их родственниками, в том числе помогая им в решении различных практических вопросов. Из-за этого друзья в шутку называли его «комитетом справедливости», а крымский поэт Борис Серман в своих воспоминаниях о Смирнове отмечал, что «к нему тянулись тысячи людей, масштабы его забот и поисков были огромны» [2: 71–72, 156].

Ценным источником информации для исследователей отечественной военной истории, мемориальной культуры и советской политики памяти является личный архив С.С. Смирнова в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, фонд 2528), включающий 4223 единицы хранения. На связь Смирнова с темой повышения символического статуса Дня Победы, ссылаясь именно на документы этого фонда, впервые обратила внимание исследовательница Кира Вальтер в своей магистерской диссертации «Конструирование памяти о Великой Отечественной войне: празднование 20-летия Победы в 1965 г.» [1: 12, 20–24]. По ее утверждению, в личном фонде писателя она выявила более 250 писем на данную тему, сформированных в 8 единиц хранения, на которые она ссылается в своей работе (оп. 5, д. 240–243, 245–246, 272; оп. 6, д. 553). Письма датируются декабрем 1964 – апрелем 1965 г., и данный хронологический диапазон обусловлен тем, что Смирнов целенаправленно поднимал вопрос о предстоящем 20-летию Победы в своих радиопередачах 4 декабря 1964 г. и 12 февраля 1965 г., что и вызывало поток тематической корреспонденции.

Примечательно, что значительное количество людей направляло свои письма, в том числе с мнениями и инициативами по данному вопросу, не напрямую в органы власти, а лично Смирнову. По всей видимости, они надеялись, что он сможет более

эффективно донести их точку зрения «наверх» [1: 22], то есть фактически журналист должен был играть роль посредника-медиатора в решении важного мемориального вопроса. Такое делегирование, по всей видимости, было связано не только с персональной популярностью Смирнова, но и с тем, что рядовые ветераны в то время не имели эффективно работающего специализированного институционального механизма защиты своих интересов. Созданный еще в 1956 г. Советский комитет ветеранов войны имел ограниченную, в основном международную направленность деятельности и вплоть до конца февраля – марта 1965 г. не мог даже юридически создавать местные отделения (см.: [11; 12: 331–333]).

В процессе нашего знакомства с личным фондом Смирнова в РГАЛИ был выявлен еще ряд архивных дел на данную тему, в том числе обобщающий обзор полученных писем с предложениями в связи с празднованием 20-летия Победы в Великой Отечественной войне [6: 38–80]. Составителем обзора, по всей видимости, был сам Смирнов. В нем предложенные авторами писем инициативы разделены на следующие тематические блоки, в совокупности охватывающие политические, коммеморативные и социальные вопросы: 1) «Об учреждении знаков и медалей»; 2) «О праздновании»; 3) «Об увековечении памяти погибших»; 4) «О льготах» (отдельно – для инвалидов Великой Отечественной войны, отдельно – для ветеранов-орденоносцев).

На первое место в обзоре был вынесен поднимавшийся в значительном количестве писем вопрос наград и знаков отличия. В частности, предлагалось учредить «Орден благодарности поколений», медаль в честь 20-летия Победы, медаль для инвалидов Великой Отечественной войны, а также особые памятные знаки для бывших партизан и участников войны, получивших ранения [6: 39–40]. Но не менее интересным было наличие не менее восьми писем с предложением изменить дизайн и произвести обмен учрежденной 9 мая 1945 г. медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Необходимость такого нетривиального действия авторы писем объясняли тем, что на медали был изображен профиль И.В. Сталина. После двух этапов официального разоблачения сталинского культа личности в 1956 и 1961 гг. ношение в публичных местах медали такого вида некоторые награжденные считали неприемлемым, аргументируя

это тем, что «медаль должна отражать подвиг всего народа, а не прославлять Сталина» [9: 63].

Лейтмотивом всех просмотренных нами писем Смирнову по поводу предстоящего 20-летия окончания Великой Отечественной войны был призыв восстановить особый статус Дня Победы, поскольку это воспринималось «как дань уважения к великому подвигу советского народа» [10: 13]. С точки зрения содержательной программы праздничных мероприятий высказывались различные предложения – провести 9 мая военные парады в Москве и столицах союзных республик, организовать торжественный прием Героев Советского Союза в Кремле, народные гуляния, встречи однополчан, награждения и чествования ветеранов войны. Но были и более оригинальные предложения. Автор одного из писем предложил 9 мая объявить по всей стране минуту молчания с приостановкой движения транспорта в память о погибших, что фактически дублировало ритуал, ежегодно проводимый 11 ноября в Великобритании со времени окончания Первой мировой войны. Другой адресант считал, что необходимо не просто сделать нерабочим днем 9 мая, а ежегодно праздновать «Неделю победы» с 3 по 9 мая [10: 71]. Также в отдельных письмах предлагалось уделять большее внимание дате 22 июня, сделав ее «Днем памяти о погибших» [6: 45].

Еще одним важным направлением сформулированных в письмах инициатив было дальнейшее увековечение памяти о Великой Отечественной войне через создание новых мемориальных объектов. Например, высказывалась идея создания некоего «Всемирного памятника погибшим от фашизма», говорилось также о мемориализации территории бывших лагерей смерти и мест уничтожения нацистами мирного населения, о необходимости установления новых мемориальных досок. Строительство новых памятников и мемориалов предлагалось осуществлять в том числе на общественных началах, с привлечением народных средств [6: 47]. Также высказывалась мысль о необходимости создавать памятники только на основе открытых творческих конкурсов, «чтобы народ, а не избранные, решил, какой проект достоин быть воплощен в мрамор и гранит» [7: 13]. Интересно, что в этот тематический блок составитель обзора поместил и инициативу создания в населенных пунктах «Книг почетных граждан», в том

числе погибших в годы Великой Отечественной войны. Фактически эта идея предвосхитила создание «Книг памяти», которое стало широко реализовываться на четверть века позже – на рубеже 1980–1990-х гг.

Как справедливо отмечает К. Вальтер, в письмах Смирнову по поводу повышения статуса праздника Победы значительное внимание уделялось социальным вопросам, которые причудливо переплетались с вопросами воспитательно-педагогическими. Ряд авторов писем высказывали мнение, что бывшие участники Великой Отечественной войны, в том числе инвалиды и награжденные боевыми наградами, не пользуются достаточным уважением молодежи, поскольку молодые люди видят, что государство уделяет мало внимания материальному поощрению ветеранов, сокращает меры социальной помощи, минимизирует выплаты за ордена и медали [1: 24]. Авторы писем считали такое положение дел ненормальным и предлагали предоставлять получившим инвалидность и награжденным участникам войны очень широкий спектр социальных льгот и преференций: назначение пенсий и иных выплат, приоритетное трудоустройство и обеспечение жильем, бесплатное санаторное лечение и проезд на транспорте, льготное (бесплатно или в кредит) получение легковых автомобилей и даже создание для них спецмагазинов с расширенным ассортиментом товаров. Данный блок интересен также тем, что в нем относительно ветеранов-орденоносцев выделялись и «льготы морального характера» – право выступать в прессе, участвовать в различных мероприятиях, быть представленными на специальных Досках почета [6: 62–63]. Также озвучивалась мысль о дифференциации льгот в зависимости от статуса и количества наград [8: 79].

Таким образом, тема приближавшегося празднования 20-летия Победы, не очень широко освещавшаяся в советской прессе вплоть до апреля 1965 г. (поскольку до того времени государственно-партийные органы еще до конца не определились с масштабами и форматом праздничных мероприятий), стала поводом для многочисленных адресантов С.С. Смирнова высказать свое отношение к имевшемуся на тот момент символическому статусу Великой Отечественной войны, мерам социальной поддержки ее участников, а также реализуемым в обществе коммеморативным практикам. И в этом плане данные письма важны для реконструкции

мемориальной повестки того времени во всех ее аспектах и требуют дальнейшего изучения. На данный момент у нас нет никаких сведений о том, передавал ли Смирнов эту информацию каким-то официальным лицам, органам власти. Можно лишь констатировать, что де-факто некоторая часть из накопившихся проблем мемориализации была решена в результате беспрецедентных по масштабам мер, реализованных на официальном уровне в связи с празднованием 20-летней годовщины Великой Победы в 1965 г. (например, учреждение медали в честь этой даты) (подробнее см.: [5: 109–113]). Но многие из этих проблем так и не были решены ни во второй половине 1960-х гг., ни даже на протяжении всего последующего советского периода, создавая условия для возникновения перманентных, хотя часто скрытых от широкой общественности мемориальных конфликтов.

Источники и литература

1. *Вальтер К.Г.* Конструирование памяти о Великой Отечественной войне: празднование 20-летия Победы в 1965 г. Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация). СПб., 2021.
2. Воспоминания о С.С. Смирнове / сост. Ю.Ф. Стрехнин, К.С. Смирнов. М., 1987.
3. *Казанцева И.А.* К проблеме документализма (на материале творчества С.С. Смирнова) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 1. С. 224–232.
4. Письмо начальника Главного политического управления СА и ВМФ А.А. Епишева в ЦК КПСС о неточностях в освещении событий Великой Отечественной войны писателем С.С. Смирновым // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. Документы. М., 2005. С. 681–682.
5. *Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В.* Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти 1945–1965 гг. // Российская история. 2023. № 3. С. 95–114.
6. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 2. Д. 28.
7. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 3. Д. 386.
8. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 5. Д. 220.
9. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 7. Д. 219.
10. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 7. Д. 225.
11. *Сак К.В., Попов А.Д.* Глобальный мир и фронтовые раны: создание Советского комитета ветеранов войны и противоречия политики памяти в СССР 1950-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4 (63). С. 108–121.

12. Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны: народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991. М., 2023.

К.И. Ремишевский

ВКЛАД РОСТОВСКИХ ФРОНТОВЫХ КИНОДОКУМЕНТАЛИСТОВ В СОЗДАНИЕ КИНОЛЕТОПИСИ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ

В системе экранных искусств и звукозрительной информации ведущую роль играет документальное изображение. Это обусловлено высочайшей фактографической доказательностью хроникального кинокадра, эффектом удвоения реальности, придающим кинодокументальному кадру особую художественную силу. Говоря об удвоении реальности, мы имеем в виду, что в кинодокументалистике прямое воссоздание иллюзорного экранного двойника реального мира выступает в качестве главной методологической основы творчества и является фундаментом организации всего экранного материала.

Использование в аудиовизуальном сообщении документальных образов, воспринимаемых зрителем в качестве заведомо достоверных, оказывает мощное, еще не до конца раскрытое в теории кинодокументализма воздействие на сознание зрителя.

Уникальный пропагандистский потенциал кинохроникальных сообщений был широко и эффективно использован руководителями государства, киноотрасли и самими кинодокументалистами в годы Великой Отечественной войны. Советский кинохроникальный процесс, уже в начале 1930-х гг. ставший всеохватным по многообразию отображаемого материала, в годы суровых испытаний не только получил всемерную государственную поддержку, но и занял лидирующие позиции среди других видов искусства, стал его творческим авангардом. Вполне закономерно, что достижения советской фронтовой кинодокументалистики в эти годы были отмечены беспрецедентным количеством высоких наград: 14 документальных кинолент были удостоены Сталинской премии, а их авторы – 67 кинооператоров, 17 режиссеров и один сценарист – стали лауреатами Сталинской премии.

Качественная и количественная оценка кинолетописного процесса 1941–1945 гг. была дана уже вскоре после окончания войны. В 1947 г. вышла в свет этапная работа военного историка В.П. Смирнова

«Документальные фильмы о Великой Отечественной войне» [7], заложившая основу для дальнейших исследований главным образом в сфере искусствоведения и истории советского кинематографа.

Во вступительной части этой книги автор сообщает, что «за период войны советского народа против гитлеровской Германии и империалистической Японии фронтовые операторы засняли свыше 3,5 миллиона метров пленки (на просмотр киноматериала такого объема потребовалось бы около 2000 часов или более 83 суток. – *Прим. авт.*). Всё это был материал огромной исторической ценности, часть которого вошла в различные документальные фильмы, киновыпуски и журналы, а остальная – в специальный фонд “Кинолетопись Великой Отечественной войны”» [7: 8].

В далеком 1947 г. автор цитируемого издания ясно понимал, что кинодокумент, причем созданный не только на фронте, но и во втором эшелоне или глубоком тылу, должен рассматриваться как самодостаточный источник исторических сведений: «По этим кинодокументам, в которых нашли свое яркое отражение все наиболее важные и крупные операции доблестной Красной Армии и Военно-Морского Флота, наши современники и потомки с волнением будут изучать беспрецедентную в истории борьбу советского народа за честь, свободу и независимость своей Родины. В них достойно увековечены героические подвиги Красной Армии и запечатлены на пленку мощь и сила советского оружия, слава сталинской военной стратегии» [7: 8].

Спустя почти 80 лет после окончания войны очевидны два факта: с одной стороны, исторически значимый хроникальный кинодокумент не занял подобающего ему места в исторических науках, а с другой – чрезвычайно обширная кинолетопись Великой Отечественной подверглась всестороннему исследованию, атрибуции, систематизации и каталогизации.

В этой связи чрезвычайно плодотворными представляются локальные научные исследования, позволяющие пролить свет на малоизвестные, а порой и совершенно не изучавшиеся ранее колледжи фронтовых кинодокументов, а также человеческие и творческие судьбы их создателей.

Плита мемориального монумента, установленного 15 мая 2015 г. в историческом центре Ростова-на-Дону, сохранила для потомков имена 11 фронтовых кинооператоров Ростовской

студии кинохроники: Гая Григорьевича Асланова, Теодора Захаровича Бунимовича, Асланбека Дзодзомовича Каирова, Кенана Абдуреимовича Кутуб-заде, Леонида (Леона) Борисовича Мазрухо, Бориса Исааковича Маневича, Виктора Александровича Петрова, Михаила Ивановича Пойченко, Георгия Фёдоровича Попова, Александра Ильича Смолка, Давида Григорьевича Шоломовича. Их личная и производственная судьба на разных этапах творческой карьеры была связана с Ростовом. Л. Мазрухо и Б. Маневич работали здесь еще в 1930-е гг. Прихотливо сложился жизненный путь К. Кутуб-заде: с 1925 по 1929 гг. он был кинохроникером Ялтинской киностудии Всеукраинского фотокиноуправления, позже работал в Казани на кинофабрике «Востоккино», а с июля 1937 г. – на Московской студии кинохроники. В штат Ростовской студии кинохроники К. Кутуб-заде был зачислен в 1949 г., где проработал более 30 лет, по конец 1980 г. В послевоенные годы на ростовскую киностудию пришли вчерашние фронтовые кинодокументалисты Г. Асланов, Д. Шоломович, М. Пойченко и Г. Попов.

По меньшей мере трое из одиннадцати упомянутых кинооператоров – Кенан Кутуб-заде, Теодор Бунимович и Михаил Пойченко – в годы войны внесли существенный вклад в создание масштабной кинолетописи освобождения Беларуси и борьбы белорусского народа за свою независимость. Российским киноведением этот сегмент общесоюзного кинохроникального процесса рассматривался лишь фрагментарно, поэтому представляется необходимым более подробно осветить эти эпизоды творческой деятельности кинохроникеров Юга России, описать и охарактеризовать некоторые из созданных ими кинорепортажей и очерков, посвященных белорусской тематике.

Безусловным феноменом общесоюзного хроникально-документального кинопроцесса являются два десятка выпусков киножурнала «Савецкая Беларусь», вышедших к зрителю в период с августа 1942 по февраль 1944 г. Возобновление регулярного выпуска национального белорусского киножурнала в условиях полной оккупации Беларуси врагом стало символическим актом, не имевшим аналогов ни в одном из оккупированных государств Европы и республик Советского Союза [5: 148–265].

Выходу в свет первого, стартового выпуска белорусского киножурнала, завершенного в конце июля 1942 г., предшествовала

напряженная организационная работа, начатая еще за полгода до этого. Дальнейшую судьбу кинопроекта, его право на жизнь должен был определить не только мобилизационно-пропагандистский, но и художественно-эстетический уровень кинопроизведения. И выпуск, составленный из четырех сюжетов, вне всяких сомнений, оказался соответствующим всем требованиям высокого искусства.

Решающий вклад в то, что пилотный хроникальный выпуск был восторженно принят руководством страны, киноотрасли, зрителями и кинематографической общественностью, внес талант и профессионализм кинодокументалиста Кенана Кутуб-заде. Заметим, что снятый им сюжет «Народная артистка СССР і БССР Александроўская ў сваіх землякоў-беларусаў на Калінінскім фронце» (рис. 1) по монтажу стоял четвертым, то есть завершал выпуск, а следовательно, оказывал на зрителя наибольшее эмоциональное воздействие [1].

Рис. 1. Кадры из сюжета «Народная артистка СССР і БССР Александроўская ў сваіх землякоў-беларусаў на Калінінскім фронце»

Рис. 2. Кадры из сюжета «Раздавим фашистскую гадзину»

В сентябре 1942 г. по заданию Белорусской студии кинохроники, базировавшейся в то время на Центральной студии кинохроники в Москве, К. Кутуб-заде снял для киножурнала «Савецкая Беларусь» еще два сюжета, посвященных теме сопротивления нацистскому порабощению. Первый [2] знакомил с работой редакции русско- и белорусскоязычного издания «Раздавим фашистскую гадзину» (рис. 2). Одноименный боевой листок, иллюстрированный шаржами и общепонятными остросатирическими рисунками, создавался для переброски на территории, оккупированные фашистскими захватчиками, и предназначался в первую очередь для населения и партизан. В нем печатались произведения Янки Купалы и Якуба Коласа, Петруся Бровки и Кондрата Крапывы, Кузьмы Чёрного и Максима Лужанина, Василя Витки и Ильи Гурского. Кинокадры К. Кутуб-заде запечатлели повседневную работу выдающихся деятелей белорусской литературы – поэтов Максима Танка, Петруся Бровки, Анатолия Астрейко. На документальном киноэкране их увидели благодаря таланту российского кинодокументалиста крымско-татарского происхождения, родившегося в Константинополе.

Второй сюжет К. Кутуб-заде, вошедший в октябрьский выпуск «Савецкай Беларусі» за 1942 г., получил название «Узнагарода Радзімы» [2] (рис. 3). С точки зрения жанровой классификации, это протокольный кинорепортаж о награждении советских солдат и офицеров, находившихся на лечении в тыловом госпитале, боевыми орденами и медалями. Эмоционального воздействия на зрительскую аудиторию удалось добиться путем включения в монтаж синхронных кадров, снятых К. Кутуб-заде. Офицер-белорус Шахнович

делится впечатлениями о только что завершившейся процедуре награждения: «Сегодня награды получают сыны разных национальностей нашего необъятного Советского Союза. Здесь получили награды украинцы, русские, евреи. Я – сын белорусского народа. Мы все сплочены вокруг нашего любимого товарища Сталина!» [2].

В марте 1943 г. К. Кутуб-заде снял для белорусской кинопериодики еще два сюжета: «Партызаны і франтавікі знаходзяць сваіх родных» и «3 нямецкага тылу», которые были включены в апрельский выпуск киножурнала «Савецкая Беларусь», 1943, № 4 [3].

Первый киноочерк (рис. 4), снятый с использованием постановочных методов, знакомит с работой Бюро по розыску эвакуированных белорусов, созданного по распоряжению правительства Белорусской ССР. Подтверждением важности этой темы служит тот факт, что, согласно справке заместителя председателя Совета народных комиссаров БССР И.А. Крупени, в августе 1942 г., количество эвакуированного населения из Белорусской ССР вглубь страны составляло примерно 700 тыс. человек» [4: 145].

Рис. 3. Кадры из сюжета «Узнагарода Радзімы»

Рис. 4. Кадры из сюжета «Партизаны і франтавікі знаходзяць сваіх родных»

Очевидно, что наделенный безупречным художественным вкусом кинодокументалист Кенан Кутуб-заде получил задание снять не событийный репортаж, а так называемый проблемный очерк. Поэтому драматургический стержень следовало или подсмотреть в реальной жизни, или... срежиссировать. К сожалению, инсценированный эпизод случайной встречи в бюро двух уроженцев Беларуси, фронтовиков Сенкевича и Бруйка, оказался неубедительным, что снизило уровень зрительского доверия к сюжету в целом [3].

Второй сюжет – «3 немецкага тылу» (рис. 5) – был снят в Центральном детском эвакуационном приемнике, где проходили реабилитацию вывезенные из оккупированных районов Беларуси дети фронтовиков и партизан. Детская столовая: заботливая нянечка помогает маленьким детям управляться с приборами и посудой, следит за тем, чтобы никто не остался обделенным. В комнате для занятий воспитатель эвакуприемника собрал мальчишек 11–14 лет. Они вспоминают о своей жизни в условиях оккупации, о вкладе в борьбу против ненавистных поработителей.

Рис. 5. Кадры из сюжета «3 немецкага тылу»

В группе детей привлекают внимание два не по годам серьезных парня. Закадровый комментарий представляет главных героев хроникального сюжета: «3 горада Барысава сюды прыбылі два баявых таварышы, юныя партызана – Алесь і Міхась. Наш кінааператар [Кенан Кутуб-задэ] запісаў на плёнку расказ Міхася. Слухайце яго!»

Рассказывает Михась Бутвиловский: «В городе Борисове находился склад с оружием. Утречком мы подходили к этому складу и наблюдали за немецким часовым. Когда часовой отходил от склада метров на сто – сто пятьдесят, один из нас через окошко лазил в склад и выбрасывал оружие. Оружие мы прятали в окопах. Перетаскали мы оружия – винтовок, полуавтоматов, автоматов, пулеметов – около четырехсот. Вскоре выследила нас немецкая жандармерия, и мы ушли в партизанский отряд» [3].

Менее удачно сложилась прокатная судьба кинолетописного материала, снятого на земле Беларуси ростовскими кинодокументалистами Теодором Бунимовичем и Михаилом Пойченко. В период проведения стратегической наступательной операции «Багратион» этот материал, судя по всему, всесоюзной кинопериодикой

не репрезентировался и при монтаже документальных кинолент не использовался. О содержании кинолентописи сегодня можно судить лишь на основе ряда операторских съемочно-монтажных листов, любезно предоставленных автору статьи в 2019 г. известным российским историком кино доктором искусствоведения В.И. Фоминым, а также небольшой коллекции пояснительных записок, хранящихся в фондах Российского государственного архива кинофотодокументов (г. Красногорск).

Путеводной нитью, предоставляющей возможность выявить и атрибутировать ранее не изученный киноматериал, выступает текст монтажного листа, составленного 6 июля 1944 г. начальником киногруппы 1-го Белорусского фронта кинорежиссером Фёдором Ивановичем Киселёвым [8]. Значительную историческую ценность представляет кинолентопись освобождения северо-западной части Беларуси – Гродненщины – региона чрезвычайно важного в преддверии выхода на границы Восточной Пруссии. Так, недавно выявленный съемочно-монтажный лист оператора 2-го Белорусского фронта М. Пойченко содержит подробные описания кинокадров, снятых им с 1 по 15 июля 1944 г. на подступах и на улицах Гродно, включая эпизоды переправы соединений Красной армии через р. Неман и похорон фронтового оператора А. Солодкова [6].

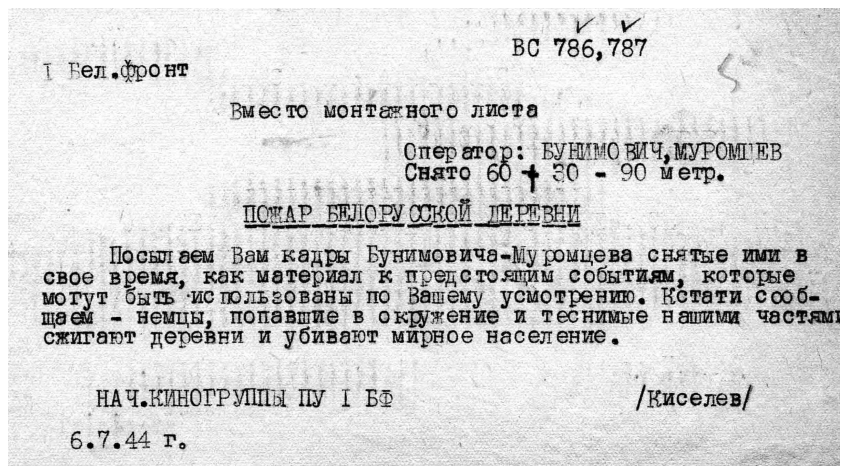

Рис. 7. Пояснительная записка к киноматериалу
«Пожар белорусской деревни» фронтовых операторов Т. Бунимовича
и В. Муромцева, 6 июля 1944 г.

В заключение подчеркнем, что обращение к монтажным листам, пояснительным запискам и разнообразным организационно-распорядительным документам является не самоцелью, а выполняет инструментальные функции, поскольку значительная часть кинолетописи Великой Отечественной до настоящего времени не атрибутирована и не каталогизирована. Локальным, но крайне важным этапом системного изучения фронтового кинолетописного наследия могла бы стать серия научно-исследовательских проектов, направленных на выявление киноматериала, созданного российскими кинодокументалистами – выходцами с разных студий кинохроники. В части выявления и изучения вклада ростовских фронтовых кинооператоров существенный задел уже сформирован. Дело остается за малым – необходимо объединить усилия белорусских и российских исследователей, что позволит активизировать поисковую работу в киноархивах Беларуси и России, направленную на формирование единого культурного пространства двух союзных государств.

Источники и литература

1. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (далее – БГАКФФД). Киножурнал «Савецкая Беларусь». 1942. № 1. Арх. № 0149.
2. БГАКФФД. Киножурнал «Савецкая Беларусь». 1942. № 3. Арх. № 0151.
3. БГАКФФД. Киножурнал «Савецкая Беларусь». 1943. № 4. Арх. № 0155.
4. Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г. – 1944 г.: сборник документов и материалов. Вып. 1. Июль 1941 г. – 1942 г. Минск, 2010.
5. *Ремишевский К.И.* «Врагу беспощадная лютая месть!»: кинолетопись и киножурнал «Савецкая Беларусь» огненных лет (июнь 1941 – ноябрь 1945 года). Минск, 2022.
6. Российский государственный архив кинофотофонодокументов. Съёмочно-монтажный лист фронтового оператора М.И. Пойченко «Гродно». Л. 1–3. Арх. № 6537.
7. *Смирнов В.П.* Документальные фильмы о Великой Отечественной войне. М., 1947.
8. Электронный мультимедийный ресурс «Кинолетопись освобождения Беларуси». Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, 2020. Съёмочно-монтажный лист фронтовых кинодокументалистов Т. Бунимовича, В. Муромцева, начальник киногруппы 1-го Белорусского фронта Ф. Киселёв, 6 июля 1944 г.

А.Д. Осмаев, Е.М. Горюшина

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Сохранение и трансляция памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. представляют собой важнейшие направления государственной политики Российской Федерации. Вследствие этого сформировалась «определенная тональность, в которой допустимо говорить о событиях Второй мировой, и ограничивается круг тем» [15], возможных для научной дискуссии. Тема Великой Отечественной войны в современной России оказалась не просто политически обусловленной, но и чрезвычайно чувствительной. В политике памяти это выразилось в появлении еще в 1995 г. федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В его преамбуле подчеркивается, что сохранение памяти «о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость» представляется историческим императивом для общества и государства [17].

Представители всех народов СССР внесли свой вклад в Победу. Только из Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – ЧИАССР) на фронтах Великой Отечественной воевали около 50 тыс. человек [16: 90] шестеро чеченцев стали Героями Советского Союза. Тем не менее события 1943–1944 гг. для балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, чеченцев прочно связаны с ликвидацией их автономных образований и насильственным выселением в Среднюю Азию на основании незаконных обвинений [7].

Великая Отечественная война в мемориальной культуре Чеченской Республики неразрывно связана с процессом опровержения обвинений в коллаборационизме и предательстве. Поэтому процесс мемориализации в постсоветской и постконфликтной Чеченской Республике оказался консолидирующей силой в условиях восстановления республики [6].

В первую очередь это отразилось в изменениях мемориального ландшафта чеченской столицы. Еще в советские годы ряд

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-28-01643, <https://rscf.ru/project/23-28-01643/>.

улиц г. Грозного носил имена участников Великой Отечественной войны, однако среди них за редким исключением отсутствовали имена чеченцев и ингушей. Эта ситуация стала меняться с окончанием активной фазы вооруженных действий 1999–2009 гг.

В настоящей статье представлены результаты полевых исследований, анализа и обработки официальных и неофициальных устных и письменных источников, связанных с формированием мемориальной культуры Великой Отечественной войны в современной Чеченской Республике.

Символической точкой сборки ландшафта Грозного выступает Мемориальный комплекс Славы имени А.А. Кадырова, посвященный Победе в Великой Отечественной войне. Однако его название указывает и на увековечение имени первого президента Чеченской Республики, погибшего в результате теракта 9 мая 2004 г. Комплекс впечатляет масштабом и был открыт 8 мая 2010 г., накануне 65-летия Победы. На его территории установлены бюсты Героев Советского Союза (уроженцев ЧИАССР) и военная техника разного времени [13].

Показать в символической форме значение Грозного во время Великой Отечественной войны призвана стела «Город воинской славы», расположенная в центре мемориального городского пространства напротив мечети «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова. Почетного звания город был удостоен 6 апреля 2015 г. «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города...» [16] и в честь 70-летия Победы.

Спустя три года Р.А. Кадыров открыл памятник командиру взвода, Герою Советского Союза Ханпаше Нурадилову, уничтожившему 920 фашистов [12]. Мемориал был установлен на проспекте Ахмата Кадырова 9 мая 2018 г. После этого, 6 сентября 2018 г., в День Чеченской Республики, на территории Мемориального комплекса Славы имени А.А. Кадырова в одном ряду с десятью Героями Советского Союза – уроженцами ЧИАССР был также установлен бюст Х.Н. Нурадилова. В советские годы Нурадилову был поставлен бюст на территории колонии для подростков в с. Старая Сунжа (в настоящее время городской поселок Ахматовского района г. Грозного) и в его честь названа улица в чеченской столице.

Памятник-бюст другому Герою Советского Союза, военному летчику времен Великой Отечественной войны Ф.Б. Бубликову,

был открыт 8 октября 2014 г. на Центральном грозненском кладбище. Этот мемориальный объект примечателен тем, что был установлен еще в 1972 г., но разрушен в ходе вооруженных действий постсоветского конфликта и восстановлен руками учителя живописи и рисования Автуринской детской школы искусств И. Хатуева. На этом же кладбище расположены надгробные памятники многим участникам Великой Отечественной войны [1]. Известно, что в 1950 г. здесь были перезахоронены останки погибших советских воинов: из 7 братских и 85 одиночных могил они были перенесены в общую братскую могилу, над которой установлен памятник скульптора И. Твердохлебова. В течение нескольких лет памятник пять раз подвергался реконструкции (в 1975, 2007, 2009, 2011, 2012 гг.), а в настоящее время стал одним из ключевых мест памяти, связанных с Великой Отечественной войной в Чеченской Республике.

У входа в главный корпус Грозненского государственного нефтяного университета имени академика М.Д. Миллионщикова в марте 2021 г. был восстановлен памятник преподавателям и студентам-участникам войны (шесть из них стали Героями Советского Союза), который впервые был установлен перед другим, разрушенным в ходе боевых действий 1994–1996 гг., корпусом университета в 1985 г. [11].

В преддверии 65-летия Победы – в апреле 2010 г. – именами ветеранов войны была названа 21 улица чеченской столицы, а к 70-летию – еще 19 улиц столицы стали носить имена Героев Советского Союза и России, связанных с республикой; к 78-й годовщине более 100 улиц города носили имена участников войны.

В 2014 г. решением Совета депутатов города Грозного было принято решение об установлении мемориальной доски на доме № 3 по улице Орджоникидзе в честь А.П. Дрягалова – ветерана Великой Отечественной войны, кавалера боевых орденов, с 1962 по 1972 гг. возглавлявшего республиканскую контору Госбанка СССР в Грозном [10].

23 февраля 2020 г. на карте Грозного появились памятник и улица имени Вахи Алиева – уроженца с. Чечен-Аул. Будучи подростком, Ваха убежал на фронт, храбро воевал и был осужден за протестное письмо И. Сталину, когда узнал о депортации чеченцев и ингушей [3].

Еще в декабре 1968 г. в Заводском районе города (с 2020 г. – Шейх-Мансуровский) был установлен первый в СССР памятник пожарным (скульптор Р. Мамиллов), погибшим при тушении пожаров в начале октября 1942 г. после массированного налета фашистской авиации. Памятник представляет собой фигуру бойца-пожарного, укрощающего огонь, который вырывается из вражеской авиабомбы. В ходе боевых действий в Чеченской Республике в 1994–1996 г. и 1999–2000 гг. этот памятник получил повреждения и был восстановлен в начале 2000-х гг. В апреле 2016 г. сотрудники Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий также восстановили мемориал на городском кладбище в Ленинском районе (в настоящее время – Ахматовский), установленный над братской могилой шестерых пожарных.

Памятники, бюсты [4], мемориальные доски участникам Великой Отечественной войны в последние годы установлены в большинстве населенных пунктов республики, их именами названы и продолжают называть улицы.

Авторы статьи полагают, что мемориальный ландшафт современной Чеченской Республики (при изучении преимущественно памятников) условно можно разделить на несколько зон: притеречную, равнинную, горную.

Наибольшее количество памятников расположено в Наурском, Шелковском, Надтеречном районах (притеречная зона) – здесь шли бои, при этом Наурский и Шелковской районы (Каргалиновский вошел в состав Шелковского района) были включены в состав ЧИАССР после ее восстановления 9 января 1957 г.

В Наурском районе находится 17 братских могил тех, кто погиб в ходе Великой Отечественной войны. Кроме них, как выявлено в результате полевых исследований, практически в каждом населенном пункте района установлены обелиски, памятники [14].

В ст. Каргалиновской Шелковского района находится братская могила, и в других 12 населенных пунктах – обелиски, памятники в честь погибших станичников. В ст. Гребенской на татарском кладбище установлен обелиск «от благодарных детей и внуков», на нем высечена 81 фамилия призванных в годы войны в армию татар. Из них несколько фамилий добавлены после установки обелиска, они отличаются цветом и шрифтом [14].

В Надтеречном районе расположены пять братских могил советских солдат, погибших в 1942 г. (с. Надтеречное, Знаменское, Верхний Наур, Гвардейское, п. Горагорский).

В равнинной зоне братских могил меньше, например, в Грозненском районе их 4, в Ачхой-Мартановском – 4, Серноводском – 3, Гудермесском – 1. Захоронение в братских могилах в этих районах объясняется наличием здесь госпиталей и относительной близостью к фронту.

Кроме братских могил практически во всех селах равнинной зоны установлены памятники или обелиски с именами односельчан – участников Великой Отечественной войны. Так, в Гудермесском районе их насчитывается пять (два в г. Гудермесе, в с. Ишхой-юрт – памятник Герою Советского Союза Х. Нурадилову, в с. Кошкельды, Герзель-аул, Брагуны, Нойбера, отсюда на фронт ушли 78 человек). В г. Шали и селах Шалинского района, в частности, в с. Новые Атаги (1990 г.), Дуба-юрт (2020 г.) силами местных администраций и жителей установлены стелы с именами участников войны. На новоатагинской стеле высечены имена 143 участников войны, дуба-юртовской – 103, надписи-посвящения сделаны на чеченском языке. В с. Новые Атаги надпись гласит: «О люди! В молитвах просите за наши бедные души у сотворившего Аллаха, в газавате мы пали без могильного холма, не читали над нами Ясин, когда нас душа покидала» (перевод с чеченского авторов) [14]. Историк-краевед В. Бибулатов утверждает, что новоатагинцев – участников Великой Отечественной войны насчитывалось 187 [2].

В селе Толстой-Юрт, на территории Дома культуры, находится обелиск воинам-землякам, павшим в годы Великой Отечественной войны; на въезде в старинное село Чечен-Аул на высоком холме – две стелы. Одна – с посвящением погибшим в Гражданскую и Великую Отечественную войны, на другой – имена погибших в войне с фашистами. Между ними установлен высокий шест (чеч. *х1оллам*) из металлических труб – традиционный чеченский символ в честь погибших в бою [14].

После 2000 г. идет активное наименование/переименование улиц в честь ветеранов Великой Отечественной войны. Так, в с. Старые Атаги именами участников Великой Отечественной войны названы улица и переулок Маташа Мазаева – командира танкового батальона, улица Кюри Джандарова – староатагинца,

разведчика, гвардии старшего сержанта, командира взвода управления артиллерийского полка, кавалера медали «За оборону Сталинграда» и ордена «Красная Звезда», улица Саида Зебирова – староатагинца, младшего лейтенанта, комсорга батальона, кавалера ордена «Красная Звезда». Во дворе Дома культуры расположен мемориал в честь 321 участника Великой Отечественной войны, всего 321 человек. На северной окраине села, рядом с трассой, установлена уменьшенная копия боевого самолета – памятник двум погибшим летчикам [14].

Для увековечения памяти всех погибших в республике, как и в целом в стране, проводится эколого-патриотическая акция «Лес Победы» [5].

В г. Урус-Мартане (центре Урус-Мартановского района) на центральной площади города создан мемориальный комплекс, где на плитах размещены фамилии участников войны в Афганистане, погибших в 1994–2000-х гг. сотрудников органов внутренних дел. В состав района входят крупные села республики: Гойты, Гехи, Старые Атаги, Алхан-Юрт, где уделяется большое внимание памяти участников войны. Рядом с кладбищем с. Алхан-юрт установлен большой камень с надписью на черной плите на чеченском языке: «Погибшим и пропавшим в газавате алханюртовцам без могильного холма, чтобы стать над ним» [14].

В центре Алхан-Юрта установлена восемнадцатиметровая стена, на которой высечены имена 567 защитников села в годы Гражданской войны, 128 алханюртовцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, и шести воинов-сельчан, погибших в Афганистане [9].

В с. Ачхой-Мартан (с 2023 г. – город) сооружен мемориал в честь участников Великой Отечественной войны, в центре – фигура солдата, по бокам установлены плиты с 48 фамилиями [14].

В горных районах республики также проводится работа по увековечению памяти участников Великой Отечественной войны. Важно обратить внимание на то, что после восстановления ЧИАССР в 1957 г. не были восстановлены Галанчожский и Чеберлоевский районы, а их жителям не разрешили вернуться в свои села. Населенных пунктов в этих районах нет и в настоящее время, поэтому пока нет и памятников, хотя до февраля 1944 г. отсюда на фронт ушли сотни молодых людей.

В Веденском районе в центре с. Ведено сооружен мемориал на двадцати плитах с именами участников войны из каждого села района. Рядом располагается «Братская могила советских воинов, погибших в борьбе с фашистами в период битвы за Северный Кавказ» (официальное название). Аналогичные братские могилы есть в с. Шатой (1943 г., похоронены 36 человек) и Итум-Кале. Здесь и в Ведено похоронены бойцы и командиры подразделений Народного комиссариата внутренних дел, погибшие в боестолкновениях с фашистскими диверсантами и местными бандитами.

В с. Дарго, на территории школы № 2, установлена стела с фамилиями более 100 погибших односельчан – участников войны, здесь же фамилии вернувшихся живыми восьми человек [14].

Одним из самых оригинальных можно назвать памятник погибшим участникам войны у въезда в с. Гуни. Он установлен усилиями писателя, редактора детского журнала «Радуга» И. Джанаралиева и жителей села еще 9 мая 1987 г. Несмотря на разгар перестройки, власти не дали разрешение разместить на нем фамилии участников войны. На фронт из этого села ушли 125 человек, а вернулись только 17 [8: 245]. Надпись на постаменте на чеченском языке выглядит следующим образом: «В честь павших на полях войны гунойцев. 1941–1945». Увенчан памятник исламским символом – полумесяцем со звездой.

Рядом с кладбищем с. Хой (бывшего Чеберлоевского, ныне Веденского района) установлен камень с высеченными на нем фамилиями 23 фронтовиков, из которых вернулись 7. На чеченском языке написано: «Да благословит Бог ваш газават», а перед фамилиями надпись на арабском: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», выше надписей – изображение полумесяца со звездой [13]. В самом селе люди с 1944 г. не проживают, в настоящее время, после реставрации, старая часть стала историко-архитектурным музеем.

В Ножай-Юртовском районе расположен памятник с надписью «Никто не забыт, ничто не забыто. 1941–1945», который стоит в центре с. Ножай-Юрт. Еще один памятник с идентичной надписью установлен во дворе школы с. Гиляны. Недалеко от с. Зандак находится братская могила трех летчиков, погибших в воздушном бою в сентябре 1943 г., их фамилии написаны на табличке [14].

В высокогорном Шаройском районе больше всего населения проживает в с. Кенхи (аварцы) и Химой. Во дворе кенхинской

средней школы № 2 установлен памятник односельчанам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, с надписью «Слава погибшим за Родину. 1941–1945», на отдельной плите высечены более 60 фамилий. В с. Химой, районном центре, установлены обелиск с пятиконечной звездой и плиты с 365 фамилиями участников войны из сел района [14].

Власти Чеченской Республики прилагают значительные усилия для сохранения памяти о Великой Отечественной войне. Органы представительной власти переименовывают старые и дают названия новым улицам столицы, как правило, приурочивая это к коммеморативным акциям и юбилеям Победы. При этом в последнее время в регионе уделяется особое внимание восстановлению справедливости по отношению к чеченцам – участникам Великой Отечественной войны. В большинстве населенных пунктов республики возведены памятники, обелиски, стелы, мемориалы, которые содержат фамилии участников войны – выходцев из конкретного населенного пункта. На этих мемориальных объектах появляются характерные исламские символы и надписи на чеченском и арабском языках.

Республика также принимает активное участие в акциях федерального масштаба, посвященных памяти о Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. Абалаева М. Мы помним героев своих // Вести Чеченской Республики. 2023. № 6 (3299). 23 января. URL: <https://vesti095.ru/2021/01/my-romnim-svoih-geroev/> (дата обращения: 26.04.2024).
2. Бибулатов В. Это нужно живым // Молодежная смена. 2012. № 46 (976). 23 июня.
3. В Грозном появилась улица имени героя Великой Отечественной войны Вахи Алиева // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7823947> (дата обращения 26.04.2024).
4. В Грозном установили бюсты участников ВОВ // Грозный информ. 2021. 2 сентября. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/131094/> (дата обращения: 26.04.2024).
5. В Надтеречном районе провели акцию «Лес Победы» // Грозный информ. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/137655/> (дата обращения: 26.04.2024).
6. Горюшина Е.М. Мемориализация Великой Отечественной войны в Чеченской Республике в постсоветский период // Ахмат-Хаджи

Кадыров и конституционное строительство в Чеченской Республике: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию референдума в Чеченской Республике. Грозный, 2023. С. 44–47.

7. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-I «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011245&ysclid=lujqvleiux880019433> (дата обращения: 22.02.2024).

8. *Ибрагимов М.М.* Гуной в истории, политике и культуре Чечни. Историко-этнографические очерки. Грозный, 2021.

9. *Идрисова У.* Хранитель истории и памяти // Грозный информ. 2016. 28 марта. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/review/70635/> (дата обращения: 26.04.2024).

10. *Измалкова Е.А.* Живой среди павших (памяти А.П. Дрягалова) // Деньги и кредит. 2015. № 5. С. 24–26.

11. Историческая память: состоялось открытие памятника преподавателям, сотрудникам и студентам ГНИ // ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет». URL: <https://gstou.ru/news.php?id=588> (дата обращения: 24.02.2024).

12. Нурадилов Ханпаша Нурадилович // Подвиг народа. 1941–1945. URL: <http://podvignaroda.ru/?id=150023324&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 26.04.2024).

13. О государственном учреждении культуры «Мемориальный комплекс Славы им. А.А. Кадырова». URL: <https://all-slavy.ru/wp-content/uploads/2023/02/Распоряжение-Правительства-ЧР-о-создании-учреждения.pdf> (дата обращения: 26.04.2024).

14. Полевые материалы членов коллектива гранта Российского научного фонда, июль – август 2023 г.

15. *Рябошлык О.А.* Коллективная память о Второй мировой войне в современной России: метод ассоциаций // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2020. № 14. С. 107–120.

16. Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2015 № 176 «О присвоении г. Грозному почетного звания Российской Федерации “Город воинской славы”». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201504070015.pdf> (дата обращения: 26.04.2024).

17. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7872> (дата обращения 26.04.2024).

Е.А. Горбатенко

**ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПАМЯТНИКА «БРАТСКАЯ МОГИЛА
БОРЦОВ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ, СОВЕТСКИХ ВОИНОВ
И ПАМЯТНИК ОДНОСЕЛЬЧАНАМ»
(с. Успенка Амвросиевского района
Донецкой Народной Республики)**

Памятники истории и культуры являются объектами краеведческой деятельности. Они связаны с историческими событиями жизни края, развитием общества и государства, а также произведениями материального и духовного творчества, представляющими историческую, научную, художественную или иную культурную ценность [1: 3]. Наряду с объектами культурного наследия, которые являются знаковыми для всей страны, для сохранения памяти о Великой Отечественной войне важны мемориалы местного значения, несущие информацию о конкретных людях, зачастую родственниках тех, кто проживает сейчас в городах и поселках, где установлены эти памятники.

Учитывая ведущую роль СССР в Победе над гитлеровскими оккупантами, необходимо сохранять и преумножать мемориальную культуру в странах постсоветского пространства. Особое место в сохранении исторической памяти и поддержании патриотизма отведена памятникам, посвященным событиям Великой Отечественной войны.

Целью этой работы является изучение мемориальной культуры и культурного наследия в виде памятников в Донбассе на примере памятника «Братская могила борцов за советскую власть, советских воинов и памятник односельчанам», который расположен на территории с. Успенка Амвросиевского района Донецкой Народной Республики. В работах Г.А. Бордюгова [2], А.К. Вахитова [3], О.В. Галковой [4], Н.В. Калинина [7], А.А. Карлова [8], Е.Н. Коляды [9] рассмотрена политика памяти на постсоветском пространстве, материалы из региональных архивов, административно-правовое регулирование охраны объектов культурного наследия, военно-мемориальное направление в сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере работы с молодежью, однако, несмотря на их прикладной характер, в них не отражена специфика Донецкого региона.

Оккупация немецко-фашистскими войсками СССР в период Великой Отечественной войны оставила неизгладимый отпечаток на всей территории государства, в том числе и в Донбассе. Амвросиевский район, площадь которого составляет 1,5 тыс. кв. км, включает в себя пахотные земли и промышленные предприятия, его территория и окрестности были издавна заселены, построена железная дорога, позже обнаружены богатые залежи белого хрупкого мергеля – сырья для цементного производства [6: 125].

Успенка – село Амвросиевского района, расположенное на левом берегу р. Крынки, в 20 км к востоку от районного центра и в 5 км от железнодорожной станции Успенка. Успенскому сельскому совету были подчинены и населенные пункты Выселки, Катериновка, Калиново, Маныч, Степное [6: 149].

В с. Успенка Донецкой Народной Республики расположен памятник «Братская могила борцов за советскую власть, советских воинов и памятник односельчанам», который был взят на учет решением исполкома Донецкого областного совета депутатов трудящихся № 724 от 17 декабря 1969 г.

История данного объекта культурного наследия охватывает следующие события. В мае 1919 г. войска белогвардейского генерала А.И. Деникина захватили Донбасс. Цель возле Успенки – взять под контроль железную дорогу, отрезать путь отступления противнику и затем овладеть ст. Иловайской. Крестьяне близлежащих сел оказали решительное сопротивление деникинцам, а также саботировали мобилизацию в его армию [5: XII–XXIII]. Три активиста были схвачены и расстреляны представителями армии Деникина, их имена не установлены [10: 149].

Сведения о захоронении активистов, расстрелянных представителями армии Деникина, в учетно-охранной документации отсутствуют. Информация о связи памятника с событиями 1919 г. прослеживается только в Паспорте памятника истории и культуры СССР «Братская могила борцов за советскую власть, советских воинов и памятник односельчанам» [11].

Бои за эту землю шли и в годы Великой Отечественной войны. 23 августа 1943 г., воины 71-го и 72-го гвардейских стрелковых полков 24-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора П.К. Кошевого, 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Г.Ф. Захарова во взаимодействии с 14-м гвардейским сталинградским

механизированным корпусом и 14-й сталинградской бронемеханизированной бригадой освободили с. Маныч, где в бою за село погиб 51 боец Красной армии [11].

26 августа 1943 г. бойцы 86-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии-полковника В.П. Соколовского 2-й гвардейской армии после упорных боев заняли с. Катериновка, важный плацдарм на правом берегу р. Крынки, в боях за освобождение села погибло 17 воинов. После тяжелых боев, которые вели бойцы 5-го, 9-го и 13-го гвардейских стрелковых полков 3-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора К.А. Цаликова, 91-го гвардейского стрелкового полка 33-й стрелковой дивизии гвардии-полковника М.А. Кузнецова 2-й гвардейской армии освободили с. Успенка, 146 воинов погибло [11: 33]. После освобождения в селе был расположен полевой госпиталь № 3442 и медико-санитарные батальоны дивизий.

Изначально погибшие воины были захоронены в трех братских могилах, после чего в 1976 г. было произведено перезахоронение. Точное число захороненных установить не удалось, так как было обнаружено множество отдельных фрагментов останков (череп, конечности и т.д.), однако в архивных данных значится количество – 200 захороненных [13]. На братской могиле в 1976 г. была установлена фигура солдата в плащ-палатке с каской в руке на ступенчатом прямоугольном постаменте. Установлены в два ряда 17 надгробий, на которых высечены имена 309 односельчан, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Согласно паспорту памятника истории и культуры «Братская могила борцов за советскую власть, советских воинов и памятник односельчанам», были произведены работы, изменившие первоначальный вид. В частности, в 1983 г. была осуществлена реконструкция, установлена скульптура высотой 2,7 м на трехступенчатом постаменте, изображающая женщину-мать. По обе стороны от скульптуры расположены семь мемориальных плит размером 1,0 × 1,5 м с 350 именами погибших советских воинов.

Историческая память – совокупность знаний и представлений, являющихся неотъемлемой частью культуры, которые через традиции, устные, письменные источники и материальные объекты фиксируются в общественном сознании и позволяют хранить, воспроизводить, интерпретировать информацию о прошедших исторических событиях, жизни и деятельности известных личностей [12].

Можем сделать вывод, что памятник, который расположен в с. Успенка, свидетельствует о героических событиях двух важных исторических этапов в жизни страны: Интервенции и Великой Отечественной войны в период освобождения района от немецко-фашистских захватчиков. Объекты культурного наследия, посвященные подвигу советских солдат, увековечивают их мужество и героизм.

В сложившейся политической ситуации изучение мемориальной культуры региона приобретает особую значимость, так как сохранение памяти о героических подвигах советских солдат времен Великой Отечественной войны – один из путей воспитания и укрепления патриотизма в Донецкой Народной Республике как субъекте Российской Федерации, что способствует интеграции республики в общероссийское культурное пространство. И именно местные памятники, хранящие в себе мемориальную культуру каждого населенного пункта по всей стране, способствуют консолидации, укреплению патриотизма и чувства причастности к истории края.

Источники и литература

1. Азарова С.И., Матченко А.Г. Классификация объектов культурного наследия: методические рекомендации. Донецк, 2017.
2. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.
3. Вахитов А.К. Административно-правовое регулирование охраны объектов культурного наследия // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 6. С. 48–50.
4. Галкова О.В. Культурное наследие: современные подходы и проблемы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С. 43–46.
5. Гражданская война 1918–1920: сборник документов и материалов: в 4 кн. Кн. 3 / под ред. С.М. Короливского. Киев, 1967.
6. История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область / под ред. Г.П. Ерхова. Киев, 1976.
7. Калинина Н.В. «Мы победили вместе!» (военно-мемориальное направление в сотрудничестве государств – участников СНГ в сфере работы с молодежью) // Мир образования – образование в мире. 2010. № 2 (38). С. 105–112.
8. Карлов А. Страна помнит своих героев. О военно-мемориальной работе за рубежом // Международная жизнь. 2010. № 3. С. 90–96.
9. Коляда Е.М. Типологическая характеристика русских мемориально-ландшафтных композиций // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 4. С. 220–228.

10. Память на века. Свод военных захоронений на территории Донетчины / сост. В.А. Анденко. Донецк, 2011.

11. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Братская могила борцов за советскую власть, советских воинов и памятник односельчанам», охр. № 735 // Научная картотека отдела научно-исследовательской и методической работы в сфере охраны объектов культурного наследия ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей».

12. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230> (дата обращения: 06.05.2024).

13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 67.

М.Г. Плиева

**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПАТРИОТИЗМЕ
И СУДЬБЕ НАРОДОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ В ЖИВОПИСИ КАВКАЗСКИХ ХУДОЖНИКОВ –
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ВЫПУСКНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ИМЕНИ ИЛЬИ РЕПИНА**

Истинная и благороднейшая цель искусств
состоит в том, чтобы сделать добродетель
ощутительною, предать бессмертию
славу великих людей, заслуживших
благодарность Отечества.

*Из устава Российской императорской
академии художеств*

Когда я смотрю в небо, я думаю, что
всякой жестокости должен прийти конец,
и снова мир и покой воцарится на земле.

Ю. Борген

В настоящей статье читателю открывается малоизученный материал: трактовка современными кавказскими художниками-академистами актуальной и сегодня темы Великой Отечественной войны и Победы.

В 2024 г. Республика Северная Осетия – Алания отмечает 250-летие добровольного присоединения Осетии к России. Это событие повлекло за собой присоединение и других кавказских государственных образований к России. С того далекого времени народы живут одной судьбой. Открылись новые горизонты для взаимодействия, взаимовлияния культур, для открытий в археологии и образовании, в том числе художественном. Императорская (ныне – Санкт-Петербургская) академия художеств (далее – СПбАХ) сыграла первостепенную роль в становлении профессионального искусства народов Кавказа.

Академия трех знатнейших искусств была основана в 1757 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны. Девиз академии: «Живопись, скульптура, зодчество и воспитание» – начертан на ее стенах. «Именно воспитание будущего художника-гражданина в духе гуманизма и легло в основу преподавания в АХ (Академии художеств. – М. П.) Ильи Репина, где бережно хранят лучшие достижения национальной художественной школы», – писала С.М. Грачёва [1: 9]. Только в современной истории художники – уроженцы Кавказа стали преподавателями авторитетнейшей в мире Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина – преемницы лучших традиций отечественного и мирового искусства.

Преподавателями их были знаменитые академические мастера XX в., участники и героини Великой Отечественной войны: Е.Е. Моисеенко, А.А. Мыльников, Ю.М. Непринцев, В.М. Орешников, В.А. Синайский, П.А. Шилинговский – и их ученики, в чьем творчестве «военная тема возникает из принципа внутренней необходимости и звучит остро и современно» [1: 140]. Учителя передали воспитанникам понимание того, что «военная тема – это своеобразный остров в искусстве, в пределах которого невозможны ложь, неискренность и эстетские изыски» [1: 146].

Осенью 1942 г. у с. Гизель разгорелась двенадцатидневная битва за Владикавказ, вошедшая в военную летопись как Гизельское сражение. Оно решило исход всей Битвы за Кавказ и закончилось поражением немцев. Художник А.-Г.З. Хохов (мастерская П.А. Шилинговского), участник и свидетель тех событий, в серии акварелей «Гизельская трагедия» показал ужасы и беды, принесенные войной на его родную землю.

Рис. 1. «Жертвы фашистских зверств», худ. А.-Г.З. Хохов

На листе «Жертвы фашистских зверств» (рис. 1) равнина в окружении Кавказских гор усеяна трупами мирных жителей и солдат. Слева искореженное дерево. Его изломанные корни повторяют неестественные позы лежащих трупов. Оно погибает, как и изможденные женщина и девочка, лежащие рядом. В центре – труп молодой женщины с раскинутыми руками. Далеко в горах собираются тучи, чтобы разразиться дождем, который оплачет и омоет людские страдания.

В Осетии из уст в уста передается легенда, не подтвержденная документами, о трагической судьбе семерых братьев Газдановых из с. Дзуарикау, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Однако она вдохновила на создание памятников, живописных полотен, поэм, танцев, песен.

В 1969 г. художник Б.Н. Калманов (мастерская В.М. Орешникова) пишет скорбное полотно «Мать семерых погибших сыновей». Образ старой женщины в трауре, дрожащей рукой прикасающейся к именам сыновей, высеченным на цырте (обелиске), производит потрясающее впечатление своей драматической силой. Вот как пишет об этой картине А.А. Дзантиев: «В произведении явственно слышатся

отзвуки минувшей войны, принесшей людям жестокие страдания. Какое мужество надо иметь, какую непоколебимую стойкость, чтобы вынести это горе! Эта мать смогла вынести его, вынести во имя и во славу своих сыновей, вынесла, чтобы сказать решительное нет всем будущим войнам, чтобы защитить мир на земле» [2: 101].

Позже и сын художника А.Б. Калманов (мастерская А.А. Мыльниковой) обращается к образу скорбящей Матери, заменив обелиск деревом – мифологическим символом мира и жизни.

В графическом листе З.П. Абоева «Журавли» запечатлено торжественное открытие в 1975 г. памятника «Семи братьям Газдановым. Героям, павшим в боях за Родину в Великой Отечественной войне. 1941–1945». На этом событии в качестве почетного гостя присутствовал и Расул Гамзатов. Автор – скульптор С.П. Санагоев (мастерская В.А. Синайского) [6: 535–536].

Уроженец Южной Осетии В.Ф. Каджаев (мастерская А.А. Мыльниковой) – ассистент кафедры живописи и композиции в мастерской Х.В. Савкуева СПбАХ [7]. В работе «Память. Братья Газдановы» (2015, рис. 2) художник «увечковечил историю семьи, перенесшей невосполнимую утрату – гибель семерых сыновей» как трагедию всего народа. «Неутешное горе матери, потерявшей сыновей, воспринимается как подвиг. Неслучайно возникают ассоциации с образом Богоматери, принесшей в жертву своего Сына» [1: 148].

Исторически достоверна и картина К.А. Хетагурова (мастерская Ю.М. Непринцева) «Песня о павших» (1985, Государственный Русский музей, рис. 3). Односельчане ушедших на фронт – старики, женщины и дети – живой стеной обступили сказителя. За ними горы и покосившийся дом. Эта картина – песня мужеству и благородству, скорбь памяти. К.А. Хетагуров до конца дней сохранил гражданские и художественные принципы Ю.М. Непринцева: «Художником должно органически владеть глубокое чувство принадлежности к народу, чаяния, мысли и чувства которого он призван выразить языком искусства» [4: 118].

В немногословной картине «Слово о погибшем» художник Э.А. Саккаев (мастерская Е.Е. Моисеенко – В.М. Орешникова) эмоционально раскрыл горе старика-отца, потерявшего на войне сына. На столе – два пирога (у осетин символ погребальной обрядности), нетронутая кружка, незанятое место того, кому уже никогда не вернуться в родной дом.

Рис. 2. «Память. Братья Газдановы», худ. В.Ф. Каджаев

Рис. 3. «Песня о павших», худ. К.А. Хетагуров

Сама атмосфера комнаты сельского дома с темной стеной и маленьким, скупо пропускающим свет окошком насыщена душевной болью. Однако розово-желтый колорит передает ощущение светлой грусти. Погибшие герои не возвращаются, но продолжают жить в нас, в нашей памяти.

Как отмечает С.М. Грачёва, «на рубеже XX–XXI веков тема войны трансформировалась. От героического пафоса и прославления героев искусство пришло к философскому осмыслению войны как большой трагедии, в которой нет проигравших и победителей, в которой страшнее всего “окопная правда”, судьба человека, оказавшегося лицом перед смертью, судьба незащитных людей перед лицом катастрофы» [1: 140].

Х.В. Савкуев (мастерская А.А. Мыльниковой) – академик Российской академии художеств, доцент кафедры живописи и композиции, руководитель персональной мастерской СПбАХ [7] – «один из самых заметных современных петербургских художников, плодотворно работающий именно в сюжетной живописи» [1: 130].

Тяжелораненные, но непокоренные солдаты в работе «Пропавшие без вести» (2007, рис. 4), поддерживая друг друга, блуждают в огромном холодном затерянном мире, нет, не воины, а их израненные души, обледенелые и тоже живые и неживые одновременно, как и природа вокруг. Пропитанные кровью повязки на головах раненых вызывают ассоциацию с нимбом над головой распятого Христа, а кровь символизирует его жертву во имя жизни.

Композицию выстраивают острые графические ритмы. Крупные цветовые плоскости делят всё изобразительное пространство на асимметричные части. Слишком осязательно Х.В. Савкуев воспроизводит мощные изгибы складок на одежде, они предельно предметны и монументальны в своих очертаниях, как будто перед нами фреска, а не картина. Всё в картине подчинено монотонно нарастающему чувству боли и скорби, воссоздает на холсте зрительную метафору тягучего беззвучного плача. Настроение затерянности страдальцев в безмерных просторах времени и истории придает изображенному отсвет вечности, неизбывности.

Как отмечает С.М. Грачёва, «у современных молодых авторов формируется свое отношение к теме войны» [1: 146]. Сюжетные повествовательные композиции главным образом связаны с темой памяти, скорби, воспоминаний о прошлом.

Рис. 4. «Пропавшие без вести», худ. Х.В. Савкуев

Только в XXI в. в истории, литературе и искусстве страны была открыто поднята тема трагической судьбы депортированных народов Советского Союза. Она стала основной в творчестве уроженца Чечни Р.Х. Яхиханова (мастерская А.К. Быстрова, В.А. Мыльниковой) – старшего преподавателя кафедры рисунка СПбАХ. В 2019 г. в Москве прошла выставка художника «Перекрестки памяти. 1944–2019» [5], приуроченная к 75-й годовщине депортации чеченского и ингушского народов, трагически известной как операция «Чечевица». Затем, уже в расширенном варианте, экспозиция была развернута в залах Санкт-Петербургского союза художников [1: 147]. Автор представил серию из 16 многочастных полотен, написанных с 2013 по 2018 г.: «Ополченцы. 1941» (рис. 5); «В вагоне. Февраль 1944» (две части); «В вагоне. 1944» (две части); «Скорбь. Февраль»; «В неизвестность. 1944»; «Эшелон. 1944»; «Солдаты». Работы написаны суровым, беспощадным изобразительным языком в различных оттенках черного. На полотнах – тюремные решетки в окнах вагонов-теплушек, могильные камни и лица людей, испещренные ломаными, как их судьбы, морщинами. И... глаза, полные обреченности, растерянности, пустоты, в которых застыл немой вопрос: «За что?»

Рис. 5. «Ополченцы. 1941», худ. Р.Х. Яхиханов

Рис. 6. «Память», худ. М.В. Джиоев

Прошедшее через поколения отчаяние проникновенно передано в стихотворении И. Керимова, сопровождающем картины альбома «Перекрестки судьбы»:

Я – боль,
Я – тысячи, тысячи слез,
Пролитых под стук колес
В февральском сорок четвертом...
Я – море.
Я – сотни, я – тысячи
Сброшенных тел.
В неизвестные станции сгинувших...
Я – камень надгробный,
Я – горе растрепанной матери
С застывшей мольбою: «Вай Дела
Последнего сына спасите...»
Я – небо
Я – Хайбах,
Хатынь и Гулаг,
кровавые тропы диктата...
Я – гласность.
Я – сердце поэта,
Рожденное песней,
Разбухшее болью,
Застрявшее в горле,
Зовущее к воле...
Я – голос, Я требую:
ПОМНИ! [5: 14].

Помни, что я, мы едины «со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе» [3: 227].

Завершает наше исследование картина «Память» (2019, рис. 6) юго-осетинского художника М.В. Джиеова (мастерская С.Н. Репина), самого молодого выпускника СПбАХ. Сюжет картины традиционный еще со времен «сурового стиля». Уголок скромного жилища, за столом сидит пожилая женщина, рядом внук. Они рассматривают фотографии военных лет. Белый платок, покрывающий ее седую голову, сияет ореолом на темном фоне ковра за ней. Здесь же, на вешалке, пиджак ушедшего героя с орденами

и медалями. Подчеркнуто прозаичный и скупой интерьер комнаты наглядно оттеняет глубину молчания прожитых лет без погибших на войне родных, безликость и эмоциональную инертность героев. За характерными деталями явственно просматривается общность боли и страдания всего народа и святость памяти.

Современные художники-академисты приняли и достойно несут память о бессмертной славе народного подвига и страдании в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. Грачёва С.М. Современное петербургское академическое изобразительное искусство. Традиции, состояние и тренды развития. М., 2019.
2. Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. Л., 1988.
3. Донн Дж. По ком звонит колокол: Обращения к Господу в час нужды и бедствий; Схватка смерти, или утешение душе, ввиду смертельной жизни и живой смерти нашего тела. М., 2004.
4. Мямлин И.Г. Юрий Непринцев. Л., 1976.
5. «Перекрестки памяти» – выставка картин художника Рустама Яхианова: каталог / сост. А. Башарова, Р. Яхиханов. СПб., 2019.
6. Плиева М.Г. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне в монументах Северной и Южной Осетии // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса (г. Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2023. С. 532–541.
7. Профессорско-преподавательский состав // Министерство культуры Российской Федерации. Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина (Санкт-Петербургская академия художеств). URL: https://www.artsacademy.ru/about_the_university/faculty_and_staff/ (дата обращения: 03.05.2024).

И.В. Кедрова

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Для выявления специфики военно-исторического туризма Ростовской области необходимо обратиться к ключевым терминам этой сферы.

Деятельность в сфере туризма определена Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (в редакции от 25 декабря 2023 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». В статье 1 «Основные понятия» отсутствует определение военно-исторического туризма [9]. Также в перечне национальных стандартов Российской Федерации, относящихся к сфере предоставления услуг в туристско-экскурсионной деятельности, который регулярно обновляется Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт), на сегодняшний день отсутствуют как государственные стандарты, посвященные технологии разработки военно-исторических туров, так и ссылка на понятие военно-исторического туризма. Следовательно, есть необходимость в формулировании его дефиниции.

Данный вопрос был рассмотрен Е.Д. Дрючиной [5], анализирующей специфику военно-исторического и военно-патриотического туризма. Представив точки зрения Г.А. Гумилевской и Е.А. Титовой на содержание первого из упомянутых терминов, автор выделяет ключевые характеристики этого вида деятельности: «Военно-исторический туризм в общих чертах характеризуется как: посещение страны, где в свое время проходили войны или военные действия с целью ознакомления с военным потенциалом, с техникой данной страны, а в определенных случаях проверки своих военных способностей. Вид данного туризма также включает в себя: посещение исторических памятников, древних и наиболее важных военных сооружений, а также посещение воинской части. Военно-исторический туризм – это вид туризма, подразумевающий посещение мест военных сражений, памятных мемориалов, музеев истории и краеведения, для всех заинтересованных мировой историей и культурой, а также для ветеранов, родственников погибших воинов; посещение существующих и исторических военных объектов и полигонов, боевых морских кораблей, подводных лодок, катание на военной технике, стрельба из оружия на полигонах и в тирах, участие в военных учениях и маневрах, фестивалях, посещение военных концлагерей и тюрем» [5].

Иногда военно-исторический туризм отождествляется с военно-патриотическим или рассматривается как подвид культурно-познавательного туризма, предусматривающий «посещение исторических мест только своей страны. Этим он и отличается

от предыдущего вида, где можно не только осматривать достопримечательности и памятники в сопровождении экскурсовода, но и принимать участие в реконструкциях сражений, стрельбищах и других мероприятиях» [5]. Единого мнения по поводу необходимости выделения военно-исторического туризма как отдельного вида у ученых и практиков пока не сформировалось.

В Российской Федерации развитие военно-исторического туризма считается приоритетной сферой туристской индустрии: активизируются мероприятия по восстановлению и адаптации использования объектов военной истории в туристических целях, увеличивается количество соответствующих фестивалей и событийных мероприятий.

Описанные обстоятельства способствовали тому, что Федеральное агентство по туризму и Российское военно-историческое общество в начале 2014 г. подписали соглашение о сотрудничестве в сфере военно-исторического туризма. Это позволило при поддержке Министерства культуры Российской Федерации выпустить атлас-книгу «Военно-исторические маршруты России» [1]. В данном сборнике Ростовская область представлена упоминанием только двух городов – Ростова-на-Дону и Таганрога – и предложен один туристско-экскурсионный маршрут – по г. Ростову-на-Дону.

На сегодняшний день среди рубрик на официальном портале правительства Ростовской области военно-исторический туризм как самостоятельный вид туризма отсутствует [6]. В то же время на разных страницах сайта в связи с туризмом упоминаются объекты и события, однозначно связанные именно с военной историей, в частности, военно-исторический музейный комплекс «Самбекские высоты» и фестиваль «Оборона Таганрога 1855 года».

Хотя, как мы показали выше, терминология в этой сфере деятельности еще не получила закрепления в официальных документах, можно уверенно говорить о существовании и развитии военно-исторического туризма в Ростовской области, привязанной к хронологии исторических событий. Он реализуется благодаря разнообразным проектам, музеям, военно-историческим реконструкциям и т.д. Представляется возможным предложить классификацию военно-исторического туризма в данном регионе, согласно историческим периодам.

Период раннего Средневековья представлен следующим событием. Согласно предположению краеведа Петра Ковешникова, битва русских войск князя Игоря Новгород-Северского с половецким ханом Кончаком в 1185 г. состоялась в междуречье рек Быстрой и Калитвы Белокалитвинского района Ростовской области [2]. В честь данного события возведен памятник Игорева рати на Караул-горе г. Белая Калитва.

Период Нового времени представлен событиями русско-турецких войн, в их числе: Азовское осадное сидение донских казаков 1637–1642 гг.; петровские походы и завоевание турецкой крепости Азов в 1695–1696 гг.; Крымская война 1853–1856 гг. и оборона Таганрога 1855 г.

Период новейшей истории представляют Гражданская война и Великая Отечественная война на Дону, оккупация Ростовской области.

Для знакомства с вышеперечисленными военно-историческими событиями существуют следующие туристские ресурсы (инструменты), используемые Ростовской области.

Для знакомства с эпохой раннего Средневековья можно обратиться в Белокалитвинский историко-краеведческий музей; совершить экскурсию к мемориалу на горе Караул в Белой Калитве; посетить военную реконструкцию, проводимую в х. Погорелове или на склонах Караул-горы Белой Калитвы.

Для ознакомления с фактами участия донского казачества как особого служилого сословия в военных событиях периода Нового времени, существуют следующие туристские ресурсы (инструменты):

а) музей «Пороховой погреб» с диорамой о взятии турецкого Азова войсками Петра I (открыт в 1967 г.) и тематические выставки Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника имени А.А. Горбенко;

б) Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник, включающий экспозиции под открытым небом: Монастырское урочище, Атаманский дворец, «Дом К. Булавина», Аннинская крепость;

в) событийное мероприятие – фестиваль «Осада Азова», включающий военно-историческую реконструкцию, которая проходит в первое воскресенье августа;

г) туристские маршруты в рамках многодневных путешествий, которые предлагаются для организованных туристов: «Служи Отечеству» (3 дня), «Вольный и верный государству Российскому» (4 дня), или тематических экскурсий в г. Азов, ст. Старочеркасскую [3];

д) событийное мероприятие – военно-исторический фестиваль-реконструкция «Оборона Таганрога 1855 года», проводимый в мае;

е) туристский организованный маршрут «Таганрог – город воинской славы. От Петра до наших дней» (2 дня) [3];

ж) обзорная экскурсия по городу Таганрогу.

Для знакомства с мемориализацией событий двух первых десятилетий XX в. существует возможность воспользоваться следующими ресурсами (как самостоятельно, так и в составе организованных групп):

а) Новочеркасский музей истории донского казачества – старейший музей южной части России, в состав которого входят музейные комплексы: Атаманский дворец, дом-музей М.Б. Грекова;

б) Егорлыкский историко-краеведческий музей;

в) реконструкция событий одного из крупнейших кавалерийских сражений Гражданской войны XX в. у ст. Егорлыкской. Проходит в начале марта;

г) тематическая и обзорная экскурсия по г. Новочеркаску;

д) туристский маршрут в составе организованных групп «Дорогами донских казаков» (5 дней) и «Вольный и верный государству Российскому» (4 дня) [3].

Наиболее многочисленные туристские инструменты и ресурсы можно выделить для знакомства событиями Великой Отечественной войны на Дону:

а) музейные комплексы, как государственные, так и частные: народный военно-исторический музейный комплекс «Самбекские высоты»; мемориальный комплекс «Памяти жертв фашизма» в Ростове-на-Дону; Аксайский военно-исторический музей; Донской военно-исторический музей в х. Недвиговка; Раздорский этнографический музей-заповедник; Музей железнодорожной техники Северо-Кавказской железной дороге под открытым небом в Ростове-на-Дону; Таганрогский военно-исторический музей; Тацинский музей боевой и трудовой славы; дом-музей С.М. Будённого (открыт в 1939 г., расположен в Пролетарском районе

в ст. Будённовской); военно-патриотический комплекс – парк «Патриот» в г. Каменске-Шахтинском;

б) Событийные мероприятия. Военно-историческая реконструкция «Бои на южном направлении. Прорыв Миус-фронта», которая является главным событием военно-технического форума «Армия», проходящего в конце августа на территории парка «Патриот» рядом с военно-историческим музейным комплексом «Самбекские высоты». В это время действуют интерактивные зоны «Афганская война», «Полевой госпиталь», «Фронтовая бригада», а также выставки техники времен Великой Отечественной войны и современного вооружения, а также представлены гусеничная и колесная ретротехника; реконструкция событий 22 июня 1941 г. на территории Донского военно-исторического музея; туристский маршрут для организованных групп: «Уроки Донской истории 1941–1945 гг.» (3 дня) [3];

в) виртуальные туристские маршруты по военно-историческим местам Ростовской области: электронный каталог патриотических маршрутов по местам боевой славы Донского края. В каталог вошли маршруты, пролегающие по местам сражений воинских формирований (339-й Ростовской стрелковой дивизии, 5-го Донского кавалерийского корпуса, 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса, 416-й Таганрогской стрелковой дивизии; другие исторические места подвигов Героев Советского Союза [10]; виртуальный экскурсионный маршрут по местам воинской славы Ростовской области, созданный учащимися г. Донецка Ростовской области [7];

г) исторический парк «Россия – моя история» в Ростове-на-Дону.

Необходимо также отметить значение донского казачества как особого военного сословия и его участие в войнах указанных периодов. Знакомству с военной историей донского казачества способствуют такие туристские ресурсы, как: усыпальница Патриаршего Вознесенского войскового всеказачьего кафедрального собора г. Новочеркасска, где покоятся останки донских героев-военачальников: атамана Донского казачьего войска графа Матвея Платова, Василия Орлова-Денисова, Ивана Ефремова, Якова Бакланова; культурно-выставочный центр Донского государственного технического университета «Донская казачья гвардия» в Ростове-на-Дону.

Итак, для выявления специфики военно-исторического туризма Ростовской области исследовались существующие предложения на туристическом рынке по данному направлению и уникальные военно-исторические маршруты. Это позволило установить, что спецификой для Ростовской области является ориентация на военно-патриотические цели туризма. В своей основе военно-исторический и военно-патриотический туризм выполняют одинаковые задачи и могут являться составной частью культурно-познавательного туризма [4].

Для изучения специфики военно-исторического туризма автор на протяжении нескольких лет ведет активную прикладную деятельность по формированию маршрутов и экскурсий, реализуя проекты в разнообразных организациях: туристических компаниях, некоммерческих организациях, общественных организациях, федеральном проекте «Дороги Победы». При реализации серии экскурсий был сделан акцент на значимости роли отдельной личности, гражданина в событиях страны. Создан уникальный маршрут, связанный с именем Ц.Л. Куникова; пешеходный экскурсионный маршрут по центральным улицам и площади Ростова-на-Дону; уникальный маршрут «Крепости нижнего Дона».

Многолетнее развитие регионального туристского бренда «Вольный Дон» [3] позволяет рекламировать военно-исторический туризм как вид туризма Ростовской области, включающий интерактивные программы с погружением в культуру региона с акцентом на демонстрацию культуры донских казаков.

Программы по военно-историческому туризму имеют большое значение для накопления, обобщения, распространения опыта организации и апробации инновационных подходов в сфере воспитания и социализации личности. Для самостоятельного знакомства с особенностями военной истории Ростовской области можно воспользоваться представленными примерами и ежегодным календарем событийных военно-исторических реконструкций.

Источники и литература

1. Военно-исторические маршруты России / отв. ред.: Р.И. Мединский. [Б. г.], [Б. д.]. URL: <https://tour-vestnik.ru/voyenno-istoricheskiye-marshruty-rossii> (дата обращения: 06.05.2024).
2. *Войтов И.Г.* Преданный «Слову» // Донской временник. Год 2005-й. Ростов н/Д., 2004. Вып. 13. С. 69–70.

3. Вольный Дон. АНО «Агентство по туризму и деловым коммуникациям Ростовской области». URL: <https://visitdon.ru/> (дата обращения: 06.05.2024).

4. Горбачева Д.А., Спирина И.К. Разработка военно-исторических экскурсий в процессе образовательной деятельности как форма патриотического воспитания молодежи // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-4. С. 114–118.

5. Дрючина Е.Д. Понятия «военно-исторический туризм» и «военно-патриотический туризм» в современной отечественной литературе // Социально-гуманитарные науки: современные парадигмы и исследования: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, 2021. С. 61–66. URL: <https://apni.ru/article/2486-ponyatiya-voenno-istoricheskij-turizm-i-voen> (дата обращения: 06.05.2024).

6. Основные виды туризма // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/591/> (дата обращения: 06.05.2024).

7. Радев А. Виртуальный экскурсионный маршрут по местам воинской Славы Ростовской области. URL: <https://infourok.ru/prezentaciya-virtualnyj-ekskursionnyj-marshrut-po-mestam-voinskoj-slavy-rostovskoj-oblasti-4365940.html> (дата обращения: 06.05.2024).

8. Турмаршрут по военно-историческим местам создали в Ростовской области. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/79668/> (дата обращения: 06.05.2024).

9. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 06.05.2024).

10. Электронный каталог туристских маршрутов. URL: <https://web.archive.org/web/20200927172917/http://ecocenter-rostov.ru/eco-maps> (дата обращения: 06.05.2024).

Вик.Ю. Мартыненко

ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕТЕЙ
(на основе документов Центра хранения архивных
документов в городе Шахты Ростовской области)

79 лет отделяет нас от завершения самой кровопролитной войны в истории человечества, которая безжалостно сломала судьбы, искалечила души, уничтожила надежды и унесла миллионы жизней. В эти годы лихолетья трудно было всем: и бойцам

на полях сражений, и тем, кто день и ночь ковал победу в тылу у станка, отдавая все свои силы фронту, и детям – самой незащищенной, самой слабой части населения. Но дети жили рядом со взрослыми: работали, учились, воевали, мерзли от холода, страдали от голода, бомбежек, потери близких, страха погибнуть самому.

Дети войны... Как мало осталось их среди нас! И с каждым годом становится всё меньше. И оттого в сердце с оглушительным трепетом звучит каждая их история, история ребенка войны. Ничтожно мало этих воспоминаний в архивах. В последние годы Государственное казенное учреждение Ростовской области «Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области» (далее – ЦХАД) начал активно проводить работу по сбору, записи и обработке этих бесценных сведений, рассказанных вырвавшимися из пекла испытаний и при этом не потерявших интереса к жизни, ставших мудрее детей – шахтинцев и ставших шахтинцами позже.

1941 год, 22 июня. Крепко спали люди после трудовой недели, ведь наступивший день – воскресенье. И вдруг – страшные удары обрушились на землю. Оглушила весть, прервавшая привычную жизнь граждан.

«Папа мой военный был¹, – рассказывает Н.С. Дегтярева, которой в 1941 г. было шесть лет, – <...> наших всех военных подняли на какие-то маневры. Никому, ничего, ни жена, никто не знал. И через 10 дней папа сообщил: “Лиза (это мама моя), не волнуйся, но будет война”. И всё. <...> Мы с детьми ходили за цветами, идем и смотрим, что из нашего дома все на улице и почему-то слезы, все плачут. И моя мама бежит мне навстречу. Что случилось? Такой день хороший, солнечный. И говорит: “Дочечка, не расстраивайся, война началась”. И всё...» [11: 1].

Л.А. Мартыненко было почти четыре, когда началась война: «Наше радио молчало. И только в 12 часов дня после речи Молотова все услышали, что началась война. Но люди и до этого откуда-то знали уже. Бегали от дома к дому и кричали: “Война!” Я еще ничего не понимала, а мама как заплакала, да и соседки плакали, кричали: “Ой, что будет?”» [6: 1].

В июне 1941 г. Екатерине Сауткиной было 11 лет. Жизнь девочки из счастливой, большой и дружной семьи в одночасье

¹ Здесь и далее стиль изложения авторов воспоминаний сохранен.

превратилась в ужас страшного военного времени: «В самом начале войны на фронт ушли отец и старший брат. Нас в семье осталось пятеро: мама, я и три младших сестры» [10: 23].

Когда началась война, Раисе Наумовой было 12 лет. Помнит, как из единственного громкоговорителя в селе услышала весть о начале войны: «Стало так страшно! Но до конца осознала весь ужас, когда отца забрали на фронт и мы с матерью остались без кормильца. Похоронка на отца пришла через несколько месяцев, но надо было как-то жить дальше» [10: 19].

«Наступило 22 июня 1941 г. Сестра Надежда готовилась к прощальному выпускному вечеру в школе. <...> Я пританцовывала под пластинку модного тогда патефона. <...> Вдруг из кухни раздался взволнованный голос мамы: “Скорее идите сюда, передают какое-то важное сообщение!” По радио читал заявление Советского правительства Молотов. <...> Мама горько заплакала и сквозь слезы говорила: “Какое горе, какая беда!”» – вспоминает Т.А. Белоусова [15: 20, 21].

Война внесла свои коррективы в жизни сотен и тысяч шахтинцев. Как и жители других регионов, в Шахтах мужчины и женщины разного возраста и разных профессий после объявления мобилизации направились в городской военкомат с просьбой отправить их на фронт добровольцами.

Страна торопливо перестраивалась на военный лад. Все усилия направлялись на оборону Родины, на вооружение Красной армии. На шахтах, в лавах стало меньше людей, а страна требовала всё больше и больше угля. Горняки совмещали профессии, заменяя ушедших на фронт товарищей, место мужей и братьев в заботах занимали их жены и сестры, дети-подростки. Работавшие в сельском хозяйстве женщины через городскую газету «Красный шахтер» призывали: «Хлеб – тоже оружие Родины, как винтовки и снаряды!» [1: 3]. И шахтинцы, прежде всего студенты техникумов и школьники, выезжали на помощь селу.

Раиса Наумова вспоминала: «Семья была бедной, хозяйство не держали, поэтому голодали. Мать работала в колхозе, продуктов питания не хватало, всё отдавали фронту. Приходилось готовить из травы. Помню <...> лепешки на воде и еще лебеду, которую заваривали и ели. Свекла была как деликатес. Вскоре от голода умер младший брат, и в семье осталось 3 человека» [10: 20]. Рая пошла

в колхоз, чтобы помогать женщинам доить коров, работать в поле, готовить. Учиться было некогда, за плечами осталось только три года начальных классов.

«Для того чтобы выжить в то непростое время, я помогала маме воспитывать своих младших сестер, так как мама работала на деревообрабатывающем предприятии в поселке шахты “Нежданная”. Это был тяжелейший труд: она обдирала кору со стволов деревьев. <...> Время от времени я тоже ей помогала, тоже снимала кору – такую неподатливую и жесткую... Уставали, еды не хватало. Самой заветной мечтой была буханка, упавшая с неба», – вспоминала Е.В. Сауткина [10: 24].

Л.А. Мартыненко вспоминала, как дома готовили какое-то варево из лебеды, других трав, коры, даже ремней. Занималась этим старшая сестра Антонина. Потом девушка усаживала детей и наливала им одинаковое количество приготовленной еды. «Брат Виталий съедал всё очень быстро и норовил еще у кого-нибудь стянуть. А я была маленькая, пугливая, хотел брат есть – ну и отдавала ему свою миску. Тогда Антонина, зорко следившая за нами, давала по лбу половником. Виталию, чтобы не просил, мне – чтобы сама ела», – рассказывала Людмила. Антонина работала в госпитале и иногда приносила домой всё, что оставалось от солдатских обедов. Это переваривали и давали детям [6: 2].

Юная Валя Нилова каждое утро садилась в теплушку и отправлялась в село, чтобы работать в колхозе. В Андреевке поезд не останавливался, но машинист знал, что есть Валя, и сбавлял ход возле точки назначения юной труженицы, что позволяло ей спрыгнуть с поезда и отправиться на работу. В колхозе девочка обрабатывала поля и собирала урожай. Плоды ее труда отправлялись на фронт и обеспечивали продовольствием солдат. А Вале было всего 12 лет. По вечерам девочка отправлялась домой тем же способом, что и утром. Вместо детских игр и забав – тяжелый физический труд. Домой она возвращалась с честно заработанным полкило картошки и делила это «сокровище» со всеми членами семьи [10: 27].

Нависшая над страной смертельная опасность подняла активность трудящихся. Люди были готовы работать и днем и ночью, лишь бы больше дать стране угля, лучше помочь фронту. В то время выработка достигала 170–270 % [4: 3]. Старшие школьники

сутками трудились, спустившись в шахту, в забой вместо ушедших на фронт братьев и отцов, проявляя поистине чудеса трудового героизма [2: 1]. А были и такие случаи: десятник шахты «Нежданной» Д.А. Фролов с первых дней войны был на фронте. Его жена и дочь Люся тоже добровольно ушли на фронт и работали в одном из госпиталей. Нелегко давались медицинские навыки. Люся брала любознательностью, а Антонина Андреевна – прилежанием. Однажды отец приехал в госпиталь контуженным. После оказания ему необходимой помощи Люся по-военному доложила: «Товарищ капитан! Мы теперь уже не простые санитарки, а медицинские сестры. Мама у стерильного стола дежурит. <...> Я сегодня отдыхаю. Свою кровь отдала тяжело раненому пулеметчику Лозовскому» [5: 1].

Одновременно начала действовать программа эвакуации крупных промышленных предприятий вглубь страны. Эвакуировалось и население. Враг был очень близко, город обстреливался. Н.С. Дегтярева вспоминает: «...мы под бомбежки попадали, в окопах были, где мы только не прятались! Солдаты нам помогали, там части стояли (саперы). Вырыли нам окопы. И прятались в туалетах. <...> Где попало. Где нас заставало, там мы и прятались. Пришло время нашей эвакуации, детей и жен, в тыл. Подали поезд товарный. Там нары были внизу и на втором этаже. Дети маленькие внизу, родители выше. Мы поместились, и нас повезли. Сколько ехали, не помню; нас обстреливали, по вагонам стреляли. <...> Привезли и расквартировали <...> в деревне, там еще мирное время, немцев нет. Приехали мы туда осенью. Зимой мы перезимовали кое-как. Дали нам дом, у которого крыша текла, тазики подставляли. За Волгоградом, нас особо далеко не увезли <...> в колхоз нас привезли. Мы помогали, чем могли. <...> Председатель колхоза безногий был, один. Весь колхоз эвакуирован. У него было 3 коровы и 4 человека было нас, беженцев. Он нас кормил молоком. Малину мы сами нарвали, сварили варенье и зиму мы перезимовали» [11: 2].

Затем каким-то непостижимым образом бабушка из Красного Сулина передала маме Надежды записку, чтобы ехали к ней. Безногий председатель отвез мать с Надей в Волгоград на пристань. Уехать было невозможно. Началась проверка документов. «К маме подходили, та сказала: “Вот моя дочь, вот я, вот мои документы.

Муж мой на фронте”. Потом началась погрузка солдат на баржу. Местных не пропускали, только военных. <...> Идут 2 офицера, фонариком светят. Маме на глаза посветили, спросили, кто мы и откуда. Мы объяснили, что хотели в Ростов попасть, а сообщили, что Ростов вновь сдали. <...> Мы сказали, что хотим к бабушке ехать. Он сказал, чтобы подождали: “Вдруг удастся нам как-нибудь вас втиснуть в эту колонну солдат, которые будут погружаться на эту баржу”. Короче говоря, поставили маму, одели в шинель, дали пилотку, красный крест, якобы она медсестра. А меня солдат под полу (а я маленькая была, худенькая) спрятал и сказал: “Не шуми”. Дали команду заходить на баржу. А мне солдат только говорит: “Не упади, ради Бога, не упади”. Я вроде шла хорошо, но споткнулась, так он меня, как собачонку, поднял и снова под полу спрятал. Солдаты сами не знали, куда едут и что будут делать» [11: 3], – рассказывала Надежда Степановна.

Детская память хорошо сохранила события того времени: как три дня плыли, что оказавшие помощь солдаты кормили мать с дочкой то супчиком, то кашей, а Наде даже нашли сладкого петушка; как потом всех погрузили на машины и солдат доложил старшему офицеру, что по дороге нашел сестру с дочкой, чтобы как-то оправдать присутствие женщины с ребенком в подразделении; как потом приехали на какую-то ферму и как опять началась бомбежка. «Все попадали в окоп, а я сказала, что в ту яму не залезу и побежала! Мама кричала: “Надя, вернись! Надя, вернись! Там тебя убьют!” Заканчивается последний обстрел, последний был взрыв, и наш окоп засыпало. <...> Детей некоторых с головой накрыло, матерей по пояс, а мне только ноги присыпало. Маму тоже по пояс накрыло. Думаю: “Вот видите, я выжила, все выжили”» [11: 3].

Продолжалась массовая эвакуация. При отступлении давалась партийная установка: «Ничего не оставлять врагу!». Поэтому многие городские здания поджигали при отступлении, были разрушены водопроводная система, электростанция, взорваны все шахты и многие жизненно важные объекты. Люди отправлялись в эвакуацию поездами, на телегах, пешим ходом. На станции около х. Борки переселенцы подверглись бомбардировке. «Испытав страх, ужас, увидев войну совсем близко, многие шахтинцы пешком отправились назад, домой», – вспоминал участник Великой Отечественной войны К. Василенко [3: 29].

Но и в городе жить становилось тревожно и опасно. Всё чаще пролетали самолеты, стояло зарево пожарищ. В середине июня 1942 г. начались бомбежки, линия фронта подошла совсем близко.

В.М. Бочаров, преподаватель Шахтинского политехнического института, которому в 1942 г. было четыре года, вспоминал: «Мать несла меня на руках. Я замер от страха, прижался к ней. Город сотряслся от грохота, в воздухе стоял удушливый дым. Хорошо помню звуки взрывов и багрово-красное пламя пожаров в разных частях города» [14: 1].

Свидетелем этих событий была и Тамара Белоусова: «Жители во время бомбежек прятались в подвалах и погребах, однако и это не помогало. После бомбежки наступала тишина, которую через некоторое время прерывал стук и грохот. Это шли обозы с ранеными советскими солдатами, направлявшимися в район Мелиховки» [15: 31].

В ЦХАД хранятся воспоминания шахтинцев, которые во время оккупации жили в других местах. Многие дети очень хорошо запомнили период оккупации. Так, И.А. Дикарев встретил немцев в родной ст. Константиновской, расположенной на правом берегу р. Дон: «Мы с ребятами играли в терновнике соседского дома. <...> Вдруг над нашими головами очень низко пролетел самолет с черными крестами на крыльях, и прозвучала пулеметная очередь. <...> Так состоялось первое знакомство с немцами. Моя семья – бабушка, мать и трое нас – сначала укрывались в погребе, затем (снаряд разорвался на нашем дворе) на кирпичном заводе в штабелях кирпича; и здесь однажды ночью бомба упала рядом с нами, мы выскочили, задыхаясь от кирпичной пыли. На другой день вырыли пещеру в отвесной стене глиняного карьера и жили там несколько дней. И вот пришли они, враги, в наш дом. Выселили нас и сестру мамы из дома, и мы стали жителями подвального помещения. Всё остальное занял немецкий офицер – со стеком и большой овчаркой» [13: 3, 4].

Житель Шахт П.С. Полях, родившийся и проведший детство в с. Локня Кролевецкого района Сумской области, вспоминал о приходе немцев так: «Немцы оккупировали наше село 1 сентября 1941 г. <...> Лютая зима с 41-го на 42-й год, морозы достигали 45 градусов, а в наше село приехали немецкие войска. В школу, где мы учились, навезли соломы, и они там спали. А их командиры

с хат повыгоняли нас, и мы спали в погребѣ, очень было холодно, а немцам топили печки. <...> Потом приехали другие немцы. Эти позамерзли, как суслики, на голову наматывали всяких тряпок, на ноги тоже намотали. Это не вояки, а чучела. Машины у них замерзли, толкали по всему селу. Я тоже там бегал и украл кусок мяса, а немец заметил. И мне досталось прикладом автомата по голове, я потерял сознание... мясо отобрали, но меня отвели домой мои друзья» [7: 1, 2].

Подобные воспоминания и у Л.А. Мартыненко: «Мы с братом сразу повзрослели. С нами жила еще сестра и тетя с дочкой. Враги выгнали нас из дома. Мы пошли по улице искать пристанище. Нашли пустой дом, затопили печку. Но сюда тоже пришли фашисты и нас выгнали. Пришлось вернуться в родной дом. Враги загнали нас в погреб, где мы и прожили почти до освобождения. Лишь в январе 1942 г. фашисты позволили жить в спальне. <...> Особенно страшно было, когда сестра Антонина заболела тифом. Мы все были рядом, ухаживали за ней, так как она бредила, но никто из нас не заболел» [6: 2].

Фашисты, насаждая «новый порядок», требовали от населения участия в работах по месту жительства или с выездом в Германию. Жители пытались уклоняться от работы, но это оказалось делом нелегким: приказ коменданта обязывал всё трудоспособное население города зарегистрироваться на бирже труда [16: 1, 1 об.]. Раиса Наумова считала, что ей повезло: многих угнали в Германию, а она слишком молодая и щуплая была по немецким меркам, «оставили здесь работать» [10: 20]. Угнали и юную Анастасию Горобей. Работа на бюргера была не самой тяжелой, но Анастасия ненавидела немецких хозяев. Однако на войне случается разное. Один из немецких офицеров, стоявший на постое в семье Анастасии, был вызван приказом в Германию. Неожиданно для матери Анастасии он сказал, что знает, куда определили ее дочь на работы, и может отвезти ей какой-нибудь подарок от матери, только не письмо и не записку. И тогда мать нажарила пирожков, сняла с головы большой платок с бахромой и упаковала туда пирожки. Анастасия получила материнский привет, а увидев платок, расплакалась. Этот рассказ записан со слов сына Анастасии [8: 1 об., 2].

Не успев покинуть родной Красный Сулин после его стремительного захвата немцами, Леонид Руденко был задержан

и помещен в гестапо как сын известного коммуниста и комиссара. Из воспоминаний нашего земляка, шахматиста, международного мастера Станислава Железного: «Встречаясь в чемпионатах Ростова-на-Дону за доской со скромным неразговорчивым врачом городской больницы, я привычно жал ему руку... не ведал я, что мне... противостоит двукратный чемпион по шахматам... концлагеря Маутхаузен» [9: 1].

Старый террикон шахты имени Красина хранит тайну многих человеческих судеб. За период оккупации в городе было уничтожено около 14 тыс. человек, из которых 3,5 тыс. человек были сброшены в ствол этой шахты [12: 26].

Л.А. и В.А. Мартыненко вспоминали, что, бывая у своей крестной, которая жила рядом со стволом шахты имени Красина, видели подъезжающие машины с жителями города, приговоренными к расстрелу. Крестная всегда закрывала шторкой окно, чтобы дети не видели, как убивают [6: 3]. Такие же воспоминания и у В.М. Бочарова – из его дома тоже видны были казни [14: 2].

С приходом гитлеровцев начало складываться подполье. Своей деятельностью подпольщики стремились укрепить в людях веру в конечное торжество борьбы нашего народа с фашизмом, придать им стойкость и мужество перед лицом суровых испытаний, организовать жителей для активной борьбы с захватчиками. П.С. Полях в своих воспоминаниях пишет о том, как помогал партизанам по заданию партизанского разведчика: «Весь день бегал по селу, сильно замерз. У немцев просил конфет, тем самым узнавал задание. А дня через два завязался ужасный бой, налетели партизаны, поснимали спящих немцев и на лошадях убежали, а немцы подняли тревогу... объявили людям, что всех расстреляют, если не скажут, где партизаны. Но все молчали. Бог нас спас, приехал какой-то начальник и скомандовал... нас отпустить» [7: 3].

Оккупация – время проверки на прочность характера, человеческих качеств. Делами и поступками раскрывали себя люди, делами и поступками раскрывали себя дети.

И – долгожданное освобождение! Игорь Александрович Дикарев вспоминает: «Ура, наши пришли! Мать пригласила двух солдат в нашу конуру и чем-то их угостила (жили мы впроголодь); оказалось, они больше суток лежали в снегу вблизи аэродрома, готовясь к входу в станицу» [13: 6].

После освобождения появились новые задачи: восстановление территорий, разрушенной экономики, оказание помощи фронту. И снова на помощь взрослым пришли дети.

Праздников в годы войны не было, а самым светлым и радостным днем стал День Победы. Дети и радовались, и одновременно плакали по потерянному детству и несбывшимся мечтам, не вернувшимся с войны родным, страшным воспоминаниям. Но они смогли выстоять в этой войне и победить! Это ведь была и их Победа тоже.

Источники и литература

1. Женщины! На производство! // Красный шахтер. 1941. 1 июля. С. 3.
2. Есауленко И. Боевые задачи комсомольцев шахт // Красный шахтер. 1942. 22 марта. С. 1.
3. Мичурина Л.А. Памяти тревожное волнение. Шахты, 2013.
4. Петров А. В шахту, в забой! // Красный шахтер. 1942. 20 февраля. С. 3.
5. Сафонов А. Семья патриотов // Красный шахтер. 1944. 1 апреля. С. 1.
6. ЦХАД. Ф. Р-901л/п. Оп. 1л/п. Д. 206.
7. ЦХАД. Ф. Р-923л/п. Оп. 1л/п. Д. 10.
8. ЦХАД. Ф. Р-923л/п. Оп. 2л/п. Д. 22.
9. ЦХАД. Ф. Р-923л/п. Оп. 3л/п. Д. 1.
10. ЦХАД. Ф. Р-923л/п. Оп. 4л/п. Д. 5.
11. ЦХАД. Ф. Р-923л/п. Оп. 5л/п. Д. 1.
12. ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69.
13. ЦХАД. Ф. Р-1194л/п. Оп. 1л/п. Д. 1.
14. ЦХАД. Ф. Р-1195л/п. Оп. 1л/п. Д. 1.
15. ЦХАД. Справочно-информационный фонд. Д. 9/237.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9-а.

А.И. Мосейчук, Е.В. Шкут

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЕОНИДА АЛЕКСАНДРОВИЧА БОРИСОГЛЕБСКОГО ОБ УЧАСТИИ В НОВОГРУДСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В Белорусском государственном архиве научно-технической документации (далее – БГАНТД) хранится фонд № 180 «Борисоглебский Леонид Александрович, ученый-физик, профессор Белорусского государственного университета». В фонде

содержатся рукописи Л.А. Борисоглебского: авторефераты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора физико-математических наук, научные статьи, материалы спецкурса для студентов кафедры теоретической физики, воспоминания; биографические документы: автобиография, диплом кандидата физико-математических наук и аттестат доцента (копии), диплом доктора физико-математических наук и аттестат профессора (копии), краткая биографическая справка, почетные грамоты, показания Л.А. Борисоглебского в Новогрудский горком Коммунистической партии (большевиков) (далее – КП(б)) о деятельности подпольной организации во время фашистской оккупации г. Новогрудка; изобразительные документы: индивидуальные фотографии Л.А. Борисоглебского, коллективные фотографии с сотрудниками кафедры теоретической физики Белорусского государственного университета, с ветеранами войны и др.

Деятельность Л.А. Борисоглебского как ученого-физика довольно широко освещалась в различных изданиях [7, 8]. Но его личная жизнь, его деятельность в подпольной организации в годы Великой Отечественной войны, его путь в годы тяжелых испытаний не были предметом публикаций. Нужно отметить, что и сам ученый не стремился к этому. Ответить на многие вопросы и открыть неизвестные широкой публике эпизоды биографии Леонида Андреевича могут документы его личного архива, в недавнем прошлом сформировавшие один из фондов БГАНТД.

Л.А. Борисоглебский родился 6 апреля 1912 г. в Санкт-Петербурге. В 1920 г. семья вернулась на родину матери в д. Заречье Гродненской губернии (сейчас – Кореличский район Гродненской области) [2: 1]. В 1922 г. Л.А. Борисоглебский поступил в Новогрудскую белорусскую гимназию, которую окончил в 1930 г. В этом же году был принят в Виленский университет имени Стефана Батория на естественно-математический факультет. Из-за тяжелых материальных условий учился с перерывами. Университет окончил в 1938 г. Получив диплом магистра философии в области физики, переехал в Варшаву [5: 4]. Не имея гражданства Польской Республики, он не мог трудоустроиться и зарабатывал на жизнь частными уроками [5: 4].

Когда в сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война, Л.А. Борисоглебский возвратился в г. Новогрудок и устроился

на работу преподавателем физики в среднюю школу № 1. В первые дни Великой Отечественной войны Л.А. Борисоглебский вместе с другими учителями школы по очереди дежурил в здании, чтобы не допустить мародерства. Однако, 6 июля 1941 г., после того как началась оккупация г. Новогрудка немецкими войсками, школа была разграблена. Это настолько возмутило педагога, что он вместе с коллегой А.И. Орсой, преподавателем биологии, обратился в немецкую комендатуру с жалобой на действия военных. К сожалению, жалоба была отклонена [1: 2].

Во время немецкой оккупации Л.А. Борисоглебский преподавал в Новогрудской белорусской учительской гимназии, с января 1942 г. участвовал в подпольной антифашистской организации, возглавляемой белорусским поэтом Валентином Тавлаем. С декабря 1942 г. Леонид Александрович был связным партизанского отряда имени Г.И. Катовского бригады имени Ф.Э. Дзержинского [3: 4].

В 1983 г. Л.А. Борисоглебский был вызван в Новогрудский горком КП(б) для дачи показаний о деятельности антифашистской подпольной группы. В мае 1997 г. эти показания вместе с другими документами были переданы автором в БГАНТД.

Согласно свидетельствам Л.А. Борисоглебского, основателями подпольной организации в г. Новогрудке были Валентин Павлович Тавлай, Павел Фомич Одинец, Екатерина Степановна Главинская и Леонид Александрович Борисоглебский [2: 1]. Как вспоминал сам Леонид Александрович, первое заседание подпольной группы проходило в г. Новогрудке в «избушке вблизи Почтовой улицы <...> на квартире матери (Л.А. Борисоглебского. – Л. М., Е. Ш.) – Довнар Марии Антоновны» [2: 2]. На первом же заседании В.П. Тавлай был избран руководителем подпольной организации. Он и должен был «руководить основными формами борьбы с немецкими оккупантами» [2: 2]. Главными задачами были установление связей с другими подпольными организациями Западной Белоруссии и выход на партизанские формирования.

Нужно отметить, что опыт подпольной работы был у всех членов-руководителей антифашистской организации. Так, сам Л.А. Борисоглебский в свое время являлся участником западно-белорусской комсомольской подпольной организации [1: 1].

В целях конспирации заседания с членами группы проводились В.П. Тавлаем по его вызову в случае крайней необходимости. Многие встречи проходили на квартире матери Л.А. Борисоглебского по ул. Замковой, д. 2 [2: 3]. Первоначально организацию называли «Группа мстителей», но название не закрепилось – в партизанском руководстве она обычно называлась «Группа Тавлая» [2: 2].

Работа антифашистского подполья в первые месяцы сводилась к мобилизации единомышленников или сочувствующих, число которых, по воспоминаниям Леонида Александровича, оказалось в несколько раз больше, чем число членов группы [2: 3]. Вскоре количество участников подпольного движения увеличилось до 14 человек [2: 2], что позволило расширить антифашистскую деятельность. Многим людям, которым угрожали аресты или вывоз на принудительные работы в Германию, благодаря подпольщикам, удалось сделать новые паспорта, что позволило им избежать злоключений. По воспоминаниям Л.А. Борисоглебского, крайне опасно было заниматься открытой антифашистской пропагандой, поэтому приходилось действовать «весьма осмотрительно и исподволь» [2: 4].

Подпольщики готовились совершить диверсию на местной электростанции, на которую один из организаторов подполья П.Ф. Одинец устроился на работу в котельную. К себе на квартиру он по частям приносил взрывчатку, которую позже планировал доставить в здание электростанции. Но план не удался – в феврале 1942 г. Павел Фомич был арестован. К счастью, когда П.Ф. Одиноца перевозили из тюрьмы на допрос в жандармерию, ему удалось бежать. Впоследствии этот подпольщик был командиром взвода в партизанском отряде имени С.М. Кирова в составе партизанского соединения Пинской области [9].

В мае 1942 г. В.П. Тавлай связался с партизанским отрядом имени Г.И. Котовского. Перечень заданий, выполняемых группой, расширился. Партизаны получали от группы разведданные, лекарства и комплектующие детали для радио и приемников, оказывали помощь по изготовлению документов и пр. Выполняли и специальные поручения командиров партизанского отряда: организовывали встречи партизан с представителями казачьего отряда, составляли планы размещения немецких учреждений в г. Новогрудке и т.п. [2: 4].

В обязанности подпольщиков входили сбор и сохранение издаваемых оккупантами печатных источников информации: брошюр, газет, журналов, плакатов, оповещений и распоряжений. В них указывались сведения, имена и фамилии людей, работавших на немцев, факты об их деятельности.

Для доступа к информации о действиях оккупантов руководитель новогрудского подполья В.П. Тавлай устроился на работу писарем в управу Белорусской народной самопомощи. Из-за «работы на немцев» местные жители обвиняли его в связи с коллаборационистами.

Работа Л.А. Борисоглебского преподавателем в Новогрудской белорусской учительской гимназии помогла установить контакты с руководителями оккупационных учреждений. В личных беседах в неформальной обстановке подпольщику удавалось собирать информацию о настроениях в немецкой администрации, их отношении к происходящему на фронте и оккупационной политике немецкой власти, об операциях против партизан и местного населения. Все сведения своевременно сообщались партизанам.

Летом 1943 г. из-за угрозы провала и по настоянию командования партизанских отрядов «Буревестник» и имени Г.И. Котовского, с которыми был связан В.П. Тавлай, организация была расформирована. Осенью 1943 г. некоторые ее члены были арестованы, в том числе и сам Валентин Павлович. Его продержали в тюрьме с 23 сентября по 22 ноября 1943 г. и отпустили. Выйдя из тюрьмы, он продолжил сотрудничать с партизанами.

После освобождения Белоруссии Леонид Александрович стал ассистентом кафедры теоретической физики Белорусского государственного университета. В 1948 г. поступил в аспирантуру, а в марте 1952 г. в Ленинградском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию «Исследование частиц, описываемых бесконечными уравнениями» (руководитель Ф.И. Фёдоров, научный консультант В.А. Фок) [3: 1]. В 1956 г. получил ученое звание доцента [3: 2]. После этого он продолжил работать в университете и заниматься изучением проблем в области квантовой механики, атомной и ядерной физики. В 1970 г. защитил в БГУ докторскую диссертацию «Запрещенные радиационные переходы атомов и ядер» [4: 1]. В 1972 г. ему присвоили звание профессора [4: 2].

Л.А. Борисоглебский – автор почти ста научных статей, обзоров в журнале «Успехи физических наук». В 1972 г. в соавторстве с Э.М. Андерсоном, В.Ф. Трусовым и Г.С. Шуляковским Леонид Александрович написал учебник «Квантовая механика», выдержавший два издания [6: 1]. Он внес значительный вклад в изучение одного из сложнейших физических явлений, развил теорию внутренней конверсии и на ее основе составил «Таблицы внутренней конверсии», ставшие настольными для специалистов в данной области. Эта работа принесла ему международное признание [6: 1].

Л.А. Борисоглебский был награжден орденом Отечественной войны II степени, грамотой Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики, юбилейными медалями, почетными грамотами.

В 1996 г. Л.А. Борисоглебский вышел на пенсию. Умер Леонид Александрович 28 января 2007 г.

Таким образом, использование документов личного архивного фонда Л.А. Борисоглебского, и прежде всего его воспоминаний, позволило детально проследить его жизнь и деятельность во время Великой Отечественной войны, а также расширить знания о работе антифашистских подпольных организаций в военные годы.

Источники и литература

1. БГАНТД. Ф. 180. Оп. 1. Д. 28.
2. БГАНТД. Ф. 180. Оп. 1. Д. 29.
3. БГАНТД. Ф. 180. Оп. 1. Д. 30.
4. БГАНТД. Ф. 180. Оп. 1. Д. 31.
5. БГАНТД. Ф. 180. Оп. 1. Д. 33.
6. БГАНТД. Ф. 180. Оп. 1. Д. 47.
7. Борисоглебский Леонид Александрович // Республика Беларусь: энциклопедия: в 7 т. Т. 2. Минск, 2006. С. 469.
8. Борисоглебский Леонид Александрович // Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1921–2001: 80 год. Мінск, 2001. С. 35–36.
9. Гребёнкин Н. Партизанский командир Одинец Павел Фомич. Что связывало его с Микашевичами // Неофициальный сайт города Микашевичи. URL: <https://mikashevichi.ru/istoricheskie-fakty/1773-partizanskij-komandir-odinets-pavel-fomich-chto-svyazyvalo-ego-s-mikashevichami> (дата обращения: 03.04.2024).

О.В. Уханкина

ПАМЯТЬ О ГЕРОЕ ЖИВЕТ НА РОСТОВСКОЙ И КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ (к 100-летию со дня рождения Н.И. Гулимова)

Герой Советского Союза – высшая степень отличия в СССР, которой удостоивали за совершение подвига или выдающиеся заслуги во время боевых действий.

Имя Героя Советского Союза Н.И. Гулимова вписано в историю Ростовской и Курской земли. Родился и рос в Курской области, а когда ему было 11 лет, семья переехала в Ростовскую область. Жизнь Николая Ивановича была очень короткой: в 20 лет он погиб на фронте Великой Отечественной войны, защищая Родину. В июле 2024 г. исполнится 100 лет со дня рождения Героя Советского Союза Н.И. Гулимова.

Имя его носят школы и улицы Ростовской и Курской областей, мемориальные доски в честь героя установлены на фасадах школ, где он учился. Безусловно, это способствует сохранению памяти о нем, ведь название как символ: мы слышим имя героя, произносим его, узнаем о подвиге, передаем эту память подрастающему поколению. Учиться на примерах героев своей Родины бесстрашию, самопожертвованию и отваге – это и есть патриотизм.

На портале Министерства обороны Российской Федерации «Дорога памяти» содержится такая информация: Гулимов Николай Иванович. 05.07.1924–04.12.1944. Начальник радиостанции роты связи, сержант. Место рождения: с. Разветье, Дмитровский уезд, Орловская губерния. Дата призыва: март 1942 г. Место службы: 305-й гв. Нижнеднепровский полк.

В музее партизанской славы «Большой Дуб» Железнодорожного района Курской области на стене, среди портретов земляков – Героев Советского Союза есть портрет Гулимова, самого юного среди них. Автор этой работы – художник В.М. Рыков, музею портрет передан Курским художественным фондом. На нас смотрит мужественный юноша со звездой Героя на гимнастерке, а над его белокурой головой по небу плывут облака [12].

На основе материалов, хранящихся в музее партизанской славы «Большой Дуб», и других доступных источников мы в данной статье представим биографию Николая Ивановича Гулимова – очень короткую биографию героя.

Николай Иванович Гулимов родился 5 июля 1924 г. в с. Разветье Железнодорожного района Курской области (ранее, до 1928 г., это село относилось к Дмитровскому уезду Орловской губернии). Его отец служил в Курской чрезвычайной комиссии, потом вернулся в Разветье, работал председателем сельсовета. В 1930–1935 гг. семья проживала в пос. Золотой Железнодорожного района Курской области. С 1931 по 1935 гг. Николай учился в разветьевской школе. Когда ему было около 10 лет, брак родителей распался. Так случилось в жизни Николая, что его родители разъехались и оказались в разных городах. Он с братом Алексеем сначала жил с отцом в с. Развилном Песчанокопского района Ростовской области, затем – в Азове. Из-за нехватки средств продолжить образование в средней школе не получилось.

Десятилетку Николай окончил в Ялте, куда переехал с матерью и братом. Его мама работала тогда в санатории Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР в Ялтинском районе. Так Николай попал в одну из школ Ялты, активно занимался в кружке художественной самодеятельности, пел, а в свободные минуты помогал садовнику санатория. Был членом Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Когда Николай окончил школу, шел 1941-й год.

Как только началась война, отец вызвал сыновей в Азов. Старшего, Николая, устроил работать на завод № 318 (ныне – Азовский оптико-механический завод). На заводе планировалось наладить выпуск военной продукции и боеприпасов, но в ноябре 1941 г., когда враг рвался к Ростову-на-Дону, завод был эвакуирован [9].

В марте 1942 г. в возрасте 18 лет Николай Гулимов был призван на фронт. Успешно окончил курсы радистов и, несмотря на юный возраст, вскоре стал хорошим военным специалистом. Участник боевых действий с августа 1942 г. Прошел боевой путь от Моздока до Венгрии, от рядового до начальника радиостанции роты связи. Воевал на Закавказском и Северо-Кавказском фронтах, участвовал в Краснодарской наступательной операции 1943 г. Николай Гулимов был начальником радиостанции роты связи 305-го гвардейского Нижнеднепровского стрелкового полка 108-й гвардейской стрелковой дивизии 46-й армии 2-го Украинского фронта. В составе 44-й, 28-й, 5-й и 46-й армий освобождал южную часть

Украины, Румынию, Болгарию, Венгрию. Принимал участие в форсировании Днепра, Тисы, Южного Буга [5].

Из послевоенных воспоминаний полковника запаса П.Е. Кондрашова – бывшего командира Н.И. Гулимова: «Полк, в котором служил Герой Советского Союза Николай Гулимов, – это боевая гвардейская часть. За боевые заслуги полк был награжден орденами боевого Красного Знамени и Богдана Хмельницкого. Он прошел путь от предгорьев Кавказа до Вены. Николай Иванович Гулимов вместе с полком прошел славный путь, он принимал участие в форсировании Днепра, Южного Буга, Тисы и крупнейшей водной преграды – Дуная. Во всех сражениях, малых и больших, он выполнял большую и ответственную задачу, обеспечивая радиосвязь. Помню, что Николай был комсоргом группы связи». П.Е. Кондрашов охарактеризовал Николая Гулимова, как аккуратного, подтянутого солдата, который «своим воинским видом вызывал к себе уважение» и «умело, с комсомольским огоньком доводил до воинов боевые приказы командования» [11].

Подробности его подвигов сохранили документы о награждениях. Приказом от 31 октября 1943 г. Н.И. Гулимов был награжден медалью «За боевые заслуги» за то, что «в боях с 25 сентября по 25 октября, находясь на командном пункте командира батальона обеспечил бесперебойной связью командира батальона с командным пунктом полка в моменты порыва телефонной связи» [5].

Следующей его наградой стала медаль «За отвагу». В приказе о награждении, изданном 28 марта 1944 г., читаем следующее: гвардии сержант Николай Гулимов «в бою 15.2.1944 года, в момент, когда проводная связь отсутствовала, под сильным артминометным обстрелом и огнем снайперов противника, пробравшись в боевые порядки, корректировал огонь нашей артиллерии, благодаря чему вражеская контратака была успешно отражена» [5].

Вторую такую награду Н.И. Гулимов получил по приказу от 27 апреля 1944 г. за подвиг, совершенный в марте 1944 г.: «В дни жарких боев, когда телефонной связью невозможно было управлять подразделениям полка ввиду плотности огня противника... в нужный момент радиостанция тов. Гулимова была готова и бесперебойно работала. В любых условиях боевой обстановки, не считаясь ни с какими трудностями, тов. Гулимов шел на КП батальона и устанавливал радиостанцию. Этим давал возможность

неразрывно и без перебоев информировать о состоянии боя и управлять подразделениями, ведущими бой. 14 марта 1944 года, принимая активное участие в отражении контратаки немцев, он убил из винтовки 6 солдат» [6].

В упорных боях за освобождение Будапешта после тщательно проведенной разведывательной операции 46-я армия сосредотачивала силы, чтобы нанести главный удар. Перед бойцами штурмовой группы 305-го полка стояла главная задача захватить и удержать плацдарм до подхода основных сил на правом берегу Дуная, в районе г. Эрчи (Венгрия). Боевое задание Николая Гулимова заключалось в том, чтобы вести корректировку огня советской артиллерии [2: 10]. Полученное задание Н. Гулимов выполнил ценой своей жизни. Приведем выдержку из документа, описывающего подвиг героя: «4 декабря 1944 года в момент форсирования реки Дунай южнее села Эрчи (Венгрия) товарищ Гулимов с передовой группой на первой лодке под непрерывным ружейно-пулеметным и артминометным обстрелом противника форсировал р. Дунай. Несмотря на полученное еще на середине реки ранение, он не вернулся назад. Не доплыв до правого берега, в результате сильного обстрела пробитая лодка пошла на дно. Не растерявшись, он бросился в холодную Дунайскую воду и вплавь вынес на себе радиостанцию, соединился с переправившейся группой бойцов, немедленно развернул радиостанцию и связался с командованием полка» [3].

Гулимов вел корректировку огня советской артиллерии, давая возможность правильно управлять боем переправившихся групп: «Работая под губительным ружейно-пулеметным и артминометным огнем противника, сержант Гулимов был вторично ранен, но не покидал своего боевого поста. Был в третий и четвертый раз ранен, он мог лежать только на животе и владеть правой рукой, но в этот критический момент он не оставил своего боевого поста, продолжая обеспечивать бесперебойной радиосвязью бой за овладение плацдармом на западном берегу реки Дунай только что переправившихся подразделений. В этом ожесточенном бою Гулимов погиб смертью храбрых» [3].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, за исключительные личные заслуги

перед Родиной и проявленную доблесть в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками гвардии сержанту Гулимову Николаю Ивановичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденом Ленина 24 марта 1945 г. (посмертно) [5; 13: 39].

Замечательным дополнением к биографии Николая Гулимова является рассказ «Последняя радиограмма» участника Великой Отечественной войны, корреспондента Кима Семеновича Смажнова. Приведем выдержки из него: «В ночь на 4 декабря 1944 года в тесной и холодной землянке связистов сидели четверо солдат. Их командира, сержанта Николая Гулимова, с вечера вызвали в штаб полка. Сержант вернулся поздно. Всегда веселый, не унывающий, он шумно сбросил шинель, подсел к столу. <...>

– Спать, Харитоныч, после войны будем. Она, по всему видно, скоро закончится. <...>

Штурмовая группа гвардейского стрелкового полка, которой первой предстояло достичь правого берега и овладеть плацдармом, бесшумно спустилась к воде. Где-то далеко, справа, гремела канонада. Небо полыхало от вспышек артиллерийских залпов. Солдаты знали – там шел отвлекающий бой» [15].

Гулимов укрыл радиостанцию полой шинели и упорно всматривался в приближающийся берег. Лодки и плоты бесшумно скользили по реке. На середине реки переправляющихся нащупал немецкий прожектор. Взметнулись в небо сотни ракет, ударили пушки и пулеметы.

«– Нажми, ребята! – крикнул Гулимов, поспешно прилаживая за плечами рацию.

На лодках и плотках появились убитые, стонали раненые. А когда до берега оставалось метров двадцать, в лодку связистов попала мина.

Очутившись в ледяной воде, Николай уцепился за полуразбитую лодку, лег на нее животом и изо всех сил стал грести к берегу. Перед головой легла автоматная очередь, обдала холодной водой разгоряченное лицо. Пуля царапнула левую щеку, разорвала ухо» [15].

Вскоре он ощутил под ногами илистое дно. Сняв с убитого бойца автомат, не теряя времени, кинулся в гущу боя.

«Гулимов видел, как встреченная сплошным огнем гитлеровцев наша цепь залегла у самых вражеских траншей. И сержант понял, что теперь многое зависит от него. Надо немедленно вызывать

огонь артиллерии. Высмотрев глубокую воронку, Николай бросился туда. В последнюю секунду осколок мины перебил правую руку, другой впился в бедро. Превозмогая боль, чувствуя, как по руке течет горячая кровь, Гулимов нашел силы снять с себя рацию, наладить ее и установить связь» [15].

На вражеские позиции обрушился огонь артиллерии, от взрывов дрожала земля. Завязался рукопашный бой. Гулимов успел сообщить артиллерии, чтобы перенесла огонь в глубину вражеской обороны.

«Через два часа санитары нашли сержанта в обвалившейся воронке. Он сидел, склонившись вперед, со сжатым в руке микрофоном. У ног его запеклась лужица крови. Гулимов был мертв» [15].

Связист обеспечил связь ценой своей жизни. Ослабев от потери крови, он управлял радиостанцией, лежа на животе. Несмотря на то что был четырежды ранен, он нашел в себе силы до конца идти к поставленной командиром цели.

На сайте обобщенного банка данных «Мемориал» содержится информация о первичном месте захоронения гвардии сержанта Николая Гулимова: Венгрия, комитат Пешт-Пилис-Шолт-Кишкун, с. Сигетуйфалу, центр [8]. Вероятно, перезахоронен на воинском кладбище г. Эрчи медье (области) Фейер, о чем содержится информация на сайте международного патриотического интернет-проекта «Герои страны» [4].

Реконструировав из разных источников ключевые моменты биографии героя, обратимся к процессу увековечения его памяти. В музее партизанской славы «Большой Дуб» хранится статья краеведа Геннадия Александрова, в которой говорится об обстоятельствах отъезда семьи Гулимова из с. Разветье: «Всего в конце 1930-х гг. из села Разветье, спасаясь от голода и из-за начавшихся репрессий, на юг России выехало около 70 человек» [1].

В конце 1980-х гг. учительница первой средней школы г. Железнодорожска, краевед-энтузиаст Ю.С. Погодина проделала с красными следопытами немалую работу, чтобы установить истину. Ими были установлены подробности биографии героя-земляка, о котором в послевоенные годы помнили только в Ростовской области.

Действительно, семья Гулимовых из с. Разветье в 1930 г. переехала в пос. Золотой, а в 1935 г. переехала на юг. Следопыты познакомились с одноклассницей героя, жительницей пос. Золотой

А.А. Кутузовой. Нашли родственников в г. Железнодорожском и в с. Веребенино. Юные следопыты были награждены вымпелом «За результативную поисковую работу» и знаком «Подвиги героев будь достоин!» [14].

В 1990-е гг. жители Железнодорожного района, родственники и земляки героя рассказали о нем местным журналистам. Благодаря бесценным воспоминаниям жительниц пос. Золотого Марии Алексеевны Дьячковой, Александры Андреевны Кутузовой, Натальи Кузьминичны Новосельцевой, о Н.И. Гулимовой стали писать в патриотических и краеведческих сборниках, средствах массовой информации, Большой курской энциклопедии.

Факты биографии Н.И. Гулимова, которые открылись благодаря поисковой работе неравнодушных земляков героя, нашли свое подтверждение в справке, составленной в Центральном Ордена Красной Звезды архиве Министерства обороны Российской Федерации от 29 августа 1990 г. на основании Книги Героев Советского Союза. Сейчас этот документ хранится в музее.

Теперь и на Курской земле поставили задачу увековечить имя Н.И. Гулимова. Летом 2011 г. из г. Азова Ростовской области к своей тете в пос. Золотой приезжал племянник героя Владимир Алексеевич Гулимов. В музее партизанской славы «Большой Дуб» хранится фотография с его подписью: «В дар музею-заповеднику “Большой Дуб” от Гулимова Владимира Алексеевича – племянника Н.И. Гулимова, 08.08.2011 г.». На этой копии с оригинала 1939–1940-х гг. запечатлены братья Николай и Алексей Гулимовы, а в центре – их мать.

Вскоре в разветьевской школе была создана экспозиция, посвященная бывшему ученику, а в феврале 2012 г. было утверждено предложение присвоить школе имя Героя и установить на здании мемориальную доску.

Расскажем о памятных местах в Ростовской и Курской областях, где на данный момент увековечено имя героя.

Во дворе школы № 9 г. Азова Ростовской области в 1968 г. был установлен памятник Герою Советского Союза Н.И. Гулимову и школе присвоено его имя [9].

Мемориальная доска в память о Н.И. Гулимове была установлена в 1970-е гг. Российским военно-историческим обществом на здании Развиленской средней школы № 9 Песчанокского

района Ростовской области, где он учился до переезда в г. Азов. В январе 2024 г. в Развиленской СОШ № 9 прошло торжественное открытие парты героя Н.И. Гулимова [15]. В этом же селе именем героя назван переулок.

9 мая 2012 г. состоялось торжественное присвоение Разветьевской средней школе Железнодорожного района Курской области имени Героя Советского Союза Николая Ивановича Гулимова и установка на фасаде здания мемориальной доски в честь героя [7]. Имя героя носит также юнармейский отряд этой школы и улица в пос. Тепличном Разветьевского сельсовета Железнодорожного района Курской области.

Да, память о герое жива: о Гулимове помнят и на Курской земле, где он родился, и на Ростовской, где он жил потом. О подвиге Гулимова рассказывают сотрудники музеев, библиотек, но самое главное, что его имя присвоено улицам, школам, отрядам. Эти символы каждый день напоминают нам, что обычный молодой человек стал героем. Это пример того, как надо жить и как нужно быть готовым отдать свою жизнь за Родину.

Сегодняшним ученикам необходимо помнить о том, что в жизни всегда есть место подвигу. За улицей Гулимова, за «партой героя» стоит судьба человека и личный пример мужества и героизма, на который нужно равняться.

Источники и литература

1. Александров Г. Как наша память отзовется // Жизнь района. 2012. № 15. С. 3.
2. Вспомнить всех поименно (Донские герои Великой Отечественной) / авт.-сост. К.С. Филиппов. Ростов н/Д., 2015.
3. Гулимов Николай Иванович // 1418. Дорога памяти. URL: <https://1418museum.ru/heroes/70981210/> (дата обращения: 03.05.2024).
4. Гулимов Николай Иванович // Герои страны. Международный патриотический интернет-проект. URL: <https://rtg.warheroes.ru/hero/hero.asp?id=35374> (дата обращения: 04.05.2024).
5. Гулимов Николай Иванович // Память народа. URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/podvig-nagrada_kartoteka1264772111/?static_hash=acbba7c94d08e2d0d0757bd8b8a420a2v1 (дата обращения: 03.05.2024).
6. Гулимов Николай Иванович 1924 г.р. // Подвиг народа 1941–1945. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=36779528&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 04.05.2024).

7. Железнодорожной школе присвоено имя героя // Единая Россия. URL: <https://kursk.er.ru/activity/news/zheleznogorskoj-shkole-prisvoeno-imya-geroia> (дата обращения: 04.05.2024)/
8. Информация из донесения о безвозвратных потерях // ОБД Мемориал. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=4203943> (дата обращения: 04.05.2024).
9. Николай Гулимов // Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Азовская городская ЦБС». URL: <http://azovlib.ru/index.php/2016-04-06-12-22-12/2016-06-27-12-46-51/2-uncategorized/2727-2019-06-15-13-45-57> (дата обращения: 04.05.2024).
10. «Парту героя» открыли в Развиленской школе // Колос. 2024. 31 января. URL: <https://kolosinform.ru/partu-geroia-otkryli-v-razvilenskoj-shkole/> (дата обращения: 04.05.2024).
11. Подвиг тот бессмертен // Щербиновский курьер. 2010. 15 апреля. URL: <https://gazetaschk.ru/46999.html> (дата обращения: 04.05.2024).
12. Портрет «Герой Советского Союза Гулимов Николай Иванович (1924–1944 гг.)» Рыкова В.М. // Госкаталог.рф. URL:// <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10837772> (дата обращения: 04.05.2024).
13. Пусть помнит мир спасенный: сборник. Курск, 2000.
14. Сидорин М. Теперь у нас Героев – пять // Ударный фронт. 1988. № 31. С. 1.
15. Смажнов К. Последняя радиограмма // История и культура Ростовской области. <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000077/st102.shtml> (дата обращения: 04.05.2024).

Д.А. Борисевич

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЯКОВ ФЕДОТОВИЧ ПАВЛОВ В МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Многие уроженцы Новгородской земли отдали свою жизнь за Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Помимо боев на Северо-Западе РСФСР, новгородцы участвовали в сражениях в Сталинграде, Курске, Смоленске, под Москвой и др. Одной из личностей, чья биография связывает юг и север нашей страны, является Герой Советского Союза Яков Федотович Павлов – гвардии сержант, командир пулеметного отделения 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии Донского, Сталинградского фронтов.

В данной статье изучаются процессы формирования образа героя Сталинградской битвы и дальнейшего сохранения памяти

о нем в Новгородской области. Отдельно рассмотрена деятельность Я.Ф. Павлова в системе военно-патриотического воспитания молодежи. В исследовании используются источники, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области, а также публикации в местных газетах.

Яков Федотович Павлов родился 17 октября 1917 г. в деревне Крестовая Валдайского района в семье крестьянина. Учился в начальной школе в 1928–1932 гг., в феврале – августе 1936 г. прошел Валдайские районные курсы счетоводов колхозов (школу колхозных кадров). С 1932 г. Я.Ф. Павлов работал в колхозе «Крестовая», с 1935 по 1936 г. – почтальоном в селе Моисеевичи Валдайского района, с августа 1936 по октябрь 1938 г. – счетоводом колхоза «Крестовая». Призван Валдайским районным военным комиссариатом в октябре 1938 г.: «Мы хорошо помним 1938 год, когда двадцатилетним пареньком был призван Яша Павлов в Красную Армию. Начав военную службу, рядовым бойцом – пехотинцем, Яков Павлов в дни Великой Отечественной войны стал старшиной, бронебойщиком, а затем уже командиром отделения разведки. Но особенно глубоко раскрылся характер простого русского человека, солдата Якова Павлова в дни боев за Сталинград» [8: 1].

27 сентября 1942 г. во время городских боев в Сталинграде Я.Ф. Павлов и трое его товарищей заняли здание, уничтожив 15 немецких солдат. Они использовали захваченные пулеметы для обороны. Подкрепление пришло через несколько дней, доставив необходимое вооружение и продовольствие. Это здание, известное как Дом Павлова, стало ключевым пунктом обороны дивизии, выдержав множество атак противника. Я.Ф. Павлов и его товарищи отразили более 40 контратак и нанесли значительные потери врагу. За храбрость, проявленную при обороне дома, Я.Ф. Павлов был удостоен медали «За отвагу». 24 ноября 1942 г. после 58 дней обороны, защитники дома перешли в контратаку [6: 19–25].

Яков Федотович закончил Великую Отечественную войну под городом Шверин в Германии, где в октябре 1946 г. был демобилизован. 27 июня 1945 г. Я.Ф. Павлову было присвоено звание Героя Советского Союза с награждением медалью «Золотая Звезда» и орденом Ленина. Награда была вручена ему в феврале 1946 г. Маршалом Советского Союза В.И. Чуйковым. За отличие в боях и военной службе Яков Федотович Павлов был также награжден двумя

орденами Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР» и др. В 1971 г. за успехи в труде он был награжден орденом Октябрьской Революции, медалью «За доблестный труд».

После войны Яков Федотович вернулся домой в Валдайский район, где с конца 1940-х гг. работал в исполнительных и партийных органах власти. В 1950-е гг. он был назначен третьим секретарем Валдайского райкома, трижды избирался депутатом Верховного Совета РСФСР II–IV созывов по Валдайскому избирательному округу, в областной Совет депутатов трудящихся. Он был одним из 19 делегатов от Новгородской области на XXIII съезде КПСС (1966 г.), проходившем в Москве [10: 4].

В 1961 г. Я.Ф. Павлов вышел на пенсию и переехал в Новгород. В городе он продолжил работать на местном заводе «Комета», вел активную общественную жизнь, регулярно посещал вечера памяти, в школах проводил уроки мужества, общался с рабочими на городских предприятиях. Я.Ф. Павлов умер 28 сентября 1981 г. Похоронен на аллее Героев на Западном кладбище Великого Новгорода.

Героический образ Я.Ф. Павлова начал складываться в первые послевоенные годы, когда он избирался депутатом Верховного Совета РСФСР: «Воспитанник коммунистической партии, скромный труженик и мужественный воин Яков Павлов верно и надежно служит советскому народу. Мы призываем всех избирателей Валдайского избирательного округа в день 9 февраля отдать свой голос за Героя Советского Союза Якова Федотовича Павлова» [8: 1]. Первые стихи о совершенном подвиге выходят в 1955 г., их написали поэт Антонин Федорович Чистяков (стихотворение «Стойкость») [15: 7] и поэтесса Ольга Федоровна Берггольц (стихотворение «В Доме Павлова») [1: 24–27].

Больше воспоминаний о Я.Ф. Павлове выходит в период с 1960 по 1970 г., особенно после празднования 20-летия Победы в 1965 г., когда тема Великой Отечественной войны стала активнее популяризоваться в обществе. В это время происходят изменения в мемориальной политике, одновременно с этим развивается военно-патриотическое воспитание молодежи. Яков Федотович

начинает посещать не только местные предприятия, но и выезжает с выступлениями по стране. В 1963 г. Павлов приезжает в Казань, чтобы в честь юбилея победы в Сталинградской битве выступить в Государственном музее Татарской АССР перед жителями города: «Многие с нетерпением ждали этой встречи, встречи с прославленными героями сражения, круто изменившего ход Второй мировой войны. И вот в зал входят Герои Советского Союза генерал Г.Б. Сафиуллин, сержант Я.Ф. Павлов и командир группы 33-х бронебойщиков А.Г. Евтифеев» [3; 5: 7 об.].

Я.Ф. Павлов часто посещал Сталинград (после 1961 г. – Волгоград), чтобы провести памятные встречи, пройти по местам боевой славы. Впервые он приехал в 1946 г., чтобы взглянуть на освобожденный город, встречался с Александрой Максимовной Черкасовой, возглавлявшей в то время движение по восстановлению Сталинграда [9: 101]. При разработке проекта памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» архитектор Евгений Викторович Вучетич планировал разместить в Пантеоне около пятидесяти портретов выдающихся героев битвы на Волге. В 1965 г. Вучетич лично встречался с участниками Сталинградской битвы, в том числе и с Яковом Федотовичем, о чем писала местная газета «Новгородская правда»: «Е.В. Вучетич нарисовал для Пантеона портрет Якова Федотовича, а другой подарил герою с дарственной подписью: “Легендарному герою Великой Сталинградской битвы сержанту Якову Павлову – в благодарность за исключительно сердечные человеческие качества и с глубоким уважением, Е. Вучетич. 1964 г.”» [13].

В 1965 г. Яков Федотович принял участие в выпуске передачи «Голубой Огонек», посвященном юбилею Победы. Во время своего выступления он вспоминал своих сослуживцев, тех с кем оборонял дом в Сталинграде. После выхода передачи к нему стали приходить письма о поиске родственников. В Государственном архиве новейшей истории Новгородской области хранятся несколько таких писем. Так, Яков Федотович упомянул красноармейца Афанасьева, и ему написали А.В. Чернышова с просьбой отыскать пропавшего без вести отца [14: 59] и Д.И. Николайчук из Брянска с просьбой разыскать информацию о пропавшем без вести муже [14: 56]. Однако, как оказалось, Павлов имел в виду другого человека – гвардии капитана Ивана Филипповича

Афанасьева [11: 3]. В целом Яков Федотович регулярно получал письма-поздравления и открытки от людей со всей страны: «Дорогой Яков Федотович сердечно поздравляем Вас с 23-й годовщиной разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Желаем Вам крепкого здоровья, успехов в работе на благо науки великой родины» [4: 69]. Таким образом в памяти народа закрепился образ героя-земляка, человека, совершившего великий подвиг.

В газетах отмечались отзывчивость и желание Я.Ф. Павлова общаться с людьми: «Кем бы он ни работал: заведующим отделом, секретарем райкома партии; где бы он ни бывал: в Финляндии, Венгрии, во Франции, на Кубе – он всегда находит время для встреч с людьми. Шутит, улыбается, задает вопросы, сам отвечает» [14: 4]. Системе военно-патриотического воспитания молодежи Яков Федотович уделял особое внимание. В архиве хранится письмо пионеров школы № 8 города Курса, в котором они просят Я.Ф. Павлова прислать свои воспоминания о войне и фотографию для своего музея боевой славы [4: 17]. Павлов регулярно выступал перед пионерами и проводил уроки мужества: «Сейчас, когда я выступаю перед молодежью, стремлюсь убедить моих юных слушателей, что мало быть хорошо грамотным и уметь владеть совершенной военной техникой, надо еще быть мужественным, смелым, находчивым, во имя любви к Родине не пожалеть, когда потребуется, ни сил, ни крови, ни своей жизни» [12].

27 мая 1970 г. Яков Федотович Павлов стал Почетным гражданином города Валдай, а за год до своей смерти – Почетным гражданином Волгограда. В день его смерти в «Новгородской правде» вышел некролог, под которым подписались все представители партийных и советских органов власти: «Светлая память о Якове Федотовиче Павлове – верном сыне Коммунистической партии Советского Союза навсегда хранится в наших сердцах» [10: 4]. Начался этап увековечения памяти о герое-земляке.

В 1982 г. по решению Новгородского облисполкома в Новгороде появилась улица Якова Павлова [7: 104]. В его родном Валдае также есть улица, носящая имя героя. В том же 1982 г. Совет Министров РСФСР принял постановление об увековечении памяти Героя Советского Союза Якова Федотовича Павлова. Его имя было присвоено школе-интернату № 1 в Новгороде. В школе повесили

мемориальную доску, открыли музей, посвященный истории жизни Павлова и его подвига: «На митинг по случаю торжества, собрались ветераны партии, войны и труда, представители трудящихся города, коллектив школы-интерната» [2: 1]. Музей до сих пор действует при этой школе (сейчас это спортивная школа-интернат «Спарта»). В 2021 г. там провели ремонт и обновили экспозицию. В августе 2017 г. в Валдае открыли бюст Герою Советского Союза Якову Павлову, а в 2022 г. в канун 80-летия начала Сталинградской битвы поставили бюст в Новгороде.

Таким образом, в советский период образ Якова Федотовича Павлова активно популяризировался. Он был участником многих встреч как у себя на родине, так и по всей стране. Яков Федотович занимался военно-патриотическим воспитанием молодежи, развитием ветеранского движения. На сегодняшний день память о подвиге героя-земляка свято чтится на Новгородской земле.

Источники и литература

1. Берггольц О. Лирика. М., 1955.
2. Бужов Г. В память о Герое // Новгородская правда. 1982. 30 сентября. С. 1.
3. Встреча с героями великого сражения // Советская Татария. 1963. 30 января. С. 4.
4. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). Ф. 1667. Оп. 2. Д. 221а.
5. ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 283.
6. Дом его имени // Блокнот агитатора отдела пропаганды и агитации Новгородского обкома КПСС. 1968. № 2. С. 19-25.
7. Запольская О.В. Улицы Великого Новгорода: справочник. Великий Новгород, 2010.
8. Захаричев А., Баранова М., Анисимов О., Волкова Т., Потемкин И. Герой Советского Союза Яков Федотович Павлов // Новгородская правда. 1947. 14 января. С. 1.
9. Имангалиева А. Черкасова и черкасовцы // Родина. 2013. № 4. С. 101–102.
10. Некролог Я.Ф. Павлова // Новгородская правда. 1981. 30 сентября. С. 4.
11. Павлов Я. В ногу со временем // Новгородский комсомолец. 1976. 2 декабря. С. 3.
12. Попов В. Быть патриотами Родины // Новгородский комсомолец. 1974. 5 января.

13. Попов В. Портрет Героя // Новгородская правда. 1965. 23 февраля. № 44 (12040). С. 1.

14. Человек из легенды: исполнилось 60 лет герою Сталинграда Якову Федотовичу Павлову // Новгородский комсомолец. 1977. 30 декабря. С. 4.

15. Чистяков А.Ф. Стойкость // Чистяков А.Ф. Край мой новгородский: стихи. Новгород, 1955. С. 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Антон Викторович – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Афанасенко Владимир Иванович (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Бадугинова Маргарита Владимировна – канд. ист. наук (Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста)

Байрамов Руслан Сагифович – канд. ист. наук (Курская академия государственной и муниципальной службы, г. Курск)

Бережанская Ирина Юрьевна – канд. филол. наук (Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва)

Боголюбов Александр Александрович – д-р гуман. наук в области новейшей истории (независимый исследователь, г. Пятигорск)

Бондарев Виталий Александрович – д-р ист. наук (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)

Борисевич Даниил Андреевич (Государственный архив новейшей истории Новгородской области; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород)

Бушуев Алексей Сергеевич – канд. ист. наук (Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань)

Васильев Игорь Юрьевич – канд. ист. наук (Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУ КК «Кубанский казачий хор», г. Краснодар)

Вычеров Дмитрий Александрович – канд. ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Головин Евгений Анатольевич – канд. ист. наук (Юго-Западный государственный университет, г. Курск)

Головина Евгения Леонидовна (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)

Горбатенко Екатерина Александровна (Донецкий республиканский краеведческий музей; Донецкий государственный университет, г. Донецк)

Горюшина Евгения Михайловна – канд. полит. наук (Центр комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Институт мировой военной экономики и стратегии

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва)

Грибков Иван Владимирович – канд. ист. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва)

Заблотский Александр Николаевич (независимый исследователь, г. Таганрог)

Иванов Вячеслав Александрович – канд. ист. наук (Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь)

Инюшев Константин Сергеевич (ЮНЦ РАН; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Исуфов Шердил Ватанович (Кулябский государственный университет имени Абуабдулло Рудаки, г. Куляб)

Кальниченко Владислав Николаевич (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская)

Камынин Евгений Вячеславович (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Кедрова Ирина Владимировна – канд. пед. наук (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)

Киселёв Илья Викторович – канд. ист. наук (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, г. Краснодар)

Коровин Владимир Викторович – д-р ист. наук (Юго-Западный государственный университет, г. Курск)

Кринко Евгений Фёдорович – д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Ларинцев Роман Иванович (Техникум судостроения и машиностроения, г. Северодвинск)

Линченко Андрей Сергеевич (Государственный музей-заповедник «Старая Сарепта», г. Волгоград)

Лицарева Александра Фёдоровна (Колледж «Царицыно», г. Москва)

Лысенко Ирина Альбертовна – канд. экон. наук (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)

Лысенко Марк Ростиславович (ЮНЦ РАН; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Макарова Елена Александровна – канд. ист. наук (независимый исследователь, г. Ставрополь)

Мамедова Ольга Валерьевна – магистр истории (Абхазский государственный университет, г. Сухум)

Мартыненко Вероника Юрьевна (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Мартыненко Виктория Юрьевна – канд. ист. наук (Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области)

Матиев Тимур Хусенович – д-р ист. наук (Ингушский государственный университет, г. Магас)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик РАН (заместитель президента РАН, научный руководитель ЮНЦ РАН, г. Москва – г. Ростов-на-Дону)

Медведев Максим Валерьевич – канд. ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Медвенский Николай Игоревич (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, г. Сухум)

Мерзляков Михаил Петрович (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская)

Мосейчук Людмила Ивановна – канд. ист. наук (Белорусский национальный политехнический университет, г. Минск)

Осмаев Аббаз Догиевич – д-р ист. наук (Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный)

Печалова Лариса Викторовна – канд. ист. наук (Ставропольский строительный техникум, г. Ставрополь)

Плиева Маргарита Георгиевна – канд. искусств. (Региональное отделение Ассоциации искусствоведов по Республике Северной Осетии – Алании; Региональное отделение Российского культурологического общества по Республике Северной Осетии – Алании, г. Владикавказ)

Попов Алексей Дмитриевич – канд. ист. наук (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь)

Попова Антонина Анатольевна (Ростовская-на-Дону городская централизованная библиотечная система, г. Ростов-на-Дону)

Попова Екатерина Алексеевна (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь)

Приходько Сергей Александрович (Новозыбковский краеведческий музей, г. Новозыбков)

Рева Илья Николаевич (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Ремишевский Константин Игоревич – канд. искусствоведения (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, г. Минск)

Сак Ксения Васильевна – канд. ист. наук (Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва)

Седакова Елизавета Николаевна (Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог)

Сивков Сергей Михайлович – канд. ист. наук (Кубанский институт социэкономии и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», г. Краснодар)

Сидоров Сергей Григорьевич – д-р ист. наук (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Смирнов Александр Петрович (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Сорокина Марина Юрьевна – канд. ист. наук (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, г. Москва)

Стрекалова Елена Николаевна – канд. ист. наук (Северо-Кавказский федеральный университет; Ставропольский государственный музей-заповедник, г. Ставрополь)

Стрельников Максим Александрович (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Татаринов Игорь Евгеньевич – канд. ист. наук (Луганский государственный университет имени Владимира Даля, г. Луганск)

Татаров Азамат Амурович – канд. ист. наук (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик)

Уханкина Ольга Владимировна (Музей партизанской славы «Большой Дуб», филиал областного бюджетного учреждения культуры «Курский областной краеведческий музей», г. Железногорск)

Хатуев Ислам Заутдинович – канд. ист. наук (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, г. Грозный)

Хилькевич Виктория Владимировна (Российский государственный гуманитарный университет; Армавирский лингвистический институт, г. Армавир)

Христофоров Василий Степанович – д-р юрид. наук, чл.-корр. РАН (Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва)

Хубулова Светлана Алексеевна – д-р ист. наук (Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Пятигорск)

Шкут Екатерина Васильевна (Белорусский государственный архив научно-технической документации, г. Минск)

Шпагин Сергей Алексеевич (Общественный региональный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», г. Ростов-на-Дону – г. Санкт-Петербург)

Шпрингер Ольга Александровна (независимый исследователь, г. Новокузнецк)

Щербакова Валентина Ростиславовна (Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь “Красный”», г. Симферополь)

Эльбиздукаева Тамара Умаровна – д-р ист. наук (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова; Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный)

Якунин Вадим Николаевич – д-р ист. наук (Московский художественно-промышленный институт, г. Москва)

Яхутль Юрий Асланбиевич – д-р ист. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (академик Г.Г. Матишов)	5
Раздел 1. Новые подходы, оценки и источники в изучении Великой Отечественной войны	7
<i>Кринко Е.Ф.</i> Бои за Дон и Донбасс в 1942–1943 гг.: этапы и тенденции в изучении	7
<i>Стрельников М.А.</i> О проблеме периодизации Великой Отечественной войны (на примере Сталинградской битвы)	16
<i>Якунин В.Н.</i> Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны: вопросы историографии (1980-е – начало 2000-х гг.)	19
<i>Христофоров В.С.</i> Советские военнопленные периода Великой Отечественной войны: особенности формирования, хранения и поиска документов	28
<i>Шпрингер О.А.</i> Послевоенные наградные листы как источник информации о плене (на примере бывших военнопленных Шталага 386 г. Шахты)	35
<i>Рева И.Н.</i> События блокады Ленинграда в газете «Ставропольская правда» 1943–1944 гг.	42
<i>Аверьянов А.В.</i> Фронтовые письма периода Великой Отечественной войны как исторический источник	46
<i>Бушуев А.С.</i> Воинские мемориалы Великой Отечественной войны: от коммеморации к современному изучению	52
<i>Седакова Е.Н.</i> Верификация данных похороненных воинов Великой Отечественной войны (на примере воинского захоронения № 61-1100/2014 на Старом кладбище Таганрога)	58
<i>Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И.</i> Бои за Таганрог в октябре 1941 г. в немецких трофейных документах из фондов зарубежных архивов	68

Раздел 2. Боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния	72
<i>Хубулова С.А.</i> Группы самозащиты в системе местной противовоздушной обороны Владикавказа в 1941–1942 гг.	72
<i>Лысенко М.Р.</i> Таганрогско-Покровская наступательная операция: первый штурм Миус-фронта.....	80
<i>Афанасенко В.И.</i> Боевые действия советской авиации в полосе Южного фронта 20–25 июля 1942 г.	88
<i>Матиев Т.Х.</i> Роль бронетанковых войск сторон на оборонительном этапе Битвы за Кавказ (на примере Малгобекской оборонительной операции 1942 г.).....	95
<i>Эльбиздукаева Т.У.</i> Значение Гудермеса в оборонительных сражениях на подступах к Грозному: 1942 г.	102
<i>Инюшев К.С.</i> Боевые действия на Юго-Западном фронте в ходе Ростовской и Ворошиловградской наступательных операций зимой 1943 г.	108
<i>Бережанская И.Ю.</i> Курская битва в документах советской военной контрразведки	116
<i>Медведев М.В.</i> Участие 87-й гвардейской стрелковой дивизии в Миусской наступательной операции Южного фронта (17 июля – 2 августа 1943 г.)	123
<i>Байрамов Р.С.</i> Взаимодействие фронтов в ходе Курской битвы и освобождения Донбасса	129
<i>Киселёв И.В.</i> Морской десант в районе Голубицкой и Чайкино 25 сентября 1943 г.	134
<i>Медвенский Н.И.</i> Истребительные батальоны Абхазской АССР в Великой Отечественной войне	141
Раздел 3. Власть и общество в 1941–1945 гг.	
Военная экономика и культура	151
<i>Хатуев И.З.</i> Трудовой подвиг жителей Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны	151

<i>Печалова Л.В.</i> Вклад кооперации в организацию госпитальной работы в годы Великой Отечественной войны	159
<i>Сидоров С.Г.</i> Развитие сельского хозяйства Красноармейского района Сталинградской области в 1941–1943 гг.	164
<i>Исуфов Ш.В.</i> Отрасль хлопководства Кулябской области Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны	173
<i>Лысенко И.А.</i> Значение подсобных хозяйств потребительской кооперации для решения продовольственной проблемы населения в период Великой Отечественной войны	179
<i>Боголюбов А.А.</i> Социально-экономическая жизнь Пятигорска в годы Великой Отечественной войны: исторический очерк	186
<i>Головин Е.А.</i> О проблемах снабжения работников железных дорог южного направления на завершающем этапе Великой Отечественной войны	191
<i>Кальниченко В.Н.</i> Социальная и экономическая политика в Семикаракорском районе Ростовской области в 1943 г. (по материалам Семикаракорского муниципального архива).....	199
<i>Головина Е.Л.</i> Работа Сталинградского санитарно-бактериологического института в годы Великой Отечественной войны	205
<i>Линченко А.С.</i> Роль отделов рабочего снабжения и подсобных хозяйств машиностроительных предприятий Сталинграда в решении вопроса продовольственного обеспечения заводских коллективов в 1941–1953 гг.	214
<i>Попова А.А.</i> Библиотеки Ростова-на-Дону в годы Великой Отечественной войны	222
<i>Вычеров Д.А.</i> Детские игры во дворе в годы Великой Отечественной войны (на материале Тюмени).....	228
Раздел 4. Человек на войне. Фронтная повседневность.....	232
<i>Бондарев В.А.</i> О факторах добровольческого движения на Дону в годы Великой Отечественной войны	232

<i>Мамедова О.В.</i> Роль женщин Абхазии в Великой Отечественной войне	239
<i>Смирнов А.П.</i> Духоборы и молокане на службе Отечеству в годы Великой Отечественной войны и настоящее время...	243
<i>Васильев И.Ю.</i> Ленинградский район Краснодарского края в период Великой Отечественной войны: зарисовка эпохи ..	251
<i>Мерзляков М.П.</i> Великая Отечественная война в Раздорском районе Ростовской области (по материалам устно-исторических исследований)	257
<i>Лицарева А.Ф.</i> Выживание в оккупированных деревнях Смоленской и Калужской областей (на материале устных нарративов о Великой Отечественной войне).....	263
<i>Сорокина М.Ю.</i> Красное поколение белой эмиграции в Югославии: Илья Жеребков (1919–2011)	270
<i>Мартыненко Вер.Ю.</i> Воспитанники шахтинского аэроклуба – участники Великой Отечественной войны	279
<i>Бадугинова М.В.</i> Вернувшиеся с фронта: о судьбе братьев Зундугиновых.....	286
<i>Приходько С.А.</i> Новозыбковский стратег Василий Архипович Коровиков (к 125-летию со дня рождения)	295
<i>Камынин Е.В.</i> Из жизни Красной армии в Румынии в 1944–1945 гг. (на примере дневниковых записей командира огневого взвода Е.В. Бондарева)	304
Раздел 5. Оккупационный режим, коллаборационизм и сопротивление противнику	312
<i>Татаринов И.Е.</i> Преступления пособников немецко-фашистских оккупантов против мирного населения Ворошиловградской области в годы Великой Отечественной войны	312
<i>Татаров А.А.</i> К вопросу о судьбе горско-еврейской общины Кабардино-Балкарии в период нацистской оккупации 1942–1943 гг.....	321
<i>Хилькевич В.В.</i> К вопросу о судьбах сотрудников детских домов и воспитанников-евреев на Кубани в годы Великой Отечественной войны (1942–1943)	327

<i>Грибков И.В.</i> Под флагом Румынии: антисоветские формирования в составе румынских вооруженных сил.....	336
<i>Макарова Е.А.</i> Полтавская разведшкола абвера: функционирование и основное направление деятельности	342
<i>Яхутль Ю.А.</i> К вопросу о коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны	350
<i>Шпагин С.А.</i> Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны: к вопросу о классификации	357
<i>Иванов В.А., Щербакова В.Р.</i> Борьба подпольной организации Феодосии в 1941–1943 гг. по воспоминаниям чекиста Эдуарда Яновича Сизаса.....	363
<i>Сак К.В.</i> Женская повседневность симферопольского подполья (по материалам Комиссии И.И. Минца)	371
<i>Сивков С.М.</i> «Овод»: деятельность партизанского отряда ст. Смоленской Краснодарского края в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками в 1942–1943 гг.	380
<i>Стрекалова Е.Н.</i> Источниковая основа судебного процесса о признании геноцидом преступлений гитлеровцев и их пособников на территории Ставрополя в 1942–1943 гг. ...	385
 Раздел 6. Великая Отечественная война в пространстве памяти и культуры	395
<i>Коровин В.В.</i> Из истории создания мемориального комплекса «Курская битва»	395
<i>Попов А.Д., Попова Е.А.</i> «Необходимо восстановить как дань уважения к великому подвигу...»: письма о повышении символического статуса праздника Победы в личном архиве С.С. Смирнова	403
<i>Ремишевский К.И.</i> Вклад ростовских фронтовых кинодокументалистов в создание кинолетописи освобождения Беларуси.....	410
<i>Осмаев А.Д., Горюшина Е.М.</i> Великая Отечественная война в мемориальной культуре Чеченской Республики.....	420

<i>Горбатенко Е.А.</i> Исторический контекст памятника «Братская могила борцов за советскую власть, советских воинов и памятник односельчанам» (с. Успенка Амвросиевского района Донецкой Народной Республики)	429
<i>Плиева М.Г.</i> Сохранение исторической памяти о патриотизме и судьбе народов СССР в годы Великой Отечественной войны в живописи кавказских художников – преподавателей и выпускников Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина	433
<i>Кедрова И.В.</i> К вопросу о специфике военно-исторического туризма в Ростовской области	442
<i>Мартыненко Вик.Ю.</i> Война в воспоминаниях детей (на основе документов Центра хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области)	449
<i>Мосейчук Л.И., Шкут Е.В.</i> Воспоминания Леонида Александровича Борисоглебского об участии в Новогрудской подпольной организации.....	458
<i>Уханкина О.В.</i> Память о герое живет на Ростовской и Курской земле (к 100-летию со дня рождения Н.И. Гулимова)	464
<i>Борисевич Д.А.</i> Герой Советского Союза Яков Федотович Павлов в мемориальной культуре Новгородской земли	472
Сведения об авторах	479

TABLE OF CONTENTS

Foreword (Academician RAS Matishov, G.G.)	5
Chapter 1. New approaches to, assessments of and sources for the study of the Great Patriotic War.....	7
<i>Krinko, E.F.</i> Battles for the Don and Donbass regions in 1942–1943: stages and trends in the study.....	7
<i>Strel'nikov, M.A.</i> On the issue of periodization of the Great Patriotic War (the case of the Battle for Stalingrad).....	16
<i>Yakunin, V.N.</i> Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War: historiographical issues (the 1980s – the early 2000s)	19
<i>Khristoforov, V.S.</i> Soviet prisoners of war during the Great Patriotic War: specific features of the formation and storage of and search for documents.....	28
<i>Springer, O.A.</i> Post-war award sheets as a source of information about captivity (the case of the former prisoners of war at Stalag No. 386 in Shakhty)	35
<i>Reva, I.N.</i> Events of the Siege of Leningrad as described in the <i>Stavropolskaya Pravda</i> Newspaper issues of 1943–1944	42
<i>Aver'yanov, A.V.</i> Frontline letters from the Great Patriotic War as a historical source.....	46
<i>Bushuev, A.S.</i> Military memorials to the Great Patriotic War: from commemoration to modern study.....	52
<i>Sedakova, E.N.</i> Verification of data of buried soldiers of the Great Patriotic War (the case of Military Burial No. 61-1100/2014 at the Old Cemetery of Taganrog).....	58
<i>Zablotskiy, A.N., Larintsev, R.I.</i> Battles for Taganrog in October 1941 as described in the captured German documents from the foreign archives.....	68
Chapter 2. Hostilities on the southern flank of the Soviet-German confrontation	72
<i>Khubulova, S.A.</i> Self-defence groups in the local air raid protection system of Vladikavkaz in 1941–1942.....	72

<i>Lysenko, M.R.</i> Taganrog – Pokrovskoye Offensive Operation: the first assault on the Mius Front.....	80
<i>Afanasenko, V.I.</i> Hostilities of the Soviet aviation in the areas along the Southern Front in July 20–25, 1942	88
<i>Matiev, T.Kh.</i> Role of the armoured forces of the parties at the defensive stage of the Battle for the Caucasus (the case of the Malgobek Defensive Operation of 1942)	95
<i>Elbuzdukaeva, T.U.</i> Importance of Gudermes in defensive battles on the outskirts of Grozny: 1942.....	102
<i>Inyushev, K.S.</i> Hostilities on the South-Western Front during the Rostov Offensive Operation and Voroshilovgrad Offensive Operation in the winter of 1943	108
<i>Berezhanskaya, I.Yu.</i> Battle for Kursk in the documents of the Soviet military counterintelligence.....	116
<i>Medvedev, M.V.</i> Participation of the 87 th Guards Rifle Division in the Mius Offensive Operation of the Southern Front (July 17 – August 2, 1943).....	123
<i>Bayramov, R.S.</i> Interaction of fronts during the Battle for Kursk and the liberation of the Donbass	129
<i>Kiselev, I.V.</i> Amphibious landing in the area of Golubitskaya and Chaikino on September 25, 1943.....	134
<i>Medvenskiy, N.I.</i> Para-military extermination battalions of the Abkhazian Autonomous Soviet Socialist Republic in the Great Patriotic War.....	141
Chapter 3. Authorities and society in 1941–1945.	
War economy and culture.....	151
<i>Khatuev, I.Z.</i> Labour feat of the residents of Checheno-Ingushetia during the Great Patriotic War	151
<i>Pechalova, L.V.</i> Contribution of co-operative units to the organization of hospital welfare during the Great Patriotic War	159
<i>Sidorov, S.G.</i> Development of agriculture in Krasnoarmeyskiy District of the Stalingrad Region in 1941–1943	164

<i>Isufov, Sh. V.</i> Cotton growing industry of the Kulyab Region of the Tajik SSR during the Great Patriotic War	173
<i>Lysenko, I. A.</i> Importance of subsidiary farms of consumer co-operation system units for solving the population food supply problem during the Great Patriotic War	179
<i>Bogolyubov, A. A.</i> Socio-economic life of Pyatigorsk during the Great Patriotic War: a historical outline.....	186
<i>Golovin, E. A.</i> On the problems of supplying workers of the southern railways at the final stage of the Great Patriotic War	191
<i>Kal'nichenko, V. N.</i> Social and economic policy in Semikarakorskiy District of the Rostov Region in 1943 (based on materials from the Semikarakorskiy Municipal Archive)	199
<i>Golovina, E. L.</i> Activities of Stalingrad Sanitary and Bacteriological Institute during the Great Patriotic War	205
<i>Linchenko, A. S.</i> Role of labour supply departments and subsidiary farms of machine-building enterprises of Stalingrad in resolving the issue of food supply for factory staffs in 1941–1953.....	214
<i>Popova, A. A.</i> Libraries of Rostov-on-Don during the Great Patriotic War	222
<i>Vycherov, D. A.</i> Children's games in the yard during the Great Patriotic War (the case of Tyumen)	228
Chapter 4. Man at war. Frontline everyday life	232
<i>Bondarev, V. A.</i> On the factors of the volunteer movement in the Don Region during the Great Patriotic War	232
<i>Mamedova, O. V.</i> Role of the women of Abkhazia in the Great Patriotic War.....	239
<i>Smirnov, A. P.</i> Doukhobors and the Molokans in the service of the Fatherland during the Great Patriotic War and the present time.	243
<i>Vasilyev, I. Yu.</i> Leningradskiy District of the Krasnodar Territory (Krai) (Krai) during the Great Patriotic War: a sketch of the epoch	251
<i>Merzlyakov, M. P.</i> Great Patriotic War in Razdorskiy District of the Rostov Region (based on oral historical research materials)	257

<i>Litsareva, A.F.</i> Survival in the occupied villages of Smolensk and Kaluga Regions (based on oral narratives about the Great Patriotic War).....	263
<i>Sorokina, M. Yu.</i> Red generation of the White émigré in Yugoslavia: Ilya Zherebkov (1919–2011)	270
<i>Martynenko, Ver. Yu.</i> Pupils of the Shakhty Flying Club as participants of the Great Patriotic War	279
<i>Baduginova, M. V.</i> Those who returned from the front: on the life of the brothers Zunduginov	286
<i>Prikhod'ko, S.A.</i> Strategist from Novozybkov, Vasily Arkhipovich Korovikov (on the 125 th anniversary of his birth)	295
<i>Kamynin, E. V.</i> From the life of the Red Army in Romania in 1944–1945 (the case of diary entries of Firing Platoon Commander E.V. Bondarev)	304
Chapter 5. Occupation regime, collaborationism, and resistance to the enemy	312
<i>Tatarinov, I.E.</i> Crimes of accomplices of the Nazi occupiers against the civilian population of the Voroshilovgrad Region during the Great Patriotic War	312
<i>Tatarov, A.A.</i> On the issue of the fate of the Mountain Jewes community of Kabardino-Balkaria during the Nazi occupation of 1942–1943.....	321
<i>Khil'kevich, V.V.</i> On the issue of the fate of the orphanage Jewish employees and pupils in the Kuban Region during the Great Patriotic War (1942–1943)	327
<i>Gribkov, I. V.</i> Under the flag of Romania: anti-Soviet formations within the Romanian armed forces.....	336
<i>Makarova, E.A.</i> Abwehr Reconnaissance and Sabotage School in Poltava: functioning and the main area of activity	342
<i>Yakhutl, Yu.A.</i> On the issue of collaborationism during the Great Patriotic War	350
<i>Shpagin, S.A.</i> Collaborationism during the Great Patriotic War: on the issue of classification	357

<i>Ivanov, V.A., Shcherbakova, V.R.</i> Struggle of the underground organization of Feodosia in 1941–1943 according to the memoirs of the NKVD officer, Eduard Yanovich Sizas	363
<i>Sak, K.V.</i> Women's everyday life of the Simferopol underground (based on the I.I. Mints Commission materials)	371
<i>Sivkov, S.M.</i> 'Gadfly': the activities of the Smolenskaya Partisan Detachment of the Krasnodar Territory (Krai) during the period of occupation by the Nazi invaders in 1942–1943.....	380
<i>Strekalova, E.N.</i> Source basis of the trial to recognize the crimes of the Nazis and their accomplices on the territory of the Stavropol Territory (Krai) in 1942–1943 as the genocide ...	385
 Chapter 6. The Great Patriotic War in the space of memory and culture.....	395
<i>Korovin, V.V.</i> From the history of the creation of the Battle for Kursk Memorial Complex	395
<i>Popov, A.D., Popova, E.A.</i> 'It is necessary to restore it as a tribute to the great feat...': letters about increasing the symbolic status of the Victory Day in the personal archive of S.S. Smirnov	403
<i>Remishevsky, K.I.</i> Contribution of Rostov frontline documentary filmmakers to the creation of a film chronicle of the liberation of Belarus	410
<i>Osmaev, A.D., Goryushina, E.M.</i> Great Patriotic War in the memorial culture of the Chechen Republic	420
<i>Gorbatenko, E.A.</i> Historical context of the monument 'The Mass Grave of Fighters for Soviet Power, Soviet Soldiers and a Monument to Fellow Villagers' (Village of Uspenka, Amvrosievskiy District, Donetsk People's Republic)	429
<i>Plieva, M.G.</i> Preservation of the historical memory about the patriotism and the fate of the peoples of the USSR during the Great Patriotic War in the paintings of the Caucasian artists – teachers and graduates of the Saint Petersburg Academy of Arts	433

<i>Kedrova, I.V.</i> On the issue of the specifics of military-historical tourism in the Rostov Region	442
<i>Martynenko, Vik. Yu.</i> War in the memories of children (based on documents from the Centre for the Storage of Archival Documents in Shakhty, Rostov Region).....	449
<i>Moseychuk, L.I., Shkut, E. V.</i> Memoirs of Leonid Aleksandrovich Borisoglebsky about his participation in the Novogradok Underground Organization.....	458
<i>Ukhankina, O. V.</i> Memory of the hero lives in Rostov and Kursk regions (on the 100 th anniversary of the birth of N.I. Gulimov) ..	464
<i>Borisevich, D.A.</i> Hero of the Soviet Union, Yakov Fedotovitch Pavlov in the memorial culture of the Novgorod Region	472
Information about the authors	479

Научное издание

**Великая Отечественная война
в истории и памяти народов Юга России:
события, участники, символы**

Материалы V Всероссийской научной конференции
с международным участием
(г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 г.)

Корректоры: Н.А. Власкина, Т.Е. Гревцова
Редактор текста на английском языке Р.Г. Михалюк
Оригинал-макет Н.А. Власкиной
Обложка А.В. Коржова

Подписано в печать 20.05.2024
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 28,83. Тираж 150 экз.
Заказ № 9518

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной
продукции Издательско-полиграфического комплекса Коммуникативно-
информационного библиотечно-издательского медиацентра Южного
федерального университета

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1
Тел. (863) 243-41-66